

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№4–2 2024 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

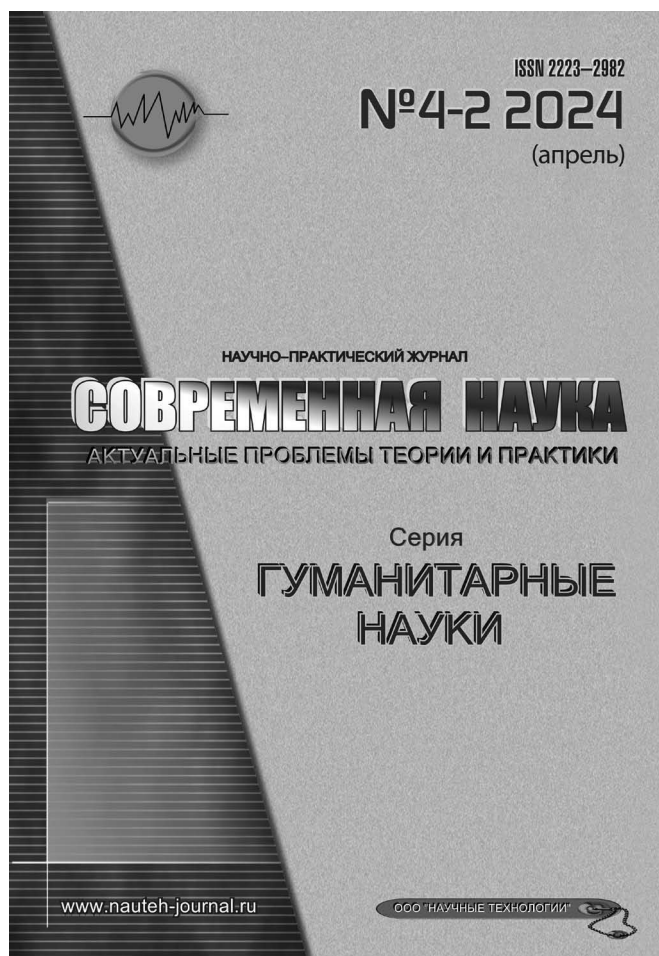
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №4-2 (апрель) 2024 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 16.04.2024 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Зуев А.В. – Мореходное образование на страницах российской периодической печати во второй половине XIX века

Zuev A. – Navigating education on the pages of Russian periodical press in the second half of the 19th century 8

Каримов Т.Т. – Исянский аймак Абдалбинской тубы Ирехтинской поземельной волости (по документу 1825 г.)

Karimov T. – Isyan aimak of the Abdalbin tuba of the Irekhti land volost (according to the document of 1825) 12

Каримов Т.Т. – Гарейская поземельная волость Уфимского уезда в первой четверти XVIII в.

Karimov T. – Gareyskaya land volost of the Ufa uyezd in the first quarter of the 18th century 16

Кондалова Н.А. – Военная повседневность провинциального города Российской империи в первой половине XIX в. (на материалах Пензенской губернии)

Kondalova N. – Military everyday life of the provincial city of the Russian empire in the first half of the 19th century (on the materials of Penza province) 20

Лаврова И.А. – Основные тенденции и специфика развития культуры Московского государства в XVI веке

Lavrova I. – Major trends and the development of culture of the Moscow state in the XVI century .. 27

Леонова С.Л. – Издательско-просветительская деятельность военно-промышленных комитетов в годы Первой мировой войны (1915–1917 гг.)

Leonova S. – Publishing and educational activities of military-industrial committees during the First World War (1915–1917) 31

Сотников А.А. – Особенности эволюции и реформирования судебной системы Российской империи в условиях русско-японской войны 1904–1905 гг. и первой русской революции 1905–1907 гг.
Sotnikov A. – Russian Russian Empire's judicial System evolution and Reform in the context of the Russo-Japanese War of 1904-1905 and the First Russian Revolution of 1905-1907 36

Педагогика

Абдурахманов Х.-Б.А. – Проблема организации научно-исследовательской работы обучающихся в колледже: генезис и современное состояние
Abdurakhmanov H.-B. – The problem of organizing research work of students in college: genesis and current state 40

Виноградова Д.С. – Стихосложение как способ обучения английскому языку
Vinogradova D. – Teaching English through poetry 49

Гао Юань – Пойти против течения: внутренняя мотивация и утилитаризм в музыкальном образовании Китая
Gao Yuan – Going against the tide: intrinsic motivation and utilitarianism in Chinese music. 54

Денек М.В. – Формирование иноязычной межкультурной компетенции обучающихся в условиях цифровизации образования
Deneko M. – Formation of foreign language intercultural competence of students in the conditions of digitalization of education 58

Ишаева О.В., Петренко Т.В. – Формирование социокультурных и социолингвистических компетенций студентов в контексте междисциплинарного подхода
Ishaeva O., Petrenko T. – Formation of socio-cultural and sociolinguistic competencies of students in the context of an interdisciplinary approach 62

Купцова С.А. – Возможности использования здоровьесберегающих технологий во внеурочной деятельности в образовательном учреждении в первичной профилактике употребления психоактивных веществ у подростков <i>Kuptsova S.</i> – Possibilities of using health-saving technologies in extracurricular activities in educational institutions in the primary prevention of substance use among adolescents 66	Фурсина А.Б., Кооль О.А., Муллинова Т.А. – Эффективность использования рабочей тетради по дисциплине «материаловедение» при обучении иностранных военнослужащих <i>Fursina A., Kool O., Mullinova T.</i> – Experience of application of the workbook on the discipline "material science" in training foreign military personnel. 90
Панкова Т.Н., Герасимова О.Ю., Беляева Ю.А., Гончарова О.В., Дмитриева Е.В. – Обзор концептуальных исследований в поле профессиональной цифровой компетентности современных преподавателей <i>Pankova T., Gerasimova O., Beliaeva I., Goncharova O., Dmitrieva E.</i> – A review of conceptual researches in the field of professional digital competence of modern educators 70	Хаджимурадова А.В. – Трансформация функций учителя в условиях цифрового общества: анализ состояния проблемы <i>Khadzhimuradova A.</i> – Transformation of teacher functions in the conditions of the digital society: analysis of the state of the problem. 96
Поздняков В.Н. – Формирование профессионально-логистической компетентности специалистов государственного материального резерва в системе дополнительного профессионального образования <i>Pozdnyakov V.</i> – Formation of professional and logistics competence of specialists of the state material reserve in the system of additional professional education 75	Филология
Рябова Т.В. – Социально-культурные практики продвижения среди молодежи ценностей здорового образа жизни <i>Ryabova T.</i> – Socio-cultural practices of promoting healthy lifestyle values among young people 78	Абдина Р.П., Киштеева О.В. – Наименования хакасских традиционных мер длины и особенности их использование при пошиве традиционной одежды <i>Abdina R., Kishteeva O.</i> – Names of Khakass traditional length measures and features of their use in sewing traditional clothes. 105
Тимофеева Т.В. – Использование ресурсов сети интернет на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе <i>Timofeeva T.</i> – Using of internet resources in foreign language classes at a non-linguistic university 83	Абдуллина Л.Р., Лукина М.С., Оксюзян Д.А. – Вклинивание как способ расширения компонентного состава фразеологических единиц во французском газетном дискурсе <i>Abdullina L., Lukina M., Oksuzyan D.</i> – Wedging as a way to expand the component structure of phraseological units in French newspaper discourse 110
Тюрина Т.В. – Изучение анатомической терминологии на занятиях по латинскому языку в медицинском вузе <i>Tyurina T.</i> – Studying anatomical terminology in Latin classes at medical university. 86	Аржанников М.Ю. – Структурная деканонизация текста немецкой притчи XX века (на примере парабол Б. Брехта «Herr keuner und die flut» и «die frage, ob es einen gott gibt») <i>Arzhannikov M.</i> – Structural decanonization of German parables of the XX century (on the example of B. Brecht's parables "Herr keuner und die flut" and "die frage, ob es einen gott gibt") 113

- Атаманова Н.В., Фёдорова Т.В., Распопова Т.А.** – Лексико-стилистические средства создания портретных характеристик в художественном тексте (на примере сказок В. Гауфа)
Atamanova N., Fedorova T., Rasporova T. – Lexical and stylistic means of creating portrait characteristics in a literary text (using the example of V. Gauf's fairy tales)117
- Балакин С.В.** – Неличные формы глагола как результат концептуализация макро- и микрособытия (на примере французского, испанского и португальского языков)
Balakin S. – Non-finite verb forms as the result of conceptualization of micro and macro events (the case of French, Spanish and Portuguese)121
- Ван Шоин** – Значение и употребление слова пенсия и его дериватов (пенсионер(ка), предпенсионер, пенсионный) в современном русском языке
Wang Shuoying – The meaning and use of the word pension and its derivatives (pensioner(s), pre-retirement, pension) in modern Russian language125
- Гаврилова А.А.** – Лирика Андрея Винокурова в Саратове в 1920-х гг
Gavrilova A. – Lyrics by Andrey Vinokurov in Saratov in the 1920s132
- Голик Н.А., Агоева М.М., Климова Н.Ю.** – Изменения в лексической семантике слов в английском языке с позиции когнитивной лингвистики
Golik N., Agoeva M., Klimova N. – Changes in the lexical semantics of words in the English language from the perspective of cognitive linguistics136
- Голик Н.А., Агоева М.М., Климова Н.Ю.** – Модели аффиксального словообразования в развитии лексической системы и репрезентации нового экстралингвистического опыта в английском языке
Golik N., Agoeva M., Klimova N. – Models of affixal word formation in the development of the lexical system and the representation of new extralinguistic experience in the English language139
- Гузнова А.В., Мартьянычев А.В.** – Паремии тематической группы «бережливость» и бережливые технологии в современном образовании
Guznova A., Martyanichev A. – Proverbs from the thematic group "frugality" and lean technologies in modern education143
- Гэ Гэнь** – Сравнительное и оценочное значение тавтологий в русском и китайском языках
Ge Gen – Comparative and evaluative meanings in Russian and Chinese tautologies148
- Дегтярева Н.В., Кресова А.А., Кресова Н.С., Прудникова М.Э.** – Осмысление понятия толерантности в языковом сознании
Degtyarova N., Kresova A., Kresova N., Prudnikova M. – Understanding the concept of tolerance in language consciousness154
- Кликушина Т.Г., Щитова Н.Г.** – Особенности имен числительных в названиях музыкальных групп и художественных произведений
Klikushina T., Shchitova N. – Features of numerals in the names of musical bands and books160
- Конченко Т.В.** – Жанрово-стилистические аспекты применения лексикализованной предложно-падежной словоформы гибридного типа "в массе (своей)"
Konchenko T. – Genre-stylistic aspects of the use of lexicalized prepositional-case word forms of the hybrid type "in the mass (of one's own)165
- Крепкогорская Е.В., Валева Р.З., Ситдикова Г.Р.** – Сопоставительное исследование фразеологических единиц, связанных с финансами в английском и русском языках
Krepkogorskaya E., Valeeva R., Sitdikova G. – Comparative research of phraseological units related to finance in English and Russian languages171
- Кузнецова Е.М.** – Функции ономастопозитических слов в японской разговорной речи
Kuznetsova E. – Functions of onomatopoeia in Japanese colloquial speech174

- Ларионова В.А., Малая О.Г.** – Технологии PR-продвижения в музыкальной индустрии
Larionova V., Malaya O. – PR promotion technologies in the music industry.....178
- Латыпова И.А.** – Соотносительные типы фразеологических единиц тематической группы соматизмов в русском и татарском языках
Latypova I. – Relative types of phraseological units of the thematic group of somatisms in the Russian and Tatar languages.....182
- Ли Цзяни** – СМИ и культурная стратегия Коммунистической партии Китая: традиционная культура и современные ценности
Li Jiani – Media and Cultural strategy of the Chinese Communist Party: traditional culture and modern values187
- Малкандуева А.Х., Хамурзова А.Г., Эржибова Ф.А.** – Вопросы десемантизации знаменательных слов как одного из способов формирования служебности языковых единиц
Malkandueva A., Khamurzova A., Erzhibova F. – Issues of desemantization of significant words as one of the ways of forming the functionality of linguistic units.....192
- Немтинова А.В.** – Родовые наименования в составе урбанонимов Макао
Nemtinova A. – Generic names in the urbanonyms of Macau195
- Нестерова А.М.** – Способы репрезентации эмоции «страх» в художественном тексте (на примере рассказа В. Ирвинга «The Sleppy Hollow») *Nesterova A.* – Ways of representing the emotion of "fear" in a literary text (using the example of V. Irving's short story "The Sleppy Hollow"198
- Пупырева С.О.** – Метафоры в политической риторике испанских лидеров
Puypureva S. – Metaphors in the political rhetoric of Spanish leaders203
- Равочкин Н.Н.** – Потенциал инструментария нейромаркетинга в формировании и продвижении медиасреды современного университета
Ravochkin N. – The potential of neuromarketing tools in the formation and promotion of the media environment of a modern university.....206
- Рябцева М.А.** – Ещё раз о лингвистических трудностях перевода поэзии с английского на русский язык (на примере студенческого конкурса перевода "Verbum Verum-2022")
Ryabtseva M. – Once again about the linguistic difficulties of poetic translation from English into Russian (using the example of the student translation competition "Verbum Verum-2022")212
- Су Кэ** – Эстетическое осмысление проблемы смерти и бессмертия в лирике М.Ю. Лермонтова
Su Ke – Aesthetic understanding of the problem of death and immortality in the lyrics of M. Lermontov.....217
- Чанг Джуй Ченг** – Метафорическая модель "развитие страны – это путь" в политическом дискурсе (на материале обращения Цай ин-Вэнь по случаю дня двух десятков 2023 г. и его официальных переводов на русский и английский языки)
Chang Jui-Cheng – The metaphorical model "the development of the country is a path" in political discourse (on the material of Tsai ing-Wen's address on the occasion of double tenth day in 2023 and its translation in Russian and English).....220
- Чжао Дунъян** – Медиаобраз Китая в российской периодике XIX века (на примере журнала "Библиотека для чтения" (1834–1848).)
Zhao Dongyang – Media image of China in the Russian periodicals of the 19th century (based on the example of the magazine "Biblioteka dlya chteniya" in 1834–1848).....226
- Чжао Цзяньчан, Линь Сяоин** – Сравнительный анализ лакун в символических значениях растений в китайской и русской лингвокультурах
Zhao J., Lin X. – Comparative analysis of gaps in the symbolic meanings of plants in Chinese and Russian linguocultures230

Юсипова Д.Б. – Структурно-семантические особенности лексических субституций в заголовках русско- и англоязычных СМИ
Yusipova D. – Structural and semantic features of lexical substitutions in headlines of Russian- and English-language Media.236

Ягенич Л.В. – К вопросу изучения эпонимов в английской неврологической терминологии
Yagenich L. – To the question about eponyms in english neurological terminology.240

Информация

Наши авторы. Our Authors.245

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.247

МОРЕХОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Зуев Андрей Вячеславович

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры частного права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова
univerandrey@mail.ru*

NAVIGATING EDUCATION ON THE PAGES OF RUSSIAN PERIODICAL PRESS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

A. Zuev

Summary: The article provides an analysis of periodicals of the second half of the 19th century, dedicated to maritime education. The development of the merchant fleet of post-reform Russia required qualified personnel to operate marine equipment that was complex for that time. The question arose about a radical reorganization of the personnel training system for the merchant fleet. The pages of publications published the opinions of both numerous supporters and opponents of the created nautical classes. Their disputes touched on almost all problems related to the training of future sailors. It was concluded that, despite the huge layer of existing problems, most authors believed that nautical classes contributed to the dissemination of basic general educational and nautical knowledge among merchant seamen.

Keywords: nautical education, nautical classes, merchant fleet, merchant shipping, skipper, maritime affairs, literacy, training program, periodicals.

Аннотация: В статье приводится анализ периодической печати второй половины XIX века, посвященный мореходному образованию. Развитие торгового флота пореформенной России потребовало квалифицированных кадров для эксплуатации сложной для того времени судовой техники. Встал вопрос о коренной реорганизации системы подготовки кадров для торгового флота. На страницах изданий публиковались мнения, как многочисленных сторонников, так и противников созданных мореходных классов. Их споры касались практически всех проблем, связанных с обучением будущих моряков. Сделан вывод, что, несмотря на огромный пласт существовавших проблем, большинство авторов полагали, что мореходные классы содействовали распространению элементарных общеобразовательных и мореходных знаний среди моряков торгового флота.

Ключевые слова: мореходное образование, мореходные классы, торговый флот, торговое мореплавание, шкипер, морское дело, грамотность, программа обучения, периодическая печать.

Развитие торгового флота пореформенной России потребовало квалифицированных кадров для эксплуатации сложной для того времени судовой техники. Встал вопрос о коренной реорганизации системы подготовки кадров для торгового флота. Понимая значение решения данной проблемы, император Александр II утвердил 27 июня 1867 г. «Положение о мореходных классах», «Правила о порядке признания шкиперов и штурманов в сих званиях» и «Правила для производства испытаний на звание шкипера и штурмана». Вместе с Положением о мореходных классах Александр II утвердил также мнение Государственного Совета «О преобразовании учебных заведений по части торгового мореплавания».

Положение о мореходных классах определило характер учебных заведений для подготовки судоводителей торгового флота [4, с. 153].

Почти сразу развернулась полемика на страницах периодической печати между сторонниками и противниками созданных мореходных классов. В рамках дискуссии возникли споры, в том числе, по поводу необходимости «закрытости» самих учебных заведений, которые, «упрощая собственно воспитательные задачи,

поддерживали бы дисциплину и строгую исполнительность, так необходимые в морской деятельности в приложении к функциям судовой службы» [3, с. 11].

Противники мореходных классов считали, что даже в бывших училищах торгового мореплавания, «помимо обширной общей и специальный программы, преподавались иностранные языки: в Кронштадте – английский, немецкий и французский, а в Херсоне – французский, греческий, итальянский и турецкий. Это, в конце концов, «позволяло морякам вести за границей непосредственно, без участия переводчиков и консулов, все судовые дела и знакомиться с морской иностранной литературой по первоисточникам». По словам члена общества для содействия русскому торговому мореходству Н.П. Боголюбова «иностранные языки вовсе не преподаются» [1, с. 35].

Не менее важным преимуществом училищ торгового мореплавания «перед современными мореходными классами было и то обстоятельство, что воспитанники их отправлялись летом в дальние плавания на парусных судах и получали вполне серьезную подготовку, превращавшую их на всю жизнь в опытных, знающих моряков–кораблеводцев». Таким образом, чем скорее будут

«реформированы существующие мореходные классы и заменены учебными заведениями предлагаемого нами типа, тем лучше для морского дела и увеличивающихся из года в год пароходных обществ и компаний».

Автор многочисленных статей по вопросам торгового мореходства П.В. Нагорский считал, что «нельзя упускать, однако, из виду, что способствуя развитию нашего мореходства и желая дать русскому моряку полное образование, необходимо облегчить для него возможность получения званий штурмана и шкипера дальнего плавания. Но существующие классы дают только элементарную подготовку к морскому делу и, по ограниченным средствам, не могут расширить программу специальных наук и изменить, в лучшей степени, метод преподавания, вследствие чего, выпускным приходится пополнять знания частными, домашними занятиями, что, конечно, не всякому доступно, так как сопряжено с порядочными расходами. Между тем, развитие парового флота и усовершенствование мореплавания требуют штурманов и шкиперов высшего разряда. Поэтому, есть полное основание желать организовать в России 3—4 штурманские училища на таких началах, чтобы оканчивающие курс владели всеми, наиболее обширными сведениями штурмана дальнего плавания» [5, с. 119].

В статье В.Е. Белявского, посвященной мореходному образованию, ссылаясь на «самого горячего сторонника, устроителя существующих мореходных классов г. Вальдемара» говорил, что «в ныне существующих мореходных классах предметы» преподаются учащимся «в весьма неудовлетворительном виде». Причина тому, что по этим важным предметам экзамены даже не производятся, двоякая: во 1-х, у нас чрезвычайно трудно составить испытательные комиссии из лиц хорошо знакомых с упомянутыми предметами, так как, исключая нескольких портов Балтийского моря, почти не имеется судов дальнего плавания; во 2-х, большинство преподавателей мореходных классов и все председатели в испытательных комиссиях состоят из офицеров военного флота, никогда не имевших практики в командовании коммерческими судами дальнего плавания, так что они остались совершенно чужды этих предметов»... «Словом, нынешние мореходные классы неудовлетворительны: не из кого даже составить экзаменационные комиссии; нет учителей. Это говорить сам г. Вальдемар. И это после 20-летнего существования мореходных классов» [1, с. 35].

Все тот же Х. Вальдемар, полагал при этом, что требуется «...только улучшения в преподавании практических знаний по торговле и юридическим, или, верные, обычных приемов при заключении условий о фрахте, бодмерей, страховании и проч., практикующихся в иностранных портах».

Некоторые полагали, что если бы эти классы пред-

ставляли собою только школы грамотности для моряков, то и «в таком случае их не следует закрывать». При этом Нагорский П.В. небезосновательно доказывал, что отказываться от мореходных классов не стоит. В частности, он считал, что «что бы ни говорили против этих школ, но очевидна их польза, хотя бы только в смысле распространения грамотности. Не менее очевидно, что с каждым годом все более растет контингент молодых людей, готовых посвятить свои силы службе торговому флоту, который не может быть, поэтому остановлен в своем развитии, вследствие недостатка в штурманах» [5, с. 119].

Сходную мысль высказывает и В.Е. Белявский, который утверждал, что «грамотность в России явление настолько еще редкое, что надо не закрывать школы, а всеми силами стараться распространять их. Закрывать недолго, а открывать весьма трудно» [1, с. 38]. При этом «для каждого матроса грамотность не только полезна, она необходима: только с помощью ее он может успешно и толково знакомиться со специальными сведениями морского дела... Существующие мореходные классы необходимо поставить так, чтобы они составляли естественный переход в высшие морские училища, если таковые будут учреждены» [1, с. 39].

Следует отметить, что большинство специалистов, представляющих морскую общественность, склонялось к мысли о скорейшем упразднении «мореходных классов и учреждения, вместо них, высших школ».

Серьезные дискуссии разгорелись относительно реализации принятых законов о мореходном образовании. В частности, Небольсин А.Г. писал, что мореходные классы «не внушали особого доверия судовладельцам, так как в эти классы стали поступать, – кроме лиц, с детства привыкших к морю и практически знакомых с мореходным промыслом, как то предполагалось по основной идее положения 1867 года, – также и дети мещан, ремесленников и других городских жителей, с мореходным промыслом ничего общего не имевшие и привлекаемые в классы лишь бесплатным обучением и льготами по воинской повинности» [6, с. 174 –175]. Однако «потребность образования в России, несомненно, растет с каждым годом, вследствие чего, уже, мы видим, что где бы ни открылся мореходный класс, он тотчас же наполняется учениками» [5, с. 118]. По словам «г. Боголюбова, наплыв учеников в мореходные классы так велик, что превышает местную потребность. Объясняется это отчасти тем, что в мореходные классы поступают более для того, чтобы избавиться от всеобщей воинской повинности...» [1, с. 35].

Были претензии у современников и к самим программам обучения. В результате, «на основании опыта и наблюдений над моряками в южных морях; но следует полагать, что и на севере должны быть те же явления и

тождественные факты... необходимо обратить самое серьезное внимание на программу экзамена на штурмана и шкипера». Современник писал, что «изучать теорию кораблестроения – напрасная трата времени для моряка, в ущерб прямому его делу... То же самое следует сказать относительно механики. Для шкипера достаточно уметь управлять машиной...» Что касается иностранных языков, то «следовало бы ограничиться чтением и письмом... и знанием слов и фраз по рекомендованному простейшему методу. Это было бы достаточным вспомогательным средством моряку для практического усвоения иностранного языка... Даже по математике можно было бы сократить многое неприменяемое на практике» [5, с. 117].

При этом экзамены на штурмана и шкипера дальнего плавания почти ничем не отличались между собой, – «в теоретической части, программа одна. Было бы полезнее требовать, от желающего экзаменоваться на шкипера дальнего плавания, документ о выдержании своевременно экзамена на штурмана и свидетельство о плавании в этой должности установленного срока, подвергая его затем испытанию по мореходной практике и законоведению. Словом, следовало бы поставить вопрос на ту почву, на которой видно было бы практического моряка, – не обременяя его школьными знаниями, однажды проверенными, согласно установленной законодателем программе» [5, с. 118].

Возникали возражения со стороны судовладельцев по поводу поступления в мореходные классы слишком молодых людей и «молодости лиц, имеющих дипломы на звание судоводителей» [8, л. 25]. Так, в частности, 12 мая 1875 года общее собрание Петербургского отдела Общества для содействия русскому торговому мореходству слушало, в том числе, доклад члена общества П.С. Смирнова, шкипера дальнего плавания, окончившего курс в Кемском шкиперском училище. Обсуждая данный доклад Х. Вальдемар заметил, что поступление в классы слишком молодых людей (12 лет) производит то, что они, выходя из школы до получения права на звание шкипера или штурмана, даваемого по закону лицам, достигшим только совершеннолетия, забывают все пройденное в школе [7, с. 463].

Существовали определенные проблемы как у учеников «нынешних классов», которых в летние месяцы распускали, чтобы они возвратились «с свидетельством совершенных ими морских плаваний», так и у воспитанников, выдержавших «экзамен в классах» и прослушавших курс по программе на штурмана дальнего или каботажного плавания следующего плана [2, с. 39]. По свидетельству П.В. Нагорского, испытав лишения и даже «нищету, поступают они кто к греку, кто к славянину, иной к немцу, итальянцу... — на пароходах, либо на парусных судах, — юнгами или матросами». Однако в лучшем случае они исполняют «тяжелую и мелкую работы, ... но

преимущественно несут чисто лакейские обязанности» и «не имеют никакой физической возможности сосредоточиться в морской практике» [2, с. 40].

Таким образом, у учеников мореходных классов возникал вопрос «где найти практику?» [2, с. 40]. Сначала правительство требовало, чтобы штурманские ученики торгового мореплавания отправлялись для прохождения практики на военные корабли и транспортные суда, а после севастьяпольской войны, выдавалось даже денежное пособие для найма частных судов, на которые ученики назначались группами для практики, под руководством наиболее «сведущего и благонаправленного ученика старшего класса» [2, с. 40].

Согласно утвержденным Министерством финансов уставам, каждое торговое судно при выходе в рейс должно было брать по одному воспитаннику «с производством им от себя приличного содержания - для усовершенствования их в мореходстве, на пользу российской торговли» [2, с. 41].

Однако, по свидетельству современника можно утверждать, что «к сожалению, многие из них не находят на русских судах и матросских мест, отчасти потому, что русских судов мало, отчасти и потому, что на русских судах дальнего плавания шкипера и даже вся команда, как об этом свидетельствуют, из немцев, отчасти же – по неопытности и по совершенному отсутствию какой бы то ни было заботы, с чьей бы то ни было стороны, о доставлении учащимся морякам практических морских знаний... при таком положении дела неудивительно, что по окончании классных занятий, и ученики, и окончившие курс занимаются практикой, бегая по иностранным агентствам и конторам, по пристаням да по рыбным рядам в Кронштадте, для отыскания мест матросов на каком-нибудь из иностранных судов дальнего плавания» [1, с. 30-31]. В качестве мер, которые могли бы исправить ситуацию, предлагалось «мореходному обществу изыскать средства и построить судно по всем правилам коммерческого кораблестроения, на котором ученики мореходных классов отправлялись бы в практическое плавание под руководством шкипера и штурмана, отлично знакомого, как с теорией, так и с практикой морского дела» [5, с. 121].

Лишь в 1899 г. Одесскому училищу впервые был передан приобретенный в Англии учебный клипер «Великая княжна Мария Николаевна», командирами которого были опытные моряки П.З. Балк и Д.А. Лухманов [2, с. 41].

Таким образом, чтобы получить диплом моряку приходилось проходить серьезные испытания. При этом не всем это удавалось. Современник описывает следующий случай, произошедший с одним моряком «с правительственным дипломом в руках» ...уже штурмана каботажного плавания, искавшего весною места матроса на ино-

странном судне. Выдержав правительственный экзамен на штурмана каботажного плавания, моряк плавал в Тихом океане матросом, штурманом и, наконец, помощником капитана на одном из пароходов Добровольного флота; «но должен был оставить это место, чтобы явиться к правительственному экзамену, на котором имел несчастье обрезать на периодических дробях из арифметики, не просмотрев, да и не думая просматривать их для экзамена на штурмана дальнего плавания, требующего знания астрономии и других предметов согласно программ. Но экзаменаторы – учителя гимназии и директор народных училищ министерства народного просвещения – придали больше значения периодическим дробям, а председатель комиссии, хотя и моряк, нашел возможным прийти к заключению, что хотя с одной стороны с этим и нельзя согласиться, но с другой, «нельзя не признать, что в программе сказано – требуется знание «и всего предыдущего». По словам современника, он приводит «этот случай только для того, чтобы показать – в какое неправильное положение ставится обучение и определение познаний наших моряков, при отсутствии специалистов торгового морского дела» [1, с. 31–32].

Наконец, во многих случаях, особенно на судах каботажных и прибрежного плавания, перевозящих небольшое количество груза, шкиперами являлись сами судовладельцы, «доверявшие своей опытности более, нежели наемному шкиперу и часто лишённые возможности уделять из своего заработка часть на уплату жалованья экзаменованному штурману» [3, с. 12].

В результате, на Черном и Азовском морях, а в особенности на Каспийском море, «весьма часто управляют

судами люди совершенно неграмотные, лишь на практике усвоившие некоторые познания о судовождении» [3, с. 12]. Вследствие этого обстоятельства отмечается огромное количество аварийных случаев с торговыми судами. Так, в частности, в № 10 «Кронштадтского Вестника», помещено письмо из Баку, в котором описано крушение одной коммерческой шхуны, ставшей 24 декабря 1875 года на каменный риф близ Карабугазского пролива. Случай этот произошел «из-за неумелости наших коммерческих мореплавателей управляться с судами, и в большинстве не имеющих понятий о навигации и даже плохо знакомых с употреблением карт и компаса» [9, с. 218].

Исследования, проведенные Русским обществом пароходства и торговли, показывали, что к 25 – летию своего существования море-ходные классы достигли весьма посредственных успехов и не смогли выполнить своей главной задачи – сделать моряков–практиков дипломированными судоводителями [3, с. 13].

Анализ периодической печати второй половины XIX века, показывал присутствие различных точек зрения на развитие мореходного образования в России. На страницах изданий публиковались мнения, как многочисленных сторонников, так и противников созданных мореходных классов. Их споры касались практически всех проблем, связанных с обучением будущих моряков. Тем не менее, большинство авторов полагали, что, несмотря на огромный пласт существовавших проблем, мореходные классы содействовали распространению элементарных общеобразовательных и мореходных знаний среди моряков торгового флота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белявский В.Е. «О мореходных классах» // Ежемесячный журнал «Русское судоходство торговое и промысловое на реках, озерах и морях». С.-Петербург. Типография Р. Голини, Троицкий пер., 18–20. 1886. № 5–6. – С. 30–39.
2. Зуев А.В. Проблемы прохождения плавательской практики учениками мореходных классов в России во второй половине XIX века / А.В. Зуев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6(21). – С. 39–42.
3. Зуев А.В. Проблемы подготовки кадров морского торгового флота во второй половине XIX века / А.В. Зуев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2012. – № 149. – С. 7–15.
4. Зуев А.В. Проблема "фиктивных" судоводителей торговых судов во второй половине XIX века в России / А.В. Зуев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6(27). – С. 153–158.
5. Нагорский П.В. «О русских моряках торгового флота» // Ежемесячный журнал «Русское судоходство торговое и промысловое на реках, озерах и морях». С.-Петербург. Типография Р. Голини, Троицкий пер., 18–20. 1886. № 4. – С. 114–120.
6. Историко-статистический очерк общего и специального образования в России: [Сост. по поруч. Комис. по устройству Всерос. пром.-худож. выставок в Москве, 1882] / Под ред. А.Г. Небольсина; Всерос. пром.-худож. выст. 1882 г. в Москве. – Санкт-Петербург: тип. В. Киршбаума, 1883 (обл. 1884). – II, 259 с.
7. Общество для содействия русскому торговому мореходству // Журнал Яхта листок для любителей морского дела № 6. 1875 год.
8. Российский государственный исторический архив. Фонд 95. Отделы торгового мореплавания и торговых портов министерства торговли и промышленности. Оп.1. Д. 653. О фиктивных шкиперах на каботажных судах в Таганрогском порте и управлении ими в действительности греческими подданными и изменения порядка выгрузки балласта.
9. Яхта (листок для любителей морского дела) № 4 февраль 1876 года.

© Зуев Андрей Вячеславович (univerandrey@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСЯНСКИЙ АЙМАК АБДАЛБИНСКОЙ ТЮБЫ ИРЕХТИНСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ВОЛОСТИ (ПО ДОКУМЕНТУ 1825 Г.)

Каримов Тагир Тимергазимович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
г. Казань
tkarimov@bk.ru

ISYAN AIMAK OF THE ABDALBIN TUBA OF THE IREKHTI LAND VOLOST (ACCORDING TO THE DOCUMENT OF 1825)

T. Karimov

Summary: This article presents the publication of information from the VII revision about the Isyansky aimag of the Abdalbinsky tube of the Irekhta land volost. Analysis of the material shows that in this territory there were more than 20 villages, where the number of tatars of different classes was more than 8 times higher than the patrimonial people, geographically called "bashkirs". Based on these materials, we can imagine the boundaries and size of the possessions of this part of the Irekhta volost, covering the territory of modern Aznakaevsky, Muslyumovsky and Sarmanovsky districts of the Republic of Tatarstan. In addition, this source is convincing evidence that the tatars of the bashkir, teptyar and other classes lived in a single tatar ethnocultural space. This space extends to the rest of the Irekhta land volost, located on the territory of Tatyshlinsky and other regions of modern Bashkortostan.

Keywords: single tatar ethnocultural space, Irekhti land volost, tatars of the bashkir class, tatars of the teptyar class, yasak tatars.

Аннотация: В данной статье представлена публикация документа об Исянском аймаке Абдалбинской тубы Ирехтинской поземельной волости, содержащего, среди прочего, сведения о деревнях и населении по VII ревизии. Анализ материала показывает, что на этой территории находилось более 20 деревень, где численность татар разных сословий более чем в 8 раз превышала вотчинников, географически называемых «башкирцами». На основе этих материалов мы можем представить границы и размеры владений этой части Ирехтинской волости, охватывающей территорию современных Азнакаевского, Муслюмовского и Сармановского районов Республики Татарстан. Кроме того, этот источник является убедительным свидетельством того, что татары башкирского, тептярского и других сословий жили в едином татарском этнокультурном пространстве. Это пространство распространяется и на остальную часть Ирехтинской поземельной волости, расположенной на территории Татышлинского и других районов современного Башкортостана.

Ключевые слова: единое татарское этнокультурное пространство, Ирехтинская поземельная волость, татары башкирского сословия, татары тептярского сословия, ясачные татары.

Ирехтинская волость – одна из многочисленных татарских поземельных волостей. Ее отличительной особенностью является разделение на две части: первая располагалась в среднем течении р. Ик и в бассейне р. Мелля и входила в состав Казанской дороги Уфимского уезда, вторая – на территории Осинской дороги того же уезда. Первая позднее числилась в Мензелинском уезде, вторая – в Бирском и Осинском уездах (в последнем, например, дд. Аксаитово (234 дворов), Ильметеево (94), Маматеево (103) и Юсупово (48) составляли Ильметеевское общество Больше-Гондырской волости Осинского уезда Пермской губернии) [6, с. 23]. О раннем существовании Ирехтинской волости свидетельствуют жалованные грамоты и сведения ясачных книг начала XVII в. Возможно, название волости связано с одноименным топонимом (Старочукурово Бирского уезда в одно время называлась «Ирэкте» [1, с. 307]). Наиболее влиятельными вотчинниками Ирехтинской волости были старшина Шарип Кииков и ее потомки (в частности, известный татарский поэт Гали Чокрый), древние корни которых отражены в шежере Майкы-бия [2, с. 50–57]. Данное шежере ассоциируется с татарскими ханами (правителями), что ясно говорит об этнической принадлежности и не оставляет места для суждений об

их башкирстве (последнее вытекает лишь из сословного названия вотчинников), игнорирующем единое татарское этнокультурное пространство (менталитет, язык, традиции и культура). Миграция ирехтинцев-вотчинников рода Майкы-бия и других татар Казанской дороги привела к возникновению одноименной волости Осинской дороги Уфимского уезда. Однако последняя функционировала не как самостоятельная волость, а как неразрывная часть единой Ирехтинской волости, как часть единого татарского этнокультурного пространства, включающего менталитет, язык, традиции и культуру. О первичности вотчины в пределах бывшей Казанской дороги свидетельствует наличие Исанского (Исенского) [3] аймака Абдалбинской тубы Ирехтинской волости Мензелинского уезда: его возникновение может быть связано только с именем прадеда (Исен-хан) старшины Шарипа Киикова. Именно при этой старшине в 1750–1797 гг. осуществлялись многочисленные земельные продажи в Мензелинском уезде, поскольку он был потомком исконных владельцев здешних обширных угодий.

По сведениям VII ревизии (1816 г.) Исянский аймак Абдалбинской тубы Ирехтинской поземельной волости Оренбургской губернии включала следующие населен-

ные пункты (здесь же сообщается их расположение и наличие мечети) и население:

1. Меллитамак. «Башкирцев» 31 душа муж. пола (9 дворов). «Да в оной же деревни под названием башкирцев» 55 душ муж. пола (16 дворов). При речке Мелле, при ней мечеть посредственной работы.

2. Наратас. «Башкирцев» 11 душ муж. пола (5 дворов). При реке Ику.

3. Митряево. «Башкирцев» 61 душа муж. пола (20 дворов). При речке Иштеряковке, при ней мечеть посредственной работы.

4. Варяшбаш. «Башкирцев» 21 душа муж. пола (7 дворов). При озере Такмыше, при ней мечеть ветхая.

5. Тегирменник. «Башкирцев» 6 душ муж. пола (2 двора). При речке Тыгирменник.

6. Тамьян. «Башкирцев» 13 душ муж. пола (5 дворов). При реке Ику, при ней мечеть ветхая.

7. Нижний Табын. «Башкирцев» 15 душ муж. пола (4 двора). При речке Табыне.

8. Салаусь. «Башкирцев» 9 душ муж. пола (3 двора). При реке Ику.

«В даче Ирехтинской волости Абдалбинской тюбе по припуску башкирцев жительство имеют и з давних лет разными деревнями без оброка»:

9. Меллитамак. Ясачных татар 30 душ муж. пола (11 дворов), служилых татар 8 душ муж. пола (3 двора), «тептярей» 50 душ муж. пола (23 двора).

10. Наратас. Ясачных татар 19 душ муж. пола (7 дворов).

11. Митряево. «Тептярей» 8 душ муж. пола (3 двора)

12. Тойгильдино. «Тептярей» 63 души муж. пола (20 дворов), ясачных татар 60 душ муж. пола (18 дворов), служилых татар 14 душ муж. пола (4 двора). При речке Мелле, при ней мечеть посредственной работы.

13. Старый Варяш Каран Тамак тож. Ясачных татар 3 души муж. пола (1 двор), служилых татар 38 душ муж. пола (11 дворов), «тептярей» 28 душ муж. пола (10 дворов). При озере Кытмыше, при ней мечеть посредственной работы.

14. Тогашево. «Тептярей» 6 душ муж. пола (3 двора), «мещеряков» 112 душ муж. пола (31 двор). При реке Ику,

при ней мечеть посредственной работы.

15. Тыгирменник Чуплюк Тамак тож. Ясачных татар 9 душ муж. пола (4 двора), служилых татар 2 души муж. пола (1 двор), «тептярей» 119 душ муж. пола (44 двора). При речке Тыгирменник.

16. Баланлы. Ясачных татар 18 душ муж. пола (5 дворов), служилых татар 32 души муж. пола (11 дворов), «тептярей» 44 души муж. пола (16 дворов). При речке Шугане, при ней мечеть посредственной работы.

17. Шуран. «Тептярей» 22 души муж. пола (8 дворов). При речке Шуране, при ней мечеть ветхая.

18. Чекмак. «Ис татар старокрещен» 1 душа муж. пола (1 двор), ясачных татар 124 души муж. пола (38 дворов), служилых татар 32 души муж. пола (11 дворов), «тептярей» 15 душ муж. пола (6 дворов), служилых татар 7 душ муж. пола (2 двора). При реке Ику, при ней мечеть посредственной работы.

19. Старый Варяш Чиршиле Каран Тамак тож. Служилых татар 7 душ муж. пола (2 двора), «тептярей» 38 душ муж. пола (14 дворов). При речке Иштеряковке, при ней мечеть ветхая.

20. Муслюмово. Ясачных татар 43 души муж. пола (18 дворов), «тептярей» 155 душ муж. пола (40 дворов). При реке Ику, при ней мечеть посредственной работы.

21. Тамьян. Ясачных татар 6 душ муж. пола (2 двора), «тептярей» 60 душ муж. пола (20 дворов). При реке Ику.

22. Табын. Ясачных татар 29 душ муж. пола (9 дворов), «тептярей» 3 души муж. пола (1 двор). При речке Табыне, при ней мечеть ветхая.

23. Дюсюмово Якши Каран Ме[н]деева тож, а по межеванию Ме[н]деева. Ясачных татар 111 душ муж. пола.

24. «Да под названием Якши Каран при речке Мелле», ясачных татар 75 душ муж. пола. Всего 186 душ муж. пола по 2 деревням (49 дворов).

25. Мокшина. «Тептярей» 45 душ муж. пола (16 дворов). При ручье безымянном.

26. Буралы. Ясачных татар 102 души муж. пола (28 дворов), служилых татар 3 души муж. пола (1 двор). Души по ревизии показаны в Бугульминском уезде. При речке Буралы, при ней мечеть посредственной работы.

27. Татарский Шуган. Ясачных татар 63 души муж. пола (18 дворов), служилых татар 11 душ муж. пола (3 двора), «тептярей» 37 душ муж. пола (14 дворов). При

речке Шугановке, при ней мечеть посредственной работы.

28. Чубар Абдулово. «Тептярей» 7 душ муж. пола (2 двора), ясачных татар 79 душ муж. пола (20 дворов), служилых татар 46 душ муж. пола (16 дворов). Души последних по ревизии показаны в Бугульминском уезде. При речке Мелле, при ней мечеть посредственной работы.

29. Юстиюминово. «Тептярей» 74 души муж. пола (29 дворов). При озере безымянном, при ней мечеть посредственной работы.

Эта территория занимала 55 668 десятин 1374 сажени земли (в том числе пашенной – 10 954 дес. 1223 саж., лесу строевого и дровяного – 27 025 дес. 14 саж., степи – 14 998 дес. 1733 саж., сеного покосу – 1 987 дес. 1185 саж., под поселениями – 134 дес. 1409 саж., неудобных мест – 618 дес. 610 саж.). Во всех деревнях числилось 654 двора, «башкирцев» по VII ревизии было 222 души муж. пола, «мещеряков» 112 душ муж. пола, «разного рода людей» 1724 души муж. пола [5, л. 324 об.-326].

Таким образом, сведения VII ревизии показывают, что численность «башкирцев» в Исянском аймаке Абдалбинской тюбы Ирехтинской поземельной волости 8,27 раза была меньше, чем татар других сословий. Столь низкая численность татар башкирского сословия была характерна и для последующего периода.

Особенностью этого источника является то, что сведения по вотчинникам и припущенникам приводятся отдельно. Татары башкирского сословия проживали только в 8 из перечисленных выше деревень, как правило, вместе с татарами других сословий, за исключением д. Варяшбаш (сведения о последней деревне требуют уточнения). Примечательно название д. Юстиюминово, связанное с д. Салауз-Муханово. Всего в источнике приведены названия более 20 деревень.

Кроме того, на отхожей земле, принадлежащей вотчинникам Ирехтинской волости, по их припуску жили «издавных лет...без оброка» ясачные татары (36 душ муж. пола в 12 дворах) д. «Починок Рангазар Тамак по Мелле реке, а по межеванию Рангазар Тамак» и ясачные татары (41 душа муж. пола в 16 дворах) д. Токметево, всего на 2 деревни 77 душ муж. пола (28 дворов). Обе они располагались при речке Мелле (Меллинке) и имели

мечети «простой работы». Данная дача составляла 5 366 дес. 1 355 саж. (в том числе пашенной – 421 дес. 120 саж., лесу дровяного – 352 дес. 180 саж., сеного покосу 4 529 дес. 835 саж., под поселениями – 53 дес. 1720 саж., неудобных мест – 10 дес. 900 саж.) [5, л. 328].

Имелась и еще одна отхожая земля, принадлежащая вотчинникам Саралиминской и Ирехтинской волостей, где по их припуску жили «издавных лет без оброка» ясачные татары (14 душ муж. пола в 6 дворах) д. Кавзияк Тамаково и ясачные татары (137 душ муж. пола в 42 дворах) д. Ташлияр, всего на 2 деревни 151 душа муж. пола (48 дворов). Обе они располагались при речке Мелле и имели мечети (первая – ветхую, вторая «простой работы»). Данная дача составляла 9 608 дес. 939 саж. (в том числе пашенной земли – 886 дес., лесу строевого и дровяного – 2 825 дес. 160 саж., сеного покосу 5 625 дес. 179 саж., степи – 69 дес. 300 саж., под поселениями – 52 дес. 600 саж., неудобных мест – 150 дес. 2 100 саж.) [5, л. 327].

Информация в рассматриваемом документе нуждается в уточнении и дополнении, поэтому ее не следует воспринимать как безупречную. Возьмем, к примеру другой документ, содержащий сведения той же VII ревизии. В нем сообщается, что в д. Шуран жили старокрещенные (22) и «тептяри» (22). Первые поселились по договору, а последние – «без оных».

Этот же дополнительный источник впервые сообщает о д. Кытыс по речке Мензеле, где жили ясачные татары (14 душ муж. пола). Однако д. Мендеево он называет не иначе, как д. Дюсюмово по речке Мензеле, сообщая о таком же количестве ясачных татар (111 душ муж. пола). В д. Варяшбаш, кроме «башкирцев», были еще «тептяри» (38 душ муж. пола) [4, л. 12 об. -13 об.]. Ранее документ по Исянскому аймаку относил этих «тептярей» к д. Старый Варяш Чиршиле Каран Тамак тож.

Итак, документ об Исянском аймаке Абдалбинской тюбы Ирехтинской поземельной волости, содержащий сведения о деревнях и численности населения по VII ревизии, безусловно, является важным источником. Однако некоторая информация все же нуждается в перепроверке с использованием дополнительных источников. Только так можно добиться полного и точного представления обо всех деревнях, входящих в территорию рассматриваемой части Ирехтинской волости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. 744 с.
2. Ахметзянов М.И. Татарские шеджере. Казань, 1991. 152 с.
3. ГА РТ. Ф. 324. Оп. 729. Д. 648.

4. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 450.
 5. НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1755.
 6. Список населенных мест Пермской губернии. Осинский уезд. Пермь, 1908.
-

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГАРЕЙСКАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ВОЛОСТЬ УФИМСКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Каримов Тагир Тимергазимович

кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
г. Казань
tkarimov@bk.ru

GAREYSKAYA LAND VOLOST OF THE UFA UYEZD IN THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY

T. Karimov

Summary: The article, based on the analysis of a number of documents, shows the historical division of the territory of the Garey volost into various plots, the owners of which were individual patrimonies. Part of the territory of the volost was in joint ownership; using the example of one of them, the mechanism of growth in the number of tatars of the bashkir class is shown. The votchinniki disposed of their lands at their own discretion: in particular, fishing grounds were rented out, and outside population was allowed in. The latter changed the class composition of the villages: some of them became two-class. However, sources do not allow us to deepen this observation: in the 1722 census, non-votchinniki were recorded only in 3 villages; complete information will appear only in 1762.

Keywords: Azyakulskaya tyuba, votchinniki, Gareyskaya land volost, tatars of the bashkir class, Taktalachukskaya tyuba.

Аннотация: В статье на основе анализа ряда документов показано исторически сложившееся деление территории Гарейской волости на различные участки, владельцами которых были отдельные вотчинники. Часть территории волости находилась в совместной собственности; на примере одного из них показан механизм роста численности татар башкирского сословия. Вотчинники распоряжались своими землями по своему усмотрению: в частности, сдавались в аренду рыболовные угодья, осуществлялся припуск постороннего населения. Последнее изменило сословный состав деревень: некоторые из них стали двухсословными. Однако источники не позволяют углубить это наблюдение: в переписи 1722 г. невоотчинники были зафиксированы лишь в 3-х деревнях, полная информация появится только в 1762 г.

Ключевые слова: Азякульская туба, вотчинники, Гарейская поземельная волость, татары башкирского сословия, Такталачукская туба.

В первой четверти XVIII в. появляются разнообразные сведения обо всех сторонах жизни Гарейской поземельной волости. Они позволяют более полно представить картину развития волости, судить о составе ее населения и отдельных ее представителей. Ниже мы рассмотрим их в хронологическом порядке.

В документе от 7 декабря 1701 г. названы вотчинники Ишкиня Темкеев, Урмет Биметев, Калмачка Монашев в связи со сдачей озера Чекаево в аренду каракулинским крестьянам по договору с уплатой последними 12 руб. Последние были родом из д. Кабан [7, л. 1–3]. Из этого источника видно, что часть владений Гарейской волости находилась в распоряжении отдельных вотчинников.

Хотя вся Гарейская волость состояла из территорий разных владельцев, часть территорий могла находиться в общей собственности. В записи от 5 января 1702 г. названы вотчинники Козюм Беккенин (из д. Такталачук; в источнике «Такталачик»), Ишкиня Темкеев (д. Баймурзино), Солтанай Кангильдин, Урмет Биимбетев (д. Кабаново) и Кубяк Азимбетев (д. Ногаево), которые договорились о равном размере ясачной платы («платить всем поровну») и такой же службе из общей вотчины. «И, договорились меж собою в том: владеем мы, Козюм с товарищи и с родственники своими, вотчиною — бортными

ухожьи и рыбными и звериными ловлями и всякими угодья все вопче. А с тое вотчины и со всяких угодей великого государя в казну платили мы 14 батман меду да 42 куницы, в т. ч. платили я, Козюм, 2 батмана да 7 куниц, а я, Ишкиня, 2 батмана да 6 куниц, я, Солтанай, 2 батмана да 6 ж куниц, я, Урметь, 5 батман с полу батманом да 17 куниц, я, Кубяк, 2 батмана с полу батманом да 6 куниц. И впредь нам, Козюму и Ишкине и Солтаная и Урметю и Кубяку, тот вышеписанной мед и куницы платить великого государя в казну всем поровну, почему не достанетца, а лишнего ничего никому не платить. И с той вотчины, и со всяких угодей великого государя всякие службы служить и всякие ж подати платить всем поровну, и во всем против сей записи нам устоять. ... А вотчиною владеть нам Козюму с товарищи, и рыбными ловли и всякие угодья в наем отдавать всем вопче. А кто в тоей нашу вотчину до сей записи пущен в товарищи, и тем быть с нами, и тою вотчиною и всякими угодья владеть по-прежнему. А буде кто ис тех пущеных людей вотчиною владеть не похотят, и что они бортей зделают, и те борти и их повыток оброку розделить нам, Козюму с товарищи, по себе... И к той записи Козюм Беккенин, Ишкиня Темкеев, Солтанай Кангильдин, Урметь Биимбетев, Кубяк Изимметев тамги свои приложили» [3, с. 16–17].

Эта общая вотчина была разделена на отдельные

участки (повытки), за каждый из которых названные вотчинники платили свою долю ясака от общей суммы («14 батман меду да 42 куницы»). Из документа видно, что наибольшая доля в совместной вотчине принадлежала Урмету Биимбетеву (из д. Кабаново), который обеспечил выплату 17 куниц ясака и 5 батмана меду. В документе также говорится о владении этой вотчиной другими людьми извне, впущенными названными «башкирцами». Это неудивительно, ведь Урмет Биимбетов и другие владельцы повыток не смогли без посторонней помощи обеспечить выплату крупной суммы ясака. Их ясачными товарищами были в основном бывшие ясачные татары, которых, естественно, тоже называли «башкирцами». Вот так росло число плательщиков «башкирского» ясака.

Документы первой четверти XVIII в. позволяют нам судить о вотчинном праве гарейцев Такталачукской тюбы. В одном из них говорится, что *«жалованные оберегательные памяти их предкам даны в 1700 и 1701 гг. по указам великого государева царя и великого князя Петра Алексеевича и от стольников и воевод Бориса Аничкова, Ефима Панкратьевича Зыбина. По ним видно: велено оным Гарейской волости башкирцам Кузюмке Бекметеву и Ишкиняшке Темкееву с тов. владеть старинной своею вотчиною как прадеды и деды и отцы их владели и состоящими в той их вотчине озерами Липадой, Емадой, Чукеим, а по руски слывет Чекаево (Сутли), Шабизом, Пазеим, Карчиным (Карым) и Емалинском, Кабанским и речкою Тармалою с мелкими озерами и ключами и стоками и мелкими речками»* [1, с. 411]. То, что в документе названы «прадеды», указывает почти на столетнюю давность владения вотчиной.

По сведениям 1703 г. известно о вотчиннике Гарейской волости Дюмете Чуганове. Он и его товарищи обратились к воеводе Е.П. Зыбину с прошением о выдаче владенной памяти на вотчину и получили его 3 июля того же года («велено вотчиною лесом Чемнаратам владеть», – говорится в документе) [5, л. 137 об.].

Ранее мы говорили о правах вотчинников Гарейской волости на озеро Чекаево (Сутли). В документе от 6 марта 1707 г. названы вотчинники д. Кабан Смаил Катяков, Султанай Кангильдин, Ишмикей Богданов, Урмекей Уразаев, Сапар Уразметев, Ирмяк Богданов, которые отдали в оброчное владение на год свои вотчинные рыболовные угодья каракулинским крестьянам П. М. Зевахину с товарищами (*«вотчинное свое озеро Чекаево и з задним Ямалиским озером и с озером, что на острове Тостике, и с мелкими озерами и с вешними заливы и с сетевыми метици против владенья каракулинских крестьян Григорья Шадрина с товарищи по тем же межам, как они владеют»*) [3, с. 31-32], – сообщается в документе). Названный здесь Урмекей Уразаев, скорее всего, является сыном Уразайки Токаева, который ранее упоминался именно, в связи с этим озером.

Один историк поспешил написать о нем, что он «основал д. Уразаево, ныне в Татарстане» [2, с. 210]. Но когда отдельно рассматривал историю д. Уразаево Актанышского района в книге «Аулы мензелинских башкир», он не упомянул Уразаю Токаева, похоже, осознал ошибочность своего утверждения, основанного лишь на совпадении топонима с именем вотчинника.

Продолжим рассмотрение других документов. [Ясачный] татарин д. Янзигитово (в источнике «Инзигитово») Калмай Нугаев («Нуглеев») упоминается в документе от 23 ноября 1709 г. [6] Это указывает на то, что население этого села на раннем этапе состояло из двух татарских сословий (первым было башкирское).

Документ от 19 сентября 1712 г. содержит запись закладной кабалы вотчинника Гарейской волости Балтаса Исенева одновотчиннику Сырым Кинзекееву на скот и имущество. Первый «занял» у второго «20 руб. денег до срока с вышеписанного числа в месяц. А вместо поруки заложил он, Балтас, ему, Сырым, две кобылы рыжих з жеребят да кобылу булану, две коров красных, шубу даракильную красною, мех белей» [3, с. 88].

По другим источникам известно, что зажиточный Сырым Кинзекеев – житель д. Азякуль, среди вотчинников Гарейской волости он единственный с таким именем. В документе от 19 июля 1743 г. он упоминается как бывший старшина Гарейской волости [3, с. 537]. Его сын Суюндук Сырымов (в источнике «Суримов»; 68 лет) в 1811 г. зафиксирован указным муллою д. Азякуль [4, л. 61]. Старший сын Сырыма Кинзекеева Юнусай Сырымов упоминается в договорах гарейцев от 12 января 1751 г. и 11 апреля 1755 г., в последнем как вотчинник д. Азякуль.

Документ от 19 сентября 1712 г., прежде всего, обращает внимание на то, что вотчинник Балтас Исенев, единственный с таким именем среди известных нам вотчинников первой половины XVIII в., вполне мог быть причастен к возникновению д. Балтасево (ныне Старое Балтачево Актанышского района РТ), ведь в 1738 г. она будет известна (кстати, в 1738 г. упоминается тот же Сырым Кинзекеев, а также вотчинники д. Балтасево Иткиня Ксюков и Елкибай Буляков [3, с. 393]). Это предположение подтверждается и тем, что оба были вотчинниками Азякулевской тюбы, в которую входила д. Балтачево.

В 1715 г. вотчинники Гарейской волости Акман Аскурин, Булат Илишев с товарищи» дали припускную запись татарам д. Акманово Утегану Биметеву, Минке Ильину, Бекметю Аккозину и Бекметю Марозову. *«Пустили мы, Акман и Булат с товарищи, их, Утегана с товарищи, 4-х человек, в вотчину свою, где мы живем. И владеть по межам и по урочищам той нашей вотчиною обща и жить им, Утегану с товарищи, и детям их по тому ж жить во оной деревни Акманово и владеть тою вотчиною по*

речке Минлишле, пашню пахать и сена косить, и бревны в лесу и дрова рубить, и лубья снимать, и всякого зверя и птицу и рыбу ловить, и борти делать, и мед выдирать, и хмель щипать в обще с нами, Акманом и Булатом с товарищи, и построитца им дворами в той нашей деревни...А с тое вотчины ясаку 15 куниц, полтретья батмана меду погодно платить им, Утегану с товарищи, с нами вместе. А буде кто их, Утегана с товарищи, станет из вотчины нашей высылать, и нам, Акману и Булату, очищать и убытков им не починить. А буде на нас, Акмана с товарищи, будет о вотчине или о чем какие челобитчики, и нам Утегану с товарищи, такош их, Акмана и Булата, ни в чем не выдавать и во всем поможенья чинить в равенстве. А буде мы между собою друг другу споможенья чинить не будем, и нам на том взять по сей записи за неустойку 20 руб. денег» [3, с. 135–136].

В этом документе, прежде всего, большой интерес вызывает вотчинник Акман Аскурин и д. Акманово, названная его именем. Она, как и вотчина вдоль речки Минлишле, упоминается только в этом документе «МИБ» и больше нигде не встречается.

Рассматриваемый документ – один из многих, когда вотчинник пускает в свою деревню татарина другого сословия для совместного и равноправного («во всем поможенья чинить в равенстве», – говорится в документе) хозяйствования. Подобный припуск был обычным явлением для Восточного Закамья и Приуралья, поскольку между татарами башкирского и других сословий не существовало никаких предубеждений и ментальных различий, как покажет позднее анализ межсословных брачных отношений.

Д. Буртюково (ныне Старый Буртюк Краснокамского района РБ) – одна из немногих деревень Гарейской волости, где вотчинники и марийцами проживали вместе. Рассматриваемый ниже документ, датированный 18 октября 1715 г., представляет собой бессрочную житейскую запись мари д. Биртюково Казанской дороги Сабаная Бекметева и д. Шадыбаш Осинской дороги Семена Байсеитова к вотчиннику д. Биртюково Гарейской волости Казанской дороги Араслану Товлину. «Взяли мы, Сабанай и Семен, у него, Араслана, напредь сей записи полтараста рублев денег, а за те взятые деньги жить нам, Сабаная и Семену, у него, Араслана, и у жены ево и у детей вечно и работать мне, Сабаная, з женою своею да з детьми, с сыном Сепкеем, а мне, Семену, з женою ж да з детьми, с сыном Тимошкой да з дочерью Тойбикою. И живучи всякая ево домашняя и отъезжая работа работать и во всем ево, Араслана, и домашних ево слушать, и ни в чем не огурытца, и над домом ево и над скотом, и над животом никакова дурна и хитрости не учинить, не покрасть и не збежать, и с воровскими людьми не знатца, не пить и не бражничать. А буде мы, Сабанай и Семен з женами и з детьми, будем в каком послушании или жить

у него, Араслана, не похотим, и ему, Араслану, взять на нас, Сабаная и Семене, и на женах наших и на детях вышеписанные...свои деньги полтараста рублев все сполна. А за вину нашу и за ослушание вольно ему, Араслану, и домашним ево нас смирять домовым смирением, смотря по вине. А пить и есть, одежда и обувь носить нам, Сабаная и Семену з женами и з детьми, все ево, Арасланово» [3, с. 134–135].

Несмотря на то, что население деревень Гарейской волости зачастую было двухсословным, это не отразилось в переписи 1722–1723 г., зафиксировавший ясачных татар дд. Азякуль (в источнике «Азяккуль»; 2 души муж. пола), Уразаево (1), Шудали («Шудали»; 3 соответственно) Казанской дороги Уфимского уезда [8, с. 32]. В переписи 1747 г. будут учтены ясачные татары дд. Азяккуль, Шидали и Такталачук («Тохталачик») [8, с. 53, 55]; только перепись 1762 г. даст более полное представление о не-вотчинниках.

В заключении рассмотрим документ от 4 апреля 1725 г., который представляет собой запись «башкирцев» д. Кабан Нижне-Гарейской волости Казанской дороги Дюсмекея Урметева и Абызая Игибаева каракулинскому подьячему И.Т. Алмазову об отдаче ему в оброчное владение на 3 года их вотчинного о. Апаиш. «Отдали мы, Десмекей и Абызай, в вотчине своей ему, Ивану, из оброку озеро Апаиш с-ыстоком. И владеть ему тем озером и истоком с предбудущаго тридесять втораго году с вешней полой воды 3 годы до вешней же полой воды. А оброку за то озеро Апаиш и с-ыстоком с рыбной ловли мы, Дюсмекей и Абызай, при сей записи у него, Ивана, наперед взяли по 2 руб. на всякой год. А как он, Иван, вышеозначеные 3 годы оное будет озеро держать и рыбу ловить, и нам, Дюсмекею и Абызаю, оное озеро иным людем в оброк не отдавать, и ему, Ивану, в рыбной ловле обид и недолову не чинить, и от своей братьи иноверцов и от посторонних людей очищать» [3, с. 234–235].

Из этого документа видно, что озером распоряжались вотчинники Дюсмекей Урметев и Абызай Игибаев. Это не первый пример, подчеркивающий, что вся территория Гарейской волости находилась во владении отдельных вотчинников разных родов. Создание Гарейской волости с административным центром в одной из местных деревень имело для них значение лишь потому, что это было удобно для уплаты ясака и указывало на принадлежность их территории к Казанской дороге Уфимского уезда.

Еще наблюдение: волость называется Нижне-Гарейской. Такое наблюдается очень редко и можно уверенно сказать, что слово «нижнее» было добавлено из-за необходимости отличить одну часть волости от другой.

Итак, документы первой четверти XVIII в. позволили

прояснить ранее неизвестные стороны жизни Гарейской поземельной волости, полнее представить картину развития волости, судить о составе ее населения и отдельных ее представителях. Мы видели исторически сложившееся деление территории Гарейской волости на различные участки, владельцами которых были отдельные вотчинники. При этом часть территории волости находилась в совместной собственности; на примере

одного из них показан механизм роста численности татар башкирского сословия. Вотчинники распоряжались своими землями по своему усмотрению: в частности, сдавались в аренду рыболовные угодья, осуществлялся припуск постороннего населения. Последнее изменило сословный состав деревень: некоторые из них стали двухсословными. Однако источники не позволяют углубить это наблюдение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. Уфа, 2009. 600 с.
2. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. 744 с.
3. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.-Л., 1949. 692 с.
4. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-2. Оп. 2. Д. 104 а.
5. НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1534.
6. РГАДА. Ф. 1139. Оп. 1. Д. 82.
7. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1332.
8. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание. 2 изд., испр. и доп. / Отв. ред. Р.Р. Исаков. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. – 240 с.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Кондалова Наталья Алексеевна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «МИРЭА Российский технологический
университет» г. Москва
natalja-kondalova@rambler.ru

MILITARY EVERYDAY LIFE OF THE PROVINCIAL CITY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY (ON THE MATERIALS OF PENZA PROVINCE)

N. Kondalova

Summary: The article on archival materials and published sources examines the phenomenon of military everyday life in relation to the realities of the Russian provincial city of the first half of the 19th century. The article analyzes living conditions, food supply, medical care for officers and lower ranks of stationed regiments, the Penza internal garrison battalion and disabled teams, as well as the influence of military service on the everyday life of city residents. Problems of interaction between the civilian and military worlds and strategies aimed at resolving conflicts are identified. The author concludes that for the pre-reform period, it is reasonable to study the impact of the military factor on the daily life of provincial society in peacetime. The impact of military institutions on society outside the periods of war was widespread due to the regular performance of military duties by citizens.

Keywords: everyday life, quartering of troops, housing services, Russian province, pre-reform period, Penza province.

Аннотация: В статье с привлечением архивных материалов и опубликованных источников рассматривается феномен военной повседневности применительно к реалиям российского провинциального города первой половины XIX в. Анализируются условия проживания, продовольственное снабжение, обеспечение медицинской помощью офицеров и нижних чинов расквартированных полков, Пензенского внутреннего гарнизонного батальона и инвалидов команд, а также влияние военно-хозяйственных повинностей на бытовую повседневность городских обывателей. Выявляются проблемы взаимодействия гражданского и военного миров и стратегии, направленные на урегулирование конфликтов. Автор приходит к выводу, что применительно к дореформенному периоду обоснованно изучение воздействия военного фактора на повседневную жизнь провинциального общества в условиях мирного времени. Воздействие военных институтов на общество вне периодов войн имело широкое проявление вследствие регулярного исполнения горожанами повинностей по военному ведомству.

Ключевые слова: повседневность, военный постой, постоянная повинность, российская провинция, дореформенный период, Пензенская губерния.

Повседневная жизнь – «экспериментальная площадка» для современной отечественной науки – подробно изучена во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических контекстах, но незначительно в рамках военно-исторических, хотя проблема влияния военного фактора на повседневную жизнь российского общества признается фундаментальной [1, с. 8]. При стабильно высоком интересе к проблематике «повседневности» остаются малоизученными как в теоретико-методологическом, так и в конкретно-историческом плане вопросы военной повседневности. В современной историографии показано, что взгляд на военные кампании XX в. лишь с точки зрения хода боевых действий, стратегии, тактики, технической оснащенности и организационной структуры войск недостаточен, для того чтобы сложилось представление о войне полное и всестороннее. В исходе противостояния не последнюю роль играло и играет течение повседневной фронтовой и тыловой жизни, которая аккумулирует способы и степень мобилизации, усилия и жертвы, мо-

тивацию и конкретные действия крупных общественных групп и отдельных людей [2, 3]. Таким образом, приватность признана важнейшим ракурсом рассмотрения реалий военного времени.

Термин «повседневность» относится к числу тех, которые трактуются неоднозначно. Предметом обсуждения последних лет является содержание смыслового поля категории «военная повседневность». Военная повседневность рассматривается в современной историографии в первую очередь как повседневность комбатантов и вынужденно оказавшегося в условиях боевых действий гражданского населения [4]. Что касается первой половины XIX в., утвердившееся в Российской империи еще с Петровских времен правило «не армия при государстве, а государство при армии» лежало в основе обременительной системы повинностей по военному ведомству [5, с. 392]. В целях снижения расходов на содержание регулярной армии повсеместно практиковалось размещение войск по обывательским квартирам. Поэтому применительно к исследуемому периоду пред-

ставляется возможным изучение воздействия военного фактора на повседневную жизнь российского общества в условиях мирного времени.

Военную повседневность, на наш взгляд, необходимо рассматривать как сферу повседневной реальности, которая формируется у представителей тех или иных социальных групп под воздействием военного фактора в зависимости от степени их вовлеченности в военный механизм государства. В эпоху Нового времени, к которой мы относим первую половину XIX в., ее формировали следующие объективные условия: появление и рост численности регулярной армии, невозможность установить места ее дислокации и обеспечить маршевые части казенным жильем ввиду огромной протяженности границ Российской империи и удаленности друг от друга «горячих точек», сосуществование наряду с денежным источником удовлетворения государственных потребностей широкого круга натуральных повинностей, присутствие армии полицейско-контролирующих функций и правовая незащищенность городского населения. В представленной работе проблематика военной повседневности обусловлена пребыванием военнослужащих в провинциальных городах в мирное время и охватывает, во-первых, влияние провинциальных условий на бытовую повседневность гарнизона и штаб-квартир полков и, во-вторых, практики исполнения городским обществом повинностей по снабжению войск «разными потребностями». Данное разграничение делает работу более структурированной, однако носит условный характер, так как все составляющие повседневности тесно переплетены и связаны друг с другом.

Необходимо отметить, что в первой половине XIX в. военные составляли в Пензенской губернии заметную городскую прослойку: их удельный вес (с семьями) достигал 15-16% от всего населения в губернском центре и 9-13% в уездных городах, причем на действительной службе состояло около 80% нижних чинов и офицеров [6, л. 41 об, 45 об-74; 7]. Приведенные показатели, однако, следует назвать усредненными: численность военных в провинциальных городах значительно колебалась и зависела как от факторов общенационального (имперская политика), так и регионального (например, движение в Пензу войск для участия в смотрах и маневрах) значения. В силу действовавшего законодательства категория военных была довольно неоднородной и включала лиц различного социально-правового статуса: служащие и отставные военного ведомства генералы и офицеры, служащие нижние воинские чины, кантонисты, солдаты отставные и проживающие по паспортам [8, л. 6-7; 9, л. 77 об]. В исследовательском фокусе находятся, в первую очередь, пребывавшие на действительной службе офицеры и нижние чины, что объясняется сообщениями следующего порядка: их значительностью в количественном отношении и значимостью для госу-

дарства при осуществлении военно-мобилизационной деятельности. В первой половине XIX в. в городах Пензенской губернии квартировали гусарские, драгунские, пехотные и егерские полки, останавливались на ночлег партии рекрутов. В административном центре губернии размещался сформированный в 1811 г. внутренний гарнизонный полубатальон, развернувшийся к началу Отечественной войны 1812 г. в четырехротный батальон с подшефными ему инвалидными командами и Каменской этапной командой (с 1822 г.).

Для военнослужащих гарнизонного батальона первенствующее значение имел фактор оседлости, в то время как повседневный быт полков, постоянно перебрасываемых на новые места и часто менявших свои штаб-квартиры, скорее соответствовал порядкам, принятым в полевых частях (боевых условиях). Однако и на него накладывала свой отпечаток провинциальная жизнь, где большая часть фронтовых тонкостей имела «значение условное» и была «совсем бесполезна» [10, с. 91].

Система жизнеобеспечения военных зависела от качества выполнения городским населением натуральных повинностей по военному ведомству. Кроме того, из-за большого количества требований (самое тяжелое из которых – обеспечить войска нужным количеством помещений) штабы полков располагались, как правило, в городах, что значительно увеличивало нагрузку на местное население [11, с. 79]. Одна из особенностей повседневного существования военного сообщества определялась порядком удовлетворения его потребности в жилище. Согласно указу 1808 г., определявшему нормы квартирного довольствия, в губернском городе могло размещаться в совокупности женатых и холостых 4 полных генерала, 7 генерал-лейтенантов, 20 генерал-майоров, 39 штаб- и 224 обер-офицера, а также 1631 рядовых [12, л. 178]. Домохозяйства не только предоставляли жилые помещения военным постояльцам, что сопрягалось с необходимостью уборки и износом мебели, но в их обязанности входило также снабжение расквартированных отоплением и освещением. Для отопления комнаты, например, ежегодно требовалось около 5 сажень дров, обходившихся в среднем по цене 5 руб. за каждую. При размещении войск по обывательским квартирам возникали конфликты в связи с «чуждыми, навязанными сверху обстоятельствами, в которых приходилось решать все самые насущные каждодневные вопросы» [11, с. 85]. Хотя в официальных источниках и сообщалось, что войска устроены «по квартирам просторным и квартируют в каждом доме по одному» [13, л. 280], современники, напротив, свидетельствовали о неудовлетворительных условиях расположения: «билет написан, а дома нет» или «дома есть, но очень ветхие» [14, л. 48]. Только по итогам осмотров, учреждаемых квартирными комиссиями, открывалось истинное со-

стояние жилья, отводимого нижним чинам и офицерам. Свидетельства тому – сохранившиеся записи в журналах Пензенской квартирной комиссии. Некоторые из них носят собирательный характер и сообщают вкуче о жилищно-бытовых проблемах постояльцев, с которыми те сталкивались регулярно: «хозяин квартиры Чубаров, уехав в деревню свои, не оставил ни дров, ни свечей на отопление и освещение»; «по выданному билету на квартирование в доме Ивановой оказалось, что дом неудобен, так как в комнатах от ветхости бывает течь, печи внутри к отоплению неудобны, в кухне как печи, так и стекло в рамах нет, равно конюшни, сарая, погреба для поклажи не имеется» [13, л. 172].

К 1839 г. относится попытка решения повседневных проблем военного поста посредством издания нового правового акта: предусматривалась выдача воинским чинам квартирных денег (за счет особых сборов с населения) от 200 руб. для обер-офицеров ниже капитанского чина и до 3000 руб. полному генералу в год [15, л. 29об]. Командующие Пензенским внутренним гарнизонным батальоном неоднократно доносили в рапортах, что офицеры недополучают предназначенных для найма квартир денег вследствие недостатка их в городской думе по недобору от жителей. Кроме того, рыночная стоимость снимаемого офицером жилья могла превышать размеры квартирных денег, особенно это отмечалось в период проведения ярмарок, когда спрос на жилье повышался.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что близкое соседство с военными неминуемо накладывало отпечаток на повседневную жизнь городского общества. «Исполнение воинского поста равномерно» относилось «ко всем жителям города, какого бы звания они ни были, за исключением тех лиц, которые по закону от этого увольнялись» [12, л. 14]. Однако принцип равномерного размещения постояльцев повсеместно нарушался, особенно во время эпидемий и эпизоотий, так как военные покидали зараженный район города и срочно переходили на другие квартиры, а также при размещении остановившихся на ночлег партий рекрутов и при проведении смотров, когда из соседних регионов прибывали офицеры и нижние чины и приходилось отводить им квартиры, нарушая очередь.

Непосредственным следствием поста становилось изменение привычного, устоявшегося годами распорядка частной жизни горожан. Постой препятствовал регулярному осуществлению профессионально-трудовой деятельности, в первую очередь купцам, владеющим торговыми палатками (в них размещали имущество воинских частей), и кузнецам, чьи кузницы занимались полковыми мастерами. Для крестьянского населения городов соседство с военными рассматривалось как опасное, потому что последние во время передвиже-

ния или маневров ставили под угрозу полевые работы и вытапывали хлеба (в таких случаях вознаграждение крестьян происходило из суммы земских повинностей, то есть они сами себе возмещали ущерб). Общежитие военных и гражданского населения наполняло повседневность городских обывателей дополнительными заботами: у принявших постояльцев – по хозяйственной части и налаживанию взаимоотношений, у предприимчивых, оборотистых горожан – по изысканию денежных средств и других способов избежать военного поста. Состоятельное население губернии обращалось к благотворительной деятельности, в частности занималось постройкой цейхгаузов, приобретало дополнительные жилые помещения, так как владельцы двух домов несли квартирную повинность только по одному из них. Малообеспеченные жители предоставляли постояльцам комнаты холодные, где «печи, полы, потолки худые и всякие неисправности», и «по преимуществу своему» отказывались «от дачи на отопление и освещение дров и свеч» [16, л. 429]. Во избежание поста обыватели затевали ремонт, устраивали куплю-продажу жилья, поскольку новые владельцы при исполнении повинностей не желали чередоваться со старожилками наравне и отвечать за прежних хозяев, затягивали с избранием опекунов домам, владельцы которых умерли и оставили после себя малолетних наследников. Родители кантонистов обращались с прошением признать их детей в качестве военных постояльцев. Оказывались действенными и крайние, подчас нелегальные методы – дача взятки чиновнику квартирной комиссии или порча домового имущества. Если все же поста избежать не удавалось, жители старались минимизировать контакты с военными: селили их во флигели, предоставляли для имущества воинских подразделений свои хозяйственные постройки в зачет поста дома, нанимали для них жилье (до 1839 г.). По этому поводу пензенский чиновник И.И. Мешков вспоминал: «В октябре (1821 г. – Прим. автора) в Пензенскую губернию вступила для квартирования пятая дивизия второго пехотного корпуса, почему понадобились квартиры. В дом мой поставлен был офицер; не имея возможности его у себя поместить, я принужден был нанять ему квартиру, что означало для меня ощутительный расчет» [17, с. 235–236]. Делалось это ненапрасно: офицеры могли бесцеремонно занять покой, где проживало семейство «штафирки», выпроводив домовладельца и его домочадцев в горницу. Классическое подтверждение фривольного поведения военных находим в жалобе титулярного советника Попова: «... по билету прибыл ротмистр и занял приличный покой с 2 денщиками и 3 лошадьми, сверх того на двор въехало 10 человек гусар с 10 лошадьми, сделали в сарае конюшни, заняли покой седлами, разными вещами и стеснили избу и сени своею чисткою так, что проходить места нет, требуют при том квас, соль, свечи, чем я очень стеснен» [14, л. 288]. Действительно, чистка, или «беление», от которой в «избе был совершенный хаос», а также претензии по во-

просам, отопления, освещения, предоставления покоев часто становились предметом конфликтов военных и гражданского населения [10, с. 86].

Отметим еще одно негативное проявление постоянной повинности на бытовом уровне – сдерживание строительства и благоустройства городского жилья. Согласно записям журналов Пензенской квартирной комиссии, в первой половине XIX в. «многие хозяева домов пришли в бедное состояние и неимущество», а другие хотя и имели безбедное состояние, но домов не исправляли и доводили до совершенной ветхости [16, л. 429]. Поэтому освобождение от постоянной повинности признается в исследуемый период одним из стимулов развития городского пространства. Поскольку все города Пензенской губернии были застроены преимущественно деревянными домами (в 1837 г., например, в губернском городе Пензе насчитывалось 2430 домов, в уездном городе Нижнем Ломове – 840, из них каменных – 75 и 5 соответственно), с середины XIX в. местные власти стали активно предоставлять стимулирующую льготу: пятилетнее освобождение от исполнения постоянной повинности за постройку дома на каменном фундаменте [18, л. 9об].

Вместе с тем стоит заметить, что, несмотря на бытовой дискомфорт, в гражданском обществе и в среде военных отмечалось неоднозначное восприятие практики постоя. Начавшееся радужно описание постоя Г.И. Филиппоном, служившим на заре своей молодости юнкером в Олонецком пехотном полку, размещенном в Пензенской губернии («На зимних квартирах, вне служебных занятий солдат пользовался совершенной свободой в одежде и в жизни. Он надевал полушубок и шапку своего хозяина и старался сделаться семьянином, помогал в работах»), в дальнейшем сменяется горьким заключением: «Конечно, народную нравственность это не улучшало» [10, с. 91]. Добавим, что размещение по обывательским квартирам не улучшало боевую и мобилизационную готовность воинских частей, расквартированных незначительными подразделениями по отдельным городам и их районам, хотя, бесспорно, оно возвращало нижние чины к жизни еще до рекрутского набора и предоставляло более широкие возможности свободного времяпрепровождения.

В несколько ином свете представляются условия проживания военнослужащих гарнизонного батальона и инвалидов команд. Поскольку функции внутренней стражи требовали их постоянного присутствия в городе, казарменное размещение личного состава рассматривалось как первоочередная задача. Однако в первой половине XIX в. была организована только инфраструктура гарнизонного батальона и инвалидов команд. Так, в период с 1818 по 1820 гг. в Пензе проводилось строительство швальни, магазинов для овса, поклажи сукна, холста, рекрутской одежды, цейхгауза для батальона,

столярни, слесарни, караульни [19, л. 8].

Казарменное же проживание личного состава вызвало не меньше разноречивых суждений, чем практика постоя. Инспекторский смотр Пензенского внутреннего гарнизонного батальона 1840 г. показал: нижние чины вынуждены проходить дальние расстояния до сборного пункта для произведения учений, в том числе в холодную и ненастную погоду. Неудовлетворительные условия их размещения в партикулярных домах, оцененных менее чем в 200 руб., скученность (как правило, в самых ветхих квартирах на постое находилось 2–3 человека), отсутствие необходимых средств гигиены и регулярного питания приводили к тому, что свирепствовали болезни и полки терпели убыль в людях. Предлагалось подыскивать дома для помещения в них нижних чинов в виде казарм, где бы они завели огороды и питались с них, смогли сберечь силы для учений, лучше сохранили казенную амуницию и где бы, наконец, имелся присмотр за их нравственностью [15, л. 241–243]. В противоречии с официальной позицией властей находилось мнение Филиппсона, уяснившего из своего армейского опыта, что на постое солдат «был здоровее», чем тот, кто «зимовал в вонючих казармах, отапливаемых из экономии человеческой теплотой» [10, с. 91].

Здесь необходимо сделать одну важную оговорку: строительство казарм в городах Пензенской губернии не складывалось. Еще в 1764 г. Екатерина II упразднила признание военных инвалидов монастырями, назначив для расселения неспособных к службе по причине старческой дряхлости, неизлечимой болезни и тяжелой раны 31 город, в том числе города Пензенской губернии – Пензу и Саранск [20, с. 65]. Жители их освобождались от всех обязательств по отношению к солдатским казармам и офицерским помещениям. Реальная возможность строительства казенных зданий в губернии для поселения военных появилась только в 1827 г., когда планы с фасадами на постройку были Высочайше утверждены в Петербурге. Но после определения суммы для строительства в 300 тыс. руб. губернатор Ф.П. Лубяновский ходатайствовал о переносе строительства и отсрочку получил [21, л. 1–8]. В связи с вышеуказанным офицеры и некоторые нижние чины активно становились владельцами недвижимого имущества в городах. Об этом свидетельствует существование в губернском центре Инвалидной слободы, небогатого района, где дома нижних чинов (избы осинового или дубового леса, крытые тесом, а нередко соломой) оценивались в среднем в 75–300 руб. [21, л. 10об].

Наряду с организацией постоя стабильное продовольственное снабжение армии являлось одним из важнейших средств обеспечения ее боеспособности как в военное, так и в мирное время: «со вступлением на тесные квартиры» регулярным занятием становилась уси-

ленная учебная деятельность. В царствование Николая Павловича фронтное обучение солдат было доведено до таких тонкостей, что превратилось в науку со своими аксиомами, терминологией, личными взглядами, названную современниками фронтологией. Общее усердие и исполнительность прививало «немилосердное дранье и зубодробление»: некоторые начальники славились тем, что в их частях с каждого учения по несколько человек уносили на плащах. По воспоминаниям Филиппсона, «худо было тогда и то, что совсем не заботились о физическом и умственном развитии солдата и не учили его стрелять в цель» [10, с. 88]. Обучение, как правило, производилось под открытым небом, а в ненастное и холодное время – в экерциргаузе, где солдаты «обогревались, сушивались, но сего без сытой пищи к поддержанию их здоровья» было недостаточно, «и единственно через сие они не имели веселого вида» [15, л. 241 об].

Действительно, если офицеры получали три основных вида выплат: жалованье, столовые и квартирные (с 1839 г.) деньги, то нижние чины и нестроевые имели от государства денежное довольствие только в виде жалования, а также ограниченное вещевое довольствие и пищевое содержание. Отражившийся в народном творчестве скудный повседневный рацион («Хлеб, соль да вода – солдатская еда», «Солдат сыт крупницей, пьян водицей») [22, с. 426], согласно твердым нормативам провиантского довольствия, выдававшегося от казны натурой, включал в себя только два компонента: муку и крупы. Провиант следовало производить всем унтер-офицерам, рядовым, мастеровым, профосу и денщикам на каждого в год муки по 3 четверти, круп по 2 четверика и 2 гарнца [23]. Лишь в царствование Николая I система довольствия несколько преобразуется: вводятся винные и мясные порции, в то время как в первой четверти XIX в. они выдавались за казенный счет в качестве награды (2 фунта говядины и 2 чарки вина на человека) [24, с. 255].

Продовольственное обеспечение личного состава гарнизонного батальона не отличалось от норм, положенных для полевых частей регулярной армии, хотя фактор оседлости несколько повлиял и на их пищевое довольствие: батальон являлся гарнизонной частью, и его военнослужащие лучше снабжались мукой. Однако хлеб и крупы, хранящиеся в провиантских магазинах, нередко портились [16, л. 277]. При постое офицеры нередко питались совместно с хозяевами, как правило, зажиточными домовладельцами, хотя население Пензенской губернии освобождалось от обязанности продовольственного обеспечения расквартированных войск [14, л. 75]. В делопроизводственной документации отмечается, что нижним чинам отводились квартиры «у самых бедных жителей, которые не только не могут дать им сытого приварку, но даже многие не в силах по дороговизне дров выпекать из казенного провианта на своих постояльцев хороший хлеб, то посему нижние

чины, будучи обремененными службой и не получая на квартирах своих сытой пищи ... приметно изнурительны» [15, л. 241 об]. Вопрос об однообразии и скудости питания решался посредством складчины, подсобных полковых хозяйств и приработков «на стороне». Как правило, нижние чины за долгую службу овладевали каким-нибудь ремеслом (портняжным, сапожным, слесарным, плотницким делом, шорничеством и другими). Эти ремесленные навыки не только обеспечивали полковые потребности, но и помогали в трудные дни безденежья. Еще чаще солдаты нанимались к городскому населению подсобными и чернорабочими (на строительство, колку дров, укладку печи и другие хозяйственные работы). Тем самым, между местным населением и расквартированными нижними чинами устанавливались отношения взаимопомощи [14, л. 104].

Примечательно, что находившиеся в провинции войска не только испытывали нехватку продовольствия, но и страдали от многочисленных заболеваний, вызванных не оружием неприятеля, а недостаточным вниманием к проблемам питания, тесным размещением на квартирах, несоблюдением санитарии и гигиены. Военные находились в зоне риска и потому, что направлялись на форпосты в санитарные кордоны в целях «предохранения губернии от заразительных болезней» [25, л. 1].

Не только в походное время, но и в условиях длительной (для внутренней стражи) или кратковременной (для штаб-квартир полков) оседлости в провинции срочная медицинская помощь военнослужащим силами собственно военного ведомства не получила должной организации. «Обозревая вверенный ему округ» в 1820 г., генерал-майор Н.З. Хитрово выяснил, что в городах Пензенской губернии (Саранске, Инсаре, Краснослободске, Наровчате, Керенске, Чембаре, Нижнем Ломове, Мокшане) больниц вовсе не имеется. Генерал отмечал, что «в прочих уездных городах они имеются, но требуют значительной поправки, причем в некоторых недостает, в других не имеется больничного белья, постелей, посуды; больные довольствуются одним получаемым от казны продовольствием, без всякой по болезни их другой пищи» [26, л. 2–3]. Во многих городах не было особых лекарей, так что «один состоит в двух-трех уездах и таковые, отвлекаемые выполнением других обязанностей больных нижних чинов посещать могут не более как 3–4 раза в год» [26, л. 2–3].

Излечение больных нижних чинов, таким образом, проходило в градских больницах, на счет которых обращались продовольствие и лекарства. В обход Положения о госпиталях от 31 марта 1816 г. Комиссариатское ведомство не отпускало по 50 коп. на каждого заболевшего по требованию заведующих больницы, поэтому обеспечение пациентов осуществлялось из губернских средств [26, л. 4]. На одного человека в стационаре следовало

предусмотреть 2 халата – летний и зимний, одеяло, наволочку для тюфяка, 2 простыни, 2 подушки, 2 рубахи, холщевые и шерстяные чулки, 2 холщевых полотенца, башмаки кожаные, кровать, кружку глиняную, чашку и ложку деревянные всего на сумму в 58 руб. 66 коп. [27, л. 70-70об]. Пациентами больниц становились, как правило, нижние чины, «болезнями одержимые»: рядовые проводили в медицинских учреждениях в среднем три недели, унтер-офицеры – 3–7 дней [26, л. 89].

Вместе с тем с конца 1820-х гг. в городах развернулось устройство лазаретов: они размещались в «праздных после перевода арестантов в тюремные замки» помещениях – арестантских домах, жилищно-бытовые недостатки которых («течь крыши», «рассевшаяся печь») усугубляли положение больных [26, л. 74об, 117]. В целях обустройства лечебных учреждений при войсковых частях в городах объявлялись сборы добровольных пожертвований с недвижимого имущества (с 1 рубля – 1 копейка), которые, как известно, вне периодов войны и патриотического подъема особой популярностью не пользовались [21, л. 1].

Таким образом, натуральные повинности по военному ведомству, сборы с населения для снабжения войск «разными потребностями», с первого взгляда, должны были дешево обходиться для правительства, но оказывались в действительности весьма дорогостоящими, потому что, обременяя гражданское население, препятствовали его благосостоянию. В то же время размещение военных в городе, стимулируя потребление, приносило выгоду некоторым социальным группам. Повседневной практикой к середине XIX в. становится получение заработка от предоставления квартир. Так, Пензенской квартирной комиссией было употреблено в расход для обеспечения офицеров жильем в 1843 г. 5432 руб., в 1845 г. 5479 руб. серебром и в последующие годы эти суммы возрастали [28, л. 8; 29, л. 6]. К 1850-м гг. практически весь рынок сдачи жилья делили между собой мещане и купцы, наем покоя у которых составлял в среднем соответственно 50 коп. и 4 руб. в сутки [30, л. 42]. Расположение военных на квартирах заметно увеличивало городские торговые обороты: регулярно закупалось фуражное довольствие для лошадей (овес, сено), купцы снабжали во-

йска фабрикантскими сукнами, во время смотров и маневров распределяли подряды и заготавливали солому и дрова, организовывали их перевозку и охрану (караул), привлекая вольных рабочих.

Итак, в исследуемый период военные составляли в Пензенской губернии заметную городскую прослойку. Бытовая повседневность штаб-квартир полков и гарнизонный быт в Пензенской губернии во многом соответствовали друг другу и по принципиальным основаниям отличались лишь в одном: повседневный быт гарнизонного батальона и инвалидов команд определял фактор оседлости. Система жизнеобеспечения военных зависела от качества выполнения городским населением натуральных повинностей. В первую очередь справедливо это в отношении полков, расквартированных по партикулярным домам, так как строительство казарм в губернии по причине отсутствия к тому денежных средств не велось. Офицеры и нижние чины батальона как гарнизонной части, напротив, имели возможность обзавестись семьями и домами в городе, лучше снабжались продовольствием. Однако отрыв от собственно воинской службы солдат, организацию подсобных хозяйств (огородов) и ремесленных работ их силами следует признать постоянным явлением и в полках, и в гарнизонном батальоне, так же, как и неудовлетворительное медицинское обслуживание.

Характер взаимоотношений военных и гражданского населения был весьма противоречивым. Бремя натурального поста практически не смягчилось системой льгот и введенным лишь в губернском центре денежным исполнением квартирной повинности. Заложенное еще при Петре I распределение обязанностей по содержанию войск между государством и обществом сохраняло свое значение на всем протяжении дореформенного периода. Поэтому горожане прибегали к легальным методам, а также изыскивали незаконные способы, чтобы избежать повинностей по снабжению войск «разными потребностями». С другой стороны, городская жизнь в губернии с приходом войск заметно оживлялась. Военные стимулировали торговые обороты и увеличивали доходы части городского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 507 с.
2. Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 418 с.
3. Военный фактор в российской истории в XVIII–XX веках: сб. статей междунар. научн. конфер. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. 168 с.
4. Лысёв А.В. Русский Порт-Артур в 1904 году. История военной повседневности. М.: Содружество «Посев», 2019. 336 с.
5. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.
6. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2119.

7. Пензенские губернские ведомости. 1838. № 51.
8. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1211.
9. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3496.
10. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона (начаты в июле 1873). I. До 1837 года // Русский архив. 1883. № 5. С. 73–200.
11. Субботина Л.Е. Взаимоотношения военных и гражданского населения при исполнении постоянной повинности в 50–60-е гг. XIX в. // Армия и общество в Российской истории XVIII–XX вв.: сб. тр. междунар. заочн. науч. конф. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. С. 78–85.
12. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 259.
13. ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 3.
14. ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 4.
15. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2359.
16. ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 2.
17. Записки Ивана Ивановича Мешкова // Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 177–242.
18. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 482.
19. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 186.
20. Щербинина Ю.В. Власть, общество и инвалиды в XVIII в. Армия и общество в Российской истории XVIII–XX вв.: сб. тр. междунар. заочн. науч. конф. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. С. 61–66.
21. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 218.
22. Пушкарев Л.Н. Солдатская песня – источник по истории военного быта русской регулярной армии XVIII – первой половины XIX в. // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М.: Наука, 1969. С. 422–432.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 43. Ч. 2. Книга штатов. Спб., 1830. К № 24704.
24. Бегунова А.И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М.: Молодая гвардия, 2000. 383 с.
25. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 273а.
26. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 795.
27. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1212.
28. ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 5.
29. ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 6.
30. ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 7.

© Кондалова Наталья Алексеевна (natalja-kondalova@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI ВЕКЕ

Лаврова Ирина Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент, Ордена трудового
красного знамени ФГБОУ ВО «Московский технический
университет связи и информатики»
iralavrova@mail.ru

MAJOR TRENDS AND THE DEVELOPMENT OF CULTURE OF THE MOSCOW STATE IN THE XVI CENTURY

I. Lavrova

Summary: In the article, against the background of the evolution of the centralized Moscow state, the process of development of all-Russian culture in the XVI century is considered. The article reveals the needs and challenges facing the country in the field of cultural development. Taking into account the historical conditions, domestic and foreign policy factors of influence, the key directions of cultural development, the essence and features of cultural transformation are revealed. Thus, the historical experience of the state approach to the development of culture as the most important component of the life of a single state is updated.

Keywords: XIV century, centralized Moscow state, autocracy, ideology, Russian culture, religion, literacy, cultural achievements.

Аннотация: В статье, на фоне эволюции централизованного Московского государства, рассматривается процесс развития общерусской культуры в XVI столетии. Раскрываются потребности и задачи, стоящие перед страной в области культурного развития. С учетом исторических условий, внутри- и внешнеполитических факторов влияния, раскрываются ключевые направления развития культуры, суть и особенности культурной трансформации. Тем самым актуализируется исторический опыт государственного подхода к развитию культуры как важнейшей составляющей жизни единого государства.

Ключевые слова: XIV век, централизованное Московское государство, самодержавие, идеология, русская культура, религия, грамотность, культурные достижения.

Окончательное объединение русских земель вокруг Москвы и формирование в XVI в. централизованного феодального Московского государства, сопровождавшиеся ожесточенной классово-борьбой, способствовали развитию общерусской культуры.

Условия, в которых развивалась русская культура XVI в., были малоблагоприятны. Блокада Московского государства со стороны враждебных ему Ливонского ордена, Польско-Литовского государства и Швеции препятствовала культурному общению с Западной Европой и была одной из причин сравнительной его отсталости. В народных массах грамотность была плохо распространена: даже священники и дьяконы, по отзыву членов Стоглавого собора, «грамоте мало умеют» [1, с. 60–62]. На Стоглавом соборе был поднят вопрос об устройстве школ при церквях для обучения детей грамоте, но это предложение не могло быть осуществлено, так как не было людей, подготовленных к обязанности учителей. Образование было достоянием представителей высшего класса – духовенства и светских феодалов, но и среди последних часто попадались люди неграмотные [1, с. 60–62]. Однако условия политического характера вызвали к жизни большие культурные силы. В узком кругу образованных людей выросла исключительная по своей яркости литература.

Такой важнейший фактор как оформление централизованного феодального государства вызвал появление

ряда монументальных трудов, имевших целью идеологически обосновать и исторически объяснить образование самодержавного Московского царства.

Видное место в разработке политической теории московского самодержавия принадлежало литературному кружку митрополита Макария (1542–1563 гг.). Еще будучи в Новгороде, Макарий задумал поразительный по замыслу труд, который должен был объединить все удельные литературы. Он предполагал собрать в одну серию книг «все чтимые» [2, с. 174], то есть все читаемые книги, «яже в русской земле обитаются» [2, с. 176]. Он привлек для этого, не щадя «серебра и всяких почестей», лучших писателей своего времени. Уже в Москве закончены были «Четьи-Минеи» (помесячные чтения) [3, с. 139] – грандиозное собрание церковно-литературного материала. В него вошли и были расположены по месяцам и числам краткие и пространные сказания о праздниках, жития святых, церковные поучения, относящиеся к тем или иным дням, произведения, принадлежащие поминаемым святым, а в конце каждого месяца – церковно-поучительные сочинения других церковных писателей. «Четьи-Минеи» были связаны с канонизацией русских святых, но их значение было гораздо шире [4, с. 35–43]. Это была попытка подвести итог всему, что было создано в русской церковной литературе предшествующего времени. Материал был объединен не только механически. Старинные жития были отредактированы политически и переработаны стилистически. Создание единого стиля

являлось очень существенным моментом в развитии общерусской литературы. Наряду с канонизацией русских святых на соборах 1547–1549 гг. и с постановлением Стоглавого собора об унификации культа «Четьи-Минеи» утверждали церковно-религиозное единство Русского государства. [4, с. 35–43].

Другой важнейшей задачей литературы XVI в. было историческое объяснение и оправдание политического объединения русских земель в единое государство и установление в нем самодержавной власти. Во второй половине XV в. и в XVI в. была произведена работа по составлению общерусского летописного свода – летописи Софийские I и II, Воскресенская и Никоновская. Обширный разнородный летописный материал был дополнен отдельными сказаниями, объединен в единое целое и связан общей идеей национального, политического и религиозного единства Русской земли. В середине XVI в. была предпринята попытка приступить к составлению «Царственной книги» – грандиозной иллюстрированной всемирной истории в 11-ти томах, в которой история Русского государства находила себе достойное место.

Другим замечательным историческим трудом данной эпохи, по своему замыслу и исполнению, является «Степенная книга» – систематическое изложение истории образования Московского царства [4, с. 35–43]. «Степенная книга» была составлена по распоряжению митрополита Макария его учеником, протопопом Благовещенского собора Андреем (в монашестве Афанасий), впоследствии ставшим митрополитом [4, с. 35–43]. В отличие от летописных сводов, излагавших события в хронологической последовательности, «Степенная книга» являлась цельным произведением, в котором все части связывались между собой не только общей идеей, но литературной конструкцией. «Степенная книга» имела целью показать мировое значение Московского царства как исторического приемника Римско-Византийской империи и державы Владимира Святого, а также извечность самодержавной власти московских князей. Все предки Ивана IV представлены как ветви, исходящие от единого ствола, каковым является родоначальник московского великокняжеского рода Владимир Святой, или как «лествица», восходящая от того же Владимира к Ивану IV, в которую каждая ступень или «степень», собственно, отсюда и название «Степенная книга», составляет княжение каждого великого князя [4, с. 35–43]. Путем этой литературной метафоры автор показывал, что самодержавие Ивана IV является продолжением той «лестницы», которая начиналась с самодержавия Владимира, связана через Рюрика с кесарем Августом, а через Владимира Мономаха – с Константином Мономахом. Основная часть «Степенной книги» заключалась в доказательстве божественного происхождения и чудесного характера преемственности царского самодержавия Ивана IV. Литературная форма должна была соответствовать возвы-

шенности выражаемой ею мысли, этим и объясняется высокопарная стилистика, характерная вообще для макареевской литературы [4, с. 35–43].

Такое же историческое обоснование давал и сам Иван Грозный в трех посланиях князю Курбскому. В этих посланиях он полемизировал с князем-изменником, обвинившим его в бесцельной жестокости, и излагал свое собственное понимание значения царской власти. В другом своем послании, в Кирилло-Белозерский монастырь, Грозный обличал монахов в нарушении правил монашеского жития и призывал их следовать примеру Кирилла Белозерского, основателя монастыря. Едкость его упреков объясняется тем, что он подозревал монахов в сочувствии к боярам. Сохранились и другие писания Ивана IV, замечательные по силе и своеобразию (к примеру, завещание Ивана Грозного, в котором он с большой отчетливостью проводит мысль о единстве государства и, вместе с тем, утверждает, что он сам изгнан боярами и лишен ими царской власти). Язык Грозного не отличался литературной отделкой, но живая мысль, острая наблюдательность, страстность и злая ирония делают все написанное Грозным, исполненным яркой жизненности и силы.

Другую историческую концепцию, отражающую идеологию крупной феодальной знати, выработал князь Андрей Михайлович Курбский, заслуживший печальную известность своей изменой родине. Курбский являлся учеником Максима Грека и впоследствии дополнил свое образование в Литве [5, с. 236–263]. Уже «в сединах» он обучался латинскому языку и «наукам внешним (светским) и философии», знал римских и греческих классиков и творения «отцов церкви». Свою историческую концепцию Курбский развивает в «Истории о великом князе московском» и в своих посланиях к Ивану IV [5, с. 236–263]. Роду московских и великих князей, стремящимся самодержавно править царством, Курбский противопоставлял других князей, которые, как и они «влекомы от рода великого Владимира». Курбский с осуждением говорил об «издавном кровопийственном роде» московских князей, которые «обыкли тела своего ясти и крови братии своей пити», то есть истреблять свою, и склонны к «лютости и граблению» [5, с. 236–263].

К числу публикационных произведений середины XVI в. относится «Благохотящим царем правительница и землемерие», написанная в 40-х гг. XVI столетия священником Ермолаем (в монашестве Эразм). «Правительница» посвящена политико-экономическим вопросам. В Московском царстве, по мнению автора, источником богатства правящего класса является земля с сидящими на ней основными производителями-земледельцами или, как их называет автор, «ротаями». В связи с этим Ермолай-Эразм ставит вопрос о наделении землей и о переводе крестьян с денежных повинностей на натуральные

[6, с. 26–27].

К научной литературе XVI в. можно отнести и «Азбуковник». Это своего рода энциклопедический словарь, дававший читателю определенную систему знаний и взглядов в духе церковной схоластики.

Необходимо особенно выделить и «Домострой», который являлся морально-хозяйственным руководством для жизни. Элементы «Домостроя» восходят к XV в, но окончательно он сложился в XVI веке. «Домострой» сохранился в редакции, восходящей к списку, принадлежавшему знаменитому священнику Сильвестру [7, с. 88–93]. В «Домострое» перечисляют религиозно-нравственные обязанности каждого человека, понимаемые исключительно в смысле исполнения определенных обрядов, даются полные наставления относительно семейной жизни и воспитании детей. Большое место в «Домострое» уделяется советам по хозяйству. «Домострой» стремится провести в частную жизнь те идеалы, которые публицистика проводила в церковно-политической среде. Он является ценным источником для характеристики семейного и хозяйственного быта боярской и купеческой среде XVI века. В «Домострое» отражается еще характер домашнего хозяйства и положения главы семьи, как полновластного владыки над женой, детьми и холопами [7, с. 123–128].

Важнейшим достижением XVI в. являлось книгопечатание, введенное в Москве при Иване Грозном. Первые опыты в этом направлении были сделаны в 50-х гг. XVI века. До нашего времени сохранилось несколько богослужебных книг, напечатанных между 1551 и 1556 годами. Упоминается в те годы русский «мастер печатных книг» Марфуша Нефедьев [8, с. 168]. Более подробные сведения о московской типографии 50-х гг. не имеется, но ее следует ставить в связь, с одной стороны, с тем большим литературным оживлением, которое связано с именем митрополита Макария, а с другой – с деятельностью Избранной рады. В 1563 г. Иван IV возвратился к мысли о создании типографии. Во главе этого дела был поставлен «друкарь москвитии» [8, с. 176] Иван Федоров, дьякон одной из московских церквей, а помощником ему белорус Петр Мстицлавец [9]. В 1564 г. из этой типографии вышла первая книга «Апостол», в техническом отношении исполненная очень хорошо, с гравированными заставками и фигурным изображением Апостола Луки. В 1565 г. вышли два издания «Часовника». Есть версия, что работа типографии прервалась вследствие поджога [9]. Виновниками прекращения деятельности типографии были, по всей видимости, переписчики книг, боящиеся потери заработка. Переписчики книг нашли поддержку у духовенства, которое увидело в печатании книг ересь, и среди реакционно настроенных кругов знати. Федоров и Мстицлавец уехали из Москвы. Однако отъезд печатников не остановил развития печатного

дела и впоследствии Иван Грозный устроил новую типографию в Александровской слободе.

Политический рост Русского государства в XVI в. отразился и на развитии национального русского искусства. На основе народного деревянного зодчества выработывался новый национальный стиль, нашедший себе наивысшее выражение в шатровых храмах, который можно считать свидетельством о разрыве с византийскими традициями.

Одним из ранних образцов этого стиля является великолепная церковь Вознесения в царском селе Коломенском, «зело чудно выотою и красотою, и светлостью, таковы не бывала прежде сего на Руси» [10], построенная в 1552 году. Самым выдающимся памятником шатровой архитектуры остается Покровский собор или так называемая церковь Василия Блаженного, возведенная в правление Ивана IV в честь взятия Казани. Покровский собор образует группу восьми храмов вокруг центрального столпа в виде восьмиугольной звезды. Каждая из этих церквей поражает богатством и разнообразием орнаментовки. Собор представляет непревзойденный по изяществу и оригинальности памятник русской архитектуры, замечательный не только в художественном, но и строительном отношении. Строителями его были русские зодчие Барма и псковитянин Постник Яковлев [10].

Идеология централизованного феодального государства с особенной наглядностью выражалась также в живописи, которая, как и литература, была использована для пропаганды идей самодержавия. После пожара 1547 г. дворец был отремонтирован и внутренние стены его были покрыты новой росписью. На стенах Золотой палаты, в ряде символических картин, был изображен апофеоз самодержавной власти в лице юноши-царя как носителя высшей милости, справедливости и победителя неверных. В росписи Золотой палаты была увековечена литературная легенда о венце Мономаховом. На иконе, известной под названием «Воинствующая церковь», прославляется взятие Казани и изображено русское воинство, идущее из пылающей Казани к «святому граду» Москве [10]. Цель прославления самодержавия преследовали и прекрасные миниатюры в рукописи «Царственной книги» [11, с. 117].

Влияние западноевропейской, в частности итальянской, живописи XVI в. отчасти сказалось в обилии символических образов в дворцовой росписи, например: день и ночь, четыре ветра, любовь и стрелок, олицетворение добродетели и пороков и многие другие. В фресках Благовещенского собора, написанных псковскими художниками после пожара 1547 г., и в некоторых других произведениях изобразительного искусства того времени заметно стремление к реализму, знакомство с анатомией человеческого тела. Новшества в живописи вызывали

даже протесты среди консервативно настроенных кругов общества [12, с. 106–137].

В XVI в. наблюдается также расцвет прикладного искусства. С того времени сохранились великолепные образцы художественного шитья и ювелирного дела [13]. Образцом художественной резьбы по дереву является царское место в Успенском соборе, на котором вырезаны сцены из легенды о венце Мономаховом. Высокого уровня достигает и литейное дело. В этой отрасли прикладного искусства выделялся мастер Андрей Чохов, который стал известен своими колоколами [14]. Несколько позже, при сыне Ивана IV Федоре Иоанновиче, была вы-

лита знаменитая царь-пушка, на которой изображен сам царь Федор, верхом не коне [14].

Трагические события Смутного времени начала XVII в. заметно затормозили поступательное движение в формировании единого русского культурного пространства. XVII столетие стало переломным периодом в российской истории не только в политическом, но и в культурном отношении. Проявившаяся в XVI в. тенденция к обмирщению культуры – ее освобождение от влияния церкви, разрушение религиозного средневекового мировоззрения, апелляция к разуму – в XVII столетии стала главным содержанием культурно-исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Труды Новгородской Губернской Ученой Архивной комиссии. – Новгород, 1912. – Вып. 1. – 154 с.
2. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). Ч. 1. №№ 577–819 / Сост. Т.Н. Протасьева. – М.: [б. и.], 1970. – 19 л.
3. Дробленкова Н.Ф. Великие Четьи Миней. Словарь книжников и книжной древности Руси. – Л.: Наука, 1987. – 368 с.
4. Усачев А.С. Из истории древнерусской книжности времен митрополита Макария: Великие Миней Четьи и Степенная книга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 4 (30). – С.35–43.
5. Филюшкин А.И. Логика спора Ивана Грозного с Андреем Курбским // Герменевтика древнерусской литературы. – 1998. – № 9. – С. 236–263.
6. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. – СПб.: «Искусство–СПБ», 2007. – 416 с.
7. Колесов В.В., Рождественская В.В. Домострой. – СПб.: Наука, 1994. – 399 с.
8. Немировский Е.Л. Иван Федоров (около 1510–1583). – М.: Наука, 1985. – 320 с.
9. Румянцев В.Е. Иван Федоров – первый русский книгопечатник. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006599096#> (дата обращения: 27.01.2024).
10. Рапацкая Л.А. История художественной культуры. URL: https://mkgush.ru/sites/default/files/istoriya_hudozhestvennoy_kultury_rossii_0.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
11. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – М.: МГУ, 1944. – 214 с.
12. Соколова Г.С. К вопросу о первоначальной росписи галерей Благовещенского собора Московского Кремля // Искусство Москвы периода формирования Русского централизованного государства. – М.: Искусство, 1980. – С.106–137.
13. Уткин. П.И. Ювелирное дело на Руси в XVI–XVII веках. URL: <http://iznedr.ru/books/item/f00/s00/z0000041/st002.shtml> (дата обращения: 28.01.2024).
14. Немировский Е.Л. Андрей Чохов (около 1545–1629). – М.: Наука, 1982. – 112 с.

© Лаврова Ирина Анатольевна (iralavrova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗДАТЕЛЬСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМИТЕТОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1915–1917 ГГ.)

Леонова Светлана Леонидовна

Кандидат исторических наук, доцент, Институт технологий управления МИРЭА, Российский технологический университет Россия г. Москва, svetlanaleonova1711@gmail.com

PUBLISHING AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF MILITARY-INDUSTRIAL COMMITTEES DURING THE FIRST WORLD WAR (1915–1917)

S. Leonova

Summary: The article examines a little-known aspect of the history of military-industrial committees during the First World War - their large-scale and diverse publishing and educational activities. It included the publication of not only newspapers and magazines, but technical literature and free brochures for the army, as well as the organization of courses, schools, exhibitions and even museums.

Keywords: First World War, military-industrial committees, publishing and educational work, assistance to the front, military exhibitions, scientific and technical literature.

Аннотация: В статье рассматривается малоизвестный аспект истории военно-промышленных комитетов в годы Первой мировой войны – их масштабная и разнообразная издательско-просветительская деятельность. Она включала в себя издание не только газет и журналов, но технической литературы и бесплатных брошюр для действующей армии, а также организацию курсов, школ, выставок и даже музеев.

Ключевые слова: первая мировая война, военно-промышленные комитеты, издательская и просветительская работа, помощь фронту, военные выставки, научно-техническая литература.

Военно-промышленные комитеты (далее – ВПК), созданные в 1915 г. по инициативе частного бизнеса для работы на оборону страны, были новым и уникальным явлением российской жизни. С первого же дня они находились под пристальным вниманием власти и общества. Чем больше разворачивалась деятельность комитетов, тем решительнее становилось их противостояние с царским правительством, чуждым любой частной инициативе, тем резче звучала их критика со стороны правых сил, критика, нередко напоминавшая травлю. Работа ВПК на оборону объявлялась малозначительной («они больше шумели, чем делали»), в то же время всячески подчеркивалась «личная выгода» предпринимателей. «Нажива», как слово-клеймо, определило суть государственной позиции, за которой прятался страх конкуренции, как экономической, так в конечном счете – и политической, борьба за влияние в обществе.

В отечественной историографии не сложилось определенного мнения о ВПК. Прошедшего с момента их появления столетия (точнее 109 лет) оказалось недостаточно, чтобы определиться в оценках их роли и места в истории. Перекочевавший со страниц дореволюционных правых изданий штамп о деятелях ВПК как о «дельцах, набивших карманы на военных поставках» и о «безответственных политиках, расшатывающих устои государства», надолго закрепился в советской историо-

графии (А.А. Маниковский [14], В.С. Дякин [4], Н.Н. Яковлев [3] и др.) Однако, если негативные оценки советских историков, вынужденно или по убеждению стоявших на «классовых», антибуржуазных позициях, вполне объяснимы, то скептическое отношение многих современных российских исследователей к деятельности комитетов (А.С. Туманова [23], Т.М. Китанина [11] и др.) можно объяснить лишь инерцией, а отчасти и недостаточной изученностью проблемы.

Взгляд на более чем 250 комитетов, созданных по всей стране, только как на посредников в исполнении военных заказов или на либеральных критиков власти нам представляется поверхностным и одномерным. Научные исследования М.Ф. Юрия [27], П.А. Кюнга [13], а также монография автора этих строк [22] помогают воссоздать масштабную созидательную работу этих общественных организаций. Тем не менее эта задача еще далека от завершения.

Настоящая статья освещает почти неизвестную страницу деятельности ВПК – их издательско-просветительскую работу.

Возникшие на фоне острейшего кризиса снабжения армии летом 1915 г. ВПК быстро вышли за рамки статуса посредников в распределении военных заказов среди мелкой и средней частной промышленности. «Жизнь

представляла такое обширное поле для творческого труда, – заметил член Московского ВПК И.А. Горбачев, – что невольно все изобилие получаемых комитетами ежедневно впечатлений и запросов находило себе единственный исход в расширении программы деятельности, в новых хозяйственных мероприятиях» [2, С.15].

Статус общественных организаций предполагал публичность и широкую гласность в работе ВПК. Практически все комитеты сотрудничали с прессой. В местных газетах регулярно помещались сообщения об их работе. Центральный ВПК (далее – ЦВПК) имел свой печатный орган – газету «Известия Центрального военно-промышленного комитета». «Будучи всероссийским органом мобилизованной промышленности, – подчеркивалось в передовице этого издания, – Известия должны были отражать, с возможной – по цензурным условиям – полнотой все факты, все настроения, характеризующие работу по снабжению армии общественных организаций» [6]. Газета выходила два раза в неделю на протяжении более трех лет общим тиражом 4 000 экземпляров. На ее страницах регулярно печатались отчеты о деятельности ЦВПК и его отделов, а также содержались сведения просветительского характера: о положении в экономике, об опыте союзников в вопросах мобилизации и т. д.

Печатный орган со схожим названием был и у Московского ВПК. «Известия Московского военно-промышленного комитета» выходили с 10 августа 1915 г. дважды в месяц.

«Известия» рассылались бесплатно во все областные и местные комитеты, в государственные и общественные организации, занимавшиеся вопросами снабжения армии. На страницах газет регулярно печатались отчеты о деятельности столичных и провинциальных ВПК, материалы совещаний и съездов.

С осени 1916 г. на средства Московского ВПК по инициативе П.П. Рябушинского стал выходить двухнедельный журнал «Производительные силы России», ставший коллективным просветителем в деле экономического, научно-технического развития страны, в изучении ее природных богатств. С журналом сотрудничали академики В.И. Вернадский, В.М. Бехтерев, профессора Н.А. Каблуков, М.И. Туган-Барановский, Д.С. Зернов, П.Б. Струве и другие известные научные и общественные деятели. Журнал выходил по подписке, с рекламой. Последний 20-й номер был датирован 30 ноября 1917 г.

Помимо газет столичные комитеты ежедневно печатали Бюллетени «для широкого осведомления о своей повседневной работе», которые, как и газеты, рассылались бесплатно во все общественные организации и ведомства, чья деятельность была связана с вопросами обороны.

ЦВПК имел и иной богатый издательский опыт. Эвакуационно-реквизиционным отделом ЦВПК одним из первых в стране был подготовлен к печати справочник по вопросам эвакуации и реквизиции предприятий и грузов [25]. В предисловии говорилось, что «издание настоящего справочника предпринято с целью ознакомить широкие слои заинтересованных лиц как с действующими законоположениями, так и с распоряжениями органов государственной власти по указанным вопросам» [25, С. 3.]. Справочник содержал ценный нормативно-правовой материал, касавшийся вопросов общего порядка эвакуации, возмещения издержек, розыска и порядка восстановления эвакуированных предприятий, списка предметов, подлежащих реквизиции, порядке обжалования действий властей по производству реквизиций, ликвидации бездокументных грузов и др.

Приложением к Известиям Центрального военно-промышленного комитета вышел справочник «Адреса эвакуированных из Западного края промышленных предприятий и других учреждений». Справочник содержал собранный Эвакуационно-Реквизиционным отделом сведения о 800 предприятий, эвакуированных из зоны боевых действий. Всем общественным организациям справочник рассылался бесплатно. Для частных лиц он стоил 1 руб. [7].

Отделом изобретений ЦВПК в мае 1916 г. было издано «Краткое руководство для постройки и исправления грунтовых дорог в районе военных действий» [12]. Авторы издания выразили искреннюю признательность инженерам: Н.И. Андржиевскому, Г.И. Астафьеву, К.И. Миллеру, К.Э. Шефер, И.К. Янковскому, Н.М. Ушакову, Б.Д. Кларк, Н.Н. Давиденкову и И.А. Александрову, которые «своими замечаниям и советами» оказали «существенную помощь и способствовали возможной полноте руководства» [12, С.2.]. В тексте содержались требования, предъявляемые к дорогам, материалы для их устройства и ремонта, способы «улучшения дорог» в открытой и лесистой местности, а также инструкции по производству дорожных работ в районе военных действий. Издание было «встречено единодушным одобрением технической комиссией Российского автомобильного общества и рекомендовано для пользования земским учреждениям» [9].

Еще более значительной была издательская деятельность Московского ВПК. Располагая мощностями «Типографии Товарищества Рябушинских», этот комитет с первых дней включился в работу. Был создан Отдел издательства Московского ВПК, Бюро печати, Издательская комиссия. Была налажена работа по выпуску дешевых просветительских изданий. За полтора года было напечатано 150 тысяч экземпляров брошюр по военно-техническим вопросам и санитарному просвещению. Большинство из них предназначались действующей ар-

мии. Бесплатно на передовую были отправлены брошюры В.П. Пантелеева «Питьевая вода» и «Средство против паразитов», составленная Химическим отделом. Особый интерес среди солдат вызвала «Памятка по окопному делу», составленная инженером Д. Стерлиговым и допечатанная вторым увеличенным тиражом, а также брошюры инженера В.Н. Образцова «К вопросу о путях сообщения на фронте» и «Переправы и полевые мосты». Последняя вышла двумя изданиями. Всего было издано 12 тематических брошюр.

В отчете от 1 мая 1917 г. сообщалось, что «издательство приступило к составлению и изданию брошюр и книг для солдат и офицеров, дающих беспристрастное освещение вопросов политической жизни», поскольку «на фронте вопросы общеполитической жизни приобрели острое насущное значение». Для офицерских библиотек намечено было издать «ряд переводных капитальных сочинений» [3, С.63.]. Есть, правда, большие сомнения в том, что данные планы успели реализоваться в сколько-нибудь существенной степени.

Высокую оценку получили богато иллюстрированный труд профессора А. Белявского «Сборка ручных гранат образца 1914 г.», а также книга профессора Н.П. Коломийцева «Торговля России маслом», выпущенная в связи с кризисом снабжения маслом армии и населения [5]. Авторами нескольких изданий по вопросам устройства железных дорог стали инженеры, преподаватели Московского института инженеров путей сообщения Ю.В. Энгельгардт и В.Н. Образцов [26]. Большим спросом пользовались их книга «Экономические подъездные пути» [15], сборник статей «К вопросу об улучшении дорог на фронте» [10].

Многочисленные трудности, с которыми сталкивались ВПК в своей каждодневной работе, подсказывали новые направления деятельности.

Отсутствие или нехватка специалистов и просто рабочих рук для предприятий, исполняющих военные заказы, поставили перед комитетами вопрос о подготовке собственных кадров. Как в обеих столицах, так и в ряде областных ВПК были организованы курсы и школы для подготовки рабочих и техников для военного производства.

При Московском ВПК действовали курсы для женщин и подростков по ряду технических специальностей, в которых нуждалась частная промышленность. При Московском Техническом училище по инициативе Московского ВПК были открыты курсы для студентов, работающих в технических лабораториях, исполняющих военные заказы. Ростовский ВПК организовал курсы техников.

Интересен пример образовательно-просветительской деятельности Автомобильно-авиационного отдела ЦВПК. Уже в труднейшем 1915 г. Отдел выступил с инициативой создания по всей России частных школ шоферов. Специалистами отдела была разработана учебная программа двухгодичного обучения шоферскому делу. Были рассчитаны сроки и плата за обучение, изучены возможности столичных и региональных учебных заведений, при которых такие школы могли бы работать [16, С.18].

Ярким примером просветительной деятельности военно-промышленных комитетов стало их участие в работе технических и военных выставок и военных музеев. Отчеты столичных и областных комитетов содержат немало информации об активной работе в этом направлении и ее большой востребованности. Справочный отдел Московского ВПК написал о получении 90 запросов о выставочных музеях военных образцов.

В Петербурге и Москве по инициативе Центрального и Московского ВПК было организовано несколько выставок военной продукции и образцов предметов военного снаряжения. В ЦВПК был открыт Музей изобретений войны [19]. При Киевском ВПК успешно работал Музей снабжения и снаряжения армии [24]. Воронежский ВПК принял участие в Патриотической выставке, устроенной властями города, где представил образцы своей продукции [1, С.6.].

В здании Московского ВПК на Солянке работала Выставка-магазин, где были представлены образцы артиллерийского, военно-технического и интендантского снаряжения и снабжения. «Эта Выставка, – отмечалось в Отчете комитета, – весьма значительная по своим размерам, дает полезный материал делу приспособления частной промышленности к нуждам войны и приобретет еще большее значение, когда будет превращена в передвижную, которую смогут показывать по всему району» [3, С.10].

Едва ли не с первых дней деятельности военно-промышленных комитетов зародилась идея создания Музеев ВПК. Комитетам предлагалось бережно собирать материал для будущих музейных экспозиций. В январе 1917 г. Бюро ЦВПК приняло решение приступить к составлению истории деятельности мобилизованной промышленности. Было созвано специальное совещание, на котором решался вопрос о создании центрального архива-библиотеки, места сбора информации, полученной от областных и местных ВПК. Работа по сохранению наследия ВПК была поручена специальной комиссии [8]. В Московском ВПК была широко поддержана идея создания собственного Музея, который должен был бы сохранить опыт, накопленный комитетом для послевоенного развития страны.

Большую просветительскую работу вели ВПК, выступая с публичными лекциями самой разной тематики. Столичные комитеты сделали традиционным открытые заседания отделов и секций. Вход был свободен для всех желающих, приглашались представители прессы. Члены комитета выступали с тематическими докладами, нередко лекторами становились приглашенные профессора учебных заведений, инженеры. Так, на заседании Химического отдела ЦВПК в марте 1916 г. совместно с Комитетом военно-технической помощи был сделан доклад «Помощь химика на фронте», где были рассмотрены вопросы охраны здоровья солдат на передовой. «Особое внимание слушателей вызвали проблемы очистки воды и борьба с насекомыми» [17]. На бесплатных военно-дорожных курсах строительного-технического училища упоминавшимся нами инженером В.Н. Образцовым были прочитаны лекции о «Переправах и полевых мостах». Затем лекции были изданы и разостланы в действующую армию. В областных и местных ВПК также была распространена практика выступлений с публичными докладами и с лекциями для гражданского населения и военных.

Нередко комитеты становились популяризаторами знаний, далеких от проблем военного времени. При Пермском ВПК, например, были организованы Археологическая и Церковно-историческая секции, которые вели большую краеведческую работу [18].

Уникальный образец просветительской мысли пред-

ставляет собой докладная записка, составленная Ревельским ВПК на имя министра народного просвещения. Военно-промышленная (!) организация из эстонского (!) города предлагала реформировать русскую орфографию для улучшения качества технического образования в стране. «Имея единственной целью, – говорилось в записке, – помочь Вам приспособить школу к поднятию уровня развития русского рабочего, техника и вообще промышленного деятеля, ради будущих успехов России, мы желаем обратить Ваше внимание на некоторые детали народного образования» [20]. Комитет предлагал пересмотреть правила орфографии и изъять из алфавита лишние, на его взгляд, буквы «ять», «фиту», «ер», «л», что позволило бы облегчить начальное обучение. Кроме того, ревельцы высказали пожелания о «лучшей поставке среднего и низшего технического образования» и внесли свои предложения по этому вопросу [21].

Созданные либеральной буржуазией ВПК широко трактовали само понятие «мобилизации». Они объединяли для работы на оборону не только частную промышленность, но и научно-технические силы страны, отводили значительную роль просветительской и издательской деятельности. Совместная работа в этих общественных организациях решала важнейшую задачу единения российского общества и признания за частным бизнесом созидательной силы, способной приносить общественную пользу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник Воронежских организаций военного времени. Воронеж. 1916. - №12–13.
2. Горбачев И.А. Хозяйство и финансы военно-промышленных комитетов. Москва, 1919. - 41с.
3. Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов на 31 января 1916 г. Москва: Тип. Тов. Рябушинских, 1916. – 244 с.
4. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917 [Текст] / В.С. Дякин. - АН СССР. Ленигр. отд-ние Ин-та истории. - Ленинград: Наука, Ленингр. Отд-ние. 1967. - 363 с.
5. Известия Московского народно-промышленного комитета. - 1918. N 55–56.
6. Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1915.29 августа.
7. Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1916. 30 июля.
8. Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1917. 17 января.
9. Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1916. 1 июля.
10. К вопросу об улучшении дорог на фронте: [Сб. ст.] / В.Н. Образцов, Энгельгардт Ю.В., М.И. Яковлев. – Москва: Тип. Тов. Рябушинских. 1917. - 57 с.
11. Китанина Т.М. Россия в первой мировой войне. 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика [Текст]: курс лекций / Т.М. Китанина. – Санкт-Петербург: Гуманитарная акад., 2016. – 348 с.
12. Краткое руководство для постройки и исправления грунтовых дорог в районе военных действий. черт. и 2 табл. в тексте. Отдел изобретений ЦВПК. Пг., 1916. Типография Р.Г. Шредера. - 51 стр.
13. Кюнг П.А. Военно-промышленные комитеты в России в годы Первой мировой войны: Историко-архивоведческое исследование: диссертация ... кандидата исторических наук: 05.25.02 / П.А. Кюнг; [Место защиты: Рос. Гос. Гуманитар. Ун-т (РГУГУ)]. - Москва, 2007. - 256 с.
14. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну [Текст] / А.А. Маниковский; Перераб. и доп. Е.З. Барсуковым. - 3-е изд. - Москва: Гос. Воен. Изд., 1937. - 718 с.
15. Образцов В.Н., Энгельгардт Ю.В. Экономические подъездные пути. Москва: Тип. Т-ва Рябушинских. 1916. - 85 с.
16. Отчеты отделов Центрального военно-промышленного комитета. С 1 ноября 1915 г. по 1 февраля 1916. Петроград, 1916. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив), Ф.13251. Оп.5. Д.37. Л.217.

17. РГВИА. - Ф.13251. - Оп. 4. - Д.1174. - Л.72.
18. РГВИА. - Ф.13251.- Оп. 4. - Д.1163. - Л.9.
19. РГВИА. - Ф.13251.- Оп.36. - Д.35. - Л. 15–21.
20. РГВИА. Ф. 13521. - Оп. 36. - Д.35. - Л.17.
21. Сергеева С.Л. Деятельность военно-промышленных комитетов. М., 1996. - 140 с.
22. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914-февраль 1917 г.) [Текст] / А.С. Туманова. - Москва: РОССПЭН, 2014. - 326 с.
23. Утро России. 1915. - 25 июля.
24. Эвакуация и реквизиция. Справочник действующих узаконений и распоряжений по эвакуации, розыску эвакуированных грузов и реквизиции. Издание Эвакуационно-Реквизиционного отдела ЦВПК. Пг.,1916. Тип. П.П. Гершунина. - 172 с.
25. Энгельгарт Ю.В. Устройство узкоколейных железных дорог для фронта. Под ред. инж. В.Н. Образцова. - Москва. 1916. - 120 с.
26. Юрий М.Ф. Центральный военно-промышленный комитет, 1915-1917 гг.: Организационное устройство и деятельность: диссертация . . . кандидата исторических наук: 07.00.02. – Москва, 1981. – 386 с.
27. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 г. [Текст] /Н.Н. Яковлев. - Москва: Молодая гвардия. 1974. - 240 с.

© Леонова Светлана Леонидовна (svetlanaleonova1711@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ И РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. И ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 Г. Г.

Сотников Андрей Александрович

доцент, Государственный университет просвещения

г. Москва

microlabussssss@mail.ru

RUSSIAN RUSSIAN EMPIRE'S JUDICIAL SYSTEM EVOLUTION AND REFORM IN THE CONTEXT OF THE RUSSO-JAPANESE WAR OF 1904-1905 AND THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION OF 1905-1907

A. Sotnikov

Summary: Russian Empire found itself in the beginning of the twentieth century, when faced with the incapacity of the judicial system caused by the events of the Russo-Japanese war of 1904-1905 and the Russian Revolution of 1905-1907, the article analyzes the search for a way out of the situation in which the Russian Empire found itself at the beginning of the twentieth century. The authorities faced a choice: either a "military-field dictatorship" or the reform of the judicial system.

Keywords: Russian Empire, the beginning of the twentieth century, the judicial system, the Russo-Japanese war of 1904-1905, the first Russian Revolution of 1905-1907.

Аннотация: В статье анализируется поиск выхода из ситуации, в которой Российская империя оказалась в начале XX в., когда столкнулась с недееспособностью судебной системы, вызванной событиями русско-японской войны 1904–1905 гг. и русской революцией 1905–1907 гг. Перед властью стал вопрос выбора: либо «военно-полевая диктатура», либо реформирование судебной системы.

Ключевые слова: Российская империя, начало XX в., судебная система, русско-японская война 1904–1905 гг., первая русская революция 1905–1907 гг.

История эволюции и реформирования судебной системы Российской империи в условиях спорадических социально-политических кризисов остается всегда актуальной, т. к. обращение к основным аспектам этой темы дает возможность избежать как тактических, так и стратегических ошибок при решении задачи сохранения социального спокойствия в государстве.

К проблемам судебной системы в условиях русской революции 1905-1907 гг. отечественные исследователи обращались неоднократно [4, с. 182-196; 1, с. 115-118; 6, с. 44-51; 8, с. 91–102], однако исключая из основных причин социального кризиса русско-японскую войну 1904-1905 гг., тогда как последняя являлась одной из причин Первой русской революции.

С начала XX в. политическая обстановка в Российской империи не отличалась спокойствием и размеренной эволюцией. Шло нарастание антиправительственного движения, главные требования которого заключались в реформировании существующей системы власти.

Начавшаяся в феврале 1904 г. война с Японией не мог-

ла не сказаться на как общественных настроениях, так и на социальной ситуации в стране [2, с. 68-73]: параллельно с ростом патриотических настроений резко возросло количество преступлений, связанных с возможностями махинаций в хозяйственной сфере (поставки для армии) [13, с. 170-175], с всплеском девиантного поведения в молодежной среде (где считалось, что правоохранительные органы заняты вопросами военного времени и ослабили внимание за безопасностью в городах), с увеличением количества побегов особо опасных преступников из мест заключения в Сибири [9, с. 128-134].

И, естественно, на фоне социально-политического недовольства резко росло количество совершаемых уголовных преступлений [8, с. 218–225]. Пик роста судебных дел по уголовным и политическим преступлениям приходится на 1904–1907 гг., то есть, на время русско-японской войны 1904–1905 гг., и первой русской революции. Существовавшая на тот момент судебная система Российской империи, реформированная еще в 60-х гг. XIX в. явно не отвечала требованиям нового столетия, и новой социально-политической обстановки. Причем это стало понятным еще 1904 г., когда удалось сбить волну

крестьянских выступлений, приобретающих массовый характер, в Полтавской и Харьковской губерниях [11, с. 22–24; 7, с. 91–102], а также социальное напряжение в Финляндии [10, с. 125–129].

В высшем руководстве страны шел поиск путей укрепления правопорядка.

Еще в январе 1904 г. в Государственный совет Российской империи поступил доклад министра юстиции Н.В. Муравьева, озаглавленный «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного уложения».

Доклад был выстроен как законопроект уголовного судопроизводства, ставивший целью устранение существующих в настоящее время препятствий, которые не давали возможности разрешения ряда судебных дел». Министр юстиции предлагал не допускать вне судебной или ускоренной процедуры судебного разбирательства исключительно, например, на материалах жандармского дознания.

Государственный совет не смог «отмахнуться» от предложений Муравьева, но и не мог не принять во внимание особенности социально-политической обстановки в стране, требующей едва ли ни экстренных судебных разбирательств по отдельным категориям дел. В результате, было принято, как казалось, компромиссное решение.

Жандармское управление, по сути, наделялось полномочиями судебно-следственной структуры. Это означало, что материалы жандармского дознания принимались к судебному рассмотрению без какой-либо дополнительной следственной проверки. И это в существенной степени ускоряло судебный процесс, несмотря на бесспорность подтасовок фактов и субъективность выводов.

Создан был еще и новый механизм, отражавший требование децентрализации судебного разбирательства: дознание можно было прекратить по требованию прокурора окружного суда. Но, опять-таки, с оговоркой: только при наличии таких факторов как несовершеннолетие подозреваемого, или невменяемость и т.д. При других обстоятельствах данный вопрос перекладывался на «Особые совещания», которые должны были быть созданы в каждой губернии и в состав которого входили бы начальник губернского жандармского управления, прокурор и, естественно, губернатор (председатель «Совещания»).

Министр юстиции явно был недоволен принятым неоднозначным и в чем-то противоречивым решением.

И уже после начала русско-японской войны (февраль 1904 г.) выступил с идеей о необходимости срочного и однозначного решения задач усовершенствования судопроизводства, оговорившись, что он не выступает оппонентом идей, выдвинутых Государственным советом.

7 июня 1904 г. законопроект был подписан российским императором и вступил в силу, как законодательный акт - о внесении изменений и дополнений в Устав уголовного судопроизводства [5, с. 5–32]. 16 июня 1905 г. закон был дополнен новыми статьями, расширяющими права жандармских управлений.

Осуществлялось, таким образом, адаптивное охранительно-репрессивных средств в системе механизма правового регулирования общества.

Правовые дополнения эти проявили себя, в полном объеме, уже начиная после январских событий 1905 г., с новым витком социальной нестабильности; порождаемые не только всплеском социального недовольства, но и упрощениями судебно-следственной практики.

Уже в конце 1904 г. встал вопрос о необходимости реформы местного судопроизводства - подталкиваемой особенностями социально-политической ситуации и необходимостью оперативного вмешательства в судебно-следственный процесс.

В разработке реформы деятельное участие отводилось министерству юстиции и Особому совещанию, каждое из которых представило свой проект.

Позиция Министерства юстиции отличалась известным либерализмом и последовательностью планируемых действий.

В качестве базовых принципов предполагаемой министерством юстиции реформы рассматривались: всеобщность суда, равенство всех сословий перед судом, независимость суда от исполнительной власти, единство суда, самостоятельность судей в принятии решений.

Особо подчеркивалось то, что местный суд должен состоять из лиц, имеющих определенный опыт деятельности в соответствующей сфере (вопрос о профессионализме).

В целом, главная задача предполагаемой реформы заключалась в ликвидации волостного суда, который не смог бы существовать в силу несовместимости с выдвигаемыми министерством юстиции принципами. В то же время министерский проект предусматривал возрождение мирового суда образца 1864 г., хотя и с некоторыми «изъятиями», в частности – апелляционной инстанции.

Особое совещание, хотя и с известными оговорками (общего, но не конкретного характера), поддержало проект Министерства юстиции. Что предполагало, распространение всей совокупности общего гражданского и уголовного законодательства конкретно на сельские районы, на крестьянство, и в первую очередь, восставления такой судебной структуры, как мировой суд. На мировой суд смотрели как на особую «общинную» структуру, способную в своей практике сочетать не только общеимперскую правовую базу, но и особую крестьянскую ментальность, базирующуюся на традициях, религии, отношении к труду, окружающему миру.

Большинство исследователей усматривают в данном процессе явно либеральное направление министерств и ведомств Российской империи, порожденное обострением социальной ситуацией в стране и уступками власти требованиям общественности [12].

Однако судя по сохранившимся свидетельствам, крестьянству в массе своей было неважно, какой суд решал его судьбу – волостной или мировой. Важно то, какое решение принимал суд, так как любое ущемление крестьянина, рассматривалось последним, как «несправедливость». То есть, во многом отношение к суду определялось не приверженность последнего к букве закона, а крестьянская ментальность.

Если все же рассматривать ликвидацию волостного суда как меру либерального характера, то противником стоит считать создание военно-полевых судов, положение о которых было принято 19 августа 1906 г. Положение это предусматривало изъятие дел из ведения гражданских судебных инстанций и передачи их полевым судам, состоящим из офицерских чинов и рассматривающим дело в пределах 48 часов [14, с. 24]. Анализ привлеченных к военно-полевым судам в течение августа 1906 – апреля 1907 гг. дает возможность говорить, что привлекались в основном молодые (до 25 лет) люди [3, с. 5–9]. Часть из них участвовало в русско-японской войне 1904–1905 гг., чем объяснялась их «бесстрашие»

перед законом. И это «бесстрашие» проявилось в условиях русской революции 1905–1907 гг., в вооруженных столкновениях не только с полицией, но и с войсками (например, в Москве, в декабре 1905 г.).

Власть стояла перед дилеммой: либо дальнейшее реформирование системы судопроизводства и судостроительства, либо военно-полевые суды.

Военно-полевые суды, как экстраординарные структуры, не определяли судебную систему Российской империи. (В апреле 1907 г. Положение о военно-полевых судах было отменено.)

Избран был второй путь – реформирование системы местного судопроизводства и судостроительства.

Бесспорно, реализация этого направления требовала гораздо большего внимания, финансирования, кадров и времени. Однако базовый принцип, заложенный в выбор стратегического направления – важность свети к минимуму порожденное русско-японской войной и революцией социальное недовольство посредством не репрессий, а силой закона – оказался правомочным. Принцип этот подкреплялся «штучным» подбором судей, чья оплата труда гарантировала от появления в их среде коррупции, и финансированием происходивших в судебной системе изменений.

Считается, что опыт реформирования судебной системы в условиях социально-политических кризисов 1904–1907 гг. доказал, несмотря на всю сложность социальной ситуации в стране в 1905–1907 гг., важно не допустить диктаторские элементы в судебную систему, и создать единую судебную систему, отказавшись от существования особых судов или особых процессуальных норм для отдельных территорий государств [12, с. 18]. Причем особо стоит подчеркнуть в этой связи важность факта формирования корпуса судей, с учетом не только их профессионализма, но и таких факторов как высокий уровень оплаты их труда, финансирования проводимых реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веретенников Н.Н. Военно-полевые суды и первая русская революция // *Власть*. 2010. № 1. С. 115–118.
2. Гладкая Е.А. Русско-японская война в сознании широких слоев населения России в начале XX в. // *Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общие-ственные науки*. 2008. № 3. С. 68–73.
3. Двуреченский А.В. Военно-полевые суды в России в начале XX в. // *Юридическая мысль*, 2006. № 4. С. 5–9.
4. Жильцов С.В. К вопросу об изменении статуса мирового суда в период русских революций (1905–1917) // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2009. № 71. С. 182–196.
5. Закон 7 июня 1904 г. и 16 июня 1905 г. о порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового уголовного уложения. М., 1905. 32 с.
6. Калугин П.А. Реформа судебной системы в программах либеральных партий России начала XX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2013. № 1 (25). С. 44–51.

7. Колотков М.Б. Организационно-правовые преобразования в сфере борьбы с террором в России в 1903–1904 годы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 2. С. 91–102.
8. Колотков М.Б. Правовые аспекты борьбы с террором в России в 1905 г. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 218–225.
9. Медведев С.В., Кочетков Е.Е., Бестаева Е.В. Русско-японская война 1904–1905 годов в документах Департамента полиции и Московского охранного отделения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13 (2). С. 128–134.
10. Сосновских А.В. Национальная политика Российской империи в отношении Финляндии в период конца XIX — начала XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в государстве // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 11. С. 125–129.
11. Сотникова Т.П. Крестьянский протест в России начала XX века: причины, ход, последствия: автореферат дис. ... к.и.н. М., 2011.
12. Терентьев Р.В. Реформа местного суда в России в начале XX в.: автореф. дисс. к.ю.н. СПб., 2005.
13. Тонкий Н.В. Преступления в тыловом обеспечении русской армии в период русско-японской войны // Наука и современность. Исторические науки. 2010. № 5–1. С. 170–175.
14. Шевчук В.Б. Реформирование судебной системы России во второй половине XIX - начале XX вв.: Автореф. дисс. к.ю.н. СПб., 2004.

© Сотников Андрей Александрович (microlabussssss@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В КОЛЛЕДЖЕ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Абдурахманов Хож-Бауди Ахмадович

аспирант, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

г. Грозный, Чеченская Республика

havazh-aha@mail.ru

THE PROBLEM OF ORGANIZING RESEARCH WORK OF STUDENTS IN COLLEGE: GENESIS AND CURRENT STATE

H.-B. Abdurakhmanov

Summary: This article examines the state of the problem of organizing students' research activities in the context of a secondary vocational education institution. For this purpose, an analysis of the literature on the problem was carried out. As a result, the following directions of scientific research related to this problem were identified: methodological foundations for organizing student research activities; student research competencies; features of the organization of design and research activities of students; organization of scientific research work of students; use of innovative technologies in education; integration processes in educational activities; organization of independent work of students; extracurricular activities of students; physics teacher training; teaching physics: problems, forms, methods and techniques; models for developing students' research competence; formation and development of students' intellectual abilities; the role of other sciences in the formation of students' research competencies.

Keywords: research activities, research competencies of students, teaching physics, methodology of research activities.

Аннотация: В данной статье рассматривается состояние проблемы организации научно-исследовательской деятельности обучающихся в условиях учреждения среднего профессионального образования. С этой целью осуществлен анализ литературы по проблеме. В результате определены следующие направления научного поиска, связанные с указанной проблемой: методологические основы организации научно-исследовательской деятельности студентов; исследовательские компетенции студентов; особенности организации проектно-исследовательской деятельности студентов; организация научно-исследовательской работы студентов; использование инновационных технологий в образовании; интеграционные процессы в образовательной деятельности; организация самостоятельной работы студентов; внеурочная деятельность студентов; подготовка преподавателя физики; преподавание физики: проблемы, формы, методы и способы; модели формирования исследовательской компетенции студентов; формирование и развитие интеллектуальных способностей студентов; роль других наук в формировании исследовательских компетенций студентов.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, научно-исследовательские компетенции студентов, обучение физики, методология научно-исследовательской деятельности.

Одной из ключевых проблем современного образования является организация научно-исследовательской работы студентов в колледже. С одной стороны, это необходимо для подготовки специалистов, способных к самостоятельной научной деятельности и инновациям. С другой стороны, не все студенты обладают достаточными навыками и мотивацией для проведения научных исследований. В данной статье мы проанализировали литературу по проблеме организации научно-исследовательской работы студентов в колледже на примере изучения физики.

В современном мире, где знания и инновации являются ключевыми факторами развития и конкурентоспособности, одной из важнейших задач образования становится подготовка специалистов, способных к самостоятельной научно-исследовательской работе.

Организация научно-исследовательской работы сту-

дентов колледжа является неотъемлемой частью процесса обучения и воспитания, направленной на формирование у них профессионального и творческого мышления, интереса к научной деятельности, а также навыков самообразования и саморазвития. Научно-исследовательская компетенция студентов колледжа включает в себя знания, умения и навыки, необходимые для осуществления научно-исследовательской деятельности на высоком уровне, а также способность применять эти знания на практике.

Научно-исследовательская деятельность является одним из ключевых элементов образования. Она помогает студентам развить навыки критического мышления, анализа данных, работы с литературой и проведения исследований. Организация научно-исследовательской работы может включать в себя различные формы, такие как, проекты, конференции, семинары, стажировки и т.д. Важно, чтобы преподаватели и студенты активно вза-

имодействовали в процессе исследования, обсуждали результаты и делились опытом.

Таким образом, научно-исследовательская деятельность способствует формированию исследовательских компетенций и развитию личности студента. Деятельность по формированию исследовательских компетенций должна быть системной, а это требует изучения состояния данной проблемы в педагогической науке. Именно, в связи с этим предпринят анализ научной литературы, который позволил установить основные направления современных исследований в данной области.

Первым из выделенных нами направлений являются методологические основы организации научно-исследовательской деятельности студентов. Методология научно-исследовательской деятельности включает в себя различные подходы, принципы, методы и приемы, которые используются для организации и проведения научного исследования.

В этой области отметим работы следующих авторов: Булан И.Г. (2018), Голуб Л.В., Голуб В.В. (2016), Леонтович А.В. (2014), Макарова Н.В. (2014), Назарова Г.А. (2021), Потапова М.В. (2021), Семакова В.В., Камалеева А.Р. (2014). Так, например, Голуб Л.В. и Голуб В.В. (2016) отмечают, что методологической основой для проведения теоретических, лабораторных, практических и тренинговых занятий, активизирующих мыслительную, познавательную и исследовательскую деятельность, служат методы деятельностного, личностно-ориентированного и модульного подходов [16]. Эти же авторы предлагают этапы исследовательской работы.

Леонтович А.В. (2014) подчеркивает, что исследовательская деятельность не может быть навязана сверху, для её успешной реализации требуется группа заинтересованных лиц и внутренняя мотивация как обучающихся, так и преподавателей. По сути, это требует создания особых условий, неформальных встреч, куда участники приходят по собственному желанию, готовые обсуждать интересующие их темы и достигать конкретных результатов. Такие пространства могут быть представлены в различных видах деятельности. Безусловно, подобная организация работы требует от руководства учебного заведения гибкости и творческого подхода к планированию образовательного процесса [24].

Таким образом, методологические основы научно-исследовательской деятельности студентов имеют определенную степень разработанности и предлагаемые конкретные подходы, что создает определенную теоретическую основу решения рассматриваемой проблемы.

Вопрос формирования и развития исследовательских компетенций студентов связан с фундаментальными основами образования, в первую очередь, с организацией исследовательской работы, поэтому следующим из выделенных нами направлений является изучение исследовательских компетенций студентов. Несмотря на множество исследований педагогов и психологов, все еще нет единого мнения о том, что представляет собой исследовательская компетенция студентов. В настоящее время исследователи обращают серьезное внимание на различные аспекты формирования исследовательских компетенций, среди них можно выделить следующих авторов: Ахметжанова Г.В., Емельянова Т.В., Семенова Ю.В. (2021), Байсалов Дж.У., Султанбаева Г.С. (2015), Бегашева И.С., Елисеева О.В. (2016), Бобизода Г.М., Утилова А.М., Гулов Т.Ё. (2018), Вовси-тилле Л.А., Калашникова Н.А., Кардович И.К., Миронова Д.А. (2019), Горшкова О.О. (2020), Гочияева М.Д., Хапаева Ф.Ш. (2018), Григорьева Л.В. (2021), Дмитриев Е.А. (2015), Елагина В.С. (2015), Ершова Н.Н. (2015), Калашникова О.В., Симонова Г.И. (2021), Кобякова В.Н., Куровский В.Н. (2017), Кузнецов В.В., Проценко А.И. (2020), Непрокина И.В., Ершова Н.Н. (2015), Нетунаева Ю.Л. (2021), Нетунаева Ю.Л. (2023), Овчинников Ю.Д. (2016), Патутина С.Ю. (2022), Рыжов А.В., Пожидаев С. В., Коняев В.М. (2019), Таникулова А.М. (2023), Тимошенко А.И. (2015), Хабарова Л.П. (2014), Хисамиева Л.Г. (2014), Шакирова А.М., Фахрутдинова Р.А., Фахрутдинов Р.Р. (2018), Шистерова Е.А. (2014), Darmaji D., Kurniawan, D.A., Irdianti I. (2019), Dunnett K., Gorman M.N., Bartlett P.A. (2019), Hernández-Suárez C.A., Prada-Núñez R., Avendaño-Castro W.R. (2020), Johnstone S.M., Soares L. (2014).

Например, Григорьева Л.В. (2021) отмечает, что отсутствие единого понимания термина «исследовательская компетенция», ее структурных компонентов показывает недостаточную изученность данного направления [19]. Наиболее убедительным нам представляется мнение Байсалова Дж.У., Султанбаевой Г.С. (2015), которые понимают под исследовательскими компетенциями интегративные качества индивидуума, проявляющиеся в добровольном стремлении и умении самостоятельно проявлять исследовательскую и созидательную активность в профессиональной сфере, ориентированную на достижение соответствующего итога, с актуализацией личностных качеств и опыта работы [7].

Бобизода Г.М., Утилова А.М., Гулов Т.Ё. (2018) отмечают преобразующий характер исследовательской компетентности и приходят к выводу, что все компоненты (ценностно-ориентационный, проектно-творческий, предметно-преобразовательный, контрольно-корректировочный) интегративно представлены в структуре исследовательских компетенций и взаимодополняют друг друга. Исследование невозможно без творческого подхода, поэтому психологи часто отождествляют исследовательские способности с творческими, включая

в них когнитивные особенности и личностные качества индивида [10].

Исходя из анализа различных трактовок понятия «исследовательская компетенция» можно сделать вывод, что его общедидактический смысл не определен однозначно.

Следующим выявленным нами направлением в научной литературе является проектно-исследовательская деятельность студентов, под которой понимают особый вид учебной и научной работы, который объединяет в себе элементы исследования и создания проекта. Целью такой деятельности является развитие у студентов навыков самостоятельного исследования, анализа и решения проблем, а также формирования и представления результатов своей работы. В настоящее время изучены различные аспекты формирования исследовательских компетенций обучающихся в трудах таких авторов, как Абрамов С.М., Пронина И.И., Ткачева И.А. (2017), Возилова Е.В., Перезовова О.В. (2020), Дронов В.М., Рогожина Т.С. (2021), Зырянов И.В., Татаринов П.С. (2022), Исаева К.Р., Цой А.А. (2020), Круподерова Е.П., Круподерова К.Р., Михалкина Е.Е. (2020), Ланкин С.В., Иванюк Ю.О. (2020), Леонтович А.В., Рытикова Н.А. (2020), Окунева В.С., Янченко И.В. (2016), Рагимова Т.Т. (2016), Сартбекова Н.К., Таникулова А.М. (2019), Смолева Н.В. (2020), Чудаева Н.Л. (2021), Старицына О.П., Журова Л.Б. (2015), Таникулова А.М. (2019), Bilgin I., Karakuu Y., Ay Y. (2015), Ergül N. R., Kargin E.K. (2018).

Например, Абрамов С.М., Пронина И.И. и Ткачева И.А. (2017) в своей работе подчеркивают роль преподавателя как организатора исследовательской деятельности. Преподаватель должен не только хорошо знать сферу своей деятельности, но и уметь заинтересовать обучающихся, мотивировать их на проведение исследования. Он также должен помогать студентам в процессе исследования, направлять, давать советы и оценивать результаты работы. В связи с вышеизложенным можно сказать, что проблема подготовки преподавателя к организации проектно-исследовательской деятельности обучающихся в процессе обучения физики становится актуальной [1].

Следующее направление исследований посвящено специфике организации научно-исследовательской работы студентов. Глубокое и всестороннее рассмотрение различных аспектов теории и практики организации научно-исследовательской работы студентов содержится в трудах Авиловой Л.А. (2015), Вагановой Н.О., Лопаткина В.М. (2016), Валеевой О.А. (2017), Головки Р.А., Хазовой С.А., Григоровой Э.В., Субботиной Е.А. (2019), Елагиной В.С., Ковалевой Н.В. (2014), Ивашко М.И. (2023), Ивлевой Е.В. (2018), Калимуллина Р.Х., Гомжиной О.И. (2015), Камалеевой А.Р., Ноздриной Н. А. (2019), Козловой О.Е.

(2020), Корсунова К.А., Харченко Е.И., Чаленко А.В. (2021), Кучеренко Л.В. (2016), Князевой Н.Г. (2014), Назарьевой Л.Г. (2015), Одинцовой Р.Ф. (2018), Патрушева С. Б. (2020), Сосиной Л.В. (2016), Титаевой Е.К., Лебедевой О.В. (2022), Чернецова П.И., Николаевой И.С., Шадчина И.В. (2020), Шапошниковой Т.Л., Романовой М.Л., Карасевой (Федюн) А.Е. (2015), Aulia E.V., Poedjiastoeti S., Agustini R. (2018).

Например, Авилова Л.А. (2015) в своем труде дает научное обоснование, того, что важнейшим условием успешной деятельности и выживания человека в информационном пространстве является овладение методами научного познания мира и развитие исследовательского мышления. Исследовательский стиль мышления открывает перед каждым человеком возможности для самореализации [2]. Научно-исследовательская работа носит прикладной характер, направленный на разработку и внедрение программ, улучшение процесса обучения, воспитания и творческого развития студентов. Это позволяет находить оптимальные решения в рамках формирования профессиональных навыков, а также способствует социальной и профессиональной адаптации выпускников.

Ваганова Н.О., Лопаткин В.М. (2016) подчеркивает в своей работе, что анализ областей применения компетенций, полученных студентами в высших учебных заведениях, в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, показывает, что под руководством научно-педагогического состава студенты должны овладевать знаниями и умениями в экспериментальной и научно-исследовательской областях [13]. Авторы предлагают свою систему организации научно-исследовательской работы студентов СПО и рекомендуют руководствоваться стандартами высшего образования.

В конечном итоге результатом организации научно-исследовательской работы является то, что студент активно, целеустремленно и продуктивно осваивает знания, овладевает навыками и исследовательскими компетенциями. Опираясь на полученные знания, умения, навыки и приобретенные аналитические, комплексные и коммуникативные исследовательские компетенции, студент выполняет разные виды самостоятельных исследовательских работ, которые способствуют достижению новых качественных результатов в подготовке специалистов среднего звена.

Отдельным направлением является исследование методологических основ научно-исследовательской деятельности студентов. Анализ показал, что существует множество исследований, посвященных методологии научной деятельности. Некоторые из них фокусируются на анализе методов исследования, другие – на разработке новых подходов к проведению научных исследова-

ний.

Следующее направление изученных нами исследований связано с использованием инновационных технологий в образовании, многие из которых рассматриваются как основа научно-исследовательской деятельности. Альчимбаева К.Т. (2016), Балдычева О.А. (2015), Белобородова Н.С., Мельникова Н.А. (2016), Ведута О.В. (2014), Гольцварт И.В. (2016), Григорьев Р.Р., Киселевская Л.В. (2023), Гусейнов М.К. (2019), Ларионов В.В., Пак В.В., Безвершук С.А. (2014), Ноздрин Н.А. (2019), Табаченко И.К. (2014), Тедорадзе Т.Г. (2016), Шапошникова Т.Л., Котлярова Е.А., Романова М.Л. (2016), Akşayır M., Akşayır G., Pektaş H.M., Ocak M.A. (2016), Chu S.K.W., Reynolds R.B., Tavares N.J (2017), Weber J., Wilhelm T. (2017) рассмотрели в своих трудах применение инновационных технологий в образовании. Например, Альчимбаева К.Т. (2016) пишет, что благодаря применению информационно-коммуникационных технологий в обучении физике, знания студентов становятся более глубокими и качественными, у них появляется интерес к творчеству и исследованию, повышается активность восприятия. Обучающиеся самостоятельно делают осмысленные выводы по изучаемой теме, что говорит о развитии их творческого мышления [4].

Балдычева О.А. (2015), обобщая свой опыт, отмечает, что в колледже сформирована следующая система обучения физике, основанная на применении инновационных технологий: интерактивные технологии, технологии проектного обучения, компьютерные технологии [8].

Можно согласиться с высказыванием многих экспертов и исследователей таких, как Альчимбаева К.Т. (2016), Балдычева О.А. (2015) о том, что физика как наука, основывается на проведении экспериментов. Ее изучение невозможно без наглядных демонстраций, лабораторных и практических занятий. Для этого часто используется компьютерное моделирование, которое позволяет имитировать реальные физические процессы и проводить сложные эксперименты. Обучающиеся могут повторять эти эксперименты на компьютере, что обеспечивает высокую степень наглядности. Кроме того, использование компьютера позволяет многократно повторять эксперимент каждый раз, меняя его исходные параметры [4; 8].

Организация научно-исследовательской деятельности обучающихся тесно связана с интеграционными процессами в образовании. Нельзя не заметить, что при кажущейся обширности исследований по этой тематике еще многие свойства и механизмы интеграционных процессов в образовательной деятельности недостаточно исследованы. Однако имеются работы ученых, Бабаева Д.Б., Кылычовой Н.Э. (2022), Болгара Н.Н., Соловьева Т.В. (2020), Кокорева А.В., Одиноква А.С., Сучковой Е.Е., Корчевой О.Н. (2019), Худякова Е.Е. (2022), Bao L., Koenig K. (2019), Pallotta F., Parola A., Bondani M. (2021), в которых,

утверждается, что интеграция является сегодня одним из векторов развития современной науки и образования. Процесс интеграции подразумевает включение частей в единое целое или объединение отдельных компонентов в одну систему [6; 11; 23; 32].

Так, например, в своем труде Болгар Н.Н. и Соловьев Т.В. (2020) выделяют два базовых направления интеграции: интеграция в горизонтальном направлении (данный вектор предполагает формирование взаимосвязей между разными уровнями образования); интеграция в вертикальном направлении, которая описывает процесс объединения образовательных программ разных ступеней профессионального образования [11]. Эти же авторы указывают на ряд серьезных трудностей в практической реализации векторов интеграции образования в системе среднего профессионального образования, что подчеркивает актуальность вопроса интеграции в рамках организации образовательного процесса для студентов [11]. Худяков Е.Е. (2022) выделяет несколько важных условий для успешной интеграции учебной и внеучебной деятельности обучающихся. Во-первых, необходимо использовать групповые формы работы. Во-вторых, нужно применять разнообразные технологии, в частности проектную деятельность. В-третьих, требуется систематическая организованность [32].

Рассматривая ключевой для данного направления исследований феномен «интеграционный процесс», мы пришли к выводу, что процесс интеграции учебной и внеурочной деятельности обучающихся можно рассмотреть, как условие для формирования и развития исследовательских компетенций, потому что этот процесс требует совершенно иного подхода к оцениванию результатов учебной деятельности обучающихся.

Еще одна тема, которая рассматривается авторами – это организация самостоятельной деятельности студентов. Этой теме посвящены работы таких авторов, как Врублевская Н.М. (2015), Колоцей Е.В. (2015), Кутепова Л.И., Солуянова О.Н., Максимова К.А. (2019), Миндеева С.В., Толстых О.Д. (2015), Шашкевич И.Р., Малова Е.О. (2023), Hall N., Webb D. (2014).

В педагогических трудах Врублевской Н.М. (2015) находим утверждение о том, что самостоятельная работа по дисциплинам, междисциплинарным курсам и профессиональным модулям, служит продолжением учебного цикла. Самостоятельная деятельность не ограничена расписанием, студент сам выбирает время и объем занятий. Хорошо выполненная самостоятельная работа помогает студенту развить общекультурные и исследовательские компетенции, соответствующие требованиям федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) СПО, и обрести умения, необходимые для будущей профессиональной деятельности [14].

Врублевская Н.М. (2015) различает несколько типов самостоятельной работы, которые могут применяться в образовательном процессе. Например, аудиторная самостоятельная работа проводится на занятиях под руководством преподавателя, а внеаудиторная – без непосредственного участия преподавателя, хотя и выполняется по его заданию. Но даже если студент выполняет работу самостоятельно, преподаватель играет ведущую роль в данном процессе [14].

С нашей точки зрения, организация самостоятельной работы студентов в колледже представляет собой одну из актуальных задач. Тем не менее, существует проблема недостаточного понимания студентами целей задания самостоятельной работы, принципов ее выполнения и способов решения возникающих задач. Важным фактором также является мотивация студентов к самостоятельной деятельности, так как многие студенты могут испытывать недостаток интереса к выполнению самостоятельных заданий и упражнений. По нашему мнению, проблема демотивации студентов к самостоятельной деятельности все еще остается насущной.

Самостоятельность, как черта характера, развивается у студентов посредством качественного выполнения индивидуальных заданий. Успешность такого подхода измеряется не количеством выполненных задач, а уровнем полученных знаний, умений и сформированных компетенций.

Формирование и поддержание познавательного интереса к физике посредством ресурсов внеурочной деятельности рассматривают в своих трудах Габдулвалиева Е.И. (2015), Никитин П.А. (2019), Османова А.З. (2020), Рынкова С.А. (2021), Скурихина Ю.А. (2018), Хабарова Л.П. (2014) [15; 26; 27; 28; 30; 31].

В дальнейшем мысль формирования и поддержания познавательного интереса к физике посредством ресурсов внеурочной деятельности получила свое развитие в работе Габдулвалиевой Е.И. (2015). Внеурочная деятельность, в контексте ФГОС, представляет собой образовательную активность, реализуемую в форматах, отличных от традиционного урока, и нацеленную на достижение прогнозируемых итогов освоения базовой образовательной программы [15]. В своих рекомендациях по организации внеучебной работы Османова А.З. (2020) выделяет основные требования к внеучебной деятельности, предлагает типологию видов внеучебной деятельности [27].

Подводя итог, следует подчеркнуть исключительную значимость выбора подходов и моделей организации внеурочной деятельности студентов и сделать вывод, что внеурочная деятельность студентов является важным инструментом в формировании их исследователь-

ских компетенций. Она позволяет студентам расширить свои знания, приобрести новые навыки и умения, а также развить критическое мышление и способность к самостоятельной работе.

Особое значение в свете новых задач приобретает разработка новых эффективных путей подготовки преподавателя физики. В этой связи мы обратили внимание на исследования следующих авторов: Абрамов С.М., Пронина И.И., Ткачева И.А. (2017), Агибова И.М., Акопян К.А., Беджанян М.А., Федина О.В. (2017), Биккинина Л.И. (2021), Бортник Б.И., Стожко Н.Ю., Судакова Н.П. (2018), Гордеева И.В. (2021), Даммер М.Д., Косарев Н.Ф., Хафизова Э.В. (2022), Ткаченко М.Е. (2015), Aguilar L., Walton G., Wieman (2014), Baran M., Maskan A., Yasar S. (2018), Haeruddin, Prasetyo Z.K. (2020), Idris K. (2018), Saldo I.J.P., Walag A.M.P. (2020). Физика, будучи базовой дисциплиной естественного цикла, всегда играла и продолжает играть важную роль в системе образования.

Бортник Б.И., Стожко Н.Ю., Судакова Н.П. (2018) пишут, что преподавание физики, как и других естественных наук, в течение многих лет сталкивается с рядом проблем, обусловленных различными тенденциями в развитии отечественной системы образования. Это создает необходимость адаптации учебного процесса к особенностям обучающихся и потребностям общества. Предложенные Бортником Б.И., Стожко Н.Ю., Судаковой Н.П. (2018) способы повышения мотивации студентов к изучению физики, современные подходы к организации учебного процесса, технологии и методы обучения способствуют решению этих проблем, достижению целей образования и формированию у будущих специалистов компетенций, требуемых государственными образовательными стандартами [12].

Агибова И.М., Акопян К.А., Беджанян М.А., Федина О.В. (2017) в своих работах отмечают, что для совершенствования образовательной системы преподаватели должны делать акцент на развитии исследовательских навыков обучающихся. Цель заключается в воспитании творческих личностей, способных ориентироваться в современном мире, самостоятельно определять цели и добиваться их достижения. В связи с этим, формирование исследовательских компетенций становится приоритетным для преподавателей физики [3].

Исследовательские компетенции определяются как набор навыков и качеств, которые позволяют человеку эффективно осуществлять исследовательскую деятельность. Специалисты в области физики предлагают разнообразные подходы и инструменты для развития исследовательских компетенций у студентов. Так, например, Гордеева И.В. (2021) утверждает, что в последнее время наблюдается ряд значительных изменений в преподавании дисциплин, связанных с наукой, техно-

логией, инженерией и математикой STEM (англ. science, technology, engineering and mathematics), в системе среднего профессионального образования. STEM включает такие предметы, как физика, математика и экология. Эти изменения приводят к возникновению новых проблем и вызовов [17; 18].

В связи с внедрением новых образовательных стандартов ФГОС СПО четвертого поколения меняется подход к обучению студентов-первокурсников. Теперь учебные программы направлены не только на формирование общих культурных навыков, но и на развитие профессиональных компетенций. Это подразумевает тесную связь между получаемыми знаниями и их применением на практике в трудовой деятельности.

Авторы Бортник Б.И., Стожко Н.Ю., Судакова Н.П. (2018) предлагают использовать творческие задачи по физике для развития исследовательских компетенций обучающихся в контексте физического практикума. По нашему мнению, лабораторные работы оказывают значительное влияние на формирование исследовательских компетенций, так как их практическая направленность значительно улучшает фундаментальную подготовку и помогает понять основные физические процессы, необходимые для дальнейшей профессиональной деятельности [12].

Преподавание физики – это сложный и ответственный процесс, требующий от преподавателя не только глубоких знаний дисциплины, но и умения донести их до обучающихся, заинтересовать студентов и мотивировать к дальнейшему изучению. Этому посвящены работы Акбаров М.И., Мансурува Г.А. (2017), Белобородова Н.С., Мельникова Н.А. (2015), Борисова А.С. (2022), Гордеева И.В. (2021), Вишневецкая В.П., Малявкина Л.Н., Юревич С.Н. (2014), Дабеза А.М., Гречушкина В.П., Колесникова Т.Ф. (2018), Камалева А.Р. (2015), Килимник С.Н. (2014), Лебедев А.А. (2022), Мазурина И.А. (2017), Максименко Т.Е., Бондаренко Е.И. (2022), Недогреева Н.Г., Белов Ф.А. (2021), Лукичев А.Н., Чечелева В.Н., Янгез Д.И. (2021), Орлова Ю.А., Шевчук Е.П., Алдаберганова Г.Б., Терекбаева Ж.У.А.Ы. (2018), Пипич П.В. (2022), Проценко С.И. (2022), Сибатуллин Р.Н. (2021), Цадыкович О.Б. (2016), Чумаков С.А. (2022), Шабидинова Э.И. (2019), Шаповалов А.А., Андреева Л.Е. (2018), Babaev D., Matkarimova M., Haitov S.K. (2019), Bigozzi L., Tarchi C., Fiorentini C. (2018), Chekour M., Laafou M., Janati-Idrissi R. (2018), Fraser J.M., Timan A.L., Miller K. (2014), Madsen A., McKagan S.B., Sayre E. C. (2015), Kawuri M.Y.R. T., Ishafit I., Fayanto S. (2019), Rajapaksha A., Hirsch A. S. (2017), Sarwi S., Ellianawati E. (2019), Shishigu A., Hailu A., Anibo Z. (2017), Smith E.M., Stein M.M., Walsh C., Holmes N.G. (2020), Usmeldi U. (2016), Wartono W., Hudha M.N., Batlolona J.R. (2017), Wilcox B.R., Lewandowski H.J. (2018) давно обратили внимание на проблемы, методы и способы преподавания физики.

Белобородова Н.С., Мельникова Н.А. (2015) предлагают использовать метод проекта, который заключается в постановке проблемы с целью развития критического мышления у студентов. Такой подход требует от студента применения навыков анализа и логического мышления для нахождения оптимального решения. В заключение своей работы авторы отмечают, что использование метода проектов способствует развитию у студентов самостоятельности, коммуникативных и исследовательских навыков, умения работать с информацией и критически мыслить. Это помогает им успешно выполнять проекты и решать проблемы [9].

Дабеза А.М., Гречушкина В.П., Колесникова Т.Ф. (2018) рекомендуют использовать проблемный метод обучения физике. Метод проблемного обучения может быть использован на всех уровнях образовательной системы. При его использовании преподаватель физики, предоставляя теоретические знания и разъясняя сложные понятия, инициирует на занятиях ситуации, которые стимулируют поиск решения проблем. Организация учебного процесса студентов построена таким образом, что в ходе изучения теоретического материала и проведения практических занятий, студенты самостоятельно делают выводы, формулируют определения физических понятий и законов, а также выявляют связи между различными величинами [20].

Также Камалева А.Р. (2015) в соответствии с ФГОС СПО, рассматривает в своей работе компетентностно-ориентированное содержание курса физики, которое направлено на формирование у студентов профессиональных компетенций и навыков, необходимых для успешной работы в выбранной сфере. В рамках такого подхода к разработке учебного материала особое внимание уделяется применению практических знаний, полученных студентами в процессе изучения физики [21].

Модель формирования исследовательских компетенций студентов — это система принципов, методов, подходов и стратегий, направленных на развитие и совершенствование у студентов умений и навыков проведения исследовательской работы. По данной тематике мы рассмотрели научные работы следующих ученых: Антифеева Е.Л. (2022), Бельдинова Е.В. (2017), Богданова Е.А., Черник В.Э., Чернюк Л.А. (2016), Буймов А.Г. (2019), Букина О.В. (2014), Герасимова М.С. (2017), Захарова С.А. (2018), Коренева О.А. (2021), Нетунаева Ю.Л. (2022), Петровский А.М., Турматов Ж.Р., Аскарлов И.Б. (2020), Усаров Ж.Э. (2017), Шаповал С.А. (2019), Юсупова А.Ж., Чалданбаева А.К. (2021), Ярвилянина Е.В. (2018). Cheng L. T., Smith T. J., Hong Z. R., Lin H. (2021), Duran M., Dökme I. (2016), Firman M.A., Ertikanto C., Abdurrahman A. (2019), Yuliati L., Parno, Hapsari A. A. (2018).

По мнению Антифеевой Е.Л. (2022), все исследова-

тельские компетенции обладают общей фундаментальной частью, общими для всех навыками научного экспериментирования и вариативным набором навыков, которые отражают специфику научного исследования в определенной профессиональной сфере [5]. Предложенная Антифеевой Е. Л. (2022) модель формирования исследовательских компетенций студентов направлена на решение проблем эффективности практического обучения, а также использования приобретенных знаний при организации самостоятельной деятельности [5].

Формирование и развитие интеллектуальных способностей студентов включает несколько ключевых компонентов: целеполагание, содержание образования, педагогические технологии, среда обучения, оценка и мониторинг, взаимодействие с внешней средой и т.д. Анализ литературы показал, что модель формирования и развития интеллектуальных способностей студентов должна учитывать различные аспекты. В этой области мы рассмотрели работы таких ученых, как Власова Ю.А., Ветошкин С.А. (2016), Волков Е.Н. (2016), Воробьев С.В. (2014), Гилядов С.Р., Мнацаканян О.Л., Фарунда Н.А. (2021), Казначеева С.Н., Бичева И.Б., Казначеев Д.А. (2022), Калижарова А.А. (2022), Кашицын А.С., Белов С.В., Безменов А.А. (2013), Литвяк Л.Г., Рзун И.Г. (2014), Петрова С.Д. (2016), Петрова С.Д., Кострюков А.В. (2014), Шубкова Г.А. (2017), Akmam A., Anshari R., Jalinus N., Amran A. (2019), Maknun J. (2020), Ramadhan S., Mardapi D., Prasetyo Z.K., Utomo H.B. (2019), Usmeldi U., Amini R., Trisna S. (2018).

Кашицын А.С., Белов С.В., Безменов А.А. (2013) предлагают активизировать учебно-познавательную деятельность студентов через развитие исследовательских навыков. Это важный аспект, которому уделяется внимание в федеральном государственном образовательном стандарте. Одно из требований стандарта – подготовить обучающихся к саморазвитию через активную учебно-познавательную деятельность [22].

В последние годы актуальными становятся исследования роли других наук в формировании исследовательских компетенций. В работах Лумбуновой Н.Б. (2018), Сабировой Ф.М., Тубыловой М.С. (2023), Sari Y.S., Selisne M., Ramli R. (2019), Sulisworo D., Suryani F. (2014), характеризуется роль других наук, которая имеет важное значение в формировании исследовательских компетенций студентов. Например, математика развивает аналитические навыки и умение работать с абстрактными понятиями, а лингвистика помогает улучшить коммуникативные навыки и способность анализировать тексты. Кроме того, изучение истории и культуры разных стран расширяет кругозор студентов и позволяет им лучше понимать закономерности развития общества [25; 29].

Лумбунова Н.Б. (2018) в своей работе отмечает, что междисциплинарный подход к построению образова-

ния в области физики, сочетающий общефизические, методологические, дидактические и методические аспекты, обеспечивает создание научной информационной базы в области физики в интересах профессиональной компетентности и общей культуры, а также интеллектуальную основу многогранной познавательной деятельности и рационального научного мышления в различных сферах жизни [25].

Таким образом, анализируя исследования, посвященные проблемам развития исследовательских компетенций через призму межпредметных связей в среднем профессиональном образовании, мы считаем возможным сделать вывод, что важность содержания и методологии математических и естественнонаучных дисциплин для развития исследовательских компетенций осознается недостаточно. Междисциплинарный подход в математических и естественных науках учит студентов рассматривать одну и ту же проблему с разных точек зрения, обоснованно защищать свою позицию, индивидуально или в команде формулировать правильный ответ.

В результате анализа научных источников мы можем сделать следующие общие выводы:

- вопросам формирования исследовательских компетенций студентов уделяется большое внимание в современной научной литературе;
- в проанализированных нами источниках выделены вышеуказанные научные направления, посвященные формированию исследовательских компетенций студентов колледжа;
- исследователи активно обсуждают эту проблему с практической точки зрения, разрабатывают методические рекомендации и учебные программы, направленные на формирование исследовательских компетенций, однако теоретические основы формирования научно-исследовательских компетенций в учреждениях среднего профессионального образования разработаны недостаточно; в научных работах, посвященных проблеме формирования научно-исследовательских компетенций в учреждениях среднего профессионального образования, практическая составляющая значительно превосходит теоретическую;
- в научной литературе больше внимания уделяется формированию исследовательских компетенций у обучающихся учреждений общего образования и высшего профессионального образования; для учреждений среднего профессионального образования данная тема разработана недостаточно.

В результате анализа научной литературы по проблеме формирования научно-исследовательских компетенций обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования мы можем сделать вывод об актуальности предпринятого нами исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов С.М., Пронина И.И., Ткачева И.А. Подготовка учителя физики к организации проектно-исследовательской деятельности учащихся // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 5 (66). С. 114–118.
2. Авилова Л.А. Развитие творческого потенциала студентов посредством научно-исследовательской деятельности // Вестник научных конференций. 2015. № 3–5 (3). С. 10–12.
3. Агибова И.М., Аюпян К.А., Беджанян М.А., Федина О.В. Формирование исследовательских компетенций будущих учителей физики // KANT. 2017. №4 (25). С. 14–18.
4. Альчимбаева К.Т. Применение новых образовательных технологий в преподавании физики // Педагогическая наука и практика. 2016. № 3 (13). С. 85–88.
5. Антифеева Е.Л. Формирование вариативных профессиональных компетенций у обучающихся в курсе физики посредством решения профессионально ориентированных задач // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1 (92). С. 208–210.
6. Бабаев Д.Б., Кылычова Н.Э. Формирование познавательной активности студентов в процессе обучения физике в колледжах // Вестник Ошского государственного педагогического университета имени А. Мырсабекова. 2022. № 1–1 (19). С. 112–115.
7. Байсалов Дж.У., Султанбаева Г.С. Психолого-педагогическое понятие "исследовательской компетенции" // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 12–4. С. 14–17.
8. Балдычева О.А. Использование инновационных технологий на современном уроке физики // Наука и образование: новое время. 2015. № 5. С. 326–331.
9. Белобородова Н.С., Мельникова Н.А. Использование метода проектов в развитии критического мышления студентов колледжа // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 10–4 (19). С. 75–77.
10. Бобизода Г.М., Утилова А.М., Гулов Т.Е. Исследовательская компетентность, ее место в системе ключевых компетенций // Вестник Педагогического университета. 2018. № 5–2 (77). С. 12–16.
11. Болгар Н.Н., Соловьев Т.В. Интеграция учебной и внеучебной деятельности студентов колледжа как условие формирования общих компетенций студентов колледжа // KANT. 2020. № 3 (36). С. 215–220.
12. Бортник Б.И., Стожко Н.Ю., Судакова Н.П. Физика для всех: особенности преподавания дисциплины студентам непрофильных направлений подготовки // Мир науки. Педагогика и психология. 2018. Т. 6. № 5. С. 8.
13. Ваганова Н.О., Лопаткин В.М. Научно-исследовательская работа студентов в организациях среднего профессионального образования // Образование и наука. 2016. № 5 (134). С. 55–67.
14. Врублевская Н.М. Проблемы организации самостоятельной работы при подготовке конкурентоспособных специалистов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2015. № 13. С. 130–133.
15. Габдулвалиева Е.И. Формирование и поддержание познавательного интереса к физике через ресурсы внеурочной деятельности // Эпоха науки. 2015. № 4. С. 562–566.
16. Голуб Л.В., Голуб В.В. Методологические основы преемственной научно-исследовательской деятельности студентов // Среднее профессиональное образование. 2016. № 10. С. 27–34.
17. Гордеева И.В. Проблемы преподавания физики в системе среднего профессионального образования. На примере колледжа экономического университета // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 12–3 (114). С. 39–42.
18. Гордеева И.В. Физика как наука и учебная дисциплина: анализ мнений студентов (общие и гендерные представления) // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9–3 (111). С. 18–22.
19. Григорьева Л.В. Теоретический анализ структуры исследовательской компетенции студентов // Среднее профессиональное образование. 2021. №10. С. 22–24.
20. Дабеза А.М., Гречушкина В.П., Колесникова Т.Ф. Проблемное обучение физике в среднем профессиональном образовании // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 86–88.
21. Камалеева А.Р. Проектирование компетентностно-ориентированного содержания курса физики в условиях реализации ФГОС СПО // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 193–201.
22. Кашицын А.С., Белов С.В., Безменов А.А. Развитие исследовательских умений учащихся на уроках физики // Инновации в образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013, №5 (2), с. 76–80.
23. Кокорев А.В., Одинокоев А.С., Сучкова Е.Е., Корчевая О.Н. Совершенствование межпредметных связей студентов технических колледжей // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2 (83). С. 243–247.
24. Леонтович А.В. Подходы к оценке и экспертизе ученической исследовательской или проектной работы // Исследователь/Researcher. 2018. № 3–4 (23–24). С. 118–122.
25. Лумбунова Н.Б. Роль математических и естественнонаучных дисциплин в формировании общих компетенций // Концепт. 2018. № 3. С. 48–57.
26. Никитин П.А. Из опыта организации внеурочной исследовательской деятельности учащихся по физике // Народное образование Якутии. 2021. №4 (121). С. 93–95.
27. Османова А.З. Формы организации внеучебной деятельности студентов колледжа и их обеспечение // Проблемы современного педагогического об-

- разования. 2020. № 69–4. С. 201–205.
28. Рынкова С.А. Реализация творческой активности студентов колледжа во внеурочной деятельности посредством программ дополнительного образования // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6. № 4. С. 708–713.
29. Сабирова Ф.М., Тубылова М.С. Особенности достижения метапредметных результатов при обучении физике в условиях реализации ФГОС СПО // Вестник педагогических наук. 2023. № 5. С. 141–145.
30. Скурихина Ю.А. Методические принципы изучения робототехники в рамках урочной и внеурочной деятельности // Концепт. 2018. № 4. С. 37–47.
31. Хабарова Л.П. Дистанционные олимпиады как средство формирования исследовательской позиции студентов колледжа // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 3 (19). С. 75–79.
32. Хабарова Л.П. Становление исследовательской компетенции студента в условиях деятельности научного студенческого общества // Осовские педагогические чтения "Образование в современном мире: новое время - новые решения". 2014. № 1. С. 158–163.
33. Худяков Е.Е. Интеграционные процессы в образовательной деятельности студентов колледжа // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77–2. С. 399–402.

© Абдурахманов Хож-Бауди Ахмадович (havazh-axa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТИХОСЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Виноградова Дарья Сергеевна

Преподаватель ФГОБУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации» г. Москва
dsvinogradova@fa.ru

TEACHING ENGLISH THROUGH POETRY

D. Vinogradova

Summary: Poetry is traditionally considered a challenging choice for an ESL classroom. However, composing poems instead of analyzing them may become a valuable teaching tool. The present article underlines the potential benefits of using poetry in the ESL classroom, provides a detailed description of various poetic tasks and gives an insight into how to assess this type of assignments.

Keywords: teaching, motivation, creativity, ESL, poetry.

Аннотация: Поэзия традиционно считается сложным предметом для занятий по иностранному языку. Однако сочинение стихов может стать ценным инструментом обучения. В данной статье автор рассуждает о преимуществах использования поэзии, описывает различные поэтические формы и представляет рекомендации по оцениванию заданий такого типа.

Ключевые слова: обучение, мотивация, английский язык, иностранный язык, поэзия.

Преподаватели иностранных языков всегда успешно использовали огромное количество различных материалов в своей деятельности, однако, остается один вид организации речи, который на уроках иностранного языка принято избегать, – поэзия. Стихотворный жанр традиционно считается одной из самых сложных литературных форм, представляющих немалые трудности не только для создания, но даже для восприятия и воспроизведения. Поэзия в чистом виде, не обремененная нормами обыденного языка, изобилующая метафорами, аллюзиями, опущениями и, одновременно с этим, содержащая в себе культурный код другой страны, действительно может поставить изучающих иностранный язык в тупик, что, в свою очередь, негативно скажется на уровне мотивации и вовлеченности в процесс обучения. Тем не менее, если обратиться к словарю Collins [4], мы найдем определение, которое изменит направление нашей мысли: «a poem is a piece of writing in which the words are chosen for their beauty and sound and are carefully arranged, often in short lines which rhyme» («стих – это разновидность творческого письма, в котором слова выбираются по принципу их красоты и благозвучности и выстраиваются, часто в короткие строки, чтобы получить рифму»). Если отойти от традиционного восприятия стихов на иностранном языке как уже готового произведения, требующего высокого уровня входных знаний, и обратиться к поэзии как творческой деятельности, состоящей в работе или даже игре со словами и ритмом, мы, как преподаватели иностранных языков, можем значительно расширить свой инструментарий и раскрыть потенциал студентов.

Целью данной статьи является показать, что поэзия может успешно использоваться на занятиях по иностранному языку на примере английского языка. Чтобы

реализовать заявленную цель, мы поставили перед собой следующие **задачи**:

- описать наиболее подходящие для нашей аудитории типы заданий на стихосложение;
- проанализировать преимущества, которые даёт такая активность;
- привести практические примеры, которые можно использовать на занятиях с минимальной адаптацией.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что на данный момент большинство студентов составляют представители поколения Z, которые, в числе прочих особенностей, обладают так называемым «клиповым мышлением». Им крайне сложно концентрироваться на чем-то одном продолжительное время, зато их навыки многозадачности развиты очень хорошо. В работе с такой аудиторией использование поэзии поможет внести столь необходимое разнообразие, а также «загрузить» мыслительный аппарат в достаточной степени, чтобы отвлекаться на другие занятия не оставалось ресурсов.

Научная новизна состоит в исследовании возможности изучать и закреплять грамматические и лексические конструкции через сочинение стихотворной формы.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в сведениях и подробном описании наиболее интересных с точки зрения обучения иностранных языкам типов поэзии.

Практическая значимость данной работы состоит в приведенном списке рекомендаций, которые могут облегчить начало работы с поэтическими формами со сту-

дентами любого уровня, а также помочь преподавателям с потенциальным оцениванием такого вида работы.

Работу с поэзией, как и любыми другими текстами или заданиями, можно адаптировать под любую аудиторию и самые разные нужды. В том случае, если преподаватель хочет реализовать то, что рассматривается в рамках данной статьи, – создание ряда поэтических форм самими студентами, можно рассчитывать на следующие положительные изменения:

1. мотивация и интерес студентов вырастают и долго удерживаются на приемлемом уровне;
2. творческий аспект позволяет студенту взглянуть на обучение с другой стороны, что способствует большей отдаче и концентрации;
3. при выполнении работы в группе студенты учатся взаимодействовать и выстраивать эффективное общение в непривычном контексте;
4. в зависимости от целей преподавателя в рамках такой активности можно эффективно изучать и практиковать любые темы из грамматики, фонетики, лексики, однако, если уровень языка студентов, начинающий или продолжающий, им можно позволить отойти от определенных структур, как это иногда делается в поэзии, и поиграть со словами и образами, которые они могут с помощью них создать;
5. готовое стихотворение, пусть и короткое, будучи результатом творческого процесса, даёт студентам чувство определенного достижения, удовлетворения.

Существует огромное количество стихотворных форм, и практически любая может быть так или иначе адаптирована для работы со студентами, однако в рамках данной статьи нас интересуют только несколько видов, которые мы решили сгруппировать по принципу основной деятельности: поиск рифмы, работа с ритмикой и создание образа. Мы считаем такую классификацию наиболее релевантной для наших целей, так как в зависимости от основной стихотворной деятельности и уровня студентов можно подбирать максимально подходящие для их уровня задания и варьировать сложность выполнения.

Первая категория — задания, основанные на поиске рифмы. Рифма, согласно определению из словаря Merriam Webster [6], – это «соответствие последних звуков в композиционных элементах или в высказывании (например, два или более слов или строки стихов)» («correspondence in terminal sounds of units of composition or utterance (such as two or more words or lines of verse)»). В английской рифме гласные звуки в ударных слогах совпадают, в то время как предшествующий согласный звук не совпадает. Согласные после ударных слогов также должны совпадать. Например, слова «gain» («набирать») и «strain» («напрягаться») в английском языке являются

рифмующимися словами, потому что они начинаются с разных согласных звуков, но первый ударный гласный звук (в данном случае дифтонг) идентичен, как и остальная часть слова.

Иногда работу с рифмой полезно предварить кратким теоретическим отступлением о её типах, так как у английской и русской поэтических традиций есть некоторые отличия. Согласно одной из классификаций, выделяют полную («mind – kind») и неполную рифмы («mind – time»). Полная, в свою очередь, может быть единичной (single rhyme) или мужской, двойной (double rhyme) или женской и дактилической (dactylic rhyme). В случае мужской рифмы ударение падает на последний слог: «mind – behind», женской — на предпоследний: «toasting – roasting». Дактилические рифмы, в которых ударение падает на третий с конца слог, относительно редки в английском языке, так как, как пишет в своем исследовании на тему рифмы в английском языке К.И. Леонтьева, он имеет тенденцию к моносиллабизму [1]: «terrible – wearable». Примеры неполной рифмы включают в себя следующие типы: приблизительные (near rhyme) – идентичные звуки в рифмующихся словах находятся в безударной позиции («thing – missing»), идентичные (identical rhyme): омонимы в английском языке не удовлетворяют правилам идеальной полной рифмы, потому что, хотя гласные совпадают, предшествующие согласные также совпадают, и поэтому рифма считается неполноценной («way – weigh – whey»). К этой же группе примыкает очень интересный вид рифмы, не получивший широкого распространения, – зрительная или графическая (eye rhyme): «Devouring time, blunt thou the lion's paws, // And make the earth devour her own sweet brood; // Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws, // And burn the long-lived phoenix in her blood.» («Ты притупи, о время, когти льва, // Клыки из пасти леопарда рви, // В прах обрати земные существа // И феникса сожги в его крови.» [8]). Графическая рифма основана на схожем написании слов («brood – blood»), однако произношение при этом может сильно различаться, что и послужило одной из причин, по которой зрительная рифма не стала популярным литературным приёмом.

Первый тип заданий на стихосложение может заключаться в простом подборе рифмы к выбранному преподавателем слову, например: «tall – small, fall, all». В зависимости от познаний конкретных студентов в фонетике можно сузить поиск рифмы до полной, уделяя особое внимание точному совпадению ударного гласного звука, или принимать варианты с близкими по артикуляции и, как следствие, звучанию ударными гласными звуками («fall – coal»). Чуть более сложное задание — сочинить небольшое четверостишие. Студенты могут сами выбрать положение рифмующихся строк и придерживаться парной (смежной) — aabb, кольцевой (опоясывающей) — abba или перекрестной — abab рифмовки. Преподаватель предлагает первую строку. Данный вид активности

может выполняться всеми присутствующими студентами вместе, в небольших группах или индивидуально. Один из возможных результатов, взятый нами из практики аудиторной работы, выглядит следующим образом: «The sky is grey. // My soul is astray. // I met a girl // Wearing a pearl» («Небо серое. // Моя душа потеряна. // Я встретил девушку // С жемчужиной»). Как уже было сказано ранее, на этих заданиях можно изучать и тренировать любую целевую лексику, в том числе, например, из делового английского: «Gregory took a loan // He didn't want to be alone // He couldn't pay off his debt // So to prison he went» («Григорий взял кредит // Он не хотел быть один // Но он не смог выплатить долг // И отправился в тюрьму»). Так как четверостишие небольшое и строки повторяются студентами несколько раз, пока они подбирают рифму и выстраивают ритмику, целесообразно с дидактической точки зрения обращать их внимание на грамматические особенности, которые часто остаются без внимания на занятиях английским языком в высшей школе, – например, артикли. «He went to prison»: слова, обозначающие учреждения вроде school, hospital, prison и некоторые другие, используются с нулевым артиклем, когда речь идет об использовании их по назначению. Тюрьма предназначена для отбывания наказания, которое герой, по задумке авторов четверостишия, заслужил своими непродуманными действиями, что и объясняет постановку нулевого артикля.

Еще одним вариантом задания на поиск рифмы может быть работа с уже готовым стихотворением, в котором пропущены слова. Можно начать с детских стихов с простой рифмой и понятной задумкой: «Meet the Stegosaurus, Wayne. // He doesn't have the biggest brain. // He's long and heavy, wide and tall, // But has a brain that's extra small. // He's not the brightest dinosaur. // He thinks that one plus one is four. // He can't remember up from down. // He thinks the sky is chocolate brown». («Wayne the Stegosaurus») («Стегозавр Уэйн, познакомьтесь // Его мозг невелик // У него длинное, тяжелое и широкое туловище, он высокий // Но мозг совсем маленький // Он не самый умный динозавр // Он думает, что один плюс один четыре // Он не отличает верх от низа // Он думает, что небо цвета шоколада» («Стегозавр Уэйн»). Мы предлагаем дать студентам в работу следующий вариант: «Meet the Stegosaurus, Wayne. // He doesn't have the biggest __. // He's long and heavy, wide and __, // But has a brain that's extra small. // He's not the brightest dinosaur. // He thinks that one plus one is __. // He can't remember up from down. // He thinks the sky is __.» Когда принцип задания понятен и знания английского языка студентов позволяют понимать более сложные конструкции и работать с лексикой более высокого уровня, мы рекомендуем выбирать «взрослые» стихотворения известных авторов, например, «Fire and Ice» Роберта Фроста [5]: «Some say the world will end in fire, // Some say in ice. // From what I've tasted of desire // I hold with those who favor fire. // But if it had to perish twice, // I think I know enough of hate // To say

that for destruction ice // Is also great // And would suffice». («Некоторые говорят, что мир погибнет в огне, // Другие — что во льдах. // Исходя из того, что мне известно о желании, // Я соглашусь с теми, кто выбирает огонь. // Но, если миру было бы суждено согнуть дважды, // Я, думаю, достаточно знаю о ненависти // И скажу, что льдом уничтожить // Можно // И этого было бы достаточно»). Один из возможных вариантов работы — дать студентам схему рифмовки (abaabcbcb) и оставить следующие пропуски в оригинальном стихотворении: «Some say the world will end in fire, // Some say in ice. // From what I've tasted of __ // I hold with those who favor __. // But if it had to perish __, // I think I know enough of __ // To say that for destruction ice // Is also great // And would __». На наш взгляд, наиболее продуктивно выполнять задания такого рода в группах, так как, помимо работы с лексикой, фонетикой, грамматикой, рифмой и ритмом, студенты вступают в оживленные дискуссии и тренируют навык спонтанной речи.

Следующий вид упражнений на стихосложение — это выстраивание ритмики. Они могут дополняться рифмой, это один из возможных способов усложнения активности, но совсем не обязательный. Базовое задание может выглядеть так: преподаватель предлагает студентам шаблон, в котором построчно содержится общий смысл, необходимые части речи и, что очень важно, количество слогов — это помогает на первых этапах работы с ритмом. Например: первая строка: персонаж (существительное), вторая строка: 4 прилагательных о персонаже (6 слогов), третья строка: действие, выполняемое персонажем (глагол или глагольное словосочетание, 4 слога), четвертая строка: какие чувства вызывает у вас персонаж (6 слогов), пятая строка: повтор существительного из первой строки. Готовое произведение может выглядеть так: «My cat // Soft, fluffy, small and cute // It purrs all day // It makes me feel alive // My cat». («Мой кот // Мягкий, пушистый, маленький и хорошенький // Мурчит весь день // Благодаря ему я чувствую себя живым // Мой кот»). Тема, смысловые ряды, ритмический рисунок могут быть самыми разными, однако при достаточной проработке шаблона даже самое незамысловатое стихотворение будет звучать вполне законченным произведением.

Еще одно задание — сочинение хайку или хокку — особенного жанра японской поэзии. Хокку невозможно написать без проработки образа, поэтому данное упражнение представляется нам наиболее сложным из уже перечисленных. Стихотворения хайку содержат 17 слогов, обычно в переводах или оригиналах не на японском языке это трехстишие, в котором количество слогов на строку выглядит следующим образом: 5, 7, 5. «Delightful display // Snowdrops bow their pure white heads // To the sun's glory.» («Радость для взгляда // Снег совершает поклон // Во славу солнца.»). Хокку, традиционно считающиеся пейзажной лирикой, все-таки только лишь к ней не сводятся. По мнению востоковеда и переводчицы Т.Л.

Соколовой-Делюсиной, «для того, чтобы создать хокку, он [поэт] должен прежде всего ощутить — увидеть, услышать, осязать или даже обонять то, о чем сочинит стихотворение, причем не просто ощутить, а подметить нечто необычное, новое в его обыкновении, уловить элемент вечности, всеединства в определенности сиюминутного облика...» [2]. Хайку часто представляют из себя пары контрастирующих друг с другом образов, за которыми следует некое наблюдение, комментарий, однако выводы должен сделать читатель. На наш взгляд, хокку могут стать весьма подходящим способом творческого выражения для изучающих английский язык по целому ряду причин. Во-первых, структура этих стихотворений в ее традиционном виде достаточно проста для понимания и воспроизведения и, к тому же, обладает известной гибкостью и может быть изменена. Во-вторых, сочинение хайку, особенно совместное в группах, создает благоприятные условия для мозгового штурма. В-третьих, хокку — жанр лаконичный, над студентами не довлеет необходимость выстраивать законченные предложения (зачастую это просто словосочетания с дополнительными элементами), что даёт большую свободу самовыражения. Наконец, обучающиеся приобретают весьма полезный навык воспринимать даже короткие слова и фразы как самодостаточные единицы и играть с ними, противопоставляя друг другу простые понятия. Приведём пример из нашей практики: «My groupmates and I // Arriving to class at 8 // A wasted effort» («Мы с друзьями // Прибыли в вуз к восьми // Боже, зачем») — интересен тот факт, что перевод на русский выполнен авторами стихотворения, но с небольшими отступлениями от традиционной структуры: во второй и третьей строках 6 слогов и 4 соответственно. Хотя жанр, как было уже упомянуто, не ригиден, в англоязычной версии выдержано соотношение слогов 5–7–5, что было достигнуто вдумчивой работой с лексикой: «arriving» вместо «coming», «to class» вместо «to the university». В качестве заключительной строки было предложено два варианта: «A wasted effort» и «An effort in vain». Оба подходили и по количеству слогов, и смыслу, и стилистике, однако выбран был первый, так как, по мнению группы, лучше звучал с точки зрения ритмики. И процесс сочинения этого хайку, и результат являются, на наш взгляд, подтверждением тезиса о том, что подобные задания повышают уровень мотивации и вовлечения студентов в то, что происходит на занятии.

Последняя категория упражнений требует от студентов в первую очередь проработки некоего образа. Рифма и ритм могут являться важными составляющими этого образа, но пользоваться ими или нет в данной ситуации решают авторы стихотворений.

«Затемненная поэзия» сочиняется путём стирания слов, словосочетаний, предложений или даже целых абзацев из уже готового текста (текст может быть как стихами, так и прозой). Готовое стихотворение может как оформляться отдельно на чистом листе, так и оста-

ваться там, где было создано, дополняясь рисунками, цветными вставками, аппликациями и любыми другими атрибутами творческого самовыражения. Итоговый текст зачастую приобретает принципиально новый набор значений и смыслов. В качестве эксперимента в конце занятия по деловому английскому мы предложили студентам создать своё стихотворение на базе отрывка из статьи про предпринимателей: «An entrepreneurial growth mindset is one of the most important keys to an entrepreneur's success as a leader. Entrepreneurs are those who have mastered the art of developing companies from nothing and turned them into profitable businesses and products. But many people feel it's something they can't learn, which I believe is not valid.» («Установка на предпринимательский рост — один из важнейших ключей к успеху предпринимателя как лидера. Предприниматели — это те, кто овладел искусством создавать компании из ничего и превращать их в прибыльные предприятия и продукты. Многим людям кажется, что этому невозможно научиться, и я считаю, что это неверно.»). Полученные результаты были весьма любопытны с самых разных точек зрения: «A mindset is key to art» («Образ мышления — ключ к искусству»), «A leader from nothing is not valid» («Лидер из ничего таковым не является»), «Growth from nothing's something I believe [in]» («Я верю в рост с нуля»). Наиболее частая обратная связь от студентов, что свидетельствует об их искреннем интересе к заданию, — это сетование на недостаток нужных им слов в оригинальном тексте, причем, в зависимости от уровня английского языка, это может быть отсутствующий предлог, как в последнем примере (что, конечно, можно восполнить), или понимание, что прилагательное «valid», которым пришлось довольствоваться, не совсем применимо к людям. Blackout poetry может эффективно использоваться для тренировки разных пластов лексики, это зависит от подбора текста-основы, с которым студентам нужно будет взаимодействовать. Кроме того, в таком задании требуется активное применение знаний грамматики, так как предложения приходится выстраивать из уже имеющихся составных блоков, адаптируясь под обстоятельства и не выпуская из виду цель сделать итоговый вариант правильным по структуре.

Использование стихосложения на занятиях английским языком помогает преподавателю и студентам выйти за границы обычного обучения, однако следует помнить, что этот вид деятельности не является творчеством в самом чистом виде, и иногда, будучи частью образовательного процесса, требует оценки. Так как это может оказаться чрезвычайно непростой задачей, в данной статье мы рассматриваем несколько способов дать оценку таким работам студентов, сохранив, при этом, все преимущества творческих заданий для изучения иностранного языка. Одним из возможных подходов является выставление зачёта (но не формальной оценки) за выполнение работы. Это не значит, что преподаватель никак не оценивает задание: необходимо отметить силь-

ные и слабые стороны работы, исправить, при наличии, грубые грамматические или лексические ошибки, однако акцент смещается на сам факт выполнения. Таким же образом можно выставлять заранее оговоренное количество баллов, не ранжируя их, в зависимости от того, насколько хорошо сделана работа. Мы отмечаем, что студент приложил усилия в непривычной для него области и вознаграждаем именно это. На наш взгляд, такой способ оценки имеет большие преимущества в самом начале работы со стихосложением в аудитории. В тех случаях, когда требуется формальная оценка и выставление баллов должно производиться в соответствии с определенными требованиями, на первое место становятся формат задания, список критериев оценки и примеры удачно выполненных стихотворений. Формат может включать в себя использование определенного типа рифмы, количество строф, строк или слогов (как в случае с хокку). В качестве критериев оценки литературовед и преподаватель английского языка Фредерик Шрёдер предлагает следующие [7]: содержание (автор раскрывает мысль стихотворения, приводя убедительные и релевантные детали; мысль расплывчата, детали относятся к теме стихотворения опосредованно или же это отношение не прослеживается вовсе) (здесь и далее описание критериев дается от наиболее к наименее успешному выполнению задания), выбор слов (автор использует яркий, запоминающийся язык, который позволяет читателю понять, о чем он пишет; используемый словарный запас ограничен, не вызывает интерес читателя и не передает идеи автора в полном объеме), орфография (автор не совершает орфографических ошибок; автор совершает большое количество орфографических ошибок и это не является стилистическим приёмом); следование формату. Список критериев может быть расширен, преподаватель, в зависимости от целей, волен добавлять и грамматику, и тему стихотворения. Мы рекомендуем ознакомить студентов с формальными требованиями до начала работы, в таком случае они смогут предварительно оценить себя самостоятельно и вне-

сти коррективы. Наконец, выполнение подобного рода творческих заданий и их последующая оценка наиболее эффективны, когда происходят в форме диалога между преподавателем и студентом. На наш взгляд, преподавателю желательно работать над своим стихотворением наравне с аудиторией, чтобы показать своё серьезное отношение и придать вес этому неконвенциональному упражнению.

Подводя итоги, следует заметить, что меняются не только поколения студентов, но и их парадигмы мышления. Преподавателям иностранных языков и, в частности, английского, нужно уметь использовать все доступные инструменты, чтобы захватывать и удерживать внимание аудитории, повышать их мотивацию и интерес. На наш взгляд, сейчас самое время обратиться к сочинению поэтических форм, которое традиционно оставалось за рамками процесса обучения английскому языку. Как пишет лингвист и преподаватель Эндрю Финч: «Акцент на красоте слов изучаемого языка и на их самостоятельном использовании учащимися как в неграмматическом, так и в грамматическом контекстах может способствовать осмысленному и уместному выражению личных смыслов в дополнение к привлечению внимания к аспектам структуры и синтаксиса» [3]. Периодически смещая акценты, расширяя взгляд на образовательный процесс, мы можем сделать его и более вовлекающим, и более эффективным.

Дальнейшие исследования преимуществ, которые даёт преподавателям иностранных языков использование поэтических форм, весьма обширны и перспективны. На наш взгляд, было бы интересно, в частности, углубиться в изучение возможного подражания студенческих работ классикам или современным авторам, что сначала потребует детального анализа основного произведения, выведения закономерностей и характерных черт, которые отличают стилистику и слог поэта – иными словами, усердной работы, охватывающей все аспекты языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьева К.И. К вопросу об английской рифме. *Lingua mobilis* №4 (30), 2011.
2. Соколова-Делюсина Т. Сборник. Японская поэзия. Санкт-Петербург: Северо-Запад, 2000.
3. Finch A. (2003). Using Poems to Teach English. *English Language Teaching* 29-45.
4. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения 21.02.2024).
5. Frost, R. Fire and Ice [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/44263/fire-and-ice> (дата обращения 27.02.2024).
6. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 23.02.2024).
7. Schroeder F. (2010). For Better Or Verse – Poetry In The ESL Classroom. MA TESOL Collection. 485.
8. Shakespeare W. Sonnets [Электронный ресурс]. URL: https://engshop.ru/shekspir-sonet-19-na_anglijskom/ (дата обращения 12.02.2024).

© Виноградова Дарья Сергеевна (dsvinogradova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЙТИ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ: ВНУТРЕННЯЯ МОТИВАЦИЯ И УТИЛИТАРИЗМ В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ КИТАЯ

Гао Юань

аспирант Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
384328898@qq.com

GOING AGAINST THE TIDE: INTRINSIC MOTIVATION AND UTILITARIANISM IN CHINESE MUSIC

Gao Yuan

Summary: Over the past seventy years, the People's Republic of China has undergone remarkable socio-economic transformations. In 1952 China's Gross Domestic Product was merely 67.9 billion yuan, which surged to 90030.9 billion yuan by 2018. China not only achieved exponential economic growth but also completed the industrialization process that took Western countries two hundred years, in just a few decades. This rapid development has brought countless opportunities while also having a profound impact on all aspects of society. Particularly in the field of education, the era of rapid changes not only improved people's living standards but also presented them with unprecedented challenges. In the realms of art and music education, this swift change has sparked a series of contradictions, especially regarding the purpose and methods of education. This paper will delve into the utilitarian phenomena occurring in Chinese music education against this temporal backdrop, analyze its causes, and explore possible solutions.

Keywords: music education, utilitarianism, chinese music education, music education, utilitarianism, arts education.

Аннотация: За последние семьдесят лет Китайская Народная Республика пережила заметные социально-экономические преобразования. В 1952 году валовой внутренний продукт Китая составлял всего 67,9 миллиардов юаней, а к 2018 году этот показатель вырос до 90030,9 миллиардов юаней. Китай не только достиг значительного экономического роста, но и за несколько десятилетий прошел путь индустриализации, на который западным странам потребовалось двести лет. Такой стремительный рост принес множество возможностей, но также оказал глубокое влияние на все аспекты общества. В частности, в области образования, где быстрые изменения не только улучшили уровень жизни людей, но и представили им невиданные ранее вызовы. В сфере искусства и музыкального образования эти быстрые изменения вызвали ряд противоречий, особенно в вопросах целей и методов обучения. В этой статье мы подробно рассмотрим явление утилитаризма в музыкальном образовании Китая в контексте этих изменений, проанализируем его причины и исследуем возможные пути решения.

Ключевые слова: музыкальное образование, утилитаризм, обучение искусствам.

В 1986 и 1998 годах по приглашению проекта "Zero Project" Гарвардского университета и Центра культурного обмена между США и Китаем Колумбийского университета профессор Ремо дважды посетил Китай для глубокого изучения музыкального образования в стране и составил подробный отчет на 300 страниц. Профессор Ремо высоко оценил выдающиеся исполнительские навыки китайских детей, однако он также отметил, что обучение музыке в Китае слишком узко специфичное, с акцентом на обучение навыкам, а не на всестороннее образование. Как выразился сам профессор Ремо, идеал музыкального обучения – предоставление музыкального образования, а не просто музыкальной подготовки.

На мой взгляд, музыкальное обучение, о котором идет речь, представляет собой узкий набор навыков исполнения, слушания и нотной записи. Это лишь технический инструмент, тогда как образование должно предоставлять студентам более широкое, глубокое и обширное долгосрочное понимание музыки. Подобную точку зрения также высказывал профессор Лю Пэй в своей статье «От "Zero Project" и теории множественно-

го интеллекта к обновлению концепций в музыкальном образовании: когнитивистский взгляд на музыкальное образование» [2]. Профессор Лю Пэй, проводя музыкальные экзамены в профессиональных учебных заведениях, обнаружил, что многие студенты обладают поразительными талантами и высоким уровнем навыков, но при этом удивительно невежественны в понимании музыки. Это явление, сохраняющееся до 2023 года, по моему мнению, тесно связано с поверхностным утилитаризмом, пронизывающим общество [2].

Эпоха утилитаризма

Анализируя курс обязательного образования в области искусств, опубликованный Министерством образования Китая в 2022 году [4], мы можем легко заметить, что, хотя он явно подчеркивает цель художественного образования в формировании всесторонней личности и реализации основных социалистических ценностей, на практике частное музыкальное образование во многом отходит от этого руководства. Несколько причин могут объяснить это явление.

В первую очередь, это общественная тревога и разрыв познаний, вызванные быстрым социальным развитием. Китайская Народная Республика пережила 74 года быстрого развития, сопровождающегося всё более острой конкуренцией в области образования и серьезной девальвацией ученых степеней. В стремительно развивающемся обществе родители и учащиеся испытывают глубокую тревогу. В Китае нередко ситуация, когда ребенок, только начавший учиться в начальной школе, посещает три-четыре внеклассных занятия помимо основных уроков. Согласно данным опроса китайских семей, проведенного Исследовательским центром социальных наук Пекинского университета (ISSS) за период с 2010 по 2018 год, расходы на воспитание детей составляют около 50% от общих семейных расходов, из которых 34% приходится на образовательные расходы.

Вызовы и рефлексия в музыкальном образовательном тренинге

В Китае внешкольное художественное обучение делится на два типа: развитие интересов и профессиональное обучение. Отличие между ними в том, что первый тип предназначен для широкой непрофессиональной аудитории с целью развития интересов, в то время как второй – это профессиональное художественное обучение для студентов, готовящихся к художественным экзаменам.

Обычное музыкальное образование заключается в следующем. После интервью в некоторых учреждениях северного Китая автор обнаружил, что практически все музыкальные учебные заведения рассматривают художественное обучение как чисто коммерческую деятельность. Учителя почти все свое внимание уделяют удовлетворению желаний родителей, а не объективным законам художественного воспитания. Не все учителя изначально были такими утилитаристами. Большинство родителей отправляют детей в учебные заведения с надеждой увидеть быстрые результаты в виде исполнения известных мелодий, и редко понимают важность тренировок, которые не приносят немедленных результатов, а также не осознают значение образования в области музыкального содержания и эстетического воспитания. Некоторые учителя, под давлением родителей и в стремлении удержать клиентов, сначала стремятся удовлетворить требования родителей, а не фактические потребности детей.

Таким образом, концепция музыкального образования, направленная на развитие глубокого, широкого и долгосрочного понимания музыки, трудно реализуема в такой утилитарной образовательной среде. Родители, поглощенные тревогой в быстро развивающемся обществе, часто не могут угнаться за изменениями в мышлении и понять важность «больших идей», которые не

приносят немедленных результатов в художественном образовании. Они часто фокусируются на немедленных поверхностных достижениях, что непосредственно влияет на образовательное направление учителей музыки, ведя к поверхностному музыкальному образованию, которое сложно изменить на уровне глубинного осознания.

Вызовы и рефлексия в обучении для художественных экзаменов

Существует взаимное влияние художественного образования и политики уменьшения баллов на вступительных экзаменах. В области профессионального музыкального обучения заметно, что многие студенты выбирают сдавать художественные экзамены не из любви к искусству, а из-за преимуществ в виде снижения баллов на вступительных экзаменах в университеты для учащихся, специализирующихся на искусствах. Это явление приводит к сложным образовательным последствиям. С диалектической точки зрения, это предоставляет больше возможностей для тех студентов, кто любит искусство, но имеет плохие академические результаты, что соответствует теории множественного интеллекта Говарда Гарднера. Он указывает, что образование должно уважать индивидуальные разнообразные таланты и поддерживать разнообразное развитие интеллекта, включая восемь типов интеллекта: лингвистический, логико-математический, музыкальный, пространственный, кинестетический, межличностный, внутриличностный, а также понимание и взаимодействие с природой. Однако, для тех, кто изучает искусство не из-за любви к нему, а просто для поступления в университет, это может привести к утилитаризации искусства и его превращению в инструмент для поступления. Такое явление на социальном уровне может ослабить внимание к глубокому пониманию и оценке искусства, тем самым влияя на суть художественного образования.

Кроме того, существует конфликт между выбором больших произведений и целями художественного образования. Выбор произведений студентами, сдающими художественные экзамены, также выявляет другую проблему в области профессионального музыкального образования. Многие начинающие склонны выбирать крупные произведения, которые превышают их технический и выразительный уровень, такие как арии из опер Пуччини или Верди. Эта тенденция частично обусловлена интенсивной конкуренцией на художественных экзаменах, из-за чего студенты и учителя не решаются выбирать более мелкие произведения, более подходящие для уровня учащихся. В таких случаях 18-летние студенты, берущиеся за такие крупные произведения, как "Nessun dorma" или "La donna è mobile", часто фокусируются на вокальной технике, особенно на владении высокими нотами, но игнорируют глубокое понимание и

выражение художественного произведения. Такая ориентация на технику может отдалять художественное образование от его сути, которая заключается в развитии глубокого понимания музыки и эстетического восприятия у студентов.

Итак, в области музыкального образования в Китае существует конфликт между утилитаризмом, связанным с поступлением в вузы, и сущностью образования. С одной стороны, политика уменьшения баллов на вступительных экзаменах и общественное внимание к академическим достижениям приводят к утилитаризации художественного образования. С другой стороны, интенсивная конкурентная среда на художественных экзаменах побуждает студентов выбирать произведения, превышающие их возможности, что не только игнорирует глубокое понимание искусства, но и может нанести вред художественному развитию студентов. Перед лицом этих вызовов чиновники в области образования и политики должны переосмыслить цели художественного образования, чтобы обеспечить его возвращение к истинной ценности — развитию глубокого понимания искусства и постоянной любви к нему у студентов.

Влияние утилитарного образования на музыкальное образование

Термин «утилитарное музыкальное образование» относится не только к единичным явлениям в процессе музыкального образования, которые носят утилитарный, неэстетический, прагматичный характер. С внешней точки зрения, общественное восприятие образования также ограничивается так называемой «практичностью», что очень неблагоприятно для развития музыкального образования в обществе.

Профессор Реймер в своей книге «Философия музыкального образования» ("A philosophy of music education") задался вопросом, в чем сила музыки? Если рассмотреть этот вопрос в контексте эпохи музыкального образования в США, в которой находился профессор Реймер, становится ясно, что это проблема, требующая срочного решения, поскольку в обществе, пронизанном утилитарным образовательным подходом, музыкальное образование постоянно оказывается на периферии и не способно освободиться от стереотипов [3].

Говоря об «утилитарном музыкальном образовании», первое, что приходит на ум — это мировоззрение, согласно которому музыка может улучшить оценки по «основным» предметам, повысить пространственно-логическое мышление (так называемый «эффект Моцарта»), усилить чувство морали и так далее. Фактически, на протяжении длительного времени в истории музыки в США музыкальные педагоги давали такие рискованные доказательства, что привело музыкальное образование

в тупик «самооправдания».

Профессор Шанхайской консерватории музыки Юй Даньхун из Китая в предисловии к книге «Основные национальные стандарты искусства США» упоминает интересный феномен: ранняя философия музыкального образования в США была основана на идее «интегрированного образования» [1]. Эта идея была впервые официально выражена в 1837 году в докладе Специальной комиссии школьного совета Бостона по поводу школьных музыкальных программ. Важно отметить, что автор доклада доказал полезность музыки для интеллекта, морали, физического здоровья и других аспектов, но не рассматривал значение музыки как отдельного предмета для изучения, а скорее обходил этот вопрос, демонстрируя влияние музыки на развитие интеллекта, морали и физического здоровья.

С сегодняшней точки зрения это была очень прогрессивная идея: музыка должна способствовать всестороннему развитию человека. Однако, в контексте того времени, такое утверждение было рискованным. Когда образовательные решения начали основываться на том, что существуют лучшие альтернативы для развития интеллекта, морали и физического здоровья, чем музыка, идея о месте музыкального образования в школах начала терять авторитет.

На этом фоне развитие музыкального образования в США в следующие 120 лет, казалось, не было оптимистичным, пока в 1960-е годы идея «эстетического образования» не заменила концепцию «интегрированного образования». По сравнению с «интегрированным образованием», «эстетическое образование» казалось относительно узкоспециальным, но эта тенденция «позволить музыке быть самой собой» сохранила основу для поддержки изучения музыки в школе. Эти изменения были не только результатом усилий философов, но и потребностью музыкального образования в США того времени, как указывал один из ключевых деятелей американского «эстетического образования» профессор Реймер в своей книге «Философия музыкального образования». «Впервые в истории искусство было "официально" признано как основной предмет, и существовала настоятельная необходимость доказать, что искусство обладает такими же возможностями, как и другие предметы». Однако, горький урок истории учит нас, что музыкальное образование должно сосредоточиться на том уникальном опыте, который может предложить только музыка, а не на том, что может быть сделано так же хорошо или даже лучше в других областях [3].

Приведем еще одну цитату профессора Реймера: «Если нет ясного осознания особой ценности музыки и того, что преследование этих уникальных ценностей является нашим первостепенным профессиональным

долгом, тогда наше существование в образовании не имеет основания. Внутренние споры в мире музыкального образования о том, должны ли наши ценности базироваться на „эстетике/искусстве“ или на практической основе, не привели ни к чему и только подрывают нашу позицию» [3].

В сравнении с сегодняшней социальной средой музыкального образования в Китае, многие родители ожидают, что их дети смогут сдавать экзамены по музыке, зарабатывать деньги или приобретать некоторые качества, которые они сами не могут описать, что полностью игнорирует уникальные способности музыки и выбирает путь утилитарного образования. К тому же, некоторые учебные заведения, стремясь удовлетворить такие запросы родителей, в своей рекламе могут заявлять о различных качествах, которые музыкальное образование может дать детям (даже если на самом деле музыкальное образование не обладает такими функциями). Такая реклама не способствует объективному пониманию обществом истинных функций музыки. Чем больше нереалистичных ожиданий связано с музыкой, тем больше ущерба наносится общественному восприятию места музыкального образования в обществе, когда эти ожидания не оправдываются.

Однако в то же время всё больше родителей не ставят перед собой чрезмерно утилитарные цели, желая лишь, чтобы их дети испытали опыт слушания и исполнения музыки, поняли ее суть. Это хорошее явление. Но среди этих родителей и учеников, ориентированных на опыт, существует много тех, кто хотел бы испытать музыку без практики. Вопрос о том, насколько это приемлемо, в данной статье не обсуждается.

Выводы

1. Развитие всестороннего подхода к музыкальному образованию. Подчеркивание цели музыкального образования в развитии целостной личности, не только в технической подготовке, но и как важной части образования в области эмоций, эстетики и культуры. Сотрудничество внутри и вне образовательной системы, например, между школами и общественными художественными организациями, предоставление разнообразного музыкального опыта для развития творческих способностей учащихся, критического мышления и культурной идентичности.
2. Обновление системы подготовки и оценки учителей. Улучшение механизмов подготовки и оценки учителей музыки, чтобы обеспечить обладание не только музыкальными навыками, но и определенной философией музыкального образования и методологией преподавания. Подготовка учителей должна акцентировать внимание на инновационных способностях и критическом мышлении учителей, поощряя их рефлексию и инновации в практике преподавания.
3. Содействие изменению общественного восприятия художественного образования. Через общественные СМИ и социальные движения усилить понимание обществом глубокой ценности музыкального образования и уменьшение стремления к утилитаризму. Подчеркивание важности художественного образования для всестороннего развития личности и культурного наследия общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даньхун Ю. Основные национальные стандарты искусства США / Ю. Даньхун. — Шанхай: Издательство Шанхайской консерватории музыки, 2002. — 306 с.
2. Пэй Л. От "Project Zero" и теории множественного интеллекта к обновлению концепций музыкального образования – когнитивистская точка зрения на музыкальное образование // Практика и теория музыкального образования. – 2021. – №1. – С. 20–25.
3. Реймер Б. Философия музыкального образования – продвижение видения / Б. Реймер. – Пекин: Издательство Народной музыки, 2020. – 340 с.
4. Уведомление Канцелярии Государственного Совета о публикации «Стандартов музыкального образования обязательного образования (издание 2022 года)» // Канцелярия Государственного Совета КНР. – 2019. – URL: <http://www.shcmusic.edu.cn> (дата обращения 05.03.2024).

© Гао Юань (384328898@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE INTERCULTURAL COMPETENCE OF STUDENTS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

M. Deneko

Summary: The formation of foreign language intercultural competence is one of the main components in foreign language teaching. Digitalization of education, which is essentially a reform of the educational process, provides new opportunities for the development of new techniques and psychological and pedagogical methods for the formation of foreign language intercultural competence. The above processes are reflected in domestic educational documents and it is a powerful mechanism for optimizing the educational process.

Keywords: foreign language intercultural competence, psychological and pedagogical methods, sociocultural specificity, educational process, foreign languages, digitalization of education.

Денек Марина Витальевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент, МТУСИ,
Московский Технический Университет
Связи и Информатики
denekomarina585@gmail.com

Аннотация: Формирование иноязычной межкультурной компетенции представляет собой один из основных компонентов при обучении иностранному языку. Цифровизация образования, которая по сути является реформированием учебного процесса, дает новые возможности для разработки новых методик и психолого-педагогических методов для формирования иноязычной межкультурной компетенции. Вышеупомянутые процессы находят отражение в отечественных образовательных документах и являются мощным механизмом для оптимизации образовательного процесса.

Ключевые слова: иноязычная межкультурная компетенция, психолого-педагогические методы, социокультурная специфика, образовательный процесс, иностранные языки, цифровизация образования.

Современные преподаватели иностранных языков в условиях реформирования, связанного с цифровизацией образовательного процесса, сталкиваются с большим количеством проблем. Одной из самых сложных является корректное формирование иноязычной межкультурной компетенции учащихся в существующих образовательных реалиях. Как полагают современные исследователи, категория иноязычной межкультурной компетенции напрямую связана с языковым образованием, поскольку оформление данного феномена происходит в большинстве своем в процессе изучения и использования языковых средств [1, 11, 12].

Несмотря на актуальность проблемы и активный курс, который разворачивается в современной науке при обсуждении феномена иноязычной межкультурной компетенции, изучение процесса становления личности, компетентной в процессе межкультурной коммуникации, освещено недостаточно развернуто. Педагоги и методисты упоминают о формировании иноязычной межкультурной коммуникации связывая это понятие с обучением в высших учебных заведениях несмотря на то, что в современном мире знакомство и проникновение в иностранную культуру происходит в достаточно юном возрасте в том числе благодаря активно развивающимся цифровым технологиям.

Первые межличностные навыки отрабатываются на уроках в средней школе, следовательно, основы формирования иноязычной межкультурной коммуникации также закладываются в этот период на первых занятиях по иностранному языку. Соответственно на выходе как результат обучающиеся должны уметь пользоваться базовыми навыками межличностного общения и на иностранном языке. Диапазон тем достаточно широк: словарный состав, используемый в повседневной жизни (окружающая среда, семья, прием пищи, жилье, хобби, покупки, общественный транспорт и т. д.), переключается в дальнейшем в высшем звене с будущей профессиональной коммуникацией (деловая информация, налаживание деловых контактов, посещение учебного заведения, фирм, предприятий, ведение переговоров).

Для выпускников школ с профильным изучением иностранного языка – особенные требования. Они должны уметь критически оценивать свою и чужую точку зрения, анализировать различные моменты взаимодействия, аргументировать свою позицию и быть способными резюмировать сказанное [4, с. 28].

Таким образом следует отметить, что очевидно то, что навыки и умения иноязычной межкультурной компетенции необходимо активно развивать еще в школе

максимально используя возможности цифровых технологий. На эту цель ориентирована разработка актуальных методических и психолого-педагогических основ обучения школьников, таких как введение в педагогику и методику. Ориентированность на развитие навыков иноязычной межкультурной коммуникации влияет на сущность и содержание целей обучения иностранному языку.

Важно отметить, что языковое образование и введение цифровых технологий в процесс обучения в школе, которое предполагает формирование и развитие ряда навыков иноязычного межкультурного общения, находит отражение в отечественных образовательных документах.

Так, в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего (полного) общего образования (10–11 класс) для решения задачи формирования социокультурной компетенции, в состав которой включены многие компоненты иноязычной межкультурной коммуникации, в рамках иноязычной коммуникативной компетенции необходимы:

- 1) сформированность коммуникативной иноязычной компетенции, необходимой для успешной социализации и самореализации, как инструмента межкультурного общения в современном поликультурном мире;
- 2) владение знаниями о социокультурной специфике страны/стран изучаемого языка и умение строить свое речевое и неречевое поведение адекватно этой специфике; умение выделять общее и различное в культуре родной страны и страны/стран изучаемого языка;
- 3) достижение порогового уровня владения иностранным языком, позволяющего выпускникам общаться в устной и письменной формах, как с носителями изучаемого иностранного языка, так и с представителями других стран, использующими данный язык как средство общения...» [8].

Кроме того следует отметить, что это осуществляется на фоне перехода на цифровизацию образования, поскольку на основе опыта преподавания иностранных языков в формате дистанционного образования в связи с пандемией 2020-2022 было принято Постановление Правительства Российской Федерации № 2040 от 07.12.2020 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды», который был запущен 10 декабря 2020 г. и апробировался до 31.12.2022 г. Этот эксперимент представил собой «катализатор готовности к переходу образования на новый формат и рычаг для ускорения к этому переходу, поставив вузы и школы в стрессовую ситуацию» [5]. В этой связи логически возникла необходимость в новых методах и педагогико-психологических методиках преподавания для фор-

мирования навыков межкультурной коммуникации с использованием современных реальных возможностей в рамках цифровизации учебного процесса [3,14]. При этом политические события, СВО и напряжение в отношениях с рядом стран выявили необходимость корректировать содержание программ обучения.

Как показывает анализ образовательного стандарта по иностранным языкам, требования к знаниям и умениям, направленным на формирование социокультурной и межкультурной компетенций учащихся, идентичны. Ряд исследователей, среди которых А.Е. Афанасьева, В.В. Филонова и другие, полагают, что лишь некоторые требования, имеющие прямое отношение к формированию межкультурной компетенции, нашли отражение в ФГОС в перечнях требований к сформированности социокультурной компетенции, а именно: формирование позитивного отношения к контактирующей культуре, выступление в качестве представителя родной культуры, проявление культуроведческой наблюдательности, выявление сходств и различий между родной и контактирующей культурами. Однако формирование иноязычной межкультурной компетенции отражено в рассмотренных федеральных образовательных стандартах не в полной мере, и за рамками образовательных документов остался целый ряд требований [2, 9].

Отмечают необходимость отдельно выделить межкультурную компетенцию как одну из целей обучения иностранному языку в стандартах и требованиях, для того чтобы обучающиеся могли действительно подготовиться к межкультурной коммуникации средствами иностранного языка. «Требования к результатам освоения предметной области иноязычной межкультурной компетенции должны отражать:

- Знания: о рамках культуры, характеристиках культуры, о типах взаимоотношения между культурами;
- Умения: инициировать и начинать межкультурный диалог, интерпретировать культурные факты / события, выявлять культурные сходства и различия между представителями разных культурных групп (наблюдения), находить и определять ситуации межкультурных конфликтов, разрешать культурные конфликты, критически оценивать контактирующие культуры с позиции их собственных систем ценностей;
- Отношения: открытость, толерантность, эмпатия к представителям других культур» [9].

Кроме того, как полагают ученые «интерес к внешней культуре, различия в традициях, расширение кругозора обучающихся могут стимулировать обучающихся к приобретению новых навыков и знаний, в том числе и в профессиональной сфере» [13].

Здесь уместно обратить внимание на то, что знание психолого-педагогических основ, как и методических, благоприятным образом влияет на планирование образовательного процесса с целью развития учебно-познавательной деятельности обучающихся поскольку в расчет берется развитие ощущения, восприятия, памяти и мышления обучающихся конкретной возрастной группы. Известно, что как в зарубежной, так и в отечественной возрастной психологии существует научная периодизация психического развития человека. Традиционно, возраст обучающихся среднего звена определяется таким образом: с 12 до 15 лет (5–9 классы). Согласно Д.Б. Эльконину, ведущей деятельностью здесь является «общение в системе общественно полезной деятельности, включающей такие ее коллективно выполняемые формы, как общественно-организационная, спортивная, художественная и трудовая» [15, с. 38].

Исследователь Л.А. Метелева считает, что с точки зрения психолого-педагогических основ иноязычная межкультурная компетенции ориентирована на позитивную психологическую адаптацию учеников, на развитие способности проводить сравнительный анализ, самостоятельно мыслить и принимать решения. Иностранный язык становится способом отображения мира, средством закрепления культурной информации, а также средством общения между людьми [7, с. 245]. Цифровые платформы также дают подобные установки и способствуют приобретению этих полезных навыков. Обучение аудированию при помощи новых средств общения таких как социальные сети, мессенджеры, приложения современных гаджетов ведет к очень хорошему результату поскольку в отличие от учебников они приближают процесс слушания к реальным условиям, а не учебным, что значительно повышает мотивацию обучающихся [6, 10].

Однако при этом следует уделять особое внимание проблемам «психологической адаптации к новой форме образования, проблемы адекватности усвоения материала при таком формате обучения, когда обучающийся должен самостоятельно изучать большое количество материала, проблема умения поддерживать обратную связь с преподавателями и тьютерами, избегая процесса прокрастинации, при которой постоянное откладывание выполнения важных дел ведет впоследствии к чувству вины, стрессу, заниженной самооценке» [14].

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что методические основы сформулированы в российских образовательных стандартах, регламентирующих содержание и организацию иноязычной межкультурной коммуникации для успешной социализации обучающихся, владения знаниями о социокультурных особенностях родной страны и стран изучаемого языка и достижения порогового уровня владения иностранным языком. Наряду с этим, методическая база постоянно подкрепляется современными исследованиями ученых, которые подчеркивают необходимость ориентации образования на развитие способностей, формирующих готовность к вступлению в диалог культур и эффективной коммуникации на межкультурном уровне. Все эти процессы осуществляются на фоне реформирования образования в связи с внедрением цифровизации. При этом учет психолого-возрастных особенностей школьников является важной составляющей для успешного обучения в целом и формирования иноязычной межкультурной коммуникации в процессе изучения иностранных языков. Эти основы необходимы для создания современных учебников по иностранным языкам, которые способствуют формированию иноязычной межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Al Mir Z.M. Les télécommunications dans l'enseignement des langues // В сборнике: Информационные и графические технологии в профессиональной и научной деятельности. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Тюмень, 2023. С. 261–265.
2. Афанасьева А.Е. Структура и содержание межкультурной компетенции учащихся старших классов при обучении иностранному языку // Молодой ученый. 2017. № 11 (145). С. 440–442. URL: <https://moluch.ru/archive/145/40593/> (дата обращения: 23.01.2024).
3. Bogdanov E.S., Sharipova E.M. Développement du format numérique pour l'apprentissage des langues étrangères // В сборнике: Информационные и графические технологии в профессиональной и научной деятельности. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Тюмень, 2023. С. 265–272.
4. Гальскова Н.Д. Межкультурный подход в системе современного образования в области иностранных языков / Н.Д. Гальскова // Формирование культурной и языковой компетентности в процессе изучения иностранного языка. Интернет и изучение иностранного языка: сборник материалов Междунар. науч. конф. / под ред. П.Н. Хроменкова. М.: МГОУ, 2014. С. 71–73.
5. Карнаухова И.А., Ведута О.В., Шарипова Э.М., Волобуева О.Н., Пашина А.В. Преподавание иностранных языков в цифровом формате как экспериментальная площадка перехода на новую форму обучения / И.А. Карнаухова, О.В. Ведута, Э.М. Шарипова // Высшее образование в цифровую эпоху: лингвистический аспект. Коллективная монография. Тюмень, 2023. С.76–110.
6. Колясникова К.М., Шарипова Э.М. Использование информационно-коммуникационных технологий при обучении лексике на занятиях по иностранному языку // В сборнике: Информационные и графические технологии в профессиональной и научной деятельности. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Тюмень, 2023. С. 287–294.

7. Метелева Л.А., Осадченко И.И., Коновалова Е.Ю. Психолого-педагогические аспекты формирования коммуникативной компетентности студентов в процессе обучения иностранному языку // Вектор науки ТГУ. 2014. № 1 (27). С. 243–246.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: [сайт]. URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 12.02.2024).
9. Филонова В.В. Межкультурная компетенция в целях обучения иностранным языкам для среднего (полного) образования (10–11 кл.) // Теория и практика образования в современном мире: материалы II Междунар. науч. конф / отв. ред. О.А. Шульга. Санкт-Петербург: Реноме, 2012. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/64/2880/> (дата обращения: 10.02.2024).
10. Шарипова Э.М. Обучение аудированию на занятиях по французскому языку в техническом вузе // В сборнике: Инновационные процессы в науке, технике и экономике. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Отв. редактор В.Я. Мауль. Тюмень, 2022. С. 424–428.
11. Шарипова Э.М. Новые технологии как форма прогрессирования преподавательских практик // В сборнике: Инновации. Интеллект. Культура. Материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной году М.С. Знаменского в г. Тобольске. Тюмень, 2023. С. 316–319.
12. Шарипова Э.М., Заичко М.В., Лалетина Н.Д., Храмова Н.А. Цифровизация образования. Проблемы переходного периода / Э.М. Шарипова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 4–1. С. 129–132.
13. Шарипова Э.М., Заичко М.В., Михайлова М.Н., Чаюкова Я.С. Иноязычная межкультурная компетенция как один из значимых компонентов при обучении иностранным языкам / Э.М. Шарипова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 10–2. С. 116–119.
14. Шарипова Э.М., Медведева И.А., Михайлова М.Н., Остапенко Г.С. Внедрение новых цифровых технологий как механизм прогрессирования преподавательских практик в образовании / Э.М. Шарипова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 3–2. С. 116–118.
15. Эльконин Д.В. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 34–39.

© Денек Марина Витальевна (denekomarina585@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

FORMATION OF SOCIO-CULTURAL AND SOCIOLINGUISTIC COMPETENCIES OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

**O. Ishaeva
T. Petrenko**

Summary: The article examines the process of formation of socio-cultural and sociolinguistic competencies of students through an interdisciplinary approach. The article describes the elements of sociolinguistic competence, conditions and methods of its formation. The requirements of the Federal State Educational Standard are taken into account, which determine the need for the development of socio-cultural and sociolinguistic competencies and ways of professional self-improvement in the process of obtaining higher education. The authors define the goals and objectives of this process, and also propose a number of pedagogical conditions for the successful functioning of the developed system: the use of authentic educational materials, the inclusion of socio-cultural project activities and the use of situational orientation in the learning process of students. The study examines the relationship between systemic, functional, competence-based and interdisciplinary approaches.

Keywords: sociocultural competencies, sociolinguistic competencies, interdisciplinary approach, education, educational process, pedagogical methods, communication, authentic materials, project work.

Ишаева Ольга Викторовна

старший преподаватель ФГАОУ ВО РУТ (МИИТ)
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Российский университет транспорта" Россия г. Москва
ishaevo@gmail.com

Петренко Тамила Владимировна

старший преподаватель ФГАОУ ВО РУТ (МИИТ)
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Российский университет транспорта" Россия, г. Москва
tamilavlad70@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования социокультурных и социолингвистических компетенций студентов посредством междисциплинарного подхода. В работе описаны элементы социолингвистической компетенции, условия и способы ее формирования. В статье приведены требования ФГОС, обуславливающие необходимость развития социокультурных и социолингвистических компетенций и способов профессионального самосовершенствования в процессе получения высшего образования. Авторы определяют цели и задачи данного процесса, а также предлагают ряд педагогических условий для успешного функционирования разработанной системы: использование аутентичных учебных материалов, включение проектной деятельности социокультурной направленности и применение ситуативной направленности в процессе обучения студентов. В исследовании затрагивается вопрос о взаимосвязи системного, функционального, компетентностного и междисциплинарного подходов.

Ключевые слова: социокультурные компетенции, социолингвистические компетенции, междисциплинарный подход, образование, учебный процесс, педагогические методы, коммуникация, аутентичные материалы, проектная работа.

Вследствие возникновения новых современных тенденций в системе образования (в том числе, в России), стало необходимым создание усовершенствованной, более продуктивной образовательной парадигмы. Отметим, что на современном этапе развития общества, в условиях глобализации возрастает потребность в людях, способных эффективно работать в мультикультурном окружении, обладающих пониманием и уважением к различным культурам и традициям, а также способных к межкультурному общению.

Согласно ФГОС ВО, студент:

- обладает навыками социокультурной и межкультурной коммуникации;
- умеет применять методы и средства познания, обучения и самоконтроля для своего интеллекту-

ального развития, нравственного и физического самосовершенствования;

- обладает готовностью осуществлять межкультурный диалог в общей и профессиональной сферах общения [7].

Перечисленные выше требования ФГОС обуславливают необходимость развития социокультурных и социолингвистических компетенций и способов профессионального самосовершенствования в процессе получения высшего образования. Междисциплинарный подход становится все более актуальным в данном контексте, так как он позволяет студентам получить более комплексное понимание проблем и задач, связанных с изучением языка и культуры.

Социокультурные компетенции подразумевают знания о социальных нормах, ценностях, традициях и обычаях различных культур, а также способность понимать и принимать эти различия. Это важно для того, чтобы студенты могли успешно взаимодействовать с представителями других культур и эффективно выполнять свою работу в мультикультурных командах.

С другой стороны, социолингвистические компетенции включают в себя навыки использования языка для достижения коммуникативных целей в различных ситуациях общения. Это включает в себя не только знание грамматики и лексики, но и умение использовать различные стили речи, понимать и оценивать невербальные сигналы, а также адаптироваться к различным социальным контекстам.

Социокультурная компетенция, наряду с иноязычной коммуникативной компетенцией содержит многокомпонентный состав. Как правило, большинство ученых выделяют в ней 3–4 основных компонента:

1. Лингвострановедение включает в себя изучение лексических единиц с акцентом на их социально-культурное значение, а также на способность применять эти знания в контексте межкультурного общения.
2. Социально-психологическая составляющая предполагает овладение национальными моделями поведения, характерными для конкретного общества.
3. Культурологическое образование включает изучение традиций, обычаев и культуры народа, говорящего на изучаемом языке. Оно также предполагает получение знаний о специфике повседневной жизни этого народа и его основных ценностях, и убеждениях [3, с. 249]

Для успешного общения на иностранном языке с носителями других культур, безусловно, требуется знание языка, понимание принятых норм поведения, образцов, а также знакомство с традициями и обычаями.

Нельзя не заметить, что в последние годы, и особенно в контексте отечественного образования, возрос интерес к культурологическим знаниям. Это вполне объяснимо, учитывая, что сегодня мы живем в мире, где сосуществует множество культур. Иными словами, способность принять культурное многообразие становится ключевым аспектом для достижения максимальной самореализации.

При развитии социокультурных и социолингвистических навыков учебная программа предполагает:

- Получение знаний о своей стране и о странах изучаемого языка (их географическое положение, столицы, главные достопримечательности, поли-

тическая система, культурные традиции и наследие, менталитет и стиль жизни людей определенной культуры или страны)

- Развитие умений сравнивать свою культуру с иноязычной, воспринимать культурные различия как естественную часть современного мультикультурного мира, умение приспосабливаться и выбирать наиболее подходящие стратегии для общения с представителями разных культур, а также умение представлять свою родную страну и культуру
- Воспитание готовности к коммуникации и сотрудничеству с представителями других культурных сред, развитие непредвзятости по отношению к другим культурам, толерантности, умения соблюдать речевой и культурный этикет и быть вежливым [2]

Формирование социокультурных компетенций в рамках междисциплинарного подхода включает несколько ключевых аспектов.

Во-первых, это изучение истории, культуры и социальных особенностей страны или региона, где используется изучаемый язык. Это помогает понять контекст, в котором используется язык, и способствует лучшему его пониманию.

Во-вторых, важно развивать умение анализировать и критически оценивать культурные стереотипы и предубеждения, которые могут влиять на общение и взаимодействие между представителями разных культур. Это способствует развитию толерантности и уважения к культурным различиям.

В-третьих, необходимо развивать навыки межкультурного общения, включая умение слушать и понимать чужую точку зрения, а также способность к эмпатии и сопереживанию [8].

Как известно, исторические изменения в стране, различные традиции и обычаи, уникальные особенности культуры часто становятся препятствием для общения между людьми разных национальностей. Сложность заключается не только в различии некоторых фактов и явлений, но и в отношении представителей разных культур к ним, поскольку эти предметы и события существуют и развиваются в различных мирах [9].

За языковой и культурной равноценностью скрывается понятийная равноценность, равноценность культурных представлений. Мысль о том, что знание особенностей страны изучаемого языка крайне важно, привела к размышлениям о лингвострановедческом подходе к изучению иностранного языка.

Из-за невозможности использования существующих

педагогических систем для решения рассматриваемой педагогической проблемы мы пришли к необходимости создания авторской системы, отвечающей современным требованиям высшего образования.

Процесс развития социокультурной компетенции студентов является сложным явлением, требующим всестороннего изучения с использованием различных теоретико-методологических подходов. В связи с этим, мы считаем обоснованным сочетание в нашем исследовании системного, функционального, компетентностного и междисциплинарного подходов.

Обоснуем причины выбора данных подходов. Поскольку целью нашего исследования является создание системы развития социокультурной компетенции студентов, нам необходим системный подход для определения структуры и компонентов этой системы и её внутренних связей. Осуществление развития исследуемой компетенции студентов возможно только в рамках соответствующего вида деятельности, а именно в специализированном образовательном процессе, что делает необходимым применение деятельностного подхода. Для оценки качества и содержания формируемой нами компетенции используется компетентностный подход.

Системный подход помогает нам определить структуру этой системы, выявить взаимосвязь всех элементов педагогической системы, обозначить общие свойства и особенности отдельных компонентов; деятельностный подход помогает нам выявить наиболее эффективные условия для развития личности в процессе деятельности; компетентностный подход помогает нам описать содержание формируемой нами компетенции.

Многоуровневая иерархическая структура объекта, рассматриваемого как система, позволяет нам охарактеризовать особенности каждого уровня и в то же время представить их как единое целое. Исходя из этой предпосылки, развитие социокультурной компетенции студентов может рассматриваться не только как процесс, последовательность действий для достижения поставленной цели, но также и как система конкретных взаимосвязанных действий, образующих иерархическую структуру.

Принцип структурности позволяет описать созданную нами систему как цельную структуру, состоящую из элементов, которые связаны и взаимодействуют друг с другом.

Принцип иерархичности позволяет рассматривать созданную нами систему развития исследуемой компетенции как самостоятельную систему и как часть системы профессионального обучения студентов, учитывая взаимосвязь внешних и внутренних факторов системы.

Компетентностный подход в настоящее время стал наиболее актуальным способом организации этой образовательной модели. Предполагается, что этот подход направлен на формирование профессиональных компетенций, а также на развитие личных способностей и их активацию. Этот подход совмещает личную потребность индивида быть частью общества с общественной потребностью использовать потенциал личности [5, с. 124]

Можно сказать, что использование компетентностного подхода в системе высшего образования преследует следующие основные цели: улучшение взаимодействия с рынком труда; обновление содержания, методов и соответствующей образовательной среды; повышение конкурентоспособности специалистов.

В ходе создания системы мы определили следующие цели развития социокультурных и социолингвистических навыков студентов:

Понимать систему ценностей иной культурной группы, то есть точно понимать особенности определенной национальной культурной общности.

Развивать умение ориентироваться в коммуникативной ситуации и применять различные коммуникативные подходы в зависимости от контекста общения.

Формировать готовность общаться с представителями других культур, что подразумевает формирование адекватного поведения в общении на иностранном языке, максимально приближенного к поведению носителя этого языка.

Для эффективного функционирования созданной нами системы развития социокультурных и социолингвистических навыков учащихся необходимо выполнение определенных педагогических требований. При выборе этих требований следует учитывать специфику обучения студентов.

Первое педагогическое условие для развития рассматриваемой нами компетенции – использование аутентичных учебных материалов. Это условие важно для эффективности нашей системы, поскольку оно имитирует погружение студентов в естественную языковую среду, готовя их к выполнению профессиональных задач на иностранном языке. Использование аутентичных материалов в обучении иностранному языку повышает интерес учащихся к изучаемому предмету.

Второе педагогическое условие для развития рассматриваемой нами компетенции – включение проектной работы социокультурной направленности. Особенностью проектной методики, в отличие от других педагогических методов, является то, что она основывается на

активизации и увеличении эффективности деятельности учащихся, в то время как роль преподавателя сводится преимущественно к организационным, контролирующим и корректирующим функциям. Используя проектную методику, преподаватель не учит студентов, а контролирует и координирует процесс обучения [6].

Третье педагогическое условие для развития рассматриваемой нами компетенции – ситуативный подход к обучению иностранному языку. Так как современная концепция изучения иностранных языков не только ориентирована на гуманистические принципы, но и учитывает индивидуальные особенности учащихся, самостоятельную работу в ходе обучения и максимальное раскрытие творческого потенциала преподавателя, наиболее актуальным на сегодняшний день является коммуникативный метод обучения иностранным языкам [4]. В контексте современного изучения иностранного языка ситуативность становится одним из ключевых принципов коммуникативно-ориентированного обучения.

Таким образом, мы предлагаем ряд стратегий, которые могут быть использованы для формирования социокультурных компетенций, таких как активное использование информационных и коммуникационных технологий, проведение междисциплинарных проектов, а также применение интерактивных методов обучения. В статье также акцентируется внимание на важности развития социолингвистической компетенции, которая включает в себя способность к пониманию и использованию различных лингвистических и культурных контекстов. Применение междисциплинарного подхода в процессе формирования социокультурных и социолингвистических компетенций способствует развитию у студентов критического мышления, способности к анализу и синтезу информации, а также к принятию обоснованных решений в различных контекстах. Это, в свою очередь, способствует успешной адаптации студентов к постоянно меняющемуся миру и их профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Н.С., Гладкова М.Н., Ваганова О.И. Особенности разработки оценочных материалов в условиях реализации компетентностного подхода // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57–1. С. 3–9.
2. Зариф Г.Г. Пути развития социокультурного компонента коммуникативной компетенции в процессе обучения иностранным языкам // ELS. 2023. № январь. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-razvitiya-sotsiokulturnogo-komponenta-kommunikativnoy-kompetentsii-v-protsesse-obucheniya-inostrannym-yazykam> (дата обращения: 11.03.2024).
3. Мирза Н.В. Формирование профессиональной компетентности будущего учителя иностранного языка в условиях ВУЗа \ Н.В. Мирза, Е.О. Аккерман // Международный журнал экспериментального образования. – Пенза, 2018. - № 4–2. – С. 249–253.
4. Михайлычев Е.А., Солнышков М.Е. Проблемы методологии современных научно-педагогических исследований // Педагогическое образование: традиции и инновации. 2020. № 1. С. 8–18.
5. Новоженина Е.В. Формирование социолингвистической компетенции студентов на занятиях по иностранному языку // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. №2 (13). – С. 124–129
6. Саулина Н.А. Комплексная здоровьесберегающая технология успешности обучения и адаптации детей в рамках проектной деятельности / Саулина Н.А. // Евразийский союз ученых. 2019. № 10–3 (43). С. 4–7.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт // URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 11.03.2024).
8. The problem of project and research activities in pedagogy / Murygina S.I. // Modern School of Russia. Modernization Issues. 2021. № 8–1 (37). С. 124–127
9. Development of primary school teachers' skills to accompany pupils in projects and research / Kariyev A.D., Fishman B.E., Agranovich Ye.N., Fokina O.A., Ageyeva L.Ye., Krezhevskikh O.V. // Perspectives of Science and Education. 2022. № 2 (56). С. 590–607.
10. Professional image formation of construction specialties students within the framework of project activities / Shakhmaeva K.E., Gasanenko E.A., Shapovalov E.L. // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74–1. С. 305–307.

© Ишаева Ольга Викторовна (ishaeavao@gmail.com), Петренко Тамила Владимировна (tamilavlad70@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ В ПЕРВИЧНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ У ПОДРОСТКОВ

Купцова Светлана Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
kupsv@yandex.ru

POSSIBILITIES OF USING HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE PRIMARY PREVENTION OF SUBSTANCE USE AMONG ADOLESCENTS

S. Kuptsova

Summary: The article reveals the idea of health-saving technologies as techniques and methods that not only protect the health of students and teachers from the unfavourable impact of factors of the educational environment, but also contribute to the education of health culture. The author considers adolescence as an important period in human development, associated with the formation of personality, the need for pedagogical support to prevent the formation of addictions and the destruction of health. The plan of extracurricular activities with the use of health-saving technologies is presented, and pedagogical recommendations are also given. The author concludes that the use of health-saving technologies provides an opportunity to solve emerging problems in the prevention of addiction formation among adolescents in the conditions of a general educational institution.

Keywords: health-saving technologies, preventive work, adolescents, extracurricular activities.

Аннотация: В статье раскрыто представление о здоровьесберегающих технологиях как о приемах, методах, не только оберегающих здоровье обучающихся и педагогов от неблагоприятного воздействия факторов образовательной среды, но и способствующих воспитанию культуры здоровья. Автором рассматривается подростковый возраст как важный период в развитии человека, связанный со становлением личности, необходимостью педагогического сопровождения с целью недопущения формирования зависимостей и разрушения здоровья. Представлен план внеурочных мероприятий с использованием здоровьесберегающих технологий, также даны педагогические рекомендации. Автор делает вывод о том, что использование здоровьесберегающих технологий дает возможность решения возникающих проблем в сфере первичной профилактики формирования зависимостей у подростков в условиях общеобразовательного учреждения.

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии, профилактическая работа, подростки, внеурочная деятельность.

Подростковый период – важный период в жизни человека, который характеризуется бурным развитием и перестройкой социальной активности. Такие изменения, как появление новых мотивов и ценностей в самосознании, затрагивают все аспекты личности: когнитивную, волевую, эмоциональную, мотивационно – ценностную. Ценностно – смысловая часть личности переживает серьезные изменения, особенно если подросток употребляет психоактивные вещества, что ведет к формированию аддикции [2, 4, 7].

Психоактивные вещества заметно воздействуют на качество жизни подростка и его семьи, на жизнь общества в целом. Связь употребления психоактивных веществ с той средой, в которой находится подросток,

- является крайне важным вопросом в профилактике вредных привычек. Поэтому системная профилактическая работа в образовательном учреждении имеет первостепенное значение для профилактики и отказа от употребления ПАВ несовершеннолетними. Изучение этой проблемы необходимо для разработки эффективных стратегий первичной профилактики употребления подрастающим поколением психоактивных веществ в условиях образовательного учреждения [3, 6, 11].

Проблемой профилактики формирования аддиктивного поведения, разработки стратегий профилактической работы занимались такие ученые, как Б.Д. Карвасарский, В.Д. Менделевич, И.П. Анохина, Б.М. Коган, А.Е. Личко А.И. Захаров и др. Психологию и физиологию

гию подростков исследовали Л.С. Выготский, А.Е. Личко, И.С. Кон, Д.Б. Эльконин, Е.А. Сиденко и многие другие [1, 2, 5].

При этом стоит отметить, что сегодняшний образовательный процесс подвергает обучающихся стрессу, что обусловлено информационными перегрузками, сложностью учебного материала. Диагностика и коррекция нарушений развития и социальной адаптации, применение психолого-педагогических подходов, технологий для более успешной адаптации и развития – все это может способствовать поддержанию здоровья подростков, профилактике формирования зависимостей [8, 10, 11].

Одним из ведущих направлений профилактики зависимого поведения в современной системе образования, на наш взгляд, является использование здоровьесберегающих технологий в учебно-воспитательном процессе.

Медико-профилактические, физкультурно-оздоровительные, технологии обеспечения социально-психологического благополучия ребенка, здоровьесберегающие образовательные технологии, технологии валеологического просвещения родителей позволяют решить проблему сохранения и укрепления здоровья детей, профилактики формирования зависимости в образовательной организации [1, 9, 11].

Приведем пример внеурочной деятельности с использованием здоровьесберегающих технологий, направленных на формирование здорового образа жизни, профилактику зависимостей, который был нами реализован в условиях образовательной организации в работе с подростками (г. Санкт-Петербург, 2022, 2023 гг.). До и после проведения мероприятий нами была проведена диагностика с использованием методик «Аддиктивная склонность», «Индекс отношения к здоровью» (С. Дерябо, В. Ясвин). По итогам первичной диагностики нами были выявлены признаки склонности к зависимому поведению; низкий и средний уровень ценностного отношения к здоровому образу жизни у подростков.

В рамках разработанных мероприятий с подростками была проведена серия классных часов под названием «Здоровым быть здорово!» с участием классного руководителя, учителя ОБЖ, медицинского работника и учителя по физической культуре. Целью мероприятий была актуализация знаний подростков в сфере важнейших жизненных ценностей; убеждение в необходимости ведения здорового образа жизни; развитие практических навыков в сфере безопасности жизнедеятельности, физической культуры и оказания первой помощи.

Так же подростки создавали плакаты на тему «Негативные последствия употребление ПАВ», был проведен конкурс на лучший плакат. Кроме того, школьники посе-

щали библиотеку с целью подготовки к участию в классных часах, знакомились с научной литературой в сфере здорового образа жизни; участвовали в упражнениях и психологических играх, направленных на профилактику употребления психоактивных веществ, формирования практических навыков в сфере поддержания здоровья.

После завершения профилактических мероприятий по итогам наблюдения и бесед, диагностики было выявлено, что выраженные признаки склонности к зависимому поведению не наблюдались; подростки стали больше уделять внимания своему состоянию здоровья (внимательнее относится к рациону питания, старались соблюдать режим дня (в большей степени – сна), уделять время двигательной активности, налаживать межличностную коммуникацию).

По итогам работы нами были составлены педагогические рекомендации.

Профилактическая работа предполагает, во-первых, своевременное выявление и предупреждение употребления ПАВ и, во-вторых, воспитание ценности здорового образа жизни у несовершеннолетних. Такой подход предполагает последовательность совместной работы психологических служб, медицинских учреждений, социальных служб и образовательных учреждений, включающий следующие этапы.

Первый этап – проведение социологического мониторинга среди обучающихся, их родителей и педагогов, задачами которого является:

- а) исследование межличностных отношений в классах, а также специфики их взаимоотношений с родителями и педагогами;
- б) выявление отношения родителей к интересам, ценностям и увлечениям подростков;
- в) определение отношения школьных педагогов к проблемам семейного воспитания обучающихся.

Второй этап подразумевает решение следующих задач:

- а) индивидуальная диагностика социальной и психологической среды в образовательном пространстве;
- б) определение эффективности работы психологических и социальных служб;
- г) выбор наиболее эффективных методов коррекции поведения подростков, склонных к употреблению ПАВ.

Третий этап включает разработку и реализацию программ, нацеленных на предупреждение употребления ПАВ.

Четвертый этап направлен на взаимодействие школы с организациями дополнительного образования, куль-

Таблица 1.

План внеурочных мероприятий по профилактике употребления психоактивных веществ у подростков с использованием здоровьесберегающих технологий

№	Тема	Содержание	Форма работы	Методическое, техническое, диагностическое обеспечение
1	«Здоровым быть здорово!» (с участием классного руководителя, учителя ОБЖ, медицинского работника и учителя по физической культуре)	Серия классных часов, направленных на расширение знаний о здоровом образе жизни с применением элементов ФК и основ медицинских знаний (образовательные здоровьесберегающие технологии; физкультурно-оздоровительные технологии; медико-гигиенические технологии)	Беседа, круглый стол, практические занятия по ФК и основам медицинских знаний, рефлексия.	Раздаточный материал, манекены, проектор, доска, компьютер, оборудованный спортивный зал
2	«Негативные последствия употребления ПАВ» (с участием классного руководителя, учителя ОБЖ, медицинского работника и сотрудника полиции)	Серия классных часов, направленных на создание плакатов в сфере ЗОЖ (арт-терапевтические здоровьесберегающие технологии; образовательные здоровьесберегающие технологии; технологии обеспечения социально-психологического благополучия ребенка)	Элементы арт-терапии, беседа, работа с презентацией, анкетирование.	Ватман, краски, кисти, компьютер, проектор, презентация, листы для записи
3	Встреча с приглашённым специалистом по вопросам профилактики употребления ПАВ (с участием классного руководителя, учителя ОБЖ, медицинского работника, психолога, родителей)	Серия классных часов, посвященных вопросам профилактики употребления ПАВ, формирования ЗОЖ (образовательные, медико-гигиенические здоровьесберегающие технологии; технологии валеологического просвещения родителей; физкультурно-оздоровительные технологии)	Беседа, игра, просмотр видео материалов, анкетирование.	Проектор, компьютер, видео материалы, листы для записи
4	Психологическая игра «Иной» (с участием классного руководителя, учителя ОБЖ, психолога)	Формирование устойчивой позиции отказа от вредных привычек (образовательные здоровьесберегающие технологии; технологии валеологического просвещения; технологии обеспечения социально-психологического благополучия ребенка)	Игра, беседа, просмотр видео материалов, рефлексия	Раздаточный материал, видео материалы, компьютер, проектор, листы для записи
5	Ролевая игра «Скажи нет!» (с участием классного руководителя, учителя ОБЖ, психолога)	Формирование устойчивой позиции отказа от вредных привычек (образовательные здоровьесберегающие технологии; технологии валеологического просвещения)	Игра, беседа, работа с презентацией, анкетирование	Раздаточный материал, компьютер, презентация, листы для записи
6	Серия мини-лекций «Психоактивные вещества и здоровье» (с участием классного руководителя, учителя ОБЖ, библиотекаря, медицинского работника)	Рассказ о негативном влиянии ПАВ на здоровье человека (медико-гигиенические здоровьесберегающие технологии; технологии обеспечения социально-психологического благополучия ребенка; технологии валеологического просвещения)	Мини-лекция, беседа, просмотр презентации, посещение библиотеки, рефлексия	Проектор, компьютер, презентация, чтение и анализ литературы по теме занятия, листы для записи
7	Интерактивная дискуссия «Дебаты» (с участием классного руководителя, учителя ОБЖ, библиотекаря, психолога)	Актуальные вопросы воспитания ЗОЖ (образовательные, медико-гигиенические здоровьесберегающие технологии; технологии валеологического просвещения)	Беседа, дискуссия, посещение библиотеки для подготовки к дискуссии, упражнения, работа с презентацией, анкетирование	Проектор, компьютер, презентация, листы для записи
8	«Интервью с подростком» (с участием классного руководителя, учителя ОБЖ, психолога)	Упражнение-исследование «Интервью с подростком» (образовательные здоровьесберегающие технологии; технологии валеологического просвещения)	Упражнение, беседа, просмотр видео материалов, рефлексия	Листы для записи, раздаточный материал, видео материал
9	«Высказывания» (с участием классного руководителя, учителя ОБЖ, психолога)	Упражнение «Высказывания о здоровье» (образовательные здоровьесберегающие технологии; технологии обеспечения социально-психологического благополучия ребенка)	Рассказ, упражнение, работа с презентацией, беседа, анкетирование	Презентация, раздаточный материал, листы для записи

турно-досуговыми центрами, детскими библиотеками, спортивными школами и творческими объединениями.

Таким образом, деятельность в сфере первичной профилактики употребления ПАВ в работе с подростками в условиях общеобразовательного учреждения должна основываться на здоровьесберегающих технологиях, которые предоставляют возможность решения возникающих проблем.

При этом стоит подчеркнуть роль и значение разъяснительной, просветительской работы с родителями школьников. Также немаловажным фактором в первичной профилактике употребления ПАВ является участие подростков в спортивных соревнованиях, секциях, кружках, способствующих формированию культуры здорового образа жизни.

Важно отметить одно из перспективных направлений деятельности в рамках дальнейшей организации профилактической работы – это возможность сформировать у подростков читательскую культуру. В информационном обществе именно читательская культура становится тем инструментом, который способствует переориентированию интересов подростков с низкопробных продуктов массовой культуры на высокохудожественные произведения, обладающие значительным воспитательным потенциалом.

В целом деятельность в сфере первичной профилактики употребления ПАВ в работе с подростками в условиях общеобразовательного учреждения должна быть непрерывной, целенаправленной, систематически организованной, с привлечением специалистов из разных профессиональных областей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзман Р.И. Здоровьесберегающие технологии в образовании: учебное пособие для вузов / Р.И. Айзман, М.М. Мельникова, Л.В. Косованова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 282 с.
2. Валеология: Учебное пособие / Прохорова Э.М.; Российский государственный университет туризма и сервиса, ф-л Институт туризма и гостеприимства. - 2, испр. и доп. - Москва: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2021. - 253 с.
3. Вайнер, Э.Н. Валеология: учебное пособие / Э.Н. Вайнер, Е.В. Волынская. - 3-е изд., стер. - Москва: ФЛИНТА, 2018. - 310 с.
4. Гигиенические аспекты воспитания детей в условиях образовательной организации: учебно-методическое пособие / составители М.Л. Отавина [и др.]. - Пермь: ПГГПУ, 2018. - 82 с.
5. Гильмутдинова Д.Д., Герасименко Ю.А. Факторы риска употребления подростками психоактивных веществ // В сборнике: Актуальные вопросы современной психологии и конфликтологии: взгляд молодых исследователей. Сборник научных статей. Отв. редактор А.И. Калашников. Екатеринбург, 2022. С. 54–58.
6. Гудзь А.М., Скорохватов В.П. Здоровьесбережение как мотивационный компонент самоорганизованности обучающихся // Научное обозрение. Педагогические науки. — 2022. — № 1. — С. 10–14.
7. Копытин А.И., Свистовская Е.Е. Арт-терапия детей и подростков. 2-е стереотип. Изд.- М.: «Когито-Центр», 2019. - 197 с.
8. Любимова З.В. Возрастная анатомия и физиология в 2 т.: Учебник Для академического бакалавриата / Любимова Зарема Владимировна, Никитина Анна Алексеевна; Любимова З.В., Никитина А.А. - 2-е изд., пер. и доп. - Москва: Юрайт, 2019. - 372 с.
9. Макарова Л.П., Купцова С.А., Проскурнов Н.В. Использование здоровьесберегающих технологий в профилактике употребления психоактивных веществ и воспитании здорового и безопасного образа жизни / Макарова Л.П., Купцова С.А., Проскурнов Н.В. // Современное образование в области безопасности жизнедеятельности: теория, методика, практика. - 2022. - С. 162–165.
10. Собянин Ф.И., Савченко Н.П., Трусова О.В., Ковалева Р.Е., Шиловских К.В., Прокопенко А.В. Особенности мотивации обучающихся к здоровому образу жизни в современных условиях // Современные проблемы науки и образования. — 2023. — № 3.
11. Чичина С.В., Чичина Т.В. Возможность организации первичной профилактики употребления психоактивных веществ через внеурочную деятельность по ОБЖ у обучающихся // Научное обозрение. Педагогические науки. — 2020. — № 4. — С. 47–52.

© Купцова Светлана Анатольевна (kupsv@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЗОР КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

A REVIEW OF CONCEPTUAL RESEARCHES IN THE FIELD OF PROFESSIONAL DIGITAL COMPETENCE OF MODERN EDUCATORS

T. Pankova
O. Gerasimova
Iu. Beliaeva
O. Goncharova
E. Dmitrieva

Summary: current educational research is increasingly focusing on the professional digital competence of educators. Various theoretical and methodological approaches, including a wide range of terms, have been used to study teaching competence in the field of digitalization of technology-based learning. The concept of teachers' professional digital competence is still perceived as ambiguous. The purpose of this academic literature review is to analyse to what extent and how concepts related to teachers' professional digital competence are clearly defined, explicitly framed, and conceptualized in surveys. Based on our search of educational databases, we found that the concept of professional digital competence of teachers or related concepts are often mentioned in abstracts, keywords and full texts, but mostly their detailed description is rarely presented. In the final corpus of 30 publications, we were able to identify the seven most common ones: 1) technological competence, 2) content knowledge, 3) attitude towards the use of technology, 4) pedagogical competence, 5) cultural awareness, 6) critical approach, and 7) professional activity, with technological and pedagogical competences being the most marked.

Keywords: professional digital competence of teachers, conceptualization, literature review, holistic approach, educational digitalization.

Панкова Татьяна Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Воронежский государственный университет
pankova@rgph.vsu.ru

Герасимова Ольга Юрьевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Набережночелнинский государственный педагогический
университет
gerola1970@mail.ru

Беляева Юлия Александровна

Старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный аграрный
университет
juliebeliaeva@yandex.ru

Гончарова Оксана Владимировна

Кандидат биологических наук, доцент,
Армавирский государственный педагогический
университет
oksana_goncharova@mail.ru

Дмитриева Елена Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Оренбургский государственный университет
katkova_helen@mail.ru

Аннотация: В современных исследованиях в области образования все большее внимание уделяется профессиональной цифровой компетентности преподавателей. Для изучения компетентности педагогов в области дигитализации обучения на основе технологий используются различные теоретические и методологические подходы, включающие широкий спектр терминов. Понятие профессиональной цифровой компетентности преподавателей все еще воспринимается как неоднозначное. Цель данного обзора научной литературы – проанализировать, насколько и как понятия, касающиеся профессиональной цифровой компетентности преподавателей четко сформулированы, концептуализированы в исследованиях. По результатам поиска в образовательных базах данных мы обнаружили, что концепция профессиональной цифровой компетентности преподавателей или связанные с ней понятия часто упоминаются в аннотациях, ключевых словах и полных текстах, но в основном их детальное описание представлено нечасто. В итоговом корпусе из 30 публикаций мы смогли выделить семь наиболее распространенных: 1) технологическая компетенция, 2) знание содержания, 3) позиция по отношению к использованию технологий, 4) педагогическая компетенция, 5) культурная осведомленность, 6) критический подход, 7) профессиональная активность, при этом наиболее выраженными можно считать технологическую и педагогическую компетенции.

Ключевые слова: профессиональная цифровая компетентность преподавателя, концептуализация, обзор литературы, холистический подход, цифровизация образования.

Введение

В эпоху цифровых технологий и социальных сетей стало возможным постоянное присутствие в Интернете: оно обеспечивает доступ к информации в любом месте, поиск ответов на возникающие затруднения – обычное дело для *Homo Interneticus*. Образовательные учреждения на многих уровнях переживают изменения в результате инноваций и использования новых технологий. Развитие технологий оказывает влияние на многие аспекты образования, включая поведение преподавателей и обучающихся в аудитории, учебную программу и др. В настоящем обзоре анализируется концепция профессиональной цифровой компетентности преподавателей (ПЦКП), применяемая в исследовательской литературе в области образования за последние 5 лет.

Mustafa Öztürk Akcaoğlu, Burcu Karabulut Coşkun отмечают, что образовательные исследования привлекают все больше внимания к цифровой компетентности, делая ее одним из основных направлений исследований и формирования образовательной политики [2, с. 156]. Анализируя статьи, опубликованные в современный период, *Heine S., Krepf M., König J.* пришли к выводу, что цифровая компетентность – это относительно новый междисциплинарный термин в образовательных исследованиях [4, с. 3721].

Другие исследователи предполагают, что цифровая компетентность функционирует как нечетко определенное смежное «пограничное понятие» среди специалистов-практиков и научных сотрудников [5, с. 189]. В более поздних обзорах дается аналогичное представление о концепции как о «недостаточно определенной», например, *Gümüş M.M., Kukul V.* [3, с. 2760]. *Levanova E.A. и Berezhnaya I.F.* развивают мысль о том, что «профессиональные компетенции зависят и от эмоций человека» как фундаментального психологического компонента навыков, требуемых для работы [6, с. 1388]; они (компетенции) разгоняют движущую силу, которая генерирует действия.

Эта нечеткость привела к масштабным рассуждениям о том, как концептуализировать цифровую компетентность, и какие навыки и способности следует включать в это понятие, особенно в сфере образования, где вопрос о том, какие знания должны быть сформированы у студентов, имеет существенное значение [7, с. 88].

Предполагается, что акцент на цифровой компетентности имеет для преподавательской деятельности более комплексные, важные и значимые последствия, чем для других профессий [1; 3; 7]. Для преподавателей цифровая компетентность предусматривает, например, что помимо умения самостоятельно применять технологии, они должны анализировать использование технологий

применительно к педагогической деятельности и учить, какое значение может иметь их применение для обучения студентов в конкретных учебных контекстах [8, с. 199].

Предшествующие обзоры эмпирических исследований предоставляют сфере образования ценные знания [3; 4; 7; 8]. Цель данной работы – расширить объем накопленных знаний, изучив концептуальные представления о ПЦКП в современных исследованиях. Подобный углубленный анализ может послужить основой для дискуссий в рамках дальнейших научных и практических исследований.

Для критического обсуждения этого неоднозначного понятия необходимо учитывать многочисленные концепции, используемые для описания компетентности и навыков преподавателей применительно к цифровым технологиям. Помимо цифровой компетентности, в специальной литературе часто фигурируют такие понятия, как *цифровая грамотность, медиаграмотность, медиакомпетентность, компьютерная компетентность и информационно-технологическая компетентность педагога*. Подобное многообразие терминов встречается в различных дискурсах, включая постоянные обсуждения в рамках политического процесса, научных исследований и СМИ, и их значения, как представляется, могут отчасти совмещаться.

В связи с этим ПЦКП не представляется нам слишком распространенным понятием, но в образовательных исследованиях оно находит все более заметное отражение. В настоящем обзоре мы будем использовать ПЦКП в качестве зонтичного понятия (*umbrella concept/umbrella notion*), чтобы проанализировать характеристики концепций, включенных в отобранные публикации, указать на конкретные существенные аспекты ПЦКП и выделить отдельные элементы, представленные в меньшей степени или отсутствующие.

Методы и материалы

Следуя установленным рекомендациям и обеспечивая прозрачность процесса поиска, данный обзор научной литературы построен на стандартных процедурах поиска в выбранных базах данных. В частности, он опирается на следующие восемь процедурных ступеней:

1. проведение краткого обзорного исследования для получения представления о функциональности ключевых терминов в существующей литературе;
2. конкретизация ключевых слов;
3. определение критериев включения и исключения;
4. формулирование стратегии поиска и выбор источников информации;
5. отбор публикаций на основе критериев включения/исключения;

6. дополнение релевантных публикаций методом последовательной выборки;
7. отображение результатов стратегии поиска;
8. интерпретация и синтез концептуальных решений, найденных во включенных публикациях.

Обсуждение и результаты

Понимание того, как ПЦКП соотносится в публикациях с предлагаемым контекстом и обществом обобщенно, основывалось на холистическом подходе; рассматривается как внедрение технологий в процесс обучения действует на макро-, мезо- и микроуровнях. Для нашего анализа важна идея о том, что функционирование различных систем происходит не на разных изолированных уровнях, а в динамичной взаимосвязи, поскольку они влияют на действия отдельных людей и целых групп внутри систем и между ними.

В нашем анализе представленных в корпусе концепций мы придерживаемся выбранного онтологического подхода и рассматриваем выявленные ПЦКП и семь аспектов как функционирующие в рамках этих пяти систем следующим образом:

1. микросистемы, в которых профессиональная компетентность преподавателя описывается в основном как индивидуальная деятельность;
2. мезосистемы, в которых профессиональная компетентность преподавателя описывается по-разному: от индивидуальной деятельности до интерактивного процесса, включающего других преподавателей и условия образовательного процесса;
3. экосистемы, в которых на работу отдельных педагогов или коллективную работу влияют более дистантные механизмы, такие как нормативные акты и указы органов власти, культура и научные исследования;
4. макросистемы, в которых на уровень профессиональной компетентности и работу преподавателей влияют общеполитические цели системы образования, проводимая политика, педагогическое образование и научно-исследовательская деятельность;
5. хроносистемы, которые характеризуются как предполагающие совместное осмысление того, что процесс обучения непрерывно формируется под влиянием социально-исторических и социально-технологических изменений за определенный период времени.

До настоящего времени концепты, связанные с ПЦКП, в том виде, в котором они встречаются в корпусном массиве, были представлены обособленно. В результате более глубокого анализа всех концептуальных формулировок мы можем выделить семь повторяющихся аспектов,

которые подчеркиваются в публикациях независимо от терминологии. Семь выделенных аспектов ПЦКП это:

1. технологическая компетентность,
2. знание содержания,
3. отношение к использованию технологий,
4. педагогическая компетентность,
5. культурная осведомленность,
6. критический подход,
7. профессиональная вовлеченность.

При этом, как и в любой иной работе по категоризации, в научной литературе эти аспекты не всегда различаются, но могут частично пересекаться.

В ходе следующего аналитического шага мы тщательно рассмотрели, как ПЦКП описывается в публикациях, содержащих концептуальные положения, и определили, что ПЦКП состоит из семи аспектов (*технологическая компетентность, знание содержания, отношение к использованию технологий, педагогическая компетентность, культурная осведомленность, критический подход и профессиональная вовлеченность*). В процессе исследования этих аспектов мы обнаружили, что пять из них в той или иной степени относятся к компетенции отдельных преподавателей: *технологическая компетентность и знание содержания* в основном взаимодействуют в микросистемах, в то время как отношение к использованию технологий, критический подход и *профессиональная вовлеченность* – лишь частично в микросистемах.

По аналогии с результатами предыдущих исследований наш обзор показывает, что *педагогическая компетентность и технологическая компетентность* являются довольно важными аспектами ПЦКП. Однако третья область знаний, относящаяся к этой системе, – *знания о содержании* – в нашем корпусе представлена не так ярко, как две другие. Подобное игнорирование знаний о содержании применительно к ПЦКП в научной литературе вызывает у нас тревогу, поскольку именно содержание должно быть тем фундаментом, на основе которого преподаватели планируют применение цифровых технологий. В связи с полученными результатами возникает еще одна тревожная мысль: в тех немногих публикациях, где технологическая компетентность не упоминается при рассмотрении ПЦКП, этот аспект, видимо, считается само собой разумеющимся или же он интегрирован в понимание, но не акцентируется.

Тем не менее, мы считаем, что *технологическая и педагогическая компетентность* не должны рассматриваться отдельно, за исключением анализа научных исследований, так как в учебном контексте они преимущественно взаимосвязаны. Если технологическую компетентность в плане элементарных навыков, таких как умение включать компьютер и пользоваться тексто-

вым редактором, не обсуждать в связи с конкретным содержанием или педагогикой, то дискуссия становится неактуальной, поскольку такие элементарные навыки не являются статичными и, скорее всего, в недалеком будущем перерастут, а может быть, уже являются общепринятыми. Вероятно, вместо этого базовые технологические навыки должны включать в себя поиск инновационных методов, включающих различные программы, приложения и веб-сайты, которые развивают и поддерживают обучение студентов.

Заключение

В качестве заключения следует отметить, что при внимательном изучении семь аспектов ПЦКП, выделенных в проанализированных публикациях, можно описать, с одной стороны, как индивидуальные навыки/умения, а с другой – как коллективные и интерактивные способности, зависящие от конкретных условий обучения и от более масштабных научных и образовательных процессов в обществе в определенный период времени. Обращает на себя внимание тот факт, что профессиональная информационно-технологическая компетенция – аспект, наиболее часто обсуждаемый в публикациях после педагогической компетенции, – рассматривается как осуществляемый в рамках отдельных или индивидуальных микросистем, что указывает на то, что ответственность за развитие технологической компетенции в научной литературе по-прежнему возлагается на каждого отдельного педагога. Из этого следует, что на организационном уровне руководители образовательных учреждений не несут ответственности за формирование у педагогов таких профессиональных компетенций. В этой связи мы полагаем, что в концептуальном понимании ПЦКП необходимо перейти от сосредоточения внимания на технологической компетентности и базовых практических навыках отдельных преподавателей к концентрации усилий на коллективной ответственности и подотчет-

ности за ПЦКП, в том числе со стороны руководителей образовательных учреждений.

Поскольку профессиональная цифровая компетентность преподавателей взаимодействует с социально-историческими и социально-техническими изменениями в рамках временной хронологической системы, критические, научные и этические компетенции должны соответствовать изменениям в обществе, чтобы подготовить обучающихся к неопределенному будущему. В таком взаимозависимом и динамичном процессе содержание ПЦКП должно постоянно корректироваться и уточняться. По этой причине мы поддерживаем концепцию ПЦКП, ориентированную на будущее и занимающую трансформационную позицию, которая ведет к реализации возможностей и решению вызовов, которые принесут зачатые технологии.

Результаты нашего обзора, как и все обзоры в целом, имеют ряд ограничений, большинство из которых связано с процедурами поиска и критериями включения/исключения: мы включали только рецензируемые журнальные статьи, исключая, таким образом, например, публикации в материалах конференций, книги, монографии; мы также исключили публикации, посвященные вопросам обучения преподавателей. Эти ограничения – вполне осознанный выбор, основанный на нашем интересе к изучению того, как определяется и концептуализируется понятие ПЦКП применительно к действующим педагогам. Этот подход показал, что концепция и связанные с ней понятия достаточно часто приводятся в публикациях, но редко концептуализируются, конкретизируются и разрабатываются. Скорее, эти понятия используются для обозначения авторской заинтересованности или общей направленности. Основываясь на этих результатах, мы подчеркиваем важность будущих эмпирических исследований в области образования, посвященных концепции профессиональной цифровой компетентности преподавателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панкова Т.Н., Абдуллаева З.Р., Еферова А.Р. и др. Онлайн обучение английскому языку: изменения в парадигме системы образования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 4. – С. 75–79. – DOI 10.37882/2223–2982.2022.04.29
2. Aksoğlu M.Ö., Coşkun B.K. Digital Competencies in the Global Curriculum Landscape: A Comprehensive Analysis of Countries' Educational Approaches in the Technology Era // Educational Perspectives on Digital Technologies in Modeling and Management. – IGI Global, 2024. – С. 150-167.
3. Gümüş M.M., Kukul V. Developing a digital competence scale for teachers: validity and reliability study // Education and Information Technologies. – 2023. – Т. 28. – №. 3. – С. 2747-2765.
4. Heine S., Krepf M., König J. Digital resources as an aspect of teacher professional digital competence: One term, different definitions—a systematic review // Education and Information Technologies. – 2023. – Т. 28. – №. 4. – С. 3711-3738.
5. Kohnke L. et al. Creating the conditions for professional digital competence through microlearning // Educational Technology & Society. – 2024. – Т. 27. – №. 1. – С. 183-197.
6. Levanova E.A., Berezhnaya I.F., Krivotulova E.V. [et al.] Individual learning path for future specialists' development // TEM Journal: Technology, Education, Management, Informatics. – 2019. – Vol. 8. – No 4. – P. 1384-1391. – DOI 10.18421/TEM84-40.

7. Soler I.G., Tecedor M. Virtual teachers' beliefs, attitudes and competences // La enseñanza del español mediada por tecnología. – Routledge, 2024. – С. 70-96.
 8. Tamara Y., Hermansyah H., Marleni M. Analysis of teacher professional competence in utilizing information and communication technology // Esteem Journal of English Education Study Programme. – 2024. – Т. 7. – №. 1. – С. 193-206.
-

© Панкова Татьяна Николаевна (pankova@rgph.vsu.ru), Герасимова Ольга Юрьевна (gerola1970@mail.ru),
Беляева Юлия Александровна (juliebeliaeva@yandex.ru), Гончарова Оксана Владимировна (oksana_goncharova@mail.ru),
Дмитриева Елена Владимировна (atkova_helen@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО МАТЕРИАЛЬНОГО РЕЗЕРВА В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

FORMATION OF PROFESSIONAL AND LOGISTICS COMPETENCE OF SPECIALISTS OF THE STATE MATERIAL RESERVE IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

V. Pozdnyakov

Summary: The relevance of the formation of professional and logistical competence of specialists of the state material reserve is determined by the modern operating conditions of the Federal Reserve in order to fulfill strategically the tasks of responding to emergency situations, the number of which is increasing, and taking operational actions to organize an appropriate level of logistics of material resources with proper quality of delivery to the place of demand at the right time and in the right quantity. The relevance is confirmed by the need to train industry specialists with professional and logistical competence with the skills of operational search and use of official information in a systematically updated information environment of the industry for strategic and tactical planning of logistics systems, as well as readiness to act effectively and promptly in difficult conditions or emergency situations, taking into account the principle of integrity, success and personal position.

Keywords: industry training, industry specialists, competence, educational project, efficiency, professional performance, principle, system, emergencies, reserve.

Поздняков Владимир Николаевич

*аспирант, Государственный университет просвещения
vnpmsk@mail.ru*

Аннотация: Актуальность формирования профессионально-логистической компетентности специалистов государственного материального резерва определена современными условиями функционирования Росрезерва в целях исполнения стратегически задач реагирования в чрезвычайных ситуациях, число которых возрастает, и принятию оперативных действий по организации соответствующего уровня логистики материальных ресурсов с надлежащим качеством доставки к месту требования в нужное время и в нужном количестве. Актуальность подтверждается необходимостью подготовки отраслевых специалистов, владеющих профессионально-логистической компетентностью с навыками оперативного поиска и использования служебной информации в систематически обновляющейся информационной среде отрасли для стратегического и тактического планирования логистических систем, а также - готовности результативно и оперативно действовать в сложных условиях или чрезвычайных ситуациях с учетом соблюдения принципа добросовестности, успешности и личностной позиции.

Ключевые слова: отраслевая подготовка, отраслевые специалисты, компетентность, образовательный проект, оперативность, профессиональная служебная деятельность, принцип, система, чрезвычайные ситуации, резерв.

Активное развитие современных отраслевых структур Росрезерва требует развития отраслевой подготовки кадров в системе дополнительного профессионального образования, что на сегодня становится актуальной педагогической задачей по причине больших изменений в профессиональной служебной деятельности специалистов отрасли.

Чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, а также – не уменьшающаяся возможность возникновения угроз, влияющих на внутреннюю стабильность и благополучие жителей различных регионов, определяют необходимость срочной доставки гуманитарной помощи в самые короткие сроки не только на пострадавшие территории нашего государства, а также – на территории других стран [4].

Большая роль в оперативном исполнении профессиональных должностных обязанностей, ориентированных на решение сложных логистических задач, отводится специалистами государственного материального резерва, что требует от них владения профессионально-логистической компетентностью, компоненты которой (информационный, логистический, коммуникативный) позволяют оперативно адаптироваться к стремительно изменяющимся технологиям логистики, обеспечивать надежность и оперативность профессиональной логистической деятельности при ликвидации последствий ЧС при реализации спасательных и гуманитарных операций. Поэтому профессионально-логистическая компетентность специалистов государственного материального резерва рассматривается нами как одна из важнейших характеристик их профессиональной служебной деятельности, обеспечивающая возможность

повышения оперативности реагирования в чрезвычайных ситуациях.

Профессиональная служебная деятельность специалистов государственного материального резерва имеет свои особенности и специфику выполнения широкого круга должностных функций, определенных Приказом Росрезерва от 25.06.2012 N 67 «Об утверждении квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими Федерального агентства по государственным резервам и его территориальных органов»

Профессиональная подготовка специалистов государственного материального резерва организовывалась согласно государственного заказа на профессиональное развитие государственных гражданских служащих, поскольку на сегодняшний день отраслевым специалистам в процессе подготовки необходимо овладеть базой новых профессиональных знаний и освоить инновационные практики с целью формирования профессионально-логистической компетентности, необходимой для исполнения профессиональных должностных обязанностей по направлениям отраслевой службы, соответствующей профилю структурного подразделения отрасли [7].

В целях оптимизации функционирования педагогической системы формирования профессионально-логистической компетентности специалистов государственного материального резерва мы сформировали комплекс педагогических принципов, включив общепедагогические принципы: – научности, – связи теории и практики, – систематичности, – сознательности и активности, – наглядности, – доступности, – индивидуальности, – преемственности.

Также нами были сформулировать специфические принципы, обеспечивающие результативность процесса формирования профессионально-логистической компетентности в процессе реализации образовательного проекта «Повышение организационной оперативности», это:

- принцип эффективного профессионального взаимодействия отраслевых специалистов и педагогического коллектива, реализующего образовательный проект «Повышение организационной оперативности» в целях обеспечения надлежащего уровня профессиональных знаний и освоения новых знаний, необходимых для результативного и оперативного исполнения служащими должностных обязанностей;
- принцип инновационности реализации образовательного проекта «Повышение организационной оперативности», оптимизирующий формирова-

ние профессионально - логистической компетентности специалистов сферы государственного материального резерва;

- принцип достижения корпоративности в подготовке специалистов к профессиональной служебной деятельности в сфере государственного материального резерва в образовательном проекте «Повышение организационной оперативности» [2].

Применение комплекса этих принципов обеспечило возможность успешной реализации процесса подготовки отраслевых специалистов в образовательном проекте «Повышение организационной оперативности», направив его на новый качественный уровень обучения, отличающийся согласованностью, последовательностью и динамичностью, что характерно для постоянного совершенствовании системы профессиональной подготовки отраслевых специалистов.

Система отраслевой подготовки специалистов государственного материального резерва располагает современными средствами IT-технологий, что существенно расширяет специальные условия для разработки креативных идей при использовании базы специальных знаний, необходимых в реализации оперативных ситуационных решений в профессиональной деятельности отраслевых специалистов в области логистики и управления цепями поставок [1].

Разработка и использование учебных проблемных ситуаций, гибкий выбор темпа и форм адаптации к ее проявлению и уточнения масштабности ситуации, а также - предполагаемого сценария развития проблемной ситуации на основе получаемой информации, позволяло отраслевым специалистам, отрабатывать навыки генерирования инновационных решений на основе полученной информации в области логистики и коммуникаций, комплексно и технологично оценить сложившуюся ситуацию, чтобы оперативно и без потерь для сферы государственного материального резерва разрешить ее [6].

Созданная психологически комфортная обстановка в системе отраслевой подготовки специалистов выступает специфическим условием формирования их профессионально-логистической компетентности, становясь оптимальной средой для продуктивного обучения, необходимого для разрешения различного рода стандартных и нестандартных производственных ситуаций, рассматриваемых как профессиональные задачи по оперативному исполнению должностных обязанностей в отрасли.

Образовательный процесс в системе дополнительного профессионального образования, формирующий профессионально-логистическую компетентность спе-

циалистов государственного материального резерва, ориентирован на возможность увеличения часов практической подготовки отраслевиков в ситуациях необходимого расширения профессионально-должностных обязанностей с учетом специфики реализуемых ими функций и высоком уровне готовности.

Освоение навыка реально оценивать складывающуюся ситуацию и оперативно принимать решения по проблеме этой ситуации определено спецификой процесса формирования профессионально-логистической компетентности при освоении программ и практик образовательного проекта на основе современных цифровых технологий, которые позволяют иммерсивным методом (погружением в виртуальную среду), на основе технологий ситуационного анализа, обучить отраслевиков избегать многие ошибки и риски при принятии оперативных решений по нетипичным ситуациям.

Важнейшей задачей профессиональной деятельности педагогического коллектива отраслевой подготовки в системе дополнительного профессионального образования Росрезерва является не только обеспечение качественного процесса формирования профессионально-логистической компетентности отраслевых специалистов в целях оперативного принятия решений с последующими профессиональными действиями, но и – обеспечение сформированности их профессионально-личностных качеств, связанных с высокой ответственностью и добросовестностью выполнения соответствующих должностных обязанностей от имени государства по управлению материальными ценностями, числящимися в государственном резерве, сохраняя личную позицию в своих действиях [3].

Заключение

Система отраслевой подготовки выполняет решение актуальной отраслевой задачи - формирование профессионально-логистической компетентности отраслевых специалистов, необходимой для профессиональной должностной деятельности в современных условиях работы агентства «Росрезерв».

Решение этой важной задачи обеспечивается разработкой и реализацией образовательного проекта «Повышение организационной оперативности», содержание учебных модулей и практик которой, направлены на служебную профессиональную и прикладную направленность формирования профессионально-логистической компетентности отраслевых специалистов для решения оперативных логистических проблем в целях изыскания оптимальных вариантов принятия решений по управлению материальными потоками на основе оперативной информации [5].

Системы непрерывной отраслевой подготовки специалистов государственного материального резерва обеспечивает достижение высокого уровня сформированности профессионально-логистической компетентности и личностного развития, соответствующей квалификационным требованиям и высокому качеству подготовки, а также освоению принципов служебного поведения (взаимодействия, требовательности, этичности и т.д.) в соответствии с общими требованиями к служебному поведению, установленными статьей 18 Федерального закона № 79-ФЗ и иными нормативными правовыми актами Федерального агентства по государственному резервам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Б.А. Логистика производства: теория и практика : учебник и практикум для вузов / Б.А. Аникин, Р.В. Серышев, В.А. Волочиенко ; ответственный редактор Б.А. Аникин. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 454 с.
2. Атаманчук Г.В. Государственное управление. 2-е изд. М.: 2009. - С. 225.
3. Гогин Д.Ю. Логистика материальных запасов государственного резерва: основы теории //Проблемы современной экономики. – 2013–№1 (45). – С. 109–113.
4. Земсков А.Е. Государственное резервирование материальных запасов в экономике РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017.- №2. С. 105–111.
5. Неруш Ю.М. Планирование и организация логистического процесса: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Ю.М. Неруш, С.А. Панов, А.Ю. Неруш. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 422 с.
6. Новиков В.Э. Информационное обеспечение логистической деятельности торговых компаний: учебное пособие для вузов / В.Э. Новиков. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 184 с.
7. Хорошавина Г.Д. Процесс формирования кадрового состава сферы государственного материального резерва//Г.Д. Хорошавина, И.В. Гучас/ Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. - № 9/2. С.89 – 97.

© Поздняков Владимир Николаевич (vnpmsk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ПРОДВИЖЕНИЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ ЦЕННОСТЕЙ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Рябова Татьяна Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет
профсоюзов
tv.ryabova812@gmail.com

SOCIO-CULTURAL PRACTICES OF PROMOTING HEALTHY LIFESTYLE VALUES AMONG YOUNG PEOPLE

T. Ryabova

Summary: The purpose of the article is to identify and substantiate the pedagogical potential of social and cultural practices used as an effective means of youth health care. The article examines the practical experience of using a variety of social and cultural practices in the context of forming a commitment to a healthy lifestyle for a young person, and also develops a classification of social and cultural practices focused on health care. The theoretical significance of the research lies in the disclosure of the pedagogical potential of socio-cultural and leisure practices as a means of preserving youth health and promoting the values of health and a healthy lifestyle among young people, which contributes to the development of theory and practice of socio-cultural activities.

Keywords: socio-cultural activities, socio-cultural practices, youth, health care, healthy lifestyle, values, leisure.

Аннотация: Целью статьи является выявление и обоснование педагогического потенциала социально-культурных практик, используемых в качестве действенного средства здоровьесбережения молодежи. В статье исследован практический опыт использования разнообразных социально-культурных практик в контексте формирования приверженности молодого человека здоровому образу жизни, а также разработана классификация социально-культурных практик, ориентированных на здоровьесбережение. Теоретическая значимость исследования заключается в раскрытии педагогического потенциала социально-культурных и досуговых практик как средства здоровьесбережения молодежи и продвижения в молодежной среде ценностей здоровья и здорового образа жизни, что вносит вклад в развитие теории и практики социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, социально-культурные практики, молодежь, здоровьесбережение, здоровый образ жизни, ценности, досуг.

В настоящее время актуальной социально значимой задачей является здоровьесбережение населения и, прежде всего, подрастающего поколения. Системный подход к исследованию здоровья во многом определил утвердившееся определение здоровья как состояния полного физического, духовного и социального благополучия, а не только как отсутствие заболеваний [9].

В прикладном аспекте актуальным становится поиск и исследование разнообразных технологий, способов, действий, практик, позволяющих комплексно подходить к решению проблем, связанных с поддержкой, сохранением общественного и индивидуального здоровья.

Под здоровьесберегающими технологиями в широком смысле слова понимаются «технологии в различных сферах деятельности людей (образования, здравоохранения, правовой, социально-экономической, культурной), использование которых способствуют сохранению здоровья» [3, с. 126]. Также здоровьесберегающие технологии рассматриваются как конкретные упорядоченные приемы, способы, этапы действий, подкрепленные необходимыми ресурсами. Важным элементом здоровьесберегающих технологий, ориентированных на работу с подрастающим поколением, выступают так называемые «агенты социализации» (педагоги, учителя, воспитатели, тренеры, наставники), профессиональная деятельность которых не только направлена на форми-

рование у молодежи установок на здоровый образ жизни, но предполагает реализацию здоровьесберегающих технологий в учебно-образовательном процессе, в сфере рекреации и досуга.

В некоторых исследованиях наряду с устоявшимся термином «здоровьесберегающие технологии» встречается термин «здоровьесберегающие практики», понимаемые как «устойчивые и воспроизводимые действия и взаимодействия акторов, направленные на сохранение и укрепление здоровья, становление здорового образа жизни» [2, с. 196]. Человек усваивает и закрепляет эти практики в процессе социализации, успешность которой проявляется в приверженности здоровому образу жизни.

Среди технологий, обеспечивающих комплексный и системный подход к формированию у молодежи ценностных ориентаций на здоровье и здоровый образ жизни, творческую самореализацию и саморазвитие, коммуникации, активность во всех формах ее проявления, особое место занимают социально-культурные технологии, реализуемые в конкретных практиках.

Согласно К. Макмиллану, «практики – это специфическая повторяющаяся совокупность действий человека, они символизируют фундаментальную организацию социальной действительности» [5, с. 58]. В.П. Большаков

выделил ряд подходов, согласно которым под практикой можно понимать: «разумную человеческую деятельность, основанную на сознательном целеполагании и направленную на преобразование действительности, в том числе и самого человека; деятельность, служащую для достижения необходимой опытности в каком-либо деле, а также индивидуальный опыт того или иного специалиста в своей области» [4, с. 16].

А.В. Соколов рассматривал термин «социально-культурные практики» в контексте теории социально-культурной деятельности и относит к ним «любую форму активности человека, организованную в социально-культурной системе с целью включения в контекст культурных и социальных процессов общества» [7]. По мнению исследователя, социально-культурные практики составляют единую систему, направленную на создание и потребление культурных ценностей.

В системе здоровьесбережения социально-культурные практики могут быть представлены в качестве значимого компонента педагогически регулируемого процесса продвижения и закрепления в молодежной среде ценности здоровья, приверженности здоровому образу жизни, включения личности в различные формы общественно одобряемой, целесообразной социально-культурной активности. Непродуктивный, пассивный (в плане «ничегонеделания») досуг, асоциальные формы его проведения выступают одним из показателей нездорового образа жизни, чреватого отрицательными последствиями для здоровья, в том числе обусловленными развитием вредных привычек, преобладанием негативно окрашенного психоэмоционального состояния.

Стимулируя участие молодежи в разнообразных формах социально-культурной деятельности, создавая условия для самоорганизации молодых людей для проявления ими активности в различных направлениях, можно заложить систему прочных знаний в области здоровьесбережения, сформировать необходимые мотивационно-ценностные ориентации, что, в конечном итоге, позволит молодежи выстраивать более гармоничные и здоровые взаимоотношения с окружающим миром.

В социально-культурных практиках, таким образом, представлен некий опыт, алгоритм освоения культуры и приобщения к ней, участия в культурных процессах. Другими словами, фактором здоровьесбережения становится именно культура, вне зависимости от способов, технологий, приемов, практик ее постижения. Именно культура как неотъемлемая часть жизни общества вносит существенный вклад в обеспечение общественного благополучия и здоровья.

В последнее время все более активно осуществляются исследования, направленные на раскрытие и обоснование

вклада культуры как в здоровье отдельных людей, так и в общественное благополучие на уровне местных сообществ, регионов, стран. Наличие таких исследований свидетельствует о том, что поиск путей сохранения и поддержания общественного здоровья смещается от биомедицинских моделей, сосредоточенных преимущественно на обосновании новых более эффективных способов и средств лечения болезней, в сторону раскрытия механизмов укрепления здоровья и профилактики заболеваний.

В 2019 г. был опубликован достаточно объемный отчет Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) под названием «Каковы данные о роли искусства в улучшении здоровья и благополучия? Предварительный обзор», выполненный на основе анализа более 900 научных публикаций [8]. Основным вывод, сделанный в результате осмысления значительного массива источников, заключается в том, что культура и искусство позитивно влияют на профилактику психических и физических заболеваний, способствуют укреплению здоровья, облегчают лечение.

В частности, обзор исследований на тему здорового образа жизни подтвердил тезис об эффективности работы по продвижению ценностей здорового образа жизни через вовлеченность подростков и молодежи в различные формы творческой активности. В исследованиях было доказано положительное влияние физической активности на снижение рискованного поведения (Bungay & Vella-Burrows, 2013); приведены убедительные свидетельства того, что участие подростков в культурных мероприятиях улучшает показатели здоровья, удовлетворенности жизнью и самооценки; при этом, чем интенсивнее участие в культурных процессах, тем выше все исследуемые показатели (Хансен и др., 2015). В ряде исследований обосновывается тезис о том, что посредством искусства (например, театрального), в художественно-образной форме может быть донесена информация, повышающая осведомленность молодого человека о различных состояниях здоровья; в процессе информационно-дискуссионных форм социально-культурного взаимодействия могут весьма успешно продвигаться идеи здорового образа жизни, пагубности вредных привычек, а также способы борьбы с ними [8, с. 33–34]. В отчете приведены результаты других исследований, которые подтверждают тот факт, что участие в социально-культурной деятельности различного формата, занятия искусством обладают значительным потенциалом для поддержки и укрепления здоровья.

Содержание социально-культурной технологии здоровьесбережения, обеспечивающее достижение цели продвижения ценностей здорового образа жизни и приобщение к нему молодежи, включает три основных компонента:

- когнитивный, состоящий из мероприятий, направленных на формирование системы прочных знаний, необходимых для здоровьесбережения, а также способов поддержания здорового образа жизни;
- ценностно-смысловой и мотивационный, который представлен мероприятиями, призванными сформировать активную гражданскую позицию, ценности жизни, культуры здоровья и долголетия, семьи, мотивацию к здоровому образу жизни;
- деятельностный (поведенческий), нацеленный на формирование навыков здоровьесбережения в различных областях жизнедеятельности человека; закрепление положительного опыта воспроизводства здоровьесберегающих практик; стимулирование активности и готовности действовать самостоятельно.

Классификация социально-культурных практик в контексте здоровьесбережения молодежи может быть осуществлена по различным критериям, в том числе, учитывающим элементы технологии приобщения молодежи к ценностям здорового образа жизни.

В частности, если исходить из тезиса о том, что процесс приобщения молодежи к ценностям здорового образа жизни включает три основных компонента (когнитивный, мотивационный и поведенческий), то реализации каждого из них будет способствовать соответствующая практика: социально-культурные практики, ориентированные на реализацию когнитивного компонента; социально-культурные практики, направленные на реализацию эмоционального компонента; социально-культурные практики, связанные с реализацией мотивационного (поведенческого) компонента. Весьма часто в социально-культурных практиках эти компоненты дополняют друг друга.

В зависимости от типа поведения и решаемых педагогических задач можно говорить о следующих социально-культурных практиках:

- тип поведения – конвенциональный, ориентированный на следование принятым нормам; следовательно, в социально-культурных практиках закрепляется этот тип поведения и его результаты, обеспечивается дальнейшее их развитие на более высоком качественном уровне;
- тип поведения – проблемный, не соответствующий принятым нормам; необходимы корректирующие такой тип поведения социально-культурные практики, а также практики, отвлекающие от асоциального поведения и компенсирующие возникающие лакуны в досуговом времяпрепровождении.

В зависимости от задач здоровьесбережения, об-

условленных поведенческими проявлениями разного типа, следует выделить:

- социально-культурные практики превентивного характера, призванные предупредить возможные негативные формы поведения, не способствующие здоровому образу жизни (например, профилактика вредных привычек);
- социально-культурные практики протективного (защитного) характера, цель которых – обеспечить защиту от пагубного влияния социальной среды, окружения и т. п. за счет формирования у молодых людей требуемых компетенций и развития эмоционально-волевых черт и качеств их личности, что позволит в дальнейшем противостоять неблагоприятным факторам среды.

В целом, превентивные и защитные меры призваны не допустить развития вредных привычек, оградить от приверженности нездоровому образу жизни и небрежному отношению к собственному здоровью. Стимулирование социально-культурной активности молодежи, вовлечение молодых людей в волонтерские акции, в проектную деятельность, в клубы и кружки по интересам – все это предотвращает попадание молодежи в группы риска, способствует реализации потребности в общении и развитии, расширению кругозора, получению удовольствия и удовлетворения от общения, от причастности к значимым событиям и акциям.

Важно отметить, что «социальная профилактика предполагает работу с молодыми людьми, в том числе с молодыми людьми групп риска, через систему социально-реабилитационных центров для подростков и молодежи, центров профессиональной ориентации и трудоустройства, подростково-молодежных клубов, центров молодежи и других учреждений органов по делам молодежи регионального, муниципального, местного, локального уровней, призванных организовать досуг и занятость молодежи, осуществлять индивидуальную профилактическую работу с подростками» [1, с. 17].

В зависимости от содержательной ориентированности социально-культурные практики подразделяются на: информационно-просветительские; художественно-творческие; коммуникативные; рекреационно-развлекательные; рекреационно-оздоровительные и другие.

Реализация педагогического и развивающего потенциала социально-культурных практик в контексте здоровьесбережения имеет ряд особенностей, обусловленных преимущественно природой и спецификой сферы досуга как особого пространства, в котором осуществляется большинство видов социально-культурной деятельности. К числу таких особенностей следует отнести:

- опора на интересы, досуговые предпочтения различных сегментов молодежи, учет наиболее по-

пулярных и востребованных в молодежной среде видов и направлений досуга и рекреации;

- комплексное воздействие разнообразных средств (искусство, живое слово, информационно-технические средства и т.п.) на эмоционально-логические компоненты психики;
- непрямой, опосредованный характер педагогического воздействия;
- опора на субъект-субъектные отношения и принципы педагогики сотворчества;
- использование разнообразных средств и приемов стимулирования познавательной, коммуникативной, творческой и иной активности молодого человека.

Основные социально-культурные практики реализуются на базе различных субъектов социально-культурной сферы, обладающих необходимой ресурсной базой и значительным педагогическим потенциалом, что позволяет учреждениям и организациям культуры, искусства, досуга, рекреации весьма успешно участвовать в решении задач здоровьесбережения молодежи [6].

Социально-культурные практики информационно-просветительской направленности представлены разнообразными традиционными формами мероприятий, ориентированными на донесение до аудитории структурированной научно-обоснованной информации о разных аспектах здоровья, здорового образа жизни с последующим обсуждением, рефлексией: лекции; тематические беседы, в том числе, в формате активного взаимодействия участников (беседа-диспут, спор-беседа); диспуты, дискуссии, ток-шоу (например, на такие темы, как «Проблемы молодых с точки зрения молодых», «Пристрастия, уносящие жизнь», «Компьютерные игры: «за» или «против» здоровья»); встречи с экспертами и специалистами «Задай вопрос ...», час компетентного мнения, вечер вопросов и ответов; обсуждения различных публикаций, книг, кинофильмов; мероприятия научно-образовательного формата (вебинары, семинары, конференции и т.п.).

Задача информирования и просвещения может быть реализована и в творческо-развлекательном формате с применением разнообразных конкурсно-игровых программ информационно-просветительской направленности: конкурсы на лучший плакат (рисунок) о пользе здорового образа жизни и вреде алкоголя, табака, запрещенных веществ; конкурсы чтецов; тематические викторины и т. п. К мероприятиям информационно-деятельностного характера следует отнести мастер-классы (например, по различным видам оздоровительных техник и практик), тренинги. Важным условием успешности проводимых мероприятий является применение разнообразных методик стимулирования познавательной активности молодежи, вовлечение молодых людей

в диалог, обсуждение, анализ, оценку получаемой информации. Традиционный формат проведения мероприятий может быть дополнен новыми технологиями, базирующимися на использовании аудиовизуальных и электронных средств информации, коммуникативных возможностей интернета и социальных сетей.

Выбор тематики и содержания мероприятий информационно-просветительской направленности обуславливается возрастными особенностями молодых людей разного возраста; имеющимися у каждой из возрастных групп знаниями о здоровье, факторах риска и их последствиях и т. п.; системой ценностных ориентаций. Информирова и просвеща молодых людей, нельзя допускать формирования чувства безысходности, страхов, комплексов; любое мероприятие должно вселять разумный оптимизм и содержать четкие, внятные рекомендации по различным вопросам здоровьесбережения.

Рекреационно-развлекательные и рекреационно-оздоровительные социально-культурные практики, несмотря на их существенное различие, объединяет ключевое слово и одна из базовых функций досуга – рекреация.

Социально-культурные практики, реализуемые лично в свободное время, связаны с удовлетворением разнообразных досуговых потребностей человека, к числу которых относятся рекреационные потребности. Рекреационная функция досуга обеспечивает преодоление утомления, снятие физического, психоэмоционального, интеллектуального напряжения, разрядку, отдых, восстановление сил; рекреация сопряжена с положительными эмоциями, приятными переживаниями, получением удовольствия. Рекреационно-гедонистическая направленность социально-культурных практик достигается за счет таких условий, как:

- смена занятий и видов деятельности, в том числе, в контексте основной профессиональной (учебной) деятельности или непреложных бытовых дел (смена деятельности – наиболее действенный фактор отдыха);
- нерегламентированный, недирективный способ взаимодействия между участниками тех или иных форм рекреационной деятельности;
- непринужденный характер коммуникаций;
- включение «приятных», эмоционально насыщенных видов развивающих, игровых, развлекательных, физкультурно-оздоровительных активностей (игры, конкурсно-игровые программы и соревнования, прогулки и разнообразные занятия на свежем воздухе, природные экскурсии, развлекательные мероприятия и т. п.).

Здоровьесберегающий потенциал досуга рекреационно-оздоровительной и рекреационно-развлекательной направленности заключен не только в непосредствен-

ном положительном влиянии на физические параметры организма, общее самочувствие и эмоциональную сферу человека. При правильной организации в процессе этой деятельности опосредованно, ненавязчиво осуществляется формирование у молодежи культуры досуга, культуры разумных ограничений; системы валеологических ценностей, здорового, активного образа жизни в целом. «Правильная организация» рекреационно-развлекательной деятельности предполагает дифференцированный подход к выбору зрелищных, игровых, физкультурно-оздоровительных и иных видов досуговых форм, привлекательных в молодежной среде; создание необходимых условий для активного, духовно-обогащающего отдыха, удовлетворения коммуникативных потребностей, творческого самовыражения молодежи. В этой связи следует обратить внимание на то, что рекреационно-развлекательная деятельность, в целом ориентированная на удовольствие, отдых, расслабление, потенциально связана со многими сопутствующими негативными проявлениями (употреблением алкоголя, запрещенных веществ, курением и т. п.), что может привести к отрицательному эффекту для здоровья, к закреплению асоциальных форм поведения. Поэтому необходимо еще раз подчеркнуть важность педагогического регулирования и педагогически целесообразной организации рекреационно-развлекательных форм молодежного досуга агентами социализации, но таким образом, чтобы воспитательные цели, в том числе, в контексте здоровьесбережения, достигались опосредованно, не нарушая природы и специфики досуга как особой социально-культурной практики.

Исходя из целостного подхода к проблеме здоровья, можно утверждать, что культура является важным ресурсом здоровьесбережения, так как существенно дополняет и расширяет возможности сферы здравоохранения; терапевтические методы, основанные на культуре и искусстве, в различных случаях оказывают весьма эффективное воздействие. Участие человека в различных формах социально-культурной деятельности, в занятиях прикладным и художественным творчеством, в волонтерском движении и т. п. способствует общему улучшению качества жизни, а также психологического самочувствия; повышению социальной активности; снижению уровня переживаний и тревоги, профилактике депрессивных состояний; развитию когнитивных, эмоциональных и социальных навыков.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что разнообразные социально-культурные практики обладают значительным педагогическим потенциалом, реализация которого позволяет весьма успешно формировать у подрастающего поколения убеждения о ценности здоровья, престижности здорового образа жизни, недопустимости культивирования вредных привычек. В решении глобальных задач здоровьесбережения молодежи значительная роль принадлежит, безусловно, системе здравоохранения, но деятельность других субъектов социальной сферы, в том числе, учреждений культуры, становится эффективным инструментом сохранения и поддержания здоровья подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антончева О.А. Технологии социальной работы с молодежью // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. Том 5. Выпуск 1 (13). - Санкт-Петербург, 2014. С. 15–22.
2. Антонова Н.Л. Здоровьесберегающие практики подрастающего поколения крупного города // Социальное пространство современного города / под. ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. - Екатеринбург: Изд во Урал. ун-та, 2015. С. 193–202.
3. Бондарук А.Ф., Голянич В. М. Социально-психологические и психолого-педагогические аспекты здоровьесберегающей деятельности в образовательной среде // Психологическое здоровье и технологии здоровьесбережения в современной образовательной среде / Под науч. ред. В.М. Голянича. - Санкт-Петербург: НИЦ АРТ, 2019. С. 110–158.
4. Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник СПбГУКИ. № 2 (27) июнь. 2016. С. 16–22.
5. Зарбалиев В.З. Социологическая интерпретация понятия «социальные практики здоровьесбережения» // Гуманитарий Юга России. 2021. №1. С.74–82.
6. Рябова Т.В. Культурная среда в контексте здоровьесбережения: сущность, основные элементы, психолого-педагогический потенциал // Психологическое здоровье и технологии здоровьесбережения в современной образовательной среде / Под науч. ред. В.М. Голянича. - Санкт-Петербург: НИЦ АРТ, 2019. С. 280–289.
7. Соколов А.В. Феномен социально-культурной деятельности / А.В. Соколов; С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2003. - 203 с. (Серия «Новое в гуманитарных науках»; Вып. 10).
8. Fancourt D., Finn, S. What is the evidence on the role of the arts in improving health and well-being? A scoping review. In Health Evidence Network (HEN) synthesis report 67. WHO Regional Office for Europe. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/329834/9789289054553-eng.pdf> (дата обращения 04 января 2024 г.).
9. WHO. Growing up unequal: gender and socioeconomic differences in young people's health and well-being. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/326320>. (дата обращения 04 января 2024 г.)

© Рябова Татьяна Викторовна (tv.ryabova812@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

USING OF INTERNET RESOURCES IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

T. Timofeeva

Summary: The article discusses possible ways of using Internet resources in foreign language classes at a non-linguistic university. The didactic potentialities of Internet platforms are investigated and analyzed from the point of view of use in the educational process in order to train various language skills. The conclusion is made about the existing potential of Internet resources for learning a foreign language when chosen correctly.

Keywords: information and communication technologies, podcast, web quest, internet platform, internet resource, learning a foreign language.

Тимофеева Татьяна Викторовна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО Приморский ГАТУ
(г. Уссурийск)
tatimen.chik@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются возможные варианты применения интернет-ресурсов на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе. Исследуются и анализируются дидактические возможности интернет-платформ с точки зрения использования в образовательном процессе с целью тренировки различных языковых навыков. Делается вывод о существующем потенциале ресурсов сети Интернет для изучения иностранного языка при их грамотном выборе.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, подкаст, веб-квест, интернет-платформа, интернет-ресурс, изучение иностранного языка.

Введение

В настоящее время невозможно представить себе нашу жизнь без информационно-коммуникационных технологий. Интернет является основным источником получения информации, средством общения. Необходимость использования компьютера и телефона в наши дни равнозначна естественным потребностям студента, соответственно эти технические средства должны применяться в процессе обучения в общем и в изучении иностранного языка, в частности.

В соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования дисциплина «Иностранный язык» в непрофильном вузе является одной из обязательных дисциплин базовой части, в результате освоения которой обучающиеся должны овладеть универсальной компетенцией, дающей возможность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах. Целью изучения иностранного языка в нелингвистическом вузе является повышение уровня владения иностранным языком для его использования в профессиональной деятельности. Для успешного достижения этой цели в процесс обучения внедряются различные методы, приемы, формы, которые призваны сделать процесс обучения более эффективным с учетом небольшого количества аудиторных часов.

Интернет-ресурсы играют все более важную роль в обучении иностранному языку [3]. В этой области применения они подразделяются на две группы: аутентичные

и учебные. Аутентичные ресурсы – это материал, созданный носителями языка и обладающий особой социокультурной ценностью [6]. Учебные интернет-ресурсы – это текстовые, аудио и визуальные материалы, имеющие различную тематику, способствующие формированию иноязычной коммуникативной и информационной компетенции, развитию коммуникативно-когнитивных умений обучающихся осуществлять поиск, отбор, классификацию, анализ и обобщение информации [9]. Интернет-ресурсы активизируют учебно-познавательную деятельность студентов, они усиливают мотивацию и познавательный интерес к изучению профессионально-ориентированного профессионального языка благодаря эффекту новизны, сближению образовательной среды и реального мира [2].

Обсуждение

Целью нашей работы является исследование и анализ дидактических возможностей интернет-платформ для обучения иностранному языку (английскому) студентов неязыковых вузов. В своей работе мы рассмотрим ряд ресурсов и охарактеризуем их с точки зрения использования в образовательном процессе с целью тренировки различных языковых навыков.

Привлекая ресурсы интернета, специалисты разрабатывают новые методики преподавания иностранного языка для специальных целей [8]. С целью обучения аудированию на занятиях по иностранному языку могут использоваться платформы с подкастами. Podcast – интернет-ресурс для создания и распространения ау-

диофайлов в интернете. Длительность подкастов может варьироваться от нескольких минут до нескольких часов. Тематика аудиофайлов довольно разнообразная: политика, экономика, культура, повседневная жизнь, еда, путешествия, окружающая среда, новости, музыка. Некоторые подкасты уже адаптированы для изучающих иностранный язык, а часть являются полностью аутентичными.

На наш взгляд платформа подкастов learnenglish.funway.com является наиболее удачной для использования в обучении иностранному языку в неязыковом вузе, т. к. представленные аудиозаписи освещают не только широкий круг вопросов общеупотребительной сферы, но также используют информацию из профессиональной области, что важно для наработки профессиональной лексики.

Сайты с видеоматериалами на иностранном языке также способствуют развитию аудитивных умений, но предоставляют возможность не только слышать произношение слова, но и замечать особенности поведения и жестикюляции носителей языка [13]. Наиболее известной платформой с видеоматериалами является youtube.com, где можно найти огромное количество роликов с субтитрами, чтобы при затруднении в понимании посмотреть значение слова в словаре [7]. Использование аудио и видеоматериалов также способствует развитию разговорной речи, если сопровождается соответствующим заданием.

С целью развития навыков чтения и понимания текста преподаватель может предлагать обучающимся аутентичные материалы с иноязычных сайтов как общей тематики (learnenglish.britishcouncil.org), так и по специальности (www.nationalgeographic.com). На многих из них материал разделен в соответствии с уровнем владения языком, что удобно в процессе подбора нужного текста. Отбирая аутентичные материалы, преподаватель ориентируется на их доступность в языковом плане и соответствие изучаемой тематике, при необходимости адаптирует их, составляет глоссарий. После проработки текста в аудитории можно в качестве самостоятельной работы предложить студентам найти в сети дополнительную информацию по теме, что позволяет обучающимся эффективно овладеть профессиональной лексикой на иностранном языке [4]. Такой вид деятельности необходим при подготовке к конференциям, когда при поиске нужной информации в иноязычных источниках специалист применяет просмотровое чтение: он сначала «пробегаёт» глазами несколько статей (книг, сайтов) с целью узнать, есть ли там полезная для него информация [11].

В рамках внеаудиторной работы широко используются веб-квесты. Это мультимедийный проект по опре-

деленной теме на основе предложенных преподавателем материалов и заданий. Использование технологии веб-квеста на занятиях по иностранному языку позволяет решить ряд дидактических задач: развитие навыков аудирования, просмотрового чтения, говорения, пополнение словарного запаса. На распространенных платформах www.zunal.com и www.createwebquest.com преподаватель может создать авторский веб-квест или воспользоваться уже имеющимися. Для разработки собственного проекта необходимо добавить информацию в шаблон согласно типичной структуре веб-квестов, поиск существующих веб-квестов осуществляется по разделам или ключевым словам. [12]

Регулярное применение блогов способствует развитию письма и закреплению знаний грамматики. Блог – это веб-сайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые короткие записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа [1]. В качестве примеров информационных площадок для блогов можно использовать www.blogsmail.ru, www.livejournal.com, www.liveinternet.ru, и другие. Задачей преподавателя является сделать блог рабочим инструментом и включить его в учебную практику [8; 5].

Использование интернет-ресурсов в значительной степени позволяет преподавателю экономить время на организации отработки языкового материала, а также контроля, оценки и корректировки знаний [10]. Например, платформа www.liveworksheets.com предлагает автоматическую проверку заданий и возможность отправки результатов на почту преподавателя. Для создания собственных листов с заданиями не требуются специальные навыки в программировании, на сайте есть шаблоны, куда достаточно поместить подготовленные тесты и отметить верные ответы с помощью инструкции.

Эффективным для отработки грамматических и лексических навыков может оказаться интернет-ресурс www.engvid.com, материалы которого, разработанные носителями языка, представлены в формате видеороликов, снабженных тестами для самоконтроля [6].

Выводы

Таким образом, грамотный выбор интернет-ресурсов поможет расширить образовательные возможности, повысить мотивацию к обучению. Использование интернет-ресурсов на занятиях по иностранному языку способствует совершенствованию всех видов речевой деятельности, пополнению словарного запаса и даже профессиональному росту. Однако, необходимо понимать, что информационно-коммуникативные технологии являются лишь компонентом обучения и должны использоваться целесообразно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанова Е.И. Возможности применения интернет-ресурсов при обучении студентов иностранному языку // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка: сборник материалов научно-практической конференции, Липецк, 12 апреля 2016 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. – С. 54–56.
2. Климкович Е.Я. Использование интернет-ресурсов в обучении профессионально-ориентированному иностранному языку будущих специалистов в области информационных технологий // Развитие дорожно-транспортного комплекса и строительной инфраструктуры на основе рационального природопользования: VII Всероссийская научно-практическая конференция ФГБОУ ВПО «СибАДИ» с международным участием, Омск, 26–27 апреля 2012 года. – Омск: Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (СибАДИ), 2012. – С. 265–269.
3. Ковалева Е.А., Локша О.М. Использование интернет-ресурсов в организации самостоятельной работы студентов-бакалавров при обучении иностранному языку // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 5–8(74). – С. 18–24.
4. Лебеденко О.Н., Пестова Е.В., Демидова С.Ю. Использование Интернет-ресурсов в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2019. – № 4(19). – С. 24.
5. Мартынова А.С. Интернет-ресурсы как неотъемлемая часть урока английского языка // Роль аграрной науки в развитии лесного и сельского хозяйства Дальнего Востока: материалы II Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, Уссурийск, 08–09 ноября 2018 года / Приморская государственная сельскохозяйственная академия. – Уссурийск: Приморская государственная сельскохозяйственная академия, 2018. – С. 138–141.
6. Минеева О.А., Ляшенко М.С. Интеграция интернет-ресурсов в процесс обучения иностранному языку // Образовательные ресурсы и технологии. – 2022. – № 1(38). – С. 14–22. – DOI 10.21777/2500-2112-2022-1-14-22.
7. Насырова А.А., Федосеева Д.М. Влияние интернет-ресурсов на изучение иностранного языка русскоязычными студентами // Международный студенческий научный вестник. – 2020. – № 2. – С. 72.
8. Подолян Л.С., Внукова Н.В. Использование интернет-ресурсов в обучении иностранному языку в техническом вузе // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 21(33). – С. 46–48.
9. Сысоев П.В. Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом образовании: учебное пособие. – Москва: Либроком, 2013. – 264 с.
10. Тимофеева Т.В. Работа с англоязычным сайтом вуза на занятиях по иностранному языку // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 12–3(114). – С. 123–125. – DOI 10.23670/IRJ.2021.114.12.100. – EDN RGWQQT.
11. Тимофеева Т.В. Роль просмотрового чтения в изучении профессионально-ориентированного иностранного языка // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 10–3(112). – С. 78–80.
12. Тимофеева Т.В. Веб-квест технология в обучении иностранным языкам // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 10(124). – DOI 10.23670/IRJ.2022.124.25. – EDN YZIMDM.
13. Трапезникова Е.С., Тимофеева Т.В. Использование платформы TED Talks как инструмент совершенствования аудитивных умений // Инновации молодых - развитию сельского хозяйства: Материалы 59 Всероссийской студенческой научной конференции, Уссурийск, 27–31 марта 2023 года. – Уссурийск: Приморская государственная сельскохозяйственная академия, 2023. – С. 193. – EDN BZDPJW.

© Тимофеева Татьяна Викторовна (tatimen.chik@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗУЧЕНИЕ АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

STUDYING ANATOMICAL TERMINOLOGY IN LATIN CLASSES AT MEDICAL UNIVERSITY

T. Tyurina

Summary: Studying anatomical terminology is the essential part of the professional training of medical students. Future doctors have to know the names of anatomical organs and formations in Russian and Latin, and be able to correlate the terms properly. In Latin classes the lecturer needs to organize methodological work of linguistic analyze that would help students to understand, remember and translate anatomical terms. The article is devoted to the different aspects of the anatomical term in Latin and in Russian and its grammar, lexical and semantic analyze.

Keywords: anatomical terminology, the Latin language, analyze, learning, medical education.

Тюрина Татьяна Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого
tyurina12@mail.ru

Аннотация: Изучение анатомической терминологии является важнейшей частью профессиональной подготовки студентов медицинских специальностей. Студенты должны знать названия анатомических органов и образований на русском и латинском языке, уметь правильно их соотносить. Для того чтобы учащиеся смогли понять, запомнить и перевести анатомические термины, преподавателю необходимо выстраивать комплексную методическую работу по языковому анализу термина. В статье рассматриваются грамматические, лексические и семантические особенности изучения анатомической терминологии на занятиях по латинскому языку.

Ключевые слова: анатомическая терминология, латинский язык, изучение, медицинское образование.

Изучение анатомической терминологии является важнейшей частью профессиональной подготовки студентов медицинских специальностей.

Студенты должны знать термины на русском и латинском языке, уметь правильно их соотносить. Анатомическая терминология – необходимый понятийный инструмент, которым учащимся, пользуются на профильных дисциплинах. На занятиях по латинскому языку осуществляется формирование языковых компетенций. Модуль «Анатомо-гистологическая терминология» открывает курс латинского языка [1, 2, 3, 6], поэтому к изучению анатомической терминологии первокурсники приступают с первых дней занятий в вузе. Студенты изучают базовую грамматику, анализируют термины по лексико-грамматическому составу, выполняют перевод терминов с латинского языка на русский и с русского на латинский.

Анатомические термины представлены как на уровне отдельных слов, так и на уровне словосочетаний, например *os* «кость», *ossa cranii* «кости черепа», *os frontale* «лобная кость». Название *os* «кость» представлено одиночным существительным и относится к числу простых анатомических терминов. Два других примера являются сложными анатомическими терминами, то есть словосочетаниями. В их состав могут входить только существительные (*ossa cranii*), а также существительные и прилагательные (*os frontale*). Сложные наименования могут представлять собою достаточно объемные словосочетания, в которых фигурируют несколько существительных и прилагательных.

Для того чтобы учащиеся смогли понять, запомнить и перевести анатомические термины, преподавателю необходимо выстраивать методическую работу, обращая внимание на следующее:

- грамматическая структура и грамматический анализ латинского термина;
- языковые (грамматические и лексико-семантические) соответствия в русском и латинском языке;
- значения архаической и устаревшей лексики, входящей в состав анатомических терминов на русском языке.

Грамматическая структура сложного анатомического термина отличается четким характером: на первом месте находится главное существительное в форме именительного падежа, за главным существительным следуют зависимые слова. Приведем в качестве примера термин *foramen caecum linguae* «слепое отверстие языка». Главным словом является существительное *foramen* «отверстие». В качестве зависимых слов выступают прилагательное *caecum* «слепое» и существительное *linguae* «языка».

Определение главного и зависимого слова является важным этапом анализа, предшествующего переводу. Рассмотрим термин, состоящий из двух существительных. Так *skeleton membri* следует переводить как «скелет конечности». Перевод «конечность скелета» будет ошибочным. Выбор верного ответа обусловлен структурой термина: на первом месте стоит существительное *skeleton*, отвечающее на вопрос «что?», за ним следует за-

висимое *membri*, отвечающее на вопрос «чего?». Понять значения латинского термина и выполнить его правильный перевод учащимся помогает именно знание порядка слов. Перевод анатомического термина следует начинать с главного слова, в противном случае может возникнуть ошибка.

Анализ грамматической структуры затрагивает также прилагательное и его место в составе словосочетания. Данная часть речи в составе анатомического термина обычно находится после существительного: так в примерах *os frontale* «лобная кость» и *foramen caecum* «слепое отверстие» прилагательные *frontale*, *caecum*, находятся на втором месте после существительных. В русском языке в составе словосочетания прилагательное обычно стоит перед существительным. Преподавателю следует обращать внимание учащихся на данные различия.

Еще одна важная характеристика латинских прилагательных состоит в том, что они могут отделяться от существительных, к которым относятся, другими словами. Например, в термине *musculi levatores costarum breves* «короткие мышцы, поднимающие ребра» прилагательное *breves* «короткие» характеризует существительное *musculi* «мышцы», однако стоит отдельно от него, занимая последнее место в словосочетании. Данная особенность латинского термина создает учащимся некоторые трудности в понимании, преодолеть которые помогает морфологический анализ форм слова: определение части речи, падежа и числа, установление грамматической зависимости между словами термина.

Уяснив структуру латинского термина, студенты справляются не только с пониманием латинского словосочетания и его переводом на русский язык, но также и с переводом на латинский язык. Например, «длинный разгибатель пальцев» следует переводить дословно «мышца-разгибатель пальцев длинный» или *musculus extensor digitorum longus*.

Таким образом, усвоение грамматической структуры латинского термина осуществляется на базе грамматического анализа словосочетания, при котором учащиеся определяют главное существительное и зависимые слова. Важным этапом является определение частей речи, падежа и числа, рода каждого слова, входящего в состав словосочетания. Значительную пользу учащимся приносит дополнительная работа со словарем, при которой они находят словарную форму слова, опознают основу и склонение. Данный тип заданий способствует запоминанию слова, правильному определению его формы, пониманию грамматических зависимостей внутри словосочетания. Работа по грамматическому анализу термина позволяет учащимся в дальнейшем заучивать термин осознанно, понимать логику последовательности слов, а также грамматическое значение окончаний.

Рассмотрение языковых соответствий между анатомическими терминами в латинском и русском также является важной частью обучения. Между языками наблюдаются определенные сходства, обусловленные общей принадлежностью к индоевропейской языковой семье. Однако полная корреляция отсутствует, что наблюдается как на уровне грамматическом, так и на уровне лексико-семантическом.

Грамматические соответствия рассмотрим на примере соотношения слов по частям речи. В обоих языках главное слово всегда представлено существительным, в этом проявляется сходство. Что касается зависимых слов, то здесь могут проявляться как сходства, так и различия. В ряде случаев в русском языке сохраняется исходная структура латинского термина, при которой зависимое существительное переводится существительным, например *cavitas cranii* «полость черепа». В данном примере существительное в родительном падеже *cranii* (от *cranium* «черепа») переводится на русский язык также существительным. В то же время имеются термины, в которых зависимое существительное переводится на русский язык прилагательным, например *arteria genus* «коленная артерия», где латинское слово *genus* (от *genu* «колени») представляет собою существительное, а термин дословно переводится как «артерия колена».

Рассмотрение морфологических сходств и различий зависимых слов предотвращает случаи, когда студенты ошибочно конструируют латинский термин по образцу термина в русском языке.

Различия в анатомических терминах на латинском и на русском языке проявляются также и на уровне лексико-семантическом. Для примера рассмотрим названия костей. Так, наименованию «ладьевидная кость» в латинском языке соответствуют два варианта: *os naviculare* и *os scaphoideum* [4, с. 50, 60]. Различия касаются происхождения прилагательных: *naviculare* – латинского происхождения, *scaphoideum* – греческого. Однако есть и анатомические особенности: *os scaphoideum* обозначает кость кисти руки, в то время как *os naviculare* – кость стопы.

Пример различий дают латинские прилагательные в сравнительной степени. Так прилагательному «большой» в латинской анатомической терминологии соответствуют два варианта: *magnus*, *a*, *um* «большой, -ая, -ое» и *maior*, *-ius* «большой, -ая, -ое». Согласно М. Н. Чернявскому, вариант *magnus*, *a*, *um* используется для обозначения одиночных образований, например *foramen magnum* «большое отверстие». Прилагательное *maior*, *-ius* используется в названии парных образований [6, с. 109]: существует *ala maior* «большое крыло, досл. большее крыло», а также *ala minor* «малое крыло, досл. меньшее крыло».

В приведенных примерах мы увидели, что при сходстве лексических значений прилагательных, между языками имеются различия. В то время как на русском языке использовалась лексема с более широким значением, латинские термины значение конкретизировали.

Итак, задания по сопоставительному анализу терминов позволяют учащимся увидеть, что между латинским и русским языком имеются как сходства, так и отличия. Закрепление определенного варианта, как в латинском, так и в русском языке, может быть обусловлено традицией, но также может иметь анатомически важную дополнительную и уточняющую характеристику.

Еще одной важной задачей является рассмотрение семантики архаичных и устаревших слов, входящих в состав анатомических терминов на русском языке. При выполнении заданий на перевод с латинского языка мы столкнулись с тем, что учащиеся не понимают значения некоторых слов, таких как «выя», «ярмо», «ость», «чрево», «остов».

Проведя анонимное анкетирование среди первокурсников, мы выявили, что уровень знания архаизмов достаточно низок. В опросе принимало участие 70 студентов лечебного и педиатрического отделений Красноярского государственного медицинского университета. Анкетирование показало следующие результаты: верное значение слова «выя» назвали 14 чел. (20%), «ярмо» – 6 чел. (9%), «ость» – 4 чел. (6%), «чрево» – 33 чел. (47%), «остов» – 6 чел. (9%) [5].

Как можно увидеть, лексема «чрево» дала наибольшее количество правильных ответов. Студенты приводили в качестве ассоциаций «материнское чрево», «чревоугодник», а также роман Э. Золя «Чрево Парижа». Слово «ость», хотя и имеет самый низкий уровень узнавания, тем не менее, вызвало достаточно большое число предположений (60 чел. или 86%). Данный факт объясняется фоновыми знаниями: к моменту проведения опроса студенты уже успели познакомиться на занятиях по анатомии с терминами «ость лопатки» и «остистый отросток». В то же время слово «остов» не знает самое большое число опрошенных – 61 чел. (87%), в ряде случаев учащиеся указывали, что слово им никогда не встречалось.

Преподавателям следует выявлять подобные проблемы в знаниях студентов, объяснять значения неизвест-

ных слов. Непонимание одного слова может повлечь за собой непонимание целой группы терминов. Так, слово «ость» *spina* встречаем в сложных терминах: «ость лопатки» *spina scapulae*, «седалищная ость» *spina ischiadica*, «ость клиновидной кости» *spina ossis sphenoidalis*. Производное прилагательное «остистый» *spinosus* появляется в термине «остистый отросток» *processus spinosus*. Не уяснив значение слова, учащийся может составить неверное представление не об одном, но о нескольких анатомических образованиях.

Медицинская анатомическая терминология отличается достаточной консервативностью. Работа с архаической лексикой, входящей в состав анатомических терминов на русском языке, является крайне важной, поскольку их значения должны быть студентам ясны и понятны. Современные ребята в большинстве случаев не сталкиваются с данной группой слов вне профильных занятий. Понимание – необходимое условия прочного запоминания.

В заключении ещё раз подчеркнем, что изучение анатомической терминологии на занятиях по латинскому языку является важным этапом освоения профессиональной лексики.

Термины могут отличаться достаточно сложной грамматической формой и лексическими особенностями. Заучивание анатомической терминологии должно быть осмысленным, следует избегать механического запоминания. На занятиях по латинскому языку преподавателю необходимо выстраивать методическую работу таким образом, чтобы учащиеся анализировали языковые аспекты термина максимально подробно: его грамматическую структуру, морфологический состав, лексико-семантические особенности, соответствия между русским и латинским языками. Работа над термином должна носить комплексный характер: следует переводить не отдельные слова, а всю лексическую единицу в целом. Учащиеся должны видеть не только отдельные элементы термина, но также осознавать взаимосвязь и целостность всех его составных частей.

Понимание особенностей лексики в латинском и русском языке является залогом успешного освоения анатомической терминологии, формирования профильных языковых компетенций будущего врача, подготовки к изучению анатомии и клинических дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарина Т.Л., Новодранова В.Ф., Михина Т.В. Латинский язык: учебное пособие. - М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. - 496 с.
2. Нечай М.Н. Латинский язык для лечебных факультетов: учебник. 3-е изд., пер. - М.: КНОРУС, 2019. - 346 с.
3. Нечай М.Н. Латинский язык для педиатрических факультетов: учебное пособие. 3-е изд., пер. - М.: КНОРУС, 2013. - 344 с.
4. Международная анатомическая терминология с грамматикой латинских терминов / под ред. Г. В. Петровой. - М.: Абрис, 2019. - 368 с.

5. Тюрина Т.В. Лексические проблемы изучения профессиональной терминологии на занятиях по латинскому языку в медицинском вузе // Лингвистика и медицина в контексте педагогического образования: Материалы I Международной научной конференции. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2023. – С. 11–15.
 6. Чернявский М.Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии: Учебник. 4-е изд., стер. М.: Шико, 2017. 448 с.
-

© Тюрина Татьяна Валерьевна (tyurina12@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «МАТЕРИАЛОВЕДЕНИЕ» ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

EXPERIENCE OF APPLICATION OF THE WORKBOOK ON THE DISCIPLINE "MATERIAL SCIENCE" IN TRAINING FOREIGN MILITARY PERSONNEL

**A. Fursina
O. Kool
T. Mullinova**

Summary: The article substantiates the effectiveness of using a workbook on the discipline "Materials Science" in the training of foreign military personnel. The workbook, being a universal tool in the methodological support of the educational process of higher education, can be used in various types of classes. The use of such a notebook allows you to save educational time, consolidate previously studied material, and carry out current control of the knowledge of foreign military personnel. The use of a workbook on the discipline "Materials Science" in the educational process of a military university is a modern requirement for the organization of educational activities.

Keywords: workbook, discipline "Materials Science", foreign military personnel, independent work.

Фурсина Ангелина Борисовна

*Кандидат химических наук, доцент, Краснодарское
высшее военное авиационное училище летчиков
fursina74@mail.ru*

Кооль Ольга Александровна

*Кандидат филологических наук, доцент, Краснодарское
высшее военное авиационное училище летчиков
o.a.kool@mail.ru*

Муллинова Татьяна Александровна

*Кандидат филологических наук, доцент, Краснодарское
высшее военное авиационное училище летчиков
t.a.mullinova@mail.ru*

Аннотация: В статье обоснована эффективность применения рабочей тетради по дисциплине «Материаловедение» при обучении иностранных военнослужащих. Рабочая тетрадь, являясь универсальным средством в методическом обеспечении учебного процесса высшей школы, может применяться на занятиях разного типа. Использование такой тетради позволяет сэкономить учебное время, закрепить изученный ранее материал, осуществить текущий контроль знаний иностранных военнослужащих. Применение рабочей тетради по дисциплине «Материаловедение» в образовательном процессе военного вуза является современным требованием к организации учебной деятельности.

Ключевые слова: рабочая тетрадь, дисциплина «Материаловедение», иностранные военнослужащие, самостоятельная работа.

В настоящее время важным направлением военно-технического сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации с зарубежными странами является профессиональная подготовка иностранных военнослужащих в российских военных вузах. Успех подготовки будущих офицеров армий зарубежных государств зависит от эффективности их адаптации к обучению в военных учебных заведениях РФ. При этом российские вузы «выполняют функцию адаптивно-адаптирующей образовательной системы для всех иностранных учащихся вне зависимости от гражданства и национальной принадлежности. Данная функция заключается как в организации самого учебного процесса в соответствии с потребностями обучаемых, так и в создании таких условий, в которых происходит приспособление самих иностранцев к потребностям вуза» [1, с. 93, 2].

Организация учебно-воспитательного процесса военного вуза, в отличие от гражданского, имеет свои особенности: данный процесс включает в себя не только обучение, но и военную службу. При этом важной составляющей учебной деятельности обучающихся военного вуза явля-

ется самостоятельная работа, которая в соответствии с Приказом Министра обороны Российской Федерации от 30.05.2022 № 308 «организуется в целях закрепления и совершенствования полученных знаний и навыков, поиска и приобретения новых знаний, а также выполнения учебных заданий, защиты курсовых работ (проектов, задач) и отчетов по лабораторным работам, подготовки к предстоящим занятиям, зачетам и экзаменам» [3].

Под самостоятельной работой понимается «такой вид учебной деятельности, которая выполняется обучающимися вуза без непосредственного контакта с преподавателем или управляемая преподавателем опосредовано через специальные учебные материалы; неотъемлемое, обязательное звено процесса обучения, предусматривающее, прежде всего, индивидуальную работу учащихся в соответствии с установкой преподавателя или учебника, программы обучения» [4].

Организация самостоятельной работы, проводимой в высших военных учебных заведениях Российской Федерации, имеет ряд преимуществ, главное из которых

состоит в том, что на этот вид деятельности в распорядке дня отводится не менее трех академических часов ежедневно. Такая четкая спланированность самостоятельной работы курсантов позволяет им не только овладеть системой научных знаний и опытом практической деятельности, но и развить самостоятельность, организованность и ответственность.

Самостоятельная работа имеет и «воспитательное значение: она формирует самостоятельность не только как совокупность умений и навыков, но и как черту характера, играющую существенную роль в структуре личности современного специалиста высшей квалификации» [5].

Развитие самостоятельности у учащихся высших учебных заведений считается своеобразным переходом от учебной деятельности к профессиональной, или от деятельности под руководством педагога к деятельности, когда обучаемый начинает руководить самим собой.

Теоретический курс служит основой любой самостоятельной работы, для выполнения которой обучающийся получает необходимую литературу и инструкцию по выполнению заданий. Такой вид деятельности выполняется учащимися на разных этапах образовательного процесса: при получении новых знаний, закреплении материала, повторении и проверке.

Одним из средств повышения творческой активности курсантов является уменьшение прямой помощи преподавателя. Самостоятельная работа необходима для формирования и развития у учащихся умений по самоорганизации, самодисциплине, самообразованию. Обучаемые должны научиться:

- получать информацию из различных источников, обрабатывать, хранить, обмениваться ею;
- развивать свои профессионально важные качества, в том числе коммуникативные;
- рационально организовывать свою познавательную (учебную) деятельность;
- проводить самоконтроль;
- нести ответственность за свою профессиональную подготовку.

Современное представление о роли самостоятельной работы в системе высшего образования и увеличение ее доли в процессе обучения требует применения соответствующих методических и дидактических средств, среди которых выделяется рабочая тетрадь.

Цель нашего исследования – обосновать эффективность применения рабочей тетради по дисциплине «Материаловедение» при обучении иностранных военнослужащих.

Объект исследования – самостоятельная работа курсантов-инофонов как обязательное звено процесса обучения естественно-научным дисциплинам.

Предмет исследования – рабочая тетрадь как важнейший элемент в системе самостоятельной работы обучающихся.

Гипотеза – использование рабочей тетради при изучении дисциплины «Материаловедение» способствует повышению качества усвоения изученного материала иностранными учащимися военного вуза, формированию их профессиональных компетенций.

Поставленная цель обусловила постановку и решение следующих исследовательских задач:

1. обозначить особенности организации самостоятельной работы в образовательном процессе военного вуза;
2. определить структуру рабочей тетради с заданиями разного типа;
3. экспериментально проверить влияние использования рабочей тетради по дисциплине «Материаловедение» на усвоение изученного материала иностранными военнослужащими и на развитие навыка самостоятельной работы.

При подготовке данной работы использовались такие методы исследования, как изучение и анализ методической литературы и нормативных документов по проблеме исследования; изучение педагогического опыта по использованию рабочей тетради в вузе; анализ результатов экспериментального исследований.

Вопрос влияния использования рабочей тетради на развитие самостоятельности учащихся вузов неоднократно становился объектом исследования ученых [6; 7; 8], однако он продолжает оставаться актуальным в связи с возрастанием в современном обществе требований к компетентному специалисту.

Согласно ГОСТу 7.60–2003 рабочая тетрадь – это «учебное пособие, имеющее особый дидактический аппарат, способствующий самостоятельной работе учащегося над освоением учебного предмета» [9].

По мнению Е.В. Белоруссовой, рабочая тетрадь – это «пособие с печатной основой для работы непосредственно на содержащихся в нем заготовках; применяется с целью увеличения объема практической деятельности и разнообразия содержания, форм работы, а также видов деятельности обучающихся» [10]. В свою очередь Т. Светлова определяет рабочую тетрадь как «методическое пособие, предлагающее систему заданий и фонды оценочных средств, ориентирующие на выполнение лабораторных работ и предлагающие алгоритмизацию отчетности» [11].

Рабочая тетрадь, являясь универсальным средством в методическом обеспечении учебного процесса высшей школы, может применяться на занятиях разного типа: практических и лабораторных, аудиторных и вне-

аудиторных, а также при дистанционном обучении. Именно рабочая тетрадь обеспечивает поэтапное формирование технических понятий, а ее применение на занятиях способствует активизации учебно-познавательной деятельности учащихся.

Е.И. Суханова отмечает, что «применение в преподавании разработанного комплекса рабочих тетрадей способствует акцентированию внимания студента на главном в данной дисциплине, помогает выработать умение анализировать, сравнивать результаты, оценивать и проверять их статистическую надежность и значимость, давать содержательную интерпретацию полученным результатам и делать обоснованные выводы» [12].

Рабочая тетрадь учащегося высшей школы – это «многофункциональное дидактическое средство, обеспечивающее реализацию комплексных функций: функции сопровождения, обучающей функции, функции индивидуализации обучения, рефлексивно-оценочной и информационно-коммуникационной функции и являющееся ведущим элементом системы самостоятельной работы по овладению учебной дисциплиной» [5, с. 12].

В рамках педагогического эксперимента «Рабочая тетрадь как средство повышения усвоения материала иностранными военнослужащими по дисциплине «Материаловедение», проводимого в Краснодарском высшем военном авиационном училище летчиков, для работы с иностранными военнослужащими была разработана рабочая тетрадь по дисциплине «Материаловедение». Рабочая тетрадь, содержащая задания для самостоятельного выполнения, – целенаправленная форма организации педагогического процесса, направленная на углубление теоретических зна-

ний и овладение определенными методами работы.

Разработанная рабочая тетрадь по дисциплине «Материаловедение», изучаемой курсантами-инофонами на первом курсе, служит своеобразной формой осуществления связи теории с практикой. Она содержит задачи, практические и тестовые задания по разным темам курса [13].

В рабочей тетради для лекции, лабораторной работы, практического занятия сформулированы цели и учебные задачи проведения лабораторных исследований, приведены необходимые схемы, рисунки и справочный материал, представлены протоколы отчетов по лабораторным работам, которые позволяют четко организовать самостоятельную работу первокурсников при подготовке к лабораторной работе, способствуют ее успешному выполнению, оформлению отчета и написанию выводов по результатам проделанной работы.

Основная цель рабочей тетради – закрепление основ теоретических знаний и практических умений по изучаемой дисциплине, а также развитие творческих способностей иностранных военнослужащих в процессе обучения.

В разработанной нами рабочей тетради собраны задания различных типов: тематические, текстовые, ситуационные, кроме тестового контроля в рабочих тетрадях используется решение задач. По предложенным данным иностранным военнослужащим необходимо изучить материал, произвести расчет и сделать выводы (рис. 1).

При разработке рабочей тетради по дисциплине «Материаловедение» был учтен принцип наглядности, то есть необходимый учебный материал продемонстри-

УЧЕБНЫЙ ВОПРОС №1
Исследование структур металлов и сплавов

Курсанты работают по парам. Каждая пара исследует три вида образца стали, отчет по лабораторной работе представить в виде таблицы:

Рисунок микроструктуры	Структурные составляющие	Процентное содержание углерода	Твёрдость НВ	Предел прочности при растяжении σ_b	Относительное Удлинение $\delta\%$

Рис. 1. Оформление учебного вопроса № 1 лабораторной работы «Исследование структур металлов и сплавов»

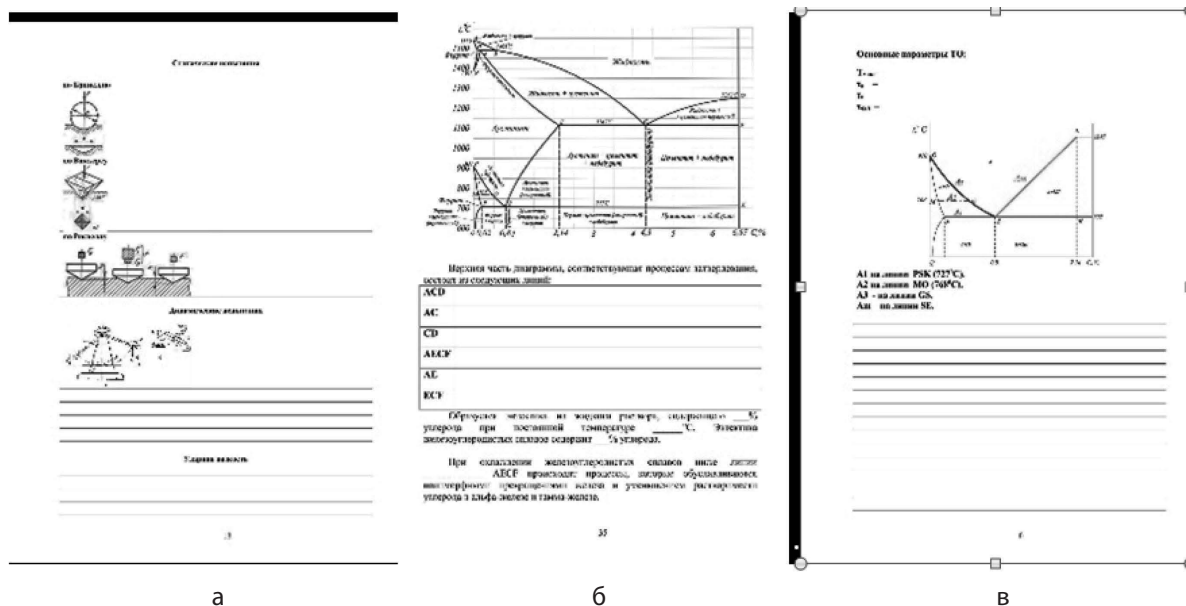

Рис. 2. Пример оформления конспектов по темам:

а – «Механические свойства»; б – «Диаграмма состояния железо-углерод»; в – «Термическая обработка»

рован предельно реалистично с помощью современных графических технологий: обучающимся предложены чертежи, схемы, таблицы, выделены листы для записи конспектов лекций с определенными заготовками в виде определений, рисунков, чертежей, схем (Рис.2). Все это создает условия для повышения эффективности самостоятельной работы обучаемых [14, с. 115].

При выполнении заданий обучающийся вносит необходимую информацию непосредственно в рабочую тетрадь (вписывает, дополняет, отвечает на вопросы, зарисовывает, выстраивает последовательность и т. д.). Некоторые задания сопровождаются рисунками. (Рис. 3)

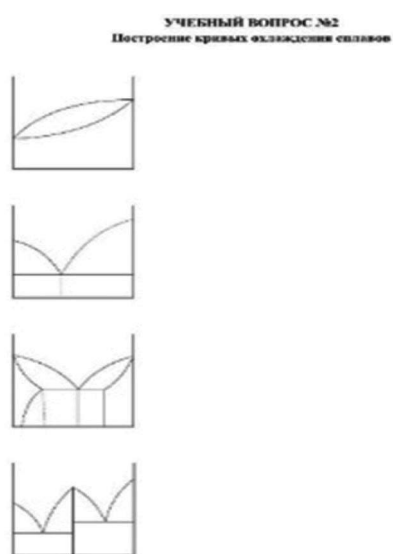

Рис. 3. Шаблон для выполнения задания практического занятия «Диаграммы состояния двухкомпонентных систем»

Использование рабочей тетради позволяет сэкономить учебное время, закрепить изученный ранее материал, осуществить текущий контроль знаний иностранных военнослужащих.

Задания, предложенные в рабочей тетради, рассчитаны на краткие и емкие ответы или поиск ответов из предложенных вариантов, что дает возможность иностранным учащимся избежать большого объема механической работы. Своевременно заполненная курсантом рабочая тетрадь (с необходимыми уточнениями и исправлениями) является своеобразным конспектом для повторения изученного материала. Такой конспект имеет большую ценность, поскольку в значительной степени готовится самим учащимся.

Рабочая тетрадь, разработанная по дисциплине «Материаловедение», применяется на разных этапах учебного занятия. Работа с такой тетрадью дает преподавателю возможность установить «обратную связь» с учащимся, проверить эффективность работы, проделанной курсантом в течение определенного времени. При этом контроль может осуществляться педагогом как индивидуально, так и одновременно всей группой.

В свою очередь, заполнение рабочей тетради требует от иностранных учащихся активизация мыслительной деятельности, что помогает им более качественно подготовиться к промежуточному контролю, а также развить такое профессиональное и личностно-значимое качество как самостоятельность. Следует отметить, что курсанты-инофоны, используя рабочую тетрадь, могут проводить самоконтроль в любое удобное для них время.

Для проведения педагогического эксперимента

нами была выбрана группа курсантов из Лаосской Народно-Демократической Республики. Для преподавателей-практиков работа с таким контингентом учащихся «представляет собой педагогическую задачу повышенной сложности. В первую очередь, это связано с тем, что учащиеся из Лаоса медленнее осваивают русский язык, поскольку являются носителями языков тайской группы. Помимо генетических и типологических различий родного и изучаемого языков, трудности в работе с обучающимися из Лаоса связаны еще и с тем, что в этих группах нередко обнаруживается недостаточная подготовленность курсантов к образовательной деятельности в российском высшем учебном заведении технического профиля, в частности отсутствие необходимого общекультурного кругозора (не слышали имен Леонардо да Винчи, Шекспира, Дарвина, Ньютона и др.), а также ограниченность довузовских знаний по естественно-научным предметам, терминология которых осваивается на занятиях по РКИ уже на подготовительном курсе» [15, с. 130].

В рамках педагогического эксперимента, направленного на выявление эффективности использования рабочей тетради иностранными военнослужащими, было проведено контрольное тестирование. Результаты тестирования показали, что 27% обучающихся из стран дальнего зарубежья усвоили материал на «отлично», 36% – на «хорошо» и 37% – на «удовлетворительно». Похожие результаты – в группах с более высоким уровнем знаний русского языка у курсантов из стран ближнего зарубежья. В группе учащихся из Узбекистана результат тестирования показал, что 40% иностранных военнослужащих усвоили материал на «отлично», 35% – «хорошо», 25% – «удовлетворительно». В группе курсантов из Казахстана результаты аналогичны: «отлично» – 44%, «хорошо» – 36%, «удовлетворительно» – 20%.

По окончании эксперимента среди лаосских курсантов был проведен опрос о целесообразности дальнейшего использования рабочей тетради. Результаты опроса показали, что 65% респондентов были заинтересованы в изучении дисциплины «Материаловедение» с использованием рабочей тетради. Следовательно, использование такой тетради в группах иностранных военнослужащих способствует повышению уровня их зна-

ний (по определенной дисциплине) и познавательной активности в целом.

Самостоятельная работа, являясь важной составляющей образовательного процесса военного вуза, представляет собой активную познавательную деятельность, направленную на достижение определенных дидактических целей и включающую выполнение учащимися ряда заданий в специально отведенное для этого время. Такие задания, как правило, направлены на поиск необходимых знаний, их осмысление и закрепление. Этого можно достичь, используя рабочую тетрадь.

В ходе педагогического эксперимента, проведенного в Краснодарском высшем военном авиационном училище летчиков в группе военнослужащих 1 курса из Лаосской Народно-Демократической Республики, была установлена эффективность использования рабочей тетради по дисциплине «Материаловедение». Это проявилось в следующем:

- более прочное усвоение курсантами теоретического материала, в том числе благодаря использованию графической информации (схем, таблиц, рисунков);
- развитие мыслительных навыков и умений у иностранных военнослужащих;
- самостоятельность в работе учащихся-инофонов;
- отсутствие необходимости записи домашнего задания (на самостоятельную работу) (уже зафиксировано в тетради);
- оперативное внесение преподавателями изменений в рабочую тетрадь по мере необходимости.

Отметим, что разработка и использование рабочей тетради в образовательном процессе военного вуза является современным требованием к организации учебной деятельности. Рабочую тетрадь можно рассматривать и как средство индивидуализации обучения, поскольку задания, выполняемые учащимися индивидуально, способствуют их умению оценивать свои способности, проявлять самостоятельность, инициативность, реализовывать личностный потенциал и в целом формировать познавательный интерес к изучаемой дисциплине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муллинова О.А., Муллинова Т.А., Воробьев А.Е. Особенности адаптации иностранных курсантов в условиях поликультурной образовательной среды военного вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (166). С. 92–97.
2. Фурсина, А.Б. Методические приемы графической информации при проведении практического занятия по дисциплине «Материаловедение» / А.Б. Фурсина // Образовательные технологии (г. Москва). – 2018. – № 1. – С. 118–124. – EDN LANUZF.
3. Приказ Министра обороны РФ от 30 мая 2022 г. № 308 «Об организации образовательной деятельности в федеральных государственных организациях, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404833517/> (дата обращения: 15.07.2023).
4. Шаталова Н.П., Томилин А.Н. О некоторых инновационных формах организации самостоятельной деятельности студентов при конструктивном обучении

- // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 113 (09) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-innovatsionnyh-formah-organizatsii-samostoyatelnoy-deyatelnosti-studentov-pri-konstruktivnom-obuchenii> (дата обращения: 03.07.2023).
5. Щербакова, Е.В. Способы активизации познавательной самостоятельности студентов по педагогическим дисциплинам / Е.В. Щербакова // Вестник педагогических наук. – 2022. – № 8. – С. 211–216. – EDN RAOAQJ.
 6. Голобокова Г.И. Рабочая тетрадь как многофункциональное дидактическое средство в системе самостоятельной работы студентов. автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2012. 26 с.
 7. Малышев Б.В., Воронцов А.А. Рабочая тетрадь как дидактическое средство обучения // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 3–1. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=14731> (дата обращения: 13.12.2023).
 8. Щеткин Б.Н Рабочая тетрадь как одно из эффективных средств организации самостоятельной работы студентов // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 1. – С. 89–90; URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=6366> (дата обращения: 13.12.2023)
 9. ГОСТ 7.60–2003. Издания. Основные виды. Термины и определения. М.: 2003. 38 с.
 10. Белорусова Е.В. Рабочая тетрадь по дисциплине – средство развития познавательной активности и организации самостоятельной работы студентов // Педагогика: традиции и инновации: материалы V Международной научной конференции (Челябинск, июнь 2014 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2014. – С. 106–108.
 11. Светлова Т. Рабочая тетрадь как средство активизации самостоятельности обучающихся в организации среднего профессионального образования // материалы XV международной научно-практической конференции (Прага, 17 июня 2016 г.). – Прага.: World Press, 2016. – С. 134–137.
 12. Суханова Е.И. Разработка и использование комплекса рабочих тетрадей по дисциплине «Теория вероятностей и математическая статистика» // Фундаментальные исследования. 2013. № 10–10. С. 2300–2304.
 13. Рабочая тетрадь как средство реализации преемственности в проектировании и организации производственной практики студентов педвуза (бакалавриат физико-математического факультета) [Текст]: кол. монография / И.С. Карасова, М.В. Потапова, М.Д. Даммер, Е.А. Леонова, Е.А. Селезнева; Под ред. М.В. Потаповой. – Челябинск: Цицеро, 2017. – 150 с.
 14. Муллинова О.А., Муллинова Т.А. Использование аудиовизуальных средств на занятиях по русскому языку как иностранному // Yearbook of Eastern European Studies. 2015. № 5. С. 144–147.
 15. Кондрашова О.В., Шельдешова И.В. Проблемы адаптации текстовых материалов при обучении русскому языку как иностранному лаосских курсантов военно-технического вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 4 (96). С. 129–135.

© Фурсина Ангелина Борисовна (fursina74@mail.ru), Кооль Ольга Александровна (o.a.kool@mail.ru),
Муллинова Татьяна Александровна (t.a.mullinova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ УЧИТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Хаджимурадова Алят Вахитовна

аспирант ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г. Грозный)
alisavetta_l@mail.ru

TRANSFORMATION OF TEACHER FUNCTIONS IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL SOCIETY: ANALYSIS OF THE STATE OF THE PROBLEM

A. Khadzhimuradova

Summary: This article reveals the current state of the problem of digital transformation of life activity and its impact on personality in modern education. The article analyzes the publications that have caused special interest in the researched area, reflecting the changes occurring in the educational process, their impact on the functions of a teacher and the interaction between a teacher and students. Based on the analysis of the literature, current trends in the problems of modern education have been identified, which allows us to identify the main directions for further research.

Keywords: functions of a teacher, digital competence of a teacher, digital educational environment, digital transformation of education, digitalization of education, information culture, digital literacy, media literacy.

Аннотация: В данной статье раскрывается состояние актуальной в современном образовании проблемы цифровой трансформации жизнедеятельности и ее влияния на личность. В статье анализируются публикации, вызвавшие особый интерес в исследуемой области, отражающие изменения, происходящие в образовательном процессе, их влияние на функции педагога и взаимодействие между педагогом и обучающимися. На основании анализа литературы выявлены актуальные направления в проблематике современного образования, что позволяет выделить основные направления для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: функции педагога, цифровая компетентность, цифровая образовательная среда, цифровая трансформация образования, цифровизация образования, информационная культура, цифровая грамотность, медиаграмотность.

Последние десятилетия в развитии человеческого общества отличаются стремительными изменениями в информационном пространстве. Рост объемов информации, доступности информационных ресурсов, развитие инноваций, технологическая эволюция и повсеместная цифровизация оказывают влияние на все сферы жизни общества. Важным этапом в условиях цифровой трансформации стал период пандемии, когда необходимость получения цифровых услуг, не выходя из дома, осветила многие существующие проблемы информационного развития общества. Внедрение новых цифровых технологий, появление нейросетей, искусственного интеллекта, постоянное обновление актуальной информации требуют от современного общества отслеживания текущих тенденций, активного включения в процесс изменений происходящего, а также определенного уровня информационной культуры.

В эпоху цифровизации и глобализации становится неизбежным процесс цифровой трансформации образования. Цифровизация позволяет сделать образовательный процесс гибким, актуальным, способствующим развитию личности конкурентоспособных специалистов в цифровую эпоху. Происходящие изменения оказывают сильное влияние на роли, обязанности и мировоззрение в целом каждого из субъектов образователь-

ного процесса. На педагогов в таких условиях ложится определенная ответственность по развитию цифровой компетентности обучающихся. Однако само педагогическое сообщество часто отстает от своих учеников по уровню владения информационными технологиями. То поколение, с которым необходимо работать учителю – так называемые цифровые аборигены – с ранних лет приспособленные к цифровой среде, они привыкли получать информацию быстро, но несистемно, и часто не готовы к ее использованию. Учителя, в свою очередь, в цифровом мире являются «иммигрантами», однако вынуждены обучать цифровое поколение с учетом его потребностей. Вследствие данных процессов необходимо менять подходы к подготовке и переподготовке учителей для развития их профессиональных компетенций, которые позволят применять информационные технологии в образовательном процессе более эффективно. В связи с этим возникает потребность рассмотреть, каким образом представлена в научной литературе проблема изменения функций учителя в условиях информационного общества.

Исследованию проблем и изменений в системе образования в условиях цифровизации посвятили свои работы такие авторы, как Агеев Н.В., Барашкина Е.А., Масленкова Н.А. (2018), Аксёнов С.И., Арифудинова Р.У., Кадушченко О.А. и др. (2021), Бермус А.Г. (2021, 2022), Гуляева

М.А. (2021), Камалеева А.Р. (2020), Кокмазов А.В. (2023), Котлярова И.О. (2019), Маздогова З.З., Марьина Н.Н. (2023), Роберт И.В. (2021), Сухомлинова М.А. (2019), Фадеева О.А. (2022), Шибанкова Л.А., Костров Е.Н. (2020) и другие.

Так, актуальным проблемам педагогического образования в эпоху цифровой трансформации посвящено исследование Бермуса А.Г. [9], в котором он выделяет наиболее распространенные проблемы образования эпоху цифровизации. К ним относятся недостаточный уровень медиаграмотности и информационной культуры у педагогов, большая перегруженность педагогов и самих учащихся, риск потери социальной значимости педагога и уменьшение объема «живого» общения между людьми.

В своем исследовании «Трансформация образовательных практик в условиях цифровой среды» Агеенко Н.В., Барашкина Е.А., Масленкова Н.А. [1] пишут об изменениях, случившихся после появления «интернет-поколения», и различиях между представителями цифрового и нецифрового поколений. Эти различия проявляются в том числе и в образовательной сфере, когда представители нецифрового поколения обучают представителей цифровой эпохи. Если в подобном случае педагоги становятся «цифровыми иммигрантами», то есть людьми, перенявшими аспекты цифровой эпохи, образовательная практика может выстраиваться эффективно. Однако в реальности большинство представителей нецифрового поколения противятся образовательным инновациям и не меняют своих подходов к обучению. В исследовании подчеркивается также важность формирования читательской грамотности, как в книжном, так и в цифровом мире. Кроме того, рассматриваются изменения в распределении функций между педагогом и студентом, изменения их типов активности в образовательном процессе. Авторы подчеркивают, что цифровое поколение требует смены образовательных традиций, дисциплинарных парадигм и соответствующих им технологий обучения и носителей информации.

Данные исследования имеют особое значение в рамках нашего исследования, так как подчеркивают актуальные проблемы современного образования в эпоху цифровизации и позволяют выявить основные направления для дальнейшего изучения.

Изменения, происходящие в мире в эпоху цифровизации и глобализации, привели к появлению медиапедагогики, которая является наукой об обучении теории и практике применения современных средств массовой коммуникации, раскрывающей ключевые позиции взаимоотношений личности и информации. Существует ряд исследований в области медиапедагогики, формирования цифровой и медиаграмотности, которые проводили Алимбаева С.К., Сматова К.Б., Мажибаев А.К. (2021), Бондаренко Е.А. (2013), Вдовина И.А. (2017), Воронина Ю.В.

(2019), Гайсина С.В. (2018), Гендина Н.И. (2013, 2017), Гурьянчик В.Н., Макеева Т.В. (2020) и другие.

Н.И. Гендина в своем исследовании «Информационная культура и медиаграмотность в России» [14] описывает деятельность ЮНЕСКО и ИФЛА в сфере подготовки человека к жизни в информационном обществе, а также приводит результаты исследований состояния медиаграмотности в России. Автор приходит к выводу, что теоретическая база информационной подготовки и медиаграмотности в России достаточно обширна, однако при этом развитие данных сфер сосредоточено в основном только в образовательных учреждениях и библиотеках, а в развитии информационной подготовки и медиаобразования в образовательных учреждениях существует параллелизм.

Так, например, анализу проблем медиавосприятия и медиаграмотности посвящена статья Бондаренко Е.А. «Медиаграмотность и информационная культура в современной российской школе» [10]. В данной статье автор приводит свои определения таких понятий, как медиаграмотность и информационная грамотность. Медиаграмотностью автор называет способность понимания, анализа и создания медиатекстов, а информационная грамотность, помимо перечисленного, включает в себя и навыки работы с информацией – от классификации до преобразования в другую форму. Что касается целей формирования медиаграмотности, то здесь автор указывает развитие медиакультуры, либо более широкий процесс формирования информационной культуры. Для достижения этих целей, по мнению автора, целесообразно вводить медиаобразование, однако с этим возникают трудности, так как области, требующие внедрения медиаобразования, постоянно претерпевают изменения. Кроме того, в работе перечисляются индикаторы сформированности медиаграмотности, куда входят как обеспечение информационной безопасности, так и уровень практического освоения медиaprостранства. Автор приходит к выводу, что технологии медиаобразования становятся неотъемлемой частью современной образовательной среды, они заложены и в образовательных предметных стандартах последнего поколения, но при этом стоит учитывать, что педагогические концепции медиаобразования шире узкопрофессиональных.

В контексте нашего исследования данное научное направление представляет особый интерес, так как авторами предприняты попытки дать определения актуальных для нас понятий, а также проведены исследования, на которые можно опираться при формировании модели развития информационной культуры педагога.

В современном высокотехнологичном мире постоянно совершенствуются электронные образовательные ресурсы и технологии. Активное применение электронных образовательных ресурсов в процессе обучения

прописано в образовательных стандартах всех уровней. Исследования в данной области проводят Акользина Е.А. (2013), Бакаева О.А. (2018), Васинова А.Ф., Ярош Д.А., Быстрова Н.В., Ремизова Е.А., Ермолаева Е.Л. (2020), Володин С.М., Дёмкина Н.И., Окунева В.С. (2021), Зинина С.М. (2020), Петрова Н.П., Бондарева Г.А. (2019), Россинская С.А. (2022), Соболева Е.В., Суворова Т.Н., Новоселова С.Ю., Ниматулаев М.М. (2020) и другие.

Преимущества и недостатки использования электронных образовательных ресурсов рассматриваются в исследовании Е.А. Акользиной [3]. К положительным аспектам автором отнесены: интерактивность, удобные возможности для поиска и мультимедийного представления необходимой информации, а также возможность сетевого распространения. К недостаткам в применении электронных образовательных ресурсов отнесены такие проблемы, как: угроза информационной безопасности, дополнительная когнитивная нагрузка на обучающихся, риск отклонения обучающегося от образовательного маршрута, частое нарушение авторских прав, необходимость приобретения соответствующей требованиям техники и, конечно, не всегда достаточный уровень владения навыками работы с электронными ресурсами у педагогических работников. Однако, несмотря на все перечисленные трудности, электронные образовательные ресурсы положительно сказываются на развитии информационных компетенций, самостоятельности, формировании образовательной траектории обучающихся, а также формировании конкурентоспособных кадров на рынке труда.

Галкина А.И., Бурнашева Е.А., Гришан И.А. и Кадырова Э.А. в своей статье «Видовая классификация электронных образовательных ресурсов» [13] называют электронные образовательные ресурсы результатом творчества в области педагогических наук, с чем сложно не согласиться, ведь преподавание различных дисциплин требует разработки и апробации соответствующих технологий и методик.

В аспекте проблематики нашего исследования внимание также привлекают работы, касающиеся моделирования образовательной среды и профессионального развития педагогических кадров. Ряд исследований в данной области проводили Адольф В.А., Степанова И.Ю., Шелковникова О.А. (2018), Ершова М.В. (2023), Иванова Е.С. (2019), Козлов В.Е., Левина Е.Ю., Хусаинова С.В., Шибанкова Л.А. (2019), Кондрахина С.С. (2021), Носова Л.С., Леонова Е.А., Рузаков А.А. (2019), Трегубова Т.М. (2021), Хрулёва А.А. (2016), Шавардова Е.Ю. (2022), Яковлева О.В. (2023).

Например, модели профессионального развития педагогов в условиях цифровой образовательной среды нашли отражение в работе Трегубовой Т.М. [28]. В исследовании раскрывается проблема модернизации систе-

мы профессионального развития педагогов, на которую оказали влияние требования процессов глобализации, среди которых необходимость постоянно совершенствовать свои профессиональные навыки и повышать квалификацию. Автор на основе бенчмаркинга проводит компаративные исследования существующих отечественных и зарубежных моделей профессионального развития преподавателей вузов. По результатам проведенного исследования автор предлагает три основные модели профессионального развития педагога.

В своей статье «Моделирование образовательной среды заведения высшего образования» Шавардова Е.Ю. [29] рассуждает о проблемах моделирования образовательной среды университета. Образовательная среда определена структурой, влияющей на профессионально-личностное развитие педагога и готовящей педагога к его непосредственной деятельности. По мнению автора, вся система образования нуждается в совершенствовании и реформировании в соответствии с современными стандартами и требованиями времени.

Последняя проблема особенно актуальна, и в этой связи в педагогике проводятся исследования о формировании образовательной среды, в частности цифровой образовательной среды. Данная тема нашла отражение в работах Дронова В.В. (2019), Корнеева А.А. (2022), Королевой Н.Ю., Рыжовой Н.И., Трубиной И.И. (2018), Поддубы С.Г., Осиповой О.П. (2022), Сергеевой М.Г., Каравановой Л.Ж. (2019) и других.

Так, Дронов В.В. в исследовании «Педагогические условия электронной информационно-образовательной среды вуза в контексте цифровой трансформации образования» [17] проводит анализ структуры электронной информационно-образовательной среды вуза, определяет требования к ней в условиях цифровизации образовательного процесса, а также рассматривает проблему новых функциональных требований к электронной информационно-образовательной среде и необходимости развития цифровой компетентности всех участников процесса обучения. По мнению автора, сегодня электронная информационно-образовательная среда регламентирована, однако в нынешних условиях имеют место и другие требования к ее функционированию.

В работе Поддубы С.Г. и Осиповой О.П. «Цифровая образовательная среда как стратегический ресурс профессионального развития педагогических работников» [27] авторы пишут, что потенциал цифровой образовательной среды реализуется через активизацию профессиональной деятельности педагогов и работы профессиональных (методических) объединений, а стратегия применения цифровых ресурсов рассматривается с позиции обеспечения качества образовательного процесса и результатов образовательной деятельности субъ-

ектами образовательного процесса. При этом процесс цифровизации не должен стать самоцелью внутренних изменений, проводимых в образовательной организации. Он необходим для повышения качества образовательной деятельности педагогов, учащихся и управленцев, а также развития образовательной организации в текущих реалиях.

Особое значение в тематике трансформации функций педагога в условиях цифровизации приобретает разработка эффективных путей профессионально-личностного развития педагога. Данную тему в своих исследованиях рассматривали Демина Е.Э., Жаравина Ю.А. (2022), Жолован С.В., Коробкова Е.Н. (2019), Ильина Н.Ф., Ильин А.С., Хохлова Е.Э. (2020), Колыхматов В.И. (2019), Комарова Э.П., Мышовская Л.П., Колосов А.И. (2020), Лавринова И.И. (2021), Ли Яцзюань (2021), Маркова С.В., Маркова Ю.С., Карамышева О.И. (2022), Мартынова Т.Н., Пфетцер А.А. (2022) и другие.

Вопросы профессионального развития педагога в условиях цифровой трансформации нашли отражение в работе Ильиной Н.Ф., Ильина А.С., Хохловой Е.Э. [19]. Авторы представили исследование, связанное с поиском новых возможностей поддержки педагога в профессиональном развитии в условиях цифровизации, с учетом целостного представления о его профессиональной деятельности. Процесс профессионального развития актуализирует потенциал педагога и обеспечивает обретение им опыта решения проблем собственной профессиональной деятельности. Результаты проведенного исследования доказывают, что системный подход к педагогической деятельности позволяет осуществлять поддержку педагога в его профессиональном развитии в условиях цифровой трансформации как плановую, стратегическую работу по совершенствованию его компетенций. С позиции управления профессиональным развитием в условиях цифровой трансформации совместно с педагогом авторы предлагают перепроектировать образовательную систему, настроить ее с учетом новых условий, помочь педагогу преобразовать опыт, преодолеть кризис, характеризующийся динамичной профессиональной ситуацией, связанный с изменением его позиции и условий профессиональной деятельности.

В своей статье «Профессиональное развитие педагога в условиях цифровизации образования» В.И. Колыхматов [24] описывает основные направления развития педагога в современных условиях, а также изменения, необходимые системе непрерывного педагогического образования. Среди необходимых компетенций педагога автор выделяет системные знания и навыки, овладение цифровым контентом, развитие цифровой культуры, которая позволит применять на уроках новые цифровые технологии. Нынешнему образованию в целом необходимо уделить внимание разработке цифрового контента

при подготовке учителя. А для качественной подготовки педагога необходимо постоянное развитие системы непрерывного педагогического образования, которая должна включать в себя не только формирование навыков владения персональным компьютером, но также и формирование компетенций в области применения информационно-коммуникационных сетей, использования облачных сервисов, создания интерактивных моделей онлайн-обучения и внедрения онлайн-курсов в образовательные программы. Автором также подчеркиваются меняющиеся роли современного педагога – от модератора и тьютора до ментора стартапов и игромастера.

Сфера компетентности современного педагога получила освещение в ряде научных исследований: Алипхановой Ф.Н., Алиевой Р.Р. (2019), Бороненко Т.А., Федотовой В.С. (2021), Вотиновой К.Г., Гаспаровича Е. (2022), Колыхматова В.И. (2018), Одинокой М.А. (2019), Переславцевой Л.И., Киреевой О.А. (2019), Плотникова А.В., Плотниковой Г.Г. (2020), Пучковской Т.О. (2020), Россинской С.А. (2022) и других.

Исследование, представленное в статье «О роли компетенций учителей и преподавателей при создании кадрового резерва в условиях цифровизации системы профессионального самоопределения», провели Вотинова К.Г. и Гаспарович Е.О. [12]. В своей работе авторы подчеркивают, что роль компетенций педагогов очень важна в профессиональном самоопределении обучающихся, так как именно учителя и преподаватели занимаются формированием личности и подготовкой профессионалов. Сегодня становится заметным значительное преобладание специалистов с хорошим уровнем специальных знаний, но недостаточными навыками, необходимыми для профориентации школьников и их трудовой мотивации. Для решения озвученной проблемы авторы предлагают применять в дополнительных образовательных программах коучинг-технологии, что благоприятно скажется на развитии педагогической компетентности.

Исследование Т.А. Бороненко, В.С. Федотовой посвящено цифровой компетентности педагогов в условиях цифровизации образовательной среды школы [11]. Авторы подчеркивают важность проблемы цифровой компетентности педагогов, формирование которой возможно как при профессиональной подготовке будущих педагогов в вузах, так и при реализации дополнительных образовательных программ для уже действующих педагогов. В своем исследовании авторы изучают уровень сформированности цифровой компетентности будущих и действующих педагогов на основе проведенного анкетирования и приходят к выводу, что многие аспекты подготовки педагогов требуют разработки, например: организация онлайн-коммуникации, обратной связи с использованием цифровых технологий, организация самостоятельной и групповой работы с применением

цифровых сервисов. При этом авторами также отмечается заинтересованность педагогов в развитии своей цифровой грамотности.

Активный массовый переход в цифровое образовательное пространство не может не сказываться на функциях педагога. О роли педагога в условиях цифровизации писали следующие авторы: Батракова И.С., Глубокова Е.Н., Писарева С.А., Тряпицына А.П. (2021), Белевитин В.А., Гафарова Е.А. (2022), Борисова Е.В. (2020), Гараева Е.А. (2023), Грунис М.Л. (2022), Жаворонко Е.С., Ниязова А.А. (2022), Илалтдинова Е.Ю., Фролова С.В. (2019), Павлова Т.Б. (2021), Прияткина Н.Ю. (2019), Руднева Т.И. (2021), Сергеева М.Г., Караванова Л.Ж. (2019), Сергеев А.Н., Чандра М.Ю. (2020), Сеткова И.Н., Лукина А.К., Волкова М.А. (2021), Танцура Т.А. (2021), Шульга И.И. (2022) и другие.

И.И. Шульга в своей статье «Особенности профессиональной деятельности учителя в условиях цифровой трансформации образования» [31] приводит главную задачу учителя в цифровом мире, на сущности которой сходятся все современные исследователи, – научить учиться. Автор отмечает, что современная педагогическая практика среди особенностей профессиональной деятельности педагога выделяет педагогический коучинг (управление мотивацией), педагогический дизайн (конструирование собственной образовательной программы), педагогическая режиссура (создание сценария образовательного события), персональный тьюторинг (оказание педагогической помощи) и педагогическая анимация (поддержка интереса включенности).

Изменение характера профессиональной деятельности касается педагогов всех уровней образования. В частности, роль преподавателя вуза рассматривается в работе Батраковой И.С., Глубоковой Е.Н., Писаревой С.А., Тряпицыной А.П. «Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования» [8]. Данная тема особенно актуальна, так как наблюдения демонстрируют ментальную неготовность большинства педагогов к изменениям форм и содержания педагогической деятельности. Авторы подчеркивают значимость ценностного отношения преподавателя к изменениям, от которого зависит их продуктивность в современных реалиях высшего образования. Преподаватели в своей деятельности сталкиваются с рядом трудностей, среди которых: организация самостоятельной работы студентов, коммуникации с ними, а также проектирование образовательных программ. Для решения упомянутых проблем необходимо совершенствовать программы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, включив подготовку педагогов к изменениям, связанным с необходимостью осуществления профессиональной деятельности в цифровой образовательной среде, и применению новых педагогических технологий.

Анализ литературы по данному направлению позволяет сделать вывод о том, что в условиях цифровизации образования педагогу важно осваивать и применять не только цифровые технологии, но также совершенствовать свои педагогические методы, делая процесс обучения для учащихся более интересным и развивая у них при этом необходимые в современном мире компетенции (гибкие и метанавыки).

С изменением роли педагога в цифровой образовательной среде меняются и подходы к подготовке будущих педагогов. Исследования в данной области проводили Басюк В.С. (2022), Бобыкина И.А., Абрамова Е.Н. (2021), Годжиев Г.Т., Воробьева И.Н. (2019), Гончарова М.С. (2021), Ершова М.В. (2022), Жаворонко Е.С., Ниязова А.А. (2022), Козлов О.А., Полякова В.А. (2014), Коханова В.А., Канунникова И.А. (2021), Крутиков М.А. (2020), Ломовцева Н.В., Заречнева К.М. (2020), Морозов А.В. (2019), Салаватулина Л.Р., Богачев А.Н. (2022), Саяпин Н.В. (2019), Соболева Е.В., Суворова Т.Н., Новоселова С.Ю., Ниматулаев М.М. (2020) и другие.

В.С. Басюк в своей работе «Современные тенденции подготовки педагогов в условиях быстро меняющихся социальных вызовов» [7] провел масштабное исследование подготовки кадров для системы образования в современных социальных условиях. В статье рассматриваются важные прогнозы личностного развития будущего учителя, формирования его внутренней позиции личности, основных профессиональных компетенций в ходе обучения в вузе, а также проблемы формирования личностных результатов высшего образования. В качестве основных тенденций обеспечения современных подходов к организации системы подготовки педагогов предлагаются обеспечение единых подходов к психолого-педагогической, методической и предметной составляющим обучения, к процессу воспитания и результатам формирования личности; совершенствование системы оценки качества подготовки учителей и другие. Кроме того, в статье анализируется возможность изменения вариантов образовательных траекторий подготовки педагогов. Еще одним пунктом, рассмотренным автором в исследовании, является необходимость совершенствования системы подготовки педагогов в связи с происходящими во всех социальных сферах изменениями. В частности, предлагается практическое освоение будущими педагогами цифровых форматов и сервисов посредством освоения содержания программы в смешанном формате.

Происходящие в цифровом мире изменения безусловно влияют не только на педагогов, но и на специалистов всех уровней. Вопросам управления и сопровождения педагогических работников в условиях цифровой среды посвящены работы Кондрахиной С.С. (2021), Кочергиной О.А., Лиханова В.И. (2021), Куликовой С.С., Яковлевой О.В. (2022), Осиповой О.П., Шклярской

О.А. (2020), Сергеевой М.Г. (2020) и других. Анализ существующих исследований в данной области показал, что единого мнения о необходимых современному руководителю качествах и компетенциях не существует.

О.А. Кочергина, В.И. Лиханов в своей работе «Современный руководитель школы в условиях цифровизации образования» [26] рассматривают вопросы управления образовательной организацией в условиях цифровизации, считая, что внедрение цифровых технологий способствует формированию новой культуры управления, изменению подходов к процессам менеджмента, принятию и реализации управленческих решений. Авторы утверждают, что процесс цифровизации повышает прозрачность деятельности руководителя, что приводит к изменению принципов и методов менеджмента. Современному руководителю школы необходимо способствовать эффективному взаимодействию всех участников образовательного процесса и контролировать работу практикующих специалистов для получения положительных результатов их деятельности. Цифровые технологии в данном случае способствуют не только четкому администрированию, но и продуктивной коммуникации между участниками педагогического процесса.

Таким образом, современный руководитель образовательной организации должен обладать информационными, лидерскими и коммуникативными компетенциями, уметь решать сложные профессиональные задачи и видеть перспективу развития образовательной организации в ситуации неопределенности, а также быть готовым внедрять инновационные технологии в процесс управления, опираясь на достижения науки и практики.

В условиях цифровизации образования важную роль играет развитие информационной культуры специалиста. Исследования в данной области проводили Вдовина И.А. (2017), Гендина Н.И. (2013, 2018), Груздева М.Л., Туконова Н.И. (2015), Клепиков В.Б., Пономарева Е.И. (2018), Козлов О.А., Ундозерова А.Н. (2017), Переславцева Л.И. (2017), Пчелкина М.Е. (2017), Саяпин Н.В. (2019), Хазратов Ф.Х. (2020), Хрулёва А.А. (2016, 2017), Цилина Е.А., Мохова И.Н. (2014) и другие.

В данных исследованиях прослеживается мнение о необходимости владения преподавателем информационной культурой, так как такой педагог способен к формированию методического обеспечения дисциплин нового поколения и его эффективному использованию в учебном процессе.

В своей работе «Формирование информационной культуры современного педагога средствами применения видеосервисов в его профессиональной деятельности» Клепиков В.Б., Пономарева Е.И. [23] дают следующее определение термину «информационная

культура»: «умение работать с информацией, направленное на построение и развитие системы информационного общения людей, формирование информационной сферы их жизнедеятельности» [23, с. 11]. Авторы предлагают разработку электронных образовательных продуктов с помощью видеосервисов, что позволит повысить цифровую компетентность педагога и расширить его возможности в информационно-образовательной среде.

Логико-смысловую модель развития информационной культуры педагога общеобразовательной организации предлагают В.А. Адольф, И.Ю. Степанова и О.А. Шелковникова [2]. Авторы считают, что просматривается устойчивая тенденция включения педагогов в организацию информационной деятельности обучающихся и их стремление к разнообразному и разноплановому использованию средств информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе с целью обеспечения его результативности.

У исследований подготовки педагогов в условиях цифровой среды к настоящему времени определилось еще одно направление, а именно предметная подготовка учителя. Данному направлению в педагогике посвящены исследования Бажуковой Е.Н. (2021), Годжиева Г.Т., Воробьевой И.Н. (2019), Гончаровой М.С. (2021), Гришечко А.В. (2017), Исаева М.И. (2019), Каримова О.И. (2020), Кохановой В.А., Канунниковой И.А. (2021), Мирзоева М.С. (2015), Розиной О.В. (2013), Саяпина Н.В. (2019), Титовой С.В. (2022) и других.

Подготовка учителя-словесника к работе в цифровой образовательной среде нашла отражение в статье Кохановой В.А. и Канунниковой И.А. [25]. Авторы уделяют особое внимание проблеме методической подготовки в педагогическом вузе. Согласно их мнению, при подготовке будущих учителей необходимо вводить дополнительные курсы, которые позволят сформировать необходимые профессиональные компетенции в области применения цифровых образовательных ресурсов, в том числе и обязательных в нынешней системе общего образования.

Подготовке преподавателя музыки посвящены исследования Бажуковой Е.Н. [6] и Гончаровой М.С. [15]. Бажукова Е.Н. представляет результат эксперимента по введению в образовательную деятельность педагогов-музыкантов дисциплины «Музыкальная информатика» и методики ее преподавания при подготовке педагогов-музыкантов.

М.С. Гончарова в своем исследовании рассматривает применение мобильных технологий в процессе дополнительного профессионального образования педагогов-музыкантов. Сегодня, когда процесс обучения претерпел серьезные изменения, изменилась и деятельность преподавателя музыки. Теперь преподавательская деятель-

ность заключается не только во взаимодействии учителя и ученика, она включает в себя и взаимодействие с цифровыми музыкально-компьютерными технологиями.

Исследование М.И. Исаева [20] подчеркивает важность развития инновационной культуры у учителей информатики. По мнению автора, инновационная культура учителя информатики заключается в интегративном профессионально-личностном образовании, объединяющем готовность учителя к введению новшеств и инноваций в практику образовательной деятельности, опережающее обучение и внедрение инновационных технологий. Отсутствие инновационной культуры в обществе может повлечь за собой некоторые проблемы, в частности отставание России от других стран в сфере образования.

Дети с ограниченными возможностями здоровья требуют особых подходов в обучении. Данная тема затрагивается в исследованиях Ермоловой Т.В., Савицкой Н.В., Дедовой О.В., Гузовой А.В. (2022) и Шумиловой Е.А., Журавлевой Е.Ю., Никитиной Е.Ю. (2022).

Распространенная проблема обучения детей с особыми адаптивными возможностями – это проблема равного доступа к образованию. Этой проблеме и, в частности, иноязычному образованию посвящена статья «Исследование возможностей применения иммерсивного опыта изучения иностранного (английского) языка в мирах виртуальной реальности детьми с ограниченными возможностями здоровья» Ермоловой Т.В., Савицкой Н.В., Дедовой О.В., Гузовой А.В. [18]. Авторы пришли к выводу, что одним из педагогических инструментов педагогов при обучении детей с ограниченными возможностями здоровья могут быть нейротехнологии, например, технологии виртуальной реальности, которые при соблюдении необходимых психолого-педагогических условий доказали свою эффективность при обучении и здоровых детей, и детей с ограниченными возможностями здоровья.

При всей доказанной эффективности применения цифровых технологий существует серьезная проблема их массового внедрения. Об этом в своей статье «Готовность инклюзивного педагога к профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации» пишут Шумилова Е.А., Журавлева Е.Ю. и Никитина Е.Ю. [32]. Исследование посвящено развитию цифровых компетенций педагогов в инклюзивной образовательной среде. Авторы предлагают методику эмпирического исследования цифровых компетенций у инклюзивных педагогов «Цифровой профиль инклюзивного педагога», апробированную в 2021 году и представляющую собой опрос, в котором приняли участие более 260 человек. Результаты исследования показали недостаток владения цифровыми компетенциями у инклюзивных педагогов и недостаточное применение цифровых технологий при решении коррекционно-педагогических задач для повышения ка-

чества инклюзивного образования.

Вопросам смешанного и дистанционного обучения посвящены исследования Вильданова И.Э. (2020), Володина С.М., Дёмкиной Н.И., Окунева В.С. (2021), Даутовой О.Б., Игнатъевой Е.Ю., Шиловой О.Н. (2020), Сетковой И.Н., Лукиной А.К., Волковой М.А. (2021), Фадеевой О.А. (2022) и других.

В настоящее время в эпоху цифровизации все сферы жизни претерпевают изменения благодаря внедрению цифровых инструментов: нейросети, искусственный интеллект и другое. Сфера образования не является исключением, однако применение искусственного интеллекта в образовании изучено недостаточно. Исследования в данной области проводились в работах Аликиной Ю.Д. и Донгаузера Е.В. (2020), Исламгереевой Я.С. и Мерзликиной И.В. (2022), Шобонова Н.А., Булаевой М.Н. и Зиновьевой С.А. (2023) и других.

В работе «Массовый формат смешанного обучения как движение к цифровой трансформации образования» Даутовой О.Б., Игнатъевой Е.Ю., Шиловой О.Н. [16] обобщен опыт массового перехода на дистанционное обучение во время пандемии, анализируются основные трудности и противоречия, возникшие в тот период, рассматривается специфика функций педагога в смешанном обучении.

В статье «Внедрение искусственного интеллекта в образовательную среду» Ю.Д. Аликина и Е.В. Донгаузер [4] рассматривают потенциал применения ИИ в образовательном процессе, в частности с целью персонализации обучения. Авторы считают, что искусственный интеллект позволяет адаптировать уроки под индивидуальные особенности обучающихся, выстраивая образовательные маршруты под каждого обучающегося и тем самым облегчая процесс обучения. Традиционный формат подачи информации с характерной стандартизацией, «убивающей» индивидуальность каждого обучающегося, сменится применением нейросетей, которые часто предлагают уникальные решения, невозможные только человеческим мышлением. Кроме того, в статье рассматриваются изменения функций учителя в новых реалиях: широкое применение современных технологий не может не вносить свои коррективы.

Шобонов Н.А., Булаева М.Н., Зиновьева С.А. в статье «Искусственный интеллект в образовании» [30] также рассматривают вопросы персонализации обучения. Искусственный интеллект позволяет выявлять слабые стороны успеваемости обучающихся по тем или иным предметам и, проанализировав текущую ситуацию, выделить моменты образовательного процесса, где обучающемуся нужна дополнительная помощь, а также определить

объем этой помощи. Искусственный интеллект позволяет решить вопрос мотивации учащихся, так как учитывает их интересы и предлагает соответствующие программы и курсы. Этими же способами решается и проблема профориентации. Кроме того, искусственный интеллект позволяет контролировать самостоятельность выполнения заданий в период дистанционного обучения. В статье также рассмотрены и другие основные направления применения искусственного интеллекта в образовании, к ним относятся: автоматизация рутинных задач, создание образовательных приложений и специализированного контента для обучающихся, сбор и анализ больших массивов данных, получение общей картины ситуации, а также прогноз ее дальнейшего развития.

В целом, авторы исследований в области применения искусственного интеллекта в образовании приходят к выводу, что внедрение искусственного интеллекта – это не только неизбежный процесс, но и необходимый в современных реалиях.

Для формирования целостной картины состояния педагогической науки в эпоху цифровизации необходимо обобщать опыт других стран. Национальные особенности в сфере образования нашли отражение в работах Алимбаевой С.К., Сматовой К.Б., Мажимаева А.К. (2021), Гендиной Н.И. (2017), Кац А.С. (2021, 2023), Сыды В., Осиповой О.П. (2022) и других.

Уже упомянутую в нашем исследовании проблему развития медиапедагогика, но применительно к школам Казахстана рассматривают Алимбаева С.К., Сматова К.Б., Мажимаева А.К. [5]. Авторы представили результаты проведенного с участием более 16000 человек социологического опроса о процессах развития медиаобразования в общеобразовательных учреждениях Казахстана. По результатам исследования авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшего развития медиаобразования, обеспечения кибербезопасности обучающихся и использования цифровых образовательных ресурсов для их дальнейшей профессиональной самореализации.

Ряд исследований А.С. Кац посвящен проблемам профессионального развития преподавателей вузов в Канаде [21], Китае и Японии [22]. Три компонента составляют систему профессионального развития в Канаде: возможность обучения на рабочем месте, постоянное психолого-педагогическое сопровождение педагога, а также создание сети поддержки педагогов. Системы профессионального развития педагогов стран Азии основаны на едином алгоритме «взращивания» педагогов, приоритетом становится развитие человека, его потенциальных способностей и профессиональных характеристик. Кроме того, автор подчеркивает важность изучения зарубежного опыта, так как это позволит перенять успешные педагогические практики и адаптировать их под отечественные реалии образования.

Заключение

В результате проведенного анализа литературы по теме «Трансформация функций педагога в условиях цифровой образовательной среды» нам удалось выявить актуальные проблемы современного образования в эпоху цифровизации. В условиях цифровой образовательной среды педагогу важно применять не только цифровые технологии, но также совершенствовать свои педагогические методы для повышения мотивации обучающихся, а основная задача педагога в условиях цифровизации – «научить учиться». При этом одной из главных проблем образования остается недостаточный уровень владения цифровыми ресурсами у педагогов, а также их ментальная неготовность к изменениям, связанным с необходимостью осуществления профессиональной деятельности в цифровой образовательной среде. Для того, чтобы решить данные проблемы необходимо совершенствовать систему подготовки будущих педагогов, внедряя в процесс их обучения новые технологии, в том числе посредством освоения содержания программы в смешанном формате. Однако, несмотря на тотальную цифровизацию всех сфер деятельности человека, проблема цифровой трансформации изучена недостаточно, что еще раз доказывает актуальность исследований в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Н.В., Барашкина Е.А., Масленкова Н.А. Трансформация образовательных практик в условиях цифровой среды // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2018. № 4 (40). С. 34–43.
2. Адольф В.А., Степанова И.Ю., Шелковникова О.А. Логико-смысловая модель развития информационной культуры педагога общеобразовательной организации // Информатика и образование. 2018. № 4. С. 49–52. URL: <https://info.infojournal.ru/jour/article/download/293/294>
3. Акользина Е.А. Использование электронных образовательных ресурсов в процессе обучения: достоинства, недостатки. // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2013. №2 (22). С. 95–97.
4. Аликина Ю.Д., Донгаузер Е.В. Внедрение искусственного интеллекта в образовательную среду // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2020. Т. 2. № 4. С. 1–8.
5. Алимбаева С.К., Сматова К.Б., Мажимаев А.К. Изучение процессов развития медиапедагогика в общеобразовательных школах Казахстана // Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Педагогические науки». 2021. Т. 71. № 3. С. 14–25.
6. Бажукова Е.Н. Музыкально-компьютерные технологии как ресурс повышения операционности знаний педагога-музыканта по музыкальной информа-

- тике // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 326–330.
7. Басюк В.С. Современные тенденции подготовки педагогов в условиях быстро меняющихся социальных вызовов // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2022. № 3. С. 38–55.
 8. Батракова И.С., Глубокова Е.Н., Писарева С.А., Тряпицына А.П. Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. 2021. № 8–9. С. 9–19.
 9. Бермус А.Г. Актуальные проблемы педагогического образования в эпоху цифровой трансформации: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 1. С. 1–10.
 10. Бондаренко Е.А. Медиаграмотность и информационная культура в современной российской школе // Медиа. Информация. Коммуникация. 2013. № 7. С. 89–93.
 11. Бороненко Т.А., Федотова В.С. Исследование цифровой компетентности педагогов в условиях цифровизации образовательной среды школы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 1. С. 51–61.
 12. Вотинова К.Г., Гаспарович Е.О. О роли компетенций учителей и преподавателей при создании кадрового резерва в условиях цифровизации системы профессионального самоопределения // Персонализированное образование: теория и практика: Сборник материалов III научно-практической конференции. Екатеринбург, 2022. С. 165–169.
 13. Галкина А.И., Бурнашева Е.А., Гришан И.А., Кадырова Э.А. Видовая классификация электронных образовательных ресурсов: опыт разработки в объединенном фонде электронных ресурсов «Наука и образование» // Образовательные технологии и общество. 2018. № 2 (21). С. 494–499.
 14. Гендина Н.И. Информационная культура и медиаграмотность в России // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 77–83.
 15. Гончарова М.С. Подготовка преподавателя музыкальных дисциплин к использованию мобильных технологий в процессе повышения квалификации // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 330–333.
 16. Даутова О.Б., Игнатъева Е.Ю., Шилова О.Н. Массовый формат смешанного обучения как движение к цифровой трансформации образования // Непрерывное образование: XXI век. 2020. № 3 (31). С. 15–28.
 17. Дронов В.В. Педагогические условия электронной информационно-образовательной среды вуза в контексте цифровой трансформации образования // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2019. № 3. С. 13–20.
 18. Ермолова Т.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В., Гузова А.В. Исследование возможностей применения иммерсивного опыта изучения иностранного (английского) языка в мирах виртуальной реальности детьми с ограниченными возможностями здоровья // Science for Education Today. 2022. Т. 12. № 4. С. 183–202.
 19. Ильина Н.Ф., Ильин А.С., Хохлова Е.Э. Профессиональное развитие педагога в условиях цифровой трансформации: вектор изменений // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 3 (39). С. 69–73.
 20. Исаев М.И. Инновационная культура учителя информатики как фактор его эффективной педагогической деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64–1. С. 134–137.
 21. Кац А.С. Адаптационный потенциал зарубежных практик профессионального развития преподавателей высшей школы (на примере Канады) // Казанский педагогический журнал. 2023. № 1 (156). С. 46–56.
 22. Кац А.С. Исследование подходов к профессиональному развитию педагогов высшей школы в Китае и Японии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 4 (113). С. 158–168.
 23. Клепиков В.Б., Пономарева Е.И. Формирование информационной культуры современного педагога средствами применения видеосервисов в его профессиональной деятельности // Нижегородское образование. 2018. № 2. С. 10–16.
 24. Колыхматов В.И. Профессиональное развитие педагога в условиях цифровизации образования // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2019. № 8 (174). С. 91–95.
 25. Коханова В.А., Канунникова И.А. Профессиональная подготовка учителя-словесника к работе в цифровой образовательной среде // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 1. С. 96–103.
 26. Кочергина О.А., Лиханов В.И. Современный руководитель школы в условиях цифровизации образования // Педагогическое образование: традиции и инновации. 2021. № 1. С. 112–119.
 27. Поддуба С.Г., Осипова О.П. Цифровая образовательная среда как стратегический ресурс профессионального развития педагогических работников (на примере ночу сош «центр образования «самсон») // Наука и школа. 2022. № 5. С. 59–71.
 28. Трегубова Т.М. Модели профессионального развития педагогов в условиях цифровизации: бенчмаркинг успешных практик // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3. С. 348–352.
 29. Шавардова Е.Ю. Моделирование образовательной среды заведения высшего образования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. Т. 8. № 4 (74). С. 113–121.
 30. Шобонов Н.А., Булаева М.Н., Зиновьева С.А. Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79–4. С. 288–290.
 31. Шульга И.И. Особенности профессиональной деятельности учителя в условиях цифровой трансформации образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6. № 3 (23). С. 216–221.
 32. Шумилова Е.А., Журавлева Е.Ю., Никитина Е.Ю. Готовность инклюзивного педагога к профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 2 (168). С. 199–216.

© Хаджимурадова Алят Вахитовна (alisavetta_l@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАИМЕНОВАНИЯ ХАКАССКИХ ТРАДИЦИОННЫХ МЕР ДЛИНЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ ПОШИВЕ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ

NAMES OF KHAKASS TRADITIONAL LENGTH MEASURES AND FEATURES OF THEIR USE IN SEWING TRADITIONAL CLOTHES

**R. Abdina
O. Kishteeva**

Summary: The article is devoted to the description of the terminological space of the Khakass metrological length measurement system. The purpose of the work is to consider the names of the units of measurement of lengths necessary for sewing Khakass traditional dresses and the features of their use. The main unit of length when sewing a dress was the harys span. From her came a report of all measurements. From her came a report of all measurements. When making clothes, the ratio of the sizes of individual parts of the human body was taken into account.

Keywords: vocabulary, traditional clothing, Khakass culture, length measures, Khakass language.

Абдина Рауса Петровна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
rabdina@mail.ru

Киштеева Оксана Вячеславовна

кандидат культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
okishteeva@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена описанию терминологического пространства хакасской метрологической системы измерения длин. Целью работы является рассмотрение наименований единиц измерения длин, необходимых для пошива хакасского традиционного платья – кӱгенек и особенностей их использования. Основной единицей длины при пошиве платья являлась харыс-пядь. От нее шел отчет всех мерок. При изготовлении одежды учитывалось соотношение размеров отдельных частей тела человека.

Ключевые слова: лексика, традиционная одежда, хакасская культура, меры длины, хакасский язык.

В современное время при измерении расстояния, веса, времени общество не может себя представить без единой метрической системы исчисления конкретных определенных единиц: километр, метр, тонна, грамм, год, час и т.д. Хотя, буквально до 19 в. определенная единица измерения могла иметь разные значения в разных странах у разных народов. Появления единиц измерения в первую очередь связано и хозяйственно-культурным бытом народа. Как отмечают исследователи, генетическая связь мер с условиями производства и измерения явилась причиной создания каждым народом своих специфических мер, отразивших основное направление хозяйственной деятельности населения [9, с. 284]. Первые меры длины стали применяться для определения длины земельных участков при строительстве жилищ, для измерения участков для сельскохозяйственных работ и т.д. Так, описывая кочевой образ жизни хакасов, Бутанаев В.Я. писал «В XIX в. пашни располагались вокруг зимних кочевьев на расстоянии от 2–3 и до 10 км от аала. Поля измерялись десятинами – «чир». В каждой десятине было 16 загонов (сарол, атыс), по 5 саженой ширины и 40 длины» [6, с. 32].

В качестве первых измерительных приборов в первую очередь служили части тела человека и расстояния между нами: ширина ладони, длина локтя, расстояние

между вытянутыми руками, расстояние между вытянутыми большим и указательным/средним пальцем одной руки, расстояние между пяткой одной ноги и кончиков пальцев другой при свободной ходьбе и т.д. У каждого народа появлялись свои меры длины и их названия, причем некоторыми из них пользуются до сих пор.

В тюркологии специальных исследований в области единиц измерений величин не проводилось. Общие названия времени, названия циклически повторяющихся больших отрезков времени, основные части суток, термины, связанные с временным исчислением жизни людей, и календарные термины рассмотрены в коллективном труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» [11, с. 67]. В кумыкском языке рассмотрению наименований старинных мер измерения длины, веса, объема и ширины посвящена работа Асадулаевой П.У. [4, с. 22-24]. Лексические и грамматические средства выражения функционально-семантического поля объема и веса в якутском языке рассмотрены в работе Ивановой И.Б. [7, с. 80-85]. В хакасском языке исследованию мер измерения в семантической категории количественности посвящена статья Боргоякова В.А. [5 с. 15-18].

Цель данной статьи: рассмотреть наименования еди-

ниц измерения длин, необходимых для пошива хакасского традиционного платья – *кӱгенек* и особенностей их использования.

Для реализации цели работы были поставлены следующие задачи:

- выявление лексики, обозначающей единицы измерения длин в хакасском языке;
- описание исследуемых наименований с точки зрения семантики, определение полного объема значений данных групп лексики;
- выявление особенностей их использования при изготовлении традиционного платья.

Актуальность исследования заключается в том, что в современное время почти все традиционные единицы измерения величин ушли из употребления, и, как следствие, обозначающие их лексические единицы переходят в пассивный словарь или полностью выходят из употребления. Выявление и изучение этой лексики дают ценный материал для реконструкции семантики хакасского языка и ряда других тюркских языков. Изучение этих лексических единиц представляет интерес не только для специалистов в области лингвистики, но и для всех, кто занимается историей, этнографией тюркских народов.

Научная новизна заключается в том, что впервые в хакасском языкознании подвергается исследованию наименования хакасских традиционных мер длины, и рассмотрены особенности их использования при пошиве традиционной одежды.

В качестве теоретической базы исследования использовались труды ученых, посвященные проблемам лексикологии и этнографии. В качестве основного материала исследования составили номинации, обозначающие единицы измерения длин в хакасском языке, отобранные путем сплошной выборки из словарей хакасского языка. В работе использовался также опыт и практический материал по изготовлению хакасской традиционной одежды, собранный авторами исследования.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы при составлении пособий и справочников по традиционной культуре хакасов, при подготовке учебно-методических пособий для образовательных учреждений, разработке лекционных курсов и спецсеминаров по изучаемой проблеме в различных учебных заведениях Хакасии и Саяно-Алтайского региона. Кроме того, исследование этого пласта лексики способствует изучению искусства изготовления традиционной одежды как одного из древнейших видов художественной деятельности, тесно связанной с историей и бытом народа. Практическая значимость заключается и в том, что материалы

исследования могут применяться мастерами в области изготовления традиционной одежды.

Основным видом хакасской нательной одежды являлось платье *кӱгенек*, которое для повседневной носки шили из следующих тканей: *ситсе* – ситец, *киден* – холст; *пӱс* – бязь; хлопок. Праздничную одежду шили из шелковых тканей *торгы* – шелк. Импортные ткани для пошива одежды привозили из разных мест. Во второй половине XIX, начале XX вв. значительную роль играли ткани восточного происхождения, большая часть которых поставлялась из Китая. В конце XIX в. с ростом торговых и экономических связей усиливается проникновение русских тканей на юг Сибири. Русские фабриканты стали выпускать специальные ткани для народов быстро развивающейся Сибири, учитывая спрос на определенные виды изделий, фактуру и расцветку, традиционные принципы конструирования. Ткани с крупными фабричными рисунками обычно использовали для пошива мужских рубаш, а с мелкими – для женских. Характерная черта старинной одежды народов Сибири – единство и близость покроя, независимо от пола и возраста [8, с. 257]. Поэтому покрой мужской рубашки незначительно отличается от покроя женского платья: мужская рубашка намного короче, наплечники и обшлага традиционной мужской рубашки обычно шьются из той же ткани, что и сама рубашка, а в женском платье – из ткани другого цвета, украшенной своеобразной вышивкой. Но при одинаковом крое мужская и женская одежда различались цветом ткани, длиной и декором. Для наименования хакасского платья используется термин *кӱгенек*, причем, как для мужской рубашки, так и для женского платья. Для их разграничения дополнительно приводятся слова *ип* «мужчина» и *ипчи* «женщина». Предпочтительным цветом для женской одежды был красный, его оттенки и другие теплые цвета. Для мужской – синий и оттенки холодных цветов. Считается, что красный цвет символизирует здоровое потомство, а синий – удачу в охоте [1, с. 136]. Хакасское традиционное платье *кӱгенек* отличается от одежды соседних народов наличием наплечников и обшлагов.

Традиционно платье *кӱгенек* кроили следующим образом: два широких полотнища ткани (для спинки и переда) собирали в широкие сборки у воротника; верх рукава оформляли в густые сборки шитьем из разных ниток и пришивали к наплечнику ээн. Внизу рукав также был присобран, его пришивали к широким манжетам, на которых повторялся узор вышитых наплечников. Ширину платья увеличивали за счет клиньев, вшитых в боковые части платья и вдоль спинки. Платье расширяли книзу, в результате сзади образовывался шлейф, который был значительно длиннее переда. Подол изнутри подшивается широкой полосой материи, благодаря чему становится тяжелее, никогда не «прилипает» к ногам и не поднимается при порывах ветра. На севере Хакасии в долине Июсов вдоль подола платья нашива-

лась атласная лента (хурчах, обрус), нередко в два ряда. Воротник делался широким и отложным. Структура хакасского платья и терминов обозначения его основных деталей представлены на рисунке 1.

Следует отметить приспособленность подобного кроя платья к условиям жизни: оно было широким в подоле, сзади опускалось шлейфом, что было удобно для верховой езды; широкие рукава не сковывали движений, а длинный узкий манжет был удобен при занятиях домашней работой.

Точных канонов ширины хакасского платья не было: она зависела от ширины ткани. Так, ранее, почти все ткани были шириной 110 см. При такой ширине ткани на пошив женского платья требовалось около 7 метров ткани: две полосы шли на переднюю часть, две – на заднюю, одна длина шла на рукава. На мужскую рубашку уходило

до 5 метров такой ткани [6, с. 70]. При современной ширине ткани в 150 см. на платье требуется две длины и длина рукава.

При пошиве традиционного платья использовались традиционные меры длины с использованием пальцев рук и других частей тела: ладонь, локоть, плечо и т.д.

Для обозначения каких-либо единиц измерений в хакасском языке используется полисемичная лексема *син* 'мера, меры; мерка, уровень', обозначающая любую меру, например, *аарны синецең син* – мера веса, *узунны синецең син* – мера длины. Это же слово обозначает размер и величину, например *көгенек сини* – размер одежды, *кiзiнiң син суурагa* – снимать размеры с человека. Мера длины обозначается словом *сун* – длина чего-л.; *товар суну* – длина ткани, *хол суну* – длина вытянутой руки. Ширина в хакасском языке обозначается разными сло-

Рис. 1. Хакасское традиционное платье и его элементы

вами в зависимости от контекста: *товарның тогыры бір метр* – ширина ткани один метр. Прямое значение слова *тогыр* – поперечный, в направлении ширины, против [3, с. 637]. Ширина именно ткани обозначается словом *ин* – ширина (ткани), *ікі ин товар* – ткань двойной ширины, *ині чох товар* – неширокая, узкая ткань. Узкая ткань в хакасском языке обозначается еще словом *инзек* (возможно от *ин чох* – без ширины). Следующая лексема, которой обозначается ширина *чалбах* – ширина, широкий [3, с. 933]. Например, *чалбах ис* – широкая ткань, *айа чалбыгы* – ширина ладони.

Основной единицей измерения меры длины при пошиве хакасского платья являлась *харыс* – пядь, мера длины равная расстоянию между расставленными указательным и большим пальцами. Единица измерения *харыс* использовались повсеместно при измерении наибольших длин. Подтверждение мы находим в эпосе, когда *харыс* используется для явного и намеренного преувеличения с целью усиления выразительности и подчёркивания сказанной мысли. Например, в описании богатырского телосложения:

Аның озаринаң пеер ах хыр атха мўнген Ар Чотай ас килчїк тимїр сынны, арға мойны алтон харыс, иңні мойны иліг харыс [10, с. 310].	С другой его стороны на эту сторону верхом на светло-чалом коне Ар-Чотай железный хребет перевалил. Спина у него шестьдесят пядей в ширину, плечи у него пятьдесят пядей в ширину.
--	--

Или же для того, чтобы описать страшный непривлекательный образ врага:

Тїрге хорғыстығ ниме: Харахтарының аразы Ўс харысча полған, Муғый-сооғый пуруннығ полған, Сотка чабал сырайлығ полған [12, с. 250]	Жутко страшное существо: Между глазами Три вершка, С толстенным носом, С безобразным корявым лицом.
---	---

Синонимами к слову *харыс* выступает лексема *мухур* ‘пядь (мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев)’, например, *пис мухур* – длиной в пять пядей, также для обозначения этой длины в хакасском языке есть устаревшие на сегодняшний термины *сўм*, *сўм* уст. пядь [3, с. 529]. При пошиве женского платья или мужской рубахи умелым мастерицам достаточно была только эта единица, принадлежащая тому, для кого изготавливается одежда (рис. 2). То есть, при изготовлении одежды мастера знали и учитывали соотношения размеров отдельных частей тела человека. От единицы *харыс* шел отчет всех мерок, необходимых при пошиве платья. (Рис. 2.)

Следующей меньшей по размеру единицей измерения, используемой при пошиве платья, являлась единица, называемая *іліг* – единица измерения, равная толщине одного из пальцев (за исключением большого). Называлась эта длина соответственно: *бір іліг* – длина шириной в указательный палец, *ікі іліг* – шириной в два пальца (указательного и среднего), и т.д.

Следующей ненамного большей ширины, чем *тўрт іліг* (тўрт – четыре), шла длина, называемая *айа чалбыгы* – ширина ладони. Эти длины использовали при раскрое основных деталей хакасского традиционного платья/рубахи: наплечники – *ээн/иңмен*, широкие манжеты – *моркам*, основой которых является трапецеобразная фигура. Так, при раскрое наплечника спереди и сбоку бралась единица равная *харыс*, по плечевой линии – *харыс + ікі іліг*, с задней части – *харыс + айа чалбыгы*.

Для больших единиц использовались длин рук. Например, длина женского платья равнялась *хулас* – сажень, мера длины, равная расстоянию от конца большого пальца одной руки до конца большого пальца другой при расставленных в стороны руках, параллельных поверхности, на которой стоит человек. Этой длиной изме-

Рис. 2. Мастер по пошиву хакасского костюма Чаптыкова Елизавета Григорьевна выкраивает деталь хакасского платья для девочки (фото из архива автора)

ряли длину ткани, необходимой для покупки ткани для пошива платья. В хакасском языке для обозначения этой длины имелся термин *сарчын* (уст.) [3, с. 450].

Как указано выше, хакасское женское платье обильно украшалось вышивкой, нанесённой на наплечники и манжеты. Хакасские мастерицы славились умением вышивать. Так, сибирский исследователь А.В. Адрианов писал: «При самом поверхностном наблюдении над жизнью минусинских и ачинских инородцев бросается в глаза повсеместное распространение вышивок на костюмах. Ни у каких других народностей, с которыми мне приходилось иметь дело, каковы калмыки на Алтае, черневые татары в Кузнецком уезде, киргизы в Семипалатинской области, буряты в Иркутской губернии, остяки и самоеды на севере Томской губернии, наконец, сойоты по верхнему Енисею и монголы в Монголии, я

нигде не видел такой любви к украшению одежды, как у инородцев Ачинского и Минусинского уезда» [2, с. 103]. Для измерения длины ниток для вышивания, мастерицы использовали длину *пiлек* – расстояние от локтя до кончиков пальцев. Для удобства вышивания использовали длину *iki пiлек* (букв.: два локтя) примерно равной 80-90 см.

Таким образом, при изготовлении костюма хакасские мастера ориентировались на пропорции человека, используя соотношения размеров отдельных частей тела. Основными единицами длины при пошиве платья были *харыс* – пядь, *ilig* – ширина пальца, *айа чалбыгы* – ширина ладони, *пiлек* – расстояние от локтя до кончиков пальцев, *хулас* – сажень. Некоторые старые метрологические единицы, а также их наименования, бытуют в хакасской культуре и языке и по сегодняшний день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдина Р.П. Термины, обозначающие традиционное платье и его элементы в диалектах хакасского языка в сравнении с алтайским языком // Филология и человек. 2010. № 2, С. 136-144.
2. Адрианов А.В. Об орнаменте у сибирских инородцев // Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. СПб, 1911–1912. Т. 1. С. 101-105.
3. Анжиганова О.П., Баскаков Н.А., Боргояков М.И., Инкижекова-Грекул И.А., Патачакова Д.Ф., Субракова, О.В., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е., Кызласов А.С., Сунчугашев Р.Д., Чертыкова М.Д. Хакасско – русский словарь. Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1115 с.
4. Асадулаева П.У. Названия старинных мер измерения в кумыкском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. II., С. 22-24.
5. Боргояков В.А. Меры измерения в хакасском языке // Культурное наследие народов Алтая и сопредельных территорий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2021. С. 15-18.
6. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. 224 с.
7. Иванова И.Б. Языковые средства выражения меры объема и веса в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. №. 4 (17), С. 80-85.
8. Киштеева О.В. Структурно-функциональный анализ хакасского костюма // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2009. № 6, С. 256-259.
9. Лебединская В.Г. Система наименований единиц измерения в русской исторической метрологии // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2, С. 284-288.
10. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи: в 10-ти ч. /собраны В.В. Радловым. Абакан: Журналист, 2018. Ч. 2. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызылское и чулымское (кюэрик) / сост. Е.С. Торокова.
11. Сравнительно- историческая грамматика тюркских языков. Лексика. / Авторы: Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова и др. М.: Наука. 1997. 800 с.
12. Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / зап. и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с.

© Абдина Раиса Петровна (rabdina@mail.ru), Киштеева Оксана Вячеславовна (okishteeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВКЛИНИВАНИЕ КАК СПОСОБ РАСШИРЕНИЯ КОМПОНЕНТНОГО СОСТАВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

WEDGING AS A WAY TO EXPAND THE COMPONENT STRUCTURE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN FRENCH NEWSPAPER DISCOURSE

L. Abdullina
M. Lukina
D. Oksuzyan

Summary: This article is devoted to the study of wedging as a type of structural-semantic transformation of phraseological units. The object of the study is French phraseological units that actualize the concept of "Money" in newspaper discourse. In the course of the study, prevailing cases of wedging in the composition of phraseological units of attributive and adverbial adverbs and adjectives are noted. The wedging of direct and indirect additions, determined by the syntactic features of the French language, is demonstrated. It is concluded that the wedging of components into the composition of phraseological units is determined by the intentional mood of the author.

Keywords: phraseological unit, concept, expansion, component, wedging, newspaper discourse.

Абдуллина Лилия Рафаиловна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский
(Приволжский) федеральный университет
lilioven@mail.ru

Лукина Марина Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский
(Приволжский) федеральный университет
marinaloukina@mail.ru

Оксузян Диана Артуровна

студент Института международных отношений,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
oksuzyan.diana@bk.ru

Аннотация: Данная статья посвящена изучению вклинивания как вида структурно-семантического преобразования фразеологических единиц. Объектом исследования являются французские фразеологизмы, актуализирующие концепт «Деньги» в газетном дискурсе. В ходе исследования отмечаются преобладающие случаи вклинивания в состав фразеологических единиц определительных и обстоятельственных наречий, прилагательных. Демонстрируется вклинивание прямых и косвенных дополнений, обусловленных синтаксическими особенностями французского языка. Делается вывод о том, что вклинивание компонентов в состав фразеологических единиц обусловлено интенциональным настроением автора.

Ключевые слова: фразеологическая единица, концепт, расширение, компонент, вклинивание, газетный дискурс.

В отечественном языкознании существует множество работ, посвященных изучению фразеологических единиц и их функционирования в различных типах текста. При этом одним из актуальных остается вопрос особенностей использования фразеологических единиц в газетном дискурсе, о чем свидетельствует ряд исследований последних лет [4, 5, 6, 8]. С целью привлечения внимания читателя и оказания на него суггестивного воздействия журналисты часто прибегают к окказиональным преобразованиям фразеологических единиц, которые конкретизируют или усиливают их значение в определенном контексте [1, 2, 9, 10]. Как отмечает Т.С. Гусейнова, «возникает частная реализация традиционной формы, что позволяет взглянуть по-новому на уже давно устоявшуюся в сознании читателя форму» [3, с. 68].

Целью настоящего исследования является выявление особенностей вклинивания как способа структурно-семантического преобразования фразеологических единиц путём расширения их компонентного состава в газетном дискурсе. Объектом исследования являются глагольные фразеологические единицы, вербализую-

щие концепт «Деньги» во французском языке. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что данные фразеологизмы позволяют «наглядно, доходчиво и разнообразно описывать сравнительно недавно появившиеся в концептуальной системе человека экономические понятия и служат отражением национальной специфики народа» [7, с. 201].

Материалом исследования послужили редакционные статьи из ведущих газетных изданий на французском языке: *La Croix, L'Alsace, Le Point, Libération, Le Monde, Le Figaro*. Количество проанализированных текстов составило 100 единиц.

Каждый публицистический текст выполняет воздействующую функцию, которая является одной из главных, поскольку любые издания формируют общественное мнение, часто манипулируя нашим сознанием. Все преобразования фразеологических единиц связаны с замыслом и содержанием текста. В ряде случаев эти преобразования происходят за счёт расширения компонентного состава фразеологизма путём вклинивания в

него разных языковых единиц, которые выполняют либо стилистические функции, оживляя образ фразеологизма, либо грамматические функции, обусловленные синтаксисом французского языка.

Встречаются случаи вклинивания определительных наречий, обозначающих меру и степень действия. При этом наречие формально может относиться к именному компоненту, следующему во французском языке всегда за глагольным компонентом. Проиллюстрируем сказанное:

«*Si vous partez en vacances pendant la période des JO, vous avez tout à fait la possibilité de louer votre logement et de mettre un peu de beurre dans les épinards*», a-t-il indiqué. 'Даже если ваш отпуск приходится на период проведения Олимпийских игр, у вас есть возможность снять себе жилье и при этом немного сэкономить, – подчеркнул он'.
Le Figaro, 27.05.2023

Исходная форма: *mettre du beurre dans les épinards* 'подзаработать, сэкономить'.

Хорошо известный смысл фразеологического оборота *mettre du beurre dans les épinards* уточняется благодаря вклиниванию наречия *un peu* 'немного'.

Зарегистрированы случаи вклинивания обстоятельственных наречий времени. Доминирующим при этом является наречие *toujours*.

Ligue des champions: l'argent ne fait pas toujours le bonheur. 'Лига чемпионов: не всегда в деньгах счастье'.
La Croix, 06.09.2022

Исходная форма: *l'argent ne fait pas le bonheur* 'не в деньгах счастье'.

В данном примере вклиненное наречие *toujours* 'всегда' во фразеологический оборот *l'argent ne fait pas le bonheur* не нарушает его семантического тождества, а лишь уточняет его значение в заданной ситуации и оживляет уже устаревший образ, делая заголовок статьи ещё более привлекательным для читателя.

В свою очередь вклинивание наречия *toujours* может также служить для интенсификации значения фразеологической единицы. Например:

Cette nouvelle série de Disney + retrouve les protagonistes du film à succès sorti il y a vingt-cinq ans. Ces ouvriers attachants tirent toujours le diable par la queue. 'Продолжение сериала от Disney + воссоединяет нас с главными героями популярного фильма, который впервые появился на экранах двадцать пять лет назад. И эти милые работяги все еще бедствуют.'
Le Figaro, 15.06.2023

Исходная форма: *tirer le diable par la queue* 'бедствовать'.

Эмоциональная окраска фразеологизма *tirer le diable*

par la queue усиливается благодаря вклиниванию наречия *toujours* 'все еще'.

Среди других частей речи следует подчеркнуть вклинивание прилагательных, предшествующих именной компонент фразеологической единицы в силу грамматических особенностей французского языка. Приведём пример:

«*«XXXX», un dealer classe et chic ressemblant à un homme d'affaires s'est fait une petite fortune sans jamais vraiment se salir les mains*». '«XXXX», непревзойденный дилер-бизнесмен, сколотил себе небольшое состояние, не запачкав руки'.

Le Figaro, 25.07.2019

Исходная форма: *faire fortune* 'сколотить состояние'.

Вклиненное прилагательное *petit* 'маленький' не нарушает семантического единства фразеологизма и уточняет значение фразеологизма. Некоторые прилагательные могут выполнять и экспрессивно-оценочную функцию.

Во французском языке расширение значения фразеологической единицы происходит также путем вклинивания в ее структуру косвенных дополнений, представленных существительными с предлогом *de*. Например:

On dit qu'à Paris, il jette l'argent de son père par les fenêtres, et qu'il fait peur à sa tante. 'Говорят, в Париже он сорит деньгами своего отца и пугает свою тетю'.
Libération, 30.08.2020

Исходная форма: *jeter l'argent par la fenêtre* 'сорить деньгами', 'выбрасывать деньги на ветер'.

Следующий пример:

L'argent des tyrans n'a pas d'odeur. 'Деньги тиранов не пахнут'.

Le Monde, 23.03.2021

Исходная форма: *l'argent n'a pas l'odeur* 'деньги не пахнут'.

В выше приведенных примерах мы наблюдаем вклинивание в исходные формы фразеологических единиц косвенных дополнений *de son père* и *des tyrans*, которые обозначают субъектов, выполняющих действие. Вклиненные косвенные дополнения конкретизируют значение фразеологических единиц.

Компонентный состав фразеологических оборотов французского языка с компонентом «Деньги» также расширяется при помощи прямого дополнения, которое может быть представлено как существительным, так и развёрнутым именным словосочетанием, дополненным другими частями речи. Продемонстрируем сказанное:

Une locataire qui assure pourtant payer son loyer rubis sur

l'ongle a suscité les foudres de son propriétaire qui l'a blessée au bras avec une arme de chasse. 'Квартиростьёмщица уверяла собственника, что заплатит все до последней копейки, но тем не менее вызвала его гнев: он ранил её в руку из охотничьего ружья'.

Le Figaro, 06.07.2023

Исходная форма: *payer rubis sur l'ongle* 'платить по счетам, все до последней копейки'.

Во фразеологический оборот *payer rubis sur l'ongle* вклинивается существительное *loyer* 'арендная плата'.

Следующий пример:

Cynthia et son époux paient leur loyer de 400 euros par mois rubis sur l'ongle. 'Синтия и её супруг выплачивают всю сумму их арендной платы, составляющую 400 евро/месяц, до последней копейки'.

Le Figaro, 21.09.2023

Исходная форма: *payer rubis sur l'ongle* 'платить по счетам, все до последней копейки'.

В данном случае во фразеологизм *payer rubis sur l'ongle* вводится целый именной оборот *loyer de 400 euros par mois* 'арендная плата', составляющая 400 евро/месяц'.

Зафиксированы случаи вклинивания существительных, которые не влияют на семантику фразеологической единицы и образуют с ней единый смысловой блок. В словарях такого типа вставки обозначаются с помощью местоимений *qqch* и *qqn*. Например:

Il insiste presque trop lourdement depuis plusieurs jours sur la gravité de sa blessure et l'importance d'Adam Yates, avec qui il sera coleader, pour prendre ses mots pour argent comptant.

'Вот уже несколько дней он так жалуется на свою травму и так часть твердит о значимости своего будущего напарника Адама Йейтса, что сложно принимать все его слова за чистую монету'.

L'Alsace, 30.06.2023

Исходная форма: *prendre qch pour argent comptant* 'принимать за чистую монету'.

Таким образом, авторы французских газет расширяют компонентный состав фразеологизмов путём вклинивания в их состав лексических единиц, выполняющих стилистические, прагматические или грамматические функции. В зависимости от коммуникативных интенций автора изменение исходной формы фразеологической единицы позволяет уточнить или дополнить ее значение, а также при необходимости оказать суггестивное воздействие на восприятие информации адресатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аханаев Д.У. Преобразования фразеологизмов – управление газетами и новостными сайтами // Молодежный научный форум. Сборник статей по материалам ССВИ студенческой международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 18–25.
2. Гукасова М.В. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц и их влияние на модальность текста // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2016. № 7. С. 38–46.
3. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц в публицистическом дискурсе: объективная закономерность // Известия ДГПУ. 2015. №4. С. 67–70.
4. Кормилина Н.В., Крылова А.С. Особенности использования фразеологизмов в англоязычных СМИ (на материале газет "The Times", "The Guardian" и новостного сайта "BBC World News") // Актуальные вопросы современной иноязычной филологии. Сборник научных статей XXXIV Международной научно-практической конференции, посвященной 175-летию И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2023. С. 132–138.
5. Мельник О. Ю. Структурно-семантический анализ фразеологизмов в заголовках англоязычных газет // Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 145–153.
6. Оксюзян Д.А., Абдуллина Л.Р. Семантические трансформации фразеологических единиц в газетном дискурсе // Лингвистика и профессиональная коммуникация. Сборник научных трудов по материалам II Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием. Ярославль, 2022. С. 197–203.
7. Пискарева А.В. Способы модификации фразеологизмов в русском и немецком языках (на материале текстов СМИ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 199–210.
8. Терентьева Д.А. Французские фразеологизмы в средствах массовой информации (на примере радио и газет) // Тезисы докладов Ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. Москва, 2023. С. 120–121.
9. Jaki S. Phraseological Substitutions in Newspaper Headlines: "More than Meats the Eye" // John Benjamin Publishing Company, Amsterdam. 2014. P. 22-26
10. Špišáková A. Structural-semantic transformation of phraseological units in Russian and Slovak newspapers articles // SKASE Journal of Theoretical Linguistics, Trnava. 2022. Vol. 19, no 1. P. 82-100.

© Абдуллина Лилия Рафаиловна (liliov@mail.ru), Лукина Марина Сергеевна (marinaloukina@mail.ru), Оксюзян Диана Артуровна (oksuzyan.diana@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНАЯ ДЕКАНОНИЗАЦИЯ ТЕКСТА НЕМЕЦКОЙ ПРИТЧИ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПАРАБОЛ Б. БРЕХТА «HERR KEUNER UND DIE FLUT» И «DIE FRAGE, OB ES EINEN GOTT GIBT»)

Аржанников Михаил Юрьевич

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный медицинский университет» Минздрава России, (г. Барнаул)
a.mihail11@mail.ru

STRUCTURAL DECANONIZATION OF GERMAN PARABLES OF THE XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF B. BRECHT'S PARABOLAS "HERR KEUNER UND DIE FLUT" AND "DIE FRAGE, OB ES EINEN GOTT GIBT")

M. Arzhannikov

Summary: This article is devoted to the identification of peculiarities of decanonization of the textual structure of German parables of the XX century. Two parables of Bertold Brecht, otherwise called parabolae, are taken for analysis. The basic laws of the genre include allegory and lapidarity. However, on the example of the two texts analyzed by us, the omission of one of the parts in them, the purpose of which is deduction, is noted.

Keywords: parable, linguistic peculiarities, text structure, allegory, circumlocution.

Аннотация: Данная статья посвящена выявлению особенностей деканонизации текстовой структуры немецких притч XX века. Для анализа взяты две притчи Бертольда Брехта, иначе называемые параболой. К основным законам жанра относятся иносказание и лапидарность. Однако на примере двух анализируемых нами текстов отмечается опущение в них одной из частей, назначение которой заключается в дедуктивности.

Ключевые слова: притча, языковые особенности, структура текста, аллегория, иносказание.

Притча является одним из древнейших памятников литературы, которые не только сохранились до настоящего времени, но и в процессе своего развития объединились с другими литературными жанрами, сохранив при этом свою самобытность. Потенциал к сохранению и развитию определялся среди прочего наличием ярких образов, кратким и запоминающимся повествованием, его соответствием потребностям каждой эпохи. Однако для достижения такого результата требовалось не только наличие сюжета, но и тщательный отбор языковых средств, обеспечивающих функционально-прагматический баланс при сохранении малого объема текстов этого жанра.

Наиболее часто притча выступает объектом исследования в литературоведении. Предметом же являются жанровые особенности и культурологический аспект эволюции жанра. В отечественной лингвистике композиционные и языковые особенности притчи затрагиваются в значительно меньшей степени. Это актуально в первую очередь для притч немецких писателей, в частности для произведений Б. Брехта.

Цель настоящей работы – выявление особенностей структурной деканонизации немецких притч XX века. Материалом для исследования служат параболы Б. Брех-

та «Herr Keuner und die Flut» и «Die Frage, ob es einen Gott gibt». Для достижения поставленной цели использовались следующие методы: композиционный анализ (при определении особенностей структуры текста) и лингвистический анализ (при выявлении языковых средств).

Ввиду того, что притчи в период расцвета религий адаптировались для служебных целей, они на длительное время приобрели религиозно-морализаторский характер. По завершении этого периода притча стала морализаторско-философской, а современные тексты определяются как ценностно-ориентированные [1].

Лейдерманн Н.Л. утверждает, что преодоление инерции жанровой формы стало одной из предпосылок возрождения притчи: «Самой существенной потенциальной опасностью, вырастающей по мере развития жанра, оказывается инерция жанровой формы» [5, С. 81]. Согласно его утверждению, творческий такт писателя должен позволять ему предвидеть возможную опасность такой инерции и находить способ ей противодействовать в самом устройстве художественного мира. А для притч такую опасность представляло наличие канона – притч Библии, которые принимались долгое время за эталон.

По мнению М.Е. Ильиной, реализация имевшегося у

притчи дескриптивного потенциала позволила ей сохраниться и развиваться. Использование языковых средств привело к утрате притчей предельной лаконичности с сохранением лапидарности и аллегоричности. Вторым свойством, способствовавшим ее сохранению, стало развитие бытового плана, в силу чего притча приблизилась к таким жанровым формам, как новелла и рассказ [2].

В XX веке каноничность наблюдается все реже, но сохраняется поучение и аллегория. Таким образом, притчи сохраняют свою способность скрывать и маскировать. Это то, чем, по мнению Э. Веше, всегда охотно занималась притча и чего избегала басня [11]. Жанр притчи получает дальнейшее развитие, что дает импульс для развития притчевых произведений. В этом также заключается сложность определения жанра, так как создаются многочисленные произведения, четкая принадлежность к жанру которых является затруднительной задачей для самих авторов, литературоведов и критиков. Причиной этому служит отсутствие четких определений подобных произведений, а иногда и вовсе смешение жанров.

При исследовании современных притч становится очевидным круг тем, актуальных для данного жанра. Это взаимоотношения человека и окружающего его мира, место человека в нем, ценностные ориентиры, ответственность человека за происходящее в мире. Как отмечает Н.В. Евтодиева, еще одной их особенностью является то, что современная притча принципиально отличается от классических примеров жанра отсутствием каких-либо достоверных и однозначных суждений [3]

Г.Н. Пospelов называет целый ряд признаков, с учетом которых определяется жанр произведения. Эти признаки делятся на содержательные и формальные, объединяющие произведения, принадлежащие к одному жанру, и имеющие устойчивый и в историческом плане повторимый характер. К важнейшим из этих признаков Г.Н. Пospelов относит: а) принадлежность к конкретному литературному роду; б) прозаическая или стихотворная речь произведения; в) отличия в объеме [6].

Притча относится к эпосу, как и басня, сказка, рассказ. Преимущественной речью эпических произведений является прозаическая, хотя иногда встречается и поэтическая, как в некоторых притчах Б. Брехта.

Относительно объема произведений вопрос осложняется целью такого произведения. На этапе становления жанра и до появления письменности целью была передача знания в устной форме. Соответственно такие произведения должны были иметь небольшой объем и легко запоминаться. Таким образом, основной характеристикой притч всегда являлась лапидарность. С возникновением письменности появилась возможность передачи информации в большем объеме, что, соответ-

ственно повлияло и на жанр притчи. Это также привело к развитию дескриптивного потенциала, разнообразию используемых стилистических и прочих языковых средств, которые способствовали решению коммуникативных задач.

Лейдерманн Н.И. при исследовании законов жанра отмечает следующее: «Текст детерминирован потребностью общения, в результате которого один партнер коммуникации передает сообщение другому партнеру с целью такого воздействия на него, которое определенным образом изменило бы его поведение. [...] Необходимость быть понятым диктует отбор таких средств, которые вызывали бы у адресата адекватное целям коммуникации поведение» [5, С. 11].

Объем текста играет при этом немаловажное значение. Лапидарность рассматривается в данном анализе как основное отличие притчи от произведений, схожих с ней, и просматривается как на структурном, так и на семантическом уровнях. Ввиду длительного периода существования исследуемого жанра в устной форме притча должна была иметь небольшой объем и быть высокоинформативной.

Для этого использовались языковые средства, которые стали особенностью всех притч. Таким средством в первую очередь является аллегоризм или иносказательность.

Ильина выделяет три главных признака притчи: лапидарность, постановку общечеловеческих проблем и аллегоризм.

В статье «Стилистические особенности синтаксиса и композиции в притчах австрийских писателей» авторы упоминают такой вариант жанра притчи как парабола [4]. Существование этого варианта, или даже его зарождение, авторы объясняют веяниями эпохи окончания войны и начала нестабильного мира. Таким образом, можно предположить, что притча отошла от канонической формы и религии и обратилась к проблемам гуманитарным, социальным, бытовым. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что отчетливую форму парабола приобрела уже в творчестве Г.Е. Лессинга в XVIII в., который, по утверждению В. Бреттшнайдера, опровергал ценность дополнительных стилистических средств и поэтического изыска [9]. В дополнение к этому стоит отметить, что Р. Дитмар определяет параболу как вариант притчи, описывающий единичный интересный случай, некое уникальное событие [10].

«Парабола, впервые у Петра I; см. Смирнов 217. Книжное заимствование из лат. *parabola* от греч. *παραβολή* «сопоставление, смежное расположение; притча» [7, С. 203].

Именно такую форму выбрал Б. Брехт для цикла

своих поучительных рассказов «Geschichten vom Herrn Keuner». Эти параболы, как и другие произведения автора, Выдающийся немецкий писатель работал над рассказами более тридцати лет, с 1926 года. Основная же масса историй была написана в период с 1929 по 1931 гг. Позже, в 1950 году, цикл был продолжен и завершен в 1956 году. Всего насчитывается 121 рассказ, относящийся к этому циклу.

Уже в названии этого произведения заложена двухплановость, свойственная параболам. Дело в том, что Б. Брехт объяснял написание фамилии главного героя южно-немецкой манерой говорения одного из своих учителей, который вместо дифтонга «eu» произносил «ei». Если прочитать фамилию персонажа, учитывая такую особенность, то вместо «Herr Keuner» получится «Herr Keiner» или «Господин Никто».

Автор не наделяет господина Койнера какими-либо индивидуальными качествами. Все, чем последний обладает, – это фамилия. Читателю не предоставляется возможности узнать какие-либо детали о личности действующего лица.

Задачей Койнера является критический анализ поступков других людей и размышление о них. Он демонстрирует читателю отношение и комментирует его. Иногда же эта демонстрация осуществляется за счет поведения его собеседников.

Среди литературоведов распространено мнение, что образ господина Койнера является «alter ego» Бертольда Брехта. Таким образом он публично обсуждал вопросы политики, социального сосуществования, а также проблемы гносеологии.

«Herr Keuner und die Flut

Herr Keuner ging durch ein Tal, als er plötzlich bemerkte, dass seine Füße im Wasser gingen. Da erkannte er, dass sein Tal in Wirklichkeit ein Meeresarm war und dass die Zeit der Flut herannahte. Er blieb sofort stehen, um sich nach einem Kahn umzusehen, und solange er auf einen Kahn hoffte, blieb er stehen. Als aber kein Kahn in Sicht kam, gab er diese Hoffnung auf und hoffte, dass sein Wasser nicht mehr steigen möchte. Erst als ihm das Wasser bis ans Kinn ging, gab er auch diese Hoffnung auf und schwamm. Er hatte erkannt, dass er selber ein Kahn war» [8, S. 280].

В данной притче Б. Брехт знакомит читателя с ситуацией: господин Койнер идет по долине, как вдруг замечает, что его ступни намочили и под ногами медленно начинает прибывать вода. Как выясняется, эта местность является не долиной, а лиманом. Действующий герой оглядывается с надеждой увидеть лодку. Позже он понимает, что помощи со стороны ждать не имеет смысла, но остается на прежнем месте, рассчитывая на то, что вода перестанет

прибывать, соответственно, проблема решится сама собой. И только когда Койнер оказался в воде по шею, он решил плыть. Тогда пришло осознание, что ему изначально никто не мог помочь, кроме себя самого.

Анализ этой параболы стоит начать со структуры. Данное произведение датируется XX веком, соответственно его можно отнести к современным притчам или ее вариантам согласно критериям, которые были описаны ранее. Однако здесь, как и практически во всем цикле рассказов Бертольда Брехта, соблюдается приверженность классическим признакам притчи – лапидарности и аллегоричности. Текст, с учетом его небольшого объема, достаточно информативен с присущей ему двухплановостью. При этом в тексте отсутствует дидактизм, что уже является признаком современной притчи. Таким образом, в параболе «Geschichten vom Herrn Keuner» автор придерживается традиционных взглядов, но при этом все же допускает некоторое отклонение от них, предоставляя читателю возможность самому найти ответ на ситуацию, предлагаемую в произведении.

В качестве стилистического приема автор использует повтор глагола «stehen bleiben» в предложении «*Er **blieb sofort stehen**, um sich nach einem Kahn umzusehen, und solange er auf einen Kahn hoffte, **blieb er stehen***». Прагматическое назначение повтора этого глагола усиливается повтором однокоренных слов «die Hoffnung» и «hoffen» в последующих предложениях. Оба случая использования этого приема указывают на характер персонажа, неуверенный и медлительный. Таким образом акцентируется внимание на его нерешительности, расчете на спасение откуда бы то ни было, но только не от себя.

Интерес представляет также следующий пример, отражающий особенности парабол Б. Брехта:

«Die Frage, ob es einen Gott gibt

Einer fragte Herrn K., ob es einen Gott gäbe. Herr K. sagte: "Ich rate dir, nachzudenken, ob dein Verhalten je nach der Antwort auf diese Frage sich ändern würde. Würde es sich nicht ändern, dann können wir die Frage fallenlassen. Würde es sich ändern, dann kann ich dir wenigstens noch so weit behilflich sein, daß ich dir sage, du hast dich schon entschieden: Du brauchst Gott!"» [8, S. 258].

При сохранении классических признаков притчи, а именно лапидарности и аллегоричности, автор не только отказывается от дидактизма, но и перекладывает эту функцию на самого читателя. При анализе синтаксиса особое внимание привлекает преобладание придаточных условных предложений, вводимых союзом «ob» или бессоюзно, а также глаголов, используемых в сослагательном наклонении. Как результат, главное действующее лицо господин Койнер и автор от его имени не только не дают какого-либо ответа на поставленный

в параболе вопрос, но уступают эту прерогативу самому вопрошающему в конкретной ситуации и читателю во множестве других аналогичных случаев. В дополнение к этому использование неопределенного артикля «einer» для называния собеседника обезличивает его и служит для акцента только на том, что в параболе происходит диалог, при этом совершенно не важно, с кем именно. Значение имеет только сам вопрос, а также советы господина Койнера, адресованные некоему лицу.

Итак, на примере парабол Б. Брехта «Herr Keuner und die Flut» и «Die Frage, ob es einen Gott gibt» удалось уста-

новить, что притча лишилась присущего каноническому тексту структурного элемента дидактической направленности, однако сохранила свои основные особенности: лапидарность и аллегоризм. На смену четко сформулированному в конце притчи поучению, адресованному читателям, пришло побуждение их автором к самостоятельному размышлению и умозаключению. В перспективе для получения детального представления об изменениях, произошедших в притче в целом, и установления закономерностей развития жанра требуется дальнейший анализ парабол и детальное описание проявляющихся в них композиционных и языковых изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста [Текст] / Под ред. Н.А. Слюсаревой. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
2. Ильина, М.Е. Структурно-семантические и композиционные особенности текста притчи (на материале американской литературы XVIII–XX веков) [Текст] / М.Е. Ильина // дис. ... канд. филол. наук. – Львов, 1984. – 190 с.
3. Евтодиева, Н.В. Лингвокультурные аспекты эволюции немецкой притчи XX века [Текст] / Н.В. Евтодиева // дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 207 с.
4. Кириллова, О.Ю. Стилистические особенности синтаксиса и композиции в притчах австрийских писателей [Текст] / О.Ю. Кириллова, В.Ю. Кириллова, Б.Н. Алексеев // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2017. – №3 (95), ч.2. – С. 74–78.
5. Лейдерманн, Н.Л. Движение времени и законы жанра [Текст] / Н.Л. Лейдерманн. – Свердловск: Сред.-Урал.кн.изд-во, 1982. – 254 с.
6. Пospelов, Г.Н. Введение в литературоведение [Текст]: уч. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / Г.Н. Пospelов – М.: Высшая школа, 1976. – 422 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т 3: Муза-Сят: Ок. 5500 слов [Текст] / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочева. – 4-е изд., стер. – М.: Астрель; АСТ, 2004. – 831 с.
8. Brecht, B. Werke in fünf Bänden: Bd 4. Geschichten [Text] / B. Brecht. – 1. Aufl. – Frankfurt-am-Main: 1973. – 173 S.
9. Brettschneider, W. Die moderne deutsche Parabel: Entwicklung und Bedeutung [Text] / W. Brettschneider. – 2. überarb. Aufl. – Berlin : 1980. – 80 S.
10. Dithmar, R. Fabeln, Parabeln und Gleichnisse [Text] / R. Dithmar. – Paderborn: 1995. – 370 S.
11. Wäsche, E. Die verrätselte Welt. Ursprung der Parabel Lessing – Dostojewskij – Kafka [Text] / E. Wäsche. – Meisenheim-am-Glan: 1979. – 98 S.

© Аржанников Михаил Юрьевич (a.mihail11@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ СКАЗОК В. ГАУФА)

LEXICAL AND STYLISTIC MEANS OF CREATING PORTRAIT CHARACTERISTICS IN A LITERARY TEXT (USING THE EXAMPLE OF V. GAUF'S FAIRY TALES)

**N. Atamanova
T. Fedorova
T. Raspopova**

Summary: The article is devoted to the description of a literary portrait, its typology, and functioning in the text of a literary work. The article presents a lexical and stylistic analysis of a literary portrait based on the example of characters in fairy tales by the German writer Wilhelm Gauf. As a result of the study, it was revealed that adjectives are the dominant means of representing the external appearance of a character. The adjectives convey both positive and negative character traits of the hero. The external portrait, which includes the anatomical and physiological characteristics of the character, is complemented by a social and spiritual and moral portrait, a description of his clothes, behavior and communication with others. The artistic techniques of representing the hero are comparison, gradation, hyperbole, and a magical transformation of the plot.

Keywords: portrait, literary portrait, appearance, literary text, V. Gauf, evaluative adjectives, comparison.

Атаманова Наталья Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
atamanova2001@list.ru

Фёдорова Татьяна Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
fedorova0808@yandex.ru

Распопова Татьяна Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
volkova1111@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена описанию литературного портрета, его типологии, функционированию в тексте художественного произведения. В статье представлен лексико-стилистический анализ литературного портрета на примере персонажей сказок немецкого писателя Вильгельма Гауфа. В результате проведённого исследования выявлено, что доминирующим средством репрезентации внешнего облика персонажа являются имена прилагательные, передающие как положительные, так и отрицательные черты характера героя. Внешний портрет, включающий в себя анатомические и физиологические характеристики персонажа, дополняется социальным и духовно-нравственным портретом, описанием его одежды, поведения и общения с окружающими. Художественными приёмами репрезентации героя являются сравнение, градация, гиперболы, сюжетное волшебное превращение.

Ключевые слова: портрет, литературный портрет, внешность, художественный текст, В. Гауф, оценочные прилагательные, сравнение.

В рамках действующей в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы, основанной на приоритете человека и его ценностей в языке, особое место уделяется репрезентации внутреннего мира личности. Считается, что духовный мир человека, состоящий из эмоций, чувств, мыслей, представлений об окружающей действительности, является богатным материалом для лингвистического описания. В тексте любого художественного произведения эксплицируется индивидуально-авторское видение личности персонажа и тем самым обогащается типизированное представление о человеке, отражённое, в первую очередь, во фразеологии языка. Безусловно, для целостного эстетического восприятия любого персонажа важен как его внутренний, так и внешний облик. Кроме того, литературный портрет персонажа вмещает в себя такие характеристики, как манера поведения, жестикация, мимика.

В современных психолингвистических исследованиях понятие литературного портрета представлено многогранно [7; 3; 5; 2]. Так, физический портрет основан на элементах анатомических характеристик человека, таких как лицо, руки, тело, ноги, фигура, определяющих зрительное восприятие человека. Социальный портрет позволяет читателю получить информацию о социальном статусе персонажа посредством описания его одежды, манеры поведения, жизненного опыта. Физический и социальный портреты, включающие в себя ряд параметрических характеристик человека в контексте его зрительного восприятия и фиксирующиеся в лексике и семантике языка, составляют суть понятия «внешность человека» [6, с. 159]. Наконец, духовный портрет представляет собой описание ценностных приоритетов персонажа, раскрывающих его внутренний мир сквозь призму поведения и отношения к людям. Портрет, опи-

сывающий внешний облик человека и передающий внутреннее выражение свойств его души, психологические и социальные особенности, получил номинацию «характероцентричного» портрета, целью которого является «раскрытие человеческой личности, то есть характера» [2, с. 123].

С точки зрения восприятия персонажа выделяют портрет-описание, портрет-сравнение, портрет-впечатление, с точки зрения оценочной функции – портрет-эмоцию, портрет-оценку, портрет-характер [4, с. 116]. В рамках художественного произведения портрет может быть реальным, существовавшим в определённую историческую эпоху, и фантазийным, вымышленным. При этом его многообразные функции «определяют место и значение портрета в общей системе текста как базового элемента художественной коммуникации» [4, с. 116]. Как видим, портрет есть «результат интеграции всех частей литературного произведения... способ создания целостного образа литературного героя, преломляющий психологический, поведенческий, социальный, речевой и другие моменты его характеристики» [4, с. 115]. Кроме того, в художественном тексте портретное изображение персонажа создается индивидуально авторскими средствами, присущими стилю писателя, а значит, является репрезентантом специфической художественной картины мира.

Опираясь на представление о том, что портрет есть «целостная система взаимодействующих друг с другом компонентов – портретных характеристик», относящихся к разным уровням языка [8, с. 4], а восприятие внешности человека фиксируется в языке, прежде всего в его лексике и семантике, рассмотрим языковые средства, позволяющие художнику слова воспроизвести в сознании читателя портрет литературного персонажа.

Сказки немецкого писателя Вильгельма Гауфа рассказывают о приключениях героев, простых и бедных рабочих или богатых королях и герцогах, мечтающих изменить свою жизнь и попадающих в необычные ситуации. Нередко концепция внешности человека раскрывается в произведениях посредством сравнительного описания портрета одного и того же героя до и после его волшебного превращения. Доминирующим средством репрезентации внешнего облика являются имена прилагательные. Они не только характеризуют внешние контуры тела человека, его пространственные параметры роста и объема тела, но и передают эмоциональное отношение автора к персонажу.

Так, в начале сказки «Карлик Нос» писатель характеризует Якоба, главного героя, как «хорошенького» мальчика, называет его «*писанным* красавцем», не давая при этом подробной характеристики его внешности (ср. иронию цирюльника при виде Якоба-карлика: «тоненький», «стройный», «шея лебединая», «руки, словно у короле-

вы», «носик курносенький»). Детализацию данного персонажа получает после своего перевоплощения. Из прекрасного юноши Якоб превращается в «безобразного» («крайне некрасивый, уродливый» [9, т. 1, с. 74], «ужасного» («вызывающий ужас, очень страшный, скверный» [9, т. 4, с. 473]) карлика, «противного» («очень неприятный, отвратительный» [9, т. 3, с. 533]) уroda, тело которого «точно *деревянное*», голова – «прямо на плечах торчит», «без *шеи*», нос «*толстый и длинный*». Семантика эпитетов, используемых писателем для репрезентации образа, содержит пейоративную оценку, помогает создать образное и в то же время реалистичное представление о внешности персонажа. В употреблении имён прилагательных писатель использует экспрессивные морфемы: «*маленькие*» глаза, «*тоненькие*», «*коротенькие*» ножки, «*крючковатые*» пальцы, «*курносенький*» носик, «*широкие-преширокие*» спина и грудь [1, с. 198]. Частым приёмом портретной характеристики Якоба является сравнение. Части тела героя сравниваются с частями тела животного («*глаза стали маленькие, как у свиньи*»), неодушевлёнными предметами («*он был похож на большой, плотно набитый мешок*»), с внешностью других людей («*руки с крючковатыми пальцами были, наоборот, длинные, как у взрослого мужчины*», «*стал такой же, как все люди*»), с самим собой («*ростом он был такой же, как семь лет назад, - совсем маленький*»).

Описывая старуху-волшебницу, В. Гауф обращается к адъективам с контекстуальным оценочным содержанием. Среди них прилагательные, характеризующие внешний облик героини («*безобразная*», «*бедно одетая старуха*»), черты и форму её лица («*острое, сморщенное от старости личико*»), глаза («*с маленькими красными глазками*»), нос («*длинный-предлинный нос, который спускался до самого подбородка*»), пальцы («*длинные коричневые*», «*корявые*»), шею («*не толще кочерыжки*»), голос («*хриплый*», «*скрипучий*»), духовно-нравственные качества («*бессовестная старуха*). Непривлекательная внешность и поведение старухи в восприятии окружающих выражают страх, боязнь и в то же время величие и силу. Целостное зрительное восприятие её образа подкрепляется процессуальной градацией: «*опиралась на костыль*», «*хромала, скользила и переваливалась, точно у неё на ногах были колеса*», «*подкатилась*», «*заскользила*» [1, с. 189]. Как видим, между внешностью старухи и её характером наблюдается зависимость, то есть характер персонажа является «проекцией» внешнего изображения героя» [2, с. 123]. Портретное описание старухи контрастирует с убранством дома, в котором она жила: «*потолки и стены в доме были мраморные, кресла, стулья и столы – из чёрного дерева, украшенного золотом и драгоценными камнями, а пол был стеклянный и ... гладкий*» [1, с. 191]. Описывая обитателей дома старухи, автор концентрирует внимание на их человеческом одеянии: «*свинки вместо башмаков носили ореховые скорлупки, одеты были совсем как люди – даже шляпы не забыли захватить*», «*в передниках*», «*ходили на двух*

лапках» [1, с. 191], белки были «в широких шароварах и зелёных бархатных шапочках» [1, с. 192].

В. Гауфом представлено развёрнутое описание процесса обратного превращения карлика Якоба в человека: «И вдруг его суставы затрещали, шея вытянулась, голова сразу поднялась из плеч, нос стал делаться всё меньше и меньше, а ноги всё длиннее и длиннее, спина и грудь выровнялись, и он стал такой же, как все люди» [1, с. 210]. В репрезентации сказочного перевоплощения писатель обращается к приёму гиперболизации образа, основанного на использовании имён прилагательных в сравнительной степени и градационных глаголов. В сказке «Калиф-аист» наблюдаем похожее перевоплощение персонажей, но уже из людей в птиц, и снова В. Гауф прибегает к подробному детальному описанию посредством сравнения частей тела с бытовыми предметами: «ноги у них стали тонкими, как спицы, длинными, как ходули, и вдобавок покрылись красной шершавой кожей» [1, с. 140].

Герой сказки «Маленький Мук» – «крошечный» («совсем маленький» [9, т. 2, с. 135]), «довольно смешной» человек (в тексте в значении «вызывающий насмешку, ироническое отношение своей нелепостью, несообразностью и т. п.» [9, т. 4, с. 154]), с «тоненькими, как палочки, ножками», «на маленьком тощем тельце» которого торчала «огромная голова, гораздо больше, чем у других людей» [1, с. 211]. Художественный образ данного персонажа создаётся на основании одного бросающегося в глаза признака, детали, а именно его маленького роста. Внешний облик героя дополняется чертами эмоционально-чувственной (смешной) и волевой сферы характера («с важностью кивал головой»). Писатель обращает внимание на отдельные детали гардероба персонажа: чалма, полинялый халат, просторные шаровары, огромные туфли, длинный кинжал. Как и Якоб, карлик Мук не пользовался уважением среди жителей города и часто был подвержен осмеянию.

Интеллектуальная составляющая портрета персонажа, характеризующая его умственные качества, представлена в описании героя сказки В. Гауфа «Холодное сердце». Петер – «добрый», заботливый угольщик, помогающий бедным людям, но «глупый», в результате безвольного отношения к себе и окружающим потерял всё имущество и близких людей. Автор наделяет данного персонажа способностью раскаяния и сострадания. Внутренний мир героя показан в сказке через его манеру общения и поведения: «поблагодарил на помощь», «плача, опустил на траву» и «замахнулся кнутом», «ударил жену по голове», «побагровел от злости».

Особый интерес представляет социальный портрет, характеризующий персонажей сказок В. Гауфа. Так, в произведении «Холодное сердце» жители немецких деревень, угольщики, часовщики, стекольщики, одеты

разнообразно и не похожи друг на друга, что выражает их образ жизни или личные предпочтения в одежде: «чёрные камзолы», «широкие, в мелкую складку шаровары», «красные чулки», «островерхие шляпы с большими полями», «куртки из темного холста», «чёрные кожаные штаны на зелёных, шириною в ладонь, помочах», «башмаки с пряжками» [1, с. 148]. Герои-волшебники, как и в других сказках, имеют человеческий социальный облик: так, Стекланный Человек одет в «кафтанчик из чёрного матового стекла, чёрные панталоны, чёрные чулки ... чёрная хрустальная лента обвивала его шляпу» [1, с. 182], Михель-великан – «дряхлый, сгорбленный старик в ветхой одежде плотогона», «опёрся на свой багор, как на костыль, вобрал голову в плечи, съёжился» [1, с. 186].

Описывая превращения героев в данной сказке, писатель использует многочисленные сравнительные обороты («рос, рос, пока не стал вышиной с кельнскую колокольню», «протянул руку, длинную, как багор», «подставил ладонь, которая была больше, чем стол в трактире», «сказал голосом гулким, как погребальный колокол», «он уже опять был такого роста, как всегда, - гораздо больше человека, но немного меньше сосны» [1, с. 171]; «был бледен как мертвец» [1, с. 181]; «руки у него опустились, ноги словно вросли в землю», «становился всё меньше и меньше ... стал тише воды, ниже травы ... уполз червяком в своё логово» [1, с. 186]), прибегает к приёму градации («рос всё больше, больше, пока не заслонил дом, деревья, даже солнце» [1, с. 180]).

Героями «Сказки о мнимом принце» становятся не только простые люди из народа, но и представители королевской династии. Их внешний вид отличался «строгой, величавой, царственной осанкой» и «великолепной одеждой»: «парчовый кафтан, опоясанный белой кашемировой шалью, белый тюрбан, осыпанный драгоценными камнями», «с переливами бархата и шёлка» [1, с. 228].

Таким образом, ведущим способом описания персонажа сказок В. Гауфа является его перевоплощение из одного образа в другой. При этом писатель активно обращается к сравнению внешности героя с неодушевленными предметами, к приёмам градации и гиперболизации. Доминирующим средством репрезентации внешнего облика персонажа являются имена прилагательные, передающие как положительные, так и отрицательные черты характера героя. Внешний портрет (анатомико-физиологические характеристики) дополняется социальным и духовно-нравственным портретом. Отдельное внимание автор обращает на одежду персонажа, его поведение и общение с окружающими. Художественные формы и приёмы, используемые В. Гауфом в описании внешности персонажей, помогают создать яркие и запоминающиеся образы, которые оживляют текст и позволяют читателю лучше представить себе описанных автором героев сказок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гауф В. // Сказки зарубежных писателей / Сост. З.П. Петрушеня. – К.: Молодь, 1986. – С. 136–238.
2. Малетина О.А. Типологии портрета в художественном дискурсе с точки зрения различных подходов // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. – М.; Пятигорск, 2008. – С. 122–125.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов вузов. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
4. Невская П.В. Структурно-типологические особенности портретных описаний в художественном произведении // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 4 (33). – С. 115–117.
5. Немов Р.С. Практическая психология: Познание себя. Влияние на людей: Учеб. пособие. – Москва: Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 2001. – 320 с.
6. Николаева А.В., Плющенко А.А. Лексико-семантические особенности описания внешнего облика человека: лингводидактический аспект // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. № 2. – С. 158–166.
7. Панферов В.Н. Восприятие и интерпретация внешности людей // Вопросы психологии. – Л., 1974. – 144с.
8. Серикова Л.В. Портрет персонажа в прозе В.М. Шукшина: системное лексико-семантическое моделирование: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 24 с.
9. Словарь русского языка: В 4 томах / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988.

© Атаманова Наталья Викторовна (atamanova2001@list.ru), Фёдорова Татьяна Владимировна (fedorova0808@yandex.ru),
Распопова Татьяна Анатольевна (volkova1111@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА КАК РЕЗУЛЬТАТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МАКРО- И МИКРОСОБЫТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО, ИСПАНСКОГО И ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Балакин Сергей Владимирович

доктор филологических наук, доцент, Уральский
государственный университет путей сообщения,
(г. Екатеринбург)
SBalakin@usurt.ru

NON-FINITE VERB FORMS AS THE RESULT OF CONCEPTUALIZATION OF MICRO AND MACRO EVENTS (THE CASE OF FRENCH, SPANISH AND PORTUGUESE)

S. Balakin

Summary: The article studies the cognitive bases of the verb system in French, Spanish and Portuguese. Research shows that the microsituation and macrosituation are the basis of impersonal forms containing conceptual morphological and syntactic characteristics. The number of such characteristics, which reflect numerous macro- and microsituation, is limited. The conceptual characteristics do the part of the grammatical concept TIME.

Keywords: concept TIME, conceptual characteristics, microsituation, macrosituation morphology, syntax.

Аннотация: В статье рассматриваются когнитивные основы системы неличных форм глагола во французском, испанском и португальском языках. Исследования показывают, что в основе неличных форм лежат макрособытия и микрособытия, содержащие в себе особые концептуальные характеристики, выражаемые морфологически и синтаксически. Количество подобных характеристик ограничено, они отражают многочисленные макро- и микроситуации отношения. Концептуальные характеристики входят в более глобальный грамматический концепт ВРЕМЯ.

Ключевые слова: концепт ВРЕМЯ, концептуальные характеристики, микрособытие, макрособытие, морфология, синтаксис.

Основными морфологически выраженными неличными формами глаголов в романских языках (в частности, во французском, испанском и португальском) являются инфинитив, причастия настоящего и прошедшего времени и деепричастие. О.Н. Баклашкина противопоставляет знания репрезентирующие личные и неличные формы глаголов на основе антропоцентризма в процессе концептуализации перцептуального пространства. Автор, исследующий неличные формы глаголов в английском языке, называет подобные формы средствами репрезентации определенных знаний, а именно: феноменологического и структурального; инфинитив, в свою очередь, является средством репрезентации лишь структурального знания [3]. Морфологически перечисленные выше знания выражаются в видовременных характеристиках глагольных форм. Так, М.М. Гухман выделяет для английского языка дуративность и курсивность в причастии настоящего времени и результативность вместе с данностью в причастии прошедшего времени [6]. Некоторые авторы также отмечают, что в древнеанглийском языке в системе причастий важную роль играли видовые различия: в Present Participle авторы выделяют такие категории, как дуративность, курсивность, для Past Participle были характерны результативность и данность, при условии, что данные различительные категории нейтрализовались и у переходных, и у непереходных глаголов [6].

Думается, что данный постулат справедлив и для неличных форм глаголов в романских языках. Эти языки также прошли путь смены плана категорий; для них видовые характеристики долгое время оказывались важными [4]. Косвенно этот факт доказывается тем, что от причастия прошедшего времени образовалось прошедшее время Passé Composé во французском языке при сосуществовании аориста, выраженного во времени Passé Simple. Таким образом, неличные формы глагола представляют собой иерархическую систему, при которой базовой концептуальной характеристикой является дуративность (итеративность) и результативность (данность) на основе антропоцентризма. В настоящее время, особенно во французском языке, произошла смена плана и для неличных форм глагола.

Антропоцентризм представляет собой факт того, что говорящий ставит себя в центр ситуации, расценивая ее как макрособытие, разбивая последнее на более мелкие – микрособытия. Макрособытие, как делимое на микрособытия, может быть представлена как личными, так и неличными формами глаголов и, как показывает метод морфологической репрезентации, причастие, деепричастие и инфинитив обладают своими концептуальными характеристиками, на основе которых и формируется репрезентация микрособытия.

Для выявления концептуальных основ неличных форм глаголов нами были решены следующие задачи: 1) методом сплошной выборки из журналистского дискурса были отобраны и систематизированы случаи употребления неличных форм глаголов в исследуемых романских языках; 2) был систематизирован языковой материал по категориям: инфинитив, причастие в настоящем времени, причастие в прошедшем времени и деепричастие; 3) были выделены, проанализированы и описаны концептуальные основы неличных форм глаголов в романских языках; 4) были выявлены универсальные и национально-специфические особенности концептуализации форм неличных форм глаголов.

Метод морфологической репрезентации [5] показывает, что неличные формы глагола отражают результат концептуализации микрособытия, имеющего промежуточный статус, так как оказывается на стыке морфологически и синтаксически передаваемых концептов на основе таксисных отношений [1, 2]. Так, в современных романских языках причастие прошедшего времени имеет промежуточный статус; оно отражает результат конкретного микрособытия, а также участвует в формировании сложных времен прошедшего и будущего планов. Это связано с тем, что неличные формы глаголов включают в себя концептуальные характеристики различной природы. С одной стороны, они отражены в морфологических категориях, с другой – из-за своего «подчиненного» статуса невозможно учитывать такие факты, как синтаксическую спаянность и контекстуальное окружение. Соответственно, определяющий фактор того, что является макрособытием, а что микрособытием, есть наличие или отсутствие вспомогательного глагола. Каждое макрособытие состоит из более мелких микрособытий, если сама внеязыковая ситуация усложнена сопутствующими условиями. В языке такое усложнение характеризуется следующими фактами: 1. отсутствие личных форм глагола и 2. отсутствие морфологических маркеров времени, при сохранении временных отношений.

Метод морфологической репрезентации показывает, как неличные формы глагола раскрывают именно микрособытие. При этом неличный статус указывает на то, что в данном случае профилированными оказываются концептуальные характеристики условия, однако подобная характеристика «отсутствие субъекта действия / присутствие субъекта действия», также оказывается важной, так как с ее помощи глагольная форма приобретает статус безличности. С точки зрения концептуальной таксономии она является базовым синтаксическим концептом.

Синтаксический концепт «отсутствие субъекта действия» является результатом концептуализации внеязыковой действительности, в которой ее элементы воспринимаются в динамике при отсутствии агента

(каузатора) действия:

Habitação para professores financiada por verbas do PRR. Aparelho do Estado foi manobrado, diz MP, mas houve quem resistisse ao grupo de Galamba.

Aparelho do Estado foi manobrado, diz MP, mas houve quem resistisse ao grupo de Galamba [10].

Однородность для всех исследуемых романских языков представляют собой пассивные конструкции, в которых синтаксический концепт «отсутствие субъекта действия» актуализируется в эллипсисе:

*A Mayotte, le **procès de deux concours truqués** de la fonction publique territoriale.*

Des restrictions d'usage imposées au deuxième herbicide le plus utilisé en France en raison de risques pour les enfants.

*Moins connu que le très controversé glyphosate, le prosulfocarbe est le deuxième **herbicide le plus utilisé en France.***

*Des villes du sud d'Israël «**totalemt évacuées**» des mains du Hamas, selon l'armée* [9].

Концептуальная характеристика «отсутствие субъекта действия» является результатом фокусирования внимания говорящего на действии при дефокусировании субъекта данного действия в случае, когда последний оказывается не обязательным (не важным).

Также особым синтаксическим концептом, важным для актуализации неличных форм глаголов, является «образ-схема», отражающий результат познавательной деятельности внеязыковой действительности при восприятии человеком каждого события как в статике, так и в динамике. В прошедшем времени в микроситуации одно и то же явление может актуализироваться как при помощи глагола, так и при помощи существительного. При этом при субстантивной образ-схеме неличная форма глагола представлена не в динамике, а в статике. Соответственно, каждый элемент, имеет основной статус, либо вторичный. В случае с неличными формами глаголов актуализируется статичная (субстантивная) образ-схема, но посредством глагольных форм. Необходимо отметить, что исследуемые романские языки в целом тяготеют к субстантивной образ-схеме, что на языковом уровне отражается тяготением к употреблению неличных форм глагола или существительного.

Таким образом, морфологически передаваемые концептуальные характеристики неличных форм глагола свидетельствует об ином характере концептуальных характеристик в совокупности с таким синтаксическими концептами, как «образ-схема» и «отсутствие субъекта действия». См. в португальском языке:

O Ministério Público afirma que o primeiro-ministro António Costa, que se demitiu na passada terça-feira mas que se mantém em funções, exerceu pressões sobre a actual secretária de Estado da Energia e Clima ou, pelo menos, deu o

aval às pressões exercidas pelo seu então chefe de gabinete, Vítor Escária, exonerado esta semana pelo líder do Governo.

Lacerda Machado suspeito de corromper chefe de gabinete de Costa para favorecer megaprojecto.

João Tiago Silveira e Rui de Oliveira Neves suspensos da Morais Leitão [10].

В виду, универсальности концептуализации и на основе анализа морфологической репрезентации, можно сказать, что существуют базовые концептуальные характеристики неличных форм глаголов, характерные для всех исследуемых романских языков. Метод морфологической репрезентации показывает, что это концептуальные характеристики рода и числа. То есть, когнитивная основа неличных форм глаголов представляет собой концепт усложненного типа с иерархичной структурой (в соответствии с концепцией таксономии Э. Рош), базовый уровень которого представлен концептуальной характеристикой «условие»; факультативными являются характеристики «род» и «число». При этом присутствие последних в романских языках распределено неравномерно. Так, категория рода в причастиях настоящего времени ярко выражена в испанском и португальском языках, причастия прошедшего времени отражают характеристику «род» во всех исследуемых языках.

Неоднородность концептуализации наблюдается и при актуализации инфинитива; наиболее ярко выражена концептуализация рода в португальском языке. При этом срабатывает принцип наблюдателя, роль которого конкретизировать принадлежность лица действия, обозначенного глаголом в личной форме при сохранении концептуальной характеристики «отсутствие субъекта действия». Данный факт сближает личный инфинитив португальского языка, например, с инструментальными глаголами с инкорпорированными актантами, позволяющими упростить синтаксическую структуру предложения [11]. См.:

*E se Viola Davis desse um tabefe a Meryl Streep? As mulheres têm sido séculos após séculos expulsas dos lugares de afirmação, elas existem quando um homem grita: "Limpa a tua boca **para falares** da minha mulher" [10].*

На факт неравномерного присутствия тех или иных концептуальных характеристик также свидетельствует наличие промежуточного положения причастия настоящего времени в испанском и португальском языках; что во французском языке не наблюдается. Например, при описании бытийных событий в испанском и португальском языках могут использоваться грамматические конструкции *estar*+причастие настоящего времени для описания действия, имеющего место в момент речи. См.:

China apoia "reconhecimento total" da Palestina e insiste na solução de dois Estados O diplomata chinês afirmou que a assistência humanitária "deve ser garantida" em Gaza, "uma

calamidade" que mostra que "a longa ocupação dos territórios palestinianos é um facto que não deve continuar a ser ignorado" [10].

Наиболее однородную концептуализацию проявляет инфинитив в каузативных конструкциях, а также при актуализации образ-схемы, например, когда инфинитив выступает в синтаксической роли подлежащего. В первом случае, в каузативных конструкциях, наблюдается актуализация субъекта действия при выражении его волеизъявления. Ср.:

China apoia "reconhecimento total" da Palestina e insiste na solução de dois Estados Pequim manifestou igualmente o apoio à "causa justa do povo palestiniano para restaurar os seus direitos e interesses legítimos" e à "solução dos dois Estados", tendo responsáveis chineses realizado numerosas reuniões com representantes de países árabes e muçulmanos para reafirmar esta posição ou tentar fazer avançar as conversações de paz [10].

Таким образом, инфинитив представляет собой отражение абсолютного знания о макроситуации, что схоже с конструкцией *accusativo cum infinitivo* при употреблении глаголов чувств. В данном случае он является источником определенного источника знания, при котором говорящий сообщает, что он указывает на действие и на то, откуда этот источник происходит. Неличные формы, помимо основных концептуальных характеристик, а также характеристик «род» и «число», могут участвовать в описании макрособытий, в которых актуализированы такие дополнительные характеристики, как «поссесивность», «цель», «каузация», «условие».

При этом непосредственная концептуализация при актуализации концептуальных характеристик, в частности, «поссесивность», вспомогательный глагол *imеть*, указывают на пространственные категории, лежащие в основании временных (личных) форм глагола. Различие между простой и сложными формами инфинитива как грамматическое явление отображает базовую грамматическую категорию перфективности романского глагола. По мнению А.В. Кравченко, исследующего подобные глаголы в английском языке, это становится возможным, так как данные глаголы не ограничены пространственно-временным пределом [7]. Здесь автор предполагает, что разная концептуализация одного и того же события, обусловленная особенностями восприятия и отраженная в разных морфологических формах глагольного слова, повлияла, по-видимому, на выбор вспомогательного глагола, участвующего в формировании видового значения у личных форм. Причастие настоящего времени отражает концептуализацию внеязыковой действительности при непосредственного микрособытия; концептуализация, опосредованная событием, закреплена за причастием прошедшего времени. См.:

Al menos 10 de los presuntos implicados en el caso Koldo

obtuvieron algún tipo de beneficio económico derivado de los nueve contratos de venta de mascarillas en lo peor de la pandemia que investiga la Audiencia Nacional, según un informe de la Unidad Central Operativa (UCO) de la Guardia Civil [8].

«Ils sont comme des animaux», dit avec dédain, en désignant les Haïtiens, un agent chargé de surveiller un des portails de la frontière entre la République dominicaine et Haïti, les deux pays qui se partagent l'île caribéenne d'Hispaniola [9].

Инфинитивные конструкции, в которых актуализированы концептуальные характеристики «цель» и «условие», также являются результатом их актуализации в субстантивной образ-схеме. Так, концептуальная характеристика «цель» актуализируется в причастиях и деепричастиях, которые обозначают дополнительные характеристики действия.

É um verdadeiro compêndio da arte de bem manobrar o aparelho de Estado a descrição feita pelo Ministério Público sobre a forma de actuar dos arguidos da Operação Influencer, que levou à demissão do primeiro-ministro.

China apoia "reconhecimento total" da Palestina e insiste na solução de dois Estados os últimos meses, o país asiático apelou a "todos os esforços possíveis para proteger os civis e evitar uma catástrofe humana ainda mais grave".

China apoia "reconhecimento total" da Palestina e insiste na solução de dois Estados Pequim manifestou igualmente o apoio à "causa justa do povo palestino para restaurar os seus direitos e interesses legítimos" e à "solução dos dois Estados", tendo responsáveis chineses realizado numerosas reuniões com representantes de países árabes e muçulmanos para reafirmar esta posição ou tentar fazer avançar as conversações de paz [10].

Концептуальная характеристика «условие», напротив, заложена в формах Participe Présent; она актуализирована при необходимости выделении дополнительного признака в микрособытии. См.:

Depuis le printemps 2022, les spécialistes du climat subissent des vagues d'attaques sur les réseaux sociaux émanant le plus souvent de comptes anonymes qui remettent en cause la réalité du réchauffement climatique ou la responsabilité des activités humaines.

Changer une République qui a permis à la France « de répondre de son destin » serait « inutile et présomptueux », pense Emmanuel Macron, attaquant la VIe République promise par Jean-Luc Mélenchon, le fondateur de La France insoumise (LFI) [9].

В рамках данного исследования мы показали, что грамматический статус неличных форм романского глагола определяется выражением важного для языка противопоставления макрособытия и микрособытия. Условие неличных форм глаголов при помощи вспомогательных средств, имеющихся в «арсенале» романской морфологии, свидетельствует о переходе микрособытия в статус макрособытия. Несмотря на статус микрособытия причастия и инфинитивы отражают конкретный референт наблюдаемого действия: причастие настоящего времени имеет своим референтом наблюдаемые действия и признаки; причастия прошедшего времени – референт уведённого действия или признаков; инфинитив отражает обобщённую референцию. В романских языках наблюдается неравномерность концептуализации характеристик, о чем свидетельствует факт разноплановых взаимодействий одной и той же неличной формы во французском, испанском и португальском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова И.В. Семантическая категория таксиса: системные связи и речевые реализации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 52–60.
2. Архипова И.В., Шустова С.В. Таксис псевдоодновременности в функциональных структурах (на материале немецкого языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 44–53.
3. Баклашкина О.Н. Когнитивная семантика неличных форм английского глагола: причастие и инфинитив: дис. ... канд. филолог. наук. Пятигорск, 2013. 22 с.
4. Балакин С.В., Ващенко И.В. Об изменении в системе глагола романских языков // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 51–59.
5. Беседина Н.А. Морфология как «техника взаимодействия семантики и синтаксиса»: когнитивная интерпретация // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 300–304.
6. Гухман М.М. Сравнительная грамматика германских языков. М.: Наука, 1966. Т. 4: Морфология. 496 с.
7. Кравченко А.В. Что такое «когнитивная структура» или об одном распространенном заблуждении // Когнитивные исследования языка. М., Тамбов, 2011. Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. С. 96–104.
8. Сайт El País URL: <https://elpais.com/espana/> (дата обращения февраль 2024).
9. Сайт Le Monde URL: <https://www.lemonde.fr/> (дата обращения: февраль 2024).
10. Сайт O público URL: <https://www.publico.pt/> (дата обращения февраль 2024).
11. Шустова С.В. Инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 49–61.

© Балакин Сергей Владимирович (SBalakin@usurt.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА ПЕНСИЯ И ЕГО ДЕРИВАТОВ (ПЕНСИОНЕР(КА), ПРЕДПЕНСИОНЕР, ПЕНСИОННЫЙ) В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ван Шоун

соискатель, Московский государственный университет
имени М. Ломоносова
shoin.van@yandex.ru

THE MEANING AND USE OF THE WORD PENSION AND ITS DERIVATIVES (PENSIONER(S), PRE-RETIREMENT, PENSION) IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Wang Shuoying

Summary: The object of the study is vocabulary with the semantics 'person's age', the subject of the study is the lexeme *pension* and its derivatives (*pensioner*, *pensionerka*, etc.), collocations with them, their functioning in modern Russian speech. The semantic structure of these words is analyzed based on the definitions of lexemes in the dictionaries of the Russian language and contexts of the National Corpus of the Russian Language (NCRL), on the etymology. Modern usages of the word *pension* and its derivatives are compared with dictionary meanings, and new shades of meaning are identified. The most frequent collocations with these words are considered and analyzed on the basis of the NCRL material. Particular attention is paid to those contexts of the corpus in which the lexemes *pensioner*, *pensionerka* indicate age.

The article presents the results of a study conducted using different methods: general scientific methods of analysis and synthesis, descriptive method, elements of component and contextual analysis, functional-semantic method, elements of corpus analysis (continuous sampling method and quantitative method when working with language material). The scientific novelty of the study lies in the identification of semantic changes in the lexeme *pension* and its derivatives in the modern Russian language. It has been established that the semantics of the analyzed lexemes is associated with old age, although in the dictionary definitions of the word *pension* and its derivatives there is no such correlation. The connotations of the word are established based on the material of modern contexts ('inactivity', 'physical weakness', 'grumpiness', 'lack of initiative', etc.). For collocations with the lexeme *pension* and its derivatives, the semantics of old age becomes the only possible one in speech. The article draws a conclusion about the semantic development of the word *pension*, which by narrowing its meaning, became part of the semantic field 'age'.

Keywords: semantic field 'age', lexeme *pension*, derivatives, semantic development, neologism, connotation, collocation.

Аннотация: Объектом исследования является лексика с семантикой 'возраст человека', предметом исследования — лексема *пенсия* и её дериваты (*пенсионер*, *пенсионерка*, *пенсионный* и др.), коллокации с ними, функционирование этих лексем и коллокаций в современной русской речи. Семантическая структура указанных слов анализируется на материале дефиниций лексем в основных толковых словарях русского языка и контекстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), рассматривается этимология слова. Современные словоупотребления слова *пенсия* и его дериватов, представляющие актуальную речевую семантику, сравниваются со словарными значениями, выявляются новые оттенки значения. Рассматриваются и анализируются на материале НКРЯ наиболее частотные коллокации с данными словами (используется основной и в отдельных случаях газетный корпус). Особое внимание уделяется тем контекстам корпуса, в которых лексемы *пенсионер*, *пенсионерка* указывают на возраст.

В статье представлены результаты исследования, проведенного с применением разных методов: общенаучных методов анализа и синтеза, описательного метода, элементов компонентного и контекстуального анализа, функционально-семантического метода, элементов корпусного анализа (метода сплошной выборки и количественного метода при работе с языковым материалом).

Научная новизна исследования состоит в выявлении семантических изменений лексемы *пенсия* и её дериватов в современном русском языке. Установлено, что в подавляющем большинстве современных контекстов семантика анализируемых лексем связывается с пожилым возрастом, хотя в словарных дефинициях слова *пенсия* и его дериватов такого соотношения нет (указывается на денежные выплаты по разным основаниям). Установлены коннотации слова на материале современных контекстов ('бездеятельность', 'физическая слабость', 'сварливость', 'безынициативность', 'малообеспеченность' и др.). Для коллокаций с лексемой *пенсия* и её дериватами семантика пожилого возраста в речи становится единственной. В статье делается вывод о семантическом развитии слова *пенсия*, которое в современном русском языке путем сужения значения вошло в состав семантического поля 'возраст'.

Ключевые слова: семантическое поле 'возраст', лексема *пенсия*, дериваты, семантическое развитие, неологизм, коннотация, коллокация.

Введение

Характеристика человека по возрасту обусловлена культурно и социально, отражает закреплённые в языке представления о возрасте и связанные с

ними стереотипные представления (коннотации) лексем семантического поля 'возраст'. В языке характеристика по возрасту отображается в определённых лексемах и коллокациях — «относительно несвободных словосочетаний, занимающих промежуточное поло-

жение между абсолютно свободными сочетаниями и идиомами» [1, с. 34]. Анализ языковых способов репрезентации возрастных характеристик даёт возможность лучше понять устойчивые представления носителей языка о том или ином возрасте — установить коннотации соответствующих лексем. Лексема *пенсия*, её дериваты (*пенсионер(ка)*, *предпенсионер*, *пенсионный*) и коллокации, в которых она выступает в качестве коллоката, связаны с представлениями носителей русского языка о старости — одним из важнейших возрастных периодов человека. Важно рассмотреть словарные дефиниции данных лексем и включающих их коллокаций, а также рассмотреть их использование в реальной речевой практике, что сделано нами на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [2].

Обзор литературы

Русская лексика, обозначающая возраст человека, регулярно становится предметом исследования лингвистов. Анализируются в числе прочих слова и сочетания, связанные с семантикой пожилого возраста. Наибольшее внимание лингвистов привлекают фразеологические единицы русского языка (нередко в сопоставлении с идиомами других языков), обозначающие пожилой возраст и людей пожилого возраста [3; 4]. Воплощение образа пожилого человека в русской языковой картине мира анализирует И. В. Салимьянова [5]. Ряд исследователей, в том числе автор статьи [5], обращает внимание на эвфемизацию лексики с семантикой пожилого возраста [6; 7]. 'Старость' рассматривается как концепт, репрезентируемый в языке различными лексемами и фразеологизмами [8], в том числе и в сопоставительном плане с концептом 'молодость' [9]. Обозначение людей пожилого возраста изучается лингвистами в сопоставительном аспекте на материале разных языков [10].

Лексема *пенсия* и её дериваты только входят в круг анализируемой лингвистами лексики с семантикой пожилого возраста. Л. О. Бутакова описывает ассоциативный эксперимент, в результате которого выявлено, что лексемы *пенсионер*, *пенсионерка*, *пенсия* воспринимаются носителями русского языка очень стереотипно, а уровень позитивного эмоционально-чувственного переживания данных слов-стимулов является средним [11, с. 143]. Рассматриваемые слова, не обозначая прямо пожилой возраст и людей такого возраста, в современной речи часто используются с данной семантикой, что обуславливает исследовательский интерес к ним.

Цель статьи — выявить особенности значения и функционирования в современном русском языке лексемы *пенсия*, её дериватов и коллокаций, в которые они включены. Материалом для исследования значения и речевого употребления слова *пенсия* и дериватов стали основные толковые словари русского языка и основной

корпус (в единичных случаях газетный корпус) НКРЯ. Все примеры использования анализируемой лексики, приведённые далее, взяты из НКРЯ [2].

Основные результаты

В «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах (далее-БАС) значение слова *пенсия* толкуется как «периодическая (обычно ежемесячная) денежная выплата, имеющая целью материальное обеспечение граждан при утрате ими работоспособности, при потере кормильца и пр.» [12, стб. 380]. Данная дефиниция не указывает прямо на то, что чаще всего пенсия назначается по возрасту (по старости). В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (далее – МАС) такое указание присутствует как одно из оснований для выплаты; здесь *пенсия* — 'денежное обеспечение, получаемое гражданами из общественных фондов потребления в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности' [13, с. 40]. В данном словаре имеется отсутствующее в дефиниции указанного выше словаря [12] уточнение по поводу такого источника денежной выплаты, как общественные фонды потребления. Аналогичная дефиниция слова *пенсия* приведена в «Большом толковом словаре» под редакцией С.А. Кузнецова [14, с. 791]. В дефиниции из «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой источник пенсионной выплаты не указан, зато здесь более чётко и полно сформулированы её основания: 'денежное обеспечение за выслугу лет, по инвалидности, нетрудоспособности, в случае потери кормильца' [15, с. 498]. В словаре С.И. Ожегова зафиксировано также второе значение слова *пенсия*, появившееся в результате метонимического переноса: «деньги, получаемые в качестве такого обеспечения» [Там же].

Слово *пенсионер* в БАСе имеет объяснение 'человек, получающий пенсию' [12, стб. 379], *пенсионерка* — 'женский к пенсионер' [там же], *пенсионерский* — 'относящийся к пенсионеру, пенсионерам' [там же], *пенсионный* — 'относящийся к пенсии' [Там же]. В МАСе дериваты лексемы *пенсия* имеют схожие или одинаковые пояснения: *пенсионер* — 'тот, кто получает пенсию' [13, с. 40], *пенсионерка* — 'женский к пенсионер' [там же], *пенсионерский* — 'прилагательное к пенсионер' [там же], *пенсионный* — 'прилагательное к пенсия, связанный с пенсией' [там же].

Основным семантическим признаком слова *пенсия* и его дериватов, в соответствии со словарными дефинициями, является наличие какой-то выплаты социального плана. Семантика выплаты восходит к этимологии слова *пенсия*: по данным словаря М. Фасмера, в русский язык оно пришло из польского языка (*pensja*) или из немецкого (*Pension*), где было образовано от латинского *pen-sio* — 'платеж', происходящего от глагола *pendo, pensum, pendere* с семантикой 'ценить, оценивать' [16, с. 232]. Осо-

бенностью данной выплаты является то, что она является не вознаграждением за труд, а предназначена для социальной поддержки граждан, которые не способны самостоятельно заработать на жизнь, обеспечить своё существование.

Дефиниции толковых словарей представляют основные языковые значения слова *пенсия* и его дериватов, однако функционирование этих слов в речи показывает их семантическое развитие. Согласно материалу НКРЯ, слово *пенсия* употребляется в речи практически исключительно в значении 'пенсия по старости'. Лексема *пенсия* обозначает какой-то другой вид пенсии только примерно в 6 % встречающихся в НКРЯ примеров, причём в этом случае обязательно контекстуальное указание на вид пенсии с помощью соответствующего распространителя. Например: «... Оказалось, что после смерти отца дочке назначили **пенсию по потере кормильца**» [2, 2018]. Если же речь идёт о пенсии по старости, то уточнение её оснований и формирования соответствующего сочетания не требуется: «Девочек перевели в другие цеха, кто-то уволился, **ушел на пенсию**, а я все равно приходила в наше здание» [2, 2016]. По нашему мнению, функционирование слова *пенсия* в современной русской речи даёт основания говорить о сужении лексического значения слова и о появлении у него ещё одного лексико-семантического варианта. Лексемы *пенсионер* и *пенсионерка* используются для обозначения людей, получающих пенсию по старости, ещё чаще, практически в 100 % контекстов. *Пенсионерами* не называют тех, кто получает пенсию по потере кормильца, по инвалидности, не достигнув пожилого возраста.

Исходя из контекстов употребления слова *пенсия* и его дериватов (*пенсионер*, *пенсионерка*, *пенсионный*) можно выявить стереотипные представления, в том числе оценочные, о пенсионерах, — коннотации лексемы *пенсия* и её дериватов.

Так как в подавляющем числе контекстов говорится о пенсионерах по старости, то основным признаком пенсионера, согласно контекстам НКРЯ, — это его пожилой возраст. Можно считать, что это не прагматическая, а семантическая характеристика, компонент нового ЛСВ слова. В НКРЯ представлены примеры с синонимией слова *пенсионер* и слов со значением 'старый': «Он **старый, пенсионер**, и помощи от властей ждать ему не пришлось» [2, 2015]. Впрочем, эксплицитное указание на пожилой возраст встречается редко, так как данный признак входит в значение слова и отдельное упоминание о нём избыточно. В приведённом примере слово *старый* служит для усиления «возрастной» семантики лексемы *пенсионер*, а комбинация данных слов призвана мотивировать коннотативный признак 'ненужности' пенсионера, который не ждёт *помощи от властей*.

По контекстам НКРЯ выявляется ещё одна стереотипная характеристика пенсионера — коннотация 'бездеятельность, отсутствие регулярных занятий'. Это проявляется, к примеру, когда лексема *пенсионер* выступает в составе сравнительной конструкции, обозначая объект сравнения (некто сопоставляется с пенсионером по признаку пассивности): *Днем Крылов, **будто пенсионер**, сидел, запахнувшись в утепленный плащ, на влажной дворовой скамейке и смотрел на мокрые нахмуренные астры...*» [2, 2017]. Как отмечает М.Н. Крылова, грамматический арсенал современных сравнительных конструкций небогат (чаще всего, как и в примере выше, говорящими используются сравнительные обороты), а вот к образам сравнения носителями языка предъявляются высокие требования с точки зрения их смысловой наполненности, ёмкости, оценочности [17, с. 36]. Лексема *пенсионер* становится ярким образом для характеристики человека, который ничем не занят, скучает, отдыхает, много спит. Аналогично используется и слово *пенсионерка*: «А я ему верю, да проспала из-за него, **как пенсионерка**. Стыд, страшно подумать» [2, 2022].

Следствием сочетания семантики пожилого возраста и бездеятельности может стать понимание пенсионера как ненужного, лишнего, бесполезного человека. Например: «Вот мне, предпринимателю, зачем **пенсионерка?** Я ее не приглашал» [2, 2014]. Пенсионер стереотипно изображается как человек, вышедший из активного состава общества, даже ставший обузой. При этом такая оценка пенсионного возраста и людей в этом возрасте осознаётся говорящими как негуманная, неправильная, недопустимая. Высказывания, касающиеся этой этической проблемы, регулярно появляются в медиапространстве. Например: «Одной из главных задач современного общества, по мнению участников конференции, является **разрушение стереотипа**, в соответствии с которым старение — это проблема, **пенсионный возраст — это период дожития, а пожилой человек — обуза для молодых и трудоспособных**» [2, 2015]. Стереотип, о разрушении которого идёт речь, тем не менее остаётся достаточно устойчивым, о чём свидетельствуют контексты НКРЯ.

Описания деятельных, живых, бойких, активных пенсионеров встречаются в контекстах НКРЯ гораздо реже, чем описания бездеятельных, безынициативных, немощных, и, возможно, именно поэтому привлекают внимание. Стереотипы, характеризующие пенсионера как человека пожилого, старого, слабого, разрушаются упоминанием деталей, которые ассоциируются с молодыми, бодрыми, полными сил людьми: «Тот самый Виктор Дмитриевич, вызывающий опасения **пенсионер, пружинисто** взбегаёт на школьное крыльцо, на плече у него — **велосипед**, на лице — **улыбка**» [2, 2013]. В приведённом примере признаки, которые декларируются как не свойственные пенсионеру и поэтому удивляющие, —

это пружинистая походка, езда на велосипеде, улыбка как признак хорошего настроения и доброжелательности. Создаётся позитивный образ, для которого характеристика *пенсионер* воспринимается как случайная, не главная.

Контексты, в которых пенсионеры предстают активными и счастливыми людьми, действительно, редки. Чаще они описываются как люди несчастные, не живущие полной жизнью, доживающие свои дни в заботах и безденежье: «...*Бабушка Вера, простая, затюканная бытовухой пенсионерка*» [2, 2013].

К стереотипным признакам пенсионеров, которые частотно проявляются в контекстах НКРЯ, относятся и физические характеристики, например внешняя непривлекательность: «*Случайные подружки становились всё менее презентабельными. Так подкатил пенсионный возраст*» [2, 2015] и физическая слабость, немощь («*Если постоялец (годы и болезни делают свое) становится немощным, его переводят в дом-интернат, что в поселке Горького (как вариант — на Красной Речке), где пенсионеру будет обеспечен надлежащий уход*» [2, 2004].

В анализируемых контекстах пенсионеры и пенсионерки нередко оцениваются как наделённые качествами, свойственными, согласно стереотипам, пожилым людям, — вредностью, назойливостью, ворчливостью, болтливостью, стремлением наущничать, жаловаться и т. п. Например, в художественном тексте типичное описание пенсионера может создаваться с помощью негативно оценочной лексики, например: «*Он носил свой необъятный живот и бубнил, что персональный пенсионер. Сражался с мелюзгой, отбирал рогатки и мячики, чтобы не били окна. <...> непрерывно строчил доносы и жалобы*» [2, 2013]; «*Пенсионерка, заняться нечем, вот и доколупалась до Санька*» [2, 2014]. Одним из устойчивых эпитетов, к слову, *пенсионер* становится прилагательное *вредный*: «*Вредный пенсионер, вчитавшись в ее бейджик, вообще с горечью сказал про понаехавших и что скоро русских вообще не будет*» [2, 2016].

Невысоко, как правило, оцениваются и когнитивные способности, здравомыслие пенсионеров. В частности, в СМИ нередко упоминаются глупые, непродуманные поступки, совершаемые пенсионерами и подаваемые с иронией, сарказмом. Например: «*320 кг гречки для личного пользования купила пенсионерка из Балахнинского района Нижегородской области. Запасливая женщина истратила на крупу четыре свои пенсии...*» [2, 2015].

В описаниях пенсионеров в художественных текстах, как правило, сочетается несколько наиболее типических признаков, с помощью которых характеризуются люди пожилого возраста. К примеру, это могут быть физическая немощь и безынициативность (действие по привычке,

на основании сформированного ранее опыта): «*Борьба с ним, а вернее трусливое и заранее обречённое на безуспешность бегство от него (так старается догнать уже закрывающий двери автобус пенсионер с палочкой в дрожащей руке, просто по привычке зная, что отъезжающие автобусы надлежит догонять)...*» [2, 2013]. В данном примере снова видим сравнение, точнее – сопоставление (на этот раз в форме вставной конструкции с указательным словом *так*), объектом сопоставления является пенсионер, его качества и действия. Апелляция к подобному стереотипному образу позволяет говорящему создать яркую и понятную адресатам именно за счет своей максимальной стереотипности картину.

Ещё одна коннотация лексемы *пенсионер(ка)*, проявляемая в рассматриваемых контекстах, — понимание пенсионера как обычного, ординарного человека, не наделённого какими-то особыми способностями, такого же, «как все». Определение *обычный* является достаточно распространённым атрибутом рассматриваемых лексем. Средний, обычный пенсионер в представлениях носителей языка — благопристойный приличный человек, который образцово себя ведёт, неприметен внешне, не отличается эксцентричностью. Например: «*Вера огляделась, перед ее взглядом предстали мужчины всех сортов: взрывной тихоня и флегматичный баламут, благообразный пенсионер, эксцентрик со стрижкой и тихий, неприметный псих*» [2, 2015]. «Обычный пенсионер» ведёт себя скромно, нередко выглядит испуганным, не чувствует себя хозяином жизни, ощущает, что с выходом на пенсию занял непривилегированное положение в обществе, утратил статус его сильного, полноправного члена, обеспечивавшийся ранее общественно полезным трудом. Например: «*Виктор Бабкин, высокий худощавый пенсионер с лицом унылым и пуганым*» [2, 2014]. Нередко упоминание об «обычности» пенсионера звучит иронично и подразумевает, что ощущение ординарности только мнимое, а на самом деле человек не такой уж обычный, просто его неординарность скрыта за маской «обычного пенсионера». Например: «*Сейчас вроде бы обычный пенсионер-мухомор, но, если присмотреться — ан нет, не обычный!*» [2, 2011], «*Сегодня я обычный пенсионер, подрабатывающий инвестконсультациями в разных регионах страны*» [2, 2017].

Анализируя оценочный план контекстов НКРЯ, нельзя не отметить, что в речевом употреблении регулярно звучит мысль о недостаточном размере пенсии применительно, как правило, к пенсии по возрасту. Например: «*У меня такая пенсия, все не по карману, — хмуро ответила дама, глядя в сторону*» [2, 2019]. Можно сказать, что в прагматике слова *пенсия* на современном этапе его функционирования в языке наиболее сильной является коннотация ‘маленькая, незначительная’, в связи с чем в речи нередко сочетания *маленькая пенсия, грошовая пенсия, копеечная пенсия, смешная пенсия* и т. п. Напри-

мер: «Никто не сообщил, к примеру, матери, что ее **грозовая пенсия**, на которую можно протянуть, только покупая “благотворительные” продукты в серых присохших упаковках, всего лишь условность, правило игры» [2, 2017].

Тема недостаточной пенсионной выплаты по возрасту влияет на восприятие образа пожилого человека, пенсионера в современной русской картине мира. Пенсионер выступает как необеспеченный человек, живущий скромно, часто испытывающий лишения, но при этом полный достоинства, не ругающий жизнь. Например: «У меня **пенсия** 7 тысяч, — признается Дон Кихот. — И инструкции, как на это можно прожить, не выдают» [2, 2016]. С другой стороны, пенсия может оцениваться как стабильный доход, и пенсионер, как человек пусть и с небольшими, но постоянными средствами, может даже быть единственным (или основным) кормильцем для семьи. Например: «Теперь надо внука поднимать, а я — главный кормилец: у меня **пенсия** 12 200 плюс зарплата» [2, 2016].

Особое место среди дериватов слова *пенсия* занимает лексема *предпенсионер*, образованная префиксальным способом от слова *пенсионер*. Она является неологизмом с терминологическим значением, в толковых словарях не зафиксирована, свойственна официально-деловому стилю. Объяснение семантики слова *предпенсионер* находим в НКРЯ: «Также законодательно появилось понятие “**предпенсионер**”. Это люди, которым до пенсии остается пять лет» [2, 2019]. В основном корпусе контексты с данным словом отсутствуют, что объясняется задержкой с вводом контекстов, а в газетном корпусе нами обнаружено 363 примера, из которых 11 — в форме единственного числа. Все контексты относятся к официально-деловому стилю, представлены в документах и новостных сообщениях официального характера: «В Москве упростили порядок получения статуса **предпенсионера**» [2, 2021]. Количество и характер контекстов указывает на то, что лексема *предпенсионер* ещё не вошла в широкое употребление. В официальных сообщениях декларируется необходимость оказывать помощь предпенсионерам со стороны государства, звучит мысль об их социальной незащищённости в связи с немолодым возрастом и скорым выходом на пенсию. Например: «, По его словам, безработные **предпенсионеры** находятся в уязвимом социальном положении и нуждаются в соответствующей правовой помощи» [2, 2019].

Состав дериватов слова *пенсия* пополняется не только за счёт единиц официально-делового стиля. В последнее время в русском языке достаточно активно функционирует лексема *пенс* в значении ‘пенсионер’, образованная от производящей основы *пенсионер* усечением. Эта лексема имеет просторечную стилистическую окраску и обычно используется как насмешливое или

даже обидное наименование. По нашим наблюдениям, лексема *пенс* применяется говорящими активно, но сферой её функционирования является непосредственная разговорная речь, поэтому в НКРЯ она встречается не очень часто. С помощью слова *пенс* называют пожилого человека, который чем-то неприятен, вызывает у говорящего негативные чувства. Например: «А то такую милашку быстро какой-нибудь **пенс** из Германии заберет» [2, 2013], «Там атакуют Трампа, чтобы после импичмента президентом стал удобный **пенс**» [2, 2019]. В форме множественного числа лексема *пенсы* обозначает пожилых людей как совокупность: «Подходит дама средних лет и просит написать про другую катастрофу — местного депутата, он же сосед, который исправно сносит скамейку у подъезда, чтобы **пенсы** не галдели под окном, не мешали его послеполуденному отдыху» [2, 2012]. Лексема *пенс* семантически связана только со словом *пенсионер* в значении ‘лицо, получающее пенсию по возрасту’, то есть во вновь образуемых дериватах лексемы *пенсия* значение возраста становится единственным.

Основные коллокации, в состав которых входят слова *пенсия* и дериваты: *будущий пенсионер*, *почётный пенсионер*, *персональная пенсия*, *персональный пенсионер*, *пенсионный возраст*, *пенсионная реформа*, *пенсионный фонд*, *пенсия по старости*, *пенсия по возрасту* и др. Все они связаны с указанием на пожилой возраст и относятся к каким-то вопросам, касающимся пенсии по старости (= по возрасту). Если употребление слов *пенсия* и дериватов как самостоятельных номинативных единиц ещё подразумевает их, пусть и нечастое, использование в других значениях, не связанных с возрастом, то в качестве коллокатов они имеют исключительно «возрастную» семантику, обозначая пенсию для пожилых людей и связанные с нею явления. Для подавляющего большинства контекстов, в которых используются данные сочетания, свойственна официально-деловая окраска, то есть сочетания функционируют как термины или близкие к ним единицы.

Сочетание *будущий пенсионер* используется чаще всего в контекстах, содержащих объяснения действий, которые необходимо совершить человеку, приближающемуся к пенсии по возрасту. Как правило, примеры касаются каких-то вопросов начисления пенсии и носят официально-деловой характер. Например: «Эту пятую часть **будущий пенсионер** сможет либо оставить в государственных руках, либо отдать в частные» [2, 2003]. Экспрессию и оценку, связанные с неизбежностью пенсии, а значит — старости, данная коллокация передаёт очень редко и только в художественном дискурсе: «А ты не думал, что и ты — **будущий пенсионер**? — не выдержал Кривцов» [2, 1982].

Коллокации *почётный пенсионер*, *персональный пенсионер* и *персональная пенсия* используются в офи-

циальной речи и, как правило, имеют положительные коннотации. В сознании носителей языка закрепилось представление, в соответствии с которым почётными пенсионерами и обладателями персональной (более высокой) пенсии становятся наиболее уважаемые люди, сделавшие много для своего государства. В связи с этим коллокация *почётный пенсионер* часто используется в ряду однородных членов, также указывающих на высокие заслуги пожилого человека: «К сему руку приложил Андрей Каргин, **заслуженный работник образования, почётный пенсионер, ветеран труда**» [2, 2015]; «Первым был седой стройный старик — **ветеран двух войн, стахановец и персональный пенсионер**» [2, 2001]. Об обладании человеком персональной пенсией обычно говорится как о его неоспоримом достоинстве: «Труд Александра Ивановича был отмечен правительственными наградами и медалями ВДНХ; ему не по должности, а за личные заслуги была установлена **персональная пенсия**» [2, 2004].

Преобладание подобных контекстов не исключает ироничных и даже негативных употреблений. В переносном ироническом употреблении номинация *почётный пенсионер* сохраняет компоненты 'старость' и 'заслуги' (в данном примере — исправная служба): «А унитаз этот — уже **почётный пенсионер**» [2, 2010]. Контексты с негативными характеристиками обладателей звания *персональный пенсионер* встречаются в основном в художественной литературе для указания, очевидно, на некоторое высокомерие персонажа, и совмещаются с указаниями на стереотипные признаки старости: брюзгливость, сварливость: «В соседнем доме тяжёлый отёкший старик был ещё одним получателем пенсии на дому. Жена вывезла его в коляске в высокую сталинскую комнату будто в царские палаты. **Персональный пенсионер. Неповоротливый, медлительный, как водолаз**» [2, 2016], «Он носил свой необъятный живот и бубнил, что **персональный пенсионер**» [2, 2013]. Иногда сложно понять, что провоцирует негативизм говорящего в адрес человека, квалифицируемого как *персональный пенсионер*. Вероятно, его в его основе лежит противопоставление *обычным пенсионерам* (составляющим подавляющее большинство). Человек, получающий повышенную пенсионную выплату, у некоторых *обычных пенсионеров* вызывает подсознательное недовольство, ведь для наблюдателя со стороны обычно неизвестно, за какие заслуги она получена.

В современном русском языке функционируют два сочетания, являющиеся синонимичными, — *пенсия по старости* и *пенсия по возрасту*. Оба они являются официальными, первый встречается в Законе о трудовых пенсиях, второе — в Трудовом кодексе Российской Федерации. В официальных документах чаще используется сочетание *пенсия по старости*, так как они апеллируют главным образом к Закону о трудовых пенсиях, что от-

ражается и в частоте использования данных сочетаний в НКРЯ: «**Пенсия по старости назначается при наличии не менее пяти лет страхового стажа, если гражданин трудился не во вредных условиях труда и не претендует на льготную пенсию**» [2, 2003]. Можно отметить нежелание носителей языка использовать выражение *пенсия по старости* в разговорной речи. Естественно, это психологически неприятно, поскольку в этом случае имеется в виду, что человек, выйдя на пенсию, сразу становится старым. Нежелание (сознательное или подсознательное) мириться с резким возрастным переходом обуславливает применение в устной речи обычных граждан выражения *пенсия по возрасту*. Например, видим его в зафиксированных в СМИ вопросах, которые граждане задают юристам и другим специалистам: «**Какой трудовой стаж работы нужно иметь, чтобы беспрепятственно оформить пенсию по возрасту?**» [2, 2003]; «**Увеличится ли размер моей пенсии, если по достижении 55 лет я перейду с пенсии по инвалидности на пенсию по возрасту?**» [2, 2002].

О прочном закреплении рассматриваемых сочетаний в современном русском языке говорит то, что они получают возможность использоваться в речи как метафоры. Например: «Вероника окончила школу в тот самый год, когда росчерк пера оставил от государства, вступившего в **пенсионный возраст**, воспоминание, для кого-то приятное, для кого-то не очень» [2, 2010]. В данном случае свойство старости становится характеристикой не человека, а государства, а сочетание *пенсионный возраст* служит для передачи этой переносной семантики. Ещё один пример: «**Фактически остается главный материальный актив — недвижимость, своего рода пенсионный фонд наших сограждан (именно в нее сейчас и пытаются вложить деньги состоятельные россияне)**» [2, 2014] — термином *пенсионный фонд* называют приобретаемую недвижимость, подразумевая, что люди, выйдя на пенсию, будут жить на доходы от сдачи её в аренду.

Заключение

Лексема *пенсия* и её дериваты относятся к активной лексике современного русского языка, часто используются говорящими, встречаются в различных стилях, разновидностях и жанрах русской речи. В толковых словарях значение слова *пенсия* не предполагает обязательной связи с семантикой пожилого возраста. Однако в подавляющем большинстве контекстов НКРЯ слово *пенсия* и его дериваты используются для обозначения явлений и объектов, связанных с пожилыми людьми, получающими пенсию по старости. Можно говорить о сужении значения рассматриваемых лексем и образовании у них нового ЛСВ, входящего в семантическое поле 'возраст'. Контексты НКРЯ с анализируемыми лексемами показывают стереотипные представления, связываемые

с лексемами, *пенсия* и *пенсия* и согласующиеся с прагматическими компонентами, которые описаны для лексики со значением 'старость': 'бездеятельность', 'бесполезность', 'внешняя непривлекательность и неприметность', 'физическая немощь', 'ворчливость', 'сварливость', 'низкие когнитивные способности', 'безынициативность', 'малообеспеченность'. Контексты, в которых происходит отход от данных стереотипов, становятся оригинальными, привлекающими внимание; пенсионеры, ведущие себя нестереотипно, как люди более молодого возраста, обычно оцениваются положительно.

Если лексемы *пенсия*, *пенсионер* являются коллоката-

ми и входят в состав сочетаний разной степени устойчивости (*пенсионный возраст*, *будущий пенсионер* и др.), то признак пожилого возраста в их семантической структуре становится не просто преобладающим, а единственным; они используются только для наименования пенсии по старости, людей, эту пенсию получающих, предметов и явлений, с нею связанных. Большая часть коллокаций с лексемой *пенсия* и дериватами используются в официально-деловом стиле, где их окраска чаще всего нейтральная, официальная, торжественная (*будущий пенсионер*, *персональная пенсия*). В художественном стиле и в разговорной речи ряду сочетаний свойственно ироничное, насмешливое употребление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крышталева В.Е. К вопросу об определении понятия «коллокация» в отечественной и западной лингвистических традициях // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 9. С. 34–41.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.01.2024).
3. Диас Е., Арсентьева Е.Ф. Фразеологические единицы, обозначающие старый возраст человека, в английском и русском языках // Филология и культура. 2018. № 1 (51). С. 57–63.
4. Листраткина К.А. Репрезентация концепта «старость» в паремиологическом фонде русского языка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 12. С. 111–113.
5. Салимьянова И.В. Оценка пожилого человека в русской языковой картине мира // Вестник Поморского университета. 2011. № 7. С. 199–202.
6. Ван Шоин. Эвфемистические обозначения представителей старшей возрастной социальной группы в современном публицистическом дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 356–358.
7. Лаптев И.В. Эвфемизмы тематической группы «старение» в языке рекламы // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 46–49.
8. Бирюкова В.П. Этнокультурная специфика концепта «старость» // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 3. С. 41–47. DOI: 10.25586/RNU.V925X.20.03. P.041.
9. Рудакова О.И. Ступени деривации центральных лексем концептов «молодость» и «старость» // Вопросы филологических наук. 2006. № 5. С. 100–102.
10. Янь Ч. Обозначение старшего возраста в русском и китайском языках // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 343–346.
11. Бутакова Л.О. Возрастная лексика как объект рецепции (на примере стимулов «пенсионер», «пенсионерка», «пенсия») // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сборник статей международной научно-практической конференции. Омск: Омский гос. ун-т, 2019. С. 143–149.
12. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 9. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 1482 стб.
13. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1987. 752 с.
14. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
17. Крылова М.Н. Сравнительная конструкция в пространстве современного художественного текста // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 22–2. С. 34–41.

© Ван Шоин (shoin.van@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИРИКА АНДРЕЯ ВИНОКУРОВА В САРАТОВЕ В 1920-Х ГГ

LYRICS BY ANDREY VINOKUROV
IN SARATOV IN THE 1920S

A. Gavrilova

Summary: The article is devoted to the current problem of the inclusion of the cultural life of the Volga region in the 1920s in the all-Russian literary process. The focus is on the work of Saratov poet Andrey Vinokurov. The full text and analysis of the poet's poems are presented for the first time. The novelty is due to the involvement of «provincial» material, which is distinguished by its indisputable artistic value.

Keywords: Andrey Vinokurov, provincial writers, NEP, literary process.

Гаврилова Алла Александровна

кандидат филологических наук, преподаватель ГАПОУ СО
«Энгельсский промышленно-экономический колледж»
alla.gavrilova82@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме включения культурной жизни Поволжья 1920-х гг. в общероссийский литературный процесс. В центре внимания находится творчество саратовского поэта Андрея Винокурова. Впервые приводится полный текст и анализ стихотворений поэта. Новизна обусловлена привлечением «местного» материала, отличающегося бесспорной художественной ценностью.

Ключевые слова: Андрей Винокуров, провинциальные писатели, НЭП, литературный процесс.

Актуальность статьи связана с проблематикой литературного регионализма в контексте общероссийского литературного процесса. По справедливым замечаниям литературоведов, необходимо привлекать именно провинциальный опыт с целью расширения и дополнения периодизации литературного процесса и полномасштабного представления о «двадцатых годах» [6, 8]. Многие провинциальные литераторы, среди них и Андрей Винокуров, остались неизвестными по причине значительной утраты архивных документов. Данная статья открывает путь по восстановлению его имени.

В творчестве саратовских писателей 1920-х гг. центральное место занимали мироощущение и деятельность рабочего класса, а также его влияние на становление новой культуры. «Именно в это время, в первые послереволюционные годы, литературная жизнь города заявила о себе особенно ярко. К середине 1920-х гг. в Саратове насчитывалось более 30 литературных изданий. Здесь была создана одна из первых в России организаций Пролеткульта, а позднее – Саратовская писательская организация» [3, с.8]. Пропитанные революционным духом произведения авторов указанного периода отражали происходящие исторические потрясения, находили горячие отклики в читательской среде и, что немаловажно, одобрение со стороны власти. При этом следует отметить, что писателям-реалистам противостояли другие авторы, творчество которых контрастировало с пролетарской поэзией. А. Мухарева, Г. Левин, М. Советов, Вяч. Аверьянов, А. Вельдт, А. Винокуров, П. Скосырев – представители модернистских течений, публиковавшие свои произведения на страницах местных журналов. Примечательно, что целью изданий было привлечение саратовского читателя к литературно-художественной жизни. Действительно, саратовские журналы стремились «научить читателя ценить подлинное в литературе» [3, с.119]. Судя по напечатанным стихотворениям, ре-

дакция литературно-художественного и театрального еженедельника «Художественный Саратов», например, считала такую поэзию достойной внимания. «Конечно, стихи эти не идеальны, вторичны. В них слышны голоса то Некрасова, то Блока, то Маяковского. Однако на фоне поэзии того времени они выглядят довольно привлекательно» [3, с.121].

Так, на страницах «Художественного Саратова» (позже переименован в «Новый художественный Саратов») нашли свое место произведения Андрея Винокурова, который входил в состав этого литературного еженедельника. Остановимся на стихотворении «Лире», напечатанном в шестом номере «Художественного Саратова» в 1923 году.

Лире

Я сегодня смету для тебя с высоты,
Мои звезды – цветные камни.
Наряжайся! Украйся! Тебе все! Лишь ты,
Только ты, будешь в них в день рожденья.

Я нарву для тебя ярко-крылых цветов,
Принесу, задушу ароматом.
Затоплю твою комнату музыкой слов,
Буду сам весь звучально-крылатым.

Миллион наберу я и скрипок, и лир,
Мандолин, пианин и роялей,
Чтобы дрогнул от грома аккордов весь мир
Еще шире раздвинулись дали.
Тебе гимн я сплету из весенних красот,
Вставлю год твой я в солнечном круге...
Сердце в звонкую грудь словно в колокол бьет.
Солнце небо прорвало на юге. [9, с. 3]

Стиль, приемы, рифмы – все говорит о знании ав-

тором стихосложения. Обращение к лире – характерный прием поэтов, так как она символизирует поэзию и вдохновение. Динамичность в стихотворении достигается с помощью трансформации в поэтическое творчество авторского «Я»: «я смету», «я нарву», «принесу», «задушу», «затоплю», «буду сам», «наберу я», «я сплету», «вставлю я», «затоплю твою комнату музыкой слов, буду сам весь звучально-крылатым». Для усиления звуковой выразительности автор использовал перечисления «миллион скрипок, лир, мандолин, пианин и роялей», под влиянием которых «дрогнет весь мир и еще шире раздвинутся дали». «Мои звезды – цветные камни», «ярко-крылые цветы» символизируют произведения поэта, его неповторимое творчество, затмевающее все вокруг. «Наряжайся! Украйся! Только ты будешь в них в день рождения». «День рождения» – рождение нового искусства, поэтических форм и языка.

В журнале «Новый художественный Саратов» А. Винокуров публикует детскую сказку в стихах «Сны».

Сны

Детская сказка

Эх, какие видел сны я
 Нынче ночью, если б знали,
 Будто все цветы лесные
 В мою спальню прибежали.
 Смотрят все улыбкой алой
 И смеются звонко, звонко...
 Встал с кровати. Одеваю
 Сбросил, стал будить сестренку.
 Вдруг прыгнули Незабудки
 На постель целуют глазки:
 – «Приходи к нам в лес, малютка,
 Слушать песни наши, сказки.
 Любим мы красивых, смелых,
 С нами будешь сам цветочком,
 Зазвенишь в березках белых
 И заплывешь с ветерочком» ...
 А потом, все встали рядом
 Наперед прошли бутоны
 Жгут меня весенним взглядом
 И, смеясь, кладут поклоны.
 Что за чудо? Уж не сплю-ль я?
 Ущипнул себя, – нет, больно.
 А цветочки, – кто на стулья,
 Кто на стол: – «Пойдем, довольны» ...
 Стал собираться. Тихо в зале.
 Спали все. Спала и Надя,
 Вдруг цветочки побежали
 Все под стол, к моим тетрадам.
 Я туда. Гляжу, за мною
 Волк с сестренкою дерется...
 А-а-а!!! – Проснулся... За стеною,
 Выюга плачет и смеется [5, с. 7]

Тема сна нередко встречается в лирике 1920-х гг. («Сон» Б. Пастернак, «Долины сна» К. Бальмонт, «Мой тихий сон, мой сон ежеминутный» О. Мандельштам, «Сон» Н. Гумилев, «Сон» М. Цветаева), где сон представлен как альтернатива реальности и земного существования, как состояние вечного покоя и забвения души. Сон символизирует совершенно разные состояния человека: свободу, счастье, безрассудность, страх, бессилие.

В стихотворении А. Винокуров посредством изображения сна создавал двоemiрие: с одной стороны изображена действительность и осязимо присутствие автора наяву («Эх, какие видел сны я / Нынче ночью, если б знали»), с другой стороны – ирреальность действительности («Вдруг цветочки побежали / Все под стол, к моим тетрадам»). Взаимодействие воображения и действительности являются характерными модернистскими приемами. Стихотворение состоит из восьми четверостиший, действие развивается постепенно – от неторопливого начала повествования до увеличения темпа развития событий, что достигается синтаксическими структурами и графическим изображением. «Сны» изображают метафорами и олицетворениями: «цветы в спальню прибежали», «смотрят все улыбкой алой», «прыгнули Незабудки, целуют глазки», «прошли бутоны», «весенний взгляд», «выюга плачет и смеется».

Творческая деятельность А. Винокурова не была лишена также и любовных стихотворений. Тема любви в произведениях первой трети XX в. исследуется во многих работах, где концепт любви неразрывно связан с поисками духовности, с моральным и нравственным совершенствованием. Любви отводилась высокая роль в преодолении разорванности человеческой личности, в преображении мира, в создании этики творчества [2, 4, 7]. Литературоведы делают акцент на том, что только посредством любви человек обретает целостность. Любовь формирует новую реальность, состоящую из красоты и истины [2, с.82]. В связи с этим авторы считают, что любовь становится доминантой художественной мысли.

Затрагивая тему любви в поэзии провинциальных авторов, в частности Андрея Винокурова, справедливым будет отметить умение поэта глубоко и искренне передавать романтические переживания, а также воспевать красоту женского образа. Яркими примерами являются стихотворения «Девушке», «На лужке», «Ожидание». Остановимся на них подробнее.

Девушке

Светлая девушка с думами-грезами,
 С глазками-искрами, с сердцем играющим,
 Девичий путь твой украсить бы розами,
 Жизнь увенчать бы Весной расцветающей.
 В дали-б умчаться с тобою безгранные,
 Со звоном серебряным, в дымной коляске –

Все: и луга, и поля златотканые
 Вставить в искристые, девичьи глазки.
 Солнцу бы на небо крикнуть: – Раскрашивай
 Путь наш лучами в узоры венчальные.
 Ветер, кружись и звени, но не спрашивай...
 Дальше нам, в дали безгранно-зеркальные. [9, с. 5]

Для выразительности поэт использовал метафоры и сравнения: «светлая девушка», «с думами-грезами», «с глазками-искрами», «с сердцем играющим», «весной расцветавшей», «со звоном серебряным», «в дымной коляске», «и луга, и поля златотканые». Природа служила автору идеальной метафорой для передачи эмоций. В качестве художественных деталей применены различные образы. Например, «солнце», «ветер», «весна» связаны с молодостью, счастьем и свободой. Автор использовал лексему «розы» как символ настоящей любви и счастья, как «символ молодости, нежности, невинности и чистоты лирической героини, а также страсти пылкой лирического героя» [1, с. 29]. Стихотворение «Девушке» наполнено упоением предчувствия любовного счастья. Как справедливо отметила В.И. Пахомова, «любовь в русской художественной мысли понимается как поиск гармонии, мыслится как расширение жизни и духа, она дает иной взгляд на бытие и представляет каждую частичку его и каждое явление как потенциально-прекрасное» [7, с. 123].

На лужке
 Посвящаю Мане Ви-вой
 Когда вышла ко мне ты на край села
 На зеленый, росистый лужок.
 Ты не зарей ли щеки нарасила
 Не из тумана ль голубой был платок?
 За тобой, как за пьяной вились следы,
 Ты тропу по лужайке прожгла.
 Ах, не ночью ль упавшие две звезды
 Приколола для встречи той к ямкам глаз?
 Подбежала, а губы – ни слова мне,
 Точно встреча спалила слова...
 Долго, долго в девичьем, утреннем сне
 Лежала на сердце моем голова... [5, с. 9]

В стихотворении автор боготворит свою избранницу и встречи с ней. Встречи проходят далеко от чужих взоров («Когда вышла ко мне ты на край села»), герои встречаются часто («Ты тропу по лужайке прожгла»). Состояние возлюбленной передается с помощью разных средств: «Ты не зарей ли щеки нарасила / Не из тумана ль голубой был платок?». Наслаждение отношениями и их ожиданием передают слова «За тобой, как за пьяной вились следы». Автор умиляется девичьей застенчивости: «Подбежала, а губы – ни слова мне, / Точно встреча спалила слова...». Глаза словно звезды, светятся от счастья встречи с любимым («Ах не ночью ль упавшие две звезды / Приколола для встречи той к ямкам глаз?») Размеренность, покой и тихое счастье проступают в по-

следних строках стихотворения. Единение душ – это тот оплот счастья, в силах которого побороть все жизненные невзгоды.

В стихотворении «Ожидание» любовная тема переплетена с обстановкой действительности.

Ожидание
 Все не пришла... А скоро вечер...
 По парку – голубая пыль.
 И солнце фабрике на плечи
 Кладет Июльские снопы.
 Уж был гудок... Чего же мучить.
 Устал искать глазами шарф.
 А вечер с загородней кручи
 Все удлиняет мягкий шаг.
 Пришел и в каменных ущельях
 На радуги чугунных дуг,
 Развесил лампы – ожерелья,
 А я гляжу в окно и жду...
 Вдруг сталью звякнуло замочной...
 - Ты здесь... А лоб. Что, скучно ждать,
 Но ведь для свадьбы сверхурочно
 Я, милый, оставалась ткать...
 Упал на лоб мой – локон черный
 А в сердце – звездные глаза.
 Мне жарче было, чем у горна.
 Я... ничего ей не сказал [9, с. 6]

Название стихотворения полностью определяет сюжет. Лирический герой находится в долгом ожидании своей возлюбленной, которая задерживается на фабрике. Для придания некой романтической недоговоренности и создания у читателя ощущения длительного ожидания поэт многократно использует эллипсис: «Все не пришла... А скоро вечер.../ «По парку – голубая пыль / Уж был гудок.../ А я гляжу в окно и жду.../ Ты здесь... Вдруг сталью звякнуло замочной.../ Я, милый, оставалась ткать.../ Я... ничего ей не сказал». Поэт усиливает выразительность высказывания с помощью олицетворения: «И солнце фабрике на плечи / Кладет Июльские снопы / Вечер удлиняет мягкий шаг... / Пришел.../ Развесил лампы- ожерелья». Тягостное чувство ожидания передается также в строках: «вечер удлиняет», «устал искать глазами шарф» «радуги чугунных дуг», «развесил лампы-ожерелья». В канву стихотворения вплетены реалии времени: фабрика, горн, гудок, чугунные дуги, замочная сталь. Однако доминирующей темой остается любовь, как реальность вне реальности, как вечная составляющая жизни: «А в сердце – звездные глаза / Мне жарче было, чем у горна».

Таким образом, творчество Андрея Винокурова выделялось на фоне пролетарской литературы в силу отдаления от происходящих исторических событий. Ключом к пониманию творческих импульсов автора может служить его ощущение исторических перемен, которое

отразилось на глубине мысли, интенсивных поисках и оригинальности мышления. Подчеркнем, что задачи, связанные с толкованием стихотворения, имеют индивидуальный характер, и анализ произведения всегда остается вопросом спорным и открытым, а эстетическая деятельность и творчество поэта подвержены все большим интерпретациям.

Подводя итоги, необходимо отметить, что изучение

провинциальной культурной жизни становится приоритетным направлением для специалистов. «Воссоздание же целостной культурной жизни того или иного города в определенную эпоху, осмысление особенностей ее развития остается открытой и актуальной проблемой». [3, с. 413]. Перспективой исследовательской работы является дальнейшее изучение творчества Андрея Винокурова, а также других саратовских писателей Поволжья в период НЭПа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина М.А. Репрезентация лингвокультуры «роза» в русской поэзии Серебряного века / М.А. Аверина // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – № 38. – С. 27–31. – EDN SIBNJZ.
2. Булгучева С.А. Вербализация концепта «любовь» в поэзии Серебряного века / С.А. Булгучева, Т.Б. Бекова // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2017. – № 2. – С. 81–84. – EDN YNLVGP.
3. Губернская власть и словесность: Литература и журналистика Саратова 1920-х годов / Сарат. МИОН; под ред. Елиной Е.Г., Герасимовой Л.Е., Трубецковой Е.Г. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 421, [7] с.
4. Джежер Н.С. Взаимосвязь Эроса и других видов любви в религиозной эстетике Серебряного века / Н.С. Джежер // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 4. – С. 253–262. – EDN LSRFIP.
5. Новый художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник, 1923, №8.
6. Овчаренко А.Ю. «Большие двадцатые годы» в истории русской литературы XX века: к столетию журнала «Красная новь» / А.Ю. Овчаренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 311–316. – DOI 10.22363/2312–9220-2021-26-2-311-316. – EDN SWCIFB.
7. Пахомова И.В. Тема любви в художественном опыте эпохи Серебряного века / И. В. Пахомова // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2014. – № 2(43). – С. 116–125. – EDN SHHDYP.
8. Хрусталева А.В., Г. Лелевич в Саратове. Из хроники саратовской литературной жизни / А.В. Хрусталева // Studia Litterarum. – 2021. – Т. 6, № 3. – С. 380–393. – DOI 10.22455/2500–4247-2021-6-3-380–393. – EDN QGNBEX.
9. Художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник. 1922, №1.

© Гаврилова Алла Александровна (alla.gavrilova82@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ПОЗИЦИИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

CHANGES IN THE LEXICAL SEMANTICS OF WORDS IN THE ENGLISH LANGUAGE FROM THE PERSPECTIVE OF COGNITIVE LINGUISTICS

N. Golik
M. Agoeva
N. Klimova

Summary: In this article, the phenomenon of polysemy and semantic changes in the vocabulary of modern English are considered from the standpoint of cognitive linguistics. New meanings of familiar words are formed in the process of human cognitive activity by conceptualizing new experiences. The article postulates the idea that the mechanism of expanding the semantic volume of words, their metaphorical application, can be equated with the accumulation of cognitively significant perceptual experience acting as a fixed prototype for new meanings.

Keywords: semantic changes, polysemy, extension of meaning, semantic shift, metaphor.

Голик Наталья Александровна

кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Пятигорский государственный университет»
Nataly.PGU@mail.ru

Агоева Марианна Муссаевна

кандидат исторических наук, доцент ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский федеральный университет»
marianna_agoeva@mail.ru

Климова Наталья Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский федеральный университет»
nazar11081@mail.ru

Аннотация: В данной статье явление полисемии и семантические изменения в лексике современного английского языка рассматриваются с позиций когнитивной лингвистики. Новые значения привычных слов формируются в процессе познавательной деятельности человека путем концептуализации нового опыта. В статье постулируется идея о том, что механизм расширения семантического объема слов, их метафорическое применение возможно приравнять к накоплению когнитивно значимого перцептивного опыта, выступающего в качестве фиксированного прототипа для новых значений.

Ключевые слова: семантические изменения, полисемии, расширение значения, семантический сдвиг, метафора.

Наличие многозначных слов – одно из системообразующих свойств языка. Полисемия, иначе многозначность, компенсирует проявляющуюся на лексическом уровне асимметрию между ограниченностью языковых знаков и бесконечным разрастанием сфер человеческой жизни. Вновь возникающие явления требуют осмысления и номинации, и новый опыт зачастую фиксируется посредством существующих в языке словоформ.

Вопросы изменения семантики слова традиционно находятся на пересечении неологии и теоретических концепций семантики, затрагивая такие лингвистические категории, как семантическая мотивированность, семантическая деривация и внутренняя форма слова. Однако развитие новых значений имеет когнитивную природу, а полисемия в целом – это путь концептуализации нового опыта. Следовательно, любые изменения на уровне семантики должны изучаться с позиции когнитивной лингвистики. Примечательно, что «именно феномен многозначности с самого начала был центральной проблемой когнитивной лингвистики» [6, с.15]. Согласно А.И. Ольховской, когнитивное рассмотрение многозначности базируется, прежде всего, на признании полисе-

мии необходимым и естественным мыслительным механизмом постижения доселе неизвестных сущностей окружающего мира и рациональным способом упаковки представлений о них. В таком плане полисемия выступает как одно из проявлений отражательно-обобщающей способности языка [8, с. 37].

В системе европейских языков полисемия имеет статус языковой универсалии, и наиболее общая диалектическая причина ее возникновения – принцип экономии формальных ресурсов при передаче максимального смыслового объема. В английском языке с его высокой степенью аналитизма присоединение дополнительных смыслов к семантике существующих слов – закономерный процесс, компенсирующий недостаток морфологических средств номинации.

В современном английском языке процессы обновления значений слов происходят наиболее активно, поскольку английский язык играет глобализирующую роль и обслуживает новейшие сферы деятельности – неиссякаемые источники явлений, требующих обозначения. Продуктивность семантических сдвигов в лексике английского языка диктует необходимость их дальнейше-

го анализа и систематизации, а разработанные в когнитивной лингвистике положения оказываются при этом наиболее подходящим инструментом их исследования.

Лексическая система реагирует на социальные изменения, выступая в качестве социально значимой, опосредованной мышлением формы отражения действительности. Согласно когнитивной теории многозначности, любая единица языка имеет достаточный потенциал для развития новых значений, обозначающих различные понятия, тем самым демонстрируя на практике принцип экономии когнитивного усилия [3, с. 19–27.] Некоторые ученые полагают, что слово само по себе присутствует в сознании человека во всей сложной системе его значений, узуальных или же потенциальных, но, тем не менее, готовых при необходимости «всплыть» на поверхность [4, с. 17].

Семантические изменения в слове подразумевают совершение одной или нескольких смысловых операций, получивших в научной литературе достаточное освещение: 1) расширение значения (*extension, generalization, widening*); 2) сужение значения (*narrowing, specialization, restriction*); 3) смещение значения (*transference of meaning*).

Если допустить, что стержневое значение слова обладает некоторой абстрактностью, то в его объеме всегда сохраняется резерв для будущих потенциальных смыслов – «дремлющие гены» полисемии. Под действием определенных экстралингвистических условий происходит наслаивание новых значений, ассоциирующихся, тем не менее, со стержневым значением. Объяснение явления полисемии при таком подходе укладывается в рамки когнитивной модели прототипов. Механизм расширения значения, в частности, возможно приравнять к накапливанию когнитивно значимого перцептивного опыта, выступающего в качестве некоего фиксированного прототипа для новых смыслов.

Так, словарная статья к английскому глаголу *wipe* содержит следующие дефиниции: 1) *to rub something against a surface, in order to remove dirt or liquid from it; to rub a surface with a cloth, etc. in order to clean it* (тереть что-либо о поверхность, чтобы удалить с нее грязь или жидкость; протирать поверхность тканью и т.д., чтобы очистить ее); 2) *remove something (dirt, liquid, etc.) from something with a cloth, hand, etc* (удалять что-либо (грязь, жидкость и т.д.) с чего-либо с помощью ткани, руки и т.д.). С распространением технических средств хранения информации *wipe* расширил значение, присоединив следующее описание: *"to remove information, sound, images, etc. from a computer; video, etc."* (удалять информацию, звук, изображение и т. д. с компьютера, видео и т. д.). В Интернет-среде глагол *wipe* означает *"intentionally spamming a chat with a lot of new messages in order to hide the previous ones"* (намерен-

но загружать чат множеством новых сообщений с целью скрыть предыдущие). Еще более специализированное значение *wipe* – *"to create a digital video effect in which one image is superimposed on another"* (создавать цифровой видеоэффект, при котором одно изображение накладывается на другое). Как видим, несмотря на множество интерпретаций, стержневое значение *wipe* – «стирать, удалять» – сохраняет свой след в каждом новом толковании, выступая прототипом для последующих значений. Более поздние значения глагола *wipe* демонстрируют явную связь с прототипом и образуют с ним единую категорию. Параллели между исходным и вторичным опытом основаны на совпадении стержневого признака «удалять». Возможность специализации значения лексической единицы показывает, что в роли прототипической модели могут выступать отдельные сегменты перцептивного опыта. Однако репрезентируемое полисемантом базовое значение априори обладает таким свойством прототипической категории, как открытость, готовность к включению новых членов, иногда достаточно отдаленных по характеру и свойствам.

Изменение семантики в лексике английского языка обусловлено действием еще одного когнитивного механизма – ассоциативного применения слов или выражений по принципу сходства/смежности значения (метафорический и метонимический переносы). Логика развития полисемантической структуры в данном случае отражает устройство человеческого мозга: новые реализации словесного знака являются следствием формирования новых представлений в индивидуальной и коллективной картине мира. Добавление значений аналогично формированию пропозиций как универсальных когнитивных единиц. Последние, согласно теории У. Чейфа, представляют собой выделение предметов из событий и ситуаций и приписывание этим предметам ролей [12, с. 42].

Весьма продуктивным в генерировании новых лексических значений является механизм метафорического переноса. Причем, действие метафоры выходит за рамки семантической деривации, являясь, по сути, «актом рождения нового слова» [7, с.125]. Семантический фокус таких единиц оказывается смещен до такой степени, что связь с производным словом прослеживается только на уровне ассоциаций. Это можно проследить на примере таких слов, как *drone* – беспилотный летательный аппарат (букв. «трутень»), *tablet* – планшет (букв. «дощечка, «брусок») или *mining* – процесс добычи или создания криптовалют (букв. «добыча полезных ископаемых», «разработка месторождений»).

Концептуальная метафора в современном английском языке активно задействована в номинации понятий, связанных с новейшими технологическими разработками, с языковым оформлением Интернет-

ресурсов, стабильной работой компьютера, программным обеспечением и т.д. Термины, образованные на базе общеизвестных слов, позволяют пользователям ассоциировать незнакомые концепты из сферы высоких технологий с привычными словами: *sandbox* (песочница, лоток с песком) – специально созданная среда для безопасного исполнения компьютерных программ; *playground* (игровая площадка) – программа, с помощью которой пользователи могут сами вносить коррективы в исходный продукт из заданного набора инструментов [1, с.124]. В данном случае стержневое значение исходной единицы и сопряженные с ним ассоциации получают когнитивную обработку применимо к новым знаниям и новым фрагментам действительности, иными словами – подвергаются процессу концептуализации. По мнению А.А. Зализняк, нецентральные (производные) значения не могут быть предсказаны на основании центрального, но они мотивированы центральным

значением, трансформациями образ-схемы и метафорическими переносами [6, с. 35].

Таким образом, исследование семантики лексических единиц непременно пересекается с вопросами осмысления формы и содержания как особого единства образов. Значение языковой единицы невозможно представить в виде готового знания, эти знания формируются языковым коллективом в процессе накопления определенного опыта. Следовательно, изменения в семантике слов могут и должны быть интерпретированы с позиций когнитивной лингвистики. Появление нового значения – это особый концептуальный феномен, позволяющий представить вновь возникшее явление через призму другого, хорошо знакомого и интуитивно понятного. Это свидетельствует о важной роли полисемии в осмыслении и языковом структурировании нового опыта, фиксации новых понятий и идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агоева М.М. Неосемантизация как маркер эволюции словарного фонда / М.М. Агоева, Н.Ю. Климова, Н.А. Голик // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. -2023. -№6. -С. 122–125.
2. Бондаренко Е.И., Голик Н.А. Гендерная специфика использования усечений // Университетские чтения-2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. 2017. С. 96–101.
3. Боярская Е.Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности. Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 2. С. 19–27.
4. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1995. - №1. - С.5-36.
5. Голик Н.А. Продуктивные способы образования языковых инноваций в современном английском языке / Н.А. Голик, Д.В. Котенева // Университетские чтения - 2019: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – С. 104–106.
6. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с.
7. Марков, В.М. Избранные труды по русскому языку / Под ред. проф. Г. А. Николаева / В. М. Марков. – Казань: Изд-во ДАС, 2001. – 275 с.
8. Ольховская, А.И. Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии. - 2-е изд., стер. - Москва: Флинта, 2015. - 456 с.
9. Петренко С.А. О когнитивных основаниях семантической деривации прилагательного *deer* в английском языке URL: <http://evansys.com/articles/innovatsionnye-vnedreniya-v-oblasti-gumanitarnykh-nauk> (дата обращения: 3.02.2024)
10. Петренко С.А., Кравченко С.Ю. Структурирование концептуальных доменов лексемой «close» // Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (70). С. 43–48.
11. Соловьева Н.А. Усечения в современной англоязычной прессе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 4. С. 88–91.
12. Чейф УЛ. Память и вербализация прошлого опыта / УЛ. Чейф //Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. – М., 1983. – Вып.12. – С.9-13.
13. Meyer, I. (1998). Metaphorical Internet Terms in English and French. [Online], available at: <https://news.collinselt.com/tag/dictionaries/> (accessed: 7.02.2024).
14. Longman Dictionary of Contemporary English. – URL: <http://www.ldoceonline.com/about.html>
15. Online Collins Dictionary. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/>
16. Oxford English Dictionary URL: www.oed.com
17. Urban Dictionary URL: <http://ru.urbandictionary.com/>

© Голик Наталья Александровна (Nataly.PGU@mail.ru), Агоева Марианна Муссаевна (marianna_agoeva@mail.ru), Климова Наталья Юрьевна (nazar11081@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛИ АФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НОВОГО ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

MODELS OF AFFIXAL WORD FORMATION IN THE DEVELOPMENT OF THE LEXICAL SYSTEM AND THE REPRESENTATION OF NEW EXTRALINGUISTIC EXPERIENCE IN THE ENGLISH LANGUAGE

**N. Golik
M. Agoeva
N. Klimova**

Summary: This article is devoted to the study of affixation as one of the most productive ways of forming new words in the English language. The word-formation potential of affixes is considered as a catalyst for qualitative changes in the lexical system and a fundamental mechanism for the verbalization of human linguistic and extralinguistic experience. The analysis of the basic system-linguistic properties of affixes is significantly supplemented by the identification of non-trivial semantic representations and the latest derivational models.

Keywords: formation, affixation, neologisms, linguistic innovations, English.

Голик Наталья Александровна

кандидат филологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Nataly.PGU@mail.ru

Агоева Марианна Муссаевна

кандидат исторических наук, доцент,

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

marianna_agoeva@mail.ru

Климова Наталья Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент,

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

nazar11081@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию аффиксации – одного из наиболее продуктивных способов образования новых слов в английском языке. Словообразовательный потенциал аффиксов рассматривается как катализатор качественных изменений лексической системы и фундаментальный механизм вербализации языкового и экстралингвистического опыта человека. Анализ базовых системно-языковых свойств аффиксов существенно дополнен выявлением нетривиальных семантических репрезентаций и новейших деривационных моделей.

Ключевые слова: словообразование, аффиксация, неологизмы, языковые инновации, английский язык.

Проgressирующее развитие общества и связанные с ним глобальные изменения во всех сферах жизни отражаются в языке. Новые реалии требуют осмысления, а язык как чуткий инструмент концептуализации действительности материализует новый опыт, воплощая его в конкретные языковые формы. Лексика как самое подвижное и восприимчивое звено языковой системы одной из первых реагирует на происходящие изменения, «чутко улавливая все новое, яркое и актуальное» [3, с. 5]. С каждым витком развития общества обновляется значение привычной лексики, расширяются ее категориальные возможности, появляются новые слова, а имеющиеся в наличии словообразовательные средства адаптируются под актуальные потребности номинации.

Особенно активно словообразовательные процессы протекают в современном английском языке как «lingua franca» мирового сообщества. Английский язык располагает разнообразными словообразовательными ресурсами: конверсия, словосложение, сокращение, аффиксация, обратное словообразование и т. п. Однако не все из перечисленных способов одинаково продуктивны. Так, на основе данных электронных словарей [16, 17, 18] можно сделать вывод, что наибольшим «удельным

весом» в пополнении языка инновациями обладают словосложение и аффиксация.

Предметом анализа данной статьи является аффиксальный способ словообразования, формирующий, согласно ученым [8], около 28% новой лексики в английском языке. Аффиксация (префиксация и суффиксация) – это способ образования нового слова путем присоединения аффикса к основе слова или его корню. При таком способе словопроизводства языковые инновации образуются от имеющихся морфем, объединенных с аффиксальными элементами, по определенным словообразовательным моделям. Словообразовательная модель обладает типовым обобщенным значением, и это значение суммируется с семантикой основы.

Образование производного элемента аффиксальным способом – процесс сложный и неоднозначный. Функции аффикса сводятся к тому, чтобы «развернуть» весь потенциал значения, характерный для исходной основы, либо подчеркнуть одно из его свойств. Добавление аффикса, будь то суффикс или префикс, порождает по крайней мере одно из следующих изменений: 1) фонологическое изменение, которое может включать в себя

изменение ударения (*drama* > *dramatize*); 2) орфографическое изменение (*happy* > *happiness*); 3) семантическое изменение (*emerging* > *emergency*); 4) изменение класса слов (глагол *impress* > имя существительное *impression*) [11, с.252].

По некоторым данным, в формировании всего корпуса англоязычной лексики в общей сложности задействовано 386 префиксов и 322 суффикса [14, с.92], однако в диахроническом аспекте данные показатели нестатичны, что мотивировано, главным образом, возможностью включения в словообразовательную систему новых аффиксов. На протяжении всей истории английского языка аффиксы также демонстрируют разную степень продуктивности, регулируемую формальными, семантическими и прагматическими факторами. Примерами малопродуктивных аффиксов могут послужить древнеанглийский суффикс *-nian* (*preatnian* – *threaten*, *openian* – *open*), который впоследствии слился с морфемой *-en*, или суффиксы *-th* и *-dom*, традиционно рассматриваемые как нерелевантная модель словообразования в английском языке [12, с. 392; 10]. И наоборот, высоким словообразовательным потенциалом обладают суффиксы *-er*, *-ing*, *-ness*, *-ism*, *-ist*, *-once* (для образования имен существительных); *-y*, *-ish*, *-ed*, *-able*, *-less* (для образования имен прилагательных); *-ly* (для формирования наречий); *-ize* (глагольный суффикс).

Высокая степень абстракции и гибкость формы являются базовым источником продуктивности словообразовательных аффиксов. Так, обобщенное грамматическое значение адъективного суффикса *-able* – “способность совершения действия” – обеспечивает возможность создавать как семантически емкие терминологические лексемы, типа *programmable* (поддающийся программированию), *bankable* (прибыльный), *scalable* (масштабируемый), так и стилистически окрашенные ситуативные неологизмы, типа *shoppable* (пригодный для покупки) или *sittable* (пригодный для сидения). Суффикс *-able* легко сочетается с фразовыми глаголами, создавая оригинальные по форме и содержанию прилагательные: *unputdownable* (что-то (чаще всего книга) настолько увлекательное, что невозможно оторваться), *breakdownable* (разбирающийся на составные части), *singalongable* (легко “подпеваемый”). Высокие сочетаемостные качества демонстрирует также суффикс *-ness* с абстрактным значением “черта, свойство”: *nerd-sightedness* (склонность видеть мир с точки зрения ботана, компьютерного фаната), *wokeness* (осознание и чувствительность к вопросам социальной справедливости), *sticktoitiveness* (способность доводить проект до конца). Безграничный словообразовательный потенциал аффиксов становится фундаментальным средством концептуализации языкового и экстралингвистического опыта человека.

Операционные возможности некоторых аффиксов

с течением времени оказываются ограничены либо отдельными фрагментами действительности, либо отдельным значением. Так, когда-то заимствованный из греческого языка суффикс *-ism*, имеющий общее значение “отношение, система убеждений”, по аналогии с *racism* породил слова *sizeism* (дискриминация по росту и весу), *colourism* (дискриминация в отношении лиц с темным оттенком кожи, как правило, среди людей одной этнической или расовой группы), *heightism* (форма дискриминации по признаку роста), *fattism* (дискриминация в отношении людей с избыточным весом), *ageism* (дискриминация людей по признаку возраста), *doomism* (идея обреченности человечества из-за невозможности что-либо сделать с глобальным потеплением) [16]. Как видно из примеров, приоритетным сегодня становится значение суффикса *-ism* “отклонение от нормы, исключение из общества человека или группы людей на основании определенного признака”. На это обращает внимание В.В. Катермина, исследуя неологизмы *singlism* (дискриминация одиноких людей), *adulthoodism* (дискриминация взрослых людей), *flexism* (дискриминация людей с гибким рабочим графиком) и др. [4]. Одни из последних инноваций – *wokeism* и *transgenderism*, факт появления которых мотивирован усиленным вниманием англоязычного сообщества к вопросам социальной, расовой и гендерной справедливости. Речь идет о специализации значения аффикса, при которой, невостребованные в одном случае, аффиксы становятся высокорелевантными в другом. Специализацию значения, когда аффикс занимает определенную семантическую нишу, М. Аронофф предлагает рассматривать как один из способов разрешения конкуренции между словообразовательными моделями [9].

В отдельных случаях устоявшиеся в языке аффиксы развивают нетривиальные свойства и выходят за рамки привычного набора значений. Так, семантической девиации подвергается агентивный суффикс *-er* в лексеме *truther*, наиболее вероятным значением которой – если исходить из аналогов *hater* (*one who hates*) или *reader* (*one who reads*) – должно было стать “человек, который говорит правду”. Однако *truther* приобретает едва ли не противоположное значение и используется для описания человека, “который сомневается в общепринятом изложении событий, полагая, что существует официальный заговор с целью сокрытия истинного объяснения; сторонник теории заговора” [16]. Подобного рода отклонение наблюдается в префиксе *-un*, вполне определенное значение которого “not”, “without” демонстрирует сбой регулярности, присоединяясь к основе *friend*. Дериват *unfriend* означает не “враг”, а “удалить (кого-либо) из списка друзей или контактов на веб-сайте социальной сети”. Более того, по аналогии с *unfriend* образуются и другие нестандартные неологизмы (*ungoogle*, *unfollow*, *undownload*, *unsource*, *unlearn*, *undrink*, *unkill*), что служит свидетельством устойчивости и жизнеспособности споради-

ческого значения *-up*. «Интернет, являясь своего рода промежуточным звеном в коммуникационной цепочке, приводит к выработке и «узакониванию» новых моделей и стилей взаимодействия, а значит – к распространению новых смыслов привычных словоформ» [5, с.44]. Подверженность суффиксов семантическим девиациям говорит об их высоком креативном потенциале, а следовательно – способности оказывать ощутимое воздействие на лексический состав языка.

Как видим, наряду с неологизмами, унаследовавшими от суффикса относительно конвенциональный набор признаков, некоторые морфологические паттерны становятся источником нового набора аналогий. Это также прослеживается на примере единиц *couplie* (селфи-фотография, сделанная парой) и *legsie* (селфи-фотография собственных ног, чаще всего на фоне моря и песка). Созданные по аналогии с другой единицей *selfie* > *self* + *ie* (автопортретная фотография, как правило сделанная с помощью смартфона; селфи), инновации *couplie* и *legsie* распространились в роли хэштегов в виртуальной коммуникативной среде. Показательно, что суффиксу *-y/-ie* традиционно приписывают ироническое (уничижительное) значение, а словам, образованным с его помощью, – ограниченность рамками неофициальной коммуникации [15]. Продуктивность суффикса *-y/-ie* для образования новых слов отражает тенденцию к демократизации речи и рост непринужденности литературного языка – процессы, во многом обусловленные развитием Интернета как глобального средства коммуникации. «Спровоцированная Интернетом языковая демократизация и упрощение речевых норм приводят к нивелированию границ формального контекста, зачастую его игнорированию на уровне различных регистров» [2, с.258].

Важной тенденцией, отражающей динамику современной жизни, является так называемая двойная суффиксация, используемая для выражения комбинации значений. Активная цифровизация привела к ускоренному темпу жизни, который зачастую требует от человека многозадачности, мгновенной речевой реакции. Желание выразить несколько значений одним словом, равно как и взаимозаменяемость ряда аффиксов привели к появлению таких единиц, как *wantingly* (охотно, с радостью), *absenteeism* (прогул, невыход на работу), *truthiness* (вера, интуитивное убеждение в истинности чего-либо вопреки логике и фактам), *presenteeism* (ситуация, при которой сотрудники, физически присутствующие на рабочем месте, работают не на пределе своих возможностей).

Английский язык регулярно пополняется “инновационными” аффиксами, возникающими на основе свободных морфем. Это происходит в случае, когда “осколки” слов развивают абстрактные значения, характерные для целого класса лексических единиц, и достигают статус

аффикса. Примером такого продуктивного сегодня аффикса является *-tainment* (от *entertainment* – развлечение), ставший источником множества неологизмов: *militainment* (развлечения на военную тематику; идея о том, что войну можно сделать более привлекательной для публики, представив ее в развлекательной форме), *irritainment* (медийное зрелище, которое одновременно раздражает и захватывает) и др. Элемент *-aholic*, “оторванный” от *workaholic* (в свою очередь образованного от *alcoholic*), аналогичным образом расширил значение и в настоящее время маркирует “одержимость” человека чем-либо: *chocolaholic* (страстный любитель шоколада), *danceaholic* (страстный поклонник танцев), *sugaraholic* (страстный любитель сахара) и т.д. В последние годы участилось употребление словообразовательных “осколков” *-counter*, *-anti*, *-nik*, *-sol*, *-manship*, *-eco*, *-flexi*, *-euro*, *-nano*. Носители языка широко используют их совместимость с другими основами, что делает возможным их диахронический переход в разряд словообразовательных аффиксов.

Высокой продуктивностью сегодня отличаются элементы *dot*, *com* и *net*. На их основе генерируются новые имена (адреса) Интернет-организаций: *dot-biz*, *dot-info*, *dot-name*, *dot-pro* и др. Их распространение связано с необходимостью “разгрузки” в Интернете, создания условий, позволяющих осуществить быстрый поиск необходимой информации, и если человек действительно считает обычные символы Интернет-адресов новыми словообразовательными элементами, их число будет увеличиваться и они будут подтверждены в скором времени как новые дифференцирующие знаки [6]. Таким образом, востребованность в определенном сегменте позволяет новым элементам претендовать на роль словообразовательных аффиксов.

Благодаря глобализации в английский язык активно проникают словообразовательные паттерны иноязычного происхождения. К примеру, высокой частотностью отличается заимствованный элемент *über*. Сочетаясь с прилагательными, он используется, чтобы подчеркнуть “чрезвычайные качества” упоминаемых явлений: *über-successful* (сверхуспешный), *über-modern* (сверхсовременный), *über-popular* (сверхпопулярный), *über-rich* (сверхбогатый) и др. Другим примером заимствованного аффикса может послужить *-ista* – испанский вариант английского суффикса *-ist*, который в новых словах формирует значение “приверженности какому-либо человеку или идеологии; высокой профессиональной заинтересованности в чем-либо или ком-либо”. Классическим примером является существительное *Trumpista* – “strong-armed supporter of the American politician Donald Trump” (убежденный сторонник американского политика Дональда Трампа). Для передачи идеи “многочисленности” стал популярен суффикс *-rati*, означающий “группу людей, считающих себя специалистами в какой-либо

сфере”: *digerati* (специалисты в цифровых технологиях и сети Интернет), *texterati* (специалисты в написании и обмене текстовыми сообщениями), *glitterati* (современный синоним для “elite”, используемый в сети по отношению к самым влиятельным знаменитостям). Сам суффикс *-rati* происходит от латинского *literati* (буквально “lettered people”), значение которого близко семантике английского *intellectuals* (интеллектуалы).

Функциональность аффиксов находится под влиянием языковой среды, и в разных дискурсивных условиях аффикс демонстрирует разную степень продуктивности. Так, появление Интернета и новых форматов представления информации привело к преимущественному использованию привычных, устоявшихся в языке аффиксов *-ness*, *-er*, *-ship*, *-un* и др. Их значение прозрачно и интуитивно понятно, их легче “связать” с новыми основами, а значит – обеспечить более быструю коммуникацию. В новых конструкциях сохраняется регулярность формы и регулярность функции. Напротив, использование нестандартных “осколков” основ или заимствованных аффиксов, несмотря на оригинальность и новизну, требует четкого понимания правил их присоединения, что может оказаться непростой задачей [13, с.38].

Каким бы путем ни было создано слово, оно являет-

ся свидетельством жизни языка. Функционируя согласно внутренним законам развития языка, аффиксальное словообразование меняет качественный и количественный состав лексико-семантического корпуса. Созданные с помощью аффиксов инновации выступают как удобные для данного состояния языковой системы обозначения и, в случае массовости использования, вливаются в ряды общеупотребительной лексики. Они раскрывают закономерности динамики и эволюции словарного фонда за счет активации существующих словообразовательных ресурсов, а также создания и адаптации новейших деривационных моделей. Однако во главе лингвистических мотивов пополнения и развития лексики всегда находится субъект с его потребностью зафиксировать, воплотить в языке новый опыт. Всплеск интереса к тому или иному звену словообразовательной системы всегда обусловлен внешними факторами. Именно потребность номинировать новые фрагменты действительности, детализировать или обобщить их свойства, передать свое отношение к ним заставляет человека эффективно и творчески использовать словообразовательные ресурсы. В конечном итоге, стремление к новаторству в языке “работает” на расширение границ литературной нормы, и чем активнее происходят словообразовательные процессы, тем более глубокое влияние они оказывают на диахроническое развитие лексики и морфологии языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко Е.И., Голик Н.А. Гендерная специфика использования усечений // Университетские чтения-2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. 2017. С. 96–101.
2. Голик Н.А. Вербализация в английском языке: современные тенденции привычного явления // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2021. № 2–1. С. 253–259.
3. Голик Н.А. Усечения в современных англоязычных СМИ / Монография. Пятигорск. 2018. 203 с.
4. Катермина В.В. Английские неологизмы с суффиксом *-ism*: семантический и стилистический потенциал/ Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 1(48), 2023. С. 7-13.
5. Петренко С.А., Кравченко С.Ю. Структурирование концептуальных доменов лексемой «close» // Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (70). С. 43–48.
6. Раупова Ш.М. Влияние интернет-аффиксов на образование компьютерных неологизмов и появление новых концепций/ Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2018. С. 139–144.
7. Соловьева Н.А. Усечения в современной англоязычной прессе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 4. С. 88–91.
8. Algeo, J. (2010). *The origins and development of the English language*. Boston: Wadsworth Cengage learning.
9. Aronoff, M. Three ways of looking at morphological rivalry/WORD Structure. 2023 16(1):49-62.
10. Bauer, L. The Birth and Death of Affixes and Other Morphological Processes in English Derivation/ Languages 2023, 8(4), 244 p.
11. Brinton-Brinton. 2010. *The linguistic structure of Modern English*. Pp.251-254
12. Kastovsky, D. 1992. *Semantics and vocabulary*. In Hogg (ed.), 290–407.
13. Kilambi, P. Deviation of Affixation in Modern English/Online International Interdisciplinary Research Journal, Volume-09, Jan. 2019 Special Issue (01).
14. Lems, K., Miller, L.D., & Soro, T.M. (2010). *Teaching reading to English language learners: Insights from linguistics*. New York, New York: The Guilford Press, pp. 91–118.
15. *Third Barnhart Dictionary of New English*, 1990, H.W. Wilson. 565 p.
16. Oxford English Dictionary URL: www.oed.com
17. Urban Dictionary URL: <http://ru.urbandictionary.com/>
18. Word Spy. URL: <http://www.wordspy.com/>

© Голик Наталья Александровна (Nataly.PGU@mail.ru), Агоева Марианна Муссаевна (marianna_agoeva@mail.ru),
Климова Наталья Юрьевна (nazar11081@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАРЕМИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «БЕРЕЖЛИВОСТЬ» И БЕРЕЖЛИВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

PROVERBS FROM THE THEMATIC GROUP "FRUGALITY" AND LEAN TECHNOLOGIES IN MODERN EDUCATION

A. Guznova
A. Martyanichev

Summary: The article discusses the relationship between Russian proverbs and sayings of the thematic group "thrift" and lean technologies in modern education. The application of foreign experience in the application of lean technologies in the educational process is explored. The role of proverbs and sayings in understanding the world around us is described. An analysis of the concept of frugality in Russian folk proverbs and sayings is carried out. An attempt is made to reveal the essence of the 5 S workplace organization principle through correlation with proverbs (the author's vision). The need to study proverbs and sayings in the modern educational process is noted to preserve intergenerational connections and preserve cultural self-identity. In the modern educational process, one can find a place for proverbs both in teaching disciplines and during the implementation of the educational component. The results of the study are conclusions about the existence of a relationship between the proverbs of the thematic group "Thrift" and modern lean technologies. It is noted that experience in any area expressed in the form of a native understandable language seems to us more accessible and suitable for understanding than a text consisting largely of foreign words, especially in the modern situation when there is a dominance of foreign words.

Keywords: proverb, saying, lean technologies, concept, frugality, language, linguistic picture of the world.

Гузнова Алена Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент, ГБОУ ВО, «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет» (г. Княгинино, Нижегородская обл.)
alena_guznischeva@mail.ru

Мартьянычев Александр Владимирович

к.с./х. н., доцент, ГБОУ ВО, «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет» (г. Княгинино, Нижегородская обл.)
tav59@list.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи русских пословиц и поговорок тематической группы «бережливость» и бережливых технологий в современном образовании. Исследуется применение зарубежного опыта применения бережливых технологий в образовательном процессе. Описывается роль пословиц и поговорок в осмыслении окружающего мира. Проводится анализ понятия бережливости в русских народных пословицах и поговорках. Делается попытка раскрыть суть принципа организации рабочего места 5 S через соотнесение с паремиями (авторское видение). Отмечается необходимость изучения пословиц и поговорок в современном образовательном процессе для сохранения межпоколенческих связей, сохранения культурной самоидентичности. В современном образовательном процессе можно найти место паремиям как обучению дисциплинам, так и в ходе реализации воспитательного компонента. Результатами исследования являются выводы о наличии взаимосвязи паремий тематической группы «Бережливость» и современных бережливых технологий. Отмечается, что выраженный в форме родного понятного языка опыт в какой-либо области нам кажется более доступным и пригодным для понимания, чем состоящий в значительной степени из иностранных слов текст, тем более в современной ситуации, когда происходит засилье иноязычных слов.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, бережливые технологии, концепт, бережливость, язык, языковая картина мира.

Введение

«Все новое – хорошо забытое старое» [1], – говорят люди. Трудно поспорить с мыслью, высказанной когда-то неизвестно кем, но живущей и актуальной на протяжении многих лет. Эта мысль стала частью народной мудрости, аксиомой, постулатом, неопровержимой основой, на которой можно строить умозаключения, применять на практике. Например, если возникла необходимость в чем-то новом, следуя народной мудрости, следует обратиться к опыту прошлых поколений, где с высокой долей вероятности можно найти нужное решение. Скорее всего, найденное решение не будет готовым ответом, оно потребует обновления, актуализации, но оно будет базисом, путеводной звездой для поиска. Не нужно каждый раз изобретать велосипед.

Народная мудрость, народная память – величайшая, туго набитая копилка опыта, созданная всеми предыдущими и современными поколениями людей. Люди, разделенные временем, языками, расстоянием, границами, социальным положением и еще многими объективными и выдуманнными рубежами, приходили к одним и тем же выводам, эти выводы как-то складно озвучивались и включались в общечеловеческую народную мудрость. Примеров этому очень много: «Знал бы, где упасть, соломки подстелил», «Без труда не вынешь рыбку из пруда», «Любишь кататься – люби и саночки возить» [1]. Паремии как пласт народной мудрости оказываются, на наш взгляд, наиболее колоритными в содержательном аспекте.

Цель данного исследования – определить взаимосвязь паремий тематической группы «Бережливость» и

современных бережливых технологий.

Методология

На наш взгляд, поговорки являются единицами двух знаковых систем – языка и культуры, соответственно уделом лингвокультурологии, возникшей на стыке двух наук (В.В. Воробьев, В.В. Красных, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия). Методологической базой исследования стали работы Ф.Ф. Гилемшина, который обращался к вопросу интерпретации поговорок в свете языковой картины мира [2]. Ситуативность применения поговорок и поговорок, их воспроизводимость позволяют говорить о наличии в них прецедентного потенциала [см.: 3],

В ходе исследования были использованы следующие методы: описательный, сравнение, метод сплошной выборки и метод лингвистического наблюдения.

Исследование и результаты

Поговорку трактуют как родовое обозначение поговорок и поговорок – народный речевой жанр малой формы, который характеризуется устойчивостью и клишированностью [см.: 4]. Л.Б. Савенкова рассматривает русскую поговорку как функционирующую систему [5], содержащую народный дух и обладающую, по мнению В. Гумбольдта, «духовной самобытностью», что способствует раскрытию наиболее значимых культурных концептов народа.

В обращении за подсказкой к опыту человечества, высказанному в поговорок и поговорок, есть несомненная польза. Доступно, логично, ярко сформулированные, они легко запоминаются, естественно вписываются в мысли и речь, становятся частью творческого и мыслительного процессов. Однако, чтобы использовать народную мудрость, её надо, как минимум, знать и по-

нимать, например, «Сытый голодного не вразумит» [1]. А вот со знанием и пониманием народной мудрости в нашем современном обществе не все в порядке.

Поговорки и поговорки, являясь частью фольклора, даются школьникам обзорно в программе дисциплины «Литература» начальных классов, когда ребенку еще трудно понять, насколько емкие и глубокие мысли излагает преподаватель. В школьной программе иностранного языка фольклор практически не изучается. При дальнейшем обучении человек знакомится с поговорками только в случае получения профессионального образования, то есть, если он готовится стать профессиональным лингвистом (относительно замкнутая каста). Других возможностей у человека систематически изучить заключенную в поговорок и поговорок народную мудрость нет.

Конечно, ребенок знакомится с фольклором и в быту: в семье, в своем детском коллективе, из книг и средств массовой информации, слышит случайно. Но в этих случаях понимать смысл заложенного в поговорку или поговорку ребенку, скорее всего, придется самому. И не обязательно ребенок поймет поговорки в общепринятом смысле. Индивидуальность, личный опыт, неповторимость ситуации непременно наложат свой отпечаток на трактовку услышанного. Многозначность, переносный смысл, окказиональное употребление служат основой для эволюции языка. Такова всеобщая диалектика (схема 1).

Язык – это средство фиксации и передачи знаний, позволяющее перенять опыт предыдущих поколений, это связь времён, способная предостеречь от прежних ошибок человечества, это наставник, способный дать совет. Язык – это когнитивный механизм, позволяющий кодировать и декодировать информацию, передавать её не только в пространстве, но и во времени, что особенно важно и ценно для культуры любого народа: для культурной трансмиссии и процесса инкультурации подра-

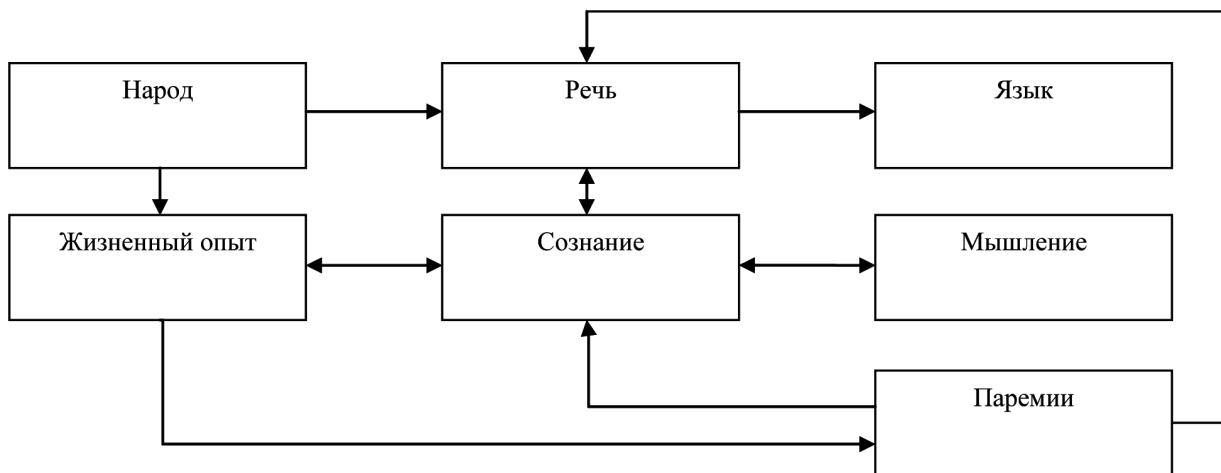

Схема 1. Диалектика.

тающего поколения. Но, к сожалению, в современной речи народная мудрость паремий встречается все реже, хотя глубокий смысл предков продолжает оставаться актуальным и сегодня.

В связи с внедрением интернета в последние примерно двадцать лет особенно многих молодых людей приучили к легкому технологичному поиску ответов на возникающие вопросы. При необходимости найти решение человек просто набирает на клавиатуре словосочетание, содержащееся в формулировке задания, а поисковая система подбирает статьи, в заголовке или тексте которых содержатся похожие слова. Человеку остается выбрать из предложенного наиболее подходящее. Если ответа не нашлось, человек меняет формулировку, а система подбирает новые статьи. Книгу и традицию заменила электронная база данных. В образовательной среде получила развитие технология e-learning (электронное обучение, построенное на использовании Интернет-технологий), которая имеет определённые преимущества: доступность, дешевизна, массовость – и в то же время недостатки: большинство знаний человечества, имевшихся в устной форме до периода цифрового кодирования информации, забывается, не передается следующему поколению людей, уничтожается. То есть заключенный в устной народной форме человеческий опыт утрачивается как инструмент творчества, мышления, познания. Конечно, с течением времени человечество вновь обретет забытый опыт. Но это будет уже «хорошо забытое старое». Под вопросом будет и интерпретация утраченного наследия.

Подача забытых знаний, технологий как чего-то нового, авторского происходит постоянно: так, например, в педагогике на смену наглядного метода обучения пришёл метод визуализации – тоже наглядность, но с применением современных средств обучения (компьютера, проектора и т. д.). Этот процесс, вероятно, происходил всегда. Не может же человек знать обо всем, что выработало человечество, даже сейчас, когда доступ к базам интеллектуальных разработок прост и практически не ограничен. Пути прогресса многообразны, они постоянно обновляются. Однако, к сожалению, привычка находить готовые решения и незнание истории развития и становления организационных, технических и технологических решений, используемых в современной экономике, порождает примеры прямого, неадаптированного перенесения передовых решений в новую область применения. Утрачивается былая ценность самодостаточной мудрости поколений в связи с изменениями в обществе, которые непременно находят отражение в языке и, как следствие, в мышлении.

Сосредоточенная в языке народная мудрость не по-растает мхом забвения, а реализуется как готовая находка на любой случай жизни. Креативность человеческого

сознания находит возможность вспомнить опыт предшествующих поколений, интерпретировать его и адаптировать к современным условиям, оставить след для потомков с новыми формами его применения в рамках сложившейся исторической, культурной и экономической ситуации.

Так, на протяжении многих веков остаётся актуальным понятие «бережливость», напрямую связанное с экономической сферой жизни общества, достаточно колоритно представленное в паремиях, например: Мука не мука, а бережливость – наука; Береженье лучше вороженья; Не кидай ломаного шкворня: на чеку пригодится. В последние годы в системе образования (и в экономике в целом) активно продвигается применение «бережливых технологий», или Lean-технологий, ключевая позиция которых – избежание потерь в образовательном процессе. «Бережёного Бог бережёт» [1] – мудрость, известная издревле. Обратиться к опыту предыдущих поколений – применить бережливые технологии: сберечь ценное время, не изобретая велосипед заново, а совершенствуя знания и достижения предков.

Бережливость, как и язык, является «живой деятельностью» современного общества и в то же время «продуктом прошлого» [ср.: 6, с. 22]. Бережливые технологии, «бережливая» народная мудрость наталкивают на мысль о рассмотрении бережливости через призму концепта. Концепт – это вербально выраженное многомерное ментальное образование, отражающее культурно-исторический опыт народа и особенности его восприятия [см.: 7, с. 52]. Е.С. Кубрякова определяет концепт как содержательную единицу памяти, которая отражена в психике человека [см. 8, с. 90]. Так, соответственно, бережливость представляет собой единицу памяти, пропущенную через сознание человека, отражённую в языке посредством слов, словосочетаний и предложений.

В работах лингвистов концепт «бережливость» анализируется в сопоставительном ключе разных языков, разных картин мира [9, с. 51–53]. Отмечено, что бережливость – важное качество человека, умеющего разумно тратить, чтобы счастливо существовать, в англоязычной культуре в качестве оттенка добавляется умение тратить мало, а значит рядом оказываются скупость и жадность.

Бережливость как самоочевидное явление русской языковой картины мира находит отражение в паремиях и представлено достаточно широко. Соответственно, пословицы и поговорки содержат в себе суть бережливости технологий, расприаренных в современном обществе. Получается, что новое есть хорошо забытое старое.

В паремиях понятие «бережливость» представлено в нескольких ракурсах:

- прямая отсылка к бережливости (наличие лексемы

- с корнем -береж-): Прибыль в людях, а бережливость в своих руках; Бережливость лучше богатства;
- действия, приводящие к бережливости, раскрывающие её: Голь на выдумки хитра; Кабы знал, где упасть, так соломки бы подстелил; Цыплят по осени считают;
 - действия, отражающие расточительность, пустую трату времени: Переливать из пустого в порожнее; Воду в ступе толочь – вода и будет;
 - предостережение, побуждение вдумчиво относиться к действиям: Кроить не шить: после не распорешь; И по малу делу большая дума; Где тонко, там и рвётся; Дуракам закон не писан; Заставь дурака Богу молиться – он и лоб расшибёт; Как корабль назовёшь, так он и поплывёт; Семь раз отмерь, один раз отрежь; Один с сошкой – семеро с ложкой;
 - зеркальное отражение бережливости – расточительность: Клячаводу везет, козел бородою трясет – оба работают; Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать; Поспешишь – людей насмешишь.

Российские авторы, продвигающие Lean-технологии, часто ссылаются на достижения в этой области японских и американских менеджеров, часто представляя их авторами идеологии бережливого производства. На эту тему, кстати, в русском языке тоже есть пословицы и поговорки (В своем отечестве пророка нет). Мы не склонны умалять корпоративные достижения передовых зарубежных предприятий в разработке и внедрении бережливых технологий. Их опыт необходимо изучать, адаптировать и творчески применять. Но отказываться от отечественного, иногда многовекового опыта, нам кажется, неправильно.

В современный образовательный процесс активно внедряли инструменты бережливого производства [см., например: 10]. Достаточно широко распространённым оказался принцип организации рабочего места: система 5 S (5 шагов к процветанию) для осуществления учебного процесса в аудитории с целью предотвращения потерь рабочего времени и оптимального структурирования дидактического материала. На наш взгляд, суть данного принципа также может быть раскрыта через народную мудрость паремий (табл. 1).

На наш взгляд, актуальным является не столько привлечение иностранного опыта, сколько продвижение в образовательном процессе «родного»: формирование у обучающихся представления о бережливых технологиях через русскую культуру для сохранения идентичности. Паремии могут выполнять функцию эпиграфов к занятиям при изучении дисциплин социально-гуманитарного цикла, целесообразность их использования и подбора остаётся на откуп преподавателю. Воспитательный эффект пословиц и поговорок уместно использовать во внеурочное, внеаудиторное время, в том числе при проведении классных или кураторских часов. Важно, чтобы подрастающее поколение владело информацией о народной мудрости, умело трактовать и применять в соответствии с речевой ситуацией.

Заключение

Выраженный в форме родного понятного языка опыт в какой-либо области нам кажется более доступным и пригодным для понимания, чем состоящий в значительной степени из иностранных слов текст, тем более в современной ситуации, когда происходит засилье иноязычных слов. Здесь мы не говорим о том, что иногда недостаточно изучается позитивный отечественный опыт организации производства и хозяйства. А он есть. И весьма богатый. К сожалению, за время перестроек он частично забыт. Например, созданная и внедренная на Нижегородском авиазаводе ГАЗИСО (ныне Сокол) система КАНАРСПИ (качество, надежность, ресурс с первых изделий) позволила сократить сроки доведения новых изделий до заданного уровня качества в 3 раза и снизить трудоемкость и цикл монтажно-сборочных работ в 2 раза. Чем не Lean-технология?

Еще одна народная мудрость: «Чужим умом жить – добра не нажить» [1], – доказывать её справедливость не нужно. Как говорил М. Шолохов, «умный сам поймет, а дураку... дураку что? Ему силком не вдолбишь» [11]. Создавая этот материал, мы предполагали напомнить провайдером инноваций, в том числе, Lean-технологий, что при продвижении чего-то нового стоит внимательно посмотреть, что в это «новом» действительно нового и

Таблица 1.

Принцип 5 S в народной мудрости.

Принцип 5 S	Паремии
Сортируй	Подальше положишь, поближе возьмешь
Соблюдай порядок	За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь
Содержи в чистоте	Кто не умеет грош сберечь, тот не сбережет и миллиона Береженная вещь два века служит
Стандартизируй	Прибирай остаток – меньше будет недостаток.
Совершенствуй	Была кучка – стал ворошок

сколько в нем хорошо забытого старого. Невозможно не согласиться с мыслью С.Е. Леца: «Не стоит обращивать сумму накопленного человечеством опыта совершенно чуждыми ей нулями» [12]. Возможно, обращение к

народной мудрости, выраженной в поговорках, поможет сделать осваиваемый материал более понимаемым и доступным. И уж точно есть смысл поискать корни инноваций у себя на родине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словари и энциклопедии. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 1.07.2019)
2. Гилемшин Ф.Ф. К вопросу об интерпретации поговорок в свете языковой картины мира // Ученые записки казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 3. 2009. С.269-275.
3. Семенов Н.Н. Прецедентный потенциал поговорок как проблема семантического исследования // Известия ВГПУ. № 1. 2011. С. 19–24.
4. Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. URL: <https://stilistics.academic.ru/477поговорка> (дата обращения: 3.07.2019).
5. Савенкова Л.Б. Русские поговорки как функционирующая система. Дисс. на соискание уч. степ. доктора филол. наук; специальность 10.02.01 Русский язык. Ростов-на-Дону, 2002. 484 с.
6. Сосюр Ф. Курс общей лингвистики / переводчик А. М. Сухотин; под редакцией Р.О. Шор. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 303 с.
7. Жуковская Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке: дис. . . . канд. филол. наук. Н. Новгород, 2015. 197 с.
8. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
9. Карачина О.Е. Современная динамика концептов бережливость и расточительность в русскоязычной и англоязычной картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 2. С. 51–53.
10. Бурнашева Э.П. Использование инструментов бережливого производства в проектировании образовательного процесса // Интеграция образования. Т.20. № 1. 2016. С. 105–111.
11. Шолохов М.А. Тихий Дон. URL: <https://books.google.ru/books?id=89OfBwAAQBAJ&pg=PT190&lpg> (дата обращения: 2.07.2019)
12. Лец С.Е. Непричесанные мысли. URL: https://books.google.ru/books?id=С.Е.Лец.Непричесанные_мысли. (дата обращения: 3.07.2019).

© Гузнова Алена Вячеславовна (alena_guznischeva@mail.ru), Мартынячев Александр Владимирович (mav59@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНОЕ И ОЦЕНОЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТАВТОЛОГИЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Гэ Гэнь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
st084544@student.spbu.ru

COMPARATIVE AND EVALUATIVE MEANINGS IN RUSSIAN AND CHINESE TAUTOLOGIES

Ge Gen

Summary: This article offers a comparative analysis of tautologies in Russian and Chinese languages. It examines the similarities and differences in their semantics, with a focus on comparative and evaluative meanings. The results demonstrate that in both Russian and Chinese, evaluative meanings of tautologies often coincide with comparative meanings. Furthermore, in Chinese, the overall meaning of tautologies is enhanced by the use of adverbs of various types.

Keywords: comparative meaning, evaluative meaning, tautology, implicature, Russian language, Chinese language.

Аннотация: В данной статье проведён сравнительный анализ тавтологий в русском и китайском языках. Рассматриваются сходства и различия семантических характеристик данных конструкций в обоих языках, особое внимание уделяется особенностям передачи значений сравнения и оценки. Результаты показывают, что и в русском, и в китайском языках оценочные значения тавтологий часто сочетаются со значением сравнения. Кроме того, в китайском языке вклад в общее значение тавтологий вносит использование наречий различных типов.

Ключевые слова: сравнительное значение, оценочное значение, тавтология, импликатура, русский язык, китайский язык.

Введение

Конструкции, в которых утверждается тождество объектов или ситуаций самим себе, обычно обозначаются термином «тавтологии», например *Семья есть семья* или *Дети — это дети* в русском языке и *男人就是男人* 'Мужчины — это мужчины' в китайском языке. Такие конструкции являются аналитически истинными и неинформативным в буквальном смысле, однако они передают небуквальные, имплицитные значения при использовании в коммуникации. В данной работе мы рассмотрим подкласс таких значений, передаваемых тавтологиями, а именно, сравнительные и оценочные значения, на материале русского и китайского языков. Анализируемые примеры взяты из Национального корпуса русского языка и корпуса CCL при Пекинском университете (если не указано иное), а также из релевантной литературы.

1. Оценочные и сравнительные значения тавтологий в русском языке

Сначала обратимся к «простым» тавтологическим конструкциям в русском языке, синтаксические модели которых представлены следующим образом: 1) *X (и) есть X, X всегда / везде X* и т. п., 2) *X — это X*. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв предлагают следующее толкование для первого ряда тавтологических конструкций: «все манифестации X-а, т.е. члены класса X или «инстанты» индивида X, в общем, одинаковы, и нет оснований ждать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого» [1, с. 506]. Для второго ряда тавтологических конструкций

X — это X общее значение состоит в «выделении X-а среди прочих индивидов или классов; констатация его особого места; особенности отдельных манифестаций могут не приниматься во внимание» [1, с. 507–509].

Обсуждая тавтологии первого класса, Н.А. Николина указывает, что предложения данного типа чаще всего представляют собой «формулу примирения с действительностью» [6, с. 645]. Позже А.Д. Шмелёв выделил две разновидности данного значения. В первом случае говорящий указывает на неизбежность негативных аспектов явления и признаёт, что недостатки данной манифестации X-а (члена класса или «инстанции» индивида) не являются его уникальной особенностью, а общими чертами X-а в целом, см. (1). Во втором случае подчеркивается необходимость выполнить долг по отношению к X-у, каким бы этот X ни был, см. (2) [7, с. 35–36].

1. *Когда Новиков стал прощаться, он понял, что не так уж сильна она и что женщина всегда женщина, даже если она и наделена от Бога ясным и смешливым умом.*
2. *Приказ есть приказ, тем более категорический — доставить немедленно в Москву.*

Можно отметить, что в примерах типа (1) реализуется не только оценочное значение (ожидать лучшего от X-а не приходится, см. [7, с. 37]), но и сопоставительное значение: сравнение конкретной манифестации X-а с прочими манифестациями, которые обладают теми же недостатками. Во втором случае, напротив, сравнение отсутствует: использование выражений типа «X есть X»

указывает на прямое обращение говорящего к коннотации языкового выражения *X*.

В отличие от тавтологий первого класса, в значениях тавтологий второго класса содержится семантический компонент отрицания: *X* не является чем-то другим, не является другим индивидом (или классом), см. (3).

3. *как слепые, ощупывали друг друга, чтобы убедиться, что мы — это мы.*

Также, согласно А.Д. Шмелеву, в значениях обоих классов присутствует различие в передаваемом оценочном значении: «если высказывания вида *X есть X* чаще связаны с отрицательной оценкой *X-а*, то высказывания вида *X — это X* напротив, часто бывают связаны с чрезвычайно высокой оценкой *X-а*» [7, с. 37], см. (4), что было подтверждено в экспериментальном исследовании И.М. Кобозевой, направленном на выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов. Так, свойства, названные респондентами при интерпретации предложения *Русский — это русский* в подавляющем большинстве случаев положительные, а для предложения *Русский есть русский* даны как отрицательные характеристики: лентяй, невоспитанный и т.п., так и оценочно нейтральные: любит поесть, и положительные: бескорыстный, отважный и т.п. Таким образом, эксперимент показал, что тавтологическая конструкция *X — это X* оценочно маркированная (имплицитно положительную оценку), *X есть X* — оценочно нейтральная [4].

4. **«Спартак» — это Спартак!** Мы восстановимся и будем претендовать только на первое место [7, с.37]

Наряду с «простыми» тавтологиями в русском языке существуют и некоторые их модификации, включая отрицательные и сложные тавтологии. Так в примерах отрицательных тавтологий (5–6) речь идет о несоответствии референта норме, стереотипу, и присутствует как оценочное (отрицательное), так и сравнительное значение. Примеры согласуются с описанной Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым интерпретацией данной конструкции «положительные ожидания, обычно связываемые с *X-ом*, не оправдываются» [1, с. 446],

5. *В общем, что и говорить, без террасы — дача не дача.*

6. **Отдых не будет отдыхом** без сытного и вкусно-го завтрака. [3]

Рассмотрим теперь сравнительное и оценочное значение в сложных тавтологиях русского языка. В русском языке все отмеченные выше виды «простых» тавтологических конструкции могут объединяться в «сложные» тавтологии. Эти комбинации могут включать две или более простые конструкции, соединенные союзами, так и без них [2, с. 64]. Мы ограничиваемся рассмотрением моделей, объединяющих две одинарные тавтологии.

Е.Л. Вилинбахова в ряду сложных тавтологий русского языка выделила сопоставительные тавтологии (Далее — СТ) со значениями несовместимости, несопоставимости и неравноценности [2]. В отличие от СТ, где выражены несовместимость и несопоставимость и сравниваемые сущности находятся в равном положении, в случае СТ с неравноценностью говорящий выделяет различия между двумя объектами, подчеркивая важность одной сущности по сравнению с другой. В случае сопоставительных тавтологий, содержащих значения несовместимости и несопоставимости, возможно внесение изменений в порядок конъюнктов, однако такая модификация невозможна без изменения смысла для тавтологий со значением неравноценности, см. (7–9).

7. **Наука — это наука, а бизнес — это бизнес.** И обычно ученые, когда начинают заниматься бизнесом, они перестают быть учеными. Они теряют... очень часто не достигают большого успеха в бизнесе, поскольку это тоже специфическая область человеческой деятельности, но теряют свою научную квалификацию безусловно! [2, с. 68]

8. **Мама есть мама, а семья есть семья,** тут нельзя ставить вопрос кто дороже. [2, с. 65]

9. *Я прекрасно понимаю, что вещи — это вещи, а люди — это люди.* И здоровье людей гораздо больше жаль, чем железки. [2, с. 68]

В целом, можно отметить, что для тавтологий в русском языке оценочное значение может быть передано любой из рассмотренных синтаксических моделей. Если в простых и отрицательных тавтологиях оценочное значение связано с конкретной характеристикой денотата, выбор которой зависит от говорящего и эксплицируется в контексте конкретного высказывания, то в сопоставительных тавтологиях оценочное значение проявляется тогда, когда одна сущность кажется говорящему более важной, чем другая. В свою очередь, сравнительное значение присутствует в простых тавтологиях типа *X (и) есть X*, *X всегда / везде X*, а также в отрицательных тавтологиях и в сопоставительных тавтологиях. Отличие заключается в том, что в сопоставительных тавтологиях сравнительное значение имеет явное выражение: сравниваемые сущности называются говорящим. В остальных случаях существование стандарта сравнения подразумевается, и говорящий передает сравнение денотата *X-а* либо с прочими его манифестациями, либо со связанными с ними социокультурными стереотипами или нормами.

2. Оценочные и сравнительные значения тавтологий в китайском языке

Рассмотрим теперь, как реализуются сравнительные и оценочные значения в тавтологиях на материале китайского языка.

В литературе выделяются различные модели тав-

тологических конструкций, см. [9, с. 3]. В данной статье рассматриваются только те из них, где элементы, расположенные до и после глагола-связки 是 (shi), идентичны. Согласно классификации Цзэн Хайцина (2011), такие тавтологии включают в себя одинарные конструкции вида X是X и неодинарные конструкции, синтаксическая модель которых представлена как X是X, Y是Y, (Z是Z...). В свою очередь, одинарные и неодинарные тавтологии также делятся на две группы в зависимости от использования наречия (или его отсутствия) перед связочным глаголом [9, с. 51].

Сначала обратимся к одинарным конструкциям вида X是X. Модель X是X, с одной стороны, является «исходной» формой для конструкций с наречиями вида X+adv.+是+X (10), с другой стороны, данные конструкции используются как материал для создания неодинарных тавтологий (11). В одинарном немодифицированном виде они требуют наличия дополнительного контекста, чтобы получить интерпретацию, а без него звучат неестественно, ср. (10) - (12).

10. ^{OK}男人总归是男人。 [10, с. 46]
'Мужчина всегда мужчина.' (здесь и далее перевод мой – Г.Г.)
11. ^{OK}男人是男人,女人是女人。 [9, с. 51]
'Мужчины — это мужчины, женщины — это женщины.'
12. ^{??}男人是男人
букв. 'Мужчина есть мужчина.' (без контекста звучит неестественно)

Обращаясь к возможным значениям конструкций при поддержке контекста, можно выделить две их разновидности. Первый тип используется для привлечения внимания к определенным характеристикам или свойствам референта X, причем для точного определения конкретных характеристик, на которые делается акцент, требуется дополнительный анализ контекста, см. пример (13). Второй тип тавтологий обладает уступительным значением. В первом фрагменте, содержащем тавтологии предлагается описание и оценка некоторой ситуации, затем следует фрагмент, с противоположным или противоречащим содержанием, см. (14). Важно отметить, что позиция говорящего во многих случаях отражена во втором фрагменте.

13. 两块钱是两块钱,这不是天天能遇到的事。
'**Два юаня — это два юаня**, такое не встречается каждый день.'
14. 这个项目好是好,但技术性强,挣的钱少。
'Этот проект **хорош**, но технически сложен и приносит мало денег.'

Теперь обратимся к неодинарным тавтологиям китайского языка вида X是X, Y是Y, Z是Z... В нашей работе рассматриваются лишь те примеры, в которых присутствуют две одинарные тавтологии. Обращаясь к семан-

тике, можно выделить парные тавтологии (далее ПТ) со значением перечисления и сопоставления, ср. (15) и (16).

15. 四壁张贴着风华绝代的洋美人照,个个唇红齿白,眼睛是眼睛,鼻子是鼻子。
'По стенам висят портреты иностранных красавиц с выдающейся красотой: все с яркой губной помадой, белоснежными зубами, **красивыми глазами и носами.**'
16. 工作是工作,生活是生活,别把工作上的情绪带到生活里来。
'**Работа — это работа, жизнь — это жизнь**, не приносите эмоции из работы в свою личную жизнь.'

ПТ со значением перечисления, в свою очередь, можно разделить на два типа в зависимости от наличия (или отсутствия) оценочного значения, ср. (15) и (17).

17. 夏天义说:“我和君亭有啥隔阂?为了集体的事,吵是吵嚷是嚷,心里没仇没恨的.....
'В чём же наше недопонимание с Цзюньтином? Ради коллективных интересов мы можем **поспорить и поднять шум**, но в душе нет ни злости, ни ненависти...'

В (15) ПТ вместе передают мысль о том, что внешний вид этих женщин соответствует общепринятым стандартам красоты. ПТ не только подчеркивают соответствие референтов установленным нормам, но и выражают положительную оценку. Такая оценка также присутствует, когда говорящий использует тавтологии со значением перечисления, подчеркивая, что характеристики этих объектов настолько ярко выражены, что их можно легко идентифицировать, как показано в (18). Кроме того, положительная оценка проявляется в таких случаях, как в (19), упоминание разных фруктов (персиков, слив и абрикосов) и утверждение, что в саду есть все это, выражает восхищение многообразием и изобилием. Это может символизировать не только фактическое наличие разных фруктов в саду, но и более широкое значение разнообразия и богатства выбора или возможностей в какой-либо области. Положительная оценка заключается в признании ценности этого разнообразия. В таких случаях часто используются сочетания двух и более простых тавтологических конструкций.

1. 清凉的空气里斜射着亮而喜悦的阳光,到处黑白分的光是光,影是影。
'В прохладном воздухе яркое и радостное солнце бросает наклонные лучи, создавая черно-белые **свет и тень.**'
2. 桃是桃,李是李,杏是杏.....果园里什么都有。
'**Персики, сливки, абрикосы...** В саду есть всё.'

В китайском языке, как и в русском, существуют сопоставительные тавтологии, которые выражают различие между двумя сущностями и в зависимости от наличия или отсутствия оценочного значения можно выделить

две разновидности, ср. (20) и (21). Пример (20) иллюстрирует особую ценность кровных родственных связей. В данном контексте обсуждается, что несмотря на официальное принятие невесты в семью, родная дочь остаётся ближе и дороже. Это выражает мысль о том, что семейные узы, основанные на кровном родстве, прочнее и ценнее, чем связи, возникающие в результате брака.

20. “到底亲是亲，殊是殊，外娶的媳妇，究竟不如女儿。”

‘«В конце концов кровь не вода, **родные есть родные, чужие есть чужие**, приведённая в семью невестка никогда не сможет заменить дочь.»’

В примере (21) работа и путешествие рассматриваются как равноценные, но различные явления, подчёркивается разница между этими двумя видами деятельности.

21. **工作是工作，旅游是旅游**，根本不是同一种状态，在假期专门去旅游才有意思。

‘**Работа — это работа, а путешествие — это путешествие**, это совершенно разные состояния. Интересно только специально отпрашиваться в путешествие во время отпуска.’

Теперь рассмотрим случаи, когда в тавтологиях присутствует наречие перед связочным глаголом, модель которых может представлена как X adv.是 X. В таких конструкциях наречий может быть одно или несколько, однако наш анализ ограничивается примерами с одним наречием. Инь Хэжуэй описывает тавтологии вида NP+наречие+是+NP как сравнительно-оценочные тавтологии [11]. Он считает, что оценочное значение в таких тавтологиях проявляется через сравнение говорящим данного объекта с другими объектами, как в примере (22), или себя самого с представлением о себе, как в примере (23).

3. **男人就是男人，女人就是女人。**

‘**Мужчина есть мужчина, женщина есть женщина.**’

23. **他还是他**，几十年如一日。他的俭朴、谦和，在开罗几乎是尽人皆知的。

‘**Он все так же, как и прежде**, в течение десятилетий неизменен. Его скромность и смиренность почти всем известны в Каире.’

В нашей работе мы согласны с Инь Хэжуэй в том, что в описанной им тавтологической конструкцией может реализовываться сравнительное значение, как в (22) и (23), где осуществляется сравнение между женщинами и мужчинами, а также сравнение субъекта с представлением о нем в восприятии говорящего, но мы считаем, что сравнительное значение не всегда является основным для данных конструкций, как в (24), (25) и (26), где акцент делается не столько на сравнении, сколько на уникальности и независимости этих объектов.

24. 展品是由天津纺织机械厂工人吕仕奎收藏的。吕仕

奎认为,这些日本侵华的罪证应当留下来让年轻一代看看,让他们了解那段历史。**历史就是历史,不能改变。**

‘Экспонаты были собраны рабочим Тяньцзиньского текстильного машиностроительного завода Люй Шикуйем. Люй Шикуй считает, что эти улики японской агрессии против Китая следует сохранить, чтобы молодое поколение могло их увидеть и узнать об этом периоде истории. **История есть история**, её нельзя изменить.’

25. 他躺在光溜溜的地上，赤着脚，胡子拉茬的，半裸着身子，模样活像个乞丐或疯子。可**他就是他**，而不是别的什么人。

‘Он лежал на голой земле, босой, с заплетённой бородой, полуголый, выглядел как нищий или сумасшедший. Но **он был самим собой**, а не кем-то другим.’

26. **他就是他**——独一无二，特立独行。

‘**Он есть он сам** — неповторимый, независимый.’

Отметим, что, во-первых, значение сравнения одной сущности с другой может проявиться в сопоставительных тавтологиях, где их семантика указывает на различия между двумя сущностями, независимо от добавления наречия, а также может следовать из контекста в одинарных тавтологиях, см. (27), где говорящий сравнивает мастерство и талант мастера-фотографа с навыками обычного человека. Во-вторых, появление сравнительного значения, связанного с различиями между разными стадиями референта, зависит от наличия наречий с временным значением, таких как 总、永远、还、仍然、仍日、依然、始终、依旧 ‘всё таки, вечно, ещё, всё ещё, по-прежнему, все ещё, всегда, по-прежнему, все так же’ и т.п., которые уточняют временной аспект сравнения.

27. **大师不愧是大师**，每一次发图片，我都惊叹，大师的隐喻功底忒被深厚。这真的不是常人所及的啊！

‘**Мастер не зря назван мастером**. Каждый раз, когда он присылает фотографию, я поражаюсь - его мастерство в использовании метафор настолько глубоко. Это действительно что-то, чего обычному человеку не постигнуть!’

В нашей статье мы рассматриваем оценочное значение тавтологий не столь широко, чем это делается в исследовании Инь Хэжуэй. В его работе оценочное значение интерпретируется как любое мнение или импликация говорящего о референтах или их взаимоотношениях см. (28) и (29). Например, в (28) сопоставление женщин и мужчин используется для выражения мнения о том, что они обладают различными характеристиками и их не следует сравнивать. В (29) утверждение «ворона есть ворона» выражает субъективное мнение о том, что ворона, даже украшенная перьями павлина, остается вороной, а не становится павлином.

28. **女的就是女的，男的就是男的**，男女是不可能平等的。

‘Женщина есть женщина, мужчина есть мужчина, мужчины и женщины не могут быть равными.’

29. 无论乌鸦怎样用孔雀的羽毛来装饰自己, 乌鸦毕竟是乌鸦。

‘Независимо от того, как ворона украшает себя перьями павлина, в конце концов, **ворона есть ворона**. [11, с. 67]

Как отмечает Цзэн Хайцин, в высказывания вида $X \text{ adv.是} X$ могут входить такие наречия, как отрицательное наречие 不‘не’, утвердительные наречия, наречия для обозначения значения области, времени, частоты, модальности, степени, связи [9, с. 68–80]. Рассмотрев описанные им прочтения конструкции с каждым типом наречий, мы обнаружили что, в большинстве случаев $X \text{ adv.是} X$, как и его исходная форма, обычно используется для отсылки к определенной коннотации переменного X . Однако для точного определения конкретных коннотаций, на которые делается акцент, требуется дополнительный анализ контекста, ср. (30) и (31).

30. 此刻, 我深深体会到了母亲的舐犊之情, 此刻我觉得**女人就是女人**, 不管她多么名声显赫。

‘В настоящий момент я глубоко осознаю нежность материнской любви, и сейчас я понимаю, что **женщина — это женщина**, независимо от её общественного статуса.’

31. **女人就是女人**, 优柔寡断、拖泥带水这些特点你都占全了。

‘**Женщина есть женщина**, и ты полностью проявляешь все её черты: нерешительность и медлительность в решениях.’

Если в (30) говорящий подчеркивает такие женские черты, как забота о детях и любовь к ним, выражает свое восхищение материнской любовью, то в (31) отмечается негативное отношение.

Наконец рассмотрим пример, когда добавление определённого наречия придаёт конструкции сравнительные и/или оценочные значения, например добавление наречия 不愧‘заслуженно, достойно’ также и может давать тавтологиям положительное оценочное значение, см. (27). Кроме этого, использование тавтологических выражений с отрицательным наречием 不‘не’ может служить для выражения негативных суждений, основанных на несоответствии референта установленным нормам или

стандартам его категории. Отметим, что тавтологии с отрицательным наречием 不‘не’ часто появляются в неодинарном виде для выражения негативных оценок, см. (32).

32. 陈白露是个什么东西? **舞女不是舞女, 娟妓不是娟妓, 姨太太又不是姨太太**, 这么个贱货! [9, с. 69]

‘Что за существо такое Чэнь Байлу? **Эта женщина — словно танцовщица, но не совсем та, что на сцене, красотка, но не из тех, кого можно купить, и наложница, но не в полном смысле этого слова**. Вот так вот низкопробная особа!’

В целом, можно отметить следующие особенности тавтологий в китайском языке. Во-первых, одинарные немодифицированные тавтологии $X \text{是} X$ могут использоваться для привлечения внимания слушателя к определенным свойствам референта и транслировать оценку говорящего, а также передавать значение уступительности. Во-вторых, в китайском языке парные тавтологии со значением перечисления могут выражать положительную оценку относительно референтов, тогда как сопоставительные тавтологии могут указывать на неравноценность между сущностями.

Включение наречий в тавтологические высказывания обогащает их сравнительными и оценочными значениями. Так, отрицательные тавтологии могут выражать отрицательное оценочное значение в сочетании со сравнительным, привлекая внимание к несоответствию референта нормам и стандартам. Временные наречия могут использоваться для передачи сравнения между разными стадиями референта, а наречие 不愧‘заслуженно, достойно’ может придавать им положительное оценочное значение.

Заключение

Сопоставляя тавтологии в русском и китайском языке в аспекте, их способности передавать сравнительное и оценочное значение, мы обнаружили что в обоих языках данные типы значения могут быть выражены как по отдельности, так и в сочетании друг с другом. Следует отметить, впрочем, что в китайском языке передача сравнительного и/или оценочного значения не ограничивается использованием специфических конструкций, но также зависит от включения в состав тавтологических высказываний наречий разных типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. - 576 с.
2. Вилинбахова Е.Л. Сопоставительные тавтологии в русском языке // Вопросы языкознания. 2016. №2. С. 61–74.
3. Вилинбахова, Е.Л. Когда статья – это не статья: «отрицательные тавтологии» в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2017. Т. 2. №16. С. 441–452.
4. Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–117

5. Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.
6. Николина Н.А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984.
7. Шмелев А.Д. Парадоксы идентификации. // Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. М.: Наука, 1990. С. 33–51
8. 北大CCL语料库 Корпус CCL при Пекинском университете http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/
9. 曾海清.现代汉语同语式全方位研究. 2011. 安徽大学, PhD dissertation. Цзэн Хайцин. Комплексное исследование тавтологии в современном китайском языке. Аньхойский университет, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 2011.
10. 刘德周.同语的语用功能及分类研究[J]. 云南师范大学学报(哲学社会科学版),1998(01):44-49. Лю Дэчжоу. Исследование о прагматических функциях тавтологий и их классификации // Журнал Юньнаньского педагогического университета. 1998. № 1. С. 44–49
11. 殷何辉.比评性同语式的句法语义特征[J]. 汉语学报,2006(04):67-74. Инь Хэхуэй. Синтаксические и семантические особенности сравнительно-оценочных тавтологий. // Вестник китайского языка, 2006, № 04, С. 67–74

© Гэ Гэнь (st084544@student.spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

UNDERSTANDING THE CONCEPT OF TOLERANCE IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

*N. Degtyarivova
A. Kresova
N. Kresova
M. Prudnikova*

Summary: Ideas about tolerance as a concept in the linguistic picture of the world, as a word with its own semantics and connotations, which appeared in the Russian language relatively recently - only from the 20th century, and about tolerance as a quality of interpersonal relations and behavior, in particular speech, are seen as worthy attention, especially in connection with multi-vector social relations, ideological and religious diversity in multi-ethnic and multicultural societies. Issues of tolerance acquire particular relevance due to the fact that the turn of the 20th and 21st centuries became a time of escalation of national contradictions and conflicts, deepening interethnic intolerance in the context of globalization. The object of research is the conceptual sphere of Russian linguistic consciousness. The purpose of the study is to describe the conceptual field of "tolerance" in the Russian language and ideas about tolerance as a quality of communicative behavior among native speakers of the Russian language. Research methods – descriptive, cognitive method, component analysis, analysis of lexicographic and phraseographic descriptions of the conceptual field under consideration. Scientific novelty. The concept of tolerance in the Russian national concept sphere and the quality of tolerance in the communicative behavior of interlocutors, the system of their speech strategies are examined in a comprehensive manner in the article, which allows us to reveal the understanding of tolerance as a phenomenon of linguistic consciousness. The axiological significance of this concept affects not only the specifics of ethical values, it determines their implementation in other values - religious, political, sociocultural. Therefore, the study of the concept of tolerance in the conceptual sphere of linguistic consciousness is of particular importance in our time in the context of a multinational state.

Keywords: cognitive linguistics, concept, conceptual field, connotation, communicative behavior.

Дегтярева Нина Вадимовна
Кубанский государственный университет
ninadegtyareva@yandex.ru

Кресова Анна Андреевна
МОБУ гимназия № 1г. Сочи им. Филатовой Р.А.
kresovaaa@icloud.com

Кресова Наталья Станиславовна
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России)
kresovans@rambler.ru

Прудникова Маргарита Эдуардовна
Сочинский государственный университет
prudnik@inbox.ru

Аннотация: Представления о толерантности как концепте в языковой картине мира, как имеющем свою семантику и коннотации слова, которые появились в русском языке сравнительно недавно – лишь с XX века, и о толерантности как качестве межлических отношений и поведения, в частности, речевого, видятся достойными внимания, особенно в связи с многовекторными социальными отношениями, идеологическим и конфессиональным многообразием в полиэтнических и поликультурных обществах. Особую актуальность вопросы толерантности приобретают в связи с тем, что рубеж XX – XXI веков стал временем эскалации национальных противоречий и конфликтов, углубления межэтнической интолерантности в условиях глобализации.

Объект исследования – концептосфера русского языкового сознания.

Цель исследования – описание концептуального поля «толерантность» в русском языке и представлений о толерантности как качестве коммуникативного поведения у носителей русского языка.

Методы исследования – дескриптивный, когнитивный метод, компонентный анализ, анализ лексикографических и фразеографических описаний рассматриваемого концептуального поля.

Научная новизна. Концепт толерантности в русской национальной концептосфере и качество толерантности в коммуникативном поведении собеседников, система их речевых стратегий рассматриваются в статье комплексно, что позволяет раскрыть понимание толерантности как феномена языкового сознания. Аксиологическая значимость этого концепта сказывается не только в специфике этических ценностей, она обуславливает их претворение в других ценностях – религиозных, политических, социокультурных. Поэтому исследование концепта толерантности в концептосфере языкового сознания приобретает особую важность в наше время в контексте многонационального государства.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, концептуальное поле, коннотация, коммуникативное поведение.

Рассматривая концепт «толерантность», понятийную аксиологическую область и концептуальное поле, с ним связанные, будем исходить из положения, которое точно сформулировал А.Д. Шмелев в одной из своих лекций: любые ценности, верим мы в них или нет, считаем универсальными или нет, мы не можем обозначать их иначе, чем словами; и поэтому разговор

о любых ценностях – это разговор о словах.

Хотя слово «толерантность» (от лат. *tolerantia* – «терпение, терпеливость, умение выдерживать»: *tolerare* «нести, переносить, выдерживать, терпеть») появилось в европейском культурно-философском дискурсе в XVI в., когда в Нантском эдикте были утверждены принципы

веротерпимости и равные права вероисповедания католиков и протестантов, толерантность как культурный феномен имманентно присутствовала со времен античности. В эпоху Просвещения, у Дж. Локка и Вольтера, толерантность – это безусловная ценность, составляющая истину межчеловеческих отношений. Сейчас в английском языке слово *tolerance* означает «готовность быть терпимым, снисходительность». [8, с. 47]

В Россию слово «толелантность» пришло в XVIII в. и широко употреблялось либеральными публицистами и философами во второй половине XIX в., но в 30-е годы XX в. оно полностью вышло из употребления как идеологически чуждое учению о классовой борьбе. Возвращение этого слова в состав русской философской и политической лексики отмечается с начала 1990-х годов.

В современном русском языке соответствующим ему выступает слово «терпимость». Между словами *толелантность* и *терпимость* есть значительные различия как в смысловых компонентах, так и в коннотативных. Так, в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова слово *терпимость* отмечено как производное от одного из значений слова *терпимый*:

Терпимый 3. Снисходительно относящийся к чуждому мнению, обычаям, поведению и т. п. *Т. к недостаткам. Т. по натуре. Т. народ, человек. Т. характер. Т-ое отношение к людям.*

Терпимость, -и; ж. (3 зн.). *Постоянная т. Проявлять т. к обычаям. Национальная, религиозная т.* (к национальным, религиозным особенностям кого-л.). *Дом терпимости* (устар.; публичный дом).

Следовательно, *терпимость* в русском языке – это «способность терпеть что-то или кого-то, быть выдержанным, уметь мириться с существованием рядом чего-либо, кого-либо, возможно, неприятного или враждебного, считаться с мнением других, снисходительно относиться к обычаям, поведению других». Психолингвистический подход в исследовании семантики слов *толелантность* и *терпимость* позволяет определить их различия. [1, с. 14]

Слова *толелантность* и *терпимость* относятся к разной человеческой деятельности: *толелантность* употребляется прежде всего в общественно-политической и религиозной области, а *терпимость* характеризует духовную жизнь и внутреннее отношение, мироощущение, а в связи с этим – поведение человека. Оба слова входят в одно концептуальное поле, но концепт *терпимость* означает ориентированность на внутренний мир и духовность человека, его характер, психотип, а *толелантность* скорее характеризует головную, мыслительную работу, деятельность разума, но не души.

Со словом *терпимость* связаны экзистенциальные

смыслы, которые влекут за собой и оценочные коннотации: *терпимость* предполагает проявление снисходительности и терпеливой покорности без желания что-то изменить в сложившемся положении вещей. Причем эта *терпимость* в экзистенции и поведении человека может оцениваться как положительно, так и отрицательно: [10, с. 364]

Так что мы учимся в семье многому: характеру, твердости... и в то же время уступчивости, мягкости, терпимости. С.Ткачева. День влюбленных. (Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка: <https://ruscorpora.ru>). *Терпимость к родным и близким оценивается положительно как основа для доверительных и поддерживающих семью отношений. Терпимость как необходимое положительное качество оценивается и в обществе: Наверное, неспроста у нас сейчас все чаще бьют тревогу по поводу недостатка в обществе терпимости, понимания, доброты, милосердия, уменьшения числа добрых, отзывчивых людей, особенно среди молодого поколения.* И.К. Архипова. Музыка жизни.

В других случаях *терпимость* оценивается негативно, потому что это смирение и непротivление распоясавшемуся злу: зачем что-то предпринимать, чтобы изменить собственное тягостное положение, если ничего хорошего все равно не получится, не проще ли смириться и еще потерпеть: [5, с. 87]

Но что это? Компромисс или терпимость? Это ведь не одно и то же.

Можно осознавать силовое превосходство зла и лжи, но терпеть это, не выходя из пространства действия этих сил - и тогда это терпимость. А.Дударев. Юрий Нагибин: компромисс или терпимость?

Или: А здесь, несмотря на огромное количество узнаваемых деталей - пьянство, одиночество, супружеская измена - и в этой атмосфере равновесия и безобразной терпимости семья все же сохраняется. С.Н. Есин. Дневник.

Негативные оценочные компоненты вобрало в себя производное *терпила*, с которым связано жалостливо-презрительное отношение к такому терпящему злу человеку: «жарг., пренебр. Слабый человек, не способный постоять за себя, добровольно соглашающийся с ролью жертвы»: [4, с. 109]

Если бы всё еще можно было сделать так, чтобы не выглядет лохом, безответным терпилой. С. Шикера. Египетское метро. Ср. в профессиональном жаргоне полицейских: *терпила* «потерпевший, жертва».

Терпимость может выступать как свойство личности, миролюбивость характера, формирующая соответствующую модель поведения. Такая *терпимость* проявляется в межличностных отношениях, в коммуникативном поведении: способность сохранить невозмутимость и рассудительность во время конфликта, умение выслушать другого оцениваются обычно положительно. Однако бесконфликтность может быть проявлением безразли-

чия, апатии, бесхребетности и т. д., что вызывает негативную оценку.

Рассудочная толерантность не тождественна столь многогранной терпимости: исторически вряд ли ее можно отнести к русской культурной норме. Толерантность как черта поведения осознается как чуждая спорам, столкновению мнений, коммуникативной борьбе. Даже риторические принципы гармонизирующего диалога, подразумевающие общее стремление к постижению истины, весьма далеки концепту толерантности. Все это свидетельствует о том, что концепт толерантности в русском языковом сознании еще не сформировался и переживает свое становление.

Для русского языкового сознания более естественны такие качества, как легкость и открытость в общении, эмоциональность, прямота и бесхитрость в споре, актуально стремление отстаивать собственное мнение, доказать свою правоту. Поэтому концепт *толерантность* не составляет центральной области русской концептосферы. Толерантность порой связывается в русских текстах с неискренностью, лицемерием, а иногда и с насилием, утверждающим принципы внешне благостного, но некомфортного притворного общежития. Толерантность в этом смысле может быть доведена до абсурда: [11, с. 10]

Металлы принято делить на «благородные», «чёрные» и «цветные», но в эпоху толерантности впору объявить войну металлорасизму. В.О. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе.

Тем не менее наблюдается позитивный сдвиг в оценках толерантности: многие члены русского языкового коллектива склоняются к положительной оценке концепта толерантности, понимая нетождественность терпимости и толерантности и возможности их сближения как дополняющих и необходимых в обществе разных принципов коммуникации, в том числе и толерантных, не делящих кардинально людей на сторонников и противников:

Как бы сейчас ни было модно кривиться от толерантности, но только цивилизованность, только терпимость, только общий закон могут позволить жить на земле спокойно и по-людски. А.Н. Бузулукский. Пальчиков.

В общественном сознании постепенно происходят перемены, которые предвосхищают возможность принятия социумом толерантности как принципа межчеловеческих отношений и решения социальных проблем. Вероятно, общество постепенно движется в этом направлении, принимая толерантность как принцип общежития и как коммуникативно-речевую стратегию, которая учитывает корректность и продуманность оценок, аргументированность доводов, признание права другого человека на собственное, пусть противоположное,

мнение, вероятность изменения собственной недостаточно обоснованной точки зрения.

Гармонизирующий диалог основывается на обоюдном стремлении достичь взаимопонимания, общности разных точек зрения, он не приемлет раздражения и вербальной агрессии, чувств обиды, бессилия, или, напротив, заносчивости, высокомерия, диктата.

Рассмотрим толерантность как систему речевых стратегий в коммуникации. Толерантность может проявлять себя как отношение и как коммуникативные акции, как культурно нормированная стратегия и как коммуникативная акция, оцениваемая в качестве признание-непризнание, одобрение-неодобрение, приемлемое-неприемлемое. С точки зрения теории коммуникации это означает требование понимания как взаимно приемлемой и риторически обоснованной нормы. В этом состоит сущность закона гармонизирующего диалога. [3, с. 68]

Этот закон риторики характеризует коммуникацию с точки зрения риторического идеала как 1) диалог, в котором каждый из субъектов - создатель собственной речи-мысли, а общение – это равноправное участие таких субъектов, 2) цель такого диалога – пробуждение мысли у собеседников в условиях эмпатии и доброжелательности, 3) главное направление диалога – не борьба, а движение к общей цели – к согласию, 4) цель диалога – общее понимание истины, которая вполне достижима и осознаваема через общую коммуникацию. Коммуникативное поведение, строящееся на принципах гармонизирующего диалога, выражается в следовании принципу кооперации. Таким образом, толерантное коммуникативное поведение имеет в основе принцип кооперации, который ведет к взаимопониманию и движению к общей цели – пониманию истины, правды. Принцип кооперации имеет общую коммуникативную основу и обусловлен конвенциональностью, взаимным согласием для процесса общения. Хотя сами по себе формулы и схемы общения проявляют национальную специфику. Принцип кооперации также определяет те рамки общения, которые гарантируют собеседнику то, что он будет правильно понят и встретит заинтересованную коммуникативную реакцию. [7, с. 244]

Описанная коммуникативная толерантность предполагает определенный коммуникативный этикет и правила вежливости. Правила речевого этикета обеспечивают единство и согласованность коммуникации. Исторически сложившиеся процедуры обращений, просьб, извинений предназначены объединить речевые действия собеседников и нейтрализовать возможные несогласие или оппозицию собеседника. Приемы и тактики способствуют реализации стратегии гармонизирующего диалога. Выделим некоторые из них.

1. Обращения, представляющие собой формы имени собеседника, способствуют установлению и продолжению речевого контакта, проявляют уважительное и заинтересованное внимание. Помимо имени, в роли обращения могут быть использованы местоимения: *вы* - для обращения к незнакомому или малознакомому собеседнику, *ты* – для неофициального обращения к близкому человеку.
2. Одобрение, похвала. Положительная оценка собеседника, его действий поможет установить доброжелательную обстановку.
3. Уважительная просьба, отличающаяся от требования спокойной доброжелательной интонацией, объяснением причины обращения с просьбой, специальными фразеологизмами и формулами этикета: *буду очень благодарен, будьте добры* и т. д. В конструкциях вежливой просьбы часто используются не прямые тактики речевого воздействия (с формами сослагательного наклонения; в форме вопроса, а не утверждения; в форме метасообщений и намеков): *Не могли бы вы подать ту книгу?, Как мне хотелось бы..., Как мне понравилось бы...* Метасообщение – это сообщение сверх основной информации, обычно такие сообщения применяются специально для того, чтобы сделать коммуникацию более доступной, взаимопонимание более легким, они включают комплиментарные, одобрительные, любезные выражения, похвалы собеседникам и собственной коммуникации: *Мы ценим такую подготовленную и любознательную аудиторию.* [9, с. 207]
4. Вежливый отказ. Противоположное вежливой просьбе коммуникативное действие должно быть тщательно выверено и должно следовать определенным правилам: отказать можно вежливым, доброжелательным тоном, но достаточно твердо. Русский речевой и деловой этикет требует объяснить причину отказа: причина должна быть одна, но достаточно значимая. Отказ должен сопровождаться этикетными формулами и извинением, которые призваны смягчить отказ, выразить сожаление и надежду на продолжение коммуникации и возможность выполнить просьбу в другое время или в других условиях.
5. При коммуникативной ошибке или неловкости стоит помнить о таком приеме восстановления утраченного контакта, как извинение. В этом случае важно вовремя попросить прощения за неправоту в суждении, невежливое высказывание, непонимание собеседника и не провоцировать возможный конфликт. Извинение позволит восстановить принцип гармонизирующего диалога.
6. Напоминание или другое активное введение в диалог предупреждения о нежелательных последствиях для собеседника или для интересов общего дела делается вежливым тоном со специальными формулами вежливости: *пожалуйста, простите, обратите внимание на..., извините, разрешите напомнить, позвольте предупредить, обратитесь ваше внимание на...*
7. Несогласие с мнением собеседника, его оценками и планами также должно выражаться в вежливой форме. Какие-либо формулы агрессивной реакции здесь совершенно неприемлемы, они могут повлечь за собой прекращение коммуникации. Несогласие или неодобрение имеют целый ряд вежливых средств и формул для своего выражения. Это могут быть указания на возможность иной точки зрения и иных оценок, этикетные формулы выражения несогласия, опасения, неуверенности, непонимания, сожаления: *Возможно, вас заинтересует мое предложение, На этот вопрос, вероятно, можно посмотреть и с другой стороны... Я не вполне уверен, можно ли так поступить, Опасаюсь неожиданных результатов наших действий, Сожалею, но у нас нет таких ресурсов...* Хорошие результаты в плане сохранения продуктивного речевого контакта дают попытки организовать совместное действие, виртуальное или реальное: *А не решить ли нам... Мы могли бы совместно провести...* и т. д.
- Исследователи речевых актов, их типологии и косвенных тактик коммуникации неоднократно отмечали особую действенность таких тактик в критических ситуациях. Непрямые тактики, в отличие от прямых, директивных, обычно сохраняют возможности выбора той или иной точки зрения, создают атмосферу уверенности в коммуникативном демократическом единстве и доброжелательности собеседников, оставляют надежду на более продуктивное решение, исключают категоричные императивные высказывания, разрушающе воздействующие на принципы гармонизирующего диалога. [2, с. 79]
8. Использование слов и формул-эвфемизмов, которые замещают табуированные в коммуникации или грубые, неприемлемые в диалоге высказывания и формулировки поможет избежать конфликтных ситуаций. В качестве эвфемизмов могут быть использованы описательные выражения и обороты, перифразы: бедный – имеющий финансовые затруднения, социально незащищенные слои населения, использование административных ресурсов вместо злоупотребление властью, лица с особыми потребностями, косвенные указания на негативно оцениваемые объект или ситуацию: нецелевое использование бюджетных средств вместо воровство, логические, с подменной понятия, замены (например: оружие – инструмент разрушения; клининг-мастер вместо уборщица), использование заимствованного термина: бустер вместо повторная вакцинация; или образные, позволяющие намекнуть на не называемый

объект(хлопок вместо взрыв, отрицательный прирост – падение). Эвфемизмы смягчат негативную оценку: Вряд ли у него было время досконально разобраться в документации.

Перифразы и эвфемизмы представляют собой опять же не прямые, косвенные высказывания и метасообщения с намеками, аллюзиями, т. е. намеками на историческое событие, литературное или историческое произведение, на известный фразеологизм: *Нам не нужен такой троянский конь; Где на Руси жить хорошо; Мы не можем мириться с этой обломовщиной.*

Гармонизирующий диалог требует особых правил, установок, которые были кратко сформулированы И.А. Стерниным. Главное из этих правил – надо принимать собеседника таким, каков он есть. Для этого надо уметь анализировать, «читать» его коммуникативные действия. Не стоит пытаться переделать собеседника, надо избегать предубеждений и особенно предварительных негативных характеристик собеседника, наоборот, такие установки надо преодолевать; надо отвлекаться от недостатков собеседника, стоит приспособливаться к собеседнику, учитывая его особенности и понимая отстаиваемые им интересы. [12, с. 29]

Конечно, толерантность гармонизирующего диалога – это не потакание грубости и коммуникативной агрессии. Следует отличать деловую прямолинейность от грубости. Стоит понимать причины слабостей собеседника, особенности его поведения и речи, промахи в коммуникации, недостатки его характера, но нельзя соглашаться и пропускать незамеченными факты незаинтересованности, манипулирования и нетерпимости к чужим мнениям, использование неприемлемых форм общения.

Важно понимать, особенно при деловых переговорах, где должно быть соперничество и борьба мнений, а где стоит открыть путь к сотрудничеству. Сотрудничество, в котором заинтересованы обе стороны, обычно гораздо результативнее борьбы. При этом следует, однако, помнить, что путь к сотрудничеству лежит через борьбу. Важно уметь быть и союзником, и, когда надо, соперником. Когда вы выражаете согласие по любому поводу, вы как бы показываете человеку – я свой. Но это не всегда соответствует действительности. Интересы собеседников могут лежать в разных плоскостях.

Принцип Бенджамина Франклина, выраженный в словах: «Я взял себе за правило вообще воздерживаться от прямых возражений на высказанное кем-либо другое мнение и от каких-либо категорических возражений и утверждений со своей стороны. Я запретил себе употребление таких слов, содержащих в себе категорические нотки, как «конечно», «несомненно» и т. п., и заменил их в своем лексиконе выражениями: «представляю себе», «предлагаю», «полагаю, что это должно быть так или эдак»; или «в настоящее время мне это представляется таким образом», - конечно, стоит принять, но видеть здесь способ и возможности для не императивного, но вежливого и тем не менее настойчивого отстаивания собственной точки зрения. [6, с. 235]

Толерантность в коммуникативном поведении не означает соглашательства во всем и забвение своих интересов, соглашение со вседозволенностью собеседника ради мифического общего и полного согласия, которого часто достичь невозможно. Она означает только соблюдение принципов сотрудничества в ведении коммуникации, которое позволит учесть интересы собеседников, не ущемляя их и выделяя оптимальные точки контактирования и решения проблем, в котором заинтересованы обе стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башиева, С.К. Толерантность и интолерантность в языковом сознании современной студенческой молодежи / С.К. Башиева, А.И. Геляева, И.Р. Табакоева // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 4(46). – С. 8–20.
2. Бубнов Ю.А., Гаршин Н.А. Проблема толерантности в античной и средневековой культуре: ретроспективный анализ. // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н.Толстого. – 2018. - № 2 (26). – С. 75–83.
3. Воронцова, Т.А. Семантическая структура лексемы «Толерантность» в современной русской языковой картине мира / Т.А. Воронцова, Т.Р. Копылова // Вопросы психолингвистики. – 2023. – № 3(57). – С. 61–72.
4. Же Ли. Семантика концепта «толерантность» и способы его лексической репрезентации в русском языке / Же Ли // Лингвокультурология. - Екатеринбург, 2007. - Вып. 1. - С. 104–114.
5. Зарубина, Л.А. Связь коммуникативности, коммуникативной толерантности и потребностей студентов языкового вуза / Л.А. Зарубина, Т.О. Смолева // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2021. – № 6. – С. 85–88.
6. Кульбашная, Е.В. Принцип языковой толерантности в преподавании русского языка как иностранного / Е.В. Кульбашная // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26, № 2. – С. 231–237.
7. Матюшина, В.В. Анализ содержания образа ценности tolerance (толерантность) в языковом сознании / В.В. Матюшина // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 10. – С. 241–246.
8. Мирзоева, Г.Х. Проявление толерантности по отношению к многозначным словам в языковом аспекте / Г.Х. Мирзоева // Вестник института языков. – 2022. – № 1(45). – С. 43–49.

9. Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
10. Семенова, Н.В. Толерантность языковой нормы в отношении иноязычных заимствований в русском языке / Н.В. Семенова // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 2–2. – С. 361–367.
11. Токарева, В.О. Соотношение понятий «терпимость» и «толерантность» в сознании российского общества / В.О. Токарева // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 7–12.
12. Хомяков. Толерантность и ее границы. //Национальный психологический журнал. – 2011. - № 2. – С. 25–33.

© Дегтярева Нина Вадимовна (ninadegtyareva@yandex.ru), Кресова Анна Андреевна (kresovaaa@icloud.com),
Кресова Наталья Станиславовна (kresovans@rambler.ru), Прудникова Маргарита Эдуардовна (prudnik@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В НАЗВАНИЯХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ГРУПП И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

FEATURES OF NUMERALS IN THE NAMES OF MUSICAL BANDS AND BOOKS

**T. Klikushina
N. Shchitova**

Summary: This article is devoted to the actual problem of studying numerals in the names of English-language musical bands and novels of different genres. The aim of the work is to identify the specifics of nominative means of language (numerals) in the names of these phenomena, to describe their characteristics and functions. The authors have attempted to classify the numerals in the names of English-speaking musical groups and works of art by thematic groups and to carry out their linguistic, stylistic and structural analysis. Examples from original sources are provided as an illustration, and conclusions are drawn.

Keywords: numeral name, thematic group, title, nomination, a musical band with a numerical component, a work of art with a numerical component.

Кликушина Татьяна Георгиевна

Кандидат филологических наук, доцент, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ)»
tklikushina@yandex.ru

Щитова Наталья Георгиевна

Кандидат филологических наук, доцент, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ)»
natali2670@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена актуальной проблеме изучения числительных в названиях англоязычных музыкальных групп и романов разных жанров. Целью работы является выявление специфики номинативных средств языка (имен числительных) в названиях данных феноменов, описание их характеристик и функций. Авторами предпринята попытка классифицировать имена числительные в названиях англоязычных музыкальных групп и художественных произведений по тематическим группам и провести их лингвостилистический и структурный анализ. В качестве иллюстрации приведены примеры из оригинальных источников, сделаны выводы.

Ключевые слова: имя числительное, тематическая группа, заглавие, номинация, музыкальная группа с числовым компонентом, художественное произведение с числовым компонентом.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что названия англоязычных музыкальных групп и романов разного жанрового направления, являются, с одной стороны, отражением массовой культуры, попытки исследования которых уже предпринимались в лингвистике [5; 6; 12; 13 и др.], с другой стороны, они все еще требуют дополнительного изучения и рассмотрения с точки зрения использования в их номинации имен числительных, а также выявления семантического потенциала изучаемого текстового пространства.

Н.Д. Голев, анализируя и резюмируя научные труды, работы по лексике ряда исследователей, находит в принципах номинации проявление лингвистической техники, характеризующее определенные традиции названия [4, с. 17].

«Числа — это элементы особого кода, с помощью которого описывается мир. В основе музыки, поэзии, архитектуры и искусства лежат числа. Число знаменует божественный порядок, является магическим ключом к пониманию гармонии. В мифологической картине мира

с помощью чисел передавалась качественно-количественная сторона явлений» [10, с. 90–91].

Объектом исследования являются названия англоязычных музыкальных групп и художественных произведений разных стилей и направлений.

Предметом исследования выступают имена числительные в названиях англоязычных музыкальных коллективов и заглавиях романов, их особенности, структура и функции.

Цель данного исследования заключается в выявлении и анализе специфических особенностей (стилистических, структурных), функций названий музыкальных групп, художественных произведений, в состав которых входят имена числительные.

Название музыкальной группы, заглавие романа — это то, что всегда привлекает внимание аудитории. Такая информация является важной составляющей формирования первоначального представления о самом предмете

как объекте интереса слушателя или читателя. Название может быть обусловлено как личностными характеристиками номинатора, так и определенными ситуативными явлениями, событиями в его жизни или общества.

Роль числа в мире музыки, по мнению А.Б. Карасева, прекрасно представлена А.Ф. Лосевым в книге «Форма, стиль, выражение» где утверждается, что музыка основана на соотношении числа и времени [8].

Как правило, не все названия музыкальных групп запоминаются. Особый интерес вызывают те названия, которые имеют амбивалентные значения или элементы экспрессивного, интригующего характера, привлекающие внимание аудитории обыгрыванием, интерпретацией, смысловыми преобразованиями. Такой подход может быть оправдан тем, что у слушателей появляется желание познакомиться не только с музыкальным коллективом, название которого осталось в памяти, но, впоследствии, и с содержанием альбома, дискографии, творчеством исполнителей того или иного направления или стиля, текстами их песен [16, с. 249]. Рассмотрим названия ряда музыкальных групп разных жанровых направлений и стилей, в состав которых входят имена числительные.

Музыкантам Э. Гонзалесу и Н. Фроманже, играющим в стиле дрим-поп, представилось вполне возможным дать название своей группе M83, ассоциирующееся с интригующим и эфемерным образом загадочной галактики Messier 8, форма которой напоминала спираль и обозначаемой астрономами таким образом для краткости и удобства в исследовательских трудах [1].

В названии женской рок-группы из Лос-Анджелеса используется термин L7, который появился в 50-х годах прошлого столетия и обозначал на слэнге зануду или «лопуха». В альтернативной культуре он имел дуальную окраску, мог нести как негативную, так и позитивную коннотацию [1].

MC5 – название популярной американской панк-рок группы 60-х – 70-х годов XX века, представляющее собой комбинацию из сокращения от Motor City (MC), являющегося общепринятым «никнеймом» столицы автомобилестроения США Детройта, и числительного 5, обозначающего количество участников этой группы. Часто их называли «Пятерка из Детройта» [1].

Оригинальной представляется история создания названия музыкального трио из Ирландии JJ72. В 90-х годах прошлого века музыканты М. Грини и Ф. Мэттьюз, обучаясь в Бельведер-колледже, обратили внимание на арт-инсталляцию, представлявшую собой окно, полностью заставленное банками (контейнерами) с вареньем (от англ. «jam jars»). Сосчитав их точное количество – 72 банки, и добавив к нему заглавные буквы номинации ем-

костей с джемом, они придумали название для своего музыкального коллектива [1].

Название американской группы *30 Seconds to Mars*, основанной братьями Дж. Лето и Ш. Лето, играющими в стиле альтернативного рока, было взято из научной статьи профессора из Гарварда, в которой описывалась возможность для человечества оказаться «в тридцати секундах от Марса» благодаря развитию современных технологий [20].

Интерес представляют названия групп с фонетическими особенностями, графическое изображение которых может быть интерпретировано дуально. Существует несколько версий названия группы U2, которая в начале своего творческого пути была известна как: The Larry Mullen Band, Feedback и The Hype. Такие номинации не показались музыкантам уникальными или привлекательными, поэтому предпочтение было отдано аббревиатуре с именем числительным, которую периодически связывают с одноименным названием самолета-разведчика Lockheed U-2 или распространенным выражением «you too» – «и ты тоже», его сокращенный вариант в английском языке графически выглядит как U2 и напоминает его фонетически [1].

Изначально, название *Fromis_9* не было популярным среди поклонников этой женской группы. Но когда представительницами музыкального коллектива было объяснено аудитории, что смысл заключается в том, что они сформировали группу, когда участвовали в шоу-выживании Idol School (канал Mnet) – *From Idol School + Promise* («обещание») + числительное 9, то получилась интересная комбинация из заглавной буквы предлога, основы слова и цифры, обозначающей количество девушек в группе [14].

Название рок-группы *Eyes like 20* можно перевести (букв. «глаза как двадцать»), что означает «отличное зрение», но есть и другая, более подходящая для музыкального коллектива этого направления, логотипом которого является изображение глаза: «глаза как в 20 лет», то есть акцент делается на их молодость [15, с.66].

Анализ названий музыкальных групп, отобранных методом сплошной выборки из Интернет-ресурсов, позволил сделать следующие выводы: числительные встречаются в номинации групп в сочетании с аббревиатурами (*D12, D14L, MC5, E-40*), в составе словосочетаний (*3 Doors Down*), в том числе в предложных конструкциях (*30 Seconds to Mars, 65 Days of Static*) и др. Графическое изображение выявленных порядковых и количественных числительных в названиях групп может быть в виде цифры (*Naturally 7, S Club 7, 13th Floor Elevators, 1st Down*), также отмечено написание числительных соответствующими им словами (*Eleven, One Chance, Third World, Third Eye Blind*). Можем предположить, что создатели музыкальных групп различных направлений и стилей, используя числительные в графическом или письменном

варианте, стремятся выделиться, подчеркнуть свою индивидуальность, креативность или скрытый смысл выбранного ими названия.

Номинации исследуемых музыкальных коллективов, в состав которых входят имена числительные, отличаются разнообразием как в лингвистическом, культурологическом отношении, так и по своей тематике. Экстралингвистическая обусловленность номинации позволяет классифицировать наименования по группам в зависимости от их тематической принадлежности [2, с.51]. Приведем в качестве примера несколько таких тематических групп:

меры времени: *7 Seconds, 5 Seconds of Summer, 2 Minutes to Midnight, Nine Days*;

меры веса: *1200 micrograms*;

меры длины, расстояние: *3 Inches of Blood, Nine Inch Nails, 3 Doors Down*;

территория: *0-Zone, 808 State, One Block Radius*.

Также были выделены конструкции, в состав которых входят имена числительные в сочетании с именами собственными: *Eifel 65, Nina Sky, Three Days Grace* и др.

Таким образом, в некоторых случаях, словосочетания с именами числительными, являющимися одновременно и названиями музыкальных групп, представляют собой узнаваемые, широко используемые в повседневной речевой практике выражения, с другой стороны, могут возникать вопросы к обозначенным тем или иным образом названиям музыкальных коллективов, так как они могут быть привлекательными, вызывать интерес, но не всегда бывает понятен смысл номинации. Мотивы создания отдельных названий групп достаточно закодированы, возможно имеют определенный скрытый смысл, известный только авторам, не поддаются общепринятой расшифровке, требуют разъяснения и дополнительной информации.

По мнению Е.С. Гайломазовой «с помощью наименований чисел не просто производился счет, но и осуществлялись процессы познания мира, национального самопознания и самовыражения. Объективная и универсальная семантика количества трансформируется в конкретном языковом сознании и приобретает культурно обусловленные оценочные смыслы» [3, с. 19].

Особенностью заглавий художественных произведений различных жанров, в том числе романов, является индивидуальный подход, стиль автора. Неординарность и своеобразие заголовка книги зависит от уровня владения автором языковым материалом, его художественного вкуса, желания привлечь внимание читателя, заинтриговать целевую аудиторию. Название произведения играет важную роль еще и потому, что по заглавию читатель может судить о содержании книги, и, соответствен-

но, иметь возможность выбора, предпочтения одного автора другому, или одной книги другому произведению.

Нами были выявлены следующие случаи использования имени числительного в названиях классических и современных художественных произведений в сочетании с другими знаменательными и служебными частями речи, которые можно представить в виде тематических групп:

люди: «*Third Girl*» (A. Christie), «*The Fifth Child*» (D. Lessing), «*Two Brothers*» (B. Ch. Elton), «*Nine Liars*» (M. Johnson), «*Three Singles to Adventure*» (G. Durrell), «*7th Son: Descent*» (J. C. Hutchins), «*Three Men in a Boat*», «*Three Men on a Bummel*» (J. K. Jerome), «*Ten Indians*» (E. Hemingway), «*The Other Two*» (E. Wharton), «*Nine Perfect Strangers*» (L. Moriarty), «*King Charles III*» (M. Bartlett), «*Ten Little Niggers*» (A. Christie), «*Two Old-Timers*» (F.S. Fitzgerald);

анатомия: «*Hearts of Three*» (J. London), «*First Blood*» (F.S. Fitzgerald);

фауна: «*Three Blind Mice*», «*Five Little Pigs*» (A. Christie); «*Three Little Pigs*» (Nursery Rhymes and Nursery Tales), «*The Hundred and One Dalmatians*» (D. Smith);

флора: «*Five Quarters of the Orange*» (J. Harris), «*The Five Orange Pips*» (A. Conan Doyle);

строения или элементы инфраструктуры: «*Slaughterhouse-Five*» (K. Vonnegut); «*Autopsy Room Four*» (S. King), «*Runway Zero-Eight*» (A. Hailey), «*Three, Four, Shut the Door*» (W. Saroyan), «*Usher II*» (R. Bradbury);

предметы: «*The Fifth Wheel*» (O. Henry);

кулинария: «*The Third Ingredient*» (O. Henry);

цветообозначения: «*Two Little Girls in Blue*» (M.H. Clark), «*13 Little Blue Envelopes*» (M. Johnson), «*Fifty Shades of Grey*» (F.L. James);

время суток и периоды времени: «*Nineteen Minutes*» (J. Picoult), «*102 Minutes. The Untold Story of the Fight to Survive Inside the Twin Towers*» (J. Dwyer and K. Flynn), «*Twelfth Night*» (W. Shakespeare), «*Once a Week Won't Kill You*» (J. D. Salinger), «*Eight Days of Luke*» (D. W. Jones), «*A Five Year Sentence*» (B. Rubens), «*Looking Back on Eighty Years*» (W. S. Maugham), «*1984*» (G. Orwell), «*The Reader of "The World Almanac for 1944"*» (W. Saroyan), «*Six Years After*» (K. Mansfield), «*Ten Years in the Advertising Business*» (F.S. Fitzgerald), «*News of Paris – Fifteen Years Ago*» (F.S. Fitzgerald), «*127 Hours: Between a Rock and a Hard Place*» (A. Ralston), «*One Day*» (D. Nicholls), «*Nine Days*» (T. Jordan), «*The Third Day after Christmas*» (W. Saroyan), «*Zero Hour*» (R. Bradbury), «*Friday the 13th*» (S. Hawke);

деньги: «*Fifty Grand*» (E. Hemingway), «*One Thousand Dollars*» (O. Henry), «*Sixpence*» (K. Mansfield), «*Two Tuppenny Ones, Please*» (K. Mansfield), «*The Moon and Sixpence*» (W.S. Maugham);

жанр книги: «*Fable IX*» (W. Saroyan), «*The Thirteenth Tale*» (D. Setterfield);

цифры, дроби: «*Fahrenheit 451*» (R. Bradbury), «*A History of the World in 10 ½ Chapters*» (J. Barnes), «*The 7½ Deaths of Evelyn Hardcastle*» (S. Turton), «*Number 13*» (M. R. James), «*Seven*» (A. K. Walker), «*8 mm*» (A. K. Walker);

искусство, кино, театр: «*Three Act Tragedy*», «*Fiddlers Three*» (A. Christie), «*Tango One*» (S. Leather), «*Amazing Spider-Man: Peter Parker - The One and Only*» (D. Morell), «*Her First Ball*» (K. Mansfield), «*Second Violin*» (K. Mansfield).

Согласно В.М. Жирмунскому, А.В. Лыкову числительное имеет с одной стороны, многогранные лексико-грамматические свойства, позволяющие исследовать возможности их функционирования более широко, и, с другой стороны, обладает семантической глубиной, связанной «с мистическим переосмыслением чисел», используется в лирическом произведении для передачи «преизбыточного душевного волнения», являясь «не абстрактным математическим знаком отвлеченных и точных понятий, а живым художественным символом, обладающим известной эмоциональной выразительностью» [9, с. 48; 7, с. 166-167].

Анализ заглавий художественных произведений показал, что имеют место относительно немногочисленные случаи образования названий романов от прецедентных имен (антропонимы, топонимы), а так же были отмечены аллюзии (отсылки на другие литературные источники, персонажей или явления), гипербола: «*Catch – 22*» (J. Heller), «*The Twelve Caesars*» (M. Grant), «*The Short Second Life of Bree Tanner*» (S. Meyer), «*Nine Princes in Amber*» (R. J. Zelazny), «*4.50 from Paddington*», «*One, Two, Buckle My Shoe*» (A. Christie), «*The Thousand Autumns of Jacob de Zoet*» (D. Mitchell) и др. Наиболее популярными сферами-источниками прецедентного имени являются: литература, история, фольклор.

«*The Twelve Caesars*» [18] – это аллюзия на произведение Светония, представившего миру коллекцию из двенадцати биографий Юлия Цезаря и первых одиннадцати императоров Римской империи, написанного в 121 году нашей эры. М. Грант, автор произведения, впервые изданного в 1975 году, изучив современные документы, пытается развеять слухи и домыслы, которые витают вокруг этих известных исторических личностей, подвергая сомнению некоторые факты из их жизни.

В названии книги американской писательницы С. Майер «*The Short Second Life of Bree Tanner*» [19] упомянут персонаж, новообращенная вампирша *Bree Tanner*, короткому жизненному пути которой и посвящен данный роман. Он является своеобразным дополнением нашумевшего «Затмения» из саги о вампирах этого же автора, пользовавшегося популярностью среди подростковой аудитории или любителей книг такого жанра.

Заглавие детектива английской королевы этого литературного направления «*One, Two, Buckle My Shoe*» [17] напоминает о популярном детском стихотворении и считалке, которые являются прецедентными текстами для носителей английского языка. С другой стороны, мы видим градацию, что создает эффект саспенса. Считалка

в книге – это и своеобразный претекст, получивший новое смысловое наполнение и отражающий логику расследования совершенных преступлений [13, с. 106].

На наш взгляд, эффективным средством привлечения внимания читательской аудитории является графон и авторская пунктуация. Кроме общепринятого графического обозначения числительных, преимущественно обозначающих даты событий или важных вех в жизни персонажей, в таких названиях романов, как: «*1984*» (G. Orwell), «*1408*» (S. King), «*2048*» (M. Shelley), были также обнаружены заглавия, в которых явно прослеживается творческий замысел писателя, выраженный при помощи числительных в разном предьявлении и расположении, прописных букв и пунктуационных знаков (апостроф, наклонная линия): «*THIRTEEN REASONS WHY*» (J. Asher), «*Leviathan '99*» (R. Bradbury), «*11/22/63*» (S. King), «*Number 9 Dream*» (D. Mitchell) и др. Как нам представляется, индивидуально-графическое оформление художественных произведений имеет своей целью привлечь внимание потенциального читателя или поклонников того или иного жанра не только ярко оформленной обложкой, интригующей аннотацией, но и творческим подходом в выборе и презентации названия.

Осуществив краткий анализ структуры отобранных названий художественных произведений различных жанров, было выявлено, что кроме традиционной подачи информации в виде числительных, обозначенных цифрами или буквами «12» (N. McDonell), «*The Eight*» (K. Neville), наиболее популярным средством номинации являются словосочетания. Приведем в качестве иллюстративных примеров следующие конструкции: noun (существительное) + numeral (числительное): «*Fahrenheit 451*» (R. Bradbury), «*Genesis 2075*» (B. Beckett) и реверсивный образец этой модели (the) cardinal numeral (числительное) + noun (существительное, также и во множественном числе) «*Nine Lives*» (B. Rubens), «*Nine Stories*» (J.D. Salinger); (The) noun (существительное) + of (предлог) + (the) (numeral) (числительное): «*The Rule of Three*» (A. Christie), «*Hearts of Three*» (J. London), «*The Sign of the Four*» (A. Conan Doyle); «*Power of Three*» (D. W. Jones); (The) ordinal numeral (числительное) + noun (существительное, также и во множественном числе): «*The Fifth Profession*» (D. Morell), «*First Response*» (S. Leather); «*Fifth Business*» (D. Robertson), «*The Thirteen Problems*» (A. Christie). Популярность и частотность таких словосочетаний как средства номинации для художественных произведений имеет свое обоснование, обусловленное определенной необходимостью максимально точно и лаконично передать название книги, а иногда и ее содержания, что приводит к формированию шаблона, который представляет собой конструкцию, состоящую из ряда нескольких значимых слов в словосочетании, включая имена числительные.

Итак, в ходе анализа названий англоязычных музы-

кальных групп (5 тематических групп) и художественных произведений с числовым компонентом (13 тематических групп), мы выявили 18 тематических групп для лингвостилистического и структурного анализа. С точки зрения лингвистического анализа исследуемого материала, следует отметить, что названия музыкальных групп и художественных произведений отличаются своей многогранностью, неординарностью, могут быть восприняты неоднозначно. Использование в названиях имен числительных может быть связано не только с индивидуальным творческим подходом к именованию, но и возможностью передавать эмоциональное состояние, степень вовлеченности музыкантов и писателей в работу, ассоциации, возникающие в процессе создания того или иного произведения, мистический подтекст, вложенный в символику числа. Стилистический анализ показал использование

авторами таких выразительных средств, как: прецедентность, аллюзия, гипербола, графон (аббревиатуры, курсив, сокращения, словосложение, индивидуальное графическое оформление имен числительных в названиях), с целью привлечь внимание потенциальной аудитории оригинальностью, необычностью и экстраординарностью.

«Число» является одним из базисных концептов, который отражает единый для всех людей когнитивный процесс [8]. Это языковая универсалия «концентрат культуры» [11], важный компонент картины мира многих народов. В каждом языке имеется достаточное количество образцов художественной литературы, названий музыкальных групп и произведений с именами чисел, без которых трудно представить любую культуру, формирующую национальную картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акронимы и шифровки в названиях групп [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hitkiller.com/akronimy-i-shifrovki-v-nazvaniyah-grupp.html> (дата обращения: 05.02.2023).
2. Белова А.Ю. Проблема мотивированности терминов (на материале русских и немецких ботанических терминологий) / А.Ю. Белова: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1993. – 194 с.
3. Гайломазова Е.С. «Этнокультурная прагматика числительных / Е.С. Гайломазова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 5 (47). – Часть 2. Май. – С.19.
4. Голев Н.Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны / Н.Д. Голев // Русские говоры Сибири. – Томск, 1981. – С. 12–20.
5. Давыдова И.В. Лингвостилистические особенности заглавий англоязычных и русскоязычных произведений художественной литературы XIX – XXI веков / И. В. Давыдова // Молодой ученый. – 2015. – № 15.2 (95.2). – С. 23–25.
6. Дюжева М.Б. Лингвокультурологические аспекты англоязычных названий музыкальных групп: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Б. Дюжева. – Владивосток, 2007. – 22 с.
7. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. – С. 166–167.
8. Карасев А.Б. Значения числительных в английских и испанских идиомах – Монография [Электронный ресурс]. – URL: <https://textarchive.ru/c-1629153-pall.html> (дата обращения 15.01.2024).
9. Лыков А.В. И снова я сочту до девяти: числовые ассоциации Б. Ахмадуллиной / А.В. Лыков // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2009. – № 2. – С. 48.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособ. – Минск: «ТетраСистемс», 2005. – 266 с.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 2001. – С. 25.
12. Плешков Е.С. Функционально-семантические особенности англоязычных названий музыкальных групп, альбомов и песен/ Е.С. Плешков // Вестник Южно-уральского государственного университета. – Серия: Лингвистика. – 2016. – Том 13. – №2. – С. 75–77.
13. Тернопол Т.В. Раз, два, три, четыре, пять – выходи меня искать: Считалки в детективах А. Кристи/ Т.В. Тернопол // Вестник Костромского государственного университета. – Кострома: Изд-во КГУ, 2019. – 1. – С. 106–111.
14. Top-14 странных названий k-pop групп, значение которых не понимают даже фанаты [Электронный ресурс]. – URL: <https://thegirl.ru/articles/top-14-strannykh-nazvanii-k-pop-grupp-znachenie-kotorykh-ne-ponimayut-dazhe-fanaty/> (дата обращения: 18.01.2023).
15. Шарифуллин Б.Я. «Five to One. One in Five»: Числовые образы в языковой картине мира Джима Моррисона/ Б.Я. Шарифуллин // Язык и культура. – 2015. – №3. – С. 55–70.
16. Щитова Н.Г. Названия англоязычных музыкальных групп и альбомов и их использование при обучении английскому языку/ Н.Г. Щитова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. Гуманитарные науки. – Таганрог, 2022. – № 1. – С. 247–251.
17. Christie A. One, Two, Buckle My Shoe/ A. Christie. – М.: Ajris-press, 2005. – 352 p.
18. Grant M. The Twelve Caesars/ M. Grant. – Phoenix P., London WC2. – 2002. – 304 p.
19. Meyer S. The Short Second Life of Bree Tanner/ S. Meyer. – Little, Brown and Company. – 2010. – 178 p.
20. 30 Seconds to Mars [Электронный ресурс]. – URL: <https://dnaerror.ru/best/index.php?id=2810> (дата обращения: 10.02.2023).

© Кликушина Татьяна Георгиевна (tklikushina@yandex.ru) Щитова Наталья Георгиевна (natali2670@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЛЕКСИКАЛИЗОВАННОЙ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ СЛОВОФОРМЫ ГИБРИДНОГО ТИПА «В МАССЕ (СВОЕЙ)»

Конченко Татьяна Владимировна

старший преподаватель, Дальневосточный
федеральный университет
Tanya-konchenko@yandex.ru

GENRE-STYLISTIC ASPECTS OF THE USE OF LEXICALIZED PREPOSITIONAL-CASE WORD FORMS OF THE HYBRID TYPE "IN THE MASS (OF ONE'S OWN)"

T. Konchenko

Summary: The article is devoted to one of the cross-border phenomena actively studied by modern linguistics – a lexicalized prepositional-case word form of a hybrid type. The lexicalized word form *in the mass* demand in various media genres. In news and analytical texts, it allows you to show the involvement of large groups of people in the processes taking place in society, presenting them as a cumulative set in which personal, individual manifestations are not taken into account. In the texts of works of art, we find the lexicalized word form *in the mass* in internal monologues, reflections-arguments of the author or his hero, the result of which is a generalized abstract emotional (most often negative) assessment of the aggregate set of persons against the background of their opposition to a bright, individual, creative, independent beginning. In scientific descriptions, the lexicalized word form *in the mass* is used in the adverbial meaning of «massively» when describing natural objects, phenomena, when it is necessary to report any action associated with them and covering a large number of homogeneous elements (plants, animals).

Keywords: genre, style, hybrid, word form, official word, adverb, journalism, reflexive.

Аннотация: Статья посвящена одному из трансграничных явлений, активно исследуемых современной лингвистикой – лексикализованной предложно-падежной словоформе гибридного типа. Лексикализованная словоформа *в массе (своей)* востребована в различных жанрах СМИ. В новостных и аналитических текстах она позволяет показать вовлечённость в процессы, происходящие в обществе, больших групп людей, представив их как совокупное множество, в котором личные, индивидуальные проявления не принимаются во внимание. В текстах художественных произведений лексикализованную словоформу *в массе (своей)* обнаруживаем во внутренних монологах, размышлениях-рассуждениях автора или его героя, итогом которых становится обобщённо-отвлечённая эмоциональная (чаще всего негативная) оценка совокупного множества лиц на фоне противопоставления их яркому, индивидуальному, творческому, самостоятельному началу. В научных описаниях лексикализованная словоформа *в массе (своей)* используется в адвербиальном значении «массово» при описании природных объектов, явлений, когда необходимо сообщить о каком-либо действии, связанном с ними и охватывающем большое количество однородных элементов (растений, животных).

Ключевые слова: жанр, стиль, гибрид, словоформа, служебное слово, наречие, публицистика, рефлексив.

Данная статья написана в рамках разрабатываемого на кафедре русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета научного проекта по лексикографическому описанию служебных слов. Одно из направлений проекта связано с изучением и описанием лексикализованных предложно-падежных словоформ, употребляемых в качестве как знаменательных, так и служебных слов. Мы обращаемся к проблеме лексикографического представления неререферентных слов современного русского языка. Лексикализованные предложно-падежные словоформы гибридного типа знаменуют одну из важнейших тенденций в развитии грамматического строя современного русского языка – постоянное увеличение количества служебных слов. Количество служебных единиц в языке по сравнению с количеством знаменательных весьма ограничено. Число служебных слов увеличивается за счёт пере-

хода знаменательных слов в разряд служебных. Как отмечает К.П. Ромм, «образование служебных слов из самостоятельных является одним из внутренних законов развития системы языка» [4, с. 5]. Исследования, проведенные Г.Е. Крейдлин, подтверждают умозаключение ученого о том, что в процессе образования служебных слов возникают «промежуточные образования, когда слово ещё не приобрело статуса служебного, хотя выполняет служебную функцию» [1, с. 108].

Проблема частеречной принадлежности гибридных лексикализованных словоформ порождает плюрализм интерпретаций языковых фактов, связанный с нечёткостью «дефиниций и границ, неклассифицируемостью некоторых элементов, меняющимся числом принятых частей речи и отсутствием систематического обоснования, сложностью при причислении частей речи к такой единице языка, как «слово» [2, с. 24]. Ос-

новой сложностью для грамматической квалификации лексикализованных образований, по словам Т.С. Тихомировой, является неполнота перехода, неустойчивость нового качества [5, с. 80].

Исследуемые нами слова относятся к зоне постепенного перехода из субстантива в наречия, из знаменательной части речи в служебную. «Из-за вечной борьбы разных одновременно действующих внутренних сил в языке не образуются чёткие классы и разряды единиц. В связи с этим в любом классе отмечаются прототипичные случаи и менее типичные, периферийные случаи, пересекающиеся с единицами соседнего класса» [3, с. 104]. Всё это ещё раз убеждает в целесообразности использования термина *гибридные слова* по отношению к лексикализованным словоформам, проявляющим признаки как знаменательного, так и служебного слова.

В центре нашего внимания лексикализованная предложно-падежная словоформа *в массе (своей)*, которая имеет функции служебного слова и наречия. Основная сфера употребления лексикализованной словоформы *в массе (своей)* – публицистические тексты. Данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что пики употребительности лексикализованной словоформы *в массе (своей)* приходятся на 20-30-е, 90-е годы XX-го века и на 10-е годы века нынешнего. Это годы коренных преобразований в обществе, в которые вовлечены широкие круги населения. Происходящее требует осмысления, результатом которого является общая количественная и качественная оценка масштаба общественных процессов.

Можно выделить три типа контекстов, в которых лексикализованная словоформа *в массе (своей)* используется в новостных и аналитических жанрах СМИ.

1. *В массе (своей)* позволяет обобщённо передать, насколько вовлечены (не вовлечены) в процессы, происходящие в обществе, представители различных социальных групп, классов, которые представляются как совокупное множество в отвлечении от конкретных, индивидуальных проявлений: *Трудящиеся в своей массе одобряют основные завоевания социализма* [АиФ, 1984.04.09]; *Россияне в своей массе переключились на путешествия по родной стране* [Парламентская газета, 2020.09.27]; <...> *россияне в массе своей готовы последовать примеру европейцев и разместить у себя беженцев из Югославии* [АиФ, 1999.04.21]; *Депутаты в своей массе пока не в курсе деталей предстоящей операции по «великому переселению»* [Московский комсомолец, 2017.11.16]; *Кто бы ни занял эту должность, казачество в массе своей не станет ему подчиняться и может окончательно выйти из-под контроля государства*

[Независимая газета, 1997.03.21].

2. Лексикализованная словоформа *в массе (своей)* востребована при характеристике субъекта высказывания, называющего некое множество. Автор называет признак, который является общим для всех членов множества и объединяет их в единое целое: *Телевизионная аудитория в массе своей юридически безграмотна* <...> [Независимая газета, 1997.01.24]; *Наши люди в массе своей легковёрны, не умеют, а многие и не хотят о себе заботиться, основные надежды на собственное благополучие склонны связывать с властью, которую чаще всего и ругают* [Труд-7, 2000.10.13]; *В 70-е сидели у нас диссиденты, около 80 человек. Буковский, Марченко, Бегун, Щаранский... Интеллигентные люди. Сегодня преступники в массе своей люди необразованные, полуграмотные, дикие, одним словом...* [Труд-7, 2001.04.12]; *Артисты, простите, в массе своей плохо образованны, а режиссер должен быть в первую очередь мозгом* [Известия, 2018.10.13].
3. К лексикализованной словоформе *в массе (своей)* авторы газетных текстов прибегают в том случае, если необходимо подчеркнуть объединение разрозненных однородных элементов множества в единое целое на основе какого-либо действия или его отсутствия: *Московские щеголи и франты в своей массе ориентировались только на привозные образцы, которые распарывались, а потом московские портные шили по этим «выкройкам» некое подобие европейских, как правило, немецких нарядов* [АиФ, 2005.09]; <...> *навещающие его паломники в своей массе уже не падают ниц на подходе к монастырю, дабы ползком добраться до святого места* [Труд-7, 2004.08.06]; *Российский народ в своей массе никак не сопротивляется лавине безвкусыя и эстетического надругательства над собой* [АиФ, 2003.06]; <...> *русские, украинцы, казахи на западноевропейских языках в своей массе не заговорили* [АиФ, 1992.04]; *Армия поддержала в своей массе Эрдогана, а ненадежные элементы сейчас из нее будут удалены* [Парламентская газета, 2016.07.16].

В публицистически заостренных текстах СМИ использование лексикализованной словоформы *в массе (своей)* часто сопровождается негативным фоном. Масса ассоциируется с толпой, это существительное сопровождают эпитеты *серая, тёмная, бесформенная, безлика*. Масса противопоставляется яркому личностному, индивидуальному, творческому началу. Показательны размышления по этому поводу М.Е. Салтыкова-Щедрина: « <...> сообразительность должна указать, что хотя простонародье и составляет массу тёмную, но что массу составляют индивидуумы совсем не низшей и даже не иной породы, нежели та, к которой мы

принадлежим сами, что самая многочисленность этих индивидуумов заставляет предполагать в массе большое разнообразие цветов и теней и что, следовательно, ни в коем случае непозволительно предполагать её сплошь грубою, нелепою или пьяною» [М.Е. Салтыков-Щедрин. Петербургские театры («Горькая судьбина» А. Писемского) (1859), lib.ru].

Масса воспринимается как сила, подавляющая личность, индивидуальность, лишаящая человека критического мышления. Это находит отражение в эссе Д. Быкова «Сон о баране»:

Зато теперь, когда он безголовый, он в массе, он в строю.

Зато теперь, когда он безголовый, он много здоровее, зуб даю;

он с новым другом, он с подругой новой,

он в большинстве, он в массе, он в строю,

он в осаждённой крепости, в оплоте духовности, духовность он сама, и радости освобождённой плоти

не отравляет критика ума, хотя бы и бараньего [Д. Быкова. Сон о баране // Новая Газета. 2018.10.20].

Коннотативное значение лексикализованной словоформы *в массе (своей)* способствует использованию её в качестве элемента антитезы: «*Безумствует мир во взаимном кровопролитии, – говорит знаменитый Киприан, – и убийство, считаемое преступлением, когда люди совершают его поодиночке, именуется добродетелью, если делается в массе*» [Л.Н. Толстой. Закон насилия и закон любви (1908). НКРЯ]; *Перечисленные художники – это звезды среди передвижников, перехлестнувшие передвижничество, а в массе своей сера и тускла была артель Крамского, не хватало ей выдумки, жизнерадостности, сатиры гоголевской* [К.С. Петров-Водкин. Моя повесть. Ч. 2. Пространство Эвклида (1932)]. Конечно, *есть небольшое количество подлинных авторов – но в массе своей работают повторяшки* [Сергей Ливнев возвращается с новым фильмом // lenta.ru 2019.03.06]; *Модернизация вообще далеко не всех делает счастливыми. Но в массе ... страна оказалась здоровой* [Новая газета, 2016.09.26].

В художественной литературе лексикализованная словоформа *в массе (своей)* получает психологическое наполнение. Чаще всего она используется в текстовых фрагментах, представляющих собой размышления-рассуждения автора или его героя, итогом которых является обобщённая эмоциональная оценка совокупного множества лиц. Эта оценка предполагает наличие отдельных отступлений, исключений, не нарушающих, однако, общей картины: «*Ах, до чего же еще дитя незрелое в массе своей наш народ! Хоть плачь, хоть руками разводи*» [Л. Аннинский. На краю

Отечества // «Нева», 2003]; *<...> теперь-то Драбкин понимает: в массе отличник – круглый ноль, равно преуспевающий по всем предметам от астрономии до химии и с получением золотой медали иногда осознающий полную свою бездарность в любой из областей; из хулигана, классного шута вдруг получается известный клоун, шоумен, известный всей стране; из главного тихони – офицер спецназа и герой России, отличников – не видно и не слышно <...>* [С.А. Самсонов. Кислородный передел (2008–2009)]; *Все люди – сволочи... и я в том числе. Как там у какого-то нашего стихоплета: я ненавижу человечество? Ну и правильно. Отдельные люди бывают хороши и даже очень хороши, а все человечество, в массе своей – тьфу, навоз вселенной... Из-за этого, кстати, все и идет вкривь и вкось: ведь идеи-то замечательные – либерте, эгалите, фратерните... да и социализм-то чем плох? Только идеи-то эти в жизнь воплощают – люди, а люди – дерьмо... – Савченко помолчал, о чем-то как будто вспоминая, – видимо, готовился сказать, но увлекся и забыл* [Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995–1996). НКРЯ].

В своих внутренних монологах герои высказывают обобщённо-отвлечённые суждения, основанные на осмыслении большого количества однородных фактов, явлений. По ходу высказывания говорящий вспоминает частные случаи, которые могут противоречить его утверждению, и вносит поправку-уточнение, корректирует себя через количественное ограничение. Лексикализованная словоформа *в массе (своей)* используется в этом случае как комментарий-рефлексив: *На средних курсах института я понял, что люди вовсе не ждут Нового Знания. Во-первых, они и со старым-то справляются плохо. Во-вторых, они вовсе не собираются что-либо в своем биоценозе менять. Никакой переворот сознания, никакие новые уровни им, в массе, не нужны. Наоборот: они жаждут подогнать, подмять Космос исключительно под свои коммунальные потребности <...>* [М. Палей. Ланч (2000), litresp.ru]; *Пошел, украл и гуляй, пока деньги не кончатся. Или пока не посадят. Это тоже в определенном смысле мужская романтика. У нас ведь народ, в массе своей, тюрьму воспринимает как нечто должное, как что-то вроде службы в армии. Мужик? Ну значит, должен посидеть немного, иначе какой же это мужик...* [А. Белозёров. Чайка (2001), proza.ru]; *Андерс сразу решил для себя, что при встрече с намеченным человеком <...> в самом начале разговора он предупредит: только не надо, пожалуйста, советов в духе «мне бы твои заботы» и «голодающим детям Африки еще хуже». А именно такие-то ответы он, конечно, предполагал получить в первую и, возможно, единственную очередь, ибо люди, в массе своей, не особенно изобретательны – чему исключением не служат и проявления их пошлости* [М.А. Палей. Хор (2010), litresp.ru].

В эмоционально-экспрессивной форме в художественной литературе выражается мысль об утрате личностного начала в совокупном множестве, которое подавляет отдельного человека с его мыслями, с его собственным отношением к происходящему и заставляет двигаться в общем потоке. Отказ от себя и подчинение воле совокупного множества создаёт резкий контраст между тем, как люди проявляют себя по отдельности, и тем, как они действуют в массе.

Герой повести С. Бабаяна «Господа офицеры» думает о проституции как о чём-то постыдном и нечистом, ему казалось ужасным удовлетворять свою страсть в публичном доме, это «представлялось ему тем же самым, что утолять чувство голода объедками с помойки». И всё-таки он пошёл в публичный дом, испугавшись насмешек своих товарищей. Впоследствии он понял, что почти все мальчики из его компании думали точно так же. Все они пошли в публичный дом, потому что «не знали мыслей друг друга и были уверены, что для мужчины и тем более будущего офицера это правильно и хорошо, а их мысли и чувства есть отклонение от этого правила». Свои размышления герой-повествователь заканчивает обобщением:

Яркий пример трусливой и разобщенной толпы, в массе своей думающей одинаково и не подозревающей об этом, – которая наперекор себе безропотно идет за как будто общепризнанными идеей или вождем, хотя каждый по отдельности давно уже не признает ни вождя, ни идеи... [Сергей Бабаян. Господа офицеры (1994). НКРЯ].

Воспитанники Республики ШКИД невзлюбили мать директора школы. Почти слепая женщина, она была существом безобидным, естественным было бы сочувственное отношение к ней, но шкидцы стали насмехаться над ней: *Старуха эта была почти совсем слепа. Наверно, именно поэтому шкидцы, которые каждый в отдельности могли быть и добрыми, и чуткими, и отзывчивыми, а в массе, как это всегда бывает с ребятами, были безжалостны и жестоки, прозвали старуху Совой* [Г.Г. Белых, А.И. Пантелеев. Республика ШКИД (1926)].

Полное подчинение коллективной воле, отсутствие критического мышления как характерные черты большей части русского народа, определяющие общее о нём представление, вызывают глубокие эмоциональные переживания со стороны автора, который облакает их в яркий художественный образ, оказывающий сильное воздействие на читателя:

Что с тобою творится, мой народ! Ты так и не захотел взять свободу, взять толкающиеся тебе в руки права, так и не захотел глянуть в ждущие глаза мира, угрюмо пряча воспаленный взор. Ты цепляешься за свое рабство и не хочешь правды о себе, ты чужд раскаяния и

не ждешь раскаяния от той нежити, которая корежила, унижала, топтала тебя семьдесят лет. Да что там, в массе своей – исключения не в счет – ты мечтаешь опять подползти под грязное, кишашщее насекомыми, но такое надежное, избавляющее от всех забот, выбора и решений брюхо. Во что ты превратился, мой народ! Ни о чем не думающий, ничего не читающий, не причастный ни культуре, ни экологической заботе мира, его поискам и усилиям, нашедший второго великого утешителя – после водки – в деревянном ящике, откуда бесконечным ленточным глистом ползет одуряющая пошлость мировой провинции, заменяющая тебе собственную любовь, собственное переживание жизни, но не делающая тебя ни добрее, ни радостней... [Ю. Нагибин. Тьма в конце туннеля (1994)].

Авторы художественных произведений используют лексикализованную словоформу *в массе (своей)* в текстовых фрагментах описательного характера. Объектом описания в таких фрагментах является совокупное множество лиц, предметов. Автору важно обратить внимание читателя на характерный признак, присущий большому числу элементов множества и определяющий общее впечатление об объекте описания, общую его оценку:

В кабинет ворвался взъерошенный, грязный человек в картузе и черном пальто, с красными, лихорадочно бегающими глазами и трехдневной щетиной. – Я... это... экстренно... подать проект! – выкрикнул он. Ять идентифицировал его мгновенно – такие посетители, в массе своей безумцы, нередко осаждали его в газетах и всегда назойливо предлагали те или иные сумасшедшие проекты, иногда стихи <...> [Д. Быков. Орфография (2002), litmir.club]; <...> книжные лавки обеих столиц ломились от скородельных, в массе своей очень дурных переводов на русский Джека Л., который здесь был в моде не меньше, чем на родине. А может, и больше <...> [Н. Климонтович. Парадокс о европейце // «Октябрь», 2013]; И всегда почти всех устраивал средне блестящий уровень. Только среднее было различно. Нынешняя золотая середина – это хуже уже некуда. Почему в массе своей скучна проза младопишущих, младобушующих? В ней не хватает того емкого измерения, которое дается только возрастом, возрастными годами <...> [В. Володин. Повесть временных лет // «Волга» (2009)].

Лексикализованная словоформа *в массе (своей)* включается в текстовые фрагменты художественных произведений, содержащие авторское объяснение происходящего с человеком, народом, обществом через акцентирование имеющего широкое распространение одного или нескольких признаков, которым придаётся значение обуславливающего фактора, чаще всего негативного характера: *Дурно воспитанные в массе своей русские интеллигентные евреи непременно пожалуются на русскую распущенность*

[Н. Климонтович. Парадокс о европейце // «Октябрь», 2013]; Борис Петрович знает свои недостатки. Вот один из них: он часто попадает под чужое влияние. Ученики, инфантильные **в массе**, – иногда ему кажется так, – заражают его непосредственно инфантилизмом [С. Носов. Грачи улетели (2005), litresp.ru]; По-видимому, здесь сказывается самое существо человека, животного, **в массе своей** злого и ограниченного, склонного к безумию, легко заражаемого всеми болезнями и самую широкую дорогу кончающего неизбежным тупиком. И оттого так высоко над жизнью человека стоит его искусство!.. [Л.Н. Андреев. Дневник Сатаны (1919), lib.ru]; Человек, **в массе своей** невоспитанный, недисциплинированный, не знающий путей к самоусовершенствованию, старался уйти от непонятных проблем общества и личной жизни. Отсюда стали неизбежны наркотики, из которых наиболее распространен был алкоголь, грохочущая музыка, пустые, шумные игры и массовые зрелища, нескончаемое приобретение дешевых вещей [И.А. Ефремов. Час быка (1968–1969), proza.ru]; <...> народ, **в массе своей** приобщившийся к знаниям и свободе, нельзя было обрратить вспять [П.Л. Проскурин. Судьба. Книга вторая. Не отринь (1993), lib.ru].

В научных или близких к научным описаниям объектов, явлений природы лексикализованная словоформа *в массе* используется в тех случаях, когда есть необходимость сообщить о частой встречаемости природного объекта, о широком распространении природного явления в границах определённого пространства. Благодаря этому языковому средству у автора появляется возможность представить масштабность описываемого объекта. К лексикализованной словоформе *в массе* в адвербиальном значении «массово» часто прибегает в своих произведениях В.К. Арсеньев:

*Небольшим неводком они поймали одного тайменя и одного сазана. Сопровождавшие нас гольды сообщили, что таймень в Анюе вообще попадается редко, а сазан довольно обычен в нижнем течении реки. Около устья в тихих заводях держатся щуки крупных размеров и сомы. Из лососевых по Анюю **в массе** идет только кета, горбуши нет вовсе <...>* [В.К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня (1937), lib.ru]; *Во время привала я поднимался на одну из сопок, покрытых растительностью, состоящей главным образом из ели и пихты. Здесь на солцепеках произрастают дуб, даурская (черная) береза и изредка кедр. Долинные места были заняты лиственницей и белой березой, а на каменистых местах, около моря, **в массе** разрослись шиповник и низкорослая рябина с безвкусными водянистыми ягодами <...>* [В.К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня (1937), lib.ru]; *Мало-помалу донный лед стал распространяться от порогов вниз по течению на более глубокие места. Когда его накопилось много, он начал всплывать и поднимать со дна камни разной величины. Около половины ноября на Самарге начался*

*ледостав. Пловучий лед **в массе** стал собираться на поворотах реки и образовал торосовые пробки <...>* [В.К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня (1937), lib.ru].

Лексикализованная словоформа *в массе (своей)* в научных описаниях акцентирует характерный признак, присущий, за редкими исключениями, всему совокупному множеству объектов, представленному большим числом элементов: *У водомерок рода Geriys, которые **в массе своей** бескрылы, очень редко, с частотой примерно 4%, встречаются крылатые особи* [Знание – сила, 2006, №11]; *Листоед Chiysolina variens **в массе своей** держится неподалеку от той полянки, на которой вылупил из яйца* [Знание – сила, 2006, №11].

Таким образом, стилистический анализ собранного материала показал, что лексикализованная словоформа *в массе (своей)* востребована в различных жанрах СМИ – новостных, аналитических, публицистических. Она позволяет показать вовлечённость в процессы, происходящие в обществе, больших групп людей, представив их как совокупное множество, в котором личные, индивидуальные проявления не принимаются во внимание, важным оказывается лишь принадлежность к группе. Лексикализованная словоформа *в массе (своей)* широко используется в оценочно-характеризующих контекстах. Она функционирует в публицистических и художественных текстах как слово, акцентирующее характерный признак, присущий многим лицам, однородным предметам – каждому в отдельности – и являющийся основанием для объединения их в единое целое, рождающее яркий образ в сознании адресата. Лексикализованная словоформа *в массе (своей)* несёт на себе ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску. Ассоциативный фон базового существительного *масса*, связанный с представлением о серости, безликости, бесформенности, позволяет употреблять лексикализованную словоформу в публицистически заострённых текстах, текстовых фрагментах, основанных на противопоставлении общего и индивидуального, коллективного и личного, стандартного и творческого. *В массе (своей)* обнаруживаем во внутренних монологах, размышлениях-рассуждениях автора или его героя, итогом которых становится обобщённо-отвлечённая эмоциональная (чаще всего негативная) оценка совокупного множества лиц на фоне противопоставления их яркому, индивидуальному, творческому, самостоятельному началу. В научном стиле лексикализованная словоформа *в массе (своей)* используется в адвербиальном значении «массово» при описании природных объектов, явлений, когда необходимо сообщить о частой встречаемости растений, животных, о широком распространении какого-либо природного явления в границах определённого пространства, и в роли служебного слова-частицы, когда нужно сообщить о характерном признаке большого числа объектов, составляющих совокупное множество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейдлин Г.Е. Служебные и строевые слова // Семантика служебных слов. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1982. С. 106–113.
2. Лукин О.В. Принципы истории частеречной проблематики: автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. Москва. 2004. 40 с.
3. Мустайоки А., Колотев М.К. вопросу о статусе эквивалентов слова типа *потому что, в зависимости от, к сожалению* // Вопросы языкознания. 2004. № 3. С. 88–107.
4. Ромм К.П. Семантические процессы преобразования знаменательных слов в служебные (на материале рус. и англ. отсубстантив. предлож. групп). Саратов: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. 1988. 16 с.
5. Тихомирова Т.С. К вопросу о переходности частей речи // Филологические науки. 1973. №5. С. 78–87.

© Конченко Татьяна Владимировна (Tanya-konchenko@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, СВЯЗАННЫХ С ФИНАНСАМИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

COMPARATIVE RESEARCH OF PHRASEOLOGICAL UNITS RELATED TO FINANCE IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

*E. Krepkogorskaya
R. Valeeva
G. Sitdikova*

Summary: The article examines the common and differential features of phraseological units related to finance in English and Russian. Phrase-semantic groups and subgroups of the field "financial and economic relations" were established. The component composition of phraseological units was studied, and an analysis of various components of meaning was carried out.

Keywords: integral and differential semes, financial and economic relations, phraseological-semantic group, negative evaluative seme.

Крепкогорская Евгения Всеволодовна

*Кандидат филологических наук, доцент, Казанский
инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
(ИЭУП)*

krepzhenya@yandex.ru

Валеева Роза Закареевна

*Кандидат педагогических наук, Казанский инновационный
университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)*

Ситдикова Гульназ Ринатовна

*Кандидат педагогических наук, доцент, Казанский
инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
(ИЭУП)*

Аннотация: В статье рассматриваются общие и дифференциальные черты фразеологизмов, связанных с финансами, в английском и русском языках. Были установлены фразео-семантические группы и подгруппы поля «финансово-экономические отношения». Был изучен компонентный состав фразеологизмов, а также проведен анализ различных компонентов значения.

Ключевые слова: интегральные и дифференциальные семы, финансово-экономические отношения, фразео-семантическая группа, отрицательная оценочная сема.

Изучение общих и дифференциальных особенностей во фразеологии различных языков является одной из задач сопоставительной фразеологии. Чтобы установить общее в культуре, быте, истории и психологическом развитии разных народов необходимо выявить области соприкосновения их языков. В то же время своеобразие и специфика языков находит свое отражение во фразеологическом материале, который изучается контрастивной лингвистикой, культурологией и может использоваться в преподавании иностранных языков. Благодаря сопоставительному анализу фразеологических единиц появляется возможность установить переводческие соответствия.

Изучение фразеологических единиц, связанных с финансами, представляет интерес и является актуальным для современной лингвистики.

В современном мире увеличивается уровень экономического взаимодействия различных стран и глобализации экономики в целом. Что приводит к необходимости изучения не только разнообразных грамматических конструкций и увеличения словарного запаса, но к знакомству с фразеологизмами семантического поля «финансово-экономические отношения».

Целью данной работы является изучение компонентов значения фразеологизмов, а также установление

интегральных и дифференциальных сем значения фразеологизмов, связанных с материально-денежными отношениями в английском и русском языках.

В соответствии с указанной целью решаются следующие задачи:

1. установить количество английских и русских ФЕ в каждой фразеосемантической подгруппе;
2. установить общие и специфические особенности фразеологизмов поля «финансово-экономические отношения»
3. проанализировать компонентный состав данных ФЕ.

Практическая значимость статьи заключается в том, изученный материал может применяться на занятиях по иностранному языку на филологических и экономических факультетах, а также в переводческой практике.

Среди фразеологизмов, связанных с материально-денежными отношениями, можно выделить следующие фразео-семантические группы:

1. Состояние финансов;
2. Качества характера человека, связанные с материально-денежными отношениями;
3. Взаимодействие человека и денег;
4. Наличные деньги и стоимость.

Состояние финансов

В соответствии со словарем С.И.Ожегова одно из определений финансов: «это деньги, денежные дела».

К данной фразео-семантической группе принадлежат следующие подгруппы:

1. достаток, богатство
Have deep pockets – *иметь много денег;*
Be rolling in it or be rolling in money – *быть очень богатым;*
Золотой дождь – *книжн., о богатстве, больших денежных суммах;*
Полный карман у кого – *о богатом, денежном человеке.*
2. бедность, нищета
The new poor – *недавно обедневшие, обнищавшие люди;*
Beyond smb.'s purse – *не по карману кому-л;*
Ни копейки [за душой] у кого. – *совсем нет денег у кого-либо;*
Тощий карман – *ирон., о бедном, неимущем человеке, безденежном человеке.*
3. банкротство, кризис.
Go out of business – *прекратить свою деятельность; обанкротиться; провалиться;*
В долгах как в шелках; в долгу как в шелку – *(шутл.) быть должником.*

Данная фразео-семантическая группа со значением «состояние финансов» включает в себя 25 английских и 20 русских ФЕ. Интегральной семой данной группы является сема материального состояния человека. Что касается дифференциальных сем, то к ним можно отнести такие, как «богатство», «нищета», «банкротство».

Количественное распределение фразеологических единиц в английском и русском языках в данных группах различается: в английском языке преобладают фразеологизмы со значением «бедность, безденежье» и «банкротство», в русском же языке количественные показатели фразеологизмов, относящихся к нищете и достатку примерно совпадают (10 ФЕ в англ.яз.) и (19 ФЕ в русс.яз.).

Если в английском языке фразеологизмы со значением «благополучия, достатка» имеют в основном положительную или нейтральную оценочность, то в русском языке встречаются фразеологизмы с отрицательной оценочной семой. Например, «**служить мамоне (мамоне)**» – *(книжн., неодобр.) думать только о богатстве или чувственных наслаждениях.* Это может быть связано с экстралингвистическими факторами: в англоязычной культуре благополучие, достаток вызывают общественное одобрение, в то же время у русского человека накопление богатства ассоциируется с нечестным способом его получения.

Особенностью русских фразеологических единиц со значением «бедность, нищета» является наличие у некоторых из них эмосемы шутки, что вероятно связано с особенностями характера.

Качества характера человека, связанные с материально-денежными отношениями

В словаре В.И. Даля так определяется понятие характер: «нрав человека, нравственные свойства, качества его, свойства души и сердца». [2]

1. расточительность
Have more money than sense – *(неодобр.) зря тратить материальные богатства;*
Spend money like water – *разбрасываться деньгами;*
Бросать (пускать) деньги на ветер – *(неодобр.) сорить деньгами;*
Тряхнуть карманом – *(шутл.-ирон.) раскошелиться, расщедриться, не поскупившись, потратить деньги на что-то.*
2. экономность,
Tighten your belt – *стараться тратить меньше денег;*
Make (up) a purse – *откладывать деньги;*
По одежке протягивай ножки – *(шутл.) жить в соответствии со своими доходами;*
3. порядочность, доброта
(As) good as gold – *1) бескорыстный, добрый человек 2) послушный; золото, а не ребёнок;*
Неразменный рубль – *о неоскудевающей доброте.*

В данной группе наблюдается преобладание русских фразеологизмов в подгруппе «расточительность», а английских – в подгруппе «бережливость». Такое различие можно объяснить особенностями менталитета, такое качество характера, как бережливость, свойственно англичанам, оно «позволяет человеку рационально и рачительно вести свое хозяйство, строить экономические отношения с другими людьми, то в русской системе ценностей, имея положительную оценку и вызывая одобрение, тем не менее, данное качество не является главенствующим». [1]

Фразеологические единицы данной группы имеют пейоративные эмосемы неодобрения и иронии, а также мелиоративные – шутливости. Связано это с тем, что черты характера человека вызывают различные эмоции.

Взаимодействие человека и денег

«Взаимодействие - взаимная связь явлений». [3 Ожегов] В этой группе изучаются фразеологизмы, которые отражают взаимовлияние денег и человека.

Эта фразео-семантическая группа состоит из следующих подгрупп:

1. **капиталовложение, размещение денег**

Be bad money - быть невыгодным (о капиталовложении, помещении денег);

Be good money быть выгодным (о капиталовложении, помещении денег).

2. **зарабатывание денег**

Earn (make или turn) an honest penny – получить деньги за честный труд;

Coin (или mint) money – становиться богатым;

Бабки сшибать – (прост., неодобр.) зарабатывать небольшие деньги;

За длинным рублем (ехать, гнаться) – (неодобр.) за большим и легким заработком (идти, ехать, гнаться).

3. **обман, мошенничество в сфере финансов**

Blackmoney – (амер. жарг.) „черные деньги“, нечестно зарабатывать деньги, не платить налоги;

Take the bread out of smb.'s mouth – забирать у кого-то кусок хлеба;

Господа ташкенцы – (публ., през.) рвачи, хапуги, наживающиеся за счет государства;

Барашек в бумажке – (устар.) взятка.

4. **благотворительность**

Conscience money - деньги, выплачиваемые (для успокоения совести) на благотворительные нужды;

Peter's pence (или penny) - добровольное пожертвование в папскую казну.

Данная фразео-семантическая группа широко отражена в количественном и качественном отношении в английском и русском языках. В основе номинации данных фразеологизмов лежат разнообразные образы: *gild refined gold* (букв. «покрывать позолотой чистое золото»), *ease smb. of his purse* (букв. «облегчить чей-л. кошелек»), *бабки сшибать* (связано с игрой в бабки, сбивание которых – основной элемент игры), *дать на чай* («в основе – слово чай «жди» от чаять «ожидать». Ямщики чаяли денег сверх установленной платы, эти деньги были чаевыми»). Спецификой русских фразеологизмов данной группы является наличие в составе лексических компонентов с национальной спецификой: бабки, чай, навал. В английских фразеологизмах понятие зарабатывания денег проявляется через ассоциацию большим количеством денег, легким заработком, в то же время среди русских фразеологизмов добывание денег в основном связано с

тяжким трудом, а обороты, обозначающие легкое получение дохода, имеют пеоративную оценочную сему.

Наличные деньги и стоимость

Pin money - карманные деньги, деньги «на булавку»;

Soft money - бумажные деньги, банкноты;

Презренный металл – шутол., о деньгах;

На шереметьевский счет – (устар.) даром, без денег.

Спецификой английских и русских фразеологизмов, обозначающих понятия наличных денег и стоимость, является то, что для обозначения денежных средств используются как их эквиваленты (*penny, cent, dollar, копейка, грош*), так и иносказательные выражения (*металл, balance*).

В результате исследования было выявлено четыре фразеосемантические группы: состояние финансов; качества характера человека, связанные с материально-денежными отношениями; взаимодействие человека и денег; наличные деньги и стоимость. Были выделены интегральные и дифференциальные семы. Многие фразеологизмы, связанные с материально-денежными отношениями, имеют пеоративную оценочную сему, т.к. зарабатывание денег всегда было непростым процессом. В результате исследования были обнаружены тождественные лексемы в обоих языках с похожими семантическими функциями. Это свидетельствует о том, что в образе мысли людей различных народов присутствуют универсальные черты, а также это можно объяснить результатом взаимодействия национальностей и всеобщей глобализацией. К различительным чертам относится разный количественный состав ФЕ в данных группах. Национально культурные особенности изучаемых ФЕ могут проявляться в компонентном составе единиц, а также на уровне прототипа. При переводе подобных фразеологизмов следует обратиться к этимологическим или лингвокультурологическим словарям.

Изученные фразеологические единицы могут использоваться на занятиях по английскому языку экономической направленности, помогут понять особенности национальной культуры, а также сделать вашу речь яркой и образной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафина Р.А. Фразеологические единицы, выражающие материально-денежные отношения, в немецком и русском языках. Автореферат на соискание ученой степени к. филол. наук, Казань 2002г, 23с.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия/ В.И. Даль. – <https://slovardalja.net/>
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов – <https://slovarozhegova.ru/>

© Крепкогорская Евгения Всеволодовна (krepzhenya@yandex.ru), Валеева Роза Закареевна, Ситдикова Гульназ Ринатовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИИ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИХ СЛОВ В ЯПОНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Кузнецова Елена Михайловна

Преподаватель, АНО ВО «Институт стран Востока»

(г. Москва)

amateur-artist@mail.ru

FUNCTIONS OF ONOMATOPOEIA IN JAPANESE COLLOQUIAL SPEECH

E. Kuznetsova

Summary: The article analyses onomatopoeia in Japanese colloquial speech. The research exposes general functions of Japanese onomatopoeia in colloquial speech, demonstrates their distinctive features. Analysis of the material shows that onomatopoeia can perform semantic, metaphoric, cognitive and syntactic functions. The informality and expressive nature of colloquial speech intensify these functions.

Keywords: onomatopoeia, colloquial speech, Japanese language, functioning, semantics, spoken language.

Аннотация: Статья посвящена анализу функций оноματοпоэтических слов в японской разговорной речи. Цель исследования — выявить, как общие функции японских ономапов проявляют себя в разговорной речи, рассмотреть особенности их реализации. В результате исследования установлено, что ономаповы могут выполнять смысловую, метафорическую, когнитивную и синтаксические функции. Благодаря неформальности и экспрессивности разговорной речи данные функции усиливаются.

Ключевые слова: оноματοпоэтические слова, разговорная речь, японский язык, функционирование, семантика, устная речь.

Введение

В японском языке оноματοпоэтические слова представляют из себя класс имитативных слов, который не ограничивается подражаниями голосу человека, крику животных и шуму неживой природы, но также включает в себя различные виды незвуковых подражаний, которые могут имитировать визуальные, моторные, сенсуальные и даже психологические ощущения. Многие исследователи отмечают, что одной из отличительных особенностей японских ономапов является их активное употребление не только детьми, но и взрослыми в речи между собой [8, стр. 19]. Более того, С. Макино и М. Цуцуи описывают их как «неотъемлемую часть речи взрослых и письменного языка», а также «часть обычного словаря [японского языка]» [6, стр. 50]. В связи с распространённостью употребления оноματοпоэтических слов особый интерес для анализа представляют выполняемые ими функции.

Актуальность и научная новизна предпринятого исследования состоит в том, что тема функций, осуществляемых оноματοпоэтическими словами в японской разговорной речи, не была исследована тщательным образом, хотя отдельные моменты можно найти в работах японских авторов.

Цель нашего исследования — выявить, как общие функции японских ономапов проявляют себя в разговорной речи, рассмотреть особенности их реализации. В качестве объекта исследования выступают оноματοпоэтические слова японского языка. Предметом исследования являются выполняемые ими функции. В качестве фактического материала взяты приме-

ры высказываний и диалогов из роликов с канала Ask Japanese на видеохостинге youtube.com, основной тематикой которого является уличный опрос японцев в формате короткого интервью на различные темы, т.е. не заготовленное выступление, а спонтанная разговорная речь.

Распространение употребления ономапов вызвано их уникальной способностью выразить в краткой форме широкий спектр значений, одновременно воздействуя на несколько каналов восприятия, благодаря чему звукоподражательные и звукоизобразительные слова можно встретить в самых разных типах текстов. Так, например, Р. Хасада отмечает, что широкое использование ономапов в газетах обусловлено их изобразительной природой, позволяющей передать описываемые события чётче, детальнее и более приближённо к реальности. Более того, некоторые читатели описывают статьи, посвящённые крупным событиям и в которых при этом отсутствуют оноματοпоэтические слова, как не совсем полноценные [5, стр. 4–5]. Тем не менее, следует оговориться, что количество ономапов напрямую связано со стилем рассматриваемого текста, точнее с уровнем его неформальности, а также эмоциональности. Научный или официально-деловой стили японского языка допускают использование ономапов только в крайне редких случаях, когда выразить искомое понятие иным способом практически невозможно [11, стр. 348]. С другой стороны, художественная литература и разговорная речь, характеризующиеся высоким уровнем экспрессивности и образности, отмечены особенно высокой степенью употребления оноματοпоэтических слов, поскольку они способны наиболее точно передать желаемый образ, подчер-

кнуть различные смысловые оттенки, а также сделать текст (как письменный, так и устный) более красочным и насыщенным образами [9, стр. 78].

Общие функции японских ономапов

Наиболее часто исследователи называют уточняющую функцию, благодаря которой японские ономаповы сужают основное значение нейтрального по своей семантике глагола (ср.: «*аруку*» — «ходить пешком» и «*уроуро аруку*» — «слоняться», «*сутасута аруку*» — «поспешно шагать», «*тэкутэку аруку*» — «еле волочить ноги»). Данное свойство можно объяснить склонностью японцев к созданию более конкретных образов, которые способны при этом воздействовать на эмоции собеседника [4, стр. 13–14; 5, стр. 27].

Об эмоционально-экспрессивной функции японских ономапов пишет Х. Ооцубо, отмечая, что благодаря ей ономаповы, являясь прямым отражением различных форм окружающей действительности, становятся украшением практически любого текста, не только добавляя ему красочности и эмоциональности, но и в целом выстраивая сложную систему взаимосвязанных образов, которая складывается благодаря способности ономапов одновременно воздействовать на несколько каналов восприятия [7, стр. 134].

На стилистическую функцию привлечения внимания, характерную не только для газетных заголовков, рекламы, комиксов, но и для разговорной речи, указывает С. Томода. Воздействие на слушателя или читателя осуществляется благодаря компактной форме ономапова и его сравнительно необычной структуре (редупликации и присоединение различных формантов к ономапоэтическому корню), а также способности употребляться без предиката [10, стр. 194–195].

Отдельно можно выделить структурирующую функцию японских ономапов, которая наиболее часто проявляет себя в японской поэзии. Поскольку для японских поэтических форм особенно важно выдерживание определённого количества слогов, краткие по морфологии, но ёмкие по семантике, ономаповы позволяют лучше организовать текст и соблюсти ритм стихотворения [3, стр. 56].

Реализация функций японских ономапов в разговорной речи

На основе разобранного материала можно отметить, что ономапоэтические слова в японской разговорной речи выполняют ряд различных, взаимодействующих между собой функций, что осуществляется, в частности, благодаря их морфологической структуре, фонетическим особенностям, а также синтаксической роли.

Закономерно, наиболее распространённой оказывается уточняющая функция, благодаря которой ономаповы, несущие в себе комплекс значений, способных воздействовать на разные каналы восприятия, расширяют семантику нейтрального по своему значению глагола (реже прилагательного):

1. «*Нанка фурафура аруитэ ирухито-га иппай иру*» — «Много людей, которые ходят, покачиваясь из стороны в сторону» [14, 00:07:46];
2. «*Аммари мукимуки-ни мизнай кэдо, тётто тират-то миру токи-ни, фуккин бакибаки митай-на*» — «Он не выглядит особо мускулистым, но если окинуть взглядом, то пресс накаченный» [20, 00:00:37];
3. «*Мусуко дакэ дзя накутэ, мусумэ мо иссё-ни митэтэ, гя:гя: вараинагара митэта*» — «Не только сын, но и дочь смотрела [тв-шоу] вместе с ним, и они смотрели, громко смеясь» [13, 00:03:06].

Глагол «*аруку*» («ходить пешком») из примера (1) не несёт в себе каких-либо дополнительных коннотаций, однако благодаря ономапоэтическому слову создаётся образ медленной, пошатывающейся походки. Аналогично ономаповы «*тират-то*» и «*гя:гя:*», присоединяясь к глаголам «*миру*» («смотреть») и «*варау*» («смеяться») соответственно, указывают на дополнительные характеристики, более ярко раскрывающие описываемый образ. В (2) делается акцент на краткости действия («окинуть взглядом»), а в (3) — на громкости смеха, более того, ономапов здесь также является имитацией этого смеха.

Однако отметим, что данная функция не проявляет себя, когда ономапов употребляется с глаголом «*суру*», поскольку фактически его роль сводится только к упрощению введения ономапова в предложение, а значение является слишком общим, чтобы его уточнять:

4. «*Нихон-дэ ва ариэнай нодэ, тётто сорэ-ни биккури-симасита*» — «В Японии это невообразимо, поэтому я немного удивилась» [19, 00:00:48].

Ономапов «*биккури*» описывает удивлённое, поражённое, зачастую даже напуганное состояние человека, однако непонятно, какую именно часть значения глагола «*суру*» («делать») он уточняет. В сущности, «*суру*» выступает здесь как вспомогательный глагол, помогающий грамматически, верно, ввести ономапов в предложение.

К другой широко распространённой функции ономапов в японской разговорной речи относится метафорическая, благодаря которой можно создать более красочный и насыщенный образ. В основе этой функции лежит способность ономапоэтических слов передавать одновременно несколько видов значений,

описывая предмет или явление с разных сторон:

5. «*Соцугёсики гатигати мизарэрэу кара*» — «Выпускная церемония может выглядеть слишком строгой» [19, 00:04:57];
6. «*Сампун гурай мацу то, уз-га фувафува наттэ куру*» — «Если подождать около трёх минут, то верх станет воздушным» [16, 00:03:00].

В примере (5) происходит воздействие на визуальный и когнитивный канал восприятия. С одной стороны, описывается ситуация, в которой все выпускники стоят, не шелохнувшись, в строгих костюмах, а с другой, указывается на общую неповоротливость мышления, при котором выпускная церемония не может восприниматься ни в каком ином формате, кроме строгого и официального. В примере (6) создаётся визуальный образ воздушной, вздымающейся, подобно облаку, пенки, однако ономотоп также может воздействовать и на тактильный канал восприятия, передавая её лёгкую и нежную текстуру.

Говоря о метафорической функции ономотопозитических слов, зачастую сложно отделить её от эмоционально-экспрессивной, которая наиболее ярко проявляет себя в разговорной речи по сравнению с другими типами текстов, поскольку именно благодаря ей речь говорящего наполняется не просто красочными образами, но также и живыми эмоциями, способными передать как можно лучше его настроение:

7. «*Куёкуё-ситэтэ сиката най-то омоттэ симау тайпу*» — «Я такой тип, который погрустит, но подумает потом, что с этим уже ничего не поделаешь» [18, 00:05:19];
8. «*Икки-ни хаккири ю:*» — «Они говорят всё, как на духу» [12, 00:01:44].

В примере (7) ономотоп «куёкуё» можно было бы заменить на глагол не ономотопозитического происхождения, однако именно ономотоп несёт в себе большую эмоциональную окраску, т. к. описывает сразу несколько типов чувств: грусть, беспокойство и подавленность. Аналогично в (8) ономотоп можно было бы убрать вовсе, однако он добавляет высказыванию больше образности.

Разговорная речь является более восприимчивой к изменению и даже нарушению языковых норм, чем кодифицированный язык, благодаря её тяготению к выбору наиболее краткого способа передачи желаемой информации, что проявляется в эллипсисе легко восстанавливаемых из контекста слогов, слов и даже частей предложения, а также в использовании большого количества стяжек [1, стр. 74; 2, стр. 26]. Ономотопозитические слова не становятся исключением и таким образом в разговорной речи могут также хорошо проявить себя в функции привлечения внимания:

9. «*Тамагокакэ гохан тока табэнай, биккури*» — «Удивительно, что они не едят, например, рис с сырым яйцом» [12, 00:07:06];
10. «*Ката нанка понпон тока, атама понпон тока оккэ:*» — «Если он похлопает меня по плечу или по голове, то я не против» [17, 00:11:03].

Ономотопы «биккури» в (9) и «понпон» в (10) вводятся в предложение без каких-либо грамматических показателей, в связи с чем их в некоторой степени можно даже сравнить с междометиями. Тем не менее, по общему контексту становится понятно и то, какую роль они выполняют в предложении, и то, какие образы они передают: «биккури» описывает эмоциональное состояние удивления, а «понпон» является имитацией одновременно звука и самого движения лёгкого похлопывания.

Кроме того, в разговорной речи ономотопозитические слова способны проявлять себя в композиционной функции. Однако если в поэтических текстах данная функция способствовала в первую очередь поддержанию ритмики, то в разговорной речи она в большей степени служит для развития темы беседы (как сохранение, так и смена образов). В диалоговой речи это может проявляться в виде повторов собеседниками ономотопозитических слов, сказанных друг другом, либо в виде короткого ответа, содержащего ономотопозитического слово, на вопрос собеседника:

11. «*Биккури дзя н? — Со: биккури-суру.*» — «Разве это не удивительно? — Да, это и удивляет» [12, 00:05:05];
12. «*Гэнки-на кандзи дэс ка? — Ия, ситтори.*» — «Вот так радостно? — Не, спокойно» [15, 00:00:44].

Все описанные выше функции японских ономотопов по большей части повторяют функции, которые они выполняют в текстах газет и журналов, рекламе, художественной литературе и поэзии. Однако благодаря таким особенностям разговорной речи, как краткость, неформальность, спонтанность, эмоциональность и пр., данные функции усиливаются и гораздо более тесно переплетаются между собой. В большинстве случаев в разговорной речи ни одна функция не проявляет себя изолированно, а действует в комплексе с другими, однако можно выделить одну или две ведущих, в то время как остальные могут их дополнять.

Таким образом, ономотопозитические слова могут выполнять целый спектр функций в японской разговорной речи: уточнение основного значения глагола, создание красочных образов, внесение в речь эмоциональных оттенков, привлечение внимания, а также поддержание темы разговора. Все эти функции взаимодействуют между собой, благодаря чему речь становится более яркой, эмоционально окрашенной и насыщенной образами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М.: Наука, 1980, — 237 с.
2. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Изд. 6. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 520 с.
3. Румак Н.Г. Теоретические и практические проблемы межязыковых соответствий (на примере перевода оноματοпоэтической лексики в японском языке). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук — М., 2007. — 155 с.
4. Hamano S. The Sound-Symbolic System of Japanese (Revision of the author's thesis (PhD)) — CSLI Publications, California & KuroshioShuppan, Tokyo, 1998. — 290 p.
5. Hasada R. The semantic aspects of onomatopoeia: focusing on Japanese psychomimes — Australian National University, 1994. — 163 p.
6. Makino S., Tsutsui M. A Dictionary of Basic Japanese Grammar — The Japan Times, 1989. — 636 p.
7. Otsubo H. Giseigo-no kenkyu: — Tokyo: Meiji-shoten, 1989. — 602 p.
8. Sharlin N. Sounds like...: Understanding Japanese sound symbolism. Bryn Mawr College, 2009. — 46 p.
9. Schourup L. Nihongo-no kakikotoba, hanashikotoba-ni okeruonomatope-no bunpu-ni tsuite // Onomatopia: Gion-gitaigo-no rakuen, Keiso:-shoten, Tokyo, 1993.
10. Tomoda S. Onomatopoeia and Metaphor // Coyote Papers: Working Papers in Linguistics from A-Z Studies on Native American Languages, Japanese and Spanish. — 1984. — vol. 5. — P. 191-213
11. Yamaguchi N. Kankaku kanjo: goi-no rekishi // Ko:za Nihongo kyo:iku. — 1982. — P. 202-227
12. CULTURE SHOCK for Japanese GIRLS when meeting FOREIGNERS : видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:09:56 (время воспроизведения). URL: https://www.youtube.com/watch?v=bCuS2_Wt6NU (дата обращения: 23.08.2023).
13. DO Japanese watch US or other TV shows? : видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:09:01 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eqJHN10-do> (дата обращения: 23.08.2023).
14. How Japanese REACT to USA's Kensington Avenue in Philadelphia : видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:10:28 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NDQJ63gzASY> (дата обращения: 23.08.2023).
15. HOW Japanese GIRLS WANT TO BE KISSED : видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:09:04 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2Kmpf-Ea3TY> (дата обращения: 23.08.2023).
16. I tried making Japanese Milk Foam Art : видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:11:34 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J52Unt09i10> (дата обращения: 23.08.2023).
17. IDEAL TYPE of JAPAN's GIRLS: What boys are HOT to them? : видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:12:27 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KVISnflqPtA> (дата обращения: 23.08.2023).
18. JAPAN Break-up TIPS of Japanese boys : видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:10:41 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MH6cJnerfu8> (дата обращения: 23.08.2023).
19. WHAT SHOCKS Japanese GIRLS about FOREIGN COUNTRIES: видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:10:28 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j2gkaMndpSA> (дата обращения: 23.08.2023).
20. Why are Girls AFRAID of this type of guys in Japan? : видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:06:14 (время воспроизведения). URL: https://www.youtube.com/watch?v=69GAmq_Jppg (дата обращения: 23.08.2023).

© Кузнецова Елена Михайловна (amateur-artist@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

PR PROMOTION TECHNOLOGIES IN THE MUSIC INDUSTRY

V. Larionova
O. Malaya

Summary: The article examines the role and importance of the PR promotion of a musical performer in the modern Russian music industry. The main areas of activity for the formation of the artist's image are highlighted, tools and channels of communication with target audiences are systematized. The authors have attempted to formulate current trends in the development of the music industry and the main tasks of PR specialists to promote a music project.

Keywords: music industry, PR-promotion of a musical artist, artist's image, informational occasion, media, opinion leaders, PR manager, endorsement, promo package, social networks.

ТЕХНОЛОГИИ PR-ПРОДВИЖЕНИЯ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ

Ларионова Варвара Анатольевна

Преподаватель, Муниципального автономного учреждения дополнительного образования города Реутов «Детская музыкальная школа №1», (г. Реутов, Московская область, Россия)
barbara.ts@mail.ru

Малая Ольга Геннадьевна

Доцент, кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный институт культуры, (г. Москва, Россия)
ogmalaya@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются роль и значение PR-продвижения музыкального исполнителя в современной российской музыкальной индустрии. Выделяются основные направления деятельности по формированию имиджа артиста, систематизируются инструменты и каналы коммуникации с целевыми аудиториями. Авторами предпринята попытка сформулировать современные тенденции развития музыкальной индустрии и основные задачи PR-специалистов по продвижению музыкального проекта.

Ключевые слова: музыкальная индустрия, PR-продвижение музыкального исполнителя, имидж артиста, информационный повод, СМИ, лидеры мнений, PR-менеджер, эндорсмент, промопак, социальные сети.

В настоящее время музыкальная индустрия в России переживает новый этап развития. Она стремительно удаляется от различных телевизионных шоу, в которых участвуют одни и те же звёзды на протяжении многих лет, и переходит в социальные сети. Благодаря развитию интернета аудитория начинает оценивать не только музыкальные произведения исполнителя, но и его личность, внешний вид, слова, поступки. Сейчас недостаточно быть просто талантливым музыкантом, необходимо иметь свой собственный привлекательный образ. Использование в музыкальной индустрии новых технологий, возросшие требования слушателей, а также переизбыток музыкальных коллективов привели к серьёзной конкуренции.

В условиях такой высокой конкуренции грамотное PR-продвижение является одним из важнейших факторов, позволяющих музыкальному исполнителю не затеряться среди огромного количества артистов и выделиться на фоне того разнообразия, которое сейчас предлагает слушателю музыкальная отрасль.

Такой термин, как «PR-продвижение исполнителя», в российской музыкальной индустрии появился относительно недавно – всего лишь около 30 лет назад. До этого в Советском Союзе существовало ограниченное количество каналов коммуникации. Известных

или «разрешенных» исполнителей показывали на ТВ в праздничных концертах и «Голубых огоньках». О них писали в газетах – специализированной музыкальной прессы тогда ещё не было, а артисты, творчество которых не вписывалось в рамки «разрешённого», продвигались с помощью «сарафанного радио» - их песни передавались практически из уст в уста и распространялись на носителях подпольно.

В 80-е годы сформировался Ленинградский рок-клуб и вместе с ним появились первые зачатки музыкальной прессы - рок-клубы выпускали самиздатовские бюллетени, но первые гляцевые журналы, в которых писали о музыке, появились только в 90-х – ими были «Птюч», «ОМ» и «Матадор» [1].

Если говорить о музыкальном радио - до 1991 года в СССР существовала монополия Гостелерадио, которое придерживалось принятого в 1962 году Положения о передачах Всесоюзного радио, где предусматривалось конкретное и точное определение содержания и жанра планируемых передач. Первое «свободное» музыкальное радио пришло в нашу страну в 1991 – им стал российско-американский проект Maxim, который стал одним из главных источников знакомства российских слушателей с прогрессивной поп- и рок-культурой на FM-волнах [2].

Вещание же специализированных музыкальных телеканалов в России началось в 1996 году с появлением телеканала «Муз ТВ», который был основан изначально скорее с политическими, нежели с развлекательными целями - его использовали в качестве средства PR в преддверии новых президентских выборов в рамках знаменитой PR-акции «Голосуй или проиграешь» [3]. Спустя два года, в 1998, начал своё вещание российский музыкально-развлекательный телеканал MTV Россия, который стал одним из главных средств для продвижения музыкантов на долгие годы.

Рассматривая различные примеры PR-продвижения как в мировой, так и в российской музыкальной индустрии, можно отметить, что артисты используют самые разные инструменты продвижения своего творчества, и в большинстве случаев они зависят от создаваемых ими образов и позиций музыкантов. При этом наибольшим успехом пользуются те, кто отличается от общей массы либо скандальным бунтарским поведением, либо образом загадочного, закрытого и отстранённого персонажа с особым взглядом на жизнь.

Несомненно, не только образ бунтаря, «плохиша» и отрицательного героя может сделать известным музыканта - в индустрии много артистов, поп-звезд, которые не были замечены в скандалах и, наоборот, выстраивают свой имидж исключительно в положительном направлении. Но с точки зрения психологии, аудиторию больше привлекают отрицательные персонажи, причина этого поясняется следующим образом: «Отождествляясь со злодеем, человек неосознанно проживает вместе с ним опыт, на который никогда бы не осмелился сам. Негативные герои, как правило, весьма эмоциональны, сильны и умны — это всегда будоражит, вызывает интерес и привлекает взгляд» [4].

Помимо откровенно бунтарских образов и «плохих» история музыкального продвижения доказывает, что для привлечения внимания отлично работает также образ скрытных и загадочных исполнителей, чем многие артисты активно пользовались. Самыми яркими примерами, которые можно провести для иллюстрации данного подхода, являются группы Slipknot и Gorillaz, а если рассматривать российский шоу-бизнес, то проект Максима Фадеева «Глюкоза». Группа Slipknot с начала своей карьеры выступала в масках, которые стали фирменным атрибутом группы, и долгие годы поклонники не знали, как на самом деле выглядят участники, что подогревало их интерес - в Сети активно искали фотографии участников группы с их реальными лицами, и каждый такой «слив» был крупным информационным поводом. Группа Gorillaz и Глюкоза начали свою карьеру в качестве анимированных персонажей - рисованных героев, которых публика видела только в клипах, а на живых выступлениях транслировались видео, и раскрытие личностей дан-

ных артистов как за рубежом (для Gorillaz), так и в России (для Глюкозы) также становилось крупными информационным поводом, привлекая внимание СМИ.

Безусловно, PR-продвижение музыкальных исполнителей с его разнообразием форм базируется, прежде всего, на имидже самого артиста - благодаря грамотно созданному образу гораздо эффективнее привлечь внимание аудитории и стать популярным. Однако, помимо формирования имиджа самого артиста, музыкальный PR выполняет и свою основную задачу - коммуникацию и поддержку данного образа в СМИ. Каналы коммуникации в продвижении музыкального исполнителя прежде всего зависят от того, на каком месте «музыкального Олимпа» находится артист - чем ближе к «вершине», тем больше внимания уделяется не повышению узнаваемости, а контролю общественного восприятия артиста, а в некоторых, не самых приятных случаях, когда артист оказался замешан в публичном скандале, то спасению его репутации. Чаще всего в штате крупных лейблов есть PR-специалисты, задача которых - отслеживать публикации о «закрепленных» за ними артистах и убеждаться в том, что их образ правильно передан в СМИ, при необходимости оперативно реагируя и корректируя восприятие.

Другая сторона музыкального PR касается исполнителей, находящихся в начале своего творческого пути. В этом случае целью PR будет и формирование имиджа, и повышение узнаваемости, и поддержка созданного образа впоследствии.

Если суммировать все задачи PR-специалистов по продвижению музыкального проекта, то можно выделить основные:

— Инициирование информационных поводов

Когда у артиста начинается «период затишья», нет выступлений и концертов на текущий момент, то в обязанности PR-менеджера входит поддержание коммуникации с аудиторией и СМИ. Ему необходимо придумывать и воплощать различные нетривиальные способы взаимодействия, чтобы не давать слушателям забыть об исполнителе. Нельзя допускать того, чтобы артист переставал быть активным в медиасреде - современное музыкальное медиaprостранство страдает переизбытком исполнителей, поэтому снова пробиваться к публике через обилие чужих информационных поводов будет тяжело.

— Общение со СМИ и лидерами мнений

Довольно часто сотрудничество артиста и СМИ взаимовыгодно - для артиста полезно напоминать о себе аудитории и поддерживать имидж, а СМИ всегда нужны свежие новости, особенно если они касаются медийных личностей. Не секрет, что жизнь звёзд занимает устойчи-

вую позицию в круге общественных интересов, так как «чужая слава – это мощный культурный магнит» [5]. На плечах музыкального PR-менеджера лежит ответственность за то, чтобы пресса и лидеры мнений говорили об артисте, тем самым привлекая к нему новую аудиторию и повышая охваты. Именно PR-менеджер лоббирует гостевые эфиры на радио и ТВ, договаривается об интервью и общается с блогерами о взаимной поддержке.

— Бартерные взаимоотношения

Довольно часто в музыкальной среде взаимоотношения строятся по принципу взаимобмена - например, музыкант или группа хочет сделать фотосессию для визуального сопровождения пресс-релизов, для чего им необходимо найти подходящую одежду. В данном случае PR-менеджер обращается к подходящему по концепции бренду и договаривается о том, чтобы бренд выделил всё необходимое для фотосессии, за что музыканты со своей стороны отметят аккаунт компании в социальных сетях и будут появляться в одежде бренда на публике или выступлениях. Также, помимо предоставления одежды, нередко крупные бренды даже финансируют понравившихся им артистов.

Также в музыкальной среде активно распространен такой вид сотрудничества с брендом, как эндорсмент (от англ. «поддержка»). Например, компания, производящая музыкальное оборудование, делает артиста своим представителем, взамен выделяя ему всё необходимое для творчества. Бартерные взаимоотношения важны при организации фан-встреч - по бартеру можно получить площадку, афиши и даже кейтеринг для фанатов и команды артиста, при этом обе стороны останутся в плюсе - артист встретится с фанатами, а площадка получит дополнительную рекламу и новую аудиторию, которая, вероятно, не узнала бы о ней без этого события.

— Посещение знаковых мероприятий

В контексте продвижения музыкального исполнителя, знаковыми мероприятиями являются премии, вечеринки, презентации, показы мод и т. д. На подобных мероприятиях артист может не только выступить как приглашенный гость, но и завести полезные знакомства, что, бесспорно, важно, если исполнитель только начинает свой творческий путь. Также, учитывая вышесказанное о бартерных взаимоотношениях, крайне важно отметить, что мероприятия часто проводят бренды, с которыми артисту важно наладить контакт для дальнейшего сотрудничества.

— Рекламные интеграции

Данную область ответственности могут делить между собой PR-менеджер и менеджер артиста. На PR-менеджере лежит ответственность в первую очередь за коммуникацию с бренд-менеджерами и за поиск product placement в музыкальный клип. При этом для молодых

артистов, у которых ещё нет сформировавшегося имени, рекламная интеграция очень важна и рассматривается в контексте того, что именно PR-менеджер определяет актуальный для артиста бренд и прорабатывает формирование образа. Интересный образ в будущем может привлечь бренд к сотрудничеству с артистом и в дальнейшем заключить с ним рекламный контракт.

— Продвижение релизов в СМИ

Эта область деятельности PR-менеджера очевидна и относится к коммуникациям со СМИ. Если у артиста готовится релиз, PR - менеджер обращается в дружественные СМИ с просьбой его поддержать. В качестве поддержки используются различные методы, начиная от добавления треков в рекомендованные плейлисты и заканчивая лонгридом или интервью.

Как говорилось выше, PR-продвижение во многом зависит от уровня популярности исполнителей. Условно их можно разделить на 3 группы:

- «Большие» артисты
- Исполнители, набирающие популярность
- Молодые артисты

В случае с известными артистами ситуация на первый взгляд кажется не самой сложной – исполнителя уже знают СМИ, он может сам выбирать, с кем работать, на какое радио пойти, кому дать интервью и т. д. Однако, впечатление об отсутствии сложности ошибочно. Учитывая высокую конкуренцию на музыкальном рынке, необходимо действовать так, чтобы максимально выделиться на фоне таких же «больших» артистов, и это - большая работа, включающая огромное пространство для различного рода креативных решений.

Что касается артистов, находящихся в стадии «набирания» популярности. Отметим, что у них уже есть какая-то сформированная фан-база, их уже неплохо знают СМИ, и существует вероятность того, что через некоторое время эти артисты уже будут способны перейти в первую, выделенную нами категорию «больших». Для таких артистов довольно хорошо подойдет продвижение через многочисленные digital-активности, например участие в Youtube-шоу. Как правило, бюджет на PR у данной категории артистов не настолько большой, чтобы реализовывать крупные проекты, но при этом они уже достаточно узнаваемы, чтобы быть приглашенными в популярные Интернет-проекты. Это и даст им возможность расширить свою аудиторию.

В случае, когда артист находится в самом начале творческого пути, необходимо, помимо предварительной работы по формированию образа/имиджа самого исполнителя, также уделить активное внимание его социальным сетям. Для подобного рода артистов продвижение в интернете является самым доступным и

наименее затратным способом. В этой связи надо позаботиться о качественном и регулярном контенте. Это важно, поскольку молодой артист должен «представить себя» своей будущей фан-базе, и при современном развитии интернет-технологий, аудитория в первую очередь будет изучать именно социальные сети артиста для формирования своего мнения о нём.

Также следует заняться подготовкой промопака для коммуникации с потенциальными партнёрами. Промо-пак — это мини-презентация артиста, которая включает в себя: фотографии, краткую биографию с достижениями (позиции в чартах, интересные коллаборации) и несколько лучших треков. Создание промопака преследует следующую цель: рассказать СМИ или музыкальному редактору о том, кем является артист, какие продвигает идеи и чем может быть интересен.

Не менее важно изучить, какими инструментами/опциями PR-продвижения на старте карьеры может пользоваться молодой артист. Такими опциями могут быть:

- Интеграция в плейлисты СМИ и стриминговых сервисов
- Рецензии от музыкальных журналистов и порталов
- Кросс-промо с другими артистами
- Сотрудничество с музыкальными пабликами в социальных сетях

- Сотрудничество с музыкальными и лайфстайл-каналами на Youtube
- Участие в тематических мероприятиях (вечеринки, шоукейсы, музыкальные фестивали)
- Проведение живых концертов, даже на небольшую аудиторию и др.

Как мы видим, в музыкальной индустрии существует большое количество PR-технологий, которое можно использовать для продвижения артиста. На сегодняшний день уже очевидно, что грамотное PR-продвижение играет огромную роль, и в большей степени именно оно влияет на уровень успешности музыкального исполнителя. На плечах PR-менеджера артиста лежит множество задач, успешная реализация которых позволяет артисту не затеряться в обилии исполнителей и жанров, предложенных современной музыкальной индустрией, а также налаживать крепкие взаимоотношения со СМИ и рекламодателями.

Подводя итог, можно отметить, что тренды коммуникаций в музыкальной индустрии полностью соответствуют трендам собственно индустрии – развитие технологий влечёт за собой развитие отношений между исполнителями, брендами и их целевыми аудиториями. А распространение мобильных устройств позволяет артистам все больше коммуницировать с публикой напрямую при помощи различных социальных сетей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лиман З., Глянец, который мы потеряли: “Птюч”, “ОМ” и “Матадор” // [Электронный ресурс] З. Лиман – Режим доступа: <https://thewallmagazine.ru/jurnali-90h/>
2. Утро нового дня. Чем радио Maximus заменит самое рейтинговое шоу? // Журнал «Индустрия рекламы» 2007 № 13–14 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adindustry.ru/doc/769>
3. Ъ-Тукан Е., «Голосуй или проиграешь» Все песни будут о главном // [Электронный ресурс] Е. Ъ-Тукан – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/133049>
4. Трошина К., Тайна «плохиша»: почему мы любим отрицательных героев? // [Электронный ресурс] К. Трошина – Режим доступа: <https://www.psychologies.ru/articles/tayna-plohisha-pochemu-myi-lyubim-otritsatelnyih-geroev/>
5. Теграни Д., Почему мы любим знаменитостей: ответ антрополога // [Электронный ресурс] Д. Теграни – Режим доступа: https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2013/06/130630_ru_s_foolishly_follow_celebrities

© Ларионова Варвара Анатольевна (barbara.ts@mail.ru), Малая Ольга Геннадьевна (ogmalaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ СОМАТИЗМОВ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Латыпова Индира Абузаровна

*кандидат филологических наук, доцент, Казанского (Приволжского) федерального университета
Indiralat_77@mail.ru*

RELATIVE TYPES OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE THEMATIC GROUP OF SOMATISMS IN THE RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES

I. Latypova

Summary: The article examines the structural, semantic and lexical features of phraseological units with a somatic component in the Russian and Tatar languages.

The relevance of the study lies in the need for comprehensive systematic studies of phraseological units of differently structured languages in a comparative aspect.

To achieve the purpose of the study, the following tasks were set and solved:

- 1) phraseological units with a somatic component in the Russian and Tatar languages were identified;
- 2) the frequency of using various somatisms as one of the phraseological component in compared languages is presented;
- 3) to identify a number of thematic microspheres among phraseological units of anthropocentric orientation in both review languages.

To achieve the objectives, descriptive and comparative methods were used, as well as the the continuous selection methodology and linguistic analysis.

The theoretical importance of the study lies in possibility to identify common and distinctive features of the phraseological fund of two differently structured languages. Scientific results and forecasts obtained during the work can be used in the future of studying somatisms.

The practical results of the study can be used in teaching phraseology, general and comparative linguistics. Theoretical basic research is provided by the works of Russian authors devoted to the study of phraseological units and somatisms.

Keywords: Russian and Tatar languages, somatism, phraseological unit, semantics, structure, lexical composition.

Аннотация: В статье рассматриваются структурные, семантические и лексические особенности фразеологизмов с соматическим компонентом в русском и татарском языках. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексных системных исследований фразеологических единиц разноструктурных языков в сопоставительном аспекте. Для достижения цели исследования были поставлены и решены следующие задачи:

- 1) выявить фразеологизмы с соматическим компонентом в русском и татарском языках;
- 2) представить частотность употребления различных соматизмов в качестве одного из компонентов фразеологизмов в сопоставляемых языках;
- 3) выделить ряд тематических микросфер среди фразеологических единиц антропоцентрической направленности в обоих рассматриваемых языках.

Для реализации поставленных задач были применены описательный и сопоставительный методы, а также метод сплошной выборки и лингвистического анализа. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет выявить общие и специфические черты фразеологического фонда двух разноструктурных языков. Научные результаты и теоретические положения, полученные в ходе работы, могут быть использованы в дальнейшем изучении соматизмов. Практические результаты исследования могут быть использованы в преподавании фразеологии, общего и сопоставительного языкознания. Теоретической базой исследования послужили труды российских авторов, посвященные изучению фразеологических единиц и соматизмов.

Ключевые слова: русский и татарский языки, соматизм, фразеологическая единица, семантика, структура, лексический состав.

Соматизмы – один из древнейших пластов лексики любого языка, составляющий его универсальный фонд. Они становились объектом изучения многих ученых: лингвистов, культурологов, этнографов, антропологов и философов, так как отражают представления человека не только о своем организме, но и об окружающей его действительности в целом [1, с. 13].

Одной из важных сторон функционирования соматизмов является их участие в образовании фразеоло-

гических единиц, существенным признаком которых является дословная непереводаемость на другие языки. Для выражения одних и тех же понятий могут использоваться фразеологизмы с соматическим компонентом, образованные на основе совершенно разных представлений о явлениях объективной действительности. Особый интерес представляет сопоставительное изучение данного пласта лексики разносистемных языков. По признаку сходства / несходства (семантики, структуры и лексического состава) фразеологические единицы рус-

ского и татарского языков Закирьянов К. З. объединяет в четыре группы [2, с. 89]. Рассмотрим их на примере тематической группы соматизмов.

Первая группа – это фразеологические единицы, свойственные только одному из языков, не имеющие в сопоставляемом языке фразеологических эквивалентов: *из рук вон (плохо) – бик начар, бер нигэ ярамаслык; без задних ног – берни белми; иметь голову на плечах – акыллы; каша в голове – уй-фикере буталчык; клевать носом – йокымсырап утыру; комар носа не подточит – бер кимчелеге юк; медведь на ухо наступил – көйгэ-моңга сэлэтсез; умывать руки – үзеңне жаваплылыктан азат иту* и др. В татарском языке так же присутствуют фразеологизмы с соматическим компонентом, не имеющие эквивалентов в русском языке: *аяк тартмау* (досл.: ‘ноги не тянут’) – нет желания идти куда-либо; *ике аякны бер итеккэ тыктыру* (досл.: ‘заставить засунуть обе ноги в один сапог’) – поставить в затруднительное положение; *ике аякның берсен дә атламау* (досл.: ‘из двух ног не шагать ни на одной’) – перестать ходить к кому-либо из-за обиды; *кибэк баш* (досл.: ‘голова в виде стога, стог-голова’) – большоголовый (о человеке); *башны мескенгә салу – приbedняться; жылкәсе чокыр, чокыр жылкә* (досл.: ‘затылок с ямкой’) – лентяй; *тасма тел* (досл.: ‘язык-лента’) – краснобай, пустозвон; *арка тирен түгү* (досл.: ‘пролить спинный пот’) – тратить много сил и энергии.

Данная группа фразеологизмов является наиболее обширной в обоих языках, что свидетельствует о национальном своеобразии идиом рассматриваемой тематической группы. Их дословный перевод является недопустимым, значения фразеологических единиц можно передать только с помощью синонимов или описательно, при этом в полной мере раскрыть образность высказывания не удастся.

Фразеологические единицы второй группы, имеющие эквиваленты в сопоставляемом языке при полном несовпадении их структуры и лексического состава, так же не допускают их дословного перевода. К примеру: *без царя в голове* (знач. «очень глуп, недалек») – *кырыкка берәу тулмаган, туксан тугызлы* (досл.: *девятью девятым*); *валить с больной головы на здоровую* (знач. «перекладывать вину с виноватого на невинного») – *ак эт бәласе кара эткә* (досл.: ‘вина белой собаки на черную собаку’); *гол как сокол* (знач. «страшно беден, ничего не имеет») – *авзын ачса, үпкәсе күренә* (досл.: ‘если откроет рот, видны легкие’); *горе луковое* (знач. «незадачливый, нерасторопный человек») – *жебек авыз* (досл.: ‘размякший рот’, ‘мямля’); *кот заплакал* (знач. «очень мало») – *тырнак очыдай* (досл.: ‘как кончик ногтя’); *носить на руках* (знач. «показывать особое расположение к кому-либо») – *өрмәгән жиргә утыртмау* (досл.: ‘не сажать на место, которое не очищено продуванием’); *заткнуть за пояс* (знач. «превзойти в чем-либо») – *танавына чирту*

(досл.: ‘щелкнуть по носу’); *мотать на ус* (знач. «хорошенько запомнить») – *колакка киртеп кую* (досл.: ‘сделать зарубку на ухе’); *пальцем не тронет* (знач. «кроткий, безобидный человек») – *тырнак белән дә чиртмәс* (досл.: ‘и ногтем не щелкнет’) и др. Часто в разговорной речи наблюдается использование прямых переводов фразеологизмов данной группы, что приводит к лишению образности этих единиц.

Фразеологизмы третьей группы имеют не только семантическую, но и частичную лексическую общность, то есть в них наблюдается совпадение основных компонентов по номинативному значению. К примеру, фразеологизмы *вертится на языке – тел очында тора* объединяют слова *тел – язык*, которые являются основными в этих оборотах. Остальные компоненты не совпадают, однако присутствуют смысловая и структурно-лексическая общности, которые дают основание для перевода. В проанализированной группе фразеологизмов с соматизмом в качестве одного из компонентов такие примеры встречаются часто: *голова варит – башы эшли, в мгновение ока – күз ачып йомганчы, задирать нос – танау күтәрү, чесать язык – тел чарлау, язык подвешен – теле телгә йокмый, повернуться спиной – арка белән тору* и др.

Фразеологические единицы четвертой группы полностью совпадают в двух языках и по семантике, и по структуре, и по лексическому составу и допускают дословный перевод без изменения семантики и лексического состава. Например, *взять себя в руки – үзеңне кулга алу; глаза на лоб полезли – күзләре маңгаена менде; как на ладони – уч төбендәге кебек; ставить ребром – кабыргасы белән кую; набрать в рот воды – авызга су кабу; вывозить на своих плечах – үз жылкәсендә алып бару; точить зуб – теш кайрау; не поднимая головы – баш күтәрмичә; волосы встают дыбом – чәчләр үрә тора; драть горло – бугаз ерту; душой и телом – жаны-тәне белән; лизать пятки – табанын ялау; сердце кровью обливается – йөрәккә кан сава; зуб на зуб не попадает – теше тешкә тими; язык заплетается – тел(е) көрмәлә; язык чешется – тел(е) кычыта; найти общий язык – уртак тел табу; язык не поворачивается – тел(е) әйләнми* и др. Сегодня довольно сложно определить, в каком из языков эти фразеологические единицы возникли раньше, так как в обоих они воспринимаются как собственные.

По мнению Р.А. Юсупова, наличие семантической и структурно-лексической общности в фразеологизмах русского и татарского языков объясняется двумя основными факторами. «Первый из них заключается в единстве главных мыслительных актов всех народов. Причем в данном случае необходимо говорить об общих чертах художественного мышления носителей разных языков. Преобладающее большинство устойчивых сочетаний, как и всех тропов в языке, построено на переносном употреблении словосочетаний. А это связано с процессами упо-

добления, сравнения явлений природы с явлениями, происходящими в жизни людей, в их поступках, поведении, общественных отношениях, а также уподобления одних действий человека другим, чаще – физических умственным. Поскольку реальная действительность, явления природы в основном едины для всех народов, и в характере, поведении, действиях, отношениях, образе жизни людей много общего, то и в фразеологических средствах, отображающих все это, не могут не проявляться общие черты. Второй фактор заключается в давних тесных связях русских и татар, которые объективно способствуют интенсивному развитию того общего в фразеологических средствах их языков, как и в других средствах выразительности, которое обусловлено единым характером основ художественного мышления» [3, с. 105].

Анализ показал, что наиболее характерными соматическими компонентами фразеологических единиц являются следующие названия частей тела: язык – тел, нога – аяк, голова – баш, рука – кул, сердце – йөрәк, рот – авыз, ухо – колак, глаз – күз, нос – танау / борын, зуб – теш, живот – эч / корсак, плечо – жылкә, кожа – тире, кость – сөяк, кулак – йодрык, лицо – бит / йөз, палец – бармак, спина – арка, шея – муен, что обусловлено ясностью функций данных органов в каждом языке и разветвленностью систем переносных значений. Довольно узким значением обладают соматизмы борода – сакал, бровь – каш, ус(ы) – мыек, почки – бөөр, тело – гәүдә / тән, висок – чикә, волос – чәч, горло – тамак, грудь – күкрәк / түш, губа – ирен, желудок – ашказан, кишка – эчәк, таз – колено, ладонь – уч, легкие – үпкә, лоб – маңгай, локоть – терсәк, лопатки – калак сөяге, мозг – ми, ноготь – тырнак, печень – бавыр, подбородок – ияк, пятки – үкчә, стопа – табан, ребро – кабырга, ресница – керфек, щека – яңак.

Среди фразеологических единиц антропоцентрической направленности в обоих рассматриваемых языках можно выделить ряд тематических микросфер:

1. Фразеологизмы, выражающие хорошее расположение, похвалу, мастерство, уважение: алтын куллы – золотые руки, легкая рука – жиңел куллы, башы эшли – голова работает (варит), уртак тел табу – найти общий язык, острый глаз – үткен күз, светлая / ясная / золотая голова – акылл / йомры баш и др. По признаку сходства / несходства семантики, структуры и лексического состава данные фразеологизмы относятся к третьей и четвертой группам. А к примеру, фразеологизмы глаз-алмаз, глаз раудется и аның бу эштә теше коелган, вөжданы пакъ, йөзе ак и др. составляют первую и вторую группы.
2. Фразеологизмы, выражающие негативную оценку, неодобрение, порицание. В данной микросфере встречаются фразеологические единицы всех четырех групп: без сердца – таш йөрәк, встать спиной – арка биру, влезть на шею – муенга (менен) ат-

лану, влезть в печенки – бавырга төшү, ногтя не стоит – кисеп ташлаган тырнагына да тормый, не дает рта раскрыть – авыз ачарга да ирек бирми, дурь-голова – дуамал баш, ветер в голове (гуляет) – башында жил уйный, курья голова – тавык баш, песья голова – эт баш, дырявая голова – башы тишек, пустая голова – буш баш, молоко на губах не обсохло – иренендә ана сөте кипмәгән, море по колено – диңгез тубыктан (третья и четвертая группы). А также фразеологизмы ни кожи, ни рожи, ударить в грязь лицом, ходить по головам, седина в бороду, бес в ребро, голова мякиной набита, ежова голова, зеленая голова, отпетая голова, (осиновая) чурка с глазами и др. в русском языке, кабык ирен, без танау, апара корсак, астан бармагы уйный, бите жәннәмгә керсә дә кызармас, битенә дуңгыз тиресе каплаган, борыны түшәмгә тигән (түшәмне тишә), көнжәлә баш, ачык авыз, каты күзле, ике аяклы ишәк и др. в татарском языке, относящиеся к первой и второй группам.

3. Фразеологизмы, выражающие удивление, страх, неуверенность: мороз по спине (по телу) продирает (проходит, пробегает) – аркага бозлы су койган кебек булды / тән чымырдап китте; сердце в пятки уходит – йөрәк табанга төшә; сшибать с ног – аяктан егу; язык заплетается – тел көрмәлу; темнеет в глазах – күз аллары караңгылана; делать большие глаза – күзне шар итү; глаза на лоб полезли – күзләре маңгаена менде (третья и четвертая группы) и телсез калу, аяк тартмау, чәчләр үрә тору, тез буыны бушау (йомшау), разводить руками, ноги подкосились, земля ушла из-под ног и др. (первая и вторая группы).
4. Фразеологизмы, выражающие огорчение, расстройство, уныние, состояние подавленности и безнадежности: повесить нос – борын(ны) салындыру; хвататься за голову – башны кая куярга белмәү / башны ташка бәрер (орыр) хәлгә житү; кусок в горло не лезет – тамактан аш (ризык) үтмәү; повесить голову – авызы-башы салыну; потерять почву под ногами – аяк астында жирубылгандай булу (третья и четвертая группы) и ад в груди, хвататься за голову – эч көю (яну) и др., относящиеся к первой и второй группам.
5. Фразеологизмы, выражающие проворность, рвение, желание, умение быстро принимать решения: дело горит в руках – кулы кычыту; ухватиться обеими руками – куш куллап риза булу; одна нога здесь, другая там – бер аягы анда, икенчесе монда; глазом не успел моргнуть – күз ачып йомганчы; из кожи вон лезть – тиресеннән чыгардай булу; пятки сверкают – үкчәсе жиргә тими (третья и четвертая группы); грудью проложить себе дорогу, вырвать зубами, в поте лица, пробивать лбом, очертя голову, бойкий на ногу и теше-тырнагы белән ябышу, күз ачып йомганчы, елан аягын

кискән, елан күзле, арыслан тырнаклы, аягы жиргә тими, керфек какканчы, дилбегәне кулга (үз кулына) алу и т. д.

6. Фразеологизмы, отражающие волевые качества, упорство, способность самостоятельно и быстро принимать решения: *братъ / взять себя в руки – үзеңне кулга алу; держать себя в руках – үзеңне кулда тоту; сам себе голова – үзе баш, үзе түш; носом землю роет – борыны белән боз тишә* (третья и четвертая группы); *рваться грудью, живота не жалеть, вырвать зубами, биться лбом о стены, пробивать лбом и аның бу эштә теше коелган, агач башындагы карга авызыннан калжа тартып ала торган кеше, артыннан күз дә иярми, күз ачып йомганчы, күз белән каш арасында* и др. (первая и вторая группы).
7. Фразеологизмы, отражающие недоброжелательное отношение, недобрые намерения и пожелания. В русском языке: *иметь зуб, обламывать зубы, оскалить (скалить) зубы, скрежетать (скрипеть) зубами, точить зуб(ы), выматывать кишки, выпустить кишки, спустить кожу, под зад коленом, ломать (изломать, переломать) кости, стереть с лица земли, чтобы язык отсох, оторвать голову, заткни горло, лопни глаза, перегрызть горло, хватать за горло, драть кожу, дать (ударить) по носу, вколотить душу в пятки, заткнуть рот, обагрить руки в крови, бить по шее* и т. д. В татарском языке: *антың башыңа житсен (тәшмәсен), башың олаксын, атаң башы кирәкме тагын, башка сугу, башың себер китсен, баш түбән дәмеккере (дөмегепләр киткере), башың йөзтүбән килгере, башын төрмәдә черетү, башың беткере (олаккры), арпаң-көрпәң аш булсын – тамагыңа таш торсын, бот чабып көлү, бугазга аркылы килсен (утырысын), бугазы ертылгыры, безне бутаганның эче-бавыры буталсын, алганың (йотканың) эчеңне ертып чыксын, бит астына кергере, йөзе белән (йөзтүбән) кадалсын, ике күзем кояшны күрмәсен, (ике) күзем шартлап (чәчрәп) чыксын, күзегезне корт чаккырлары, күзе күмер булсын, күзем күрмәсен, күземнән югал, күземә күрәнмә (күрәнәсе булма), жылкәгә берне кундыру (тамызу, бирү), белдек эшеңне – коярбыз тешеңне, теш кайрау, тешләрен ыржайтып, теш арасынан аралашу, теш арасынан аралашу, тиресен тунау, тез астына сугу, бугазга сөяк булып кадалу, йодрык иснәтү, йодрык чумары пешерү (ашату), борыннан сөйрәп йөртү, ахирәттә ике кулым якәңдә булсын, телең корысын* и др.
8. Фразеологизмы, отражающие доброжелательное отношение, добрые намерения и пожелания. В русском языке: *подставить плечо, на хорошей ноге, протягивать руку, друг сердца* и др. В татарском языке: *дәүләт кошы башыңа кунсын; дәүләтең таш(ы)сын, башыңнан ашсын; башыңа дәүләт яусын; авыз-борыныгың май булсын; аяк-*

кулларыгың сызлаусыз булсын; баш(ыгың) исән булсын; бәхете аягыңа чолганса иде и др.

Как показали результаты исследования, в татарском языке большинство выражений, входящих в последние две тематические микросферы, обладает семантикой волеизъявления и имеет ярко выраженную национально-культурную специфику. В русском языке фразеологизмы-пожелания с соматическим компонентом зафиксированы в небольшом количестве. В лингвистической науке данные единицы интерпретируются по-разному: добро / зложелания) (Э.З. Эльмесова, В.В. Плешакова), интеръективные фразеологические единицы ((Н.Ф. Алевиренко, Е.А. Добрыднева), пожелания-заклинания или реликтовые пожелания (Е. В. Алтабаева).

По мнению лингвистов, «своими корнями данные формулы уходят в глубокую древность и связаны с архаической картиной мира. Формулы-пожелания на древнейшем этапе существования человека выполняли функцию реальных заклинаний, направленных в адрес божественной, позитивной, либо потусторонней, «темной» сил, поскольку они вызывали в сознании человека страх, благоговение, поклонение и несомненную веру в то, что эти силы могут реально воздействовать на кого / что-либо (в нашем случае, нанести физические увечья – прим. автора). На более позднем этапе, с развитием мышления и языкового представления реальность пожеланий-заклинаний постепенно приобретала метафорический смысл, и данные формулы преобразовались в идиомы. Человек стал употреблять формулы пожеланий для выражения собственного эмоционального отношения к той или иной ситуации либо действующему лицу» [4, с. 7]. Как правило, ядром данных высказываний в русском языке являются глаголы второго лица повелительного наклонения (*отсохни, лопни, вырви* и др.), а в татарском языке – глаголы третьего лица повелительного наклонения (өченче зат боерык фигыль: *кадалсын, чыксын, күрмәсен, буталсын* и др.).

Результаты анализа показали, что большая часть наименований человеческого тела (организма) относится к исконной, стилистически нейтральной лексике исследуемых языков. Как правило, многие из соматизмов имеют прямые и переносные значения. Сходства в семантике, структуре и лексическом составе фразеологических единиц с соматическим компонентом свидетельствуют об определенном единстве ассоциативно-образного мышления представителей разных языковых картин, которое проявляется в общности фразеологических идей. Национальная специфика говорит об индивидуальных особенностях исторического опыта русского и татарского народов, самобытности культуры, уклада жизни и психического восприятия мира, мышления, а также о широких возможностях образного восприятия носителями языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Персидская А.С. Структурно-семантические особенности соматической лексики в индигенной лингвокультуре: дис... канд. филолог. наук: Томск, 2022. 233 с.
2. Закирьянов К.З. Двужычие и перевод. Уфа: Китап, 2012. 288 с.
3. Юсупов Р.А. Фразеологические единицы русского и татарского языков // Научный Татарстан. Казань. 2015. №5, С. 100-113.
4. Косенкова О.С. Фразеологические средства выражения волеизъявления в современном русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук: Мичуринск, 2004. 23 с.

© Латыпова Индира Абузаровна (Indiralat_77@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СМИ И КУЛЬТУРНАЯ СТРАТЕГИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ: ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

Ли Цзяни

Аспирант, Уральский федеральный университет,
(г. Екатеринбург)
823286146@qq.com

MEDIA AND CULTURAL STRATEGY OF THE CHINESE COMMUNIST PARTY: TRADITIONAL CULTURE AND MODERN VALUES

Li Jiani

Summary: This study examines the role of mass media in the cultural strategy of the Chinese Communist Party, paying special attention to the interaction between traditional culture and modern values. The analysis reveals that mass media, as the main channel of cultural communication under the leadership of the Chinese Communist Party, not only disseminate and promote traditional culture but also guide the expression and formation of modern values. Traditional culture is modernized and transformed in the media, interacting with modern values, thereby facilitating the integration and development of social culture. This article emphasizes the importance of leadership and control over the mass media by the Chinese Communist Party and explores future directions for media development in the Party's cultural strategy to promote the construction of a socialist culture with Chinese characteristics.

Keywords: mass media, Chinese Communist Party, cultural strategy, traditional culture, modern values.

Аннотация: В этом исследовании рассматривается роль средств массовой информации в культурной стратегии Коммунистической партии Китая, уделяя особое внимание взаимодействию традиционной культуры и современных ценностей. Анализ показывает, что средства массовой информации, будучи основным каналом культурной коммуникации под руководством Коммунистической партии Китая, не только распространяют и пропагандируют традиционную культуру, но и направляют выражение и формирование современных ценностей. Традиционная культура модернизируется и трансформируется в средствах массовой информации, взаимодействуя с современными ценностями, тем самым способствуя интеграции и развитию социальной культуры. В этой статье подчеркивается важность руководства и контроля над средствами массовой информации со стороны Коммунистической партии Китая, а также рассматриваются будущие направления развития средств массовой информации в культурной стратегии партии по содействию построению социалистической культуры с китайской спецификой.

Ключевые слова: средства массовой информации, Коммунистическая партия Китая, культурная стратегия, традиционная культура, современные ценности.

Средства массовой информации играют важнейшую роль в современном обществе: они не только являются инструментом передачи информации, но и важным каналом формирования социальной культуры и продвижения общественных ценностей. В Китае Коммунистическая партия, как правящая партия, играет особенно важную роль в использовании и руководстве средствами массовой информации, особенно в культурной сфере. Коммунистическая партия Китая активно реализует культурную стратегию через средства массовой информации, стремясь наследовать и развивать традиционную культуру Китая и одновременно руководить обществом в преодолении проблем модернизации, способствуя обновлению и развитию социальных ценностей [1].

Цель данной статьи — исследовать роль средств массовой информации в культурной стратегии Коммунистической партии Китая с особым акцентом на взаимосвязь между традиционной культурой и современными ценностями. В сегодняшнюю эпоху глобализации и

информатизации Китай столкнулся с проблемой обмена и столкновения между традиционной культурой и современными ценностями, а также с быстрым процессом модернизации, в результате которого постоянно возникают новые ценности, создавая определенную напряженность и столкновения с традиционной культурой. Поэтому Коммунистической партии Китая необходимо сформулировать соответствующие стратегии в культурной сфере, направлять и формировать современные ценности через средства массовой информации, интегрировать их с традиционной культурой, дополнять друг друга и способствовать гармоничному развитию китайского общества.

В этой статье будут обсуждаться статус и роль средств массовой информации в культурной стратегии Коммунистической партии Китая, распространение и формирование традиционной культуры средствами массовой информации, интерактивное влияние средств массовой информации на современные ценности, а также практика и перспективы культурной стратегии Коммунистиче-

ской партии Китая. Статья направлена на углубленное изучение тесной связи между средствами массовой информации и культурной стратегией Коммунистической партии Китая, что обеспечит теоретическую поддержку и практическое руководство для построения социалистической культуры с китайской спецификой.

1. Статус и роль средств массовой информации в культурной стратегии Коммунистической партии Китая

1.1 Роль СМИ в идеологическом конструировании

Являясь основным каналом распространения информации, средства массовой информации несут голос партии и её культурную миссию, а также передают идеи, политику и основные ценности партии. В идеологическом строительстве средства массовой информации являются важным инструментом партии: посредством обширных репортажей, интерпретаций и комментариев они направляют и формируют идеологические концепции и ценностные ориентации общества. Содержание, методы подачи и речевая направленность, выбранные СМИ, напрямую влияют на знания и понимание партии обществом. Кроме того, средства массовой информации также способствуют формированию социальной сплочённости и идентичности, укрепляют доверие людей к партии и правительству, а также поддерживают социальную стабильность и согласие. Поэтому средства массовой информации играют заметную роль в культурной стратегии Коммунистической партии Китая, являются важным средством и платформой для достижения целей идеологического строительства партии и имеют большое значение в содействии развитию социализма с китайской спецификой. [3]

1.2 СМИ как основной канал культурной коммуникации

Средства массовой информации доносят культурные концепции, основные ценности и исторические традиции партии до масс через различные формы, такие как телевидение, радио, газеты, журналы и Интернет. Они обладают широким освещением и влиянием и могут быстро распространять голос партии, продвигая политику и предложения партии, чтобы получить более широкое признание и поддержку. Будучи основными производителями и распространителями контента в публичном пространстве, средства массовой информации выполняют важную функцию в формировании общественного мнения и направлении общественного мышления.

Выбирая содержание и ракурс освещения, средства массовой информации могут формировать общественный консенсус и направлять общественность к правильному пониманию культуры и ценностных ориентаций.

Кроме того, средства массовой информации могут также обогащать культурную жизнь людей, способствовать наследию и инновациям в традиционной культуре, а также оказывать важную поддержку в построении социалистической культурной державы.

Поэтому статус и роль средств массовой информации в культурной стратегии Коммунистической партии Китая незаменимы и являются важной гарантией и опорой для достижения целей культурного строительства партии.

1.3 Тесные отношения между средствами массовой информации и Коммунистической партией Китая

Средства массовой информации установили тесные отношения с Коммунистической партией Китая. Прежде всего, они являются одним из основных каналов, посредством которых Коммунистическая партия Китая распространяет идеологию, пропагандирует политику и продвигает основные ценности. Через телевидение, радио, газеты, Интернет и другие средства массовой информации партия может эффективно доносить свои идеи, цели и политику до широкой общественности и продвигать идеи партии для получения более широкого признания и поддержки.

Во-вторых, средства массовой информации несут голос Коммунистической партии Китая, представляют её образ и отражают позицию и предложения партии. В различных значимых событиях и вопросах средства массовой информации могут своевременно и точно передавать позицию и политику партии, играя важную роль в создании и поддержании имиджа партии. Кроме того, Коммунистическая партия Китая обеспечивает точность и объективность сообщений средств массовой информации, а также справедливость и авторитетность распространения информации путём усиления руководства и управления над средствами массовой информации.

Таким образом, между средствами массовой информации и Коммунистической партией Китая сложились тесные отношения сотрудничества, которые совместно способствуют развитию и прогрессу социализма с китайской спецификой. [4]

2. Распространение и формирование традиционной культуры средствами массовой информации

2.1 Формы презентации традиционной культуры в средствах массовой информации

В качестве основного канала культурной коммуникации средства массовой информации представляют традиционную культуру в различных формах. В теле-

программах исторические драмы и костюмированные фильмы на античную тематику привлекли широкий круг зрителей. С помощью ярких повествований и изысканных изображений зрителям наглядно представлены исторические личности, традиционный этикет и т. д.

В газетах и журналах, в разделах о культуре, исторических обзорах и других разделах, часто представлены истории, легенды и рассказы из жизни знаменитостей культуры, предоставляя читателям богатые культурные знания. Кроме того, в эпоху Интернета традиционная культура также получила широкое распространение через онлайн-средства массовой информации, доступные пользователям сети.

2.2 Интерпретация и распространение традиционной культуры средствами массовой информации

Средства массовой информации не только представляют традиционную культуру, но и распространяют её глубже посредством различных интерпретаций. В телевизионных программах экспертам и учёным часто предлагается интерпретировать традиционную культуру и исследовать стоящие за ней ценности и гуманистический дух, чтобы зрители могли глубже понять смысл традиционной культуры.

Газеты и журналы также часто публикуют комментарии о традиционной культуре, анализируя и оценивая её с разных точек зрения, побуждая читателей к размышлениям. Интернет-СМИ предоставляют широкую платформу для распространения традиционной культуры.

Народные эксперты, учёные и энтузиасты культуры публикуют статьи, видео и т. д. через платформы социальных медиа, чтобы распространять уникальное очарование традиционной культуры, формируя благоприятную экологию для её распространения.

2.3 Современная трансформация традиционной культуры в средствах массовой информации

С развитием общества и изменением культурной среды традиционная культура претерпевает процесс модернизации и трансформации в средствах массовой информации. Традиционные культурные элементы часто внедряются в произведения на современные темы, воссоздаются и переинтерпретируются с использованием современного языка и методов, делая традиционную культуру тесно связанной с современным обществом и ближе к эстетике и потребностям современной аудитории. [5]

В то же время традиционная культура также постоянно обновляется в средствах массовой информации, представляя её в более живой и доступной форме, что-

бы привлечь внимание молодёжи.

Например, традиционные культурные фестивали и народные мероприятия приобретают новые формы и значения, интегрируются в современный образ жизни и становятся важной частью массовых развлечений и культурного потребления. Эта современная трансформация придала традиционной культуре новую жизненную силу и жизнеспособность, продемонстрировав её более красочный облик в средствах массовой информации. [6]

3. Интерактивное влияние СМИ и современные ценности

3.1 Выражение и распространение современных ценностей в средствах массовой информации

Современные ценности получили широкое выражение и распространение в средствах массовой информации. Формы СМИ, такие как телепрограммы, фильмы и онлайн-видео, представляют и подчёркивают основные ценности современного общества, такие как свобода, равенство, демократия, права человека и т. д.

Новостные сообщения, специальные программы, социальная реклама и т. д. напрямую передают современные ценности, побуждают общественность думать и размышлять, а также способствуют социальному прогрессу и развитию. Благодаря различным формам медиавыражения, современные ценности получили широкое распространение и признание в обществе, влияя на поведение и мысли людей. [7]

3.2 Руководство и формирование современных ценностей средствами массовой информации

Средства массовой информации играют жизненно важную роль в формировании современных ценностей. Выбирая содержание, ракурс и речевую направленность сообщений, они могут влиять на понимание и признание обществом современных ценностей. Сообщения средств массовой информации, трансляции телепрограмм и продвижение контента на онлайн-платформах постоянно побуждают общественность принять и идентифицировать себя с современными ценностями. При этом средства массовой информации также усиливают распространение и пропаганду современных ценностей посредством различных форм пропагандистской и просветительской деятельности, способствуя обновлению и развитию социальных ценностей. [8]

3.3 Столкновение и интеграция традиционной культуры и современных ценностей в средствах массовой информации

Традиционная культура и современные ценности

продолжают сталкиваться и сливаться в средствах массовой информации. Средства массовой информации не только распространяют современные ценности, но и сохраняют и пропагандируют выдающиеся ценности традиционной культуры. При производстве и представлении медиаконтента традиционные культурные элементы часто сочетаются с современными ценностями, образуя новые культурные символы и духовные коннотации.

Например, празднование традиционных культурных фестивалей, а также интерпретация древней классики были интегрированы в контекст и потребности современного общества, позволяя традиционной культуре и современным ценностям сочетаться и дополнять друг друга в средствах массовой информации.

Это столкновение и интеграция не только обогащают содержание средств массовой информации, но также способствуют наследованию и развитию традиционной культуры, обеспечивая важную движущую силу для дальнейшего прогресса социальной культуры.

4. Практика и перспективы культурной стратегии Коммунистической партии Китая

4.1 Руководство и надзор Коммунистической партии Китая за средствами массовой информации

Коммунистическая партия Китая стремится направлять и контролировать средства массовой информации, чтобы гарантировать, что они играют активную роль в распространении правильных культурных ценностей.

Партия принимает соответствующие законы, постановления и программные документы с целью стандартизации содержания и форм выражения мнений в средствах массовой информации, а также усиления управления и надзора за ними. В то же время партия также направляет средства массовой информации к активному распространению основных социалистических ценностей, продвижению выдающейся традиционной культуры Китая, а также содействию инновациям и развитию медиабизнеса путем разработки специальных планов и политики развития средств массовой информации. [9]

4.2 Позиционирование и руководство культурной стратегией традиционной культуры и современных ценностей

Культурная стратегия Коммунистической партии Китая направлена на определение взаимосвязи между традиционной культурой и современными ценностями и направление общества к формированию правильного культурного познания и ценностной ориентации. Партия активно содействует наследованию и развитию

традиционной культуры, распространяет выдающуюся традиционную культуру через средства массовой информации, а также пропагандирует национальный дух и национальную самобытность.

В то же время партия использует средства массовой информации для направления общества к принятию современных ценностей, таких как наука, демократия и верховенство закона, а также для содействия обновлению и прогрессу социальных идей.

Позиционирование и руководство культурной стратегией направлены на достижение органической интеграции традиционной культуры и современных ценностей, заложение прочной основы для построения основной социалистической системы ценностей. [10]

4.3 Перспективы: Будущее направление развития средств массовой информации в культурной стратегии Коммунистической партии Китая

Заглядывая в будущее, Коммунистическая партия Китая продолжит укреплять руководство и управление средствами массовой информации, а также способствовать стандартизации и здоровому развитию медиабизнеса. В то же время партия будет и дальше углублять свою культурную стратегию и способствовать тому, чтобы средства массовой информации играли большую роль в распространении традиционной культуры и современных ценностей.

В будущем средства массовой информации будут уделять больше внимания инновациям и качеству, постоянно улучшать качество контента и коммуникационные эффекты, укреплять культурную самобытность и ценности общества, а также вносить более позитивный вклад в строительство социалистической культуры с китайской спецификой.

Заключение

В культурной стратегии Коммунистической партии Китая средства массовой информации играют незаменимую роль. Посредством распространения и формирования традиционной культуры и современных ценностей, они важно влияют на направление социальных идей и содействуют обновлению культурного познания.

Руководство и контроль над средствами массовой информации позволяют Коммунистической партии Китая обеспечить соответствие ценностей, распространяемых медиа, основной социалистической системе ценностей, а также способствовать интеграции и развитию традиционной культуры и современных ценностей.

В будущем, благодаря непрерывному преобразо-

ванию общества и постоянным инновациям в области медиатехнологий, статус и роль средств массовой информации в культурной стратегии Коммунистической партии Китая будут ещё больше укрепляться.

Ожидается, что средства массовой информации за-

ймают более открытую и инклюзивную позицию, унаследуют и будут развивать традиционную культуру, приведут общество к принятию современных ценностей и внесут большой вклад в процветание социалистической культуры с китайской спецификой и счастливую жизнь людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лю Ю. и Чен Х. (2021). Влияние культурной стратегии Коммунистической партии Китая на представительство в СМИ: на примере информационного агентства Синьхуа. *Китайский коммуникационный журнал*, 14 (3), 265–280.
2. Чжан Х. и Ван Л. (2020). Культурная гегемония и медиадискурс в современном Китае: критический анализ. *Международный коммуникационный журнал*, 14, 120–135. Получено с <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/12345>.
3. Ван, Х., и Ли, Q. (2019). Роль традиционной культуры в формировании современных ценностей: исследование конфуцианства в китайских СМИ. *Журнал азиатских исследований*, 72 (4), 567–582.
4. Чен Ю. и Лю М. (2018). Влияние контроля над СМИ на формирование общественного мнения в Китае: сравнительный анализ. *Китайский коммуникационный журнал*, 21 (2), 189–204.
5. Ли Х. и Ву Г. (2017). Современность и традиции: эволюция китайских культурных ценностей в современных средствах массовой информации. *Азиатский коммуникационный журнал*, 30 (3), 345–360.
6. Чжоу, К., и Ян, В. (2016). Трансформация культурной стратегии Коммунистической партии Китая в эпоху цифровых технологий: сравнительный анализ. *Исследования СМИ Китая*, 14(1), 78-93. Получено с <http://www.chinamediaresearch.net>.
7. Ван К. и Чжан Л. (2015). Посредничество традиционной культуры в китайских СМИ: пример гала-концерта весеннего фестиваля CCTV. *Журнал радиовещания и электронных СМИ*, 59 (2), 210–225.
8. Лю Г. и Чжэн Х. (2014). Контроль над СМИ и культурная гегемония в современном Китае: критический обзор. *Китайский коммуникационный журнал*, 17 (4), 456–471.
9. Чжан Ю. и Ван Х. (2013). Влияние культурной стратегии партии на формирование общественного мнения в Китае: продольное исследование. *Журнал современного Китая*, 26 (1), 89–104.
10. Ли, Х., и Чен, Z. (2012). Эволюция китайских культурных ценностей в современных СМИ: историческая перспектива. *Исследования СМИ Китая*, 9(3), 321–336. Получено с <http://www.chinamediaresearch.net>.

© Ли Цзяни (823286146@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОПРОСЫ ДЕСЕМАНТИЗАЦИИ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СЛОВ КАК ОДНОГО ИЗ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

ISSUES OF DESEMANTIZATION OF SIGNIFICANT WORDS AS ONE OF THE WAYS OF FORMING THE FUNCTIONALITY OF LINGUISTIC UNITS

**A. Malkandueva
A. Khamurzova
F. Erzhibova**

Summary: The article covers the issues of one of the types of desemantization of lexical units, which represents the grammaticalization of significant words with their transition to the class of auxiliary ones. As you know, the main function of function words is the connecting function. The problem of function words is associated with the lexico-grammatical classification of the original nominatives, the derivatives of which are some function words. The semantic structure of a sentence, which is the result of the process of adding meanings in a complete utterance, influences the formation of the functionality of lexical units belonging to different parts of speech. Full-meaning words, under the influence of semantic-syntactic conditions, begin to be used as service units. As is known, linguistic units belonging to various significant parts of speech go into the category of function words. The article discusses some issues related to the process, such as the desemantization of significant words belonging to the class of adjectives and participles with a generalized meaning within the framework of a certain construction - N1+Adj+prép.+N2, which is widely represented in modern French. This construction is an expression of the highest degree of actualization of the service connecting function in a statement and is a reflection of various stable subject relations, such as possessive-qualifying and spatio-temporal.

Keywords: function words, significant words, lexico-grammatical classification, construction.

Малкандуева Аминат Хизировна

Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (г. Нальчик)
a.guzieva@mail.ru

Хамурзова Аминат Газалиевна

Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (г. Нальчик)
amina.khamurzova@mail.ru

Эржибова Фатима Александровна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (г. Нальчик)
ershibowa@yandex.ru

Аннотация: В статье освещаются вопросы одного из видов десемантизации лексических единиц, представляющего грамматикализацию знаменательных слов с их переходом в класс служебных. Как известно, основной функцией служебных слов является связующая функция. Проблема служебных слов связана с лексико-грамматической классификацией исходных знаменательных, производными которых являются некоторые служебные слова. Сематическая структура предложения, являющаяся результатом процесса сложения смыслов в законченном высказывании, влияет на формирование служебности лексических единиц, принадлежащих к различным частям речи. Полнозначные слова под влиянием семантико-синтаксических условий начинают употребляться в роли служебных единиц. Как известно, в разряд служебных слов переходят языковые единицы, принадлежащие к различным знаменательным частям речи. В статье рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся процесса, такого как десемантизация знаменательных слов, относящихся к классу прилагательных и причастий с обобщенным значением в рамках определенной конструкции - N1+Adj+prép.+N2, которая широко представлена в современном французском языке. Данная конструкция является выражением высшей степени актуализации служебной связующей функции в высказывании и является отражением различных устойчивых предметных отношений, таких как посессивно-кваликативные и пространственно-временные.

Ключевые слова: служебные слова, знаменательные слова, лексико-грамматическая классификация, конструкция.

Введение

Механизм использования служебных слов в речи обеспечивает конструирование узуально верного и аутентичного высказывания с точки зрения говорящего [9, с.330]. В настоящее время при анализе знаменательных и служебных слов используется прототипический подход, с точки зрения

которого категория содержит центральный элемент, т. е. прототип, и элементы, соотнесенные к области периферии данной категории. Благодаря наличию периферийных зон между категориями нет четких границ. Прототипический подход дает возможность «объяснить существование явлений промежуточно-го характера в области грамматики, в частности, по-новому взглянуть на традиционное деление частей

речи на знаменательные и служебные» [7]. Что касается такой знаменательной части речи, как прилагательное, то ей присуща базовая функция модификации, т. е. функция обозначений свойств. Употребление лексем в несвойственной функции может быть дополнительно маркированным [2]. В настоящее время во многих языках происходит «активное пополнение класса служебных слов за счет знаменательных. Это обусловило повышенный интерес к производным служебным единицам. Производные служебные слова рассматриваются в аспекте грамматикализации» [8, с.52]. Для наименования служебных единиц подобного типа в лингвистике не существует единого термина. Это связано с проблемой лексико-грамматической квалификации служебных слов, образованных на основе знаменательных частей речи. Исследователи относят служебные единицы данного типа к разным лексико-семантическим классам. Ч. Филлмор предлагает рассматривать служебные слова подобного типа в качестве конструкций, план содержания или план выражения, которых не выводится напрямую из значений составных частей конструкций [10]. Термин «служебные» «максимально обобщено передает типичную для данных единиц связующую функцию» [3].

Материалы

В качестве материала анализа выступают словосочетания типа N1+Adj+prép. +N2 во французском языке.

Методы

В статье применяются методы семантического и грамматического анализа в рамках актуального прототипического подхода.

Результаты и обсуждения

Модель типа N1+Adj+prép. +N2 имеет широкое распространение во французском языке, являясь одним из способов выражения категории признака. Например, *des individus doués de talent, une femme pleine de noblesse*. Прилагательные, употребленные в транзитивной позиции, приобретают помимо семантической связной функции, типичную для служебного слова. Связная функция способна актуализироваться, превращаясь в основную, при этом имя прилагательное или причастие начинают использоваться не для обозначения признака, а для присоединения. Таким образом, семантическая функция прилагательного или иной адъективной формы заменяется служебной, связующей, то есть, происходит процесс десемантизации имени как носителя признака.

Как пишет М.С. Слепакова, десемантизация прилагательных и причастий в рамках данной структуры может

иметь место в двух случаях:

- а) прилагательное или причастие обладает обобщенным значением, и его роль в словосочетании приближается к роли служебного слова /предлога/ или словообразовательной морфемы: *une personne dépourvue d'une fortune = une personne sans fortune; son sourire plein de charme = son sourire charmant;*
- б) приобретение лексемой полуслужебной функции обусловлено не столько его синтаксической позицией, сколько семантической избыточностью в конкретном контексте, например, *sa maison entourée d'une grille, une femme vêtue d'une robe mauve, des lumières allumées dans le vide.*

Иллюстративный материал показывает, что адъективные формы -причастия, как и сами прилагательные дублируют значение первого или второго компонента анализируемой структуры [5, с.64]. Прилагательные в сочетании с N2, содержащих итеративную, т. е. частотную сему, присутствующую в семантической структуре прилагательных, называемую «внутреннее дополнение» [1, с.290] десемантизируются в результате семантической избыточности, приобретая обобщенное значение «наличия». Показателем десемантизации прилагательного является возможность перефразирования с опущением прилагательного *une façade haute de trois étages* преобразуется в *une façade de trois étages* [6, с.850]. Десемантизация и строевая функция адъективных предикатов в транзитивном употреблении не позволяет считать присутствующую в их семантике релятивную сему доминирующей [6].

Таким образом, потребность в языковом знаке с точки зрения высказывания значительно сокращается, тем самым на передний план выходит его связующая функция в словосочетании. Прототипический подход позволяет объяснить такое промежуточное явление в области грамматики, так как объекты и их характерные признаки, либо функции оказываются объединенными устойчивыми предметными отношениями, в соответствии с экстралингвистической реальностью. Как пишет С.Д.Кацнельсон: «Обобщенный характер адъективного предиката позволяет в подобных случаях считать, что он составляет единое целое с характеристикой, заключенной в N2, и рассматривать его как «составной» многовалентный предикат, открывающий позицию для носителя предикативного признака» [4, с.66].

Конструкции типа N1+Adj+prép. +N2 с десемантизирующими прилагательными и причастиями находят широкое применение в современном французском языке для выражения различных видов отношений, например, таких как: *посессивно-кваликативные / les murs capitonnés de papiers /, пространственно-вре-*

менные /le sentier menant du parc/, /une dame agée de quarante ans/ и т.д. Она отражает высшую степень актуализации связующей функции. Степень актуализации связующей функции выявляется при анализе степени потенциальной возможности замены адъективных форм предложениями или их опущения в высказывании.

Выводы

Современный прототипический подход объясняет возможные варианты перехода знаменательных адъективных слов в служебные, которые обусловлены их позицией в высказывании, а также семантической избыточностью обобщенного значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М: Добросвет,2000.
2. Гращенков П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация. Рема. Rhema.2018 (4). С.9-33.
3. Григорьева Н.О. Статус полифункциональных слов в системе языка// [http:// vestnik. Adyganet.ru>files/2013.3/2712...](http://vestnik.adyganet.ru/files/2013.3/2712...)
4. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М.:Едиториал УРСС,2002.
5. Слепакова М.С. К вопросу формирования служебности языковых единиц //Семантические аспекты изучения языковых единиц (тезисы докладов к краевой научно-практической конференции). Барнаул,1983. С.63-66.
6. Хуторецкая О.А., Алексейцева Т.А., Кучеренко Н.Л., Миретина М.С. Системная организация французских адъективных предикатов отношения// Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2022.Т.19. Вып.4. С.838-858.
7. Шевченко О.Г. О знаменательных и служебных частях речи с позиций прототипического подхода//izron.ruz.articles/aktualnye-voprosy-i-perspectivy...
8. Шереметьева З.В. Французские предложные выражения 'en forme de' и 'sous (la forme) de': опыт лексикографического, синтаксического и семантического анализа//Вестник Томского государственного ун-та. 2018. №430. С.52-57.
9. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука,1974.
10. Fillmore C.J., Kay P., O'Connor M.C. Regularity, and Idiomaticity in Grammatical constructions: The Case of Let Alone//Language.1988. V. 64, №3. P.501-538.

© Малкандуева Аминат Хизировна (a.guzieva@mail.ru), Хамурзова Аминат Газалиевна (amina.khamurzova@mail.ru), Эржибова Фатима Александровна (ershibowa@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОДОВЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ В СОСТАВЕ УРБАНОНИМОВ МАКАО

GENERIC NAMES IN THE URBANONYMS OF MACAU

A. Nemtinova

Summary: The article is devoted to the description of generic words in the composition of the toponyms and agoronyms of Macau, which are an integral part of geographical names. Macau is a unique place, and its system of names of address objects is of interest to linguists. An analysis of the urbanonyms of Macau has shown that generic names are diverse and contain both commonly used and unique terms peculiar to this area.

Keywords: onomastics, toponyms, urbanonyms, generic words, Chinese language.

Немтинова Алёна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, lena-nemt@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена описанию родовых слов в составе топонимов и агоронимов Макао, которые являются неотъемлемой частью географических названий. Макао является уникальным местом, и его система названий адресных объектов представляет несомненный интерес для лингвистов. Анализ урбанонимов Макао показал, что родовые наименования разнообразны и в своем составе имеют как общеупотребительные, так и уникальные, свойственные только данной местности, термины.

Ключевые слова: ономастика, топонимы, урбанонимы, родовые слова, китайский язык.

Топонимы представляют собой целый пласт лексики и являются неотъемлемой частью истории, культуры, мироощущения народов. Процесс номинации, как правило, связан с необходимостью выделить какой-либо объект с отличительными признаками и свойствами из ряда схожих. В зависимости от особенностей объекта (номинации) топонимы делятся на классы (оронимы, гидронимы, ойконимы и т. д.), среди которых одним из больших по количеству названий является класс урбанонимов.

В ономастике теме исследования урбанонимов, посвящено значительное количество работ таких авторов, как Е.В. Арутюнова, Е.В. Мурзаев, А.В. Суперанская, В.И. Супрун и др. Урбаноним традиционно понимается как «название внутригородского объекта», способного «выполнять адресную функцию» [2, С. 116] и, главным образом, включает топонимы и агоронимы, т. е. наименования улиц и площадей, которые определяются, соответственно, как «два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда» [3, С. 738] и «незастроенное большое и ровное место (в городе, селе), от которого обычно расходятся в разные стороны улицы» [там же, С. 464].

Урбанонимы имеют двухкомпонентную структуру и представлены именем собственным (индивидуальным компонентом) и именем нарицательным, т. е. номенклатурным термином или, как его принято называть, родовым словом (наименованием), обозначающим вид и тип объекта номинации.

Родовые слова по мнению М.В. Всеволодовой – это такие имена, которые характеризуют какой-либо объект, входящий в некое множество. Как разряды строевых слов родовые слова могут быть сопоставлены с классификаторами, которые выражают «таксонимические от-

ношения между участниками ...ситуации...» [5, С. 18]. Однако классификаторы выражают таксонимические отношения между понятиями, а родовые слова – между классами вещей [там же, С. 19]. В урбанонимах основной позицией для родовых слов является «позиция приложения при имени собственном...» [там же, С. 19] и они (родовые слова) выполняют идентифицирующую функцию.

В названиях, в большинстве случаев, лингвистическому анализу подвергается имя собственное, хотя «номенклатурные термины составляют неотъемлемую часть географических названий» [1, С. 23 (со ссылкой на Суперанскую)]. Стоит отметить, что анализ номенклатурных терминов является не менее важным. Родовые слова в некоторых случаях могут становиться частью имени собственного, в других случаях – наименование объекта не употребляется без родового слова в силу особенностей языка.

В китайском языке ряд топонимов невозможно употребить без родового слова, например, Хуаншань (горы Хуаншань huángshān 黄山), родовое слово «гора» (шань), Сиху (озеро Сиху xīhú 西湖), родовое слово «озеро» (ху) и т. д. Это касается также и названий части внутригородских объектов. Номенклатурные термины урбанонимов в китайском языке в подавляющем большинстве не могут быть сокращены, в том числе, и из-за того, что одно имя собственное, сочетаясь с разными родовыми словами, будет относиться к различным типам объектов в городе, например, улица, площадь, переулок, мост. Одинаковые наименования в сочетании с разными городскими объектами – это явление достаточно распространенное, однако, если, например, в русском языке, при устном общении они могут быть опущены, то в китайском языке чаще наблюдается обратная ситуация, употребление родовых слов в составе урбанонимов скорее является облигаторным.

Макао является уникальным местом и его урбанонимическая система представляет несомненный интерес для лингвистов. Макао (или Аомэнь) - специальный административный район КНР включает территории двух островов (Тайпа, Колоане) и полуостров Аомэнь. Территории Макао со времен династии Цинь (246–207 гг. до н. э.) являлись частью уезда Паньюй в составе Наньхайцзунь (территории современной провинции Гуандун). Позже, в 1152 году, когда эти территории входили в состав уезда Сяншань, появились письменные памятники с упоминанием о Макао. Начиная с XVI века здесь стали образовываться первые европейские поселения, основанные португальцами.

С 1573 года для португальцев была установлена ежегодная рента за землю в 500 лянов серебра, хотя соглашение было подписано позже, в 1582 году. Несмотря на то, что португальцы полностью управляли территориями, Макао все равно находился под юрисдикцией Китая. После ослабления Китая в результате опиумных войн, в период назначения 79-го губернатора Макао Феррейра ду Амарала, португальцы отказались выплачивать ренту и изгнали цинских чиновников. «Договор о дружбе и торговле между Китаем и Португалией» 1887 года определил статус территории Макао как португальской колонии. В 1987 году была подписана совместная декларация между Китаем и Португалией, согласно которой Макао с 1999 года переходил под юрисдикцию КНР.

Номенклатурные слова в названиях улиц отражают именно пространственную реальность и могут быть представлены «как топонимическая картина мира» [6, С. 5]. Г.П. Смолицкая, М.В. Горбаневский подчеркивают, что названия внутригородских объектов - «неотъемлемая часть жизни общества, ... представляют...ценность с точки зрения истории народа и его культуры» [7, С. 6].

Интересно отметить, что несмотря на наличие типологического сходства в названиях городских объектов, существуют значительные расхождения в родовых словах урбанонимов в языках, что косвенно может свидетельствовать о различиях в членении окружающей социокультурной действительности.

В Макао в настоящее время насчитывается более 1000 улиц. Материалом для исследования послужил список из 847 наименований основных адресных объектов, включающий 754 названия улиц и площадей и 93 названия парков, районов и др. [9]. Анализу подверглись 754 урбанонима. В названиях улиц и площадей было выделено 17 родовых слов, из которых наиболее частотными являются, являются 街 jiē цзе, 巷 xiàng сянь, 大马路 dà mǎ lù да-малу, 马路 mǎ lù малу, 前地 qiándì цянъди, 圆形地 yuán xíng dì юаньсинди. Остановимся на них подробнее

В процентном соотношении наибольшее количество

улиц, 49.6 %, обозначается словом цзе (街 jiē). Объяснение данной лексической единицы можно найти уже в одном из первых китайских словарей «Шовэнь цзецы» (25–206 гг. н. э.). Цзе трактуется как место, дорога, улица, с которой имеется сообщение по всем направлениям [8, С. 273]. Согласно определениям в современных толковых словарях китайского языка цзе – это широкая дорога, по двум сторонам которой расположены дома и строения. Например, 松树街 sōngshùjiē Суншуцзе (sōngshù – сосна), 樟树街 zhāngshùjiē Чжаншуцзе (zhāngshù – камфорное дерево), 和睦街 hé mù jiē Хэмуцзе (hé mù – согласие), 火船头街 huǒ chuán tóu jiē Хочуаньтоуцзе (huǒ chuán tóu – форштевень).

Более 13% названий содержат родовое слово сянь (巷 xiàng), что можно перевести как переулок. Изначально сянь, согласно объяснениям в словаре «Шовэнь цзецы», трактовалось как путь, проезд, проход между линиями 邻 lín, административными единицами в 5, реже, 8 дворов или между линиями 里 lǐ, поселениями в 25 дворов [8, С. 899–900]. Например, 小贩巷 xiǎofànxiàng Сяофаньсянь (xiǎofàn – мелкий торговец, лоточник), 山洞巷 shāndòngxiàng Шаньдунсянь (shāndòng – пещера), 天竹巷 tiānzhúxiàng Тяньчжусянь (tiānzhú – нандина). Исходя из объяснений и описаний вышеуказанных слов в китайских словарях, следует, что улицы, которые обозначены цзе значительно шире и длиннее, чем сянь. В современных источниках по градостроительной политике сказано, что улицы, обозначаемые как сянь, обеспечивают сообщения, прежде всего, в микрорайонах.

Следует подчеркнуть, что улицы с родовыми словами цзе и сянь, являются контрастными антонимами, т. е. «образуют градуальную ...опозицию» [4] и часто употребляются вместе в значении «все улицы и переулки», встречаются в идиоматических оборотах, например, 街头巷尾 jiētóuxiàngwěi – повсюду, на всех улицах, на каждом углу, 街谈巷议 jiētánxiàngyì – уличные толки и т. д.

По пространственным характеристикам близкими к родовому слову сянь считаются номенклатурные термины 里 lǐ и 围 wéi со значением переулок, небольшая улица (указанный выше иероглифический знак 里 lǐ имеет несколько значений: поселение, переулок и др.).

В исследуемом материале на них приходится по одному проценту от общего количества названий. Исследователи часто объединяют три термина (сянь, ли, вэй) в одну группу, в связи с чем количественные данные по выделенным категориям в источниках разнятся. Прежде всего, это связано с тем, что во многих случаях допускается номинация одного объекта, в нашем случае улиц, в двух вариантах с двумя разными номенклатурными терминами, при этом два названия указываются через знак косой черты. Взаимозамены обнаруживаются прежде всего для пар родовых слов: сянь - ли, ли - вэй. На-

пример, 千日红围/千日红里 qiānrìhóngwéi / qiānrìhónglǐ
тяньжихунвэй / тяньжихунли (qiānrìhóng гомфрена).

Собственное значение вэй – окружать, охватывать, пределы. Как родовое слово имеет значение небольшой улицы без сквозного проезда, что скорее будет соответствовать в русском языке термину «тупик». Изначально вэй в Макао обозначали частные владения, что и обуславливает отсутствие возможности подъезда с нескольких сторон, например, 玫瑰围 méiguīwéi Мэйгуй-вэй (частное владение «Роза»).

Более 20% названий улиц употребляются с родовыми наименованиями малу 马路 mǎlù и дамалу 大马路 dà mǎlù, со значением дорога, прежде всего предназначенная для движения транспортных средств, т. е. проезжая часть. Иероглиф лу, который входит в состав двух терминов, в словаре «Шовэнь цзецзы» объясняется как путь, дорога, в том числе и жизненный путь человека [8, С. 299]. В прямом значении термин лу обозначает улицу по пространственным характеристикам больше, чем цзе. Малу и дамалу в китайском языке предполагают различие по принципу градуальной оппозиции, т. е. дамалу больше, чем малу. Однако, анализ исследуемого материала показал, что в Макао эти термины различаются не по пространственным характеристикам. Названия с номенклатурным термином дамалу, в отличие от малу, в качестве индивидуального компонента часто содержат имена людей (известные политические, исторические деятели и др.), например, 马济时总督大马路 Mǎjìshí zǒngdū dà mǎlù Мацзишицзунду дамалу (улица генерала-губернатора Хайме Сильвериио Маркеса).

Родовые наименования площадей составляют чуть более 8% от общего числа исследуемых урбанонимов.

Самыми частотными являются номенклатурные термины юаньсинди 圆形地 yuánxíngdì и цяньди前地 qiándì. Юаньсинди – круглая по форме и с круговым движением площадь, в центре которой есть зеленые насаждения. Площадь либо связывает несколько улиц, являясь их отправной точкой, либо представляет собой вариант перекрестка. Цяньди – это просторное и широкое место под открытым небом, как правило, перед католическими храмами или административными зданиями, что и отражается в собственном значении термина (цянь – впереди). Многие из них украшены каменной мозаикой и фонтанами по центру. С течением времени площади постепенно стали для горожан местом отдыха, проведения культурных, развлекательных и иных мероприятий и утратили статус религиозного и политического центров. Некоторые из площадей цяньди, расположенных в историческом центре Макао, вошли в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, например, 岡頂前地 Gāngdǐngqiándì Гандинцяньди (площадь Святого Августина). В китайском языке выше рассмотренные термины для площадей не употребляются и не являются лексическими единицами, входящими в нормативные словари (китайского языка). Они являются особыми родовыми наименованиями урбанонимов Макао, которые сложились под влиянием португальского языка и местных диалектов, в частности диалектов группы Юэ, и отражают специфику процесса номинации.

Таким образом, номенклатурные термины городских объектов специального административного района Макао являют собой систему названий, включающую как общепотребительные родовые слова, имеющие хождение на всей территории Китая, так и специфические наименования, свойственные только данной местности и отражающие ее культурно-исторические особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Е.В., Бешенкова Е.В., Иванова О.Е. Лингвистические основы современного написания топонимов (к теории орфографического правила) // Известия РАН. Серия литературы и языка / Studies literature and language. 2021. Т.80. №1. С. 21–41.
2. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т.14. №2. С. 115–125.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз. 1981. 816 с.
4. Пустошило Е.П. Лексикография. Фразеология. Лексикография: Учебно-методическое пособие по русскому языку для студентов педагогических специальностей. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2011. https://ebooks.grsu.by/pustoshilo_lang/index.htm (дата обращения 06.02.24).
5. Сенина И.С. Классификаторы и родовые слова: функциональный аспект // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». №1. 2013. С. 17–23.
6. Сизова Е.А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.02.20. Пятигорск, 2004. 17 с.
7. Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М.: Наука. 1982. 176 с.
8. Тан 2002 - 湯可敬, 說文解字今釋 / 長沙: 岳麓書社. 2002年. 2468 頁數 [Тан К. Шовэнь цзецзы с комментариями. Изд-во Юэлу. Чанша, 2002. 2468 с.]
9. <http://www.mzcd.com/aomen/diming> (дата обращения 12.08.2023).

© Немтинова Алёна Владимировна (lena-nemt@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИИ «СТРАХ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА В. ИРВИНГА «THE SLEPPY HOLLOW»)

Нестерова Анна Михайловна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации», (г. Москва)
amnesterova@fa.ru

WAYS OF REPRESENTING THE EMOTION OF "FEAR" IN A LITERARY TEXT (USING THE EXAMPLE OF V. IRVING'S SHORT STORY "THE SLEPPY HOLLOW"

A. Nesterova

Summary: The article examines various ways of expressing emotions in a literary text, provides examples of the representation of the emotion "fear" from Washington Irving's short story "Sleepy Hollow". The author classifies lexemes into several groups and identifies the ratio of verbal and non-verbal ways of expressing the emotion "fear" in the text.

Keywords: emotions, literary text, verbal and non-verbal ways of expressing emotions, Washington Irving, Sleepy Hollow.

Аннотация: В статье рассматриваются различные способы выражения эмоций в художественном тексте, приводятся примеры репрезентации эмоции «страх» из рассказа Вашингтона Ирвинга «Сонная лощина». Автор классифицирует лексемы по нескольким группам и выявляет соотношение вербальных и невербальных способов выражения эмоции «страх» в тексте.

Ключевые слова: эмоции, художественный текст, вербальные и невербальные способы выражения эмоций, Вашингтон Ирвинг, Сонная Лощина.

На современном этапе развития науки не вызывает сомнений мысль о том, что эмоции являются неотъемлемой частью сущности и жизни человека. Они оказывают влияние на его поведение, деятельность, социальные отношения и отношения с окружающей средой. Эмоции, являясь значимой частью существования человека, нашли свое отражение и в художественной литературе. Художественные произведения призваны описать и донести до читателя весь эмоциональный спектр, доступный человеку, перенести его в ту атмосферу, показать те переживания, что испытывает герой. Поэтому изучение художественной литературы с точки зрения анализа в ней эмотивной лексики, представляет особый интерес на сегодняшний день.

Цель настоящей статьи состоит в исследовании способов выражения эмоции «страх» в английском языке на примере рассказа В. Ирвинга «Сонная лощина».

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть способы выражения эмоций в художественном тексте, проанализировать рассказ В. Ирвинга «The sleepy hollow» и выделить примеры обозначения эмоции «страх» в тексте рассказа, выявить вербальные и невербальные способы выражения эмоции страха.

Структурная сложность человеческих эмоций, определенные выражения, частое использование метафор и важность контекста для идентификации эмоций,

так же, как и кросс-культурные и внутрикультурные особенности выражения эмоций, ставит проблему их выявления по тексту выше проблемы их классификации.

Выражение эмоций очень чувствительно к контексту и сложно. Эта сложность объясняется различными причинами: во-первых, ее связь с множеством личных и контекстуальных обстоятельств; во-вторых, выражение эмоций часто состоит из их совокупности, а не просто из одной четко определенной; и, в-третьих, неясным лингвистическим использованием эмоциональных терминов [1].

Карла Баззанелла в своей работе «Emotions, language and context» отмечает, что сложность эмоций можно рассматривать на нескольких уровнях — «взаимодействие с разумом / языком / поведением / культурой, лексико-семантическая проблема, количество коррелирующих физиологических и неврологических особенностей, их универсальность или относительность и т. д.» [1].

Реальные эмоции более живые, экспрессивные, так как выражаются не только вербальными, но и невербальными знаками. Они охватывают все разнообразие существующей эмоциональной палитры. Художественная коммуникация не гармонирует с речевой коммуникацией. Художественный текст создается на основе приемов, если в естественной коммуникации мимика и жесты спонтанны, то в тексте они детально продумываются и призваны дополнить художественный образ [3]. Тем не менее, литература всегда эмотивна — это явля-

ется необходимым приемом для формирования литературного образа, описания чувств и мыслей персонажей, взаимоотношения между героями [7, 37]. Так, Шаховский В.И. уверен, что «в художественном тексте эмоции наблюдаются не прямо, а через специфические языковые знаки, которые материальны, наблюдаемы и служат для манифестаций эмоций» [8, 11].

Репрезентация эмоций в языке, учитывает взаимодействие различных элементов и категорий, отражает особенности их использования в реальной и художественной речи, классифицируется на несколько категорий (классификация Н.Ф. Ежовой):

1. слова, напрямую называющие различные эмоции и чувства – каждое чувство и эмоция имеют в тексте свою номинацию, для этого существует система лексем, которая предназначена для их называния.
2. эмотивные средства – лексические единицы, помогающие раскрыть эмоции и чувства через речевую ситуацию или контекст.
3. слова, описывающие эмоции и чувства человека – непосредственное описание эмоций и чувств [6].

Эмоции выражаются как языковыми, так и неязыковыми средствами, которые определяются целями коммуникации. Язык, несомненно, является важнейшим средством репрезентации эмоций, тем не менее, в условиях конкретного речевого акта могут использоваться и неязыковые средства, которые в зависимости от условий коммуникации позволяют оказывать большой эффект на собеседника. Исходя из этого, необходимо изучать эмоциональную сферу говорящего, рассматривая как вербальные, так и невербальные средства коммуникации, включающие в себя жесты, мимику, позу и др.

Рассмотрение страха как отдельной эмоциональной части человеческой природы и речи, отличной от подобных феноменов, позволяет утверждать, что эта эмоция — реальная часть человеческой жизни, и она связана, в основном, с нарушением чувства безопасности, спокойствия и стабильности. Это «чувство внутренней напряженности, непосредственной опасности для жизни в ожидании угрожающих событий, действий» [5]. Страх сопровождается разнообразными вегетативными расстройствами и может обретать разные формы выражения — от неопределенного чувства неуверенности или опасности до ужаса.

По классификации К. Изарда, страх является базовой, или фундаментальной, эмоцией. Он выделил положительные эмоции, такие как, интерес, радость, удивление, а также отрицательные — страдание, гнев, отвращение, презрение, сюда можно отнести стыд и вину [4]. Среди всех упомянутых эмоций страх является самой сильной.

Учитывая все вышесказанное, мы предполагаем, что в выбранном нами художественном тексте наиболее детальное описание эмоции страха происходит за счет привлечения внимания читателя к окружающей героя обстановке, глазам, цвету лица, позы и так далее. Сюда же можно отнести робкие, нерешительные движения, заикание, запинание, уменьшение силы голоса, паузация, и, даже, слезы.

Наиболее подробно данный вопрос рассмотрен далее на примере проанализированного рассказа Вашингтона Ирвинга «The legend of sleepy hollow / Сонная Лощина».

Рассмотрим примеры вербального выражения эмоции страх с позиции автора.

Наиболее многочисленная группа лексем — напрямую называющая эмоцию страха.

«I had wandered into it at noontime, when all nature is peculiarly quiet, and was startled by the roar of my own gun» / «Я забрел туда в полдень, когда природа особенно тиха, и был напуган звуком собственного ружья» - в данном примере автор напрямую называет эмоцию героя, которая на контрасте с невербальным описанием природы усиливает передачу страха. Подобный смысл передает и следующий пример: *«The fire-flies which sparkled most vividly in the darkest places, now and then startled him» / «Светлячки, сверкающие в самых темных местах, пугали его»* [5].

Крайняя степень страха — ужас, помогает автору подчеркнуть напряженную атмосферу прогулки героя до дома. Он пишет: *«The terrors of his subsequent walk homewards» / «Ужасы его последующей прогулки до дома»; «For a moment the terror wrath passed across his mind» / «На мгновение ужас промелькнул в его сознании»* [2].

В. Ирвинг также использует существительные horror, desperation — *«His horror was still more increased» / «Его ужас возрастал»; «His terror rose to desperation» / «Его ужас перерос в отчаяние»*. Данные выражения описывают такую степень страха, которая может быть вызвана чем-то масштабным и неизведанным [2].

Как известно, страх вербализируется с помощью различных частей речи, что В. Ирвинг активно показывает в рассказе для передачи эмоций. Автор использует прилагательные, которые не только выражают анализируемую эмоцию, но и являются однокоренными словами к понятию «fear» - *«... fearful shapes and shadows beset ...» / «... страшные очертания и тени ...»; «... fearful sights which he had seen in his nightly walks about Sleepy Hollow» / «... страшные зрелища, которые он видел во время своих ночных прогулок по Сонной лощине»* [2].

Важно отметить синонимичные слова, выражающие

страх, например, словосочетание «to be appalled by», которое относится к группе слов, которые выражают страх, не называя его напрямую, однако, читатель соотносит его именно с той эмоцией, которую хочет передать автор: «How often was he appalled by some shrub covered with snow...» / «Как часто он был шокирован от какого-нибудь занесенного снегом кустарника...» [2].

Следующая группа, лексика, выражающая эмоции, немногочисленна. Страх может передаваться не только точными лексемами, но и паузами, повторением слов и тому подобное. Паузы на письме обозначаются многоточием. Авторская речь раскрывает эмоцию страха, например, с помощью глаголов говорения. Однако герой произведения может не только «кричать от ужаса», но и, наоборот, молчать или заикаться. В контексте анализируемого произведения автор сделал акцент именно на заикании, так как данный глагол может передавать не только неуверенность героя, но и крайнюю степень страха, сравнимую с ужасом. Более того, автор подчеркивает это с помощью оборота «a show of courage — собравшись с духом», который подтверждает то, что герой испытывает страх, а не что-либо другое — «A show of courage, he demanded in stammering accents, "Who are you?"» / «Собравшись с духом, он, заикаясь, спросил: Кто ты?» [2].

Последняя группа вербального выражения эмоции страх – это описание эмоции. В этом случае автор не называет напрямую чувства, не выражает их синонимами, а репрезентует эмоции героя, раскрывая сущность страха через слова и выражения, которые при общем прочтении создают атмосферу описываемой эмоции. В данном тексте неоднократно упоминается колдовство, волшебство, например, - «Certain it is, the place still continues under the sway of some witching power, that holds a spell over the minds of the good people, causing them to walk in a continual reverie» / «Несомненно, это место все еще находится под властью какой-то колдовской силы, которая околдовывает умы добрых людей, заставляя их пребывать в постоянной задумчивости» [2].

Колдовская сила или волшебство зачастую ассоциируется у читателя с необъяснимым и нерациональным явлением, что, в данном случае, помогает автору углубить эмоцию неизведанного ужаса.

Эмоция страха усиливается при определенных обстоятельствах, например, когда человек совсем этого не ожидает, или наоборот заранее «напуган». Так, в своем рассказе В. Ирвинг использует словосочетание «to lull one to repose» — убаюкать кого-то, успокоить, что в контексте описания Сонной Лощины, приводит читателя в спокойное состояние, наступает эмоциональное расслабление, и неожиданное событие вызывает большее волнение и степень страха, рассмотрим на полном примере: «A small brook glides through it, with just murmur enough

to lull one to repose; and the occasional whistle of a quail or tapping of a woodpecker is almost the only sound that ever breaks in upon the uniform tranquility» / «По нему протекает небольшой ручеек, журчания которого достаточно, чтобы убаюкать человека; и случайный свист перепела или постукивание дятла - почти единственный звук, который когда-либо нарушает это равномерное спокойствие» [2].

Как мы уже упоминали, невербальные компоненты коммуникации помогают более точно передать то, что невозможно передать вербальным способом. Невербальные, или паралингвистические, средства являются зачастую более информативными, чем вербальные. Важно отметить, что эмоция «страх» является той эмоцией, которую человек пытается не демонстрировать, поэтому именно анализ невербальных средств выражения дает более точное понимание данной эмоции. Однако, необходимо, верно, трактовать позу, мимику, жесты или движения для правильной расшифровки того, что хотел передать автор.

Первое, на что обращаешь внимание – это мимика и внешность героя. В. Ирвинг не часто использует лексемы, относящиеся к этой категории. Так, в тексте автор использует различные метафоры, эпитеты, сравнения для описания внешности одного из героев – «He was tall, but exceedingly lank, with narrow shoulders, long arms and legs, hands that dangled a mile out of his sleeves, feet that might have served for shovels, and his whole frame most loosely hung together» / «Он был высок, но чрезвычайно худощав, с узкими плечами, длинными руками и ногами, кисти которых на целую милю высывались из рукавов, ступни, которые могли бы служить лопатами, и все его тело было очень неплотно сколочено» [2].

Довольно подробное изображение внешности персонажа дает возможность понять, что он «подходит» Сонной Лощине, является воплощением этого места в лице человека. Даже лошадь, которую Икабод Крейн взял у старого голландца фермера, как будто уже мертва – «He was gaunt and shagged, with a ewe neck, and a head like a hammer; his rusty mane and tail were tangled and knotted with burs; one eye had lost its pupil, and was glaring and spectral, but the other had the gleam of a genuine devil in it» / «Он был изможденный и лохматый, с овечьей шеей и головой, похожей на молот; его ржавая грива и хвост были спутаны и опутаны колючками; один глаз потерял зрачок и был ослепительным и призрачным, но в другом горел настоящий дьявольский огонек» [2].

Воплощением страха в рассказе В. Ирвинга является всадник, легенды о котором рассказывались в течение многих лет. Описание его внешности позволяет автору использовать этого героя, как олицетворение самого ужаса — «...something huge, misshapen and towering <...> seemed gathered up in the gloom, like some gigantic monster

ready to spring upon the traveler» / «... что-то огромное, бесформенное и возвышающееся <...> казалось, сгустилось во мраке, подобно какому-то гигантскому чудовищу, готовому прыгнуть на путника» [2].

Большое значение В. Ирвинг уделяет звукам, которые помогает ему создать атмосферу страха, ужаса. Например, шорох, крик, звуки, которые передают внезапность, и у автора «будоражат воображение», как в предложении - «...*the moan of the whip-poor-will from the hillside, the boding cry of the tree toad, that harbinger of storm, the dreary hooting of the screech owl, or the sudden rustling in the thicket of birds...*» / «...стон козодоя с холма, предзнаменующий крик древесной жабы, как предвестник бури, тоскливое уханье пронзительной совы или внезапный шорох в чаще птиц...» [2].

Отсутствие звука, полнейшая тишина также является важной чертой описания сонной долины, которая показывает, насколько обманчиво бывает внешнее спокойствие какого-либо места - «...*there is a little valley <...> which is one of the quietest places in the whole world*» / «небольшая долина <...> которая является одним из самых тихих мест во всем мире» [2].

Следующая важная составляющая невербального выражения страха в рассказе — это описание природы. Атмосфера, витающая в воздухе, передает эмоциональное напряжение. Описание вечера и ночи подводит читателя к пониманию, что Сонная Долина - необычное место: «*Its limbs were gnarled and fantastic, large enough to form trunks for ordinary trees, twisting down almost to the earth, and rising again into the air*» / «Его ветви были корявыми и фантастическими, достаточно большими, чтобы образовывать стволы обычных деревьев, изгибаясь почти до земли и снова поднимаясь в воздух» [2]. Сумерки и ночь — время, которое означает появление неизвестных человеку существ. В данном контексте автор использует большое количество эпитетов для достижения эффекта: «*Far below him the Tappan Zee spread its dusky and indistinct waste of waters...*» / «Далеко под ним расстилалась темная и расплывчатая водная гладь Таппан-Си...»; «*The night grew darker and darker; the stars seemed to sink deeper in the sky, and driving clouds occasionally hid them from his sight*» / «Ночь становилась все темнее и темнее; звезды, казалось, все глубже погружались в небо, и набегающие тучи время от времени скрывали их от его взора» [2].

Большая роль в невербальном выражении эмоций отводится психофизиологическим реакциям и движениям героя. Важнейшим элементом репрезентации страха с точки зрения физиологии является описание частей тела и органов человека. Например, автор использует фразеологизм «волосы встали дыбом» для изображения первой реакции Икабода на что-то темное и необъяснимое для него: «*The hair of the affrighted pedagogue rose*

upon his head with terror» / «Волосы на голове перепуганного педагога встали дыбом от ужаса» [2].

Главный орган в теле человека, отвечающий сильной реакцией на любые чувства — это сердце. С лексемой «сердце» в языках существует множество метафор, фразеологизмов и других стилистических средств, которые авторы используют для выражения чувств героя. Стоит отметить, что они могут выражать почти весь спектр эмоций и чувств — от любви до страха. Так, в рассказе В. Ирвинг с помощью словосочетания «сердце заколотилось» изображает момент поездки Икабода к дому, во время которой он вспоминает историю об Андре: «*As he approached the stream, his heart began to thump...*» / «Когда он приблизился к ручью, его сердце учащенно забилося...» [2].

Следующий пример иллюстрирует сразу несколько приемов. Автор помимо лексемы «сердце», передает страх героя такой реакцией, как «язык прилип к небу», что усиливает степень испытываемой эмоции: «*His heart began to sink within him; he endeavored to resume his psalm tune, but his parched tongue clove to the roof of his mouth, and he could not utter a stave*» / «Сердце его замерло; он попытался возобновить напев псалма, но пересохший язык прилип к небу, и он не мог вымолвить ни слова» [2].

Реакция тела человека на страх так же вполне однозначна и предсказуема. Зачастую он замирает, боится сделать лишнее движение. Так же, и Икабод, рассказывая о своих впечатлениях, о месте под названием Сонная Долина, описывает свои ощущения от этого места именно при помощи лексем, связанных с телом: «*How often did he shrink with curdling awe at the sound of his own steps on the frosty crust beneath his feet...*» / «Как часто он сжимался от леденящего страха при звуке собственных шагов по ледяной корке у себя под ногами...» [2].

Движения человека во время того, как он испытывает страх, не ограничиваются вышеуказанными. Они являются главными элементами поведения, которые помогают в интерпретации данной эмоции. Пытаясь убежать от своего ужаса, от всадника, Икабод «...*rained a shower of kicks and blows upon Gunpowder, hoping by a sudden movement to give his companion the slip; but the spectre started full jump with him*» / «...обрушил на Пороха град пинков и ударов, надеясь внезапным движением ускользнуть от своего товарища; но призрак начал прыгать вместе с ним» [2].

Погоня призрака-всадника за Икабодом – самая яркая часть рассказа, пропитанная эмоцией страха. После того, как всадник метнул в героя свою голову, Икабод падает, автор усиливает испытываемую героем эмоцию с помощью сравнительной конструкции: «<...> *Gunpowder, the black steed, and the goblin rider, passed by like a whirlwind*» / «Порох, черный конь и всадник-гоблин пронеслись мимо, как вихрь» [2].

Таким образом, невербальные средства выражения эмоции страх, такие как жесты, движения, описание внешности и атмосферы, в которой происходят события, играют ведущую роль в художественном произведении. Как показал проведенный нами анализ, количество лексем паралинг-

вистического типа превосходит по количеству вербальные средства. Мы можем сделать вывод, о том, что в репрезентации эмоции страха языковые средства играют вспомогательную роль, а невербальные помогают более точно распознать и понять чувства, испытываемые героями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bazzanella Carla Emotions, language and context [Электронный ресурс] // Emotion in dialogic interaction: Advances in the Complex, 2004. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/283766882_Emotions_language_and_context (дата обращения: 07.03.2024).
2. Irving W. The legend of Sleepy Hollow [Электронный ресурс] // The Project Gutenberg, 1992. Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/41/41-h/41-h.htm> (дата обращения: 17.03.2024).
3. Волкова А.Е. Проблема выражения эмоций в языке и художественных текстах [Электронный ресурс] // Молодой ученый, 2021. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/358/80075/> (дата обращения: 07.03.2024).
4. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции [Электронный ресурс] // Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1971. Режим доступа: https://4italka.su/nauka_obrazovanie/psihologiya/162335/fulltext.htm (дата обращения: 18.03.2024).
5. Оскорбина А.Л. Определение эмоции страха и ее дифференциация от других эмоций. Дифференциация смежных понятий: тревога, фобия, тревожное расстройство [Электронный ресурс] // Труды Дальневосточного Государственного Технического Университета, 2006. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15243562> (дата обращения: 18.03.2024).
6. Сидоренко А.С. Основные направления в исследовании сущности и объема категории эмотивности [Электронный ресурс] // Могилевский государственный ун-т, 2010. Режим доступа: <https://libr.msu.by/bitstream/123456789/536/1/180m.pdf> (дата обращения: 18.03.2024).
7. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учеб. Пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та [Текст] / В. И. Шаховский. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.
8. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций [Текст] //Язык и эмоции: Сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 1995. С. 3–15.

© Нестерова Анна Михайловна (amnesterova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ ИСПАНСКИХ ЛИДЕРОВ

Пупырева Светлана Олеговна

старший преподаватель, Казанский федеральный
университет
svopupyreva@kpfu.ru

METAPHORS IN THE POLITICAL RHETORIC OF SPANISH LEADERS

S. Pupyreva

Summary: This study analyzes the role of metaphors in the political discourse of Spanish leaders. Using the messages of Pedro Sanchez and Pablo Casado as an example, the most frequently used semantic groups of metaphors are highlighted, among which are military, sports, gastronomic and magical. Their role in political discourse and their influence on the formation and interpretation of political messages are described. The study allows us to understand how metaphorical expression serves as a tool of persuasion and manipulation in political rhetoric.

Keywords: political discourse, political leaders, military metaphor, sports metaphor, gastronomic metaphor, magical metaphor.

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу роли метафор в политическом дискурсе испанских лидеров. На примере сообщений Педро Санчеса и Пабло Касадо выделены наиболее часто употребляемые семантические группы метафор, среди которых выделяются военная, спортивная, гастрономическая и магическая. Описана их роль в политическом дискурсе и их влияние на формирование и интерпретацию политических сообщений. Исследование позволяет понять, как метафорическое выражение служит инструментом убеждения и манипуляции в политической риторике.

Ключевые слова: политический дискурс, политические лидеры, военная метафора, спортивная метафора, гастрономическая метафора, магическая метафора.

Использование метафор в политическом дискурсе является мощным инструментом формирования общественного мнения, влияющим на восприятие политических событий и решений. В контексте испанской политической сцены, где культура и история играют значительную роль, метафоры приобретают особую важность, отражая не только политические концепции, но и национальную идентичность.

Исследование использования метафор в политической риторике испанских лидеров представляет собой значимый аспект анализа политической коммуникации. На протяжении многих лет политики в Испании активно используют метафоры, чтобы обозначить свои политические стратегии, выразить свои убеждения и убедить аудиторию в правильности своих решений.

Цель данного исследования состоит в анализе метафор в политическом дискурсе испанских лидеров партий. Мы стремимся выявить, какие семантические группы метафор используются в испанской политической риторике. В рамках настоящего исследования был проведен качественный и количественный анализ сообщений двух политических лидеров, Педро Санчеса и Пабло Касадо, которые возглавляют политические партии – PSOE и PP. Материал исследования представляет собой корпус, включающий 272 сообщения, опубликованных в период предвыборной кампании всеобщих выборов в Испании в ноябре 2019 года.

Метафора в политическом дискурсе изучалась мно-

гими исследователями [1], [3]. По семантическому признаку выделяют несколько типов метафор, анализ показал, что в дискурсе Педро Санчеса одним из наиболее распространенных является спортивная метафора. Многие лингвисты отмечают популярность использования спортивных метафор в политическом дискурсе [4], [6]. Выборы часто представляются в виде спортивной борьбы, как, например, в следующем сообщении:

(8/11/2019) #BuenosDías, empezamos en unos minutos, junto a @AngelsBarcelo, en la @La_SER. Estamos **en la recta final para decir sí, Sí al avance** ... [7]. – ‘Доброе утро, стартуем через несколько минут вместе с @AngelsBarcelo в @La_SER. Мы находимся на финишной прямой, чтобы сказать «да», «ДА» прогрессу ...’ (здесь и далее перевод наш – П.С.)

Выражение “recta final” в спорте обозначает последний участок соревнования, перед тем как спортсмены достигнут финиша. В данном контексте использование этой метафоры подчеркивает, что испанцы находятся на завершающем этапе кампании и П. Санчес призывает к решительному усилию перед принятием решения.

Также в дискурсе П. Санчеса нами было отмечено использование гастрометафор. Примером служит следующее сообщение:

(7/11/2019) La **ultraderecha frivoliza con la #crisisclimática y en el #MarMenor vemos las consecuencias. El expolio medioambiental es pan para hoy y hambre para mañana. El @PSOE defiende la prosperidad para hoy y para las siguientes generaciones, respetando el medio ambiente.** [7]. – ‘Крайне

правые легкомысленно относятся к #климатическому-кризису, и в #МаломМоре мы видим последствия. Разграбление окружающей среды – это хлеб сегодняшнего дня и голод завтрашнего дня. @PSOE защищает процветание сегодняшнего дня и будущих поколений, уважая окружающую среду!

Метафора “*pan para hoy y hambre para mañana*” означает краткосрочную выгоду за счет долгосрочных негативных последствий. В данном контексте эта метафора подчеркивает критику ультраправых за их отношение к экологическим проблемам и выражает предпочтение подхода, призывающего к защите окружающей среды в интересах будущих поколений.

В дискурсе П. Касадо было отмечено наиболее частотное употребление военных и магических метафор.

Военная метафора является доминирующей при избрании конфликтных тем в СМИ, и вовсе не ограничивается вооружёнными конфликтами [2]. Примером может служить следующее сообщение:

(3/11/2019) *Como le dijo Alfonso Guerra a Sánchez tras la foto de Pedralbes, no estamos en Yemen o Burkina Faso... No hace nada porque es **rehén** de los independentistas; tendrá que poner orden el PP después del #10N* [7]. – ‘Как Альфонсо Герра сказал Санчесу после фотографии Педральбеса, мы не в Йемене или Буркина-Фасо... Он ничего не делает, потому что он заложник сепаратистов; ПП придется навести порядок после #10N!’

В выражении “*rehén de los independentistas*” употребление слова “*rehén*” (заложник) используется в метафорическом смысле, чтобы указать на ощущение того, что человек (в данном случае, Педро Санчес) подвергается влиянию или контролю другой группы (в данном случае, сепаратистов), что делает его беспомощным и ограниченным в своих действиях.

Магическая метафора или метафора нереального может использоваться для создания положительного или отрицательного образа политика, также для характеристики конкретного субъекта политического сообщества [5]. Например:

(8/11/2019) *Sánchez deja claro que su hoja de ruta es otra vez el Gobierno **Frankenstein**. El PP deja claro que no facilitará un Gobierno de Sánchez ...* [7]. – ‘Санчес ясно дает понять, что его дорожная карта – это снова правительство Франкенштейна. ПП ясно дает понять, что не будет содействовать формированию правительства Санчеса ...!’

В данном случае метафора «правительство Франкенштейна» используется для описания политической коалиции, сформированной различными партиями с разными идеологиями, имея в виду монстра, созданного Франкенштейном, который представляет собой

существо, состоящее из частей разных трупов. Использование выражения «правительство Франкенштейна» предполагает идею объединенного, неоднородного и потенциально нестабильного политического образования, состоящего из компонентов, которые не обязательно хорошо сочетаются друг с другом. Метафора имеет подтекст отсутствия сплоченности и возможности того, что эта политическая коалиция представляет собой неестественное сочетание, подобное характеру монстра Франкенштейна.

Другим наглядным примером магической метафоры служит следующее сообщение:

(3/11/2019) *Sánchez **intenta sacar conejos de la chistera**, reabrir la historia incluso en contra de su partido, y manipular las instituciones del Estado. No cuela, ni con tinta de calamar puede tapar que la economía va mal, ni la insostenible fractura territorial frente a la que no hace nada.* [7]. – ‘Санчес пытается вытащить кроликов из шляпы, возобновить историю даже против своей партии и манипулировать государственными институтами. Это не работает, даже с помощью чернил кальмара он не может скрыть ни тот факт, что экономика идет плохо, ни неустойчивый территориальный разлом, который он никак не решает.’

В данном сообщении для описания действий П. Санчеса используется магическая метафора. Выражение «Санчес пытается вытащить кроликов из шляпы» относится к магическому действию, в ходе которого фокусник неожиданно вытаскивает что-то из шляпы, и используется метафорически для описания попыток П. Санчеса совершить удивительные, неожиданные или, в данном контексте, манипулятивные действия. Образ фокусника, вытаскивающего кроликов из шляпы, наводит на мысль, что П. Санчес пытается предпринять хитрые или обманные действия, чтобы манипулировать политической ситуацией и скрыть проблемы, однако оратор указывает, что такая тактика не эффективна. Метафора отражает критическое восприятие действий П. Санчеса и идею о том, что его попытки манипулировать реальностью безуспешны.

Магические метафоры, внедренные в политический дискурс, помогают создавать образы, которые легко воспринимаются и запоминаются, что делает их мощным средством воздействия на аудиторию. В сообщении, представленном ниже, магическая метафора используется для выражения критики PSOE и ее предвыборных обещаний:

(28/10/2019) *El PSOE siempre promete en campaña un cheque en blanco que luego es un cheque sin fondos; intentan vender carrozas electorales que **se transforman en calabazas** en cuanto pasan las elecciones. Por eso ocultan el recorte que exige Bruselas y los impuestos que pactaron con Podemos.* [7]. – ‘PSOE всегда обещает в ходе предвыборной кампании карт-бланш, который впоследствии оказывается недей-

ствительным; они пытаются продать «кареты», которые после выборов превращаются в тыквы. Именно поэтому они скрывают сокращения, которых требует Брюссель, и налоги, согласованные с партией Podemos!

Метафора «кареты, которые превращаются в тыквы» используют элементы иллюзии и трансформации для описания политических обещаний. Здесь использован образ платформ, которые превращаются в тыквы, отсылающий к сказке о Золушке. Метафора подразумевает, что грандиозные и привлекательные обещания ПСОЕ во время избирательной кампании после выборов оказываются эфемерными. Таким образом, метафора создает критиче-

ский образ политических обещаний ПСОЕ, предполагая, что эти обещания иллюзорны, пусты или не выполнены.

В целом, общий эффект от использования этих языковых средств в политическом дискурсе заключается в том, чтобы сделать высказывания более запоминаемыми, убедительными и эмоционально заряженными для аудитории. Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод о том, что метафорические образы в высказываниях испанских политиков выступают мощным инструментом для формирования определенных концепций и образов, а также для критики и атаки на политических оппонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латыпова Ю.А. Концептуальная метафора в политическом дискурсе Джо Байдена / Ю.А. Латыпова // Теория и практика современной науки. – 2020. – №12 (66). – С. 164–167.
2. Толстокулакова Ю.В. Военная метафора в современном политическом медиадискурсе / Ю.В. Толстокулакова // Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания: Тезисы докладов участников всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ялта, 27–29 сентября 2018 года. – Ялта: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2018. – С. 49–50.
3. Цыгунова М.М. Анималистическая метафора в политическом дискурсе / М.М. Цыгунова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. – 2021. – №. 4. – С. 121–135.
4. Чудинов А.П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе / А.П. Чудинов // ВЕСТНИК ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 26–31.
5. Шахова М.Л. Метафора нереального в политическом тексте / М.Л. Шахова // Слово – текст – смысл: сб. студен. науч. работ / Урал. гос. ун-т, [Филол. фак.]. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 1. – С. 103–107.
6. Heyvaert P. Metaphors in political communication: A case study of the use of deliberate metaphors in non-institutional political interviews / P. Heyvaert, F. Randour, J. Dodeigne, J. Perrez, & M. Reuchamps // Journal of Language and Politics. – 2020. – 19(2). – Pp. 201-225.
7. Twitter. – URL: <https://twitter.com/> (accessed: 20.01.2023). (In English).

© Пупырева Светлана Олеговна (svopupyreva@kpfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОТЕНЦИАЛ ИНСТРУМЕНТАРИЯ НЕЙРОМАРКЕТИНГА В ФОРМИРОВАНИИ И ПРОДВИЖЕНИИ МЕДИАСРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Равочкин Никита Николаевич

Кузбасский государственный университет

имени Т.Ф. Горбачева,

Кузбасский государственный аграрный университет

имени В.Н. Полецкова

nickravochkin@mail.ru

THE POTENTIAL OF NEUROMARKETING TOOLS IN THE FORMATION AND PROMOTION OF THE MEDIA ENVIRONMENT OF A MODERN UNIVERSITY

N. Ravochkin

Summary: In this paper, the author examines the potential of using neuromarketing tools in order to form and promote the media environment of a modern university. Taking into account the pragmatics of media communications in higher education, the expediency of appealing to the methods and means of neuromarketing, which are actively gaining popularity, is justified. The works of modern foreign and domestic authors relevant to the stated topic are analyzed. The necessary methodological clarifications and explanations for the presented opinions are demonstrated. The main directions of potential use of neuromarketing tools are presented. The results of studies confirming the need to address the considered practices of promoting the media environment of a modern university are presented. In conclusion, the author summarizes the results of the study.

Keywords: media environment, neuromarketing, university, communication, behavior, choice, student.

Аннотация: В настоящей работе автор рассматривает потенциал применения инструментария нейромаркетинга в целях формирования и продвижения медиасреды современного университета. С учетом прагматики медиакоммуникаций высшей школы обоснована целесообразность апеллирования к активно набирающим популярность методам и средствам нейромаркетинга. Проанализированы релевантные заявленной тематике труды современных зарубежных и отечественных авторов. Продемонстрированы необходимые методологические уточнения и пояснения к представленным мнениям. Репрезентированы основные направления потенциального использования инструментов нейромаркетинга. Приводятся результаты исследований, подтверждающих необходимость обращения к рассматриваемым практикам продвижения медиасреды современного университета. В заключение автором обобщены итоги проведенного исследования.

Ключевые слова: медиасреда, нейромаркетинг, университет, коммуникация, поведение, выбор, студент.

Актуализация проблем воспитания в практике высшей школы обусловлена глубокими онтологическими трансформациями всех аспектов жизнедеятельности социума, интенсификацией информатизации жизни, что выдвигает качественно новые требования к уровню подготовки специалиста. В сложившихся условиях перед высшей школой стоит задача формирования нового социокультурного типа специалиста. В качестве главных личностных качеств такого специалиста должны стать готовность и умение действовать в условиях избыточной информации, адекватно, критически осмысливать качественную сторону информационных данных. Кроме того, для специалиста нового поколения важным представляется формирование умений анализировать, отбирать, синтезировать необходимые данные, умения и навыки оперирования информационными потоками.

Вместе с тем, несмотря на формирование новых требований к уровню подготовки специалиста, единый подход к пониманию сущности образовательно-воспитательного процесса вуза отсутствует. В последние годы,

принимая во внимание информатизацию образования в высшей школе, в научной литературе в отношении организации воспитательного процесса в вузе все чаще используется термин «медиасреда». При этом медиасреда вуза рассматривается в качестве особого контекста, в котором протекают взаимодействия личности обучающегося, что актуализирует проблему использования указанной среды в процессе воспитания личности. Вместе с тем, несмотря на широкое функционирование термина «медиасреда» в современной научной литературе, единый подход к его пониманию отсутствует. Отсутствует понимание, каким образом к моделированию современной вузовской медиасреды, формированию медиаповестки могут быть привлечены последние достижения в области современных маркетинговых наук, в частности, нейромаркетинга. Иными словами, формируется противоречие, обусловленное очевидной необходимостью привлечения достижений маркетинговых наук к формированию медиаповестки современного вуза, с одной стороны, и отсутствием практических возможностей моделирования образовательного контекста посред-

ством привлечения инструментом нейромаркетинга – с другой. Разрешение указанного противоречия обуславливает актуальность выбранной темы исследования. Целью исследования выступает изучение возможностей, потенциалов и перспектив применения инструментов нейромаркетинга к моделированию образовательной медиасреды и медиаповестки вуза.

Одно из наиболее полных определений медиасреды предложено Н.Б. Кирилловой, которая выводит ее с ярко выраженным философским пониманием социальной реальности. И если последняя представляет собой «окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования и деятельности» [5, с. 63], то к рассматриваемой категории относится все «то, что нас окружает повседневно. Это совокупность условий, в контексте которых функционирует медиакультура, то есть сфера, которая через посредничество массовых коммуникаций (печать, радио, ТВ, видео, кино, компьютерные каналы, Интернет) связывает человека с окружающим миром, информирует, развлекает, пропагандирует те или иные нравственно-эстетические ценности, оказывает идеологическое, экономическое или организационное воздействие на оценки, мнения и поведение людей» [5, с. 63–64]. Другими словами, медиасреда – совокупность инструментов, способных оказывать воздействие на общественное сознание, на различные аспекты поведения личности.

Для нашего исследования конгруэнтно раскрытие сущности медиасреды, предложенное А.Р. Айдагуловой, Л.В. Вахидовой и усматриваемое «в изменении субъекта вследствие создания педагогических условий, которые инициируют механизм формирования профессиональных и личностных компетенций» [3, с. 89]. Говоря другими словами, это главным образом такой специфически создаваемое динамичное пространство, в координатах которого студенты осуществляют качественные переходы от начальных состояний к последующим. Немаловажно сказать, что эффективность медиасреды можно измерить различными параметрами, которые бы позволили описать максимально приближенные к современным эталонным компетентным образам, соответствующих предъявляемым отраслевыми компаниями актуальным требованиям по трекам академической, научной, профессиональной, социальной, творческой и какой-либо еще деятельности. С усилением интенсификации информационных процессов, информационных обменов медиасреда становится привычным окружением личности, естественным контекстом, в котором протекает академическая, социальная и профессиональная деятельность личности. Более того, по словам Т.Н. Носковой, В.О. Яковлевой: медиасреда становится «источником новых социальных ценностей, норм, установок, стратегий поведения, потребностей, интересов, систем отношений, структуры смысловых координат человека» [6, с. 91].

Итак, подчеркнем, что создание имиджа университета представляет собой процесс, направленный на создание определенного образа объекта (схематический образ, прототип) с его определенным восприятием в виде осознанного или неосознанного мнения с целью формирования психологического влечения целевой аудитории, последующей реализации ряда действий, поведенческих стратегий [12, с. 875]. По своей сути, создание и продвижение медиасреды вуза – это коммуникационный процесс образовательного учреждения с конечным потребителем. При использовании нейромаркетинговых методов в продвижении вуза указанный процесс основывается на выявлении сущностных характеристик медиасреды и особенностей ее отражения в сознании представителей целевых групп. Отметим, что нейромаркетинг выступает новым направлением маркетинговых исследований во всем мире, и Россия не является исключением. Численность нейромаркетинговых исследований в стране крайне ограничена, незначительна, сами исследования носят фрагментарный характер [11, с. 201], нейромаркетинговые методы только начинают внедряться в практику изучения образовательной сферы. Как отмечают исследователи несмотря на то, что «центральная роль мозга в обучении кажется самоочевидной, формальный диалог между нейронаукой и образованием является отнюдь не новым явлением» [9, с. 4].

Как правило, внимание исследователей смещается на изучение особенностей восприятия студентами как конечными потребителями образовательных услуг, имиджа, бренда вуза, от которого зависит привлекательность образовательного учреждения для студентов и сотрудников, для развития научных проектов [7]. Результаты проведенных исследований в отечественных реалиях позволяют сделать вывод, что положительные эмоции связаны в сознании студентов со следующими аспектами медиасреды вуза как бренда: (1) история, традиции и вклад в развитие региона/страны; (2) уникальность идентичности, насыщенность повседневности и особенная атмосфера; (3) возможности для самореализации; (4) известные выпускники и спектр проводимых исследований; (5) карьерные ожидания и перспективность получаемого образования; (6) академическое лидерство в различных рейтингах и профессиональные связи; (7) контактирование с интересными людьми, творчество, обмен идеями [1].

Приведенные направления функционирования университета, оказывающие влияние на абитуриентов выбор вуза и, соответственно, обеспечивающие его продвижение, во многом являются аналогичными факторам, которые определяют на потребительское поведение студентов в других странах. Так, кейс А. Бордино, посвященный изучению мнений студентов Колумбийского университета, к ведущим причинам поступления относит: (1) наличие высококвалифицированных специалистов; (2) имидж вуза; (3) маркетинговые стратегии, (4)

деятельность вуза по продвижению собственного бренда [8]. Примечательно, что отдельно упомянуто наличие маркетинговой стратегии вуза. На сегодняшний день в России этот фактор остается за пределами внимания исследователей, что может объясняться особенностями исторического развития государства, длительным периодом отсутствия рыночных механизмов, несовершенством маркетинговых, тем более, нейромаркетинговых, инструментов [12, с. 875]. Хотелось бы отметить, что в качестве дополнительных факторов, влияющих на выбор вуза, А. Бордино называет уровень сформированности организационной культуры, особенности предлагаемой абитуриента особой среды. Зависимость медиасреды вуза от особенностей сложившейся корпоративной атмосферы свидетельствует о ее связях с культурной моделью и национальной маркированностью образовательной системы, что влияет на механизмы формирования медиаповестки и трансляции ценностей, воспринимаемых и интерпретируемых различными группами потребителей [8]. Таким образом, анализ исследований вузовской среды, проведенных при помощи нейромаркетинговых методов и инструментов, позволяет сделать вывод, что на современном этапе развития маркетинга образовательных услуг основное внимание ученых смещается именно на особенности восприятия бренда, его ценностных и эмоциональных атрибутов. Результаты исследований позволяют выявить факторы, которые влияют на выбор вуза. При этом в отечественной науке остаются за пределами исследовательского внимания такие факторы, как уровень сформированности организационной культуры, а также национальная, культурная специфика медиасреды.

Выводы проведенной аналитической работы вполне могут найти свое отражение в практических рекомендациях при моделировании образовательной медиасреды вуза, создания его виртуального имиджа и формирования медиаповестки. Исследовательские позиции по применению инструментов нейромаркетинга в деятельности современных университетов можно уложить в следующие магистральные направления:

1. Непосредственное включение нейромаркетинга в учебные планы по управленческим и экономическим направлениям подготовки [2, с. 228–229]. При этом широкое распространение имеет позиция, согласно которой включение этих курсов преждевременно, поскольку область научного познания находится в стадии своего становления. Однако зарубежные ученые полагают, что в ближайшем будущем нейромаркетинг станет неотъемлемой составляющей продвижения университетской медиасреды. Наличие многочисленных трудностей с внедрением методов нейромаркетинга в сферу высшего образования и отсутствие у организаций реальных необходимых мощностей приводит к закономерным критическим оценкам по отношению к возможностям университетов

обращаться к его инструментарию, зачастую маркируя связанные с ним цели как «недостижимые» [11, с. 199].

Кроме того, несмотря на то, что в последние десятилетия появились многочисленные образовательные программы, создатели которых утверждают, что основывались на достижениях результатов последних нейробиологических исследований. Иными словами, на сегодняшний день создание и внедрение образовательных программ по нейромаркетингу в вузовское обучение сталкивается с рядом проблем, вызовов, однако при успешности разработки подобных программ они могут стать средством «достижения уникального преимущества на рынке образовательных услуг в условиях жесткой конкуренции» [2, с. 229].

2. Использование результатов исследований нейронаук, полученных выводов и рекомендаций для организации образовательного процесса в вузе, для обновления содержания образовательных программ, формирования медиаповестки. Реализация указанного направления предполагает использование методов нейромаркетинга для привлечения внимания и вовлеченности студентов в образовательный процесс, формирования лояльности к деятельности вуза, усовершенствования механизмов обратной связи. В частности, как было доказано в ряде исследований, визуализация выступает эффективной стратегией обучения [9, с. 18]. Визуализация объектов способна вызывать сильные физиологические реакции, активизировать деятельность большинства областей мозга [10]. Причем, эта способность визуальных образов активизировать так много областей мозга, связанных с реальным опытом восприятия, подчеркивает их потенциальную силу и пользу в качестве инструмента обучения [9, с. 18]. В целом, ученые приходят к выводу, что использование визуализации в процессе обучения влияет на его результаты [2, с. 232].

Следом за М.Ю. Абабковой и В.Л. Леонтьевой резонно рассмотреть варианты приложения методов и достижений нейромаркетинга в образовательно-воспитательном процессе современного университета:

- привлечение внимания студентов, их погружение в образовательный процесс, формирование медиаповестки и лояльности к медиасреде вуза. Обращают на себя внимание результаты ранее проведенных исследований, позволяющие сделать вывод, что юноши и девушки по-разному воспринимают и интерпретируют речь [2, с. 232].
- создание широкого спектра дидактических материалов: от материальных и цифровых книг и сайтов вплоть до оформления различных образовательных ресурсов средствами авторской графики, цветов и шрифтов. Говоря предмет-

но, эмоциональный центр мозга реагирует на сигналы окружающей социокультурной среды в десятки тысяч раз быстрее, чем неокортекс, выступающий участком протекания сознательных процессов и принятия решений [2, с. 233]. Этот тезис подтверждает общеизвестный факт: эмоциям присуща первостепенная роль в процессах восприятия и интерпретации объектов социокультурной среды, в том числе – и содержания дидактических материалов. В свою очередь, эмоциональная сфера проявляется в особенностях реализации когнитивных процессов, обуславливает особенности выбора и реализации поведенческих паттернов. Соответственно, в процессе моделирования медиасреды вуза следует исходить из необходимости обращения как к когнитивной, так и эмоциональной составляющей личности.

Огромное внимание в процессе создания медиасреды вуза должно уделяться повышению уровню коммуникативности ресурсов: «Сайт образовательного учреждения должен использовать средства, усиливающие коммуникацию с посетителем (слова, изображения), ассоциативно связанные с предлагаемым образовательным продуктом или услугой» [2, с. 233]. Важное значение для особенностей восприятия сообщения имеет шрифт, которым набирается текст. В частности, исследование Х. Сонга и Н. Шварца, позволяет сделать вывод, что восприятие рекламной информации во многом зависит от сложности шрифта, который использовался для набора текста – чем шрифт проще и понятней, тем выше уровень доверия такой информации [13].

Важнейшую роль в процессе продвижения медиасреды вуза играет цветовое оформление. Как отмечают М.Ю. Абабкова и В.Л. Леонтьева, «роль цвета в жизни людей невозможно переоценить: он в доминирующей степени определяет все наши действия и реакции, играет огромную роль в установлении идентичности, процессе выбора и предпочтения, во всей сложной системе отношений человека с окружающим миром» [2, с. 234]. Человеческое мышление диалектично и дуалистично, в процессе реализации познавательных процессов личность идет «от простого к сложному». Соответственно, в процессе привлечения внимания большую значимость приобретает цветовое оформление, основанное на резких контрастах. Напротив, вовлечение студентов в активное взаимодействие в рамках медиасреды требует обращения к цветам, способным вызвать положительные эмоциональные и культурные ассоциации. В целом, цветовое оформление медиасреды во многом оказывает влияние на качество дальнейшего взаимодействия студента с медиасредой, образовательными материалами. К слову, на характер взаимодействий между студентом и медиасредой влияет не только выбор цвета, но и его на-

сыщенность. В научной литературе приводятся данные относительно того, что важнейшим фактором привлечения внимания выступает цветовая насыщенность компонента относительно его окружения, соответственно, важна не сама насыщенность как таковая, но насыщенность одного или нескольких ключевых компонентов по отношению к иным. Более того, «даже ярко-красный цвет может не привлечь внимания пользователя, если применить его в неправильном месте» [2, с. 235].

В целом, невозможно переоценить роль звуков, цветов, прикосновений, предметов окружающей среды в процессах познания и активизации органов чувств. Органы осязания первыми реагируют на сигналы внешней среды, влияют на реализацию когнитивных процессов, определяют выбор поведенческих стратегий, наши действия и реакции, играют огромную роль в процессе формирования «Я-концепции», выстраивания взаимодействий человека с окружающим миром. То есть изучение особенностей активизации мозга под влиянием тех или иных стимулов внешней среды открывает для нейромаркетинга безграничное поле для исследований. К сожалению, как уже отмечалось ранее, на сегодняшний день нейромаркетинг находится в стадии своего становления, численность исследований, выполненных в логике нового подхода, остается ограниченной.

- оценка результатов обучения: нейромаркетинговые методы исследования позволят оптимизировать механизмы обратной связи и, как следствие, повысить успеваемость студентов в процессе усвоения учебных материалов.

Указанные направления взаимодействия нейромаркетинга и образовательной сферы связаны преимущественно с внутренним аспектом продвижения медиасреды университета. Между тем достижения и инструменты нейромаркетинга позволят оптимизировать внешнее направление промоушена образовательной организации, усилив ее взаимосвязи с другими стейкхолдерами.

3. Использование методов нейромаркетинга на рынке образовательных услуг. С точки зрения маркетинга продвижение медиасреды вуза связано не только и не столько с содержанием образовательных программ, особенностями обучения, престижностью выбранной профессии и вуза, уровнем профессионализма педагогического состава, но и с особенностями организации внеаудиторной деятельности. Более того, именно внеаудиторная деятельность, как отражают результаты проведенных ранее исследований, формирует лояльность студентов к вузу, выступает важнейшим инструментом привлечения абитуриентов. Соответственно, одним из актуальных направлений продвижения медиасреды вуза является презентация особенностей студенческой жизни, формирование привлекательной медиаповестки.

Главной целью реализации указанного направления нейромаркетинга в образовательной сфере, в процессе продвижения имиджа вуза выступает воздействие на эмоции студента как конечного потребителя. При этом важно помнить, что «в период перенасыщения рынка не товар как таковой, а восприятие товара является определяющим фактором в конкурентной борьбе» [4, с. 157], что обуславливает повышенное внимание к цветовому оформлению медиасреды, ее музыкальному сопровождению, визуальным и графическим образам, символам. К сожалению, на сегодняшний день в процессе продвижения медиасреды вуза используются преимущественно зрительные образы (печатная реклама), к которым может добавляться звук (объявления, телевизионные ролики). К сожалению, как правило, разработка стратегий осуществляется в логике традиционного маркетинга, а не нейромаркетинга, достижения последнего практически не используются за редким исключением, маркетинговое продвижение медиасреды вуза в целом отличается низким уровнем новаторства, внедрения инновационных технологий.

В целом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день внедрение методов нейромаркетинга в изучение образовательной медиасреды находится на начальной стадии своего обоснования, численность научных работ, направленных на изучение особенностей, специфики продвижения имиджа вуза, остается крайне ограниченной. Как правило, научные работы относятся к изучению внутреннего продвижения имиджа вуза, ориентированы на особенности восприятия студентами как конечными потребителями тех или иных атрибутов медиасреды вуза как бренда. Между тем, достижения и методы нейромаркетинга могут быть успешно использованы для внешнего продвижения медиасреды вуза, а также лучшего понимания наиболее привлекательных характеристик образовательного учреждения не только в глазах студентов, но всего общества, научных организаций, социальных партнеров.

В качестве основного направления изучения стратегий внешнего продвижения медиасреды вуза можно назвать, прежде всего, доверие. Доверие – указанная категория на протяжении последних десятилетий выступает одной из наиболее актуальных для маркетологов. На сегодняшний день в научной литературе подвергаются самые различные аспекты возникновения доверия потребителя к товару или услуге. Рост научного интереса обусловлен высокой значимостью доверия для приобретения товара, кроме того, именно доверие выступает основой для установления долгосрочных отношений между сторонами. Привлечение методов нейромаркетинга в образовательную сферу позволит лучше понять, какие атрибуты вуза способны вызвать доверие к нему со стороны конечных потребителей, научного, экспертного сообщества, исследовать

природу и развитие доверия. Как отмечают ученые, изучение и понимание вопросов о природе доверия приведет к повышению возможностей исследования факторов, вызывающих доверие, способностей вуза завоевывать доверие конечных потребителей и выстраивать долгосрочное сотрудничество на основании взаимовыгодных условиях [11, с. 202].

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Количество нейромаркетинговых исследований в области образования остается крайне ограничено, само содержание новой области научного познания находится в стадии своего становления, а методы только начинают внедряться в практику продвижения медиасреды и формирования медиаповестки вуза. Необходимо подчеркнуть, что незначительное число исследований, выполненных в логике нейромаркетинга, делает невозможным проведение компаративного анализа. Также можно предположить, что в будущем продвижение имиджа образовательного учреждения на основании инструментов нейромаркетинга только выиграет от глубинного и полного понимания когнитивных процессов, реакций, возникающих в сознании потребителей при восприятии медиасреды;
2. Большая часть исследований направлена на изучение внутреннего продвижения медиасреды вуза, восприятие студентами тех или иных ее атрибутов. Как правило, особенности внешнего продвижения этого пространства вуза остаются за пределами научного внимания;
3. Ключевыми направлениями использования достижений, инструментария и методов нейромаркетинга в образовательной сфере являются внедрение курсов, перманентное конструирование медиасреды и ее смыслов, разработка дидактических материалов, формирование медиаповестки, а также продвижение имиджа образовательного учреждения. При этом практическая реализация каждого из них сталкивается с существенными затруднениями, обусловленными отсутствием устоявшегося содержания нейромаркетинга, высококвалифицированных специалистов в данной области, необходимого технического оборудования, неясности содержания принципов и требований осуществляемой деятельности;
4. В качестве векторов закрепления результатов нейромаркетинга для внешнего продвижения медиасреды и формирования медиаповестки вуза следует отметить нацеленность на изучение доверия студентов к образовательному учреждению, восприятия ее атрибутов, служащих целям возникновения и развития доверия и его механизмов, обеспечивающих лояльность составляющим элементам студенческой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абабкова М.Ю. Невербальные методы маркетинговых исследований в образовании // *Technology and Language*. – 2021. – № 2(2). – С. 57–74.
2. Абабкова М.Ю., Леонтьева В.Л. Нейромаркетинг в образовании: возможности и вызовы новых технологий // *Конфликтология*. – 2016. – № 1. – С. 221–242.
3. Айдагулова А.Р., Вахидова Л.В. Реализация воспитательного процесса педагогического вуза в персонологической информационно-образовательной среде // *Казанский педагогический журнал*. – 2016. – №2. – С. 89–95.
4. Байбардина Т.Н., Мищенко Л.В., Шевченко А.Д., Рыкунова И.П. Звуковой дизайн нейромаркетинга как инструмент воздействия на потребителя // *Коммерция, логистика и маркетинг в инновационной экономике: научная дискуссия*. - Гостомель, 2018. – С. 156–160.
5. Кириллова Н.Б. Медиа среда российской модернизации. – М.: Академический Проект, 2005. – 400 с.
6. Носкова Т.Н., Яковлева В.О. Воспитательные влияния медиасреды: в поисках равновесия // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2013. – № 3. – С. 91–95.
7. Чирков И.С. Многофакторный характер имиджа университета: специфика, социокультурный и педагогический характер имиджа // *Мир науки*. – 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 41.
8. Bordino A.E.M. SEM model in neuromarketing as a planning tool in higher education // *Texto Livre*, 2022. – Vol. 15 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.redalyc.org/journal/5771/577170677042/html/> (Дата обращения: 28.12.2023)
9. Howard-Jones P.A. Neuroscience and Education: Issues and Opportunities. Economic and Social Research Council. – 2007. – 27 p.
10. Kosslyn S.M. Mental images and the brain // *Cognitive Neuropsychology*. – 2005. – Vol. 22. – № 3-4. – pp. 333-347.
11. Lee N., Broderick A.J., Chamberlain L. What is neuromarketing? A discussion and agenda for future research // *International Journal of Psychophysiology*. – 2006. – Vol. 63. – № 4. – pp. 199-204.
12. Leontieva V.L., Ababkova M.Y. Image Of Disciplines And University: A New Approach To Research // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. – 2018. – № 51. – pp. 874-881.
13. Song H., Schwarz N. If It's Difficult to Pronounce, It Must Be Risky Fluency, Familiarity, and Risk Perception // *Psychological Sciences*. – 2009. – Vol. 20. – № 2. – pp. 135-138.

© Равочкин Никита Николаевич (nickravochkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЕЩЁ РАЗ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОГО КОНКУРСА ПЕРЕВОДА “VERBUM VERUM-2022”)

Рябцева Мария Александровна

кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный индустриальный университет
(г. Новокузнецк)
masha-athelas@ya.ru

ONCE AGAIN ABOUT THE LINGUISTIC DIFFICULTIES OF POETIC TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (USING THE EXAMPLE OF THE STUDENT TRANSLATION COMPETITION "VERBUM VERUM-2022")

M. Ryabtseva

Summary: The article analyzes the translations of a poetic text made by the winners of the VERBUM VERUM-2022 competition held at the Siberian State Industrial University. The subject of the analysis is the linguistic difficulties of the original and the translation solutions found by the participants of the competition. On the other hand, attention is drawn to the mistakes made by the participants and their possible causes. The experience of the competition allows us to identify difficulties and problems in language teaching that are not obvious when working according to standard schemes.

Keywords: translation competition, poetic translation, English language, foreign language teaching.

Аннотация: В статье анализируются переводы поэтического текста победителей конкурса VERBUM VERUM-2022, проводимого в Сибирском государственном индустриальном университете. Предметом анализа становятся лингвистические трудности оригинала и найденные участниками конкурса переводческие решения. С другой стороны, обращается внимание на допущенные участниками ошибки и их возможные причины. Опыт проведения конкурса позволяет выявлять сложности и проблемы в обучении языку, неочевидные при работе по стандартным схемам.

Ключевые слова: конкурс перевода, поэтические перевод, английский язык, обучение иностранному языку.

Организация творческих конкурсов в рамках внеаудиторной работы в вузе вполне отвечает ориентации современной системы высшего образования на компетентностный, практически ориентированный подход. Во многих публикациях последних лет освещается опыт и польза проведения творческих конкурсов – исполнительских, сочинительских, переводческих – при обучении студентов лингвистических специальностей, однако, как отмечает И.С. Алексеева, такие конкурсы могут объединять обучающихся различных направлений (например, музыковедов и лингвистов), а конкурсы дилетантов укрепляют положительный имидж профессии и стимулируют обсуждение профессиональных проблем [1]. Конкурс перевода “VERBUM VERUM”, проводимый в СибГИУ с 2021 года, не имеет ограничений по специальностям и направлениям и стабильно популярен среди обучающихся: каждый год в нём принимает участие несколько десятков человек. Ниже представлен анализ призовых работ номинации «Поэзия» конкурса 2022 года, демонстрирующий основные трудности предложенного текста и найденные конкурсантами переводческие решения. Разделяя мнение А.Ю. Ивлевой о том,

что учебный перевод представляет собой особое явление [3], мы учитываем тот факт, что участники конкурса не получают специальной теоретической подготовки в области теории перевода. Однако мы полагаем, что наблюдение за конкурсными переводами позволит выявить аспекты, требующие особого внимания при организации обучения английскому и русскому языку.

В 2022 году участникам конкурса был предложен текст Пола Кёртиса (Paul Curtis). Это современный английский автор (род. 1956), многие стихотворения которого носят юмористический характер. Для конкурсного задания стихотворение “I Do Not Like That” [5] было немного сокращено. Приведём его в том виде, который был предложен конкурсантам:

1. As by way of a general ruling,
2. I have made this to be my doctrine,
3. To dislike, distrust and fear,
4. Any creature meeting these criteria,
5. Anything with more limbs than I,
6. Anything that moves faster than I,
7. Anything with scales or feathers,

8. Anything surviving extreme weathers,
9. Anything too small to see,
10. Anything that's bigger than me,
11. Anything that's excessively hairy,
12. Anything whose eyes are starey,
13. Anything that bites or stings,
14. Anything that uses wings,
15. Anything with horns or armour,
16. Anything with an aggressive demeanour,
17. If you think of anything I've missed,
18. Then I will add them to the list!

Отметим основные структурные особенности этого текста. Он не разделён на строфы, однако легко прослеживается трёхчастное строение: основную часть, написанную анафорическими строками (в сокращённой версии их 12), обрамляют вступительное четверостишие и заключительное двустишие. Метр тяготеет к хорейскому, хотя и не вполне соблюдается: становится более чётким в основной части стихотворения и скорее напоминает четырёхдольный музыкальный размер (4/4). Рифмовка парная; присутствует как точная рифма (*feathers – weathers, hairy – starey, stings – wings, missed – list*), так и неточная (*fear – criteria, see – me*), а также визуальная, т. н. 'eye rhyme' (*armour – demeanour*). Женская и мужская рифмы чередуются. В двустишии (5)-(6) рифму заменяет повтор (*than I*), а первое двустишие не зарифмовано вовсе (*ruling – doctrine*). Пунктуация в тексте минимальна (что в целом характерно для творчества П. Кёртиса): присутствует всего одна запятая в строке (3), разделяющая однородные сказуемые.

Что касается стилистики данного стихотворного текста, то здесь тоже имеется несколько интересных особенностей. Первая же фраза – *by way of a general ruling* – стандартная речевая формула официально-делового стиля. Задаваемый ей строгий тон поддерживают лексемы *doctrine* и *criteria*. Все три лексические единицы объединяются общим значением некоего объективного правила. Однако в этом же вступительном четверостишии вводится и противоположный концепт субъективности: *I have made this to be my doctrine* – поддерживаемый тремя близкими по значению эмотивными глаголами: *dislike, distrust, fear*. Этот контраст субъективных эмоций и строгости формы представляет собой основной выразительный приём стихотворения.

Основная часть стихотворения представляет собой перечисление тех самых критериев, которые определяют, чего именно, по мнению лирического героя, следует не любить, бояться и чему не доверять. Приём единоначатия придаёт этому списку видимую строгость, хотя, в сущности, он представляет собой довольно хаотичное перечисление черт внешнего облика, поведения и характера некоторых существ – вероятно, животных и насекомых. Юмористическому эффекту способствует

резкое переключение между «логичными» парами (т.е. зарифмованными двустишиями) – близкими по смыслу: (5)-(6), (15-16) или антонимичными: (9)-(10) – и «нелогичными», не имеющими явной связи: (7)-(8), (11-12), (13-14). Кроме того, забавными воспринимаются парафразы *excessively hairy* – «чрезмерно волосатый» (которое может заменять и «косматый», и «мохнатый», и «пушистый» – последнее обычно считается приятным, а не страшным) и *uses wings* – «использует крылья» вместо «летает» (на фоне простых глаголов *bites* и *stings* в предыдущей строке). Такие «формальные» описательные выражения в соседстве с разговорной лексикой, особенно будучи с ней зарифмованы (*excessively hairy – starey*), пародируют официальный и/или научный стиль.

С точки зрения синтаксиса здесь встречаются фразы следующих типов: 1) *anything with* [сущ.], 2) *anything that* [гл.], 3) *anything that's* [нп.]; 4) *anything* [нп.] (строка (12) стоит особняком). Слово *anything*, на котором строится анафора, повторяется 12 раз в ударной позиции в начале строки, в начальном четверостишии в несколько изменённой форме: *any creature*, строка (4) – и ещё один раз в заключительном двустишии, строка (17), также под ударением.

Итак, подытожим сложности, которые данное стихотворение представляет для переводчика:

- в отношении формы: соблюдение поэтического ритма, анафорической структуры и способа рифмовки;
- в содержательно-стилистическом отношении: сохранение контраста формальных и разговорных черт лексики и синтаксиса, важное для юмористического эффекта.

Кроме того, отметим, что животные и насекомые в английском языке обозначаются как неодушевлённые предметы местоимением 'anything' – «что-то». В русском языке им должно соответствовать одушевлённое местоимение, что также потребует внимания переводчика.

Обратимся к трём переводам, получившим наилучшие оценки на конкурсе, и рассмотрим, какими способами участники решали вышеперечисленные задачи. Необходимо отметить, что никто из участников не изучал дисциплины, непосредственно связанные с теорией перевода, а также культурологические и литературоведческие курсы; какие-либо мастер-классы перед началом конкурса также не проводились. Для удобства рассмотрения обозначим рассматриваемые переводы буквами А, Б и В.

Перевод А:

1. Чтобы по жизни легче справляться,
2. Доктрина моя такова:
3. Не любить, не доверять и бояться,

4. Всех, что отличается от меня:
5. Всех, у чего больше рук и ног, чем у меня,
6. Всех, что бежит быстрее меня и намного,
7. Всех, у чего есть сотни перьев, и чешуя,
8. Всех, чему адаптировать тело легче простого,
9. Всех, у чего слишком маленький рост,
10. Всех, что в размерах больше в несколько раз,
11. Всех, у чего слишком много волос,
12. Всех, что смотрит множеством пар глаз,
13. Всех, что может ужалить или кусает,
14. Всех, что с помощью крыльев летает легко,
15. Всех, что в броне и рогами бодает,
16. Всех, у чего характер злее всего,
17. Если есть то, что забылось среди прочего,
18. Вы подскажите, и я добавлю их в список точно.

Перевод Б:

1. Пусть, это будет моим главным правилом,
2. Оформленным в доктрину:
3. Не любить, не доверять и бояться
4. Всех тех, кто соответствует следующим критериям:
5. Всех, у кого конечностей более, чем у меня,
6. Всех, кто быстрее меня,
7. Всех, у кого перья и чешуя
8. Всех, кто выносливей меня,
9. Всех, кто в сто крат менее меня,
10. Всех, кто более меня,
11. Всех, кто косматее меня,
12. Всех, кто зорче меня,
13. Всех, кто кусачей меня,
14. Всех, кто летучей меня
15. Всех, кто крепче меня,
16. Всех, кто агрессивней меня.
17. Если вы вспомните кого-нибудь еще, из тех, кого я упустил,
18. Я добавлю их в список, пока не забыл!

Перевод В:

1. Следуя общему правилу,
2. Я создал нерушимый закон
3. Не любить, избегать и бояться
4. Тех вещей, что изложены в нем:
5. Всё, что сверх меры рукасто,
6. Всё, что быстро и опасно,
7. Всё чешуйчатое и с оперением,
8. Всё, что холод и жар переносит со смирением,
9. Всё, что меньше росы с дождем,
10. Всё, что не влезет в дверной проем,
11. Всё, что чрезмерно космато,
12. Всё, что зачем-то крылато,
13. Всё глазастое, что часто моргает,
14. Всё, что кусается и больно жалит,
15. Всё, что в панцире или рогато,
16. Всё, что агрессивно и не очень приятно.
17. Если ты знаешь что-то ещё,

18. Пусть в списке займет оно место своё!

Рассмотрим, как эти работы передают формальные признаки оригинального текста. Трёхчастное строение стихотворения: 4 + 12 + 2 строки – удалось распознать всем участникам. Все также обратили внимание, что начальное четверостишие обладает менее чёткой рифмовкой, чем остальное стихотворение. В переводах оно оказывается либо не зарифмовано вовсе (Б), ещё в двух – зарифмованы 2 строки из четырёх, однако не попарно, как в оригинале, а перекрёстно: первая и третья (А) либо вторая и четвёртая (В). В дальнейшем оригинальная рифмовка отразилась в переводах следующим образом: в переводе А – перекрёстная, в последнем двустиишии – парная; в переводе Б – за исключением одной строки, заменена на повтор, в последнем двустиишии – парная; в переводе В – парная. Характер рифмы в переводах А и В – преимущественно неточная (ассонанс), за отдельными исключениями. Расположение точных рифм по сравнению с оригиналом не соблюдается. Что касается стихотворного метра, в переводе Б он как таковой отсутствует (кроме последней строки в переводе Б). В переводе А метр тяготеет к дактилическому, однако часто нарушается; в переводе В это скорее дольник, где количество ударений в строке стремится соответствовать оригиналу. Отметим также, что в переводах А и Б соблюден оригинальный порядок расположения строк, в переводе В переставлены строки (13), (14) и (15).

Содержательно-стилистические признаки текста отражаются в переводах следующим образом. В переводе А во вступительной части сохранена лексема *доктрина*, однако прочие признаки пародирования официального стиля, отмеченные выше, утеряны. Вместо формальной конструкции в строке (1) используется, напротив, разговорная формула *справляться по жизни*. В соседстве эти два элемента соответствуют приёму контраста в оригинале, однако в дальнейшем он не поддерживается. Строка (4) переведена с причинно-следственной логической трансформацией: *anything meeting these criteria* («всего, что соответствует этим критериям») – *всех, что отличается от меня*. Применение трансформаций свидетельствует об определённой свободе переводчика, но в данном случае ведёт к грамматической ошибке в русском языке: неодушевлённое местоимение *что* не соответствует падежной форме *всех* (требуется либо *всех, кто*, либо *всего, что*). Эта ошибка сохраняется на протяжении всего текста, вплоть до заключительного двустиишия, где реализуется уже в другой паре местоимений *то (что) – их*. Ещё одна грамматическая ошибка встречается в строках (3)-(4): русские глаголы *не любить, не доверять и бояться*, в отличие от соответствующих английских, требуют разного падежного управления. Лексическая ошибка присутствует в употреблении устойчивого сочетания *проще простого* (строка (8), у автора «легче простого»).

Хотя сам по себе текст перевода А обладает некоторой стилистической целостностью («выпадает» только слово *адаптировать*), он демонстрирует, как нарушение формальных ритмических характеристик текста ведёт к искажению содержания. В большинство строк основной части стихотворения переводчик вносит дополнительные лексемы, не имеющие соответствия в английском тексте: *и намного* (6), *сотни* (7), *рост* (9), *в несколько раз* (10) и т. д. В результате из-за увеличившейся длины строк и смены ритма с хорейского на дактилический теряются темп и острота звучания, присущие оригиналу, а вместе с ними тускнеет и юмористический характер стихотворения.

В переводе Б, напротив, налицо стратегия «упрощения» оригинала. Вступительное четверостишие не только не зарифмовано, но и никак не оформлено ритмически. Лексемы *доктрина* и *критерии*, взятые из английского текста, не попадают под ударение и утрачивают стилистическую функцию, даже выглядят чужеродно, словно признак неуместного «канцелярита». Явных грамматических ошибок перевод не содержит, кроме одной, аналогичной переводу А, в строках (3)-(4) (управление глаголов). В основной части все разнообразные ритмические, стилистические и синтаксические приёмы, использованные в оригинале, сводятся (кроме строк (5) и (7)), к однотипным конструкциям с прилагательными в сравнительной степени и повторам вместо рифмы. Здесь также присутствует некая целостность, но такой подход сильно обедняет текст перевода (средства выразительности отсутствуют как таковые) и опять-таки разрушает юмористическую составляющую. Заключительное двустишие оформлено ритмически и грамматически неряшливо (с повтором *кого-нибудь... кого*), что не позволяет ему служить активной выразительной «точкой опоры».

Наиболее интересным по ряду принятых переводческих решений является перевод В. В начальном четверостишии автор этого перевода отказывается от стилистически окрашенных лексем *doctrine* и *criteria*, однако сразу же задаёт ритм, довольно точно соответствующий оригиналу, с хорошо слышными тремя ударениями в строке. Отметим, что здесь удалось избежать ошибки с управлением глаголов благодаря замене лексемы *не доверять* на *избегать*. В основной части стихотворения автор данного перевода ищет различные способы передать юмористический характер текста, часто не совпадающие с авторскими, но оригинальные и осмысленные. Например, строка (5) демонстрирует «неправильное», но образное употребление прилагательного *рукастый* (в прямом значении «длиннорукий» или «большерукий», хотя чаще употребляется переносное «умелый») в сочетании с определением *сверх меры*. Аналогичная конструкция [наречие + краткое прилагательное] употреблена ещё дважды, в строках (11) и (12), причём в строке (12) явно с

комическим оттенком: *зачем-то крылато*. Тому же юмористическому тону служат строки (9) и (10), использующие соответственно литоту и гиперболу. Хотя эти тропы в оригинальном тексте отсутствуют, смысл и ритм переданы верно. Контраст стилей по ходу всего стихотворения отражён на уровне лексики: по тексту разбросаны как разговорные (*рукастый, глазастый, влезет*), так и книжные лексемы (*нерушимый, смирение, агрессивный*). На синтаксическом уровне обращает на себя внимание разнообразие использованных конструкций, причём хорошо заметны их связки в пределах двустиший: (5)-(6) – краткие прилагательные, (7)-(8) – существительные с одинаковым предлогом в различных значениях (*с оперением – со смирением*), поддержанные рифмой; (9)-(10) – уже упомянутые литота и гиперболы, (11)-(12) – снова краткие прилагательные, (13)-(14) – глаголы, (15)-(16) – краткие прилагательные. Такое динамичное чередование соответствует озорному тону стихотворения и не даёт читателю заскучать. Выше мы уже отмечали, что в данном переводе изменён порядок некоторых строк, однако достигаемый темпоритм оправдывает вольность переводчика. Отметим также, что приём в строках (7)-(8) перевода – совпадающие по форме, но различные по смыслу конструкции с предлогом – встречается и в оригинале, хотя и в другом месте (строки (15)-(16)). Таким образом, качество данного перевода и по формальным, и по содержательным критериям оказывается наиболее высоким из рассматриваемых здесь текстов, хотя приходится отметить, что и он не лишён грамматической ошибки: для правильного согласования местоимение *всё* должно стоять в родительном падеже.

Итак, рассмотрение студенческих поэтических переводов, представленных на конкурс, позволяет сделать следующие выводы:

1. Участники способны выделить наиболее очевидные признаки стихотворной формы (в данном случае – рамочную структуру и анафорическое построение основной части стихотворения), однако при попытке передать их на русском языке нарушают баланс, присущий оригинальному тексту: сохраняя анафору, теряют или неоправданно упрощают другие выразительные элементы (особенности рифмовки, стилистическую принадлежность лексики, разнообразие синтаксиса).
2. Как и следовало ожидать, соблюдение метра и рифмы представляет значительную трудность, особенно в тех случаях, когда метрика отклоняется от стандартной схемы. Мы полагаем, что проблемы с распознаванием ритмических характеристик в оригинальном тексте и созданием собственного взаимосвязаны: текст перевода оказывается ритмически не организован, поскольку участник не видит этой организации в оригинале. Некоторые из участников создают поэтический текст с соблюдением определённого размера,

однако, по всей видимости, не чувствуют связи между метрикой и настроением стихотворения, в результате чего перевод производит неадекватное впечатление.

3. Все участники допускают те или иные ошибки в правилах русского языка, прежде всего в согласовании и управлении, но также и в употреблении устойчивых выражений, редких лексем и стилистической сочетаемости.

Вероятно, одной из основных причин этих сложностей и ошибок является отсутствие опыта, как читательского, так и творческого, в отношении поэтических текстов на обоих языках. Результаты конкурса позволяют предположить, что пренебрежение изучением художественных текстов обедняет восприятие языка (как иностранного, так и родного), сужает представление о его выразительных возможностях и вместе с тем делает

учащихся менее внимательными к языковой норме как условия выразительности. Следовательно, литературные образцы могут и должны быть включены в объем материала при изучении лингвистической теории, грамматики, фонетики, с привлечением особого внимания именно к этим примерам.

По мнению О.В. Бабенко, М.Н. Винниковой и И.И. Курмаевой, «конкурсы перевода формируют прочную платформу мотивации к обучению иностранным языкам и переводу» [2]. Они позволяют активизировать эмоциональный и креативный компонент обучения как важное условие прочности усвоения материала. По словам И.А. Черненко, «самая интересная и значимая... часть конкурса – это анализ работ» [4]. Выполнение творческих заданий позволит и учащимся, и педагогам выявить проблемы, неочевидные при работе по стандартным схемам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Конкурс переводов как диагностический и дидактический инструмент, или уроки SENSUM DE SENSU: к 20-летию юбилею конкурса // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2021. №1. С. 106–115.
2. Бабенко О.В., Винникова М.Н., Курмаева И.И. Конкурсы перевода как мотивационная платформа подготовки будущих переводчиков. Опыт КФУ // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №75–4. С. 34–36.
3. Ивлева А.Ю. Оценка качества профессионального и учебного перевода: проблемы и перспективы // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. №1. С. 8–18.
4. Черненко, И.А. Конкурс художественных переводов как фактор образовательного процесса // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2017. – №2.
5. Paul Curtis's Peculiar Poetry. URL: <https://peculiar-poetry.com/paul-curtis/funny/humorous-poems/01hp-01-like.htm>.

© Рябцева Мария Александровна (masha-athelas@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Су Кэ

аспирант, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
suc3665@gmail.com

AESTHETIC UNDERSTANDING OF THE PROBLEM OF DEATH AND IMMORTALITY IN THE LYRICS OF M. LERMONTOV

Su Ke

Summary: The article examines the issues of death and immortality, based on the disclosure of the religious and mythological meanings of M.Yu. Lermontov. Analysis of the poetic material of the author's later works allows us to identify the highest moral values that underlie the lyrics of M.Yu. Lermontov and contribute to the realization of personal life, freedom, peace, love and solidarity with the world, as well as the awareness of spiritual death as the inevitable end of the path. Aesthetic understanding of the problem of death and immortality in the lyrics of M.Yu. Lermontov allows us to evaluate the continuity of the poet of the Russian Orthodox tradition.

Keywords: M. Lermontov, late lyrics, individualism, motifs of death, immortality soul, suffering, forgiveness, sleep, eternity, miraculous.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы смерти и бессмертия, опирающиеся на раскрытие религиозных и мифологических смыслов творчества М.Ю. Лермонтова. Анализ поэтического материала поздних работ автора позволяет выявить высшие нравственные ценности, которые лежат в основе лирики М.Ю. Лермонтова и способствуют реализации личной жизни, свободе, миру, любви и солидарности с миром, а также осознанию духовной смерти как неизбежного завершения пути. Эстетическое осмысление проблемы смерти и бессмертия в лирике М.Ю. Лермонтова позволяет оценить преемственность поэта русской православной традиции.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, поздняя лирика, индивидуализм, мотивы смерти, бессмертия души, страдания, прощения, сна, вечности, чудесного.

На протяжении всей истории человечества тема смерти и её антипод – тема бессмертия продолжают волновать умы мыслителей. Темы смерти и бессмертия раскрывают широкий спектр граней жизни, несут в себе глубокий ценностный смысл и выявляют индивидуальные духовные намерения и общекультурные парадигмы человека и народов [1].

В мифологических и религиозных учениях смерть и бессмертие всегда воспринимались как неразделимые и взаимосвязанные концепции. «Более того, зарождение, смерть и воскресение (возрождение) понимались как три момента одного таинства», – отмечает профессор Чикагского университета Мирча Элиаде, румынский писатель, историк религии и мифолог [2, с.78].

Темы смерти и бессмертия в лирике Лермонтова стали ключевыми и актуальными для поэта еще на начальном этапе его творческого развития, отражая всю глубину его мировоззрения.

Современный исследователь Г.В. Косяков, обращает внимание на особенности «ночной» лирики Лермонтова (1830–1831). В этих произведениях наглядно противопоставлено земное и небесное в душевном мироощущении, борьба добра и зла, а также четкое разграничение физической смерти как разделения души и тела, отдельного существования и перехода в вечность. Родовой

страх физической смерти сменяется страхом божественным, наполненным острым осознанием утраты личностной идентичности и невозможности достижения полноценного существования на земле [3].

Смерть — неотъемлемый объект философских размышлений и поэтических переживаний поэта, переплетаясь с идеями о вечности, времени, бессмертии и любви. Распространенный мотив романтической поэзии у Лермонтова – ожидание смерти как освобождения от земных мук и страданий, который достигает наивысшей трагической кульминации в стихотворении «Пленный рыцарь», где смерть, как желанное избавление от жизненного плена:

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой броней мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя-
Слезу и сдерну с лица я забрало.

Однако чаще всего в стихах Лермонтова смерть не воспринимается как завершение жизненного пути, а как неотвратимое ощущение гибели или приближающегося конца:

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет.

В поэзии Лермонтова смерть воспринимается как

бессмысленный акт поглощения мирозданием индивидуальности человека. Поэту чужда просветительская ирония, направленная на раскрытие «тайн гроба»; для него смерть является роковой тайной, непостижимой для человеческого разума, и его целью становится не разгадка тайны, а более глубокое погружение в суть смерти. В трагизме смерти Лермонтов видит, прежде всего, невозможность достижения личного бессмертия, исчезновение душевной уникальности без оставления следа как вокруг в своём малом близком мире, так и в духовном постоянстве.

В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне бесконечной!
(«Смерть» — «Закат горит огнистой полосой»);

Сама по себе смерть не страшит поэта; ужасно связанное с ней забвение и гибель любви:

Что смерть? - лишь ты не изменишь душою!
Смерть не разрознит нас
(«Настанет день — и миром осужденный»).

Смерть и любовь в творчестве М.Ю. Лермонтова связаны неразрывной цепью в таких произведениях, как «Демон», «Маскарад», «Герой нашего времени», баллады «Морская царевна», «Тамара», «Дары Терека». Любовь демонического героя приводит к гибели его прекрасной возлюбленной. Так погибли Ээла, Тамара и Нина в поэме «Демон». Герой знает, что его любовь несет смерть, но не может устоять перед чарующим зовом красоты. Как вариация этого противостояния возникает образ роковой красавицы, несущей смерть своему возлюбленному в балладе «Тамара» [4].

Для героя лирики Лермонтова смерть часто воспринимается как что-то, что уже произошло. Это порождает идею «живого мертвеца»: герой ощущает себя мертвым среди живых или воскресшим среди мертвых, что лишает его интереса к своей собственной смерти. Так, в стихотворении «Челнок» («Воет ветер...») смертельно раненый пленник не страшится бури:

Он смерть равнодушнее путников ждёт,
Хотя его прежде она уведёт...

Перед наступлением реальной смерти герой переносит свое чувство приближения смерти в другую сферу, где его душе предстоит стать наблюдателем безмолвным, но не безразличным, на пороге земной жизни. Невозможность умереть за мир, невозможность забыть земную страсть в стихотворении «Любовь мертвеца» становится для героя неотвратимым приговором.

В трех стихотворениях под названием «Смерть» представлены два контрастных образа смерти. В одной из них «Пылающий закат...» поэт не сомневается в полном исчезновении «земли». В оставшихся двух стихах «Ласкаемый цветущими мечтами», «Оборвана цепь жизни молодой» душа после смерти тщетно ищет забвения в

муках ада; она страдает от нескончаемой боли не в силах вырваться из бесконечного холода космоса.

В небольшом цикле «ночных стихотворений» «Ночь. I» и «Ночь. II» Лермонтов показывает нам ужас биологической смерти, смерти и разложения. Он изображает смерть как двойственный образ, воплощающий и сон-смерть, и бодрствование. Душа умершего, в процессе разложения тела, вынуждена вернуться на землю. Духовный двойник пытается оживить безжизненный скелет, но всё безуспешно. Этот момент, который наступает после пробуждения, физически переживается героем как воскрешение.

Таким образом, лирическая ситуация в стихотворениях «Ночи. I» и «Ночи. II» выражает глубокую тревогу и страдание героев, их сомнения и надежду на Божественное спасение. Они стремятся найти ответы на свои вопросы и обрести душевный покой, несмотря на свои страдания и осуждение перед несправедливостью [3].

Бессмертие в форме «бесплотного духа» изначально не достаточно для ценностной системы поэта. Пробуждение героя к жизни на земле символизирует необходимое полное возрождение в единстве души и тела. Лермонтов преодолевает стандартные образы благодаря взаимодействию с традициями «ночной» поэзии. Такие образы, как «гроб», «могила» и «колокол», имеют диалектическую и полифоническую направленность, выражая мотивацию развития личности и стремление к достижению совершенства существования. Поэтому образ «могилы» в ранней лирике поэта знаменует, с одной стороны, усиленное выражение физического разрушения и обезличивания, а с другой — необходимый отдых и спокойствие [5].

Темы смерти и бессмертия глубоко переплетены с основными темами и мотивами поэзии, такими как стремление к пониманию смысла жизни, вечности времени, сохранения памяти и противостояния забвению. Воплощение этих мотивов и вопросов создает различные поэтические контексты, в которых общие поэтические и даже лингвистические метафоры могут получить особое смысловое наполнение. К ним относится весьма распространенное в творчестве Лермонтова понятие «следы», которые проявляются на разных уровнях метафоры и меняют свой объем и содержание в зависимости от контекста [3].

Метафора «следа» у Лермонтова связана с острейшим переживанием конечности собственного «Я». Признание Лермонтова: «Страшно подумать, что настанет день, когда я не смогу сказать: я! При этой мысли весь мир есть не что иное, как ком грязи!» — из письма к М.А. Лопухиной, 1832 [4, с. 301]. Именно «бесследность» как возможный жизненный итог, а не страх смерти омрачает взгляд героя Лермонтова в будущее:

И близок час ...и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой
(«Когда твой друг с пророческой тоскою»).

Гарантией бессмертия является память не только самого героя, но и «родной» души, любимой женщины, память которой сохранит о нем «глубокие следы». Поэтому он так горячо требует не столько любви, но прежде всего памяти, и сам верит в неизгладимость своего чувства в чужой памяти:

И не изгладить ты никак из памяти своей
Не только чувств и слов моих — минуты прежних
дней...!
(«Романс», 1832).

Наряду с пророческим переживанием смерти в творчестве Лермонтова всегда существовал образ смерти, умышленно лишенной ореола таинственности, данной как бы взглядом со стороны. Во многих поздних стихотворениях «Памяти А.И. Одоевского», «Завещание», «Валерик» мотив смерти не связан с апокалиптическими и космическими мотивами, а в «Валерике» смерть на поля боя дана во всей своей беспощадной простоте.

Предчувствуя свою преждевременную смерть, поэт видит две могилы: одна — среди гор Кавказа, неоплаканная, «кровавая»

Могилы без молитв и без креста,
На диком берегу ревуших вод
(«1831 июня 11 дня» (Моя душа, я помню...)).

Другая могила видится ему среди русского пейзажа,
Есть место: Близ тропы глухой,
В лесу пустынном средь поляны
(«Завещание»);
над ней не тяготеет проклятие людей:
Могиле той не откажи
Ни в чем, следуя закону;

Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи.

Поэтическое предсказание поэта о «двух могилах» оказалось пророческим.

Стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» — одно из последних сочинений Лермонтова. Оно было написано в 1841 году незадолго до гибели на дуэли и смерти поэта. Это исповедь лирического героя, где автор доверчиво обнажает свою незащищенную душу, делится мыслями вслух, высказывает пожелания и восхищается красотой природы [6].

Именно образ вечно зеленеющего могучего дуба здесь особенно знаменателен. Дуб — это символ крепости жизни, ее вечности и незыблемости.

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Непреодолимое значение лирики поэта в том, что она раскрывает процесс развития от противоречивых взглядов на жизнь и смерть к стремлению к синтезу органического и непостижимого, к принятию мира и стремлению к единству с ним. Абсолютный идеал целостности, вера в сохранение духовной загробной жизни, примирение с жизнью раскрывают глубокую преемственность мировоззрения поэта с православными представлениями о смерти, бессмертии и воскресении [7].

“Как всякий настоящий, а тем более великий поэт, Лермонтов исповедовался в своей поэзии, и, перелистывая томики его сочинений, мы можем прочесть историю его души и понять его как поэта и человека”, — писал И. Андроников [8, с. 442].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г.Д. Учение Н.Ф. Федорова - как творение русского Логоса // Философия бессмертия и воскресения: По материалам VII Федоровских чтений. 8–10 декабря 1995. - Вып. 1. - М., 1996. - С. 109–117.
2. Элиаде М. Сакральное и мирское. М. 1994, С.122
3. Косяков Г.В. Проблемы смерти и бессмертия в лирике М.Ю. Лермонтова: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. — Омск.: 2000. — 197.»
4. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.» — М.: Сов. Энцикл., 1981. — С. 290—312.
5. Смирнова Н.В. Мотив смерти в художественной системе лирики М.Ю. Лермонтова // Вестник Удмуртского ун-та. 1993. - № 4. - С. 75 -77.
6. Максимов Д.Е. «Выхожу один я на дорогу». Стихотворение М.Ю. Лермонтова // Литература в школе. 1965. - № 6. - С. 13–21.
7. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Вопросы литературы. 1989. - № 10. - С. 88–122.
8. Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. — М.: «Худож. лит.», 1977. — 650 с.
9. Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. - М., 1987. - С. 49
10. Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова: 2-е изд., испр. и доп. - М., 1986. - С. 47
11. Лермонтов в воспоминаниях современников. М: Художественная литература, 1989. -671 с.

© Су Кэ (suc3665@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – ЭТО ПУТЬ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЩЕНИЯ ЦАЙ ИН-ВЭНЬ ПО СЛУЧАЮ ДНЯ ДВУХ ДЕСЯТОК 2023 Г. И ЕГО ОФИЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ)

Чанг Джуй Ченг

кандидат филологических наук, ассистент-профессор,
Государственного университета Чжэнчжи,
(Тайвань г. Тайбэй)
jack11813@yandex.ru

**THE METAPHORICAL MODEL
"THE DEVELOPMENT OF THE COUNTRY
IS A PATH" IN POLITICAL DISCOURSE
(ON THE MATERIAL OF TSAI ING-WEN'S
ADDRESS ON THE OCCASION OF
DOUBLE TENTH DAY IN 2023 AND ITS
TRANSLATION IN RUSSIAN AND ENGLISH)**

Chang Jui-Cheng

Summary: Focusing on Tsai Ing-wen's address on the occasion of "Double Tenth Day" on October 10, 2023, we analyze the cognitive and translation aspects of Tsai Ing-wen's speech and its official translation in Russian and English. During the analysis of the research material, we reveal the frame-slot structure of the metaphorical model THE DEVELOPMENT OF THE COUNTRY IS A PATH. We highlight, on the one hand, the role of path metaphor in understanding the socio-economic development of the country and in increasing the level of trust in government, and on the other hand, the features of transferring the path metaphor into Russian and English.

Keywords: political discourse, path metaphor, metaphorical model, concept, translation.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению когнитивного и переводческого аспектов метафорических высказываний с исходной понятийной сферой «путь» из обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2023 г. В ходе анализа материала исследования была выявлена фреймо-слотовая структура метафорической модели «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЬ». Был проведен и сопоставительный анализ оригинала и его официальных переводов на русский и английский языки. В результате изучения языкового материала, с одной стороны, была выявлена роль метафоры пути в осмыслении социально-экономического развития страны и в повышении уровня доверия органам власти, а с другой – были установлены особенности передачи метафоры пути на русский и английский языки.

Ключевые слова: политический дискурс, метафора пути, метафорическая модель, концепт, перевод.

В тайваньском политическом дискурсе традиционно широко востребована метафора пути, с помощью которой тайваньские политические деятели осмысляют исторический опыт страны и определяют вектор ее развития на дальнейшие годы. В наших исследованиях, проведенных ранее, были рассмотрены когнитивный и переводческий аспекты метафоры пути в торжественных речах Цай Ин-вэнь [11; 12; 13]. Результаты исследований показали, что метафора пути в официальных обращениях политического деятеля сыграла существенную роль, во-первых, в описании многих ключевых исторических событий, оказавших глубокое влияние на судьбу страны, во-вторых, в определении перспективных направлений развития страны, в-третьих, в повышении уровня консолидации всего общества.

10 октября 2023 г. Цай Ин-вэнь выступила с последним ежегодным обращением по случаю Дня двух деся-

ток, история возникновения которого корнями уходит в прошлое, связанное со свержением самодержавия в Китае. В этом выступлении вновь широко была использована метафора пути. Мы считаем необходимым проанализировать как извлеченные нами метафорические высказывания с исходной понятийной сферой «путь» из упомянутой торжественной речи политика, так и их официальные переводы на русский и английский языки, чтобы выявить роль метафоры пути в последнем обращении политика, с одной стороны, и особенности передачи метафоры пути на иностранные языки – с другой.

В последнее время большой интерес исследователей вызывает политический дискурс [1; 2; 3; 15; 16; 17; 18]. Под политическим дискурсом, вслед за Е.И. Шейгал, мы понимаем «семиотическое пространство дискурса, которое охватывает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической

коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний и текстов, набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа общения» [17: 26].

По мнению Е.И. Шейгал, политический дискурс включает в себя, во-первых, ориентационные (партийная программа, послание о положении в стране), во-вторых, ритуальные (инаугурационная речь, юбилейная речь), в-третьих, агональные жанры (предвыборные дебаты). С точки зрения исследователя, ритуальные жанры представляют собой тексты, в которых доминирует фатика интеграции, а ориентационные – тексты информационно-прескриптивного характера [17: 323]. Однако, по нашим наблюдениям, тексты смешанного характера встречаются в дискурсивной практике тайваньских политических деятелей, а именно обращение по случаю Дня двух десятков. Поскольку тайваньские политики не обязаны обращаться с посланием к высшему законодательному органу страны, в обращении по случаю Дня двух десятков нередко освещаются актуальные проблемы и перспективы социально-экономического развития страны, отмечается ее внутренняя и внешняя политика, а также определяются цели и задачи, над которыми предстоит работать членам правительства. Из этого вытекает, что обращение по случаю Дня двух десятков как особый тип политического дискурса носит как ритуальный, так и информационно-прескриптивный характер.

Немаловажную роль в облегчении понимания и усвоения адресатом весьма сложной международно-политической и социально-экономической обстановки в стране играет метафорическая модель. Метафорическая модель, как справедливо отмечает А.П. Чудинов, «позволяет представить какую-то сложную проблему как достаточно простую и хорошо знакомую, показать какой-то вариант развития событий как совершенно невозможный или наоборот вполне естественный» [15: 26–27].

Метафорическая модель, с точки зрения теории метафорического моделирования, – это «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными областями, которую можно представить формулой: “X – это Y”. В соответствии с этой формулой фреймо-слотовая система сферы-источника служит основой для моделирования ментальной системы сферы-мишени» [16: 70]. Под фреймом понимается «объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [7: 119], а под слотами – «элементы ситуации, включающие какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации» [15: 46]. Для изучения метафорической модели важно выявить «типичные для данной модели сценарии, которые отражают наиболее типичные для сферы-источника последовательности ситуаций» [15: 45].

Широкое использование в последнем ежегодном об-

ращении Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков получила метафорическая модель “РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЬ”. Наиболее характерный сценарий «пути» предполагает постановку его цели, определение маршрута, отправление в путь, столкновение с препятствиями, преодоление трудностей, достижение места назначения и анализ результатов путешествия. В соответствии с названной моделью лексемы и выражения, которые в исходном значении относятся к сфере-источнику «путь», метафорически обозначают социально-экономическое и политическое развитие страны.

Концепт «путь» (под концептом понимается «ментальное образование, которое является базовой единицей мыслительного кода человека, представляет собой результат познавательной деятельности личности и общества и несет комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении» [6: 24]) может быть отнесен к числу универсальных составляющих модели мира разных народов. Лексема путь, вербализующая концепт «путь», происходит от индоевропейского корня со значением «ступать», «идти», «дорога» [14: 85]. Мы согласны с суждением В.В. Колесова о том, что с лексемой путь «связано обозначение не только пространство, но и труда, необходимого для преодоления такого пространства, и опасности движения по нему» [4: 143]. Проанализировав путь во многих мифопоэтических и религиозных традициях, В.Н. Топоров пришел к выводу, что символические ассоциации образа пути – приключение, трудность, опыт, познание, учение и движение вперед [10: 199].

В последнее время наблюдается усиление интереса исследователей к изучению метафоры пути в политическом дискурсе [8; 19]. Исследования проводятся чаще всего на материале речей европейских и российских политиков. Тем не менее до сих пор недостаточно внимания уделяется системному изучению метафоры пути и других концептуальных метафор в речах тайваньских политических деятелей. Этим объясняется актуальность проводимого исследования.

В результате анализа метафорической модели “РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЬ”, которая была активно использована в обращении Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2023 г. [9; 20; 21], были выявлены следующие фреймы.

1. Фрейм «Участники путешествия»

В тайваньском политическом дискурсе нередко встречаются метафоры с образами таких участников путешествия, как путники, спутники, проводники и др. Как эти фигуры метафорически представляются политики, жители страны, которые идут сообща по заданному пути. В ходе анализа языкового материала был выявлен слот «Путник» названного фрейма. Изучим приведенные

ниже метафорические высказывания.

Слот 1.1. Путники (компоненты области цели: страна)

(1) ...**國家要繼續前進**。(букв. <...> наша страна должна продолжить движение вперед)

<...> **наша страна продолжит движение вперед.**

<...> **our country will continue moving forward.**

(2) ...**自信沉穩的臺灣，一定會繼續前進**。(букв. <...> Уверенный и спокойный Тайвань обязательно продолжит движение вперед)

<...> **Тайвань** устойчиво и спокойно **продолжит свой путь.**

<...> **Taiwan, calm and confident, will continue moving forward.**

При изучении торжественных речей Цай Ин-вэнь можно заметить, что в инаугурационных речах основной акцент делается на способности политика руководить страной и объединять все общество, и потому в рамках фрейма «Участники путешествия» были выявлены не только слоты «Путники», «Спутники», но и слот «Проводники», указывающие путь [12; 13]. Что касается последнего официального обращения Цай Ин-вэнь, то в нем главное внимание было уделено уже не самому политику, а стране, которая должна непрерывно развиваться.

Метафорически представляя страну самостоятельным путником, который, несмотря на всевозможные трудности, идет вперед по пути реализации целей, и наделяя страну положительными человеческими свойствами (ср. пример 2), Цай Ин-вэнь оказывает на адресата сильное речевое воздействие. Эти высказывания, по нашему мнению, способны вызвать у адресата позитивное отношение к своей стране и ее дальнейшему развитию.

Сопоставление оригинала и его переводов показывает, что в переводах полностью сохранен метафорический образ оригинала, что обеспечивает равенство коммуникативного эффекта в оригинале и в переводе. Особого внимания заслуживают переводы примера (2), в которых проявляется индивидуальное отношение переводчиков к содержанию исходного текста. В переводе на английский язык использовано обособленное определение в целях усиления смысловой нагрузки и выразительности речи. Что касается перевода на русский, то в нем использованы наречия для обозначения признаков действия. Переводчик, как нам представляется, был намерен подчеркнуть необходимость продолжения действия для достижения целей.

2. Фрейм «Маршрут передвижения»

Социально-экономическому развитию страны способствует постановка четких и конкретных целей. В тай-

ваньском политическом дискурсе она часто метафорически представляется как разработка маршрута, так как построение правильного маршрута является одним из главных аспектов подготовки к успешному путешествию. В ходе анализа материала нами был выявлен слот «Направление». Рассмотрим приведенное ниже метафорическое высказывание.

Слот 2.1. Направление пути (компоненты области цели: определенная цель развития страны)

(3) ...**未來一定可以在正確的道路上加速前進**(居住正義 - 筆者)。(букв. <...> в будущем мы обязательно сможем на правильном пути увеличить скорость движения вперед)

<...> в будущем мы сможем ускориться, **двигаясь в правильном направлении** (имеется в виду, жилищная справедливость – Чанг Д.Ч.).

<...> I believe we can accelerate our progress **down the right track** (it means, housing justice – Chang, J.-C.).

Одним из методов решения современной жилищной проблемы Тайваня является строительство социального жилья. Цай Ин-вэнь осмысляет жилищную справедливость с помощью метафоры пути. Эта метафора показывает программу социального жилья как вполне оправданную.

В приведенном высказывании использовано выражение **正確的道路** (букв. 'правильный путь') для обозначения определенной цели социального развития сферы жилищных услуг. Сопоставительный анализ исходного и переводных тестов показывает, что высказывание было переведено точно, и сохранены выявленные фрейм и слот. Таким образом, оба перевода могут донести до иностранной аудитории речевое воздействие оригинала.

3. Фрейм «Процесс передвижения»

Цай Ин-вэнь в своем последнем торжественном обращении осмысляет и описывает все кардинальные реформы, включая военную, жилищную, пенсионную и энергетическую, с помощью метафоры пути. Процесс реформирования может концептуально представляться как процесс передвижения, который включает в себя, как правило, этапы, движение вперед, скорость движения, ориентиры и т. п. В ходе анализа материала были выявлены слоты «Этапы пути», «Движение вперед» и «Скорость движения». Исследуем приведенные ниже метафорические высказывания.

Слот 3.1. Этапы пути (компоненты области цели: значимые / трудные периоды развития страны)

(4) **我們還沒走完年金改革的最後一哩路**...(букв. Мы еще не прошли последнюю милю пенсионной реформы <...>)

Мы еще не завершили последний этап пенсионной реформы <...>

We have yet to complete the last mile of our pension reform <...>

(5) ...有...一條艱辛的路, 我們走了三十年(潛艦國造 - 筆者)。(букв. <...> есть один трудный путь, по которому мы идем уже 30 лет)

<...> **есть <...> один трудный путь, по которому мы идем уже тридцать лет** (имеется в виду, отечественное производство подводных лодок – Чанг Д.Ч.).

<...> **there is <...> path beset with challenges that we have walked for 30 years** (it means, producing a domestically developed submarine – Chang, J.-C.).

При описании социально-экономического развития страны Цай Ин-вэнь метафорически представляет стадии реализации пенсионной и военной политики страны как этапы передвижения, которые полны трудностей. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением В.Н. Топорова о том, что путь всегда труден, трудность пути – постоянное и неотъемлемое свойство [10: 186]. С помощью метафоры пути политик, с нашей точки зрения, была намерена внушить жителям страны мысль о том, что правительство, несмотря на все трудности, рано или поздно достигнет поставленных целей, и вызвать у аудитории доверие правительству и надежду на дальнейший прогресс страны.

Сопоставительный анализ переводов и оригинала показывает, что содержание оригинала в целом было верно воспринято переводчиками, и переводы способны обеспечить прагматический потенциал метафоры пути. Особого рассмотрения заслуживает пример (4). В последнее время в тайваньском политическом дискурсе, в частности в дискурсивной практике Цай Ин-вэнь, наблюдается активное использование выражения 最後一哩路 (букв. 'последняя миля') в целях обозначения ключевого этапа достижения поставленных целей. В переводе на английский язык метафора сохранена, а в переводе на русский ее смысл был переведен без сохранения метафорического образа. Это, возможно, связано с тем, что буквальный перевод рассматриваемого выражения был признан переводчиком неприемлемым для переводящего языка.

Слот 3.2. Движение вперед (компоненты области цели: прогресс в развитии страны)

(6) ...我們在起步階段(社會住宅運動 - 筆者)的困難中前進...(букв. <...> мы двигались вперед в начальном этапе, который был полон трудностей)

<...> мы сумели **преодолеть** первичные **трудности** (имеется в виду, движение за социальное жилье – Чанг Д.Ч.) <...>

<...> we have **overcome the difficulties** of this

endeavor's early phases (it means, the social housing movement – Chang, J.-C.) <...>

(7) 從無到有, 踏出這一步需要無比的勇氣(潛艦國造 - 筆者)。(букв. Мы начинали с нуля, и нам было нужно беспримерное мужество, чтобы сделать этот шаг)

Мы начинали с нуля, и нам потребовалось огромное мужество, чтобы **сделать этот шаг** (имеется в виду, отечественное производство подводных лодок – Чанг Д.Ч.).

As we started from scratch, **taking this leap** required immense courage (it means, producing a domestically developed submarine – Chang, J.-C.).

(8) 我們的國防自主再跨出一大步...(букв. Наша обороноспособность еще сделала большой шаг)

Мы **сделали большой шаг вперед** в обеспечении обороноспособности <...>

We **took a big step forward** in our national defense self-sufficiency <...>

(9) 我們...一步步實現能源轉型。(букв. Мы шаг за шагом осуществляем цель трансформации энергетической структуры)

Мы <...> **шаг за шагом движемся** к целям трансформации энергетической структуры.

We are <...> **taking one step at a time** to achieve a transition to green energy.

(10) 儘管阻撓未曾停歇, 但我們沒有停下走向世界的腳步。(букв. Несмотря на то, что препятствия никогда не прекращались, мы не останавливаем шаг в мир)

Несмотря на препятствия, мы **не перестаем стремиться к миру**.

While obstacles have not ceased, **neither have we stopped engaging with the world**.

(11) 面對特殊的國際處境...我們不前進就會倒退...(букв. Перед особой международной обстановкой <...> если мы не будем двигаться вперед, мы отступим <...>)

Перед лицом сложной международной обстановки <...> **если мы не будем двигаться вперед, мы откатимся назад** <...>

As we face unique international circumstances <...> **if we do not move forward, we will move backward**.

В приведенных высказываниях использованы лексемы и выражения, относящиеся в главном значении к исходной понятийной области «путь», для обозначения непрерывного процесса социально-экономического развития и научно-технического прогресса: 前進 (букв. 'двигаться вперед'), 踏出這一步 (букв. '[ступить] сделать этот шаг'), 跨出一大步 (букв. '[расставить ноги] сделать большой шаг вперед'), 一步步 (букв. 'шаг за шагом'), 沒有停下走向世界的腳步 (букв. 'не остановить шаг в мир').

Цай Ин-вэнь описывает работу правительства над

жилищной, военной, энергетической реформами, а также внешнюю политику страны, используя метафоры, связанные с движением вперед. Использование подобных метафор способствует повышению консолидации общественных сил и росту доверия населения органам власти.

Сопоставление оригинала и переводов показывает, что в некоторых случаях смысл метафоры пути был переведен без сохранения метафорического образа: в обоих переводах примера (6) внимание было уделено не движению вперед, а преодолению трудностей; в переводе примера (10) на английский язык использована лексема *engage* в значении 'взаимодействовать' для акцентирования внимания на взаимоотношениях и взаимодействии страны с миром. В остальных переводах в целом сохранена метафора пути, но в некоторых из них наблюдается изменение слотов в рамках одного фрейма. В переводе примера (7) на английский язык использована лексема *leap* (букв. скачок) для обозначения существенного перелома в развитии национальной обороны страны, и в ходе анализа перевода был выявлен слот «Способы передвижения». В переводе примера (10) на русский язык использована лексема *стремиться*, тем самым в ходе изучения перевода был выявлен слот не столько «Движение вперед», сколько «Скорость движения». В этих переводах проявляется индивидуальное представление переводчиков о прогрессе страны. Отмеченные моменты не полностью соответствуют интенции оригинала, однако, на наш взгляд, сделали переводы более эмоциональными.

Слот 3.3. «Скорость движения» (компоненты области цели: темпы развития страны)

(12) ...未來一定可以在正確的道路上加速前進(居住正義 - 筆者)。(букв. <...> в будущем мы обязательно сможем на правильном пути увеличить скорость движения вперед)

<...> в будущем **мы сможем ускориться**, двигаясь в правильном направлении (имеется в виду, жилищная справедливость – Чанг Д.Ч.).

<...> I believe **we can accelerate our progress** down the right track (it means, housing justice – Chang, J.-C.).

(13) 臺灣的再生能源發展...只能快, 不能慢... (букв. Развитие озобновляемой энергетики Тайваня должно лишь увеличить, а не снизить скорость движения)

Тайвань **наращивает темпы** развития возобновляемой энергетики <...>

Taiwan's renewable energy development <...> **must gather pace** <...>

Для достижения места назначения важно движение вперед, но, несомненно, в целях быстрого достижения цели поездки необходимо и увеличение скорости дви-

жения вперед. В приведенных выше высказываниях ускорение научно-технического прогресса и социально-экономического развития страны образно представляется как увеличение скорости движения. Выявленный слот отличается сильным воздействующим потенциалом. Рассматриваемые метафорические высказывания способны повысить, с одной стороны, эффективность работы органов власти, а с другой стороны, рейтинг одобрения деятельности правительства.

Следует отметить, что в приведенных метафорических высказываниях выражены значения возможности и необходимости [5]. Сопоставительный анализ исходного и переводных текстов показывает, что в большинстве случаев содержание оригинала было правильно воспринято переводчиками, и в переводах сохранены значения возможности и необходимости. Стоит обратить особое внимание на перевод примера (13) на русский язык: страна выступает как действующее лицо, ставшее активным участником в реформе энергетики, кроме того, содержание перевода, с точки зрения переводчика, соответствует реальной действительности. В этом переводе проявляется индивидуальное отношение переводчика к содержанию оригинала, но, по нашему мнению, теряется и замысел «первичного» адресанта.

4. Фрейм «Анализ результатов путешествия»

Слот 4.1. «Перспективы дальнейших путей» (компоненты области цели: перспективы развития страны)

(14) 「居住正義」這條路仍然漫長...

Путь к достижению «жилищной справедливости» **долг** <...>

There is still **a long way** to go to achieve housing justice <...>

После завершения путешествия участники нередко подводят итоги, оценивают его разные аспекты и строят планы на будущее. С помощью метафоры пути Цай Ин-вэнь оценивает результаты развития жилищной сферы страны. Внушается мысль о том, что итоги реформы жилищного строительства пока не соответствуют запросам народа, но поставленная цель реформы обязательно будет достигнута.

Сопоставление оригинала и двух переводов показывает, что переводы полностью эквивалентны исходному тексту. Таким образом, сохранен прагматический потенциал названного фрейма метафорической модели «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЬ».

Продланное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, для дискурсивной практики Цай Ин-вэнь характерно использование мета-

форы пути, с помощью которой политик осмысляет будущее страны, описывает ее внутреннюю и внешнюю политику, анализирует результаты проведенных реформ, а также видит перспективы социально-экономического развития страны. Более того, метафора пути, которая обладает положительным прагматическим потенциалом, способствует укреплению сплоченности общества, повышению эффективности работы правительства, а так-

же росту уровня доверия населения органам власти и самому политику. Наконец, в целом переводчики четко поняли роль метафоры пути в речи Цай Ин-вэнь и стремились к максимально точной передаче метафоры пути в своих текстах. Те несоответствия оригиналу, выявленные в ходе сопоставительного анализа, не оказывают сильное влияние на понимание содержания оригинала, а свидетельствуют об индивидуальности переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. – 42 с.
2. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. / Пер. с англ. и нем. Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
3. Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 296 с.
4. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Путь // Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П-Я. СПб.: Златоуст, 2014. С. 141–143.
5. Падучева Е.В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2016.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Изд. 2-е, перераб. и доп. Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
8. Рябкова И.П. Репрезентация концепта «ПУТЬ» в речах российских и американских президентов конца XX – начала XXI в.: сопоставительно-переводческий аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014. – 204 с.
9. Текст обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2023 г. <https://ru.rti.org.tw/news/view/id/97380>.
10. Топоров В.Н. Путь // Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 186–200.
11. Чанг Джуй Ченг. Когнитивное исследование метафоры пути и военной метафоры в политическом дискурсе (на материале обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2022 года и его перевода на русский и английский языки // Критика и семиотика. Новосибирск, 2023. № 1. – С. 85–104.
12. Чанг Джуй Ченг. Метафорическая модель “РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЕШЕСТВИЕ” в инаугурационной речи (на материале первого обращения Цай Ин-вэнь и его официального перевода на английский язык) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2022. № 6 (96). – С. 200–210.
13. Чанг Джуй Ченг. Метафора пути в инаугурационной речи (на материале второго обращения Цай Ин-вэнь и его перевода на русский и английский языки) // Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России. Тайбэй, 2021. № 31. – С. 41–68.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-т. Т. 2 Панцирь – Ящур. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1999. – 560 с.
15. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
16. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
17. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. – 434 с.
18. van Dijk, T.A. Political discourse and political cognition. Politics as Text and Talk: Analytic approaches to political discourse. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2002, pp. 203–237.
19. Ryazanova-Clarke, L., & Koteyko, N. The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? Slavonica. 2009. No. 15 (2), pp. 112–127.
20. Tsai Ing-wen's Address on the Occasion of Double Tenth Day in 2023. <https://english.president.gov.tw/NEWS/6616>.
21. 蔡英文雙十演說全文 (Текст обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2023 г.). <https://www.president.gov.tw/News/27963>.

© Чанг Джуй Ченг (jack11813@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕДИАОБРАЗ КИТАЯ В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИКЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ» (1834–1848).)

Чжао Дунъян

аспирант, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Россия (г. Нижний Новгород) diazha096@gmail.com

MEDIA IMAGE OF CHINA IN THE RUSSIAN PERIODICS OF THE 19TH CENTURY (BASED ON THE EXAMPLE OF THE MAGAZINE "BIBLIOTEKA DLYA CHTENIYA" IN 1834–1848)

Zhao Dongyang

Summary: The article explores the media image of China presented in the magazine "Biblioteka dlya chteniya" edited by O.I. Senkovsky in the period from 1834 to 1848. The author reveals the specifics of the term «media image» and its shaping factors and emphasises the role of mass media in the process of media image formation. In parallel, the history of publication of the first "thick magazine" of the XIX century in Russia the magazine "Biblioteka dlya chteniya" and its peculiarities are presented. The article analyses various materials about the political, historical and social situation in China presented in this journal and summarises Russia's attitude towards China and the Chinese in the first half of the nineteenth century, as well as the media image at the same time.

Keywords: the image of the country, media image, China, magazine "Biblioteka dlya chteniya", history of Russian journalism, the "thick" magazine, the 19th century, mass media.

Аннотация: В данной статье исследуется медиаобраз Китая, представленный в журнале «Библиотека для чтения», редактировавшемся О.И. Сенковским в период с 1834 по 1848 годы. Автор раскрывает специфику термина «медиаобраз» и его компоненты, а также подчеркивает роль СМИ в процессе формирования медиаобраза. Параллельно представлены история первого «толстого журнала» XIX века в России «Библиотека для чтения» и его особенности. В статье проанализированы материалы журнала, отражающие политическую, историческую и социальную обстановку в Китае, сделаны выводы об отношении России к Китаю и китайцам в первой половине XIX века.

Ключевые слова: образ страны, медиаобраз, Китай, журнал «Библиотека для чтения», история отечественной журналистики, «толстый» журнал, XIX век, СМИ.

В период 1830-1840-х годов в истории в российской журналистики наблюдались быстрое развитие и стремительные изменения. Это время характеризовалось переходом от традиционной системы официальной цензуры к массовизации прессы. В 1833 году в России появился журнал «Библиотека для чтения» А.Ф. Смирдина и О.И. Сенковского.

Журналистская деятельность О.И. Сенковского вызвала у современников весьма противоречивые отзывы от положительных до весьма резких. В.Г. Белинский характеризовал в 1836 году «Библиотеку...» как идеальный журнал для массового читателя: «Представьте себе ... такая же толстая, такая же жирная, такая же болтливая, словоохотливая, говорящая вдруг одним и несколькими языками... Не правда ли, что такой журнал — клад для провинции?..» [19, С. 38]. Слова А.И. Герцена, высказанные в статье «Библиотека» - дочь Сенковского», очень ярко характеризуют отношение революционно настроенных литераторов того времени к журналисту: «Сенковский также принадлежит николаевскому времени, как шеф корпуса» [20, С. 266]. В статье «О движении жур-

нальной литературы в 1834 и 1835 году» показывается известное противостояние О.И. Сенковский — Н.В. Гоголь. Довольно резко Гоголь высказывает свою характеристику Сенковского: «В критике г-н Сенковский показал отсутствие всякого мнения ... нет ни положительного, ни отрицательного вкуса, — вовсе никакого ... потому что он никогда не заботится о том, что говорит, и в следующей статье уже не помнит вовсе написанного в предыдущей» [21, С. 62]. Однако критику «Библиотеки для чтения» следует воспринимать с учетом характера эпохи. Для многих писателей и журналистов издание журнала с целью получения финансовой выгоды считалось весьма предосудительным. Поэтому изначально они не могли оценить «Библиотеку для чтения» положительно.

В качестве изначально сориентированного на массовую аудиторию журнал «Библиотека для чтения» был известен своим широким спектром тем и высоким качеством статей, оказал глубокое влияние на культуру и интеллектуальную жизнь России того времени. В журнале содержались материалы, посвященные Китаю, охватывающие различные аспекты его истории, культуры, по-

литики и социальной жизни, что позволяло представить уникальный медиаобраз Китая российским читателям. Эти описания не только демонстрировали богатое многообразие Китая, но и оказали значительное влияние на развитие российско-китайских отношений.

Исследование образа страны в последние годы активно представлено в научном дискурсе. Образ страны имеет свои структурные элементы. Согласно диссертационной работе К. Б. Джагмадже, исследователи выделяют пять базовых элементов, которые применяются для анализа образа страны на объективном уровне: образ территории; истории; народа; власти и политического лидера [22]. А «медиаобраз страны» рассматривается как суммарное представление об этой стране, которое формируется СМИ через отражение ее образа в журналистских материалах.

Таким образом, в данной статье рассматривается 20 текстов, опубликованных в журнале «Библиотека для чтения» в период с 1834 по 1848 год, и связанных с формированием образа Китая. Среди них 2 материала, описывают исторический контекст Китая; 6 – представляют китайскую культуру и философию; 5 – наблюдения и анализ китайского общества и политики; и 7 – описывают китайский народ и его образ жизни.

Следует отметить, что Китай, как страна с богатой историей цивилизации, обладает обширной традиционной культурой и философией. Это проявилось еще в XVIII веке в «китаемании», которая охватила российское общество. Журнал «Библиотека чтения» содержит множество материалов о китайской культуре и философии, глубоко исследующих сущность и мудрость китайской традиционной культуры с различных точек зрения.

В 1834 году в журнале был опубликован материал английского критика О. под названием «Китайские женщины-поэты», в котором были представлены шесть китайских поэтесс. В нем отмечалось, что «стихотворения эти написаны со вкусом и приятностью; образы в них живы, фигуры блестящи, выражения живописны» [24, С. 62], что демонстрировало культурную грамотность обычных китайских женщин и литературный образ Китая. В 1837 году в журнале были опубликованы два текста о «китайской пищевой культуре». В одном из них «Китайская диететика» говорится: «Искусство быть здоровым основано в Китае на весьма примечательных правилах» [2 С. 21]. Здесь же приводилась точка зрения, которая может показаться странной для русского восприятия: «добродетель есть первое условие к сохранению здоровья и долголетия; род жизни и пища уже только второе условие» [2, С. 22], что подчеркивало роль здоровья и добродетели в китайской культуре. Другой материал «Целительный китайский перец хуа-цзяо» описывал значимость китайского перца в ме-

дицине и кулинарии: «спросите китайского перца Хуа-цзяо, удивительнейшего из перцев» [17, С. 23]. Это отражало мудрость древних китайцев и характерные черты китайской пищевой культуры.

В тексте, опубликованном в 1845 году, под названием «Фарфоровая башня в Нанкине», описывалось сооружение, расположенное в регионе Нанкин и окружающее её ландшафт: «Общий вид башни не лишен ни величия, ни грации; но удивительнее всего огромная масса фарфоровых кирпичей, употребленных на постройку ее» [16, С. 45]. Это демонстрировало уникальные достижения Китая в области производства фарфора и строительных технологий, а также представляло собой часть образа истории, культуры и искусства, способствовало формированию образа Китая.

В 1846 году публикация под названием «Старинные обычаи у индейцев и китайцев» упоминала о брачных церемониях, судебном процессе, кастовой системе, статусе женщин, классе евнухов, способах разрешения долговых споров и системе налогообложения. Также она представляла образовательную и медицинскую системы в Китае [14, С. 133]. Можно сказать, что данный материал подробно описывала различные аспекты древнего китайского общества, подчеркивая его социальный и культурный образ.

В 1847 году в журнале был опубликован материал «Возведение в степень ученого мандарина», описывающий систему отбора ученых в Китае и значение уровня общения в этой системе. В нем отмечалось: «Нет страны, в которой бы ученость уважалась столько, как в Китае» [1, С. 28]. Подобные публикации формировали образ Китая как страны, ценящей образование и мудрость.

В XIX веке Китай все еще находился под феодальной монархией, императора называли «Сыном Неба», у него была высшая власть, и императорская династия пользовалась уважением китайского народа. В 1840-х годах журнал «Библиотека для чтения» опубликовал два текста о китайской императорской семье и этикете, формируя образ Китая в российских СМИ. Из них одна публикация 1844 года под названием «Несколько подробностей о семействе нынешнего китайского императора» [10] описывала некоторые семейные подробности китайского правителя. Другой текст был опубликован в 1847 году под названием «Церемониал по случаю похорон китайской императрицы» и рассказывал о похоронах китайской императрицы Тун-цзы, а также о ряде событий и церемоний, произошедших во время её похорон [18]. Эти материалы о китайской императорской власти и жизни во дворце отражают то, как общество России первой половины XIX века воспринимало и понимало образ Китая, представляя его как далекое восточное феодальное королевство, полное экзотики и тайны.

В первой половине XIX века (развивалась) торговля между Российской и Цинской империями. В этот период Россия путем контрабанды и других методов массово ввозила китайские товары, что привело к ряду ограничений со стороны правительства Цинской империи. В журнале 1834 года появилась публикация «Китайский плутовской устав», описывающая закон, китайского правительства, регламентировавший торговлю с Россией. В нем говорилось: «Любопытная эта инструкция от Пекинского правительства купцам, торгующим с Россией на Кяхте, отнюдь ни выдумка, ни шутка» [4, С. 80]. Этот закон был направлен на защиту национальных интересов и порядка в торговле, а также демонстрацию образа Китая как торговой страны.

Перед началом опиумных войн Китай был независимым феодальным государством. Опиумные войны принесли китайскому обществу серьезные бедствия. Журнал «Библиотека для чтения» как издание, имеющее широкую читательскую аудиторию, посвятил значительное внимание важному международному конфликту – первой китайско-английской опиумной войне. Журнал «Библиотека для чтения» опубликовал многочисленные материалы, посвященные этому событию. В 1834 году в публикации под названием «Англия и Китай» было отмечено: «Новый и чрезвычайно важный вопрос не только для английского народа, но, может быть, для всего образованного мира, решен Великобританским парламентом большинством немногих голосов, и, что примечательнее, решен людьми, не имеющими никакого понятия о вопросе. Дело идет о нескольких ящиках чаю, — но в этих ящиках заключается судьба целого государства, процветавшего слишком три тысячи лет, считающего в недрах своих слишком двести миллионов жителей» [23, С. 39]. Автор подчеркнул важность этого решения для Китая и его судьбы, а также реакцию китайского правительства на это, описав политический образ слабого и некомпетентного Цинской империей под властью Великобритании.

В 1840 году в журнале был опубликован материал «Мнение словаря китайской академии о табаке», где рассматривается негативное отношение Китая к табаку: «Однако ж люди, в безумном невежестве своем, любят табак гораздо более чем добродетель» [8, С. 92]. Это выявляло отрицательное воздействие, которое ввозимый из Англии опиум оказывает на китайскую мораль и общество. Еще одна публикация, 1842 года «Китайское войско и ее огнестрельное оружие», описывала военную мощь Китая и его систему управления [5]. Здесь отмечалось, что китайцы более склонны к миру и отстают по части военных технологий.

В материале 1840 года «Опиум, Англия и Китай» подробно описывалось поведение Великобритании во время опиумных войн в Китае, а также строгий запрет китайского правительства на торговлю опиумом. Автор представлял Китай как страну, подвергающуюся воздействию внешней агрессии и недобросовестной торговли, одновременно

показывал жесткую систему правительственного управления в Китае, в том числе в сферах торговли и социальной политики. Здесь говорилось: «Опиум, как вы видите, тесно связан с величайшими делами всемирной политики и судьба его интересна не для одних только аптекарей. Чем бы ни кончилась нынешняя английская экспедиция, это зловерное снадобье будет еще играть важную роль в истории человечества: рано ли поздно ли, оно сделается причиною важных переворотов на Востоке, и мы, конечно, справедливо избрали его здесь предметом исторического обозрения» [12, С. 94].

Журнал «Библиотека для чтения» также подробно описывал и полноценно демонстрировал китайский народ и их образ жизни. Путем описания жизни китайского народа данный журнал предлагал читателям уникальную и богатую перспективу, которая помогла им лучше понять китайскую культуру и общество. В тексте «Китайский листовой свинец», опубликованном в 1834 году, описывались простые и эффективные способы производства листового свинца китайцами, что выражало их мастерство и креативность в области ручного производства и техники [3]. В материале «Снег в Кантоне», опубликованном в 1837 году, описывался редко случающийся в регионе Гуанчжоу в Китае сильный снегопад [13]. Автор описывал любовь китайцев к снегу, отражая их эмоциональность и благоговение перед природой. Публикация «Мастерская китайского художника», опубликованная в 1844 году, описывала мастерство китайских живописцев, а также технику китайских художников, включая использование сюаньчэнской бумаги, красок и рисовальных инструментов, отражая выдающиеся традиции и ценности китайцев в области искусства и ремесел [6].

Разумеется, журнал «Библиотека для чтения», помимо публикации большинства текстов, создающих позитивный медиаобраз Китая, также публиковал небольшое количество материалов, содержащих отчеты и писал об отсталости Китая, конструируя негативный образ страны.

В материале «Наблюдения слепого человека в Китае», опубликованном в 1836 году, описывались строгость правителей Китая, а положение попрошайек и слепых людей в стране [9]. Здесь формировался негативный образ современного китайского общества, акцентировалось внимание на социальной несправедливости, моральном упадке и проблемах прав человека. В материале 1838 года «Мнение китайцев об европейской музыке» были отражены предубеждения и некоторых китайцев по отношению к западной музыке. Автор отмечал, что китайцы только простую и ясную музыку считали красивой, в то время как западную музыку – легкомысленной [8]. Это свидетельствовало о гордости китайцев за свою традиционную культуру и сопротивлении по отношению к западной цивилизации, а также отражало образ Китая как самодостаточной страны, исключаяющей внешние куль-

туры. В 1839 году была размещена публикация «Тройники, тайная китайская секта», в которой описывалось сообщество «Китайская тайная секта», которое изображается как политический класс разбойников и фанатиков, недовольный правительством и часто участвующий в беспорядках [15]. Автор критикует эту секту, одновременно представляя образ Китая как страну социальной нестабильности. В 1843 году в материале «Ногти китайской щеголихи» был описан случай убийства китайской женщины. Здесь представлен обычай китайских женщин: погружать длинные ногти в теплую воду во время сна и связывать их, чтобы предотвратить слом [11]. Однако следует отметить, что описанный в публикации обычай и особенное поведение китайцев представляет лишь один аспект китайской культуры и не может представлять полноценный образ всего китайского общества.

Основные результаты

Исходя из анализа публикаций, можно сделать вывод, что журнал «Библиотека для чтения» оказывает двойственное влияние на формирование медиаобраза Китая. В

своих материалах журнал уделяет внимание культурным, философским и художественным достижениям Китая, представляя страну как обладающую богатой историей и культурным наследием, что формирует ее положительный медиаобраз. Но в то же время он также изображает Китай как отсталое, феодальное и бедное государство, подчеркивая нестабильные факторы в китайском обществе, что работает на негативный медиаобраз Китая.

С учетом изложенного следует подчеркнуть, что журнал «Библиотека для чтения» сыграл важную роль в формировании представлений российских читателей о Китае. В журнале сообщаются последние сведения и события, касающиеся Китая в первой половине XIX века, охватывая политические, социальные, культурные и другие аспекты. В то же время журнал также представляет традиционную китайскую культуру, историю, искусство и обычаи, что помогает российским читателям более глубоко понять Китай. Эти статьи формируют сложный и многогранный образ Китая, который одновременно вбирает в себя контрастные сочетания традиций и современности, процветания и вызовов, мира и конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Б. п. Возведение в степень ученого мандарина / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1847. - Т. 85. - № 11. - С. 27–30.
2. Б. п. Китайская диететика / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1837. - Т. 20. - № 1. - С. 20–23.
3. Б. п. Китайский листовый свинец / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1834. - Т. 7. - № 12. - С. 16–17.
4. Б. п. Китайский плутовской устав / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1834. - Т. 4. - № 6. - С. 79–84.
5. Б. п. Китайское войско и его огнестрельное оружие / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1840. - Т. 38. - № 6. - С. 83–91.
6. Б. п. Мастерская китайского живописца / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1844. - Т. 67. - С. 83–88.
7. Б. п. Мнение китайцев об европейской музыке / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1838. - Т. 31. - № 12. - С. 111–114.
8. Б. п. Мнение словаря китайской академии о табаке / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1840. - Т. 38. - № 6. - С. 92–93.
9. Б. п. Наблюдения слепца в Китае / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1836. - Т. 15. - № 4. - С. 14–19.
10. Б. п. Несколько подробностей о семействе нынешнего китайского императора / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1844. - Т. 67. - С. 88–91.
11. Б. п. Ногти китайской щеголихи / О. И. Сенковский. // Библиотека для чтения. - 1843. - Т. 57. - № 3. - С. 145.
12. Б. п. Пребывание китайского правительственного комиссара (комиссара) Ки-ина в Хонконе, у англичан / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1846. - Т. 76. - № 5. - С. 86–97.
13. Б. п. Снег в Кантоне / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1837. - Т. 20. - № 1. - С. 24–26.
14. Б. п. Старинные обычаи у индейцев и китайцев / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1846. - Т. 74. - С. 125–141.
15. Б. п. Тройники, тайная китайская секта / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1839. - Т. 32. - № 1. - С. 12–14.
16. Б. п. Фарфоровая башня в Нанкине / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1845. - Т. 68. - № 1. - С. 42–46.
17. Б. п. Целительный китайский перец Хуа-цзяо / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1837. - Т. 20. - № 1. - С. 23–24.
18. Б. п. Церемониал по случаю похорон китайской императрицы / Б. п. // Библиотека для чтения. - 1847. - Т. 83. - № 7. - С. 18–23.
19. Белинский В.Г. Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы / В.Г. Белинский // Белинский. В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. I — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — С. 7–50.
20. Герцен А.И. «Библиотека» — дочь Сенковского / А.И. Герцен // Герцен А.И. Собр. Соч. в 30 т. — М.: 1956. — С. 266–267.
21. Гоголь Н.В. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году / Н.В. Гоголь // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 156—176.
22. Джгамадзе К.Б. Влияние психологических факторов на формирование образа своей страны в сознании российских граждан: дис. ... канд. полит. Наук: 19.00.12 / Джгамадзе Кристина Бадровна. — Москва: МГУ, 2017. — 188 с.
23. Локхарт, Д.Г. Англия и Китай / Д.Г. Локхарт. // Библиотека для чтения. - 1834. - Т. 3. - № 4. - С. 37–62.
24. Солнье, С.Л. Китайские женщины-поэты / С.Л. Солнье. // Библиотека для чтения. - 1834. - Т. 6. - № 10. - С. 57–64.

© Чжао Дунъян (diazhao96@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛАКУН В СИМВОЛИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ РАСТЕНИЙ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Чжао Цзяньчан

доктор филологических наук, профессор,
Шаньсийский университет
oybarchinm@bk.ru

Линь Сяоин

магистрант, Шаньсийский университет

COMPARATIVE ANALYSIS OF GAPS IN THE SYMBOLIC MEANINGS OF PLANTS IN CHINESE AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

**Zhao Jianchang
Lin Xiaoying**

Summary: The study of the national and cultural specifics of the Russian and Chinese languages comes to the fore in the context of strengthening Chinese-Russian relations. The article is devoted to the study of lacunarity in the symbolic meanings of tree nominations in a comparative aspect based on the material of differently structured unrelated languages: Russian and Chinese. A lacuna occurs where there is a symbolic meaning for a particular type of tree in one language that is not directly reflected in another language. As a result of the comparative analysis, it was concluded that in Russian linguistic culture trees symbolize national identity, emotional states and human qualities, and in Chinese culture the symbolism of the meanings of trees is associated with spirituality and social status.

Keywords: symbolism, symbolic meaning, lacunarity, lacuna, intercultural communication, tree nominations.

Аннотация: Изучение национально-культурной специфики русского и китайского языков выходит на передний план в контексте усиления китайско-русских отношений. Статья посвящена изучению лакунарности в символических значениях номинаций деревьев в сопоставительном аспекте на материале разноструктурных неродственных языков: русского и китайского. Лакуна возникает там, где для конкретного вида дерева в одном языке существует символическое значение, которое не имеет прямого отражения в другом языке. В результате сравнительного анализа сделан вывод, что в русской лингвокультуре деревья символизируют национальную идентичность, эмоциональные состояния и человеческие качества, а в китайской культуре символика значений деревьев связана с духовностью и социальным статусом.

Ключевые слова: символика, символическое значение, лакунарность, лакуна, межкультурная коммуникация, номинации деревьев.

В последние десятилетия наблюдается значительный интерес к изучению национально-культурной специфики в рамках лингвистической науки, особенно применительно к русскому и китайскому языкам. Основное внимание уделяется анализу лакунарности как ключевому аспекту, отражающему культурные и языковые различия.

Комплексный анализ и сравнение языковых и национальных картин мира позволяют выявить лексические и концептуальные различия, которые проявляются в терминах, понятиях и символах, имеющих весомое значение в одной культуре и отсутствующих – или имеющих иное значение – в другой [10]. В ряде исследовательских работ отмечается, что лакунарность не только свидетельствует о различиях в языковом сознании народов, но и служит отправной точкой для более глубокого понимания взаимодействия языка и культуры.

В области сравнительного языкознания лингвисты А.О. Иванов [7], Л.С. Бархударов [3], Ю.С. Степанов [13], Г.В. Быкова [5], И.А. Стернин [14], Ю.А. Сорокин,

И.Ю. Марковина [12] и др. используют термин «лакуна» для выявления национально-культурной специфики сравниваемых языков и культур. Однако ученые по-разному интерпретируют этот термин: некоторые подходят к термину «лакуна» через когнитивную структуру, другие анализируют его с точки зрения рефлекторной функции языка или лексико-системных позиций. Кроме того, некоторые ученые исследуют «лакуны» в контексте лингвокультурологии, лингвистики текста, психолингвистики и теории перевода, а также других дисциплин.

В отечественной школе существуют два подхода к определению термина «лакуна». А.О. Иванов [7] и Л.С. Бархударов [3] используют его в случае отсутствия в переводящем языке прямого соответствия лексическим единицам переводимого языка. При таком «узком подходе» к определению термина межязыковая лакуна определяет единицу второго языка как «безэквивалентную», где обе лексические единицы взаимно предполагают существование друг друга. Но существует также и «широкий подход», который используется более представительной группой лингвистов Ю.С. Степановым [13],

Ю.А. Сорокиным, И.Ю. Маркониной [12], И.А. Стерниным [14], Г.В. Быковой [5] и др. Они характеризуют не только вышеупомянутые случаи, но и случаи грамматических, стилистических, культурологических и прочих несопадений.

В отечественной лингвистической школе к термину «лакуна» подходят двояко. А.О. Иванов [7] и Л.С. Бархударов [3] используют так называемый «узкий подход», определяя лакуны как отсутствие прямых лексических соответствий в изучаемом языке. Согласно этой интерпретации, межъязыковая лакуна обозначает лексическую единицу второго языка как «безэквивалентную», при этом обе лексические единицы предполагают существование друг друга. И наоборот, «широкий подход», предпочитаемый более обширной группой лингвистов, включая Ю.С. Степанова [13], Ю.А. Сорокина, И.Ю. Маркониной [12], И.А. Стернина [14], Г.В. Быкову [5] и др., расширяет определение «лакуны» за пределы простых лексических различий. Эта более широкая интерпретация охватывает случаи грамматических, стилистических, культурных и других несоответствий, тем самым предлагая более полное понимание «пробелов» в контексте лингвистического анализа.

Следует отметить также высокий интерес со стороны китайских ученых к разработке вопросов понимания того, как национальные культурные особенности воздействуют на формирование языкового сознания.

Работы Дай Хаоя исследуют взаимосвязь языка и когнитивных процессов на уровне концептуальной системы и грамматики [19]. Исследования Пэн Вэньчжао [17] и Чжао Айгуо [21], направлены на анализ культурной интерпретации языковой картины мира и понимание системной структуры и взаимосвязей русского культурного пространства.

В числе исследований, посвященных русским идиомам и пословицам, стоят работы Ван Ланься [20], Ян Сяоли [24] и Фэн Вэйцина [16], которые подходят к языковой картине мира с позиций когнитивной семантики и культурной интерпретации, обогащая понимание символических и семантических аспектов языка.

Термин «лакуна в символическом значении» относится к явлению отсутствия в одной культуре или языке определённого символа или символического значения, которое присутствует в другой культуре или языке. Это может быть связано с отсутствием соответствующего понятия, объекта или явления в культурном, историческом или религиозном контексте.

«Формирование культуры и цивилизации лежат в основе символов. Благодаря способности человека использовать символы, культура может существовать»

[23, с. 10].

Как отмечает русский культуролог и семиотик Ю.М. Лотман, символ связан «с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» [9, с. 194]. Символическое значение, таким образом, относится к культурной коннотации, заложенной в слово, возникающей, когда определенное значение передается или подразумевается через конкретный объект. Связь эта служит основой ассоциации слова и объекта, порождая символическое значение в культурном контексте.

Растения играли значительную роль в развитии человеческого общества на протяжении всей истории. Разнообразные природные условия России и Китая привели к распространению различных типов флоры, каждый из которых наделен своими уникальными характеристиками и символикой. Однако, помимо простого ботанического разнообразия, культурный, исторический и социальный контекст стран способствовал развитию различных ассоциаций, идей и эмоций, связанных с растениями в каждой культуре. Номинации деревьев, являющиеся предметом настоящего исследования, демонстрируют целый спектр ассоциативных потенциалов: от универсальных понятий до культурно специфичных символов.

Рассмотрим символические значения наименований деревьев в китайском и русском языках с целью выявления в них лакунарности для дальнейшего понимания механизмов их лингвокультурной адаптации и перевода. Концепции и символы, отсутствующие в одном языке, но имеющиеся в другом, являются ключевыми для анализа межкультурных различий и для обучения иностранным языкам.

Анализируемые на материале разноструктурных неродственных языков (русского и китайского) наименования деревьев были разделены на две группы по признаку наличия/отсутствия лакунарности в их символическом значении.

1. Деревья, которые имеют лакунарное символическое значение в китайской лингвокультуре. В рамках данной группы была рассмотрена семантика дендронимов «береза», «рябина», «дуб», «липа», «черемуха».

Береза занимает видное место в культурной самобытности России, символизируя природную красоту, сущность нации и ее непреходящий дух. Это символическое значение ярко отражено во многих произведениях искусства, литературы и фольклора на протяжении всей русской истории. Ярким примером является известный русский поэт С.А. Есенин, который в своих литературных

произведениях создал глубокую ассоциативную связь между березой и Россией. В стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу...» С.А. Есенин определяет Россию как «страну березового ситца»; в стихотворении «Вижу сон. Дорога черная...» называет дерево «береза русская» [6]. Поэтесса А.А. Ахматова в произведении «Победа», использовала образ березы как символ России: «К нам оттуда родные березы / Тянут ветки и ждут и зовут» [2].

Благодаря тому, что у березы белый ствол, гладкая кора и изящная фигура, русские чаще всего ее восхваляют такими словами, как «молодая», «кудрявая», «гибкая», «стройная», «свежая», «тонкая» и т. д. В русском фольклоре и традициях береза почитается как покровительница молодых девушек, олицетворяющая идеалы невинности и чистоты. Неслучайно береза переплетается с образом молодой девушки в популярной загадке: «Стоит Алена, платок зеленый, тонкий стан, белый сарафан». Устойчивое сравнение «стройная, как березка» также подчеркивает связь дерева с женской красотой. Приравнивая стройную женскую фигуру к изящности березы, это сравнение возводит березу в символ эстетического совершенства и воплощает культурные идеалы женственности и красоты.

Согласно суеверию, души умерших могут вселяться в березу, и когда скорбящие плачут под ними, считается, что береза разделяет их горе. Поэтому традиция сажать березы возле могил имеет символическое значение в российском обществе. В литературе, например, в трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» героиня Даша выражает свою любовь словами «люблю до самой березки» [15], эта фраза воплощает в себе идею любить кого-то до конца своих дней. Составляя контраст с символическими значениями березы в русском языке, в китайском анализируемый дендроним не имеет ярко выраженного символического значения, номинируя лишь распространенное северное дерево.

Рябина, известная в России как «дерево любви», имеет важное символическое значение в русской культуре, контрастируя с ее относительно нейтральной символикой в китайской культуре. В России рябина символизирует темы любви и тоски, часто с оттенком меланхолии или горечи. Этот сложный символизм отражен в литературе и народных песнях, где рябина часто характеризуется такими словами, как «горькая» и «печальная». К примеру, в народной песне «Уральская рябина»: «Ой, рябина, рябинушка, / Что взгрустнула ты?» Кроме того, в русской культуре рябина считается символом родины и домашнего очага. Например, А.С. Пушкин писал: «Люблю песчаный косогор, / Перед избушкой две рябины, / Калитка, сломанный забор» [11]. Рябина фигурирует в массе балладных сюжетов о превращении человека в дерево после смерти [1].

Дуб занимает почетное место в русской традиционной культуре, символизируя силу и стойкость. Этот символизм глубоко укоренился в языке в устойчивых сравнениях: «здоров как дуб», «крепок как дуб» и поговорках: «С одного удара дуба не свалишь»; «Не срубишь дуба, не отдув губы»; «Держись за дубок, дубок в землю глубок». Кроме того, образ дуба часто описывается такими эпитетами, как «высокий», «могучий» и «цветущий», подчеркивая его крепость и мощь. Для многих русских поэтов дуб служит символом непреходящей жизненной силы и стойкости. Одиноким дуб олицетворяет патриарха лесов, способного пережить века и поколения: «Гляжу ль на дуб уединенный, / Я мыслю: патриарх лесов / Переживет мой век забвенный, / Как пережил он век отцов» [11].

Однако стоит отметить, что в современном русском языке понятие «дуб» может использоваться и метафорически для обозначения бесчувственного или неразумного человека. Такие фразы, как «дуб дубом» и «дубовая голова», используются для описания людей, которых считают ограниченными или недалекими. Русская поговорка гласит: «Дубовую голову не проймешь словом, надо колом». Такое использование лексемы отражает сдвиг в культурном восприятии дуба, где его традиционная символика силы и стойкости сосуществует с метафорической ассоциацией с упрямством или глупостью. Дуб не имеет особого значения в китайской культуре, где он рассматривается просто как разновидность дерева без богатых символических ассоциаций, присущих русской традиции.

Липа почитается как священное дерево в различных славянских культурах. В русской литературе липа является символом памяти, ностальгии и ушедших времен.

Например, в стихотворении И.С. Тургенева «Деревня» липа описывается как отбрасывающая «незыблемые тени», символизирующая непреходящее присутствие памяти и течение времени: «Люблю заброшенный и запустелый сад / И лип незыблемые тени...». Сборник И.А. Бунина «Темные аллеи» открывается стихотворной строкой «Стояла темных лип аллея...», задающей тон произведению, посвященному темам ностальгии и тоски по утраченной родине и молодости. Однако в паремииологическом фонде русского языка лексема «липа» часто сопровождается негативной коннотацией, особенно в переносном значении. Такие фразеологизмы, как «Бары липовые, а мужики дубовые»; «Облупили, как липку, обобрали, как малинку», «ободраться на липину»; «как липина голая», а также «ровно липонька гола» подчеркивают ассоциации с бедностью и лишениями.

Несмотря на обилие лип в Китае, их запретили выращивать в садах из-за неудачного фонетического сходства слов «липа» (榿 duan) и «прекратить» (断 duan). В

результате липа не имеет особого символического значения в китайской культуре.

Черемуха, хотя и не занимает столь заметного места в верованиях и фольклоре славян, как дуб и береза, имеет свое собственное значение в русской культуре, особенно с точки зрения символики и поэтической традиции. В русском фольклоре черемуха связана с темами любви и сентиментальности.

В поэтической традиции черемуха часто изображается как символ обновления и красоты, возвещающий приход весны своим ароматным цветением: «Черемуха душистая / С весною расцвела / И ветки золотистые, / Что кудри, завила» [6]. Стихотворение С. Есенина «Сыплет черемуха снегом...» [6] рисует картину весеннего пробуждения, где черемуха служит аллегорическим изображением невесты. Символическое значение черемухи заключается в ее роли предвестника весны, символа надежды и обновления.

2. Деревья, которые имеют лакунарное символическое значение в русской лингвокультуре. В рамках данной группы была рассмотрена семантика дендронимов «чинара / утун», «персик», «слива», «софора», «красный сандал».

В китайской культуре дерево чинара, также известное как утун / платан, имеет значение, укорененное в фольклоре и символизме. Согласно китайскому фольклору, дерево чинара ассоциируется с благоприятностью и удачей, поскольку считается, что на ветвях платана часто сидит феникс, мифическая птица, символизирующая процветание и возрождение. Ассоциация с фениксом превращает дерево чинара в символ процветания, удачи и божественного благоволения. Кроме того, дерево чинара упоминается в образных сравнениях и выражениях. Красивая девушка соотнесена с утуном: «В тот миг она была похожа на золотое деревце утуна, с которого слетел феникс» [4, с. 155].

Утун – символ неизменной любви. Древняя легенда гласит, что дерево у – мужское дерево, а дерево тун – женское, и что эти два дерева часто растут вместе, никогда не оставляя и не бросая друг друга, поэтому они стали символом верной любви.

Дерево утун в китайской культуре также несет в себе оттенок меланхолии и печали, что связано прежде всего с его листопадом, который приходится на самое начало осени. Популярная поговорка: 梧桐一叶落, 天下尽知秋. («Когда с дерева утун падает первый лист, весь мир знает, что приближается осень») отражает это чувство, подчеркивая роль дерева утун как предвестника перемен. В древнекитайской поэзии осень часто изображается как пора размышлений и самоанализа, символизиру-

ющая скоротечность жизни.

Например, в стихах Ли Бо дерево утун изображено как символ старения и упадка, его листва горит осенью и вызывает чувство утраты и тоски: 人烟寒橘柚, 秋色老梧桐. 谁念北楼上, 临风怀谢公. – «От холода тоскуя, // Листва платана горит осенью // Во всей своей красе» [8]. В русской культуре дерево утун не имеет особого значения.

В китайской культуре персик символизирует долголетие, спокойствие, вечную молодость, женскую красоту и защиту от злых духов и болезней. Эти значения глубоко укоренились в китайском языке, литературе и культурной символике. Эти значения ярко отражены во фразеологии. Например, 桃花源 «весна цветения персика», берет свое начало из стихотворения Тао Юаньмина и символизирует земной рай или идиллическое убежище от мирских проблем. Точно так же 世外桃源 «персиковый источник за пределами человеческого мира», передает концепцию счастливой страны, рая на земле. Выражение 桃红柳绿 «персики краснеют, ивы зеленеют», напоминают о ярких красках весны и обновления.

Считается, что персиковое дерево не только ассоциируется с красотой и любовью, но и обладает защитными свойствами от несчастий и бедствий. Сходство в произношении слова «персик» (桃, tao) и слова «убегать» (逃, tao) усиливает символическую роль персика в бегстве от бедствий и обеспечении безопасности. Персиковое дерево часто используется как символ любви и дружбы в китайской литературе и фольклоре. В стихотворении Цуй Ху времен династии Тан цветы персика олицетворяют красоту и любовь: 去年今日此门中, 人面桃花相映红. 人面不知何处去, 桃花依旧笑春风. Персиковое дерево также имеет символическое значение вечной дружбы, например, 桃园三结义 – клятва верности в персиковом саду из известного произведения «Троецарства».

Сливовое дерево 李子树, а также цветы сливы, известные как мэйхуа 梅花, – символ китайского Нового года, весны и рождения всего живого. Мэйхуа также считается одним из «Четырех джентльменов» китайской культуры, наряду с орхидеей, хризантемой и бамбуком, символизируя благородство и изящество. Цветы сливы приравнивались к сокровищам Китая и назывались «королевой цветов». Цветок сливы в фразеологии и поэзии нередко ассоциируется с такими качествами, как чистота и обновление. Фразеологическое выражение 破冰梅花 «пронзить мороз мэйхуа» подразумевает нечто удивительное и неожиданное, подобно цветению сливы в мороз. 梅妻鹤子 – сливовые деревья вместо жены и журавли вместо детей символизируют чистоту, самоотверженность и моральное совершенство. 雪胎梅骨 – под снегом рождается новая жизнь с моральной силой – усиливает символизм цветка сливы как символа внутренней силы и стойкости. Поэтому слива считается

символом стойкости китайского национального духа, скромности, достоинства, надежды, воли, трудолюбия, благородства и изящества.

В китайской культуре софора символизирует органы власти, так как правительство при династии Хань особенно любило сажать софору, отсюда и название 官槐 «официальная софора». Софора – символ долголетия, поскольку это дерево-долгожитель, возраст которого может достигать тысячи лет, и древние верили, что оно благословляет потомство. В лирике Сюй Чжимо крупная софора напоминает нам о мужчине: 百尺的槐翁, 在微风中俯身将棠姑抱搂. Высокий софора-дед наклоняется к яблоне-девочке и ее обнимает [18].

В древние времена софора также была символом удачи на экзаменах, дерево стало олицетворением государственных экзаменов, а тех, кто сдавал экзамены, называли 踏槐 «Та хуай».

Самым известным в Китае является софора в Хундун-Шаньси, которая стала родовым и священным деревом для людей, мигрировавших из Шаньси во все уголки страны. Софора является символом родовой памяти.

Красный сандал, известный в Китае как 赤檀 (chì tán), является важным элементом китайской лингвокультурной символики. Этот вид древесины ценится за свой роскошный оттенок и тонкий аромат, который традиционно ассоциируется с высоким статусом и роскошью. Красный сандал известен как дерево долголетия, поскольку ему требуется тысяча лет, чтобы стать деревом. Легенда гласит, что красный сандал нелегко расцветает, но, когда это происходит, он приносит удачу. И обычно его сажают только в богатых семьях, что отражает их статус. Красный сандал – символ внимания и заботы: древесина красного сандала очень ценна и учит людей бережному отношению к окружающим их людям и вещам. В культурном плане красный сандал символизирует духовную чистоту и спокойствие ума, что отражается в его

использовании в буддийских и даосских ритуалах. Сжигание сандалового благовония в традиционных практиках предполагается для очищения пространства от негативной энергии и привлечения благоприятных духов.

Анализ символических значений деревьев в русской и китайской лингвокультурах выявляет ярко выраженную лакунарность, которая отражает уникальность культурных кодов и национального самосознания двух народов.

В русской лингвокультуре деревья часто несут глубокий символический смысл и связаны с национальным самосознанием. Например, берёза в русской культуре – это символ России и чистоты. Рябина ассоциируется с любовью, хотя иногда горькой. Дуб является символом силы и стойкости, а также может быть метафорой нечувствительности. Липа символизирует память и ностальгию, а черёмуха – влюблённость и сентиментальность.

В китайской лингвокультуре символика деревьев более связана с духовными практиками. Чинара (платан) ассоциируется с удачей, считается символом неизменной любви, иногда вызывает чувство печали из-за скоротечности времени. Персик символизирует долголетие и женскую красоту, мэйхуа (слива) – весну и новое начало. Софора связана с властью и долголетием. Красный сандал символизирует статус, богатство, духовную чистоту и спокойствие ума.

Таким образом, можно сделать вывод, что в русской лингвокультуре деревья часто символизируют национальную идентичность, эмоциональные состояния и человеческие качества. В то время как в китайской культуре деревья более связаны с духовностью, социальным статусом и космологическими концепциями. Несовпадения в символическом значении отражают глубокие культурные и исторические различия между двумя народами и подчеркивают важность их понимания при переводе и культурной адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: рябина / Т.А. Агапкина // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Ин-та лингвистических исследований. – 2010 (а). – Т. 6. – № 1. – С. 238–253.
2. Ахматова А.А. Собрание сочинений в 2-х томах / Под ред. Н.Н. Скатова. Составление и подготовка текста М. М. Кралина. Вступ. статья Н.Н. Скатова. – Т. 1. – М.: «Правда», 1990. – 448 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода): Международные отношения. – М. 1975. – 240 с.
4. Би Сюшен. Цвет абрикоса. – М.: СП «Вся Москва», 1992. – 188 с.
5. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – 303 с.
6. Есенин С.А. Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». Сост., подгот. текста и коммент. С.П. Кошечкина, Н.Г. Юсова. – М.: «Наука» – «Голос», 1996. – 544 с.
7. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика / А.О. Иванов. – СПб.: Типография издательства СПбГУ, 2006. – 200 с.
8. Ли Бай Сто избранных лирик / Бай Ли; пер. с кит. и сост. Ли Цзо. – Минск: Мастацкая літаратура, 2012. – 135 с.
9. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 191–199.

10. Национально-культурная специфика концептосфер на материале фразеологических единиц разноструктурных языков: Коллективная монография / Л.Р. Сакаева, Р.Е. Шкилев, Э.Н. Гиляева [и др.]. – Набережные Челны: Лаборатория оперативной полиграфии филиала Казанского (Приволжского) федерального университета, 2011. – 105 с.
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. / Под ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, М.А. Цявловского и др. – М.: Воскресенье, 1994 - 1997.
12. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста: сб. науч. трудов. – Калинин: Изд-во гос. пед. университета, 1983. – С. 35–52.
13. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 359 с.
14. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – Воронеж: Истоки, 2004. – 189 с.
15. Толстой А.Н. Хожение по мукам (из 3 книг). – М.: Просвещение, 1985. – 884 с.
16. 冯未卿 (Фэн Вэйцин). 俄语谚语语言世界图景研究 (Исследование языкового мира русских пословиц). 南京师范大学硕士学位论文. 2008.
17. 彭文钊 (Пэн Вэньчжао). 俄语世界图景的文化释义性研究: 理论与方法 (Культурная интерпретация картины русского мира: методы и теории). D. 黑龙江大学. 2002.
18. 徐志摩 (Сюй Чжимо) 徐志摩全集·第四卷诗歌 (Собрание сочинений). – Тяньцзинь: Тяньцзинь Жэньминь Чубаньшэ. 天津人民出版社, 2005. – Т. 4. – 436 с.
19. 戴浩一 (Дай Хаойи). 概念结构与非自主性语法: 汉语语法概念初探 (Концептуальная структура и произвольная грамматика: предварительное исследование грамматики китайского языка). 当代语言学. 2002.
20. 王兰霞 (Ван Ланься). 俄语谚语中的语言世界图景 (Языковая картина мира в русских пословицах). 中国俄语教学. 2002. No 4.
21. 赵爱国 (Чжао Айгуо). 语言世界图景理论及其研究 (Теория и исследование языковой картины мира). 中国俄语教学. 2004.
22. 郑微莉 (Чжэн Вэйли, Чжоу Цянь) 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司 (Большой словарь китайских идиом). 2019. 2003 с.
23. 郭鸿 (Го Хун) 对符号学的回顾和展望 (Вспоминание и обозрение семиотики: о сущности, сфере и методах исследования семиотики):论符号学的性质、范围和研究方法. 外语与外语教学, 2003 (5). 9-12.
24. 闫小丽 (Ян Сяоли). 俄汉语中包含人体器官词汇的成语中的语言世界图景 (Языковая картина мира в идиомах русского и китайского языков, содержащих соматическую лексику). 山东大学硕士学位论文. 2007.

© Чжао Цзяньчан (ouybarchinm@bk.ru), Линь Сяоин.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ СУБСТИТУЦИЙ В ЗАГОЛОВКАХ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Юсипова Диляра Булатовна

Преподаватель, ФГКВООУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерство обороны Российской Федерации (г. Москва)
yusipova.db@rambler.ru

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF LEXICAL SUBSTITUTIONS IN HEADLINES OF RUSSIAN- AND ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

D. Yusipova

Summary: The article is devoted to the study of one of the most popular means of attracting attention and speech impact in media texts - the technique of phraseological modification by substitution of one or several components of a phraseological phrase. The study is conducted on the material of headlines of Russian- and English-language media discourse. It is noted that three types of phraseological substitutions are distinguished according to the type of relations existing between the substituted and the substituting component of a phraseological phrase: substitutions based on formal similarity, substitutions based on semantic similarity, and substitutions based on contextual relations. Substitutions based on formal similarity of the replaced and substituting components imply the presence of homonymic or paronymic connection between the elements of the canonical form of the stable turn and its modification. The article concludes that the nature of the process of phraseological substitution reveals similarity in Russian and English languages, and the differences in the languages being compared are of a private nature and do not affect the general tendency to the universality of phraseological substitution in the headlines of media discourse.

Keywords: modification, substitution, phraseology, headline, homonym, paronym, media text.

Аннотация: Статья посвящена исследованию одного из наиболее популярных средств привлечения внимания и речевого воздействия в медиатекстах – приему фразеологической модификации субституцией одного или нескольких компонентов фразеологизма. Исследование проводится на материале заголовков русско- и англоязычного медиадискурса. Отмечается, что по типу отношений, существующих между заменяемым и замещающим компонентом фразеологизма, различаются три типа фразеологических субституций: замены, основанные на формальном сходстве, замены по семантическому сходству, и замены, основанные на контекстуальных отношениях. Субституции, основанные на формальном сходстве заменяемого и заменяющего компонентов, предполагают наличие омонимической или паронимической связи между элементами канонической формы устойчивого оборота и его модификации. В статье делается вывод о том, что природа процесса фразеологической субституции обнаруживает сходство в русском и английском языках, а различия в сопоставляемых языках носят частный характер и не влияют на общую тенденцию к универсальности приема фразеологической субституции в заголовках медиадискурса.

Ключевые слова: модификация, субституция, фразеологизм, заголовок, омоним, пароним, медиатекст.

В реалиях современности как никогда заметна роль СМИ как инструмента оказания воздействия на аудиторию и манипулирования общественным сознанием, что обуславливает внимание представителей различных школ и направлений к прагматическому потенциалу языковых средств, используемых в медиатекстах [1; 2; 5; 9].

Анализ специфики языка СМИ возможен через изучение особенностей медиатекста, под которым понимается «разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского я), рассчитанная на массовую аудиторию» [8, с. 15].

Эффективность медиатекста в деле реализации воз-

действующего и манипулятивного потенциала СМИ во многом определяется заголовком. Специфика языкового оформления заголовка определяется его функциональной ролью в сфере массовой коммуникации. Функции, выполняемые заголовками в медиадискурсе – номинативная, информативная, рекламная, графически-выделительная, прагматическая, фатическая и др. [3] – накладывают отпечаток на языковое оформление заголовков.

В фокусе внимания настоящего исследования находится один из популярных приемов создания заголовков медиатекстов – прием лексической субституции.

Лексическая субституция представляет собой один из приемов фразеологической модификации, заключающийся в намеренной замене одного или нескольких

лексических компонентов устойчивого выражения для адаптации высказывания к контексту. По типу отношений, существующих между заменяемым и замещающим компонентом фразеологизма, различаются три типа фразеологических субституций: замены, основанные на формальном сходстве, замены по семантическому сходству, и замены, основанные на контекстуальных отношениях [15, с. 21].

Целью исследования ставится выявление особенностей и сравнительно-сопоставительный анализ субституций, основанных на формальном сходстве, в заголовках русско- и англоязычного медиадискурса.

К субституциям, основанным на формальном сходстве заменяемого лексического компонента оригинальной формы фразеологизма и заменяющего его компонента фразеологизма-модификации, относятся омонимические и паронимические замены.

К модификациям фразеологизмов на основании омонимического сходства относится замена одного из компонентов устойчивого оборота на омоним – слово, одинаковое по звучанию, но не имеющее общих элементов смысла и не связанное ассоциативно с заменяемой лексемой.

В основе модификаций фразеологических единиц субституцией одного из компонентов по формальному сходству лежит каламбур, под которым понимается литературный прием, основанный на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов, тождественных или сходных по звучанию [7, с. 56]. Приведем примеры:

Голль на выдумки хитер [16];

Where there's a Will there's a way – *Jordan's drive sees him thrive in All Blacks* [20].

Заголовки представляют собой примеры каламбуров, в которых для достижения комического эффекта сталкиваются собственное и нарицательное значения слова. В примере заголовка издания «Коммерсант» происходит субституция компонента поговорки *голь на выдумки хитра* на созвучное ему имя собственное французского военного, политического и государственного деятеля Ш. де Голля. В англоязычном заголовке обыгрывается выражение *where there is a will, there is a way* 'было бы желание, а возможность найдется' заменой компонента *will* на омонимичное ему имя собственное.

Анализ заголовков, в которых осуществляется модификация фразеологизмов методом субституции компонента на основании омонимического сходства, демонстрирует, что данный тип модификации характерен для английского языка. Объяснением этому факту служит более высокая степень омонимичности в сравнении с

другими языками, связанная, в первую очередь, с особенностями исторического развития его грамматического строя и звуковой структуры [6, с. 175].

Woodcrafters' new toy a sight for saw eyes [12].

В примере осуществляется субституция компонента устойчивого оборота *a sight for sore eyes* (досл. «вид, приятный больному глазу») 'приятное зрелище, сердцу отрада', авторство которого принадлежит англо-ирландскому писателю Джонатану Свифту. В основе каламбура – заменяемый компонент *sore* и заменяющий *saw*, представляющие собой омографы – слова, звучащие одинаково, но отличающиеся по написанию и значению. Субституция компонента идиомы способствует обновлению ее семантики, что позволяет авторам статьи привлечь внимание читателей новостей.

К модификациям, основанным на паронимическом сходстве, относятся замены компонентов пословицы по частичному сходству звуковой оболочки или морфемного состава замещающего элемента при их полном или частичном семантическом различии. Выразительность модифицированного фразеологизма повышается за счет эффекта новизны от введения компонента и актуализируемых им дополнительных смыслов.

Тень на тень не приходится [17];

Emi Buendia selflessness in Villa victory smells like team spirit to Unai Emery [13].

Примеры модификаций пословицы *день на день не приходится* и крылатого выражения – цитаты из композиции группы Nirvana *Smells Like Teen Spirit* (с англ. «пахнет подростковым духом») демонстрируют один из наиболее продуктивных приемов субституций по формальному признаку – замену согласного звука на согласный. Модификации свидетельствуют о выполняемой заголовками, содержащими субституцию на основании формального сходства, функции адаптации к контексту: семантика модифицированных фразеологизмов меняется и определенным образом «подстраивается» под освещаемые в статье события.

Исследователями ментального лексикона – способов представления и систематизации слов в сознании человека [4], отмечается, что в человеческой памяти лучше закрепляются слова, созвучные по начальным и конечным частям [11, с. 138–140]. В связи с этим объяснимо, что субституции, в которых изменяется только средняя часть слова, быстрее распознаются получателем как модифицированные фразеологизмы.

Друг познается везде: о чем договорились президенты России и Алжира [14];

Cool, calm and connected: Meet New Zealand's top lobbyists [18].

В примерах заголовков происходит замена звуков в

средней части компонентов фразеологических единиц *друг познается в беде* и *cool, calm and collected* 'спокойный, невозмутимый и собранный' при сохранении начальных и финальных частей слова. По утверждению Собковьяка, для максимальной понятности каламбура целесообразно сохранять консонантный скелет устойчивого оборота относительно нетронутым [19, с. 113]. Данный прием выступает одним из наиболее распространенных среди фразеологических субституций в англо- и русскоязычной прессе, что объясняется высокой степенью узнаваемости оригинального устойчивого оборота в субституциях такого типа.

К специфике русскоязычных заголовков относится особый тип фразеологической субституции на основании паронимического сходства – расширение графемного состава заменяемого компонента с использованием лексем из английского языка:

Насильно «Хэппи мил» не будешь: «Вкусно – и точка» нашла, какими игрушками доукомплектовать «Кидз комбо» [10].

В примере заголовка российского издания осуществляется субституция компонента фразеологизма на ос-

новании паронимического сходства с английским словом *meal* 'еда, блюдо'.

Использование субституции как приема фразеологической модификации в заголовках медиатекстов является одним из эффективных средств привлечения внимания аудитории и реализации воздействующего потенциала СМИ. Модификации, основанные на формальном сходстве заменяемого и заменяющего компонентов, предполагают наличие омонимической или паронимической связи между элементами канонической формы устойчивого оборота и его модификации. Природа процесса фразеологической субституции, определяемая объемом типов фразеологизмов, подвергающимся модификации, их структурно-семантическими особенностями и прагматическими функциями в медиатексте, обнаруживает сходство в русском и английском языках. Различия, проявляющиеся в количественном преобладании замен, основанных на омонимическом сходстве в английском языке, или замен, основанных на паронимической замене компонентами-заимствованиями в русском, носят частный характер и не влияют на общую тенденцию к универсальности приема фразеологической субституции в заголовках медиатекстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
2. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиадискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: ИЯ РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 654 с.
3. Корнилова К.Е. Функции заголовков современных журналистских текстов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. 2007. С. 118–119.
4. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
5. Лупанова Е.В., Балканов И.В. Трансграничная динамика англоязычного военного дискурса в период специальной военной операции РФ на Украине // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 11. С. 3745–3750.
6. Мухина Н.Б., Матвеева Н.В. Особенности омонимии в современном английском языке (на материале Concise Oxford English dictionary) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (156). С. 171–176.
7. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. № 3. 1995. С. 56–69.
8. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7–15.
9. Щербак Т.И. Механизмы языковой компрессии в новостных публикациях в Твиттере // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 7. С. 188–191.
10. Adpass. URL: <https://adpass.ru/vkusno-i-tochka-kids-kombo-leo-i-tig/> (дата обращения: 05.02.2024).
11. Aitchison J. Words in the mind: An introduction to the mental lexicon. 3rd ed. Oxford/New York: Basil Blackwell. 2003.
12. Courier mail. URL: <https://www.couriermail.com.au/news/queensland/warwick/woodcrafters-new-toy-a-sight-for-saw-eyes/news-story/19dab9b57c955a4c4e4f51b42f40dfea> (дата обращения: 07.02.2024).
13. Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/sport/football/unai-emery-sean-dyche-emi-buendia-villa-everton-b2289622.html> (дата обращения: 07.02.2024).
14. IZ. URL: https://iz.ru/1529112/liubov-lezhneva/drug-poznaetsia-vezde-o-chem-dogovorilis-prezidenty-rossii-i-alzhira?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 01.02.2024).
15. Jaki S. Phraseological Substitutions in Newspaper Headlines. "More than Meats the Eye". Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014.
16. Kommersant 1. URL: https://www.kommersant.ru/gallery/2493583?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 07.02.2024).
17. Kommersant 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5838777?ysclid=lpwcb9s9oz816630148> (дата обращения: 05.02.2024).

18. NZ herald. URL: <https://www.nzherald.co.nz/business/cool-calm-and-connected-meet-new-zealands-top-lobbyists/LLTZSXA4E6H3TB4MYFZYH4JGNM/> (дата обращения: 07.02.2024).
 19. Sobkowiak W. *Metaphonology of English paronomasic puns*. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1991.
 20. Stuff. URL: <https://www.stuff.co.nz/sport/rugby/all-blacks/300458749/where-theres-a-will-theres-a-way—jordans-drive-sees-him-thrive-in-all-blacks> (дата обращения: 07.02.2024).
-

© Юсипова Диляра Булатовна (yusipova.db@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОНИМОВ В АНГЛИЙСКОЙ НЕВРОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Ягенич Лариса Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент,
Крымский Федеральный университет
имени В.И. Вернадского, Симферополь
yagenich@mail.ru

TO THE QUESTION ABOUT EPONYMS IN ENGLISH NEUROLOGICAL TERMINOLOGY

L. Yagenich

Summary: The society increased interest is actual for saving human health and it also provides the development of linguistic science. The lexical expression of scientific achievements is realized in written scientific texts and it is the way of researches introduction. The author presents the article which is dedicated to the problem of eponyms in neurology, especially in the field of neurodegenerative diseases on the material of English monographs in order to study eponyms that fulfil linguistic and extralinguistic functions, as they expand the list of scientific vocabulary and show the period of research in the way of determining doctors' scientific activity. Understanding of medical terms concept allowed us to indicating diseases. It is described the eponyms classifications and pointed out that mostly doctors' names are used in medical eponyms and they provide the high information richness, and the exact description of clinical conditions. The analysis of English monographs on neurology was performed in order to identify eponymic units which include doctor' names. The results of the study revealed the percentage of the total number of medical terms are about 65% in the medical scientific texts including 35% neurological terms. It is established that neurological terms are expressed by the name of scientists in the field of neurodegenerative diseases in priority.

Keywords: neurology, medical terminology, eponyms, lexical units, extra linguistic factors.

Аннотация: Повышенный интерес общества к сохранению здоровья является обоснованным и способствует развитию лингвистической науки в том числе. Лексическое выражение научных достижений реализуется в письменных текстах и является подтверждением проведения исследований. Автор представляет работу, посвященную изучению эпонимов в неврологии в области нейродегенеративных заболеваний на материале англоязычных статей с целью изучения эпонимов, которые выполняют лингвистические и экстралингвистические функции, поскольку расширяют научный вокабуляр и фиксируют эпоху проведения исследования путём определения периода научной активности учёного. Изучение понятия «медицинские термины» позволило обозначить медицинские эпонимы, указывающие на заболевания. Описаны классификации способов образования терминов-эпонимов. Медицинские эпонимы, часто употребляемые в письменной речи врачей, эффективно в лаконичной форме передают, обеспечивая высокую информационную насыщенность, точное изложение клинических условий. С целью выделения эпонимических единиц, включающих имена ученых и врачей, был выполнен анализ англоязычных монографий по неврологии. По результатам исследования выявлено процентное соотношение общего количества медицинских терминов, встречающихся в текстах, которое составляет 65%, при этом неврологическими терминами являются 35%. Установлено, что неврологические термины приоритетно выражаются именем учёных в сфере нейродегенеративных заболеваний.

Ключевые слова: неврология, медицинская терминология, эпонимы, лексические единицы, экстралингвистические факторы.

Введение

Медицинская наука постоянно развивается и вызывает особый интерес в современном обществе, поскольку её основная задача сохранить и продлить качественно активную жизнь людей. Новые исследования в сфере здравоохранения отражают реализацию новых идей и технологическую модернизацию, что способствует увеличению количества новых терминов и понятий. Одной из характеристик письменного научного текста является употребление терминов. Медицинская терминология представлена совокупностью наименований, которые характеризуют понятия медицины как науки, а также совокупность специальных номенклатурных наименований медицины как сферы профессиональной деятельности [13]. Ряд отечественных и зарубежных лингвистов исследовали терминологию, например: Л.В. Дубровина (изучала особенности стиля научного изложения); С.В. Гринев (оценил перспективы

медицинского терминоведения); Э.Б. Остапенко (произвел лингвистический анализ медицинских терминов); М.В. Новоселова (исследовала терминологию в работах лингвистов 90-х годов XX века).

В макросистему медицинской терминологической лексики входит множество терминологических микросистем, отражающие терминологию узких медицинских направленностей, разных областей медицины. Одним из эффективных способов образования терминов является лексико-семантическое профессиональное ориентирование языковых структур. Объединение совокупности терминов в группы, относящихся к одному значению, обусловленных и взаимосвязанных одним понятием, образует новый концептуальный системный термозлемент, определяющий новизну или явления в определённой сфере человеческой деятельности.

К вопросу о классификации отдельных отраслей ме-

дицинской терминологии обращались учёные [11], исследуя эмоциональную окрашенность медицинского термина. Отражением антропологической картины мира медицинской науки является употребление эпонимической терминологии, которая обеспечивает быстрый обмен информацией, аргументированное обоснование позиций, становление научного мировоззрения врача-учёного.

Каждая область медицины в разной степени использует эпонимические названия, активное формирование их аппарата было в XVI–XIX веках. В греческом языке ἐρῶνιμία (erōnumia) означало имя, отражающее атрибут – данное имя в качестве прозвища. В дальнейшем прилагательное ἐρῶνιμος означало использование имен лиц (эпонимов) или мест (топонимов) для обозначения реальных или вымышленных учёных. С XIX века в медицинской литературе эпонимов становится меньше, поскольку начали возникать вопросы о значимости полученного результата и положительной коннотации. В настоящее время появляются новые термины, отражающие этапы развития медицины, результаты работы учёного или достижения страны в получении новых медицинских знаний. При этом Э. Аронсон [14] определяет, что самыми богатыми научные труды в части употребления эпонимов были 1950-е годы. В рамках данного исследования интерес представляет необходимость проследить в научных трудах диахронию с количественным подтверждением использования неврологических эпонимов, способствующих точной и ёмкой передаче клинической ситуации и состояния пациента.

Объекты и методы исследования

Медицинский термин является результатом теоретического обобщения и должен наиболее точно отражать суть описываемого явления [10], поэтому эпонимы с точки зрения медицинской терминологии имеют и отрицательные характеристики. Они мало информативны, часто громоздки, создают дополнительные синонимические ряды, трудно транслитерируются, транскрибируются; они только обозначают, маркируют научное понятие, но не отражают характерных признаков описываемого объекта и др. Однако именно эпонимы являются одним из самых многочисленных пластов медицинской терминологии. С семантической точки зрения изучение специальных единиц позволяет выделить в профессиональном континууме понятия, мотивированные специальные термины, называемые эпонимами [11]. В эпонимической терминологии свыше шести тысяч врачей из шестидесяти стран зафиксировали собственные имена. Эпонимы в медицинской терминологии в среднем составляют около 10-12% [12]. В большинстве случаев медицинские эпонимы связаны с именем врача, впервые (или наиболее плодотворно) описавшего заболевание, но меньшая часть названа по месту описания

(miner'slung, Legionnaire's disease), по месту воздействия возбудителя (Coalminer'slung, Legionnaire's disease), по библейским (Job'ssyndrome), мифологическим (Ondine's curse) или даже литературным ассоциациям (Lady Windermere syndrome, Pickwick anhabitués) [15]. Следует отметить, что есть медицинские эпонимы названные по имени пациента, страдавшего определённым заболеванием (например, West Syndrome). Помимо этих медицинских эпонимов, существует еще множество терминов, имеющих греческое или латинское происхождение, поскольку греки и римляне первыми начали писать о медицине и заложили многие современные представления о болезнях, диагностике, методах лечения и терапии.

В качестве материала исследования в статье использованы следующие лексикографические издания: эпонимический справочник [1], а также международная англоязычная платформа NCBI [3] и одна из баз данных. Важным источником для поиска значения медицинских эпонимов является платформа Whonamedit, автором которого является О.Д. Энерсен, представляющий полный обзор всех медицинских явлений, с краткой биографией человека, имя которого является одной из составляющих эпонима.

Для достижения нами поставленной цели применялись следующие методы исследования: идентификации, анализ словарных дефиниций, семантического анализа и количественного анализа.

Изучение научной литературы позволило получить подтверждение раннее изученного факта, что эпонимические термины являются одним из способов терминообразования, указывающих на экстралингвистические факторы. Имена учёных, работающих в определённый период времени, остаются в названиях заболеваний, это позволяет проследить историю развития медицинской науки в именах (например, интернет-ресурс, посвященный именам женщин-учёных: <https://worldneurologyonline.com/article/eponymous-women-in-neurology-from-the-history-course-at-the-american-academy-of-neurology-annual-meeting1/>). При изучении имен становится очевидным иллюстрация исторического развития медицинской науки в менах, что подтверждается наличием в научных текстах экстралингвистической информации, обеспечивающей реализацию функции сохранения достоверных фактов посредством терминов, зафиксированных именами врачей, получивших значимые результаты в сфере медицины, например, клятва Гиппократова, болезнь Боткина, Фаллопиевы трубы и др. С осторожностью к сохранению исторического развития медицинской науки, поскольку не все имена учёных имеют эпонимическое выражение в профессиональной области. В рамках данного исследования рассмотрим неврологию как отрасль, создающую впечатление сложности и значимости в сфере здравоохранения.

ранения. Полагаем, что вызывают интерес эпонимы, имеющие отношение к клинической части неврологии. Лингвистические работы зачастую описывают эпонимы анатомии и физиологии, связанные с открытиями более ранними или патологиями, которые являются важными медицинскими знаниями и используются для описания места и патологий. Примерами таких эпонимов могут послужить термины: *Malpighian capillaries* (Мальпигиевы капилляры, 1661) – мелкие кровеносные сосуды в почках, отвечающие за фильтрацию крови; *Broca's area* (пер. область Брока, 1861) – область мозга, отвечающая за производство речи; *Langerhans cells* (клетки Лангерганса, 1869) – иммунные клетки в коже и других тканях; *Meissner's corpuscles* (трупные тельца Мейсснера, 1852) – сенсорные рецепторы в коже, отвечающие за распознавание легкого прикосновения; *Purkinje fibers* (волокна Пуркинью, 1839) – специализированные волокна сердечной мышцы, отвечающие за проведение электрических импульсов.

Цель данной работы выявить активно используемые эпонимы в современной клинической практике. Определения терминов-эпонимов в англоязычных монографиях по неврологии позволит количественно обозначить значимость эпонимов в современных англоязычных научных изданиях, связанных с нейродегенеративными заболеваниями.

Актуальным для нашего исследования определяем термин «эпоним» как элемент отраслевой медицинской терминологии, который характеризует открытие или изобретение, впоследствии имеющее название по имени или фамилии ученого.

Неврология занимается диагностикой, лечением и профилактикой заболеваний нервной системы и травм головы, путём изучения функционирования мозга, спинного мозга и периферических нервов. Главная задача врача – помочь пациентам улучшить качество жизни и способствовать ее продолжительности. Будучи молодой и развивающейся наукой, неврология с 1860 года становится самостоятельной клинической дисциплиной и представлена научными работами в мировой медицинской науке. Интенсивность развития данной науки обоснована жизненными факторами: ритмом, темпом, стрессом, социальными и политическими показателями, что имеет выражение в терминологическом аппарате медицинских клинических состояний человека. Исследование терминов-эпонимов продолжает быть актуальным, поскольку ежегодно фонд медицинской лексики пополняется и обновляется в связи с прогрессивной динамикой медицинской науки.

Результаты и их обсуждение

Анализ неврологических монографий (общим объ-

ёмом 13 печатных листов) показал, что все эпонимы, описывающие заболевания делятся на четыре основные категории: болезни, синдромы, симптоматика и восстановление. Следует отметить, что большие кластеры эпонимов собираются вокруг определенных симптомов, что позволяет выделить определённые группы по происхождению термина. Путём математического подсчёта были получены результаты количественного употребления эпонимов в научном тексте, которые в среднем составляют 21% от всех терминов. Сравнивая количественное употребление эпонимов по столетиям, можем говорить о том, что каждые полвека в арифметической прогрессии идёт увеличение приблизительно на два процента.

Таким образом, метод сплошной выборки позволил выделить эпонимы, представленные именами ученых, врачей или пациентов, увековечивших новые явления или открытия в медицине на определённом этапе развития медицинской науки. При этом следует отметить, что были изучены работы в сфере нейродегенеративных заболеваний [5].

С годами появляются новые книги, переиздаются с дополнениями уже существующие, так как нейронаука и неврология продолжают развиваться и расширять свои границы. При этом существуют разные классификации терминов-эпонимов, рассмотрим три из них: 1) Н.В. Новинская представила классификацию эпонимических названий по семантическому признаку; 2) К.Л. Маилова и О.П. Куйбышева выдвинули классификацию эпонимов по способу образования: существительное + of + имя собственное; имя собственное, трансформирующееся в прилагательное; имя собственное + 's + существительное; 3) Т.Д. Татаренко, А.А. Токпанова, Е.К. Лисариди предложили классификацию эпонимов в медицинской терминологии по происхождению: мифологизмы; библеизмы; термины, включающие имена литературных персонажей; термины, включающие имена больных; термины, включающие имена ученых и врачей.

Анализ монографий по неврологии позволил нам выделить эпонимические термины в сфере неврологии: *Alzheimer's disease*, *Parkinson's disease*, *Corticobasal degeneration*, *Multiple system atrophy*, *Capgras syndrome*, *Dementia with Lewy bodies*, *Parkinson's disease*, *Progressive supranuclear palsy*, *Synucleinopathy*, *Tauopathy*, *Frontotemporal dementia*, *Huntington's disease*, *Lewy body dementias*, *Huntington's disease*, *Creutzfeldt-Jakob disease*, *Behcet's disease*, *Fahr's disease*, *Chronic traumatic encephalopathy*, *Kearns-Sayre syndrome*, *Tay Sachs disease*, *Gaucher's disease type 2 and 3*, *Niemann-Pick disease type C*, *Fabry's disease*, *Kuf's disease*, *Alexander's disease*, *Pelizaeus-Merzbacher disease*, *Whipple's disease*, *Progressive multifocal leukoencephalopathy*, *Wilson's disease*, *Glucose dysregulation*, *Parathyroid dysfunction*, *Addison's disease*,

Cushing's syndrome, Transient epileptic amnesia, Versus b-Amyloid Density, Tau Brain Density, Dementia with Lewy-Bodies, Huntington's Chorea, Nieman-Pick Disease, Chronic Traumatic Encephalopathy, Canavan disease, Pompe's disease, Spinocerebellar ataxia, Lysosomal storage diseases, spinal muscular atrophy, Fragile X-associated tremor/ataxia syndrome, Ataxia telangiectasia, Macular degeneration, Rett syndrome, Sporadic Creutzfeldt-Jakob disease, Aicardi-Goutières syndrome, Autism spectrum disorder, Bipolar Disorder, Schizophrenia.

Среди выявленных медицинских терминов, относящихся к неврологии, а именно к нейродегенеративным заболеваниям – в количестве двадцать семь эпонимических единиц, относятся к группе заболеваний с указанием имени учёного-врача, как один из критериев представленных выше классификацией: по происхождению, например: Parkinson's disease (впервые заболевание описано в 1817 г.), Wilson's disease (в 1854 году представлено немецким патологом), Addison's disease (1855 году описан клинический синдром), Guillain-Barré Syndrome (впервые упомянуто в 1859 году), Huntington's disease (впервые обозначено в 1872 году), Gaucher's disease type 2 and 3 (впервые описано в 1882 г), Tay Sachs disease (впервые синдром описали Tay в 1881 г. И Sachs в 1898 г), Pelizaeus-Merzbacher disease (впервые было описано в 1885), Fabry's disease (описано как отдельное заболевание в 1898 г.), Alzheimer's disease (впервые описано в 1907 году немецким психиатром Алоисом Альцгеймером), Whipple's disease (в 1907 году описано американским патологоанатомом), Dementia with Lewy bodies (описаны тельца Левив в 1912 году), Niemann-Pick Disease (1914), Kuf's disease (заболевание впервые описано в 1920 году), Sporadic Creutzfeldt-Jakob disease (1920), Capgras syndrome (описан французским психиатром в 1923 году), Fahr's disease (впервые описанное в 1930 году), Canavan disease (1931), Pompe's disease (1932), Cushing's syndrome (в 1932 году впервые встречаем), Behcet's disease (заболевание описано в 1937 году), Alexander's disease (упомянуто в 1949 году), Kearns-Sayre syndrome (в 1958 году обозначено как заболевание с характерным клиническим симптоматическим комплексом), Rett syndrome (упомянуто в 1966 году), Thiamine (associated with Wernicke-Korsakoff syndrome) (впервые описано в 1969 г.), Aicardi-Goutières syndrome (заболевание описано в 1984 году), Braak's stages (упомянуто в 2003 году).

Таким образом, при изучении происхождения эпо-

нимических терминов, встречающихся в современных научных монографиях, становится понятной этимология названия заболеваний и очевидным по имени учёного период исследования данной проблемы. Возникает понимание этапов развития неврологии по изученным заболеваниям и представляется возможным проследить, как в геометрической прогрессии происходит развитие медицинской науки с оказанием влияния на обогащение терминологического аппарата в сфере неврологии путём появления эпонимических единиц в письменных научных медицинских текстах на примере англоязычных монографий по неврологии. Мы находим исследование, основанное на запросе PubMed публикаций по неврологии, где представлен анализ ежегодного дополнения эпонимическими терминами с десятилетним порогом. В рамках данного исследования методом математического подсчёта было определено, что в процентном соотношении из общего объема терминов по неврологии 0,3% объёма от общих слов являются медицинскими терминами, а 0,1% представлены эпонимы, непосредственно имеющие отношение к неврологии в области нейродегенеративных заболеваний. Все эти термины включают имена ученых и врачей. Проведенный нами исторический анализ свидетельствует о том, что неврологические эпонимы будут оставаться неотъемлемой частью медицинской клинической практики.

Заключение

В ходе работы освещено понятие медицинских эпонимов, определена их роль в терминообразовании. Был произведен анализ и классификация эпонимических единиц в монографиях по неврологии, на основании которых сделан вывод об актуальности исследуемой проблемы с количественным подтверждением в геометрической прогрессии. Установлено соотношение общего объема слов к количеству терминов, и, соответственно, к эпонимическим единицам. Представлены примеры эпонимов, включающие имена ученых и врачей. Опираясь на полученные данные, можем утверждать, что все медицинские эпонимы в неврологии в сфере нейродегенеративных заболеваний составляют эпонимические единицы, имеющие в составе названия имя исследователя. Эпонимы являются не только частью медицинской терминологии, а также функционируют и сохраняют историю англоязычной медицинской науки и культуры профессиональной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самусев Р.П., Гончаров Н.И. 1989. Эпонимы в морфологии. Справочник. Москва, Медицина, 352 с.
2. Bookshelf. 2000–2023. National Library of Medicine. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/?term=neurology> (accessed: 20.10.2023).
3. National Center for Biotechnology Information. 1988–2023. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/> (accessed: 15.10.2023).

4. Whonamedit? 1938–2008. A dictionary of medical eponyms. Available at: www.whonamedit.com (accessed:2023).
5. Kandel E.R., Schwartz J.H., Jessell T.M. 1991. Principles of Neural Science (3rd ed.). Appleton & Lange, 468 p.
6. Purves D, Augustine G.J, Fitzpatrick D, et al. 2001 Neuroscience (2nd ed.) Sunderland (MA), Sinauer Associates, 810 p. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK10799/>
7. Simon R.P., Aminoff M.J., Greenberg D.A. 1993 Clinical Neurology (4th ed.). Stamford, CT: Appleton & Lange, 404 p.
8. Carter R. 2009 The Human Brain Book. New York, DK. 264 p.
9. Crossman A.R., Neary D. 2000 Neuroanatomy: An Illustrated Colour Text. Churchill Livingstone, 2000, 189 p.
10. Варнавская Е.В. 2009. Статус и функционирование эпонимов в медицинской терминологии испанского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 23 с.
11. Казарина С.Г., Гуляева Т.Ю. 2022. Эпонимические термины как фрагменты терминосистем подязыка медицины. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 15(12): 3837–3842. DOI: 10.30853/phil20220708
12. Кондратьев Д.К. 2008. Современная медицинская эпонимическая терминология. Журнал Гродненского государственного медицинского университета, 3 (23): 129–131.
13. Кравченко Е.В. 2023. Лексико-семантические способы формирования терминов в сфере медицины на материале испанских СМИ. Вестник науки, 1(7(64)): 128–134. URL: <https://www.xn----8sbempclcw3bmt.xn--p1ai/archiv/journal-7-64-1.pdf> (дата обращения: 11.11.2023).
14. Aronson J.K. 2014. Medical eponyms: taxonomies, natural history, and the evidence. The BMJ (Clinical research ed.), 349: g7586. DOI: 10.1136/bmj.g7586
15. Daille B., Habert B., Jacquemin Ch., Royaute J. 1996. Empirical observation of term variations and principles for their description. Terminology, 3(2): 197–257. DOI: 10.1075/term.3.2.02dai

© Ягенич Лариса Викторовна (yagenich@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Abdina R.** – Candidate of Philology, senior researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History
- Abdullina L.** – candidate of Philology, Associate professor, Kazan (Volga region) Federal University
- Abdurakhmanov H.-B.** – PhD student, Chechen State Pedagogical University Grozny, Chechen Republic
- Agoeva M.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Pyatigorsk Institute, Branch of FSAEI of Higher Education "North-Caucasus Federal University"
- Arzhannikov M.** – Cand. of Sc., associate professor, FSBEI HI "Altai State Medical University" of the Ministry of Health of Russia, City of Barnaul
- Atamanova N.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor FSBEI HE "Bryansk State University" named after academician I.G. Petrovsky"
- Balakin S.** – Doctorate of Linguistics Science, Associated Professor, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg
- Beliaeva Iu.** – Senior Lecturer, St. Petersburg State Agrarian University
- Chang Jui-Cheng** – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Department of Slavic Languages & Literatures, National Chengchi University, Taiwan Taipei
- Degtyarova N.** – Kuban State University
- Deneko M.** – PhD in education science, Associate professor of philosophy and intercultural communication Department MTUCI, Moscow Technical University of Communications and Informatics
- Dmitrieva E.** – Associate Professor, Orenburg State University
- Erzhibova F.** – Senior Lecturer, Kabardino-Balkarian State University named after H.M.Berbekov
- Fedorova T.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor FSBEI HE "Bryansk State University" named after academician I.G. Petrovsky"
- Fursina A.** – PhD in Chemistry, assistant professor, Krasnodar Higher Military Flight School
- Gao Yuan** – PhD candidate Herzen State Pedagogical University of Russia
- Gavrilova A.** – candidate of Philological Sciences, docent, teacher of the German language of the highest qualification grade State autonomous professional educational institution of Saratov Oblast "Industrial and Economic College of Engels"
- Ge Gen** – PhD student, St. Petersburg State University
- Gerashimova O.** – Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Our authors

- Golik N.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor FSBEI of Higher Education «Pyatigorsk State University»
- Goncharova O.** – Associate Professor, Armavir State Pedagogical University
- Guznova A.** – Ph.D., Associate Professor of the Department of Humanities, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics
- Ishaeva O.** – Senior lecturer at the Federal State Educational Institution of Higher Education (MIIT) Russia, Moscow
- Karimov T.** – C. h. s., senior scientific researcher, Institute of History. Sh. Marjani AS RT (Kazan)
- Khadzhimuradova A.** – postgraduate student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Chechen State Pedagogical University" Grozny
- Khamurzova A.** – Ph.D., Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M.Berbekov
- Kishteeva O.** – candidate of cultural studies, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Khakass State University named after. N.F. Katanov"
- Klikushina T.** – PhD in Philology, associate professor, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of Rostov State University of Economics (RSUE) (Rostov University of National Economy (RUNE))
- Klimova N.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Pyatigorsk Institute, Branch of FSAEI of Higher Education "North-Caucasus Federal University"
- Konchenko T.** – Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University
- Kondalova N.** – PhD in History, Senior lecturer, MIREA – Russian Technological University (Moscow)
- Kool O.** – PhD in Philology, assistant professor, Krasnodar Air Force Institute for Pilots
- Krepkogorskaya E.** – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov (IUE)
- Kresova A.** – Gymnasium No. 1, Sochi named after R.A. Filatova
- Kresova N.** – The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
- Kuptsova S.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russian State Pedagogical University n.a. A. I. Herzen (St. Petersburg)
- Kuznetsova E.** – Teacher, Oriental University (Moscow)

Larionova V. – Teacher, Municipal Autonomous Institution of Additional Education of the city of Reutov "Children's Music School No. 1", Reutov, Moscow region, Russia

Latypova I. – Candidate of Philology, associate Professor, Kazan Federal University

Lavrova I. – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Order of the Red Banner of Labor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Technical University of Communications and Informatics"

Leonova S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of Management Technologies MIREA Russian Technological University (Moscow, Russia)

Li Jiani – postgraduate student, Ural Federal University, Yekaterinburg

Lin Xiaoying – MA student, Shanxi University

Lukina M. – candidate of Philology, Associate professor, Kazan (Volga region) Federal University

Malaya O. – Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

Malkandueva A. – Ph.D., Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Martyanichev A. – Ph.D. Sc., associate professor of the department of "Occupational Safety and Health Safety" Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics

Mullinova T. – PhD in Philology, assistant professor, Krasnodar Air Force Institute for Pilots

Nemtinova A. – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, The Institute of Asian and African Studies

Nesterova A. – Teacher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Oksuzyan D. – student of the Institute of International Relations Kazan (Volga region) Federal University

Pankova T. – Associate Professor, Voronezh State University

Petrenko T. – Senior Lecturer at the Federal State Educational Institution of Higher Education (MIIT) Russia, Moscow

Pozdnyakov V. – postgraduate student, Education State University of Education

Prudnikova M. – Sochi State University

Pupyreva S. – Senior Lecturer, Kazan Federal University

Raspopova T. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor FSBEI HE "Bryansk State University" named after academician I.G. Petrovsky"

Ravochkin N. – Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev, Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov

Ryabova T. – PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department St. -Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

Ryabtseva M. – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Siberian State Industrial University Novokuznetsk

Shchitova N. – PhD in Philology, associate professor, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of Rostov State University of Economics (RSUE) (Rostov University of National Economy (RUNE))

Sitdikova G. – Cand. Sc. (Pedagogy), associate professor, Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov (IUE)

Sotnikov A. – Associate Professor, State University of Education Moscow

Su Ke – Postgraduate student, Moscow State University named after M. Lomonosov

Timofeeva T. – assistant professor, Primorsky SATU (Ussuriisk)

Tyurina T. – Candidate of Philology, associate professor, Voino - Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

Valeeva R. – Cand. Sc. (Pedagogy), Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov (IUE)

Vinogradova D. – Teacher Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Wang Shuoying – postgraduate, Lomonosov Moscow State University

Yagenich L. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol

Yusipova D. – Lecturer, Alexander Nevsky Military University of Russian Ministry of Defence, Moscow

Zhao Dongyang – Postgraduate, Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky», Nizhny Novgorod, Russia

Zhao Jianchang – Doctor of Sciences (Philology), professor, Shanxi University

Zuev A. – Candidate of historical sciences, Associate Professor the of private law departments, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).